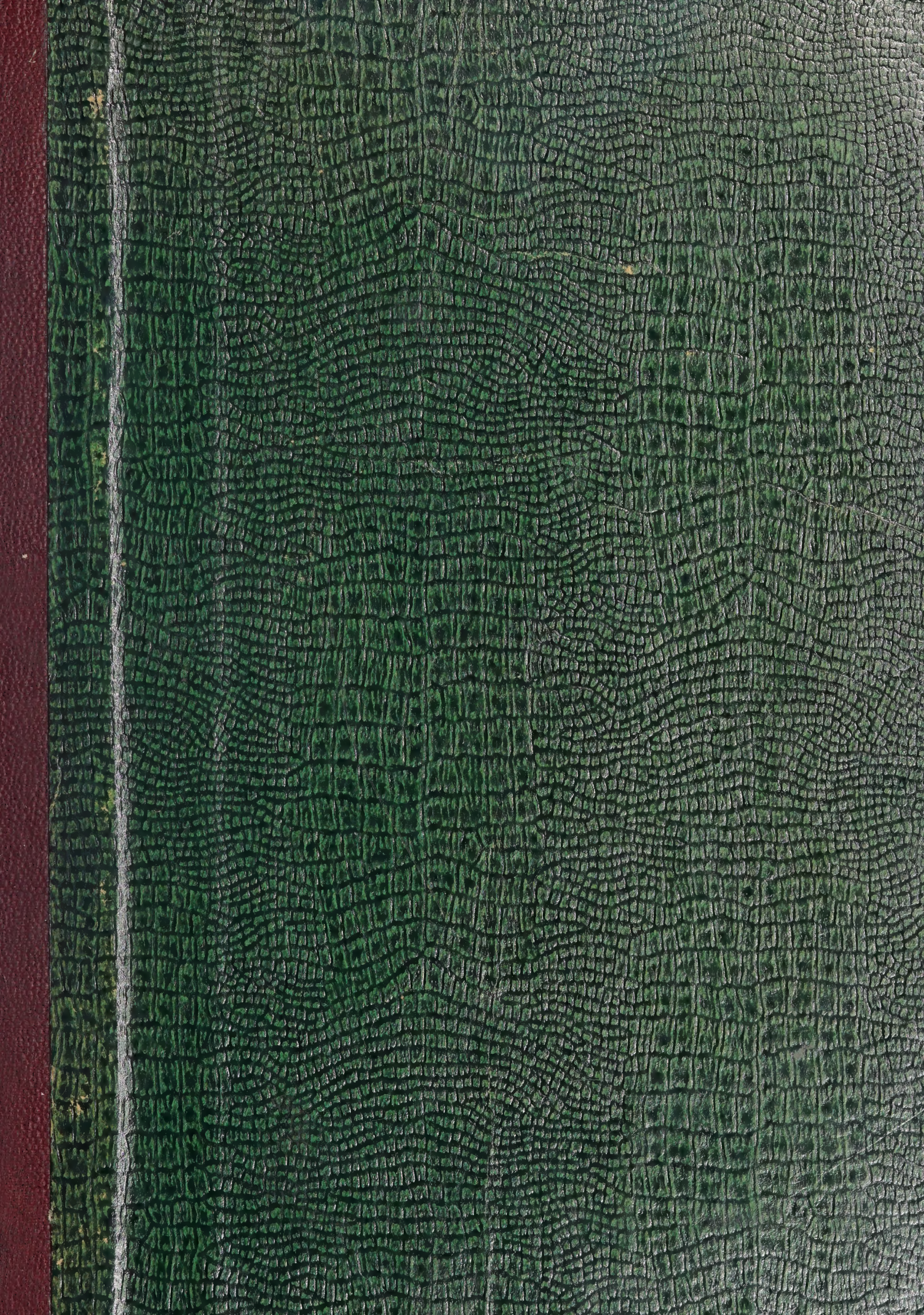
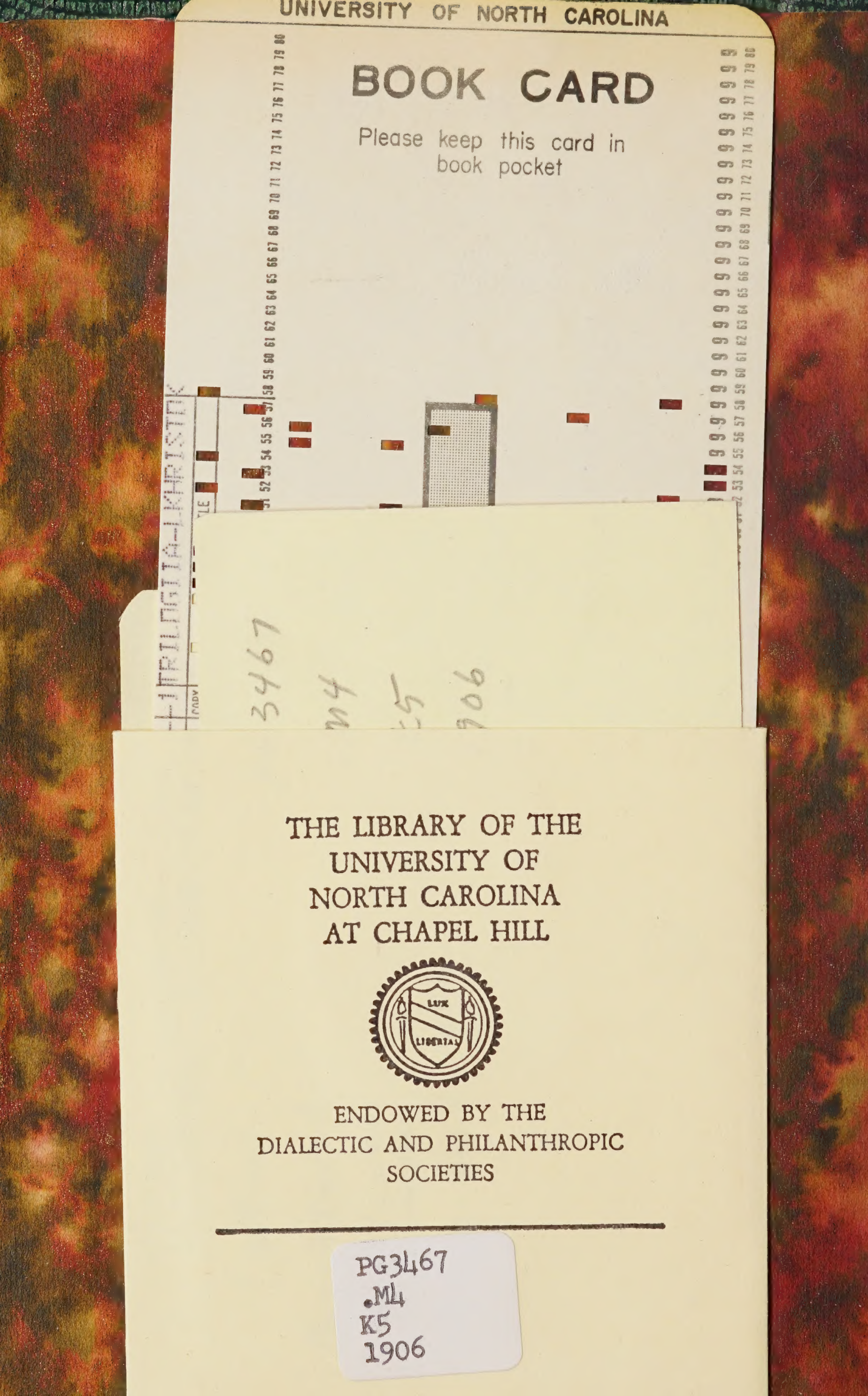
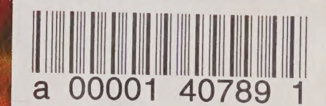

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket

a 00001 40789 1

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Trilogiia

ТРИЛОГІЯ

Khristos i antikhrist
tom. III

ХРИСТОСЪ И АНТИХРИСТЪ

ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ

I. **СМЕРТЬ БОГОВЪ** (ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ)

II. **ВОСКРЕСШІЕ БОГИ** (ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ)

III. **АНТИХИСТЪ** (ПЕТРЪ и АЛЕКСѢЙ)

III

АНТИХРИСТЪ

(ПЕТРЪ и АЛЕКСѢЙ)

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНЕ М. В. ПИРОЖКОВА
1906

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
Вознесенскій пр. 3.

ПЕРВАЯ КНИГА

Читая, не перегибайте
книгу: корешокъ
рвется, листы
выпадаютъ.
Содѣйствуйте дѣлу
библіотеки, но не
разрушайте его.

Петербургская Венера

I

— Антихристъ хочетъ быть. Самъ онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ еще, а щенятъ его народилось—полна поднебесная. Дѣти отцу своему подстилаютъ путь. Все на лицо антихристово строятъ. А какъ устроятъ, да вычистятъ гладко вездѣ, такъ самъ онъ въ свое время и явится. При дверяхъ уже—скоро будетъ!

Это говорилъ старикъ лѣтъ пятидесяти въ оборванномъ подъяческомъ кафтанѣ молодому человѣку въ китайчатомъ шлафрокѣ и туфляхъ на босую ногу, сидѣвшему за столомъ.

— И откуда вы все это знаете? — произнесъ молодой человѣкъ.—Писано: ни Сынъ, ни ангелы не вѣдаютъ. А вы знаете...

Онъ помолчалъ, зѣвнулъ и спросилъ:

— Изъ раскольниковъ, что-ли?

— Православный.

— Въ Петербургъ зачѣмъ пріѣхалъ?

— Съ Москвы взятъ изъ домишку своего съ приходными и расходными книгами, по доношенію фискальному во взяткахъ.

— Бралъ?

— Бралъ. Не изъ неволи или отъ какого воровства, а по любви и по совѣсти, сколько кто дастъ за труды наши приказные.

Онъ говорилъ такъ просто, что, видно было, въ самомъ дѣлѣ не считалъ взятки грѣхомъ.

— И ко обличенію вины моей онъ, фискалъ, ничего не донесъ. А только по запискамъ подрядчиковъ, которые во многіе годы по небольшому давали, насчитано оныхъ дачъ на меня 215 рублевъ, а мнѣ платить нечѣмъ. Нищъ есмь, старъ, скорбенъ, и убогъ, и увѣченъ, и ми́зеренъ, и приказныхъ дѣлъ нести не могу—бью челомъ объ отставкѣ. Ваше премилосердное высочество, призри благоутробіемъ щедротъ своихъ, заступись за старца беззаступнаго, да освободятъ отъ онаго платежа неправеднаго. Смилуйся, пожалуй, государь царевичъ Алексѣй Петровичъ!

Царевичъ Алексѣй встрѣтилъ этого старика нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Петербургѣ, въ церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, что̀ близъ рѣчки Фонтанной и Шереметевскаго двора на Литейной. Замѣтивъ его по необычной для приказныхъ, давно не бритой, сѣдой бородѣ и по истовому чтенію Псалтыри на клиросѣ, царевичъ спросилъ, кто онъ, откуда и какого чина. Старикъ назвалъ себя подъячимъ Московскаго Артиллерійскаго приказа, Ларіономъ Докукинымъ; пріѣхалъ онъ изъ Москвы и остановился въ домѣ просвирни той же Симеоновской церкви; упомянулъ о нищетѣ своей, о фискальномъ доношеніи; а также, едва не съ первыхъ словъ—объ антихристѣ. Старикъ показался царевичу жалкимъ. Онъ велѣлъ ему придти къ себѣ на домъ, чтобы помочь совѣтомъ и деньгами.

Теперь Докукинъ стоялъ передъ нимъ, въ своемъ оборваномъ кафтанишкѣ, похожій на нищаго. Это былъ самый обыкновенный подьячій изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ чернильными душами, приказными строками. Жесткія, точно окаменѣлыя, морщины, жесткій, холодный взглядъ маленькихъ тусклыхъ глазъ, жесткая запущенная сѣдая борода, лицо

сѣрое, скучное, какъ тѣ бумаги, которыя онъ переписывалъ; корпѣлъ, корпѣлъ надъ ними, должно быть, лѣтъ тридцать въ своемъ приказѣ, бралъ взятки съ подрядчиковъ по любви да по совѣсти, а можетъ быть, и кляузничалъ,—и вотъ до чего вдругъ додумался: антихристъ хочетъ быть.

„Ужъ не плутъ ли?“—усумнился царевичъ, вглядываясь въ него пристальнѣе. Но ничего плутовскаго или хитраго, а скорѣе что-то простодушное и безпомощное, угрюмое и упрямое было въ этомъ лицѣ, какъ у людей, одержимыхъ одною неподвижною мыслью.

— Я еще и по другому дѣлу изъ Москвы пріѣхалъ,— добавилъ старикъ и какъ будто замялся. Неподвижная мысль съ медленнымъ усиліемъ проступала въ жесткихъ чертахъ его. Онъ потупилъ глаза, пошарилъ рукою за пазухой, вытащилъ оттуда завалившіяся за подкладку сквозь карманную прорѣху бумаги и подалъ ихъ царевичу.

Это были двѣ тоненькія засаленыя тетрадки въ четвертую долю, исписанныя крупно и четко, подьяческимъ почеркомъ.

Алексѣй началъ ихъ читать разсѣянно, но потомъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ вниманіемъ.

Сперва шли выписки изъ святыхъ отцовъ, пророковъ и Апокалипсиса объ антихристѣ, о кончинѣ міра. Затѣмъ— воззваніе къ „архипастырямъ великой Россіи и всей вселенной“, съ мольбою простить его, Докукина, „дерзость и грубость, что мимо ихъ отеческаго благословенія написалъ сіе отъ многой скорби своей и жалости, и ревности къ церкви“, а также заступиться за него передъ царемъ и прилежно упросить, чтобъ онъ его помиловалъ и выслушалъ.

Далѣе слѣдовала, видимо, главная мысль Докукина:

„Повелѣно человѣку отъ Бога самовластну быть“.

И наконецъ—обличіе государя Петра Алексѣевича:

„Нынѣ же всѣ мы отъ онаго божественнаго дара—самовластной и свободной жизни отрѣзаемы, а также домовъ и торговъ, землевладѣльства и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ и древле установленныхъ законовъ,

паче же и всякаго благочестія христіанскаго лишаемы. Изъ дома въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ гонимы, оскорбляемы и озлобляемы. Весь обычай свой и языкъ, и платье измѣнили, головы и бороды обрили, персоны свои ругательски обезчестили. Нѣтъ уже въ насъ ни доброты, ни вида, ни различія съ иновѣрными; но до конца смѣсилися съ ними, дѣламъ ихъ навыкли, а свои христіанскіе обѣты опровергли и святыя церкви опустошили. Отъ Востока очи смежили: на Западъ ноги въ бѣгство обратили, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пошли и въ землѣ забвенія погибли. Чужихъ установили, всѣми благами угобзили, а своихъ, природныхъ гладомъ поморили и, бьючи на правежахъ, несносными податями до основанія разорили. Иное же и сказать неудобно, удобнѣе устамъ своимъ ограду положить. Но весьма сердце болитъ, видя опустошеніе Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами!".

„Все же сіе,—говорилось въ заключеніе,—творятъ намъ за имя Господа нашего Іисуса Христа. О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре и оружіемъ Креста вооружитесь на силу антихристову! Потерпите Господа ради, мало еще потерпите! Не оставитъ насъ Христосъ, Ему же слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь".

— Для чего ты это писалъ?—спросилъ царевичъ, дочитавъ тетрадки.

— Одно письмо такое же намедни подкинулъ у Симеоновской церкви на паперти,—отвѣчалъ Докукинъ.—Да то письмо, найдя, сожгли и государю не доносили и розыску не дѣлали. А эту молитву прибить хочу у Троицы, возлѣ дворца государева, чтобъ всѣ, кто бы ни читалъ, что̀ въ ней написано, знали о томъ и донесли бы его царскому величеству. А написалъ сіе во исправленіе, дабы нѣкогда, пришедъ въ себя, его царское величество исправился.

„Плутъ!—опять промелькнуло въ головѣ Алексѣя.—А можетъ быть, и доносчикъ! И догадалъ меня чортъ связаться съ нимъ!"

— А знаешь ли, Ларіонъ,—сказалъ онъ, глядя ему прямо въ глаза,—знаешь ли, что о семъ твоемъ возмутительномъ и бунтовскомъ писаніи я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшкѣ донести имѣю? Воинскаго же Устава по артикулу двадцатому: кто противъ его величества хулительными словами погрѣшитъ, тотъ живота лишенъ и отсѣченіемъ головы казненъ будетъ.

— Воля твоя, царевичъ. Я и самъ думалъ было съ тѣмъ явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Онъ сказалъ это такъ же просто, какъ только что̀ говорилъ о взяткахъ. Еще пристальнѣе вглядѣлся въ него царевичъ. Передъ нимъ былъ все тотъ же обыкновенный подъячій, приказная строка; все тотъ же холодный тусклый взглядъ, скучное лицо. Только въ самой глубинѣ глазъ опять зашевелилось что-то медленнымъ усиліемъ.

— Въ умѣ ли ты, старикъ? Подумай, что ты дѣлаешь. Попадешь въ гарнизонный застѣнокъ—тамъ съ тобой шутить не будутъ: за ребро повѣсятъ, да еще прокоптятъ, какъ вашего Гришку Талицкаго.

Талицкій былъ одинъ изъ проповѣдниковъ конца міра и второго пришествія, утверждавшій, что государь Петръ Алексѣевичъ—антихристъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ казненный страшною казнью копченія на медленномъ огнѣ.

— За помощью Божьей готовъ и духъ свой предать,—отвѣтилъ старикъ.—Когда не нынѣ, умремъ же всячески. Надобно бы что̀ доброе сдѣлать, съ чѣмъ бы предстать передъ Господа, а то безъ смерти и мы не будемъ.

Онъ говорилъ все такъ же просто; но что̀-то было въ спокойномъ лицѣ его, въ тихомъ голосѣ, что̀ внушало увѣренность, что этотъ отставной артиллерійскій подъячій, обвиняемый во взяткахъ, дѣйствительно пойдетъ на смерть, не ужасаясь, какъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ мучениковъ, о которыхъ онъ упоминалъ въ своей молитвѣ.

„Нѣтъ,—рѣшилъ вдругъ царевичъ,—не плутъ и не доносчикъ, а либо помѣшанный, либо въ самомъ дѣлѣ мученикъ!“

Старикъ опустилъ голову и прибавилъ еще тише, какъ будто про себя, забывъ о собесѣдникѣ:

— Повелѣно отъ Бога человѣку самовластну быть.

Алексѣй молча всталъ, вырвалъ листокъ изъ тетрадки, зажегъ его о горѣвшую въ углу передъ образами лампадку, вынулъ отдушникъ, открылъ дверцу печки, сунулъ туда бумаги, подождалъ, мѣшая кочергой, чтобъ онѣ сгорѣли до тла, и когда остался лишь пепелъ—подошелъ къ Докукину, который, стоя на мѣстѣ, только глазами слѣдилъ за нимъ,—положилъ руку на плечо его и сказалъ:

— Слушай, старикъ. Никому я на тебя не донесу. Вижу, что ты человѣкъ правдивый. Вѣрю тебѣ. Скажи: хочешь мнѣ добра?

Докукинъ не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на него такъ, что не нужно было отвѣта.

— А коли хочешь, выкинь дурь изъ головы! О бунтовскихъ письмахъ и думать не смѣй—не такое нынче время. Ежели попадешься, да узнаютъ, что ты былъ у меня, такъ и мнѣ худо будетъ. Ступай съ Богомъ и больше не приходи никогда. Ни съ кѣмъ не говори обо мнѣ. Коли спрашивать будутъ, молчи. Да уѣзжай-ка поскорѣй изъ Петербурга. Смотри же, Ларіонъ, будешь помнить волю мою?

— Куда намъ изъ воли твоей выступить?—проговорилъ Докукинъ.—Видитъ Богъ, я тебѣ вѣрный слуга до смерти.

— О доносѣ фискальномъ не хлопочи, — продолжалъ Алексѣй.—Я слово замолвлю, гдѣ надо. Будь покоенъ, тебя освободятъ отъ всего. Ну, ступай... или нѣтъ, постой, давай платокъ.

Докукинъ подалъ ему большой синій клѣтчатый, полинялый и дырявый, такой же „ми́зерный“, какъ самъ его владѣлецъ, носовой платокъ. Царевичъ выдвинулъ ящикъ маленькой орѣховой конторки, стоявшей рядомъ со столомъ, вынуль оттуда, не считая, серебромъ и мѣдью рублей двадцать—для нищаго Докукина цѣлое сокровище—завернулъ деньги въ платокъ и отдалъ съ ласковой улыбкою.

— Возьми на дорогу. Какъ вернешься въ Москву, закажи молебенъ въ Архангельскомъ и частицу вынь за здравіе раба Божія Алексѣя. Только смотри, не проговорись, что за царевича.

Старикъ взялъ деньги, но не благодарилъ и не уходилъ. Онъ стоялъ попрежнему, опустивъ голову. Наконецъ, поднялъ глаза и началъ было торжественно, должно быть, заранѣе приготовленную рѣчь:

— Какъ древле Самсону утолилъ Богъ жажду чрезъ ослиную челюсть, такъ и нынѣ тотъ же Богъ не учинитъ ли черезъ мое неразуміе тебѣ, государь, нѣчто полезное и прохладительное?

Но вдругъ не выдержалъ, голосъ его пресѣкся, торжественная рѣчь оборвалась, губы задрожали, весь онъ затрясся и повалился въ ноги царевичу.

— Смилуйся, батюшка! Послушай насъ бѣдныхъ, вопіющихъ, послѣднихъ рабовъ твоихъ! Порадѣй за вѣру христіанскую, воздвигни и досмотри, даруй церкви миръ и единомысліе. Ей, государь царевичъ, дитятко красное, церковное, солнышко ты наше, надежда Россійская! Тобой хочетъ весь міръ просвѣтиться, о тебѣ люди Божіи расточенные радуются! Если не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ? Пропали, пропали мы всѣ безъ тебя, родимый. Смилуйся!

Онъ обнималъ и цѣловалъ ноги его съ рыданіемъ. Царевичъ слушалъ, и ему казалось, что въ этой отчаянной мольбѣ доносится къ нему мольба всѣхъ погибающихъ, „оскорбляемыхъ и озлобляемыхъ“—вопль всего народа о помощи.

— Полно-ка, полно, старикъ,—проговорилъ онъ, наклонившись къ нему и стараясь поднять его.—Развѣ я не знаю, не вижу? Развѣ не болитъ мое сердце за васъ? Одно у насъ горе. Гдѣ вы, тамъ и я. Коли дастъ Богъ, на царствѣ буду—все сдѣлаю, чтобъ облегчить народъ. Тогда и тебя не забуду: мнѣ вѣрные слуги нужны. А пока терпите да молитесь, чтобы скорѣе далъ Богъ совершеніе—буде же воля Его святая во всемъ!

Онъ помогъ ему встать. Теперь старикъ казался очень дряхлымъ, слабымъ и жалкимъ. Только глаза его сіяли такою радостью, какъ будто онъ уже видѣлъ спасеніе Россіи.

Алексѣй обнялъ и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Прощай, Ларіонъ. Дастъ Богъ, свидимся, Христосъ съ тобой!

Когда Докукинъ ушелъ, царевичъ сѣлъ опять въ свое кожаное кресло, старое, прорванное, съ волосяною обивкою, торчавшею изъ дыръ, но очень покойное, мягкое, и погрузился не то въ дремоту, не то въ оцѣпенѣніе.

Ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, худъ и узокъ въ плечахъ, со впалою грудью; лицо тоже узкое, до странности длинное, точно вытянутое и заостренное книзу, старообразное и болѣзненное, со смугложелтымъ цвѣтомъ кожи, какъ у людей, страдающихъ печенью; ротъ очень маленькій и жалобный, дѣтскій; непомѣрно большой, точно лысый, крутой и круглый лобъ, обрамленный жидкими косицами длинныхъ, прямыхъ черныхъ волосъ. Такія лица бываютъ у монастырскихъ служекъ и сельскихъ дьячковъ. Но когда онъ улыбался, глаза его сіяли умомъ и добротою. Лицо сразу молодѣло и хорошѣло, какъ будто освѣщалось тихимъ внутреннимъ свѣтомъ. Въ эти минуты напоминалъ онъ дѣда своего, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича въ молодости.

Теперь, въ грязномъ шлафрокѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ на босую ногу, заспанный, не бритый, съ пухомъ въ волосахъ, онъ мало похожъ былъ на сына Петра. Съ похмѣлья послѣ вчерашней попойки проспалъ весь день и всталъ недавно, только передъ самымъ вечеромъ. Черезъ дверь, отворенную въ сосѣднюю комнату, видна была неубранная постель со смятыми огромными пуховиками и несвѣжимъ бѣльемъ.

На рабочемъ столѣ, за которымъ онъ сидѣлъ, валялись въ безпорядкѣ заржавѣвшіе и запыленные математи-

ческіе инструменты, старинная сломанная кадиленка съ ладаномъ, табачная терка, пеньковыя пипки, коробочка изъ-подъ пудры для волосъ, служившая пепельницей; вороха бумагъ и груды книгъ въ такомъ же безпорядкѣ: рукописныя замѣтки ко всемирной Лѣтописи Боронія покрывала кучу картузнаго табаку; на страницѣ раскрытой, растерзанной, съ оборваннымъ корешкомъ, *Книги именуемой Геометрія или Землемѣріе радиксомъ и циркулемъ къ наученію мудролюбивыхъ тщателей*, лежалъ недоѣденный соленый огурецъ; на оловянной тарелкѣ—обглоданная кость и липкая отъ померанцевой настойки рюмка, въ которой билась и жужжала муха. И по стѣнамъ съ ободранными, замараными шпалерами изъ темно-зеленой травчатой клеенки, и по закоптѣлому потолку, и по тусклымъ стекламъ оконъ не выставленныхъ, несмотря на жаркій конецъ іюня—всюду густыми черными роями жужжали, кишѣли и ползали мухи.

Мухи жужжали надъ нимъ. И въ умѣ его сонныя мысли роились какъ мухи. Онъ вспомнилъ драку, которой кончилась вчерашняя попойка. Жибанда ударилъ Засыпку, Засыпка—Захлюстку, и отецъ Адъ и Грачъ съ Молохомъ свалились подъ столъ; это были прозвища, данныя царевичемъ его собутыльникамъ, „за домовную издѣвку“. И самъ онъ, Алексѣй Грѣшный—тоже прозвище—кого-то билъ и дралъ за волосы, но кого именно, не помнитъ. Тогда было смѣшно, а теперь гадко и стыдно.

Голова разбаливалась. Выпить бы еще померанцовой, опохмѣлиться. Да лѣнь встать, позвать слугу, лѣнь двинуться. А сейчасъ надо одѣваться, напяливать узкій мундирный кафтанъ, надѣвать шпагу, тяжелый парикъ, отъ котораго еще сильнѣе болитъ голова, и ѣхать въ Лѣтній садъ на маскарадное сборище, гдѣ велѣно быть всѣмъ „подъ жестокимъ штрафомъ“.

Со двора доносились голоса дѣтей, игравшихъ въ веревочку и въ стрякотки-блякотки. Больной взъерошенный чижикъ въ клѣткѣ надъ окномъ изрѣдка чирикалъ жалобно. Маятникъ высокихъ, стоячихъ съ курантнымъ боемъ, англій-

скихъ часовъ — давнишній подарокъ отца — тикалъ однообразно. Изъ комнатъ верхняго жилья слышались унылыя безконечныя гаммы, которыя разыгрывала на дребезжащемъ, стареньком нѣмецкомъ клавесинѣ жена Алексѣя, кронпринцесса Софія Шарлотта, дочь Вольфенбюттельскаго герцога. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ вчера, пьяный, ругалъ ее Жибандѣ и Захлюсткѣ: „вотъ жену мнѣ на шею чертовку навязали: какъ-де къ ней не приду, все сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить. Эдакая фря нѣмецкая!“—„Не хорошо,—подумалъ онъ.—Много я пьяный лишнихъ словъ говорю, а потомъ себя очень зазираю“... И чѣмъ она виновата, что ее почти ребенкомъ насильно выдали за него? И какая она фря? Больная, одинокая, покинутая всѣми на чужой сторонѣ, такая же несчастная, какъ онъ. И она его любитъ—можетъ быть, она одна только и любитъ его. Онъ вспомнилъ, какъ они намедни поссорились. Она закричала: „послѣдній сапожникъ въ Германіи лучше обращается со своею женою, чѣмъ вы!“ Онъ злобно пожалъ плечами: „Возвращайтесь же съ Богомъ въ Германію!“... —„Да, если бы я не была“... и не кончила, заплакала, указывая на свой животъ—она была беременна. Какъ сейчасъ видитъ онъ эти припухшіе, блѣдно-голубые глаза и слезы, которыя, смывая пудру—только что бѣдняжка нарочно для него припудрилась—струятся по некрасивому, со слѣдами оспы, чопорному, еще болѣе подурнѣвшему и похудѣвшему отъ беременности и такому жалкому, дѣтски-безпомощному лицу. Вѣдь онъ и самъ любитъ ее, или, по крайней мѣрѣ, жалѣетъ по временамъ внезапною и безнадежною, острою до боли, нестерпимою жалостью. Зачѣмъ же онъ мучитъ ее? Какъ не грѣшно ему, не стыдно? Дастъ онъ за нее отвѣтъ Богу.

Мухи одолѣли его. Косой, горячій, красный лучъ заходящаго солнца, ударяя прямо въ окно, рѣзалъ глаза.

Онъ передвинулъ, наконецъ, кресло, повернулся спиною къ окну и уставился глазами въ печку. Эта была огромная, съ рѣзными столбиками, узорчатыми впадинками и

..., голландская печь изъ русскихъ кафельныхъ ...скованныхъ по угламъ мѣдными гвоздиками. ...сно-зелеными и темно-фіолетовыми красками по-...о выведены были разные затѣйливые звѣри, ..., растенія — и подъ каждой фигуркой славян-...ми подпись. Въ багровомъ лучѣ краски горѣли ...ю яркостью. И въ тысячный разъ съ тупымъ ...мъ царевичъ разглядывалъ эти фигурки и пере-...одписи. Мужикъ съ балалайкой: *музыку умно-*...ѣкъ въ креслѣ съ книгою: *пользую себя;* ...асцвѣтающій: *духъ его сладокъ;* старикъ на ...передъ красавицей: *не хочу стараго любити;* ...ая подъ кустами: *совѣтъ нашъ благъ съ тобою;* и ...рѣзинская баба, и французскіе комедіанты, и попы, ки-тайскій съ японскимъ, и Діана, и сказочная птица Мал-кофея.

А мухи все жужжатъ, жужжатъ; и маятникъ тикаетъ; и чижикъ уныло пищитъ; и гаммы доносятся сверху и крики дѣтей со двора. И острый, красный лучъ солнца тупѣетъ, темнѣетъ. И разноцвѣтныя фигурки движутся. Французскіе комедіанты играютъ въ чехарду съ березин-скою бабою; японскій попъ подмигиваетъ птицѣ Малкофеѣ, И все путается, глаза слипаются. И если бы не эта огромная липкая черная муха, которая уже не въ рюмкѣ а въ головѣ его жужжитъ и щекочетъ, то все было бы хорошо, спокойно, и ничего бы не было, кромѣ тихой, темной, красной мглы.

Вдругъ онъ вздрогнулъ весь и очнулся. „Смилуйся, батюшка, надежда Россійская!“ — прозвучало въ немъ съ потрясающей силою. Онъ оглянулъ неряшливую комнату, себя самого — и какъ рѣжущій глаза, багровый лучъ солнца, залилъ ему лицо, обжегъ его стыдъ. Хороша „на-дежда Россійская!“ Водка, сонъ, лѣнь, ложь, грязь и этотъ вѣчный подлый страхъ передъ батюшкой.

Неужели поздно? Неужели кончено? Стряхнуть бы ..., уйти, бѣжать! „Пострадать за слово Христово,—

прозвучали въ немъ опять слова Докукина. — Человѣ... повелѣно отъ Бога самовластну быть". О да, скорѣ... нимъ, пока еще не поздно! Они зовутъ и ждутъ его, „... ственные мученики".

Онъ вскочилъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ х... куда-то бѣжать, что-то рѣшить, что-то сдѣлать безво... ное—и замеръ весь въ ожиданіи, прислушиваясь.

Въ тишинѣ загудѣли мѣднымъ, медленнымъ, ... чимъ гуломъ курантнаго боя часы. Пробило девя... когда послѣдній ударъ затихъ, дверь тихонько скрипнула, и въ нее просунулась голова камердинера, старика Ивана Аѳанасьича Большаго.

— Ѣхать пора. Одѣваться прикажете? — проворчалъ онъ, по своему обыкновенію, съ такою злобною угрюмостью, точно обругалъ его.

— Не надо. Не поѣду,—сказалъ Алексѣй.

— Какъ угодно. А только всѣмъ велѣно быть. Опять станутъ батюшка гнѣваться.

— Ну, ступай, ступай, — хотѣлъ было прогнать его царевичъ, но взглянувъ на эту взъерошенную голову съ пухомъ въ волосахъ, съ такимъ же не бритымъ, измятымъ, заспаннымъ лицомъ, какъ у него самого, вдругъ вспомнилъ, что это вѣдь его-то, Аѳанасьича, онъ и дралъ вчера за волосы.

Долго царевичъ смотрѣлъ на старика съ тупымъ недоумѣніемъ, словно только теперь проснулся окончательно.

Послѣдній красный отблескъ потухъ въ окнѣ, и все сразу посѣрѣло, какъ будто паутина, спустившись изъ всѣхъ закоптѣлыхъ угловъ, наполнила и заткала комнату сѣрою сѣткою.

А голова въ дверяхъ все еще торчала, какъ прилѣпленная, не подаваясь ни взадъ, ни впередъ.

— Такъ прикажете одѣваться, что ли? — повторилъ Аѳанасьичъ съ еще большею угрюмостью.

Алексѣй безнадежно махнулъ рукою.

— Ну все равно, давай!

итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Боги, какъ будто только что снявъ парики да шитые кафтаны, богини— кружевные фантанжи да робропы и, точно сами удивляясь не совсѣмъ приличной наготѣ своей, походили на жеманныхъ кавалеровъ и дамъ, наученныхъ „поступи французскихъ учтивствъ“ при дворѣ Людовика XIV или герцога Орлеанскаго.

По одной изъ боковыхъ аллей сада, по направленію отъ большого пруда къ Невѣ, шелъ царевичъ Алексѣй. Рядомъ съ нимъ ковыляла смѣшная фигурка на кривыхъ ножкахъ, въ потертомъ нѣмецкомъ кафтанѣ, въ огромномъ парикѣ, съ выраженіемъ лица растеряннымъ, ошеломленнымъ, какъ у человѣка, внезапно разбуженнаго. Это былъ цейхдиректоръ оружейной канцеляріи и новой типографіи, первый въ Петербургѣ городкѣ печатнаго дѣла мастеръ, Михайло Петровичъ Аврамовъ.

Сынъ дьячка, семнадцатилѣтнимъ школьникомъ, прямо отъ Часослова и Псалтыри, онъ попалъ на торговую шняву, отправляемую изъ Кроншлота въ Амстердамъ съ грузомъ дегтя, юфти, кожи и десятка „россійскихъ младенцевъ“, выбранныхъ изъ „ребятъ, которые поостряе“, въ науку за море, по указу Петра. Научившись въ Голландіи отчасти геометріи, но больше миѳологіи, Аврамовъ „былъ тамошними жителями похваленъ и печатными курантами опубликованъ“. Отъ природы не глупый, даже „вострый“ малый, но, какъ бы разъ навсегда изумленный, сбитый съ толку слишкомъ внезапнымъ переходомъ отъ Псалтыри и Часослова къ баснямъ Овидія и Виргилія, онъ уже не могъ придти въ себя. Съ чувствами и мыслями его произошло нѣчто подобное родимчику, который дѣлается у перепуганныхъ со сна, маленькихъ дѣтей. Съ той поры такъ и осталось на лицѣ его это выраженіе вѣчной растерянности, ошеломленности.

— Государь-царевичъ, ваше высочество, я тебѣ какъ самому Богу исповѣдуюсь,—говорилъ Аврамовъ однообразнымъ плачущимъ голосомъ, точно комаръ жужжалъ.—Зазн-

раетъ меня совѣсть, что поклоняемся, будучи христіанами, идоламъ языческимъ...

— Какимъ идоламъ?—удивился царевичъ.

Аврамовъ указалъ на стоявшія, по обѣимъ сторонамъ аллеи, мраморныя статуи.

— Отцы и дѣды ставили въ домахъ своихъ и при путяхъ иконы святыя; мы же стыдимся того, но безстыдные поставляемъ кумиры. Иконы Божьи имѣютъ въ себѣ силу Божью; подобно тому и въ идолахъ, иконахъ бѣсовыхъ, пребываетъ сила бѣсовская. Служили мы доднесь единому пьянственному богу Бахусу, нареченному Ивашкѣ Хмельницкому, во всешутѣйшемъ соборѣ съ княземъ-папою; нынѣ же и всескверной Венусъ, блудной богинѣ, служить собираемся. Называютъ служенія тѣ машкерадами, и не мнятъ грѣха, понеже, говорятъ, самихъ тѣхъ боговъ отнюдь въ натурѣ нѣтъ, болваны же ихъ бездушные въ домахъ и огородахъ не для чего-де иного, какъ для украшенія, поставляются. И въ томъ весьма, съ конечной пагубой души своей, заблуждаются, ибо натуральное и сущее бытіе сіи ветхіе боги имѣютъ...

— Ты вѣришь въ боговъ? — еще больше удивился царевичъ.

— Вѣрю, ваше высочество, свидѣтельству святыхъ отцовъ, что боги суть бѣсы, кои, изгнаны именемъ Христа распятаго изъ капищъ своихъ, побѣжали въ мѣста пустыя, темныя, пропастныя и угнѣздились тамъ, и притворили себя мертвыми и какъ бы не сущими — до времени. Когда же оскудѣло древнее христіанство, и новое прозябло нечестіе, то и боги сіи ожили, повыползли изъ норъ своихъ: точь въ точь какъ всякое непотребное червіе и жужелица и прочая ядовитая гадина, излѣзая изъ яицъ своихъ, людей жалитъ, такъ бѣсы изъ ветхихъ сихъ идоловъ — личинъ своихъ исходя, христіанскія души уязвляютъ и погубляютъ. Помнишь ли, царевичъ, видѣніе иже во святыхъ отца Исаакія? Благолѣпные дѣвы и отроки, ихъ же лица были аки солнце, ухватя преподобнаго за руки, начали съ нимъ скакать и

плясать подъ сладчайшіе гласы мусикійскіе и, утрудивъ его, оставили еле жива и, такъ поругавшись, исчезли. И позналъ святой авва, что были то ветхіе боги эллино-римскіе—Іовишъ, Меркуріушъ, Апóлло и Венусъ, и Бахусъ. Нынѣ и намъ, грѣшнымъ, являются бѣсы въ подобныхъ же видахъ. А мы любезно пріемлемъ ихъ и въ гнусныхъ мáшкерахъ, смѣсившись съ ними, скачемъ и пляшемъ, да всѣ вкупѣ въ преглубокій тартаръ вринемся, какъ стадо свиное въ пучину морскую, не помышляя того, невѣжды, сколь страшнѣйшіе суть самыхъ скаредныхъ и черныхъ эѳіопскихъ рожъ сіи новые, лѣпообразные, солнцеподобные, бѣлые черти!

Въ саду, несмотря на іюньскую ночь, было почти темно. Небо заволакивали низкія, черныя, душныя, грозовыя тучи. Иллюминаціи еще не зажигали, праздникъ не начинался. Воздухъ былъ тихъ, какъ въ комнатѣ. Зарницы или очень далекія безгромныя молніи вспыхивали, и съ каждою вспышкою въ голубоватомъ блескѣ вдругъ выдѣлялись почти ослѣпительною, рѣжущей глазъ бѣлизною мраморныя статуи на черной зелени шпалеръ по обѣимъ сторонамъ аллеи, точно вдругъ бѣлые призраки выступали и потомъ опять исчезали.

Царевичъ, послѣ того, что слышалъ отъ Аврамова, смотрѣлъ на нихъ уже съ новымъ чувствомъ. „А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, точно бѣлые черти!“

Послышались голоса. По звуку одного изъ нихъ, негромкому, сиповатому, а также по красной точкѣ угля, горѣвшаго, должно быть, въ глиняной голландской трубкѣ—высота этой точки обличала исполинскій ростъ курильщика—царевичъ узналъ отца.

Быстро повернулъ онъ за уголъ аллеи въ боковую дорожку лабиринта изъ кустовъ сирени и букса. „Будто заяцъ въ кусты шмыгнулъ!“ подумалъ тотчасъ со злобою объ этомъ движеніи своемъ, почти непроизвольномъ, но все же унизительно трусливомъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ ты такое говоришь, Абрамка!— продолжалъ онъ съ притворною досадою, чтобы скрыть

свой стыдъ. — Въ умѣ ты, видно, отъ многаго чтенія зашелся.

— Сущую истину говорю, ваше высочество,—возразилъ Аврамовъ, не обижаясь.—Самъ я на себѣ позналъ ту нечистую силу боговъ. Подустилъ меня сатана у батюшки твоего, государя, Овидіевыхъ и Виргиліевыхъ книжицъ просить для печатанія. Одну изъ оныхъ, съ абрисами скверныхъ боговъ и прочаго ихъ сумасброднаго дѣйства, я ужъ въ печать издалъ. И съ той поры обезумился и впалъ въ ненасытный блудъ, и отступила отъ меня сила Господня, и стали мнѣ являться въ сонныхъ видѣніяхъ всякіе боги, особливо же Бахусъ и Венусъ...

— Какимъ подобіемъ? — спросилъ царевичъ не безъ любопытства.

— Бахусъ—подобіемъ тѣмъ, какъ персона еретика Мартына Лютера пишется — нѣмецъ краснорожій, брюхо что пивная бочка. Венусъ же сначала дѣвкою гулящею прикинулась, съ коей, живучи въ Амстердамѣ, свалялся я блудно: тѣло голое, бѣлое, какъ кипень, уста червленыя, очи похабныя. А потомъ, какъ очнулся я въ предбанникѣ, гдѣ и приключилась мнѣ та пакость—обернулась лукавая вѣдьма отца-протопопа дворовою дѣвкою Акулькою и, ругаючи, что мѣшаю-де ей въ банѣ париться, нагло меня по лицу мокрымъ вѣникомъ съѣздила и, выскочивъ на дворъ, въ сугробъ снѣга—дѣло было зимою — повалилась и тутъ же по вѣтру порошею развѣялась.

— Да это, можетъ быть, Акулька и была!.. — разсмѣялся царевичъ.

Аврамовъ хотѣлъ что-то возразить, но вдругъ замолчалъ.

Опять послышались голоса, опять зардѣлась въ темнотѣ красная, точно кровавая, точка. Узкая тропа темнаго лабиринта опять свела сына съ отцомъ въ мѣстѣ, слишкомъ узкомъ, чтобы разойтись. У царевича и тутъ еще мелькнула было отчаянная мысль—спрятаться, проскользнуть, или опять шмыгнуть зайцемъ въ кусты. Но было поздно. Петръ увидѣлъ его издали и крикнулъ:

— Зоонъ!

По-голландски зоонъ значитъ сынъ. Такъ называлъ онъ его только въ рѣдкія минуты милости. Царевичъ удивился тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время отецъ пересталъ говорить съ нимъ вовсе, не только по-голландски, но и по-русски.

Онъ подошелъ къ отцу, снялъ шляпу, низко поклонился и поцѣловалъ сначала полу его кафтана — на Петрѣ былъ сильно поношенный темно-зеленый преображенскій полковничій мундиръ съ красными отворотами и мѣдными пуговицами—потомъ жесткую мозолистую руку.

— Спасибо, Алеша!—сказалъ Петръ, и отъ этого давно не слыханнаго „Алеша" сердце Алексѣя дрогнуло.—Спасибо за гостинецъ. Въ самую нужную пору пришелся. Мой-то вѣдь дубъ, что плотами съ Казани плавили, бурей на Ладогѣ разбило. Такъ, ежели бъ не твой подарокъ, съ новымъ-то фрегатомъ и къ осени бы, чай, не управились. Да и лѣсъ-отъ — самый добрый, крѣпкій что твое желѣзо. Давно я этакаго изряднаго дуба не видывалъ!

Царевичъ зналъ, что нельзя ничѣмъ угодить отцу такъ, какъ хорошимъ корабельнымъ лѣсомъ. Въ своей наслѣдственной вотчинѣ, въ Порѣцкой волости Нижегородскаго края, давно уже тайно ото всѣхъ берегъ онъ и лелѣялъ прекрасную рощу, на тотъ случай, когда ему особенно понадобится милость батюшки. Провѣдавъ, что въ Адмиралтействѣ скоро будетъ нужда въ дубѣ, срубилъ рощу, сплавилъ ее плотами на Неву, какъ разъ во время, и подарилъ отцу. Это была одна изъ тѣхъ маленькихъ, робкихъ, иногда неумѣлыхъ, услугъ, которыя онъ оказывалъ ему прежде часто, теперь все рѣже и рѣже. Онъ, впрочемъ, не обманывалъ себя—зналъ, что и эта услуга, такъ же какъ всѣ прежнія, будетъ скоро забыта, что и эту случайную, мгновенную ласку отецъ выместитъ на немъ же впослѣдствіи еще большею суровостью.

И все-таки лицо его вспыхнуло отъ стыдливой радости, сердце забилось отъ безумной надежды. Онъ пролепе-

ѣталъ что-то безсвязное, чуть слышное, въ родѣ того, что „всегда для батюшки радъ стараться“, и хотѣлъ еще разъ поцѣловать руку его. Но Петръ обѣими руками взялъ его за голову. На одно мгновеніе царевичъ увидѣлъ знакомое, страшное и милое лицо, съ полными, почти пухлыми щеками, со вздернутыми и распушенными усиками — „какъ у кота Котабрыса“, говорили шутники — съ прелестною улыбкою на извилистыхъ, почти женственно-нѣжныхъ губахъ; увидѣлъ большіе темные, ясные глаза, тоже такіе страшные, такіе милые, что когда-то они снились ему, какъ снятся влюбленному отроку глаза прекрасной женщины; почувствовалъ съ дѣтства знакомый запахъ—смѣсь крѣпкаго кнастера, водки, пота и еще какого-то другого не противнаго, но грубаго солдатскаго казарменнаго запаха, которымъ пахло всегда въ рабочей комнатѣ—„конторкѣ“ отца; почувствовалъ тоже съ дѣтства знакомое, жесткое прикосновеніе не совсѣмъ гладко выбритаго подбородка съ маленькой ямочкой посерединѣ, такою странною, почти забавною на этомъ грозномъ лицѣ; ему казалось, а можетъ быть, снилось только, что ребенкомъ, когда отецъ бралъ его къ себѣ на колѣни, онъ цѣловалъ эту смѣшную ямочку и говорилъ съ восхищеніемъ: „совсѣмъ, какъ у бабушки!“

Петръ, цѣлуя сына въ лобъ, сказалъ на своемъ ломанномъ голландскомъ языкѣ:

— Good bewaare ù! Да хранитъ васъ Богъ!

И это немного чопорное, голландское „вы“ вмѣсто „ты“ показалось Алексѣю обаятельно любезнымъ.

Все это увидѣлъ онъ, почувствовалъ, какъ въ блескѣ зарницы. Зарница потухла—и все исчезло. Уже Петръ уходилъ отъ него, — какъ всегда, подергивая судорожно плечомъ, закидывая голову, сильно, по-солдатски размахивая на ходу правою рукою, своимъ обыкновеннымъ шагомъ, такимъ быстрымъ, что спутники, чтобы поспѣть за нимъ, должны были почти бѣжать.

Алексѣй пошелъ въ другую сторону все по той же узкой тропѣ темнаго лабиринта. Аврамовъ не отставалъ отъ

него. Онъ опять заговорилъ, теперь объ архимандритѣ Александро-Невской Лавры, царскомъ духовникѣ Ѳеодосіи Яновскомъ, котораго Петръ, назначивъ „администраторомъ духовныхъ дѣлъ“, поставилъ выше перваго сановника церкви, престарѣлаго намѣстника патріаршаго престола, Стефана Яворскаго, и котораго многіе подозрѣвали въ „люторствѣ“, въ тайномъ замыслѣ упразднить почитаніе иконъ, мощей, соблюденіе постовъ, монашескій чинъ, патріаршество и прочіе уставы православной церкви. Иные полагали, что Ѳеодосій, или попросту Ѳедоска, мечтаетъ сдѣлаться самъ патріархомъ.

— Сей Ѳедоска, сущій аѳеистъ, къ тому жъ и дерзкій поганецъ,—говорилъ Аврамовъ,—вкрадшися въ многоутружденную святую душу монарха и обольстя его, смѣло разоряетъ преданія и законы христіанскіе, славолюбное и сластолюбное вводитъ эпикурское, паче же свинское, житіе. Онъ же, бѣснующійся ересіархъ, съ чудотворной иконы Богородицы Казанской вѣнецъ ободралъ: „ризничій, дай ножъ!“ кричалъ и рѣзалъ проволоку, и золотую цату рвалъ чеканной работы, и клалъ себѣ въ карманъ при всѣхъ нагло. И съ плачемъ всѣ зрящіе дивились такому похабству его. Онъ же, злой сосудъ и самый пакостникъ, отъ Бога отвергся, рукописаніе бѣсамъ далъ и Спасовъ образъ и Животворящій Крестъ потоптать, шаленый козелъ, и поплевать хотѣлъ...

Царевичъ не слушалъ Аврамова. Онъ думалъ о своей радости и старался заглушить разумомъ эту неразумную, какъ теперь ему казалось, ребяческую радость. Чего онъ ждетъ? На что надѣется? Примиренія съ отцомъ? Возможно ли оно, да и хочетъ ли онъ самъ примиренія? Не произошло ли между ними то, чего нельзя забыть, нельзя простить? Онъ вспомнилъ, какъ только что прятался съ подлою заячьей трусостью; вспомнилъ Докукина, его обличительную молитву противъ Петра и множество другихъ, еще болѣе страшныхъ, неотразимыхъ обличеній. Не за себя одного онъ возсталъ на отца. И вотъ, однако, достаточно

было нѣсколькихъ ласковыхъ словъ, одной улыбки — и сердце его снова размягчилось, растаяло — и онъ уже готовъ упасть къ ногамъ отца, все забыть, все простить, молить самъ о прощенiи, какъ будто онъ виноватъ; готовъ за одну еще такую ласку, за одну улыбку отдать ему снова душу свою. „Да неужели же,—подумалъ Алексѣй почти съ ужасомъ,—неужели я его такъ люблю?“

Аврамовъ все еще говорилъ, точно безсонный комаръ жужжалъ въ ухо. Царевичъ вслушался въ послѣднiя слова его:

— Когда преподобный Митрофанiй Воронежскiй увидѣлъ на кровлѣ дворца царева Бахуса, Венусъ и прочихъ боговъ кумиры: „пока-де, сказалъ, государь не прикажетъ свергнуть идоловъ, народъ соблазняющихъ, не могу войти въ домъ его“. И царь почтилъ святителя, велѣлъ убрать идоловъ. Такъ прежде было. А нынѣ кто скажетъ правду царю? Не Ѳедоска ли пренечестивый, иконы нарицающiй идолами, идоловъ творящiй иконами? Увы, увы намъ! До того дошло, что въ самый сей день, въ сей часъ, ниспровергнувъ образъ Богородицы, на мѣсто его воздвигаетъ онъ бѣсоугодную и блудотворную икону Венусъ. И государь, твой батюшка...

— Отвяжись ты отъ меня, дуракъ! — вдругъ злобно крикнулъ царевичъ. — Отвяжитесь вы всѣ отъ меня! Чего хнычете, чего лѣзете ко мнѣ? Ну васъ совсѣмъ...

Онъ выругался непристойно.

— Какое мнѣ дѣло до васъ? Ничего я не знаю, да и знать не хочу! Ступайте къ батюшкѣ жаловаться: онъ васъ разсудитъ!..

Они подходили къ Шкиперской площадкѣ, у фонтана въ Средней аллеѣ. Здѣсь было много народу. На нихъ уже смотрѣли и прислушивались.

Аврамовъ поблѣднѣлъ, какъ будто присѣлъ и съежился, глядя на него своимъ растеряннымъ взглядомъ—взглядомъ перепуганнаго со сна ребенка, у котораго вотъ-вотъ сдѣлается родимчикъ.

Алексѣю стало жаль его.

— Ну небось, Петровичъ, — сказалъ онъ съ доброю улыбкою, которая похожа была на улыбку не отца, а дѣда, Тишайшаго Алексѣя Михайловича, — небось, не выдамъ! Я знаю, ты любишь меня... и батюшку. Только впередъ не болтай-ка лишняго...

И съ внезапною тѣнью, пробѣжавшей по лицу его, прибавилъ тихо:

— Коли ты и правъ, что толку въ томъ? Кому нынѣ правда нужна? Плетью обуха не перешибешь. Тебя... да и меня никто не послушаетъ.

Между деревьями блеснули первые огни иллюминаціи: разноцвѣтные фонарики, плошки, пирамиды сальныхъ свѣчей въ окнахъ и между точеными столбиками сквозной крытой галлереи надъ Невою.

Тамъ уже, какъ значилось въ реляціи празднества, „убрано было зѣло церемоніально, съ превеликимъ довольствомъ во всемъ“.

Галлерея состояла изъ трехъ узкихъ и длинныхъ бесѣдокъ. Въ главной, средней — подъ стекляннымъ куполомъ, нарочно устроеннымъ французскимъ архитекторомъ Леблономъ, готово было почетное мѣсто — мраморное подножіе для Петербургской Венеры.

III

„Венусъ купилъ, — писалъ Беклемишевъ Петру изъ Италіи. — Въ Римѣ ставятъ ее за-велико. Ничѣмъ не разнится отъ Флорентинской (Медичейской) славной, но еще лучше. У незнаемыхъ людей попалась. Нашли, какъ рыли фундаментъ для новаго дома. 2000 лѣтъ въ землѣ проле-

жала. Долго стояла у папы въ саду Ватиканскомъ. Хоронюсь отъ охотниковъ. Опасаюсь о выпускѣ. Однако, она— уже вашего величества“.

Петръ черезъ своего повѣреннаго, Савву Рагузинскаго и кардинала Оттобани велъ переговоры съ папою Климентомъ XI, добиваясь разрѣшенія вывезти купленную статую въ Россію. Папа долго не соглашался. Царь готовъ былъ похитить Венеру. Наконецъ, послѣ многихъ дипломатическихъ обходовъ и происковъ, разрѣшеніе было получено.

„Господинъ капитанъ,—писалъ Петръ Ягужинскому,— лучшую статую Венусъ отправить изъ Ливорны сухимъ путемъ до Инзбрука, а оттоль Дунаемъ водою до Вѣны, съ нарочнымъ провожатымъ, и въ Вѣнѣ бъ адресовать оную вамъ. А понеже сія статуя, какъ самъ знаешь, и тамъ славится, того для сдѣлать въ Вѣнѣ каретный станокъ на пружинахъ, на которомъ бы лучше можно было ее отправить до Кракова, чтобъ не повредить чѣмъ, а отъ Кракова можно отправить паки водою“.

По морямъ и рѣкамъ, черезъ горы и равнины, города и пустыни, и, наконецъ, черезъ русскія бѣдныя селенья, дремучіе лѣса и болота, всюду бережно хранимая волей царя, качаясь то на волнахъ, то на мягкихъ пружинахъ, въ своемъ темномъ ящикѣ, какъ въ колыбели или въ гробу, совершала богиня далекое странствіе изъ Вѣчнаго Города въ новорожденный городокъ Петербургъ.

Когда она благополучно прибыла, царь, какъ ни хотѣлось ему поскорѣе взглянуть на статую, которой онъ такъ долго ждалъ, и о которой такъ много слышалъ, — все же побѣдилъ свое нетерпѣніе и рѣшился не откупоривать ящика до перваго торжественнаго явленія Венусъ на праздникѣ въ Лѣтнемъ саду.

Шлюпки, верейки, ботики, эверсы и прочія „новоманерныя суда“ подъѣзжали къ деревянной лѣсенкѣ, спускавшейся прямо къ водѣ, и причаливали къ вбитымъ у берега сваямъ съ желѣзными кольцами. Пріѣхавшіе, выйдя изъ

лодокъ, подымались по лѣсенкѣ въ среднюю галлерею, гдѣ при огняхъ иллюминаціи уже густѣла, шумѣла, и двигалась нарядная толпа: кавалеры—въ цвѣтныхъ шелковыхъ и бархатныхъ кафтанахъ, треуголкахъ, при шпагахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, съ высокими каблуками, въ пышныхъ, пирамидальныхъ, съ неестественно роскошными буклями, черныхъ, бѣлокурыхъ, рѣже пудреныхъ парикахъ; дамы—въ широчайшихъ круглыхъ юбкахъ на китовомъ усѣ—робронахъ, „на самый послѣдній Версальскій манеръ“, съ длинными „шелёпами“—шлейфами, съ румянами и мушками на лицѣ, съ кружевными фантажами, перьями и жемчугами на волосахъ. Но въ блестящей толпѣ попадались и простые, изъ грубаго солдатскаго сукна, военные мундиры, даже матросскія и шкиперскія куртки, и пахнущіе дегтемъ, смазные сапоги, и кожаные треухи голландскихъ корабельщиковъ.

Толпа разступилась передъ страннымъ шествіемъ: дюжіе царскіе гайдуки и гренадеры несли на плечахъ съ трудомъ, сгибаясь подъ тяжестью, длинный узкій черный ящикъ, похожій на гробъ. Судя по величинѣ гроба, покойникъ былъ нечеловѣческаго роста. Ящикъ поставили на полъ.

Государь, одинъ, безъ чужой помощи, принялся его откупоривать. Плотничьи и столярные инструменты такъ и мелькали въ привычныхъ рукахъ Петра. Онъ торопился и выдергивалъ гвозди съ такимъ нетерпѣніемъ, что оцарапалъ себѣ руку до крови.

Всѣ столпились, тѣснясь, приподымаясь на цыпочки, заглядывая съ любопытствомъ другъ другу черезъ плечи и головы.

Тайный совѣтникъ Петръ Андреичъ Толстой, долго жившій въ Италіи, человѣкъ ученый, къ тому же и сочинитель—онъ первый въ Россіи началъ переводить Метаморфозы Овидія—разсказывалъ окружавшимъ его дамамъ и дѣвицамъ о развалинахъ древняго храма Венеры.

— Проѣздомъ будучи въ Каштель-ди-Байя близъ Неаполя, видѣлъ я божницу во имя сей богини Венусъ. Го-

родъ весь развалился, и мѣсто, гдѣ былъ тотъ городъ, поросло лѣсомъ. Божница сдѣлана изъ плинѳовъ, архитектурою изрядною, со столпами великими. На сводахъ множество напечатано поганскихъ боговъ. Видѣлъ тамъ и другія божницы—Діаны, Меркурія, Бахуса, коимъ въ мѣстахъ тѣхъ проклятый мучитель Неронъ приносилъ жертвы и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ...

Петръ Андреичъ открылъ перламутровую табакерку—на крышкѣ изображены были три овечки и пастушокъ, который развязываетъ поясъ спящей пастушкѣ—поднесъ табакерку хорошенькой княгинѣ Черкасской, самъ понюхалъ и прибавилъ съ томнымъ вздохомъ:

— Въ ту свою бытность въ Неаполѣ я, какъ сейчасъ помню, инаморатъ былъ въ нѣкую славную хорошествомъ читадинку Франческу. Болѣе 2000 червонныхъ мнѣ стоила. Ажно и до сей поры изъ сердца моего тотъ ȁморъ выйти не можетъ...

Онъ такъ хорошо говорилъ по-итальянски, что пересыпалъ и русскую рѣчь итальянскими словами: инаморатъ—вмѣсто влюбленъ, читадинка—вмѣсто гражданка.

Толстому было семьдесятъ лѣтъ, но казалось не больше пятидесяти, такъ онъ былъ крѣпокъ, бодръ и свѣжъ. Любезностью съ дамами могъ бы „заткнуть за поясъ и молодыхъ охотниковъ до Венусъ“, по выраженію царя. Бархатная мягкость движеній, тихій бархатный голосъ, бархатная нѣжная улыбка, бархатныя, удивительно-густыя, черныя, едва ли, впрочемъ, не крашенныя брови: „бархатный весь, а жальце есть“, говорили о немъ. И самъ Петръ, не слишкомъ осторожный со своими „птенцами“, полагалъ, что „когда имѣешь дѣло съ Толстымъ, надо держать камень за пазухой“. На совѣсти этого „изящнаго и превосходительнаго господина“ было не одно темное, злое и даже кровавое дѣло. Но онъ умѣлъ хоронить концы въ воду.

Послѣдніе гвозди погнулись, дерево затрещало, крышка поднялась, и ящикъ открылся. Сначала увидѣли что-то сѣрое, желтое, похожее на пыль истлѣвшихъ въ гробѣ ко-

стей. То были сосновыя стружки, опилки, войлокъ, шерстяные очески, положенные для мягкости.

Петръ разгребалъ ихъ, рылся обѣими руками и, наконецъ, нащупавъ мраморное тѣло, воскликнулъ радостно:

— Вотъ она, вотъ!

Уже плавили олово для спайки желѣзныхъ скрѣпъ, которыя должны были соединить подножіе съ основаніемъ статуи. Архитекторъ Леблонъ суетился, приготовляя что-то въ родѣ подъемной машины съ лѣсенками, веревками и блоками. Но сперва надо было на рукахъ вынуть изъ ящика статую.

Деньщики помогали Петру. Когда одинъ изъ нихъ съ нескромною шуткою схватилъ было „голую дѣвку" тамъ, гдѣ не слѣдовало, царь наградилъ его такой пощечиной, что сразу внушилъ всѣмъ уваженіе къ богинѣ.

Хлопья шерсти, какъ сѣрыя глыбы земли, спадали съ гладкаго мрамора. И опять, точно такъ же какъ двѣсти лѣтъ назадъ, во Флоренціи, выходила изъ гроба воскресшая богиня.

Веревки натягивались, блоки скрипѣли. Она подымалась, вставала все выше и выше. Петръ, стоя на лѣсенкѣ и укрѣпляя на подножіи статую, охватилъ ее обѣими руками, точно обнялъ.

— Венера въ объятіяхъ Марса! — не утерпѣлъ-таки умилившійся классикъ Леблонъ.

— Такъ хороши они оба,—воскликнула молоденькая фрейлина кронпринцессы Шарлоты,—что я бы, на мѣстѣ царицы, приревновала!

Петръ былъ почти такого же нечеловѣческаго роста, какъ статуя. И человѣческое лицо его оставалось благороднымъ рядомъ съ божескимъ: человѣкъ былъ достоинъ богини.

Еще въ послѣдній разъ качнулась она, дрогнула—и стала вдругъ неподвижно, прямо, утвердившись на подножіи.

То было изваяніе Праксителя: Афродита Анадіомена—Пѣнорожденная, и Уранія—Небесная, древняя финикійская

Астарта, вавилонская Милитта, Праматерь сущаго, великая Кормилица—та, что наполнила небо звѣздами, какъ сѣменами, и разлила, какъ молоко изъ груди своей, Млечный Путь.

Она была и здѣсь все такая же, какъ на холмахъ Флоренціи, гдѣ смотрѣлъ на нее ученикъ Леонардо да-Винчи въ суевѣрномъ ужасѣ; и какъ еще раньше, въ глубинѣ Каппадокіи, близъ древняго замка Мацеллума, въ опустѣвшемъ храмѣ, гдѣ молился ей послѣдній поклонникъ ея, блѣдный худенькій мальчикъ въ темныхъ одеждахъ, будущій императоръ Юліанъ Отступникъ. Все такая же невинная и сладострастная, нагая и не стыдящаяся наготы своей. Съ того самаго дня, какъ вышла изъ тысячелѣтней могилы своей, тамъ, во Флоренціи,—шла она все дальше и дальше, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ народа въ народъ, нигдѣ не останавливаясь, пока, наконецъ, въ побѣдоносномъ шествіи, не достигла послѣднихъ предѣловъ земли —Гиперборейской Скиѳіи, за которой уже нѣтъ ничего, кромѣ ночи и хаоса. И утвердившись на подножіи, впервые взглянула какъ будто удивленными и любопытными очами на эту чуждую, новую землю, на эти плоскія мшистыя топи, на этотъ странный городъ, подобный селеніямъ кочующихъ варваровъ, на это не денное, не ночное небо, на эти черныя, сонныя, страшныя волны, подобныя волнамъ подземнаго Стикса. Страна эта не похожа была на ея олимпійскую свѣтлую родину, безнадежна, какъ страна забвенія, какъ темный Аидъ. И все-таки богиня улыбнулась вѣчною улыбкою, какъ улыбнулось бы солнце, если бы проникло въ темный Аидъ.

Петръ Андреичъ Толстой, по просьбѣ дамъ, прочелъ собственнаго сочиненія вирши *О Купидѣ*, древній анакреоновъ гимнъ Эросу:

Нѣкогда въ розахъ Любовь,
Спящую не усмотрѣвъ
Пчелку, ею ужаленный
Въ палецъ руки, зарыдалъ,
И побѣжавъ, и взлетѣвъ

Къ Венусъ красавицѣ:
Гину я, мати, сказалъ,
Гину, умираю я!
Змѣй меня малый кольнулъ
Съ крыльями, коего пахари
Пчелкой зовутъ.
Венусъ же сыну въ отвѣтъ:
Если жало пчельное
Столь тебѣ болѣзненно,
Сколь же, чай, больнѣе тѣмъ,
Коихъ ты, дитя, язвишь!

Дамамъ, которыя никакихъ русскихъ стиховъ еще не знали, кромѣ церковныхъ кантовъ и псáльмовъ, показалась пѣсенька очаровательной.

Она и кстати пришлась, потому что въ это самое мгновеніе Петръ собственноручно зажегъ и пустилъ, вмѣсто первой ракеты фейерверка, летучую машину въ видѣ Купидона съ горящимъ факеломъ. Скользя по невидимой проволокѣ, Купидонъ полетѣлъ отъ галлереи къ парому на Невѣ, гдѣ стояли щиты „для огненной потѣхи по плану фитильному“, и факеломъ своимъ зажегъ первую аллегорію—жертвенникъ изъ бриллiантовыхъ огней съ двумя пылающими рубиновыми сердцами. На одномъ изъ нихъ изумруднымъ огнемъ выведено было латинское P, на другомъ—C: Petrus, Caterina. Сердца слились въ одно, и появилась надпись: *Изъ двухъ едино сочиняю.* Это означало, что богиня Венусъ и Купидо благославляютъ брачный союзъ Петра съ Екатериною.

Появилась другая фигура—прозрачная, свѣтящаяся картина-транспарантъ съ двумя изображеніями: на одной сторонѣ—богъ Нептунъ смотритъ на только что построенную среди моря крѣпость Кроншлотъ—съ надписью: Videt et stupescit. *Видитъ и удивляется.* На другой—Петербургъ, новый городъ среди болотъ и лѣсовъ—съ надписью: Urbs ubi sylva fuit. *Градъ гдѣ былъ лѣсъ.*

Петръ, большой любитель фейерверковъ, всегда самъ управлявшій всѣмъ, объяснялъ аллегоріи зрителямъ.

Съ грохочущимъ свистомъ, снопами огненныхъ колосьевъ, взвились подъ самое небо безчисленныя ракеты и въ темной вышинѣ разсыпались дождемъ медленно падавшихъ, таявшихъ, красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ, фіолетовыхъ звѣздъ. Нева отразила ихъ и удвоила въ своемъ черномъ зеркалѣ. Завертѣлись огненныя колеса, забили огненные фонтаны, зашипѣли, запрыгали швермеры; и водяные, и воздушные шары, лопаясь какъ бомбы, затрещали оглушительнымъ трескомъ. Открылись пламенные чертоги съ горящими столбами, сводами, лѣстницами—и въ ослѣпительной, какъ солнце, глубинѣ вспыхнула послѣдняя картина: ваятель, похожій на титана Прометея—передъ недоконченною статуей, которую высѣкаетъ онъ рѣзцомъ и молотомъ изъ мраморной глыбы; вверху Всевидящее Око въ лучахъ съ надписью: Deo adjuvante. *Съ помощью Божіей.* Каменная глыба означала древнюю Русь; статуя, недоконченная, но уже похожая на богиню Венусъ—новую Россію; ваятель былъ Петръ.

Картина не совсѣмъ удалась: статуя слишкомъ скоро догорѣла, свалилась къ ногамъ ваятеля, разрушилась. Казалось, онъ ударялъ въ пустоту. И молотъ разсыпался, рука поникла. Всевидящее Око померкло, какъ будто подозрительно прищурилось, зловѣще подмигивая.

На это, впрочемъ, никто не обратилъ вниманія, такъ какъ всѣ были заняты новымъ зрѣлищемъ. Въ клубахъ дыма, освѣщенныхъ радугой бенгальскихъ огней, появилось огромное чудовище, не то конь, не то змѣй, съ чешуйчатымъ хвостомъ, колючими плавниками и крыльями. Оно плыло по Невѣ отъ крѣпости къ Лѣтнему саду. Множество лодокъ, наполненныхъ гребцами, тащили его на канатѣ. Въ исполинской раковинѣ на спинѣ чудовища сидѣлъ Нептунъ съ длинной бѣлой бородой и трезубцемъ; у ногъ его—сирены и тритоны, трубившіе въ трубы: „тритоны сѣвернаго Нептунуса въ трубы свои по морямъ шествуя, царя Россійскаго фаму разносятъ“, объяснилъ одинъ изъ зрителей, іеромонахъ флота Гавріилъ Бужинскій. Чудо-

вище влекло за собою шесть паръ пустыхъ, плотно закупоренныхъ бочекъ съ кардиналами Всешутѣйшаго Собора, сидѣвшими верхомъ и крѣпко привязанными, чтобы не упасть въ воду, по одному на каждой бочкѣ. Такъ они плыли гуськомъ, пара за парой, и звонко дудили въ коровьи рога. Далѣе слѣдовалъ цѣлый плотъ изъ такихъ же бочекъ съ огромнымъ чаномъ пива, въ которомъ плавалъ въ деревянномъ ковшѣ, какъ въ лодкѣ, князь-папа, архіерей бога Бахуса. Самъ Бахусъ тутъ же сидѣлъ на плоскомъ краю чана.

Подъ звуки торжественной музыки, вся эта водяная машина медленно приблизилась къ Лѣтнему саду, причалила у средней галлереи, и боги вошли въ нее.

Нептунъ оказался царскимъ шутомъ, старымъ бояриномъ Семеномъ Тургеневымъ; сирены, съ длинными рыбьими хвостами, которые волочились, какъ шлейфы, такъ что ногъ почти не видно было, — дворовыми дѣвками; тритоны — конюхами генералъ-адмирала Апраксина; сатиръ или панъ, сопровождавшій Бахуса,—французскимъ танцмейстеромъ князя Меньшикова. Ловкій французъ продѣлывалъ такіе прыжки, что можно было подумать—ноги у него козлиныя, какъ у настоящаго фавна. Бахусъ въ тигровой шкурѣ, въ вѣнкѣ изъ стеклянnaго винограда, съ колбасой въ одной рукѣ и штофомъ въ другой, былъ регентъ придворныхъ пѣвчихъ, Кононъ Карповъ, необыкновенно жирный малый съ красною рожею. Для большей естественности поили его нещадно три дня, такъ что, по выраженію своихъ собутыльниковъ, Коновъ налился какъ клюковка и сталъ живой Ивашка Хмельницкій.

Боги окружили статую Венеры. Бахусъ, благоговѣйно поддерживаемый подъ руки кардиналами и княземъ-папою, сталъ на колѣни передъ статуей, поклонился ей до земли и возгласилъ громоподобнымъ басомъ, достойнымъ протодьякона:

— Всечестнѣйшая мати Венусъ, смиренный холопка Ивашка-Бахусъ, отъ сожженной Семелы рожденный, изжа-

тель винограднаго веселья, на сынишку твоего Еремку челомъ бьетъ. Не вели ему, Еремкѣ шальному, насъ, людей твоихъ, обижать, сердца уязвлять, души погублять. Ей, государыня, смилуйся, пожалуй!

Кардиналы грянули хоромъ: Аминь!

Карповъ затянулъ было съ пьяныхъ глазъ *Достойно есть яко воистину*, но его остановили во время.

Князь-папа, дряхлый государевъ дядька, бояринъ и стольникъ царя Алексѣя, Никита Моисеичъ Зотовъ, въ шутовской мантіи изъ алаго бархата съ горностаями, въ трехвѣнечной жестяной тіарѣ, украшенной непристойнымъ изображеніемъ голаго Еремки-Эроса, поставилъ передъ подножіемъ Венусъ на треножникъ изъ кухонныхъ вертеловъ круглый мѣдный тазъ, въ которомъ варили обыкновенно жжонку, налилъ въ него водки и зажегъ. На длинныхъ, гнувшихся отъ тяжести шестахъ царскіе гренадеры принесли огромный ушатъ перцовки. Кромѣ лицъ духовныхъ, которые здѣсь такъ же присутствовали, какъ и на другихъ подобныхъ шутовскихъ, собраніяхъ, всѣ гости, не только кавалеры, но и дамы, даже дѣвицы, должны были по очереди подходить къ ушату, принимать отъ князя-папы большую деревянную ложку съ перцовкою и, выпивъ почти все, нѣсколько оставшихся капель вылить на горящій жертвенникъ; потомъ кавалеры цѣловали Венусъ, смотря по возрасту, молодые въ ручку, старые въ ножку; а дамы, кланяясь ей, присѣдали чинно, съ „церемоніальнымъ куплементомъ". Все это, до послѣдней мелочи заранѣе обдуманное и назначенное самимъ государемъ, исполнялось съ точностью, подъ угрозой „жестокаго штрафа" и даже плетей. Старая царица Прасковья Ѳеодоровна, невѣстка Петра, вдова брата его, царя Іоанна Алексѣевича, тоже пила водку изъ ушата и кланялась Венерѣ. Она вообще угождала Петру, покоряясь всѣмъ новшествамъ: противъ вѣтра, молъ, не подуешь. Но на этотъ разъ, у почтенной старушки въ темномъ, вдовьемъ шушунѣ — Петръ позволялъ ей одѣваться по старинному — когда она присѣдала „на нѣмецкій ма-

ниръ“ передъ „бестыжею голою дѣвкою“,—заскребли таки на сердцѣ кошки. „Въ землю бы легла, только бы этого всего не видѣть!“ думала она. Царевичъ тоже съ покорностью поцѣловалъ ручку Венусъ. Михайло Петровичъ Аврамовъ хотѣлъ было спрятаться; но его отыскали, притащили насильно; и хотя онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, корчился, обливался потомъ, и чуть въ обморокъ не упалъ, когда, прикладываясь къ бѣсовой иконѣ, почувствовалъ на губахъ своихъ прикосновеніе холоднаго мрамора, но исполнилъ обрядъ въ точности, подъ строгимъ взоромъ царя, котораго боялся еще больше, чѣмъ бѣлыхъ чертей.

Богиня, казалось, безгнѣвно смотрѣла на эти кощунственныя маски боговъ, на эти шалости варваровъ. Они служили ей невольно и въ самомъ кощунствѣ. Шутовской треножникъ превратился въ истинный жертвенникъ, гдѣ въ подвижномъ и тонкомъ, какъ жало змѣи, голубоватомъ пламени горѣла душа Діониса, родного ей бога. И озаренная этимъ пламенемъ, богиня улыбалась мудрою улыбкою.

Начался пиръ. На верхнемъ концѣ стола, подъ навѣсомъ изъ хмѣля и брусничника съ кочекъ родимыхъ болотъ, замѣнявшаго классическіе мирты, сидѣлъ Бахусъ верхомъ на бочкѣ, изъ которой князь-папа цѣдилъ вино въ стаканы. Толстой, обратившись къ Бахусу, прочелъ другія вирши, тоже собственнаго сочиненія—переводъ Анакреоновой пѣсенки:

Бахусъ, Зевсово дитя,
Мыслей гонитель, Ліей!
Когда въ голову мою
Войдетъ, винодавецъ, онъ,
Заставитъ меня плясать;
И нѣчто пріятное
Бываю, когда напьюсь;
Бью въ ладоши и пою,
И тѣшусь Венерою,
И непрестанно пляшу.

— Изъ оныхъ виршей должно признать,—замѣтилъ Петръ,—что сей Анакреонтъ изрядный былъ пьяница и прохладнаго житія человѣкъ.

Послѣ обычныхъ заздравныхъ чашъ за процвѣтаніе россійскаго флота, за государя и государыню, поднялся архимандритъ Өеодосій Яновскій съ торжественнымъ видомъ и стаканомъ въ рукахъ.

Несмотря на выраженіе польскаго гонора въ лицѣ—онъ былъ родомъ изъ мелкой польской шляхты—несмотря на голубую орденскую ленту и алмазную панагію съ государевой персоною на одной сторонѣ, съ Распятіемъ на другой – на первой было больше алмазовъ, и они были крупнѣе, чѣмъ на второй,—несмотря на все это, Өеодосій, по выраженію Аврамова, собою былъ видомъ аки изуморъ, то есть, заморышъ или недоносокъ. Маленькій, худенькій, востренькій, въ высочайшемъ клобукѣ съ длинными складками чернаго крепа, въ широчайшей бейберовской рясѣ съ развѣвающимися черными воскрыльями, напоминалъ онъ огромную летучую мышь. Но когда шутилъ и, въ особенности, когда кощунствовалъ, чтó постоянно съ нимъ случалось „на подпиткахъ", хитренькіе глазки искрились такимъ язвительнымъ умомъ, такою дерзкою веселостью, что жалобная мордочка летучей мыши или недоноска становилась почти привлекательной.

— Не ласкательное слово сіе,—обратился Өеодосій къ царю,—но суще изъ самаго сердца говорю: черезъ вашего царскаго величества дѣла мы изъ тьмы невѣдѣнія на өеатръ славы, изъ небытія въ бытіе произведены и уже въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены. Ты во всемъ обновилъ, государь, или паче вновь родилъ своихъ подданныхъ. Чтó была Россія прежде и чтò есть нынѣ? Посмотримъ ли на зданія? На мѣсто хижинъ грубыхъ явились палаты свѣтлыя, на мѣсто хвороста сухого—вертограды цвѣтущіе. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? Имѣемъ такія вещи, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видывали...

Долго еще говорилъ онъ о книгахъ судейскихъ, свободныхъ ученіяхъ, искусствахъ, о флотѣ—„оруженосныхъ сихъ ковчегахъ" — объ исправленіи и обновленіи церкви.

— А ты,—воскликнулъ онъ въ заключеніе, въ риторскомъ жарѣ взмахнувъ широкими рукавами рясы, какъ черными крыльями, и сдѣлавшись еще болѣе похожимъ на летучую мышь,—а ты, новый, новоцарствующій градъ Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? Тамъ, гдѣ и помысла никому не было о жительствѣ человѣческомъ, вскорѣ устроилося мѣсто, достойное престола царскаго. Urbs ubi sylva fuit. Градъ, идѣже былъ лѣсъ. И кто расположеніе града сего не похвалитъ? Не только всю Россію красотою превосходитъ мѣсто, но и въ иныхъ Европскихъ странахъ подобное обрѣстись не можетъ! На веселомъ мѣстѣ созданъ есть! Воистину, ваше величество, сочинилъ ты изъ Россіи самую метаморфозисъ или претвореніе!

Алексѣй слушалъ и смотрѣлъ на Ѳедоску внимательно. Когда тотъ говорилъ о „веселомъ расположеніи" Петербурга, глаза его встрѣтились на одно мгновеніе, какъ будто нечаянно, съ глазами царевича, которому вдругъ показалось, или только почудилось, что въ глубинѣ этихъ глазъ промелькнула какая-то насмѣшливая искорка. И вспомнилось ему, какъ часто при немъ, конечно, въ отсутствіе батюшки, ругая это веселое мѣсто, Ѳедоска называлъ его чортовымъ болотомъ и чортовой сторонушкой. Впрочемъ, давно уже царевичу казалось, что Ѳедоска смѣется надъ батюшкой почти явно, въ лицо ему, но такъ ловко и тонко, что этого никто не замѣчаетъ, кромѣ него, Алексѣя, съ которымъ каждый разъ въ подобныхъ случаяхъ мѣнялся Ѳедоска быстрымъ, лукавымъ, какъ будто сообщническимъ, взглядомъ.

Петръ, какъ всегда на церемоніальныя рѣчи, отвѣтилъ кратко:

— Зѣло желаю, чтобы весь народъ прямо узналъ, что̀ Господь намъ сдѣлалъ. Не надлежитъ и впредь ослабѣвать,

но трудиться о пользѣ, о прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очами кладетъ.

И, вступивъ опять въ обычный разговоръ, изложилъ по-голландски,—чтобы иностранцы также могли понять,—мысль, которую слышалъ недавно отъ философа Лейбница, и которая ему очень понравилась—о „коловращеніи наукъ“: всѣ науки и художества родились на Востокѣ и въ Греціи; оттуда перешли въ Италію, потомъ во Францію, Германію и, наконецъ, черезъ Польшу въ Россію. Теперь пришла и наша череда. Черезъ насъ вернутся онѣ снова въ Грецію и на Востокъ, въ первоначальную родину, совершивъ въ своемъ теченіи полный кругъ.

— Сія Венусъ,—заключилъ Петръ уже по-русски, съ особою, свойственной ему, простодушною витіеватостью, указывая на статую,—сія Венусъ пришла къ намъ оттолѣ, изъ Греціи. Уже Марсовымъ плугомъ все у насъ испахано и насѣяно. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ, Господи, помози! Да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Нынѣ же и Венусъ, богиня всякаго любезнаго пріятства, согласія, домашняго и политичнаго мира, да сочетается съ Марсомъ на славу имени Россійскаго.

— Виватъ! Виватъ! Виватъ, Петръ Великій, Отецъ отечества, Императоръ Всероссійскій!—закричали всѣ, подымая стаканы съ венгерскимъ.

Императорскій титулъ, еще не объявленный ни въ Европѣ, ни даже въ Россіи—здѣсь, въ кругу птенцовъ Петровыхъ, уже былъ принятъ.

Въ лѣвомъ дамскомъ крылѣ галлереи раздвинули столы и начали танцы. Военные трубы, гобои, литавры семеновцевъ и преображенцевъ, доносясь изъ-за деревьевъ Лѣтняго сада, смягченные далью, а, можетъ быть, и очарованіемъ богини—здѣсь, у ея подножія, звучали, какъ нѣжные флейты и віольдамуры въ царствѣ Купидо, гдѣ пасутся овечки на мягкихъ лугахъ, и пастушки развязываютъ поясъ пастушкамъ. Петръ Андреичъ Толстой, который шелъ въ менуэтѣ

съ княгинею Черкасскою, напѣвалъ ей на ухо своимъ бархатнымъ голосомъ подъ звуки музыки:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвлѐнны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покорѐнны.

И жеманно присѣдая передъ кавалерами, какъ того требовалъ чинъ менуэта, хорошенькая княгиня отвѣчала томной улыбкой пастушки Хлои семидесятилѣтнему юношѣ Дафнису.

А въ темныхъ аллеяхъ, бесѣдкахъ, во всѣхъ укромныхъ уголкахъ Лѣтняго сада, слышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. Богиня Венусъ уже царила въ Гиперборейской Скиѳіи.

Какъ настоящіе скиѳы и варвары, разсуждали о любовныхъ проказахъ своихъ кумушекъ, фрейлинъ, придворныхъ мамзелей или даже по просту „дѣвокъ“, государевы деньщики и камеръ-пажи въ дубовой рощицѣ у Лѣтняго дворца, сидя вдали отъ всѣхъ, особою кучкою, такъ что ихъ никто не слышалъ.

Въ присутствіи женщинъ, они были скромны и застѣнчивы; но между собою, говорили о „бабахъ“ и „дѣвкахъ“ со звѣринымъ бестыдствомъ.

— Дѣвка-то Гаментова съ Хозяиномъ ночь переспала,— равнодушно объявилъ одинъ.

Гаментова была Марья Вилимовна Гамильтонъ, фрейлина государыни.

— Хозяинъ—галантъ, не можетъ безъ метресокъ жить,— замѣтилъ другой.

— Ей не съ первымъ,—возразилъ камеръ-пажъ, мальченка лѣтъ пятнадцати, съ важностью сплевывая и снова затягиваясь трубкою, отъ которой его тошнило. — Еще до Хозяина-то съ Васюхой Машка брюхо сдѣлала.

— И куда только онѣ ребятъ дѣваютъ?—удивился первый.

— А мужъ не знаетъ, гдѣ жена гуляетъ!—ухмыльнулся мальчонка.—Я, братцы, давеча самъ изъ-за кустовъ видѣлъ, какъ Вилька Монсовъ съ Хозяйкой амурился...

Вилимъ Монсъ былъ камеръ-юнкеръ государыни—„нѣмецъ подлой породы", но очень ловкій и красивый.

И подсѣвъ ближе другъ къ другу, шопотомъ на ухо принялись они собщать еще болѣе любопытные слухи о томъ, что недавно, тутъ же въ Царскомъ огородѣ, при чисткѣ засоренныхъ трубъ одного изъ фонтановъ, найдено мертвое тѣло младенца, обернутое въ дворцовую салфетку.

Въ Лѣтнемъ саду былъ неизбѣжный по плану для всѣхъ французскихъ садовъ, такъ называемый гротъ: небольшое четырехугольное зданіе на берегу рѣчки Фонтанной, снаружи довольное нелѣпое, напоминавшее голландскую кирку, а внутри дѣйствительно похожее на подводную пещеру, убранное большими раковинами, перламутромъ, кораллами, ноздреватыми камнями, со множествомъ фонтановъ и водяныхъ струекъ, бившихъ въ мраморныя чаши, съ тѣмъ чрезмѣрнымъ для Петербургской сырости обиліемъ воды, которое любилъ Петръ.

Здѣсь почтенные старички, сенаторы и сановники бесѣдовали тоже о любви и о женщинахъ.

— Въ старину-то было доброе супружество посхименье, а нынѣ прелюбодѣяніе за нѣкую галантерію почитается, и сіе отъ самыхъ мужей, которые спокойнымъ сердцемъ зрятъ, какъ жены ихъ съ прочими любятся, да еще глупцами называютъ насъ, честь поставляющихъ въ мѣстѣ столь слабомъ. Дали бабамъ волю — погодите, уже всѣмъ намъ сядутъ на шею!—ворчалъ самый древній изъ старичковъ.

Старичекъ помоложе замѣтилъ, что „пріятно молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ"; что „нынѣ страсть любовная, почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать"; что „бракъ пожинаетъ

въ одинъ день всѣ цвѣты, кои амуръ производилъ многія лѣта“, и что „ревнованіе есть лихоманка амура“.

— Всегда были красныя жены блудливы, — рѣшилъ старичекъ изъ среднихъ.—А у нынѣшнихъ верченыхъ бабенекъ въ ребрахъ бѣсы домы, конечно, построили. Такая ужъ у нихъ политика, что и слышать не хотятъ ни о чемъ кромѣ амуровъ. На нихъ глядя, и маленькія дѣвочки думаютъ, какъ поамуриться, да не смыслятъ, бѣдныя: того ради младенческія мины употребляютъ. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствами женъ!

Въ гротъ вошла государыня Екатерина Алексѣевна, въ сопровожденіи камеръ-юнкера Монса и фрейлины Гамильтонъ, гордой шотландки съ лицомъ Діаны.

Старичекъ помоложе, видя, что государыня прислушивается къ бесѣдѣ, любезно принялъ дамъ подъ свою защиту.

— Самая истина доказываетъ намъ почтительное свойство рода женскаго тѣмъ, что Богъ, въ заключеніе всего, въ послѣдній день сотворилъ жену Адамову, точно безъ того и свѣту быть несовершеннымъ. Увѣряютъ, что въ единомъ составѣ тѣла женскаго все то собрано, что лучшаго и прелестнаго цѣлый свѣтъ въ себѣ имѣетъ. Прибавляя къ толикимъ авантажамъ красоту разума, можно ли намъ ихъ добротамъ не дивиться, и чѣмъ можетъ кавалеръ извиниться, если должное почтеніе имъ не будетъ оказывать? А ежели и суть со стороны ихъ нѣкоторыя нѣжныя слабости, то надлежитъ помнить, что и нѣжна есть матерія, отъ которой онѣ взяты...

Старый старичекъ только головой покачивалъ. По лицу его видно было, что онъ попрежнему думаетъ: „ракъ не рыба, а баба не человѣкъ; баба да бѣсъ — одинъ въ нихъ вѣсъ“.

Въ просвѣтѣ между разорванныхъ тучъ, на бездонно-ясномъ и грустномъ, золотисто-зеленомъ небѣ тонкій серебряный серпъ новорожденнаго мѣсяца блеснулъ и кинулъ нѣжный лучъ въ глубину пустынной аллеи, гдѣ у фонтана, въ полукругѣ высокихъ шпалеръ изъ подстриженной зе-

лени, подъ мраморной Помоной, на дерновой скамьѣ сидѣла одиноко дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ робронѣ на фижмахъ изъ розовой тафтицы съ желтенькими китайскими цвѣточками, съ перетянутой въ рюмочку таліей, съ модною прическою Расцвѣтающая Пріятность, но съ такимъ русскимъ, простымъ лицомъ, что видно было — она еще недавно пріѣхала изъ деревенскаго затишья, гдѣ росла среди мамушекъ и нянюшекъ подъ соломенною кровлею старинной усадьбы.

Робко оглядываясь, разстегнула она двѣ-три пуговки платья и проворно вынула спрятанную на груди, свернутую въ трубочку, теплую отъ прикосновенія тѣла, бумажку. То была любовная цидулка отъ девятнадцатилѣтняго двоюроднаго братца, котораго по указу царскому забрали изъ того же деревенскаго затишья прямо въ Петербургъ, въ навигацкую школу при Адмиралтействѣ, и на дняхъ отправили на военномъ фрегатѣ, вмѣстѣ съ другими гардемаринами, не то въ Кадиксъ, не то въ Лиссабонъ — какъ онъ самъ выражался,—къ чорту на кулички.

При свѣтѣ бѣлой ночи и мѣсяца дѣвушка прочла цидулку, нацарапанную по линейкамъ, крупными и круглыми дѣтскими буквами:

„Сокровище мое сердешное и ангелъ Настенька! Я желалъ бы знать, почему не прислала ты мнѣ послѣдняго поцѣлуя. Купидонъ, воръ проклятый, пробилъ стрѣлою сердце. Тоска великая—сердце кровавое рудою запеклося“.

Здѣсь между строкъ нарисовано было кровью вмѣсто чернилъ сердце, пронзенное двумя стрѣлами; красныя точки обозначали капли крови.

Далѣе слѣдовали, должно быть, откуда-нибудь списанныя вирши:

Вспомни, радость прелюбезна, какъ мы веселились
И пріятныхъ разговоровъ съ тобой насладились.
Уже нынѣ сколько время не зрю мою радость:
Прилети, моя голубка, сердечная сладость!
Если васъ сподоблюсь видѣть, закричу: ахъ, свѣтикъ мой!
Ты ли, радость, предо мной?..

Прочитавъ цидулку, Настенька снова также тщательно свернула ее въ трубочку, спрятала подъ платье на груди, опустила голову и закрыла лицо платочкомъ, надушеннымъ Вздохами Амура.

Когда же отняла его и взглянула на небо, то похожая на чудовище съ разинутой пастью, черная туча почти съѣла тонкій мѣсяцъ. Послѣдній лучъ его блеснулъ въ слезинкѣ повисшей на рѣсницѣ дѣвушки. Она смотрѣла, какъ мѣсяцъ исчезалъ, и напѣвала чуть слышно единственную знакомую, Богъ вѣсть откуда долетѣвшую къ ней, любовную пѣсенку:

Хоть пойду въ сады и винограды,
Не имѣю въ сердцѣ никакой отрады.
О, коль тягостно голубю безъ перья летати,
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати.
И теперь я, младенька, въ слезахъ унываю,
Что я друга сердечна давно не видаю.

Вокругъ нея и на ней все было чужое, искусственное—„на Версальскій маниръ"—и фонтанъ, и Помона, и шпалеры, и фижмы, и робронъ изъ розовой тафтицы съ желтенькими китайскими цвѣточками, и прическа Расцвѣтающая Пріятность, и духи Вздохи Амура. Только сама она, со своимъ тихимъ горемъ и тихою пѣсней, была простая, русская, точно такая же какъ подъ соломенною кровлею дѣдовской усадьбы.

А рядомъ, въ темныхъ аллеяхъ и бесѣдкахъ, во всѣхъ укромныхъ уголкахъ Лѣтняго сада, попрежнему слышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. И звуки менуэта доносились, какъ пастушескіе флейты и віольдамуры изъ царства Венусъ, томнымъ напѣвомъ:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвле́нны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покоре́нны.

Въ галлереѣ, за царскимъ столомъ, продолжалась бесѣда.

Петръ говорилъ съ монахами о происхожденіи эллинскаго многобожія, недоумѣвая, какъ древніе греки, „довольное имѣя понятіе объ уставахъ натуры и о принципіяхъ математическихъ, идоловъ своихъ бездушныхъ богами называть и вѣрить въ нихъ могли“.

Михайло Петровичъ Аврамовъ не вытерпѣлъ, сѣлъ на своего конька и пустился доказывать, что боги существуютъ, и что мнимые боги суть подлинные бѣсы.

— Ты говоришь о нихъ такъ,—удивился Петръ,—какъ будто самъ ихъ видѣлъ.

— Не я, а другіе, точно, ихъ видѣли, ваше величество, собственными глазами видѣли! — воскликнулъ Аврамовъ.

Онъ вынулъ изъ кармана толстый кожаный бумажникъ, порылся въ немъ, досталъ двѣ пожелтѣлыя вырѣзки изъ голландскихъ курантовъ и сталъ читать, переводя на русскій языкъ:

„Изъ Гишпаніи увѣдомляютъ: нѣкоторый иностранный человѣкъ привезъ съ собою въ Барцелону-градъ Сатира, мужика въ шерсти, какъ въ еловой корѣ, съ козьими рогами и копытами. Ѣстъ хлѣбъ и молоко и ничего не говоритъ, а только блеетъ по козлиному. Которая уродливая фигура привлекаетъ много зрителей“.

Во второй реляціи было сказано:

„Въ Ютландіи рыбаки поймали Сирену или морскую женщину. Оное морское чудовище походитъ сверху на человѣка, а снизу на рыбу; цвѣтъ на тѣлѣ желто-блѣдный; глаза затворены; на головѣ волосы черные, а руки заросли между пальцами кожею такъ, какъ гусиныя лапы. Рыбаки вытащили сѣть на берегъ съ великимъ трудомъ, причемъ всю изорвали. И сдѣлали тутошные жители чрезвычайную бочку и налили соленою водою, и морскую женщину туда посадили: такимъ образомъ надѣются беречь отъ согнитія. Сіе въ вѣдомость внесено потому, что, хотя о чудахъ морскихъ мно-

гія фабулы бывали, а сіе за истину увѣрить можно, что оное морское чудовище, такъ удивительное, поймано. Изъ Роттердама, 27 апрѣля 1714 года".

Печатному вѣрили, а въ особенности иностраннымъ вѣдомостямъ, ибо, если и за моремъ врутъ, то гдѣ жъ правду сыскать? Многіе изъ присутствовавшихъ вѣрили въ русалокъ, водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ, кикиморъ, оборотней и не только вѣрили, но и видѣли ихъ, тоже собственными глазами. А ежели есть лѣшіе, то почему бы не быть и сатирамъ? Ежели есть русалки, почему бы не быть морскимъ женщинамъ съ рыбьими хвостами? Но тогда, вѣдь, и прочіе боги и даже эта самая Венусъ, можетъ быть, дѣйствительно существуютъ?

Всѣ умолкли, притихли—и въ этой тишинѣ пронеслось что-то жуткое—какъ будто всѣ вдругъ смутно почувствовали, что дѣлаютъ то, чего не должно дѣлать.

Все ниже, все чернѣе опускалось небо, покрытое тучами. Все ярче вспыхивали голубыя зарницы, или безгромныя молніи. И казалось, что въ этихъ вспышкахъ на темномъ небѣ отражаются точно такія же вспышки голубоватаго пламени на жертвенникѣ, все еще горѣвшемъ передъ подножіемъ статуи; или—что въ самомъ этомъ темномъ небѣ, какъ въ опрокинутой чашѣ исполинскаго жертвенника, скрыто за тучами, какъ за черными углями, голубое пламя и, порой вырываясь оттуда, вспыхиваетъ молніями. И пламя небесъ, и пламя жертвенника, отвѣчая другъ другу, какъ будто вели разговоръ о грозной, невѣдомой людямъ, но уже на землѣ и на небѣ совершающейся тайнѣ.

Царевичъ, сидѣвшій недалеко отъ статуи, въ первый разъ взглянулъ на нее пристально, послѣ чтенія курантныхъ выдержекъ. И бѣлое голое тѣло богини показалось ему такимъ знакомымъ, какъ будто онъ уже гдѣ-то видѣлъ его и даже больше, чѣмъ видѣлъ: какъ будто этотъ дѣвственный изгибъ спины и эти ямочки у плечъ снились ему въ самыхъ грѣшныхъ, страстныхъ, тайныхъ снахъ, кото-

рыхъ онъ передъ самимъ собой стыдился. Вдругъ вспомнилъ, что точно такой же изгибъ спины, точно такія же ямочки плечъ онъ видѣлъ на тѣлѣ своей любовницы, дворовой дѣвки Евфросиньи. Голова у него кружилась, должно быть, отъ вина, отъ жары, отъ духоты—и отъ всего этого чудовищнаго праздника, похожаго на бредъ. Онъ еще разъ взглянулъ на статую, и это бѣлое голое тѣло въ двойномъ освѣщеніи—отъ красныхъ дымныхъ плошекъ иллюминаціи и отъ голубого пламени на треножникѣ—показалось ему такимъ живымъ, страшнымъ и соблазнительнымъ, что онъ потупилъ глаза. Неужели и ему, какъ Аврамову, богиня Венусъ когда-нибудь явится ужасающимъ и отвратительнымъ оборотнѐмъ, дворовою дѣвкою Афроською? Онъ сотворилъ мысленно крестное знаменіе.

— Не диво, что эллины, закона христіанскаго не знавшіе, поклонялись идоламъ бездушнымъ,—возобновилъ Ѳедоска прерванную чтеніемъ бесѣду,—а диво то, что мы, христіане, истиннаго иконопочитанія не разумѣя, поклоняемся иконамъ суще какъ идоламъ!

Начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые такъ любилъ Петръ—о всякихъ ложныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, о плутовствѣ монаховъ, кликушъ, бѣсноватыхъ, юродивыхъ, о „бабьихъ басняхъ и мужичьихъ забобонахъ длинныхъ бородъ“, то-есть, о суевѣріяхъ русскихъ поповъ. Еще разъ долженъ былъ прослушать Алексѣй всѣ эти давно извѣстные и опостылѣвшіе разсказы: о привезенной монахами изъ Іерусалима въ даръ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, нетлѣнной, будто бы, и на огнѣ не горѣвшей срачицѣ Пресвятой Богородицы, которая по изслѣдованіи оказалась сотканной изъ волоконъ особой несгораемой ткани—амміанта; о натуральныхъ мощахъ Лифляндской дѣвицы фонъ-Гротъ: кожа этихъ мощей „была подобна выдѣланной, натянутой свиной, и будучи пальцемъ вдавлена, расправлялась весьма упруго“; о другихъ поддѣльныхъ, изъ слоновой кости, мощахъ, которыя Петръ велѣлъ отправить въ новоучрежденную петербургскую Кунст-

камеру, какъ памятникъ „суперстиціи, нынѣ уже духовныхъ тщаніемъ истребляемой“.

— Да, много, много въ церкви россійской о чудесахъ наплутано!—какъ будто сокрушенно, на самомъ дѣлѣ злорадно заключилъ Ѳедоска и упомянулъ о послѣднемъ ложномъ чудѣ: въ одной бѣдной церкви на петербургской сторонѣ объявилась икона Божіей Матери, которая источала слезы, предрекая, будто бы, великія бѣдствія и даже конечное разореніе новому городу. Петръ, услышавъ объ этомъ отъ Ѳедоски, немедленно поѣхалъ въ ту церковь, осмотрѣлъ икону и обнаружилъ обманъ. Это случилось недавно: въ Кунсткамеру не успѣли еще отправить икону, и она пока хранилась у государя въ Лѣтнемъ дворцѣ, небольшомъ голландскомъ домикѣ, тутъ же въ саду, въ двухъ шагахъ отъ галлереи, на углу Невы и Фонтанной.

Царь, желая показать ее собесѣдникамъ, велѣлъ одному изъ деньщиковъ принести икону.

Когда посланный вернулся, Петръ всталъ изъ-за стола, вышелъ на небольшую площадку передъ статуей Венусъ, гдѣ было просторнѣе, прислонился спиной къ мраморному подножію, и, держа въ рукахъ образъ, началъ подробно и тщательно объяснять „плутовскую механику“. Всѣ окружили его, точно такъ же тѣснясь, приподымаясь на цыпочки, съ любопытствомъ заглядывая другъ другу черезъ плечи и головы, какъ давеча, когда откупоривали ящикъ со статуей. Ѳедоска держалъ свѣчу.

Икона была древняя. Ликъ темный, почти черный; только большіе, скорбные, будто немного припухшіе отъ слезъ глаза, смотрѣли какъ живые. Царевичъ съ дѣтства любилъ и чтилъ этотъ образъ—Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

Петръ снялъ серебряную, усыпанную драгоцѣнными каменьями ризу, которая едва держалась, потому что была уже оторвана при первомъ осмотрѣ. Потомъ отвинтилъ новые мѣдные винтики, которыми прикрѣплялась къ исподней сторонѣ иконы тоже новая липовая дощечка; по-

серединѣ вставлена была въ нее другая, меньшая; она свободно ходила на пружинкѣ, уступая и вдавливаясь подъ самымъ легкимъ нажимомъ руки. Снявъ обѣ дошечки, онъ показалъ двѣ лунки или ямочки, выдолбленныя въ деревѣ противъ глазъ Богоматери. Грецкія губочки, напитанныя водою, клались въ эти лунки, и вода просачивалась сквозь едва замѣтныя просверленныя въ глазахъ дырочки, образуя капли похожія на слезы.

Для большей ясности Петръ тутъ-же сдѣлалъ опытъ: помочилъ водою губочки, вложилъ ихъ въ лунки, надавилъ дощечку—и слезы потекли.

— Вотъ источникъ чудотворныхъ слезъ, — сказалъ Петръ.—Нехитрая механика!

Лицо его было спокойно, какъ будто объяснялъ онъ любопытную „игру натуры", или другую диковинку въ Кунсткамерѣ.

— Да, много наплутано!..—повторилъ Ѳедоска съ тихою усмѣшкою.

Всѣ молчали. Кто-то глухо простоналъ, должно быть, пьяный, во снѣ; кто-то хихикнулъ такъ странно и неожиданно, что на него оглянулись почти съ испугомъ.

Алексѣй давно порывался уйти. Но оцѣпенѣніе нашло на него, какъ въ бреду, когда человѣкъ порывается бѣжать, и ноги не двигаются, хочетъ крикнуть, и голоса нѣтъ. Въ этомъ оцѣпененіи стоялъ онъ и смотрѣлъ, какъ Ѳедоска держитъ свѣчу, какъ по дереву иконы проворно копошатся, шевелятся ловкія руки Петра, какъ слезы текутъ по скорбному Лику, а надо всѣмъ бѣлѣетъ голое страшное и соблазнительное тѣло Венусъ. Онъ смотрѣлъ—и тоска, подобная смертельной тошнотѣ, подступала къ сердцу его, сжимала горло. И ему казалось, что это никогда не кончится, что это все было, есть и будетъ въ вѣчности.

Вдругъ ослѣпляющая молнія сверкнула, какъ будто разверзлась, надъ самой головой ихъ, огненная бездна. И сквозь стеклянный куполъ облилъ мраморную статую нестерпимый, бѣлый, бѣлѣе солнца, пламенѣющій свѣтъ. Почти

въ то же мгновеніе раздался короткій, но такой оглушительный трескъ, какъ будто сводъ неба распался и рушился.

Наступила тьма, послѣ блеска молніи непроницаемо-черная, какъ тьма подземелья. И тотчасъ въ этой чернотѣ завыла, засвистѣла, загрохотала буря, съ вихремъ, подобнымъ урагану, съ хлещущимъ дождемъ и градомъ.

Въ галлереѣ все смѣшалось. Слышались пронзительные взвизги женщинъ. Одна изъ нихъ въ припадкѣ кликала и плакала точно смѣялась. Обезумѣвшіе люди бѣжали, сами не зная куда, сталкивались, падали, давили другъ друга. Кто-то вопилъ отчаяннымъ воплемъ: „Никола Чудотворецъ!.. Пресвятая Матерь Богородица!.. Помилуй!..“

Петръ, выронивъ икону изъ рукъ, бросился отыскивать царицу.

Пламя опрокинутаго треножника, потухая, вспыхнуло въ послѣній разъ огромнымъ, раздвоеннымъ, какъ жало змѣи, голубымъ языкомъ и озарило лицо богини. Среди бури, мрака и ужаса, оно одно было спокойно.

Кто-то наступилъ на икону. Алексѣй, наклонившійся, чтобы поднять ее, услышалъ какъ дерево хрустнуло. Икона раскололась пополамъ.

ВТОРАЯ КНИГА

Антихристъ

I

Древянъ гробъ сосновенъ
Ради меня строенъ.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

То была пѣсня раскольниковъ—гробополагателей. „Черезъ семь тысячъ лѣтъ отъ созданія міра, говорили они, второе пришествіе Христово будетъ, а ежели не будетъ, то мы и самое Евангеліе сожжемъ, прочимъ же книгамъ и вѣрить нечего“. И покидали домы, земли, скотъ, имущество, каждую ночь уходили въ поля и лѣса, одѣвались въ чистыя бѣлыя рубахи-саваны, ложились въ долбленые изъ цѣльнаго дерева гробы и, сами себя отпѣвая, съ минуты на минуту ожидая трубнаго гласа—„встрѣчали Христа“.

Противъ мыса, образуемаго Невою и Малою Невкою, въ самомъ широкомъ мѣстѣ рѣки, у Гагаринскихъ пеньковыхъ буяновъ, среди другихъ плотовъ, барокъ, струговъ и карбусовъ, стояли дубовые плоты царевича Алексѣя, сплавленные изъ Нижегородскаго края въ Петербургъ для Адмиралтейской верфи. Въ ночь праздника Венеры въ Лѣт-

немъ саду, сидѣлъ на одномъ изъ этихъ плотовъ у руля старый лодочникъ-бурлакъ, въ драномъ овчинномъ тулупѣ, несмотря на жаркую пору, и въ лаптяхъ. Звали его Иванушкой-дурачкомъ, считали блаженнымъ или помѣшаннымъ. Уже тридцать лѣтъ, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, каждую ночь до „пѣтелева глашенія“—крика пѣтуха, онъ бодрствовалъ, встрѣчая Христа, и пѣлъ все одну и ту же пѣсню гробополагателей. Сидя надъ самою водою на скользкихъ бревнахъ, согнувшись, поднявъ колѣни, охвативъ ихъ руками, смотрѣлъ онъ съ ожиданіемъ на зіявшіе межъ черныхъ разорванныхъ тучъ просвѣты золотисто-зеленаго неба. Неподвижный взоръ его изъ-подъ спутанныхъ сѣдыхъ волосъ, неподвижное лицо, полны были ужасомъ и надеждою. Медленно покачиваясь изъ стороны въ сторону, онъ пѣлъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ:

Древянъ гробъ сосновенъ
Ради меня строенъ.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ,
Пойду къ Богу на́ судъ.
Къ Богу двѣ дороги,
Широки и долги.
Одна-то дорога—
Во царство небесно,
Другая дорога—
Во тьму кромѣшну.

— Иванушка, ступай ужинать!—крикнули ему съ другого конца плота, гдѣ горѣлъ костеръ на сложенныхъ камняхъ, подобіи очага, съ подвѣшаннымъ на трехъ палкахъ чугуннымъ котелкомъ, въ которомъ варилась уха. Иванушка не слышалъ и продолжалъ пѣть.

У огня сидѣли кру́гомъ, бесѣдуя, кромѣ бурлаковъ и лодочниковъ, раскольничій старецъ Корнилій, проповѣдникъ

самосожженія, шедшій съ Поморья въ лѣса Керженскіе за Волгой; ученикъ его, бѣглый московскій школяръ Тихонъ Запольскій; бѣглый астраханскій пушкарь Алексѣй Семисаженный; бѣглый матросъ адмиралтейскаго вѣдомства, конопатчикъ Иванъ Ивановъ сынъ Будловъ; подьячій Ларіонъ Докукинъ; старица Виталія изъ толка бѣгуновъ, которая, по собственному выраженію, житіе птичье имѣла, вѣчно странствовала — оттого, будто бы, и прозывалась Виталіей, что „привитала“ всюду, нигдѣ не останавливаясь; ея неразлучная спутница Киликея Босая, кликуша, у которой было „дьявольское навожденіе во утробѣ“, и другіе всякаго чина и званія, „утаенные люди“, бѣжавшіе отъ несносныхъ податей, солдатской рекрутчины, шпицрутеновъ, каторги, рванья ноздрей, брадобритья, двуперстнаго сложенія и прочаго „страха антихристова“.

— Тоска на меня напала великая! — говорила Виталія, старушка еще бодрая и бойкая, вся сморщенная, но румяная, какъ осеннее яблочко, въ темномъ платкѣ въ роспускъ.—А о чемъ тоска—и сама не знаю. Дни такіе сумрачные, и солнце будто не попрежнему свѣтитъ.

— Послѣднее время, плачевное: антихристовъ страхъ возвѣялъ на міръ, оттого и тоска, — объяснилъ Корнилій, худенькій старичекъ съ обыкновеннымъ мужичьимъ лицомъ, рябой и какъ будто подслѣповатый, а на самомъ дѣлѣ—съ пронзительно-острыми, точно сверлящими, глазками; на немъ былъ раскольничій каптырь въ родѣ монашескаго куколя, черный порыжѣлый подрясникъ, кожаный поясъ съ ременною лѣстовкою; при каждомъ движеніи тихо звякали вериги, въѣвшіяся въ тѣло—трехпудовая цѣпь изъ чугунныхъ крестовъ.

— Я и то смекаю, отче Корнилій,—продолжала странница, — никакъ-де нынѣ остаточные вѣки. Немного свѣту жить, говорятъ: въ полъ-полъ-осьмой тысячѣ конецъ будетъ?

— Нѣтъ,—возразилъ старецъ съ увѣренностью,—и того не достанетъ...

— Господи помилуй!—тяжело вздохнулъ кто-то.—Богъ знаетъ, а мы только знаемъ, что Господи помилуй!

И всѣ умолкли. Тучи закрыли просвѣтъ, небо и Нева потемнѣли. Ярче стали вспыхивать зарницы, и каждый разъ въ ихъ блѣдно-голубомъ сіяніи блѣдно-золотая, тонкая игла Петропавловской крѣпости сверкала, отражаясь въ Невѣ. Чернѣли каменные бастіоны и плоскіе, точно вдавленные, берега съ тоже плоскими, мазанковыми зданіями товарныхъ складовъ, пеньковыхъ амбаровъ и гварнизонныхъ цейхгаузовъ. Вдали, на другомъ берегу, сквозь деревья Лѣтняго сада, мелькали огоньки иллюминаціи. Съ острова Кейвусари, Березоваго, вѣяло послѣднимъ дыханіемъ поздней весны, запахомъ ели, березъ и осинъ. Маленькая кучка людей, на плоскомъ, едва чернѣвшемъ плоту, озаренная краснымъ пламенемъ, между черными грозовыми тучами и черною гладью рѣки, казалась одинокою и потерянною, висящею въ воздухѣ между двумя небесами, двумя безднами.

Когда всѣ умолкли, сдѣлалось такъ тихо, что слышно было сонное журчаніе струй подъ бревнами и съ другого конца плота явственно по водѣ доносившаяся, все одна и та же, унылая пѣсня Иванушки:

Древянъ гробъ сосновенъ
Ради меня строенъ.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

— А что, соколики, — начала Киликея-кликуша, еще молодая женщина съ нѣжно прозрачнымъ, точно восковымъ, лицомъ и съ отмороженными — она ходила всегда босая, даже въ самую лютую стужу—черными, страшными ногами, похожими на корни стараго дерева,—а что, правда ли, слыхала я давеча, здѣсь же, въ Питербурхѣ, на Обжорномъ рынкѣ: государя-де нынѣ на Руси нѣтъ, а который и есть государъ—и тотъ не прямой, природы не русской и не цар-

ской крови, а либо нѣмецъ нѣмцевъ сынъ, либо шведъ обмѣнный?

— Не шведъ, не нѣмецъ, а жидъ проклятый изъ колѣна Данова,—объявилъ старецъ Корнилій.

— О, Господи, Господи!—опять тяжело вздохнулъ кто-то,—видишь, роды-де ихъ царскіе пошли неистовые.

Заспорили, кто Петръ—нѣмецъ, шведъ или жидъ?

— А чортъ его знаетъ, кто онъ такой! Вѣдьма ли его въ ступѣ высидѣла, отъ банной ли мокроты завелся, а только знатно, что оборотень,—рѣшилъ бѣглый матросъ Будловъ, парень лѣтъ тридцати, съ трезвымъ и дѣловитымъ выраженіемъ умнаго лица, должно быть, когда-то красиваго, но обезображеннаго чернымъ каторжнымъ клеймомъ на лбу и рваными ноздрями.

— Я, батюшки, знаю, все про государя доподлинно знаю,—подхватила Виталія.—Слыхала я о томъ на Керженцѣ отъ старицы бродящей нищей, да крылошанки Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ о томъ же сказывали точно: какъ-де былъ нашъ царь благочестивый Петръ Алексѣевичъ за моремъ въ Нѣмцахъ и ходилъ по нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ, а въ нѣмецкой землѣ стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица, надъ государемъ ругаючись, ставила его на горячую сковороду, а потомъ въ бочку съ гвоздями заковала, да въ море пустила.

— Нѣтъ, не въ бочку,—поправилъ кто-то,—а въ столпъ закладенъ.

— Ну, въ столпъ ли, въ бочку ли, только пропалъ безъ вѣсти—ни слуху, ни духу. А на мѣсто его явился оттуда же, изъ-за моря, нѣкій жидовинъ проклятый изъ колѣна Данова, отъ нечистой дѣвицы рожденный. И въ тѣ поры никто его не позналъ. А какъ скоро на Москву наѣхалъ,—и все сталъ творить по-жидовски: у патріарха благословенія не принялъ; къ мощамъ московскихъ чудотворцевъ не пошелъ, потому-де зналъ—сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до мѣста свята; и гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того что они ему чужи и весьма ненавистны.

Никого изъ царскаго рода, ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь, что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному: „ты не нашъ, ты не царь, а жидъ проклятый“. Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, какъ и Гришкѣ Растригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по растригиному поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не моется, живетъ блудно съ погаными нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ нѣмецъ сталъ великъ человѣкъ: самый ледащій нѣмецъ теперь выше боярина и самого патріарха. Да онъ же, проклятый жидовинъ, съ блудницами нѣмками всенародно пляшетъ; пьетъ вино не во славу Божію, а нѣкако нелѣпо и безобразно, какъ пропойцы кабацкіе, валяясь и глумясь во пьянствѣ: своихъ же пьяницъ, одного святѣйшимъ патріархомъ, иныхъ же митрополитами и архіереями называетъ, а себя самого протодіакономъ, всякую срамоту со священными глаголами смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе всей святыни христіанской.

— И се, прореченная Даніиломъ пророкомъ, стала мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! — докончилъ старецъ Корнилій.

Послышались разные голоса въ толпѣ:

— И царица-де Авдотья Ѳеодоровна, въ Суздалѣ заточенная, сказываетъ: крѣпитесь, молъ, держите вѣру христіанскую—это-де не мой царь, иной вышелъ.

— Онъ и царевича приводитъ въ свое состояніе, да тотъ его не слушаетъ. И царь-де его за то извести хочетъ, чтобъ ему не царствовать.

— О, Господи, Господи! Видишь, какую планиду Богъ наслалъ, что отецъ на сына, а сынъ на отца.

— Какой онъ ему отецъ! Самъ царевичъ говоритъ, что сей не батюшка мнѣ и не царь.

— Государь нѣмцевъ любитъ, а царевичъ нѣмцевъ не любитъ: дай мнѣ, говоритъ, сроку, я-де ихъ подберу. При-

ходилъ къ нему нѣмчинъ, сказывалъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на немъ платье сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего вы къ нему ходите? Покамѣстъ я живъ, покамѣстъ и вы.

— Это такъ! Всѣ въ народѣ говорятъ: какъ-де будетъ на царствѣ нашъ государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, тогда-де государь нашъ царь Петръ Алексѣевичъ убирайся и прочіе съ нимъ!

— Истинно, истинно такъ! — подтверждали радостные голоса.—Онъ, царевичъ, душой о старинѣ горитъ.

— Человѣкъ богоискательный!

— Надежда россійская!..

— Много тоже басенъ бабьихъ ныньче ходитъ въ народѣ: всему вѣрить нельзя,—заговорилъ Иванъ Будловъ, и всѣ невольно прислушались къ его спокойной дѣловитой рѣчи.—А я опять скажу: шведъ ли, нѣмецъ ли, жидъ,— чортъ его знаетъ, кто онъ таковъ, а только и впрямь, какъ его Богъ на царство послалъ, такъ мы и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, отдыху нѣтъ. Хоть бы нашего брата служиваго взять: пятнадцать лѣтъ, какъ со шведомъ воюемъ, нигдѣ худо не сдѣлали и кровь свою, не жалѣючи, проливали, а и по нынѣ себѣ не видимъ покою; чрезъ мѣру лѣто и осень ходимъ по морю, на камняхъ зимуемъ, съ голоду и холоду помираемъ. А государство свое все разорилъ, что въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь и овцы у мужика. Говорятъ: умная голова, умная голова! Коли-бъ умная голова, — могъ бы такую человѣческую нужду разсудить. Гдѣ мы мудрость его видимъ? Выдалъ штуку въ гражданскихъ правахъ, учинилъ Сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. А спросилъ-бы у челобитчиковъ, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо. Да что говорить!.. Всему народу чинится наглость. Такъ приводитъ, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства, послѣдніе животы выматываетъ. Какъ Богъ терпитъ за такое немилосердіе? Ну, да это дѣло даромъ не пройдетъ, быть обороту: въ долгѣ-ль, въ короткѣ-ль, отольется кровь на главы ихъ!

Вдругъ одна изъ слушательницъ, доселѣ безмолвная, баба Алена Ефимова, съ очень простымъ, добрымъ лицомъ, заступилась за царя.

— Мы какъ и сказать не знаемъ, — проговорила она тихо, точно про себя, — а только молимъ: обрати Господи царя въ нашу христіанскую вѣру!

Но раздались негодующіе голоса:

— Какой онъ царь? Царишка! Измотался весь. Ходитъ безъ памяти.

— Ожидовѣлъ, и жить безъ того не можетъ, чтобы крови не пить. Въ который день крови изопьетъ, въ тотъ день и веселъ, а въ который не изопьетъ, то и хлѣбъ ему не ѣстся!

— Міроѣдъ! Весь міръ переѣлъ, только на него, кутилку, переводу нѣтъ.

— Чтобъ ему сквозь землю провалиться!

— Дураки вы, собачьи дѣти!—крикнулъ вдругъ съ яростью пушкарь Алексѣй Семисаженный, огромнаго роста рыжій дѣтина, не то со звѣрскимъ, не то съ дѣтскимъ лицомъ. — Дураки вы, что за свои головы не умѣете стоять! Вѣдь вы всѣ пропали душою и тѣломъ: порубятъ васъ что червей капустныхъ. Взялъ бы я его, да въ мелкія части изрѣзалъ и тѣло его истерзалъ!

Алена Ефимова только слабо охнула и перекрестилась; отъ этихъ словъ, признавалась она впослѣдствіи, ее въ огонь бросило. И прочіе оглянулись на Семисаженнаго со страхомъ. А онъ уставился въ одну точку глазами, налитыми кровью, крѣпко сжалъ кулаки, и прибавилъ тихо, какъ будто задумчиво, но въ этой тихости было что-то еще бобѣе страшное, чѣмъ ярость:

— Дивлюсь я тому, какъ его по-ся-мѣстъ но уходятъ. Ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ. Можно бы его изрѣзать ножей въ пять.

Алена вся поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, но только беззвучно пошевелила губами.

— Царя трижды хотѣли убить, — покачалъ головою

старецъ Корнилій,—да не убьютъ: ходятъ за нимъ бѣсы и его берегутъ.

Крошечный бѣлобрысый солдатикъ съ придурковатымъ, испитымъ и болѣзненнымъ личикомъ, совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ, бѣглый даточный рекрутъ Петька Жизла, заговорилъ, торопясь, заикаясь, путаясь и жалобно, по-ребячьи всхлипывая: „охъ, братики, братики!“ Онъ сообщилъ, что привезены изъ-за моря на трехъ корабляхъ клейма, чѣмъ людей клеймить, никому ихъ не показываютъ, за крѣпкимъ карауломъ держатъ на Котлинѣ островѣ, и солдаты стоятъ при нихъ безсмѣнно.

То были введенные по указу Петра особые рекрутскіе знаки, о которыхъ въ 1712 году писалъ царь генералу-пленипотенціарію князю Якову Долгорукову: „А для знаку рекрутамъ значить—на лѣвой рукѣ накалывать иглою кресты и натирать порохомъ“.

— Кого припечатаютъ, тому и хлѣба дадутъ, а на комъ печатей нѣтъ, тому хлѣба давать не будутъ, помирай съ голоду. Охъ, братики, братики, страшное дѣло!..

— Всѣ тѣсноты ради пищной пріидутъ къ сыну погибели и поклонятся ему,—подтвердилъ старецъ Корнилій.

— А иныхъ уже заклеймили,—продолжалъ Петька.— И меня, вѣдь, охъ, братики, братики, и меня, окаяннаго...

Онъ съ трудомъ поднялъ правою рукою безсильно какъ плеть висѣвшую лѣвую, поднесъ ее къ свѣту и показалъ на ней сверху, между большимъ и указательнымъ пальцемъ, рекрутское клеймо, выбитое желѣзными иглами казеннаго штемпеля.

— Какъ припечатали, рука сохнуть стала. И высохла. Сперва лѣвая, а потомъ и правая: хочу крестъ положить—не подымается...

Всѣ со страхомъ разглядывали на желто-блѣдной кожѣ высохшей, какъ будто мертвой, руки небольшое, точно изъ оспенныхъ язвинокъ, темное пятно. Это было человѣчье клеймо, казенный черный крестъ.

— Она самая и есть,—рѣшилъ старецъ Корнилій,—

печать антихристова! Сказано: дастъ имъ знаменье на рукѣ, и кто приметъ печать его, тотъ власти не имѣетъ осѣнять уды свои крестнымъ знаменьемъ, но связана рука его будетъ не узами, а клятвою—и таковымъ нѣтъ покаянія.

— Охъ, братики, братики! Что они со мной сдѣлали!.. Когда бъ я зналъ, не дался бы имъ въ руки живой. Человѣка испортили, какъ скотину тавромъ заклеймили, припечатали!..—судорожно всхлипывалъ Петька, и крупныя слезы текли по ребячьему, жалобному личику.

— Батюшки родимые!—всплеснула руками Киликея-кликуша, какъ будто пораженная внезапною мыслью,—вѣдь все, все къ одному выходитъ: царь-то Петръ и есть...

Она не кончила, на губахъ ея замерло страшное слово.

— А ты что думала? — посмотрѣлъ на нее острыми, точно сверлящими, глазками старецъ Корнилій.— Онъ самый и есть...

— Нѣтъ, не бойтесь. Самого еще не бывало. Развѣ предтеча его...—пытался было возразить Докукинъ.

Но Корнилій всталъ во весь ростъ, цѣпь изъ чугунныхъ крестовъ на немъ звякнула, поднялъ руку, сложилъ ее въ двуперстное знаменье и воскликнулъ торжественно:

— Внимайте, православные, кто царствуетъ, кто обладаетъ вами съ лѣта 1666, числа звѣринаго. Вначалѣ царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ Никономъ отъ вѣры отступилъ и былъ предтечею Звѣрю, а по нихъ царь Петръ благочестіе до конца искоренилъ, патріарху быть не велѣлъ и всю церковную и Божью власть восхитилъ на себя и возвысился противъ Господа нашего, Іисуса Христа, самъ единою безглавною главою церкви учинился, самовластнымъ пастыремъ. И первенству Христа ревнуя, о коемъ сказано: *Азъ есмь первый и послѣдній*, именовалъ себя: *Петръ Первый*. И въ 1700 году, Януарія въ первый день, новолѣтіе ветхо-римскаго бога Януса въ огненной потѣхѣ на щитѣ объявилъ: *се, нынѣ время мое приспѣло*. И въ канунѣ церковнаго пѣнія о Полтавской надъ Шведами побѣдѣ

Христомъ себя именуетъ. И на встрѣчахъ своихъ, въ прибытіяхъ въ Москву, въ тріумфальныхъ воротахъ и шествіяхъ, отрочатъ малыхъ въ бѣлые подстихари наряжалъ и прославлялъ себя и пѣть повелѣвалъ: *Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ! Богъ Господь явися намъ!*—какъ изволеніемъ Божіимъ дѣти еврейскіе на входъ во Іерусалимъ хвалу Господу нашему, Іисусу Христу, Сыну Божію пѣли. И такъ титлами своими превознесся паче всякаго глаголемаго Бога. По предреченному: *во имя Симона Петра имѣетъ въ Римѣ быть гордый князь міра сего, антихристъ*, въ Россіи, сирѣчь въ Третьемъ Римѣ, и явился оный, Петръ, сынъ погибели, хульникъ и противникъ Божій, еже есть антихристъ. И какъ писано: *во всемъ хочетъ льстецъ уподобиться Сыну Божію,* такъ и оный льстецъ, самъ о себѣ хвалясь, говоритъ: я сирымъ отецъ, я странствующимъ пристанище, я бѣдствующимъ помощникъ, я обидимымъ избавитель; для недужныхъ и престарѣлыхъ учредилъ гошпитали, для малолѣтнихъ—училища; неполитичный народъ Россійскій въ краткое время сдѣлалъ политичнымъ и во всѣхъ знаніяхъ равнымъ народамъ Европскимъ; государство распространилъ, восхищенное возвратилъ, разсыпанное возставилъ, униженное прославилъ, ветхое обновилъ, спящихъ въ невѣдѣніи возбудилъ, не сущее создалъ. Я—благъ, я—кротокъ, я—милостивъ. Придите всѣ и поклонитесь мнѣ, Богу живому и сильному, ибо я—Богъ, иного же Бога нѣтъ, кромѣ меня! Такъ возлицемѣрствовалъ благостыню сей Звѣрь, о коемъ сказано: *Звѣрь тотъ страшенъ и ни единому подобенъ*; такъ подъ шкурою овчею скрылся лютый волкъ, да всѣхъ уловитъ и пожретъ. Внимайте же православные, слову пророческому: *изыдите, изыдите, люди мои, изъ Вавилона!* Спасайтесь, ибо нѣтъ во градахъ живущимъ спасенія, бѣгите, гонимые, вѣрные, настоящаго града не имѣющіе, грядущаго взыскающіе, бѣгите въ лѣса и пустыни, скройте главы ваши подъ перстъ, въ горы и вертепы, и пропасти земныя, ибо сами вы видите, братія, что на громадѣ всей злобы стоимъ—самъ точный

антихристъ наступилъ, и на немъ вѣкъ сей кончается. Аминь!

Онъ умолкъ. Ослѣпляющая зарница или молнія вдругъ освѣтила его съ ногъ до головы; и тѣмъ, кто смотрѣлъ на него, въ этомъ блескѣ маленькій старичекъ показался великаномъ; и отзвукъ глухого, точно подземнаго, грома—отзвукомъ словъ его, наполнившихъ небо и землю. Онъ умолкъ, и всѣ молчали. Сдѣлалось опять такъ тихо, что слышно было только сонное журчаніе струй подъ бревнами и съ другого конца плота протяжная, заунывная пѣсня Иванушки:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя.
День къ вечеру приближается,
Сѣкира лежитъ при корени,
Приходятъ времена послѣднія.

И отъ этой пѣсни еще глубже и грознѣе становилась тишина.

Вдругъ съ грохочущимъ свистомъ взвилась ракета и въ темной вышинѣ разсыпалась дождемъ радужныхъ звѣздъ; Нева, отразивъ ихъ, удвоила въ своемъ черномъ зеркалѣ— и запылалъ фейерверкъ. Загорѣлись щиты съ прозрачными картинами, завертѣлись огненныя колеса, забили огненные фонтаны, и открылись чертоги, подобные храму, изъ бѣлаго, какъ солнце пламени. Съ галлереи надъ Невою, гдѣ уже стояла Венусъ, явственно по чуткой глади водъ донесся крикъ пирующихъ: „Виватъ! Виватъ! Виватъ! Петръ Великій, Отецъ отечества, Императоръ Всероссійскій!"—и загремѣла музыка.

— Се, братья, послѣднее совершается знаменье!—воскликнулъ старецъ Корнилій, указывая протянутою рукою на фейерверкъ. — Какъ св. Ипполитъ свидѣтельствуетъ: восхвалятъ его, антихриста, неисповѣдимыми пѣснями и гласами многими и воплемъ крѣпкимъ. И свѣтъ, паче всякаго свѣта, облистаетъ его, тьмы начальника. День во тьму

претворитъ и ночь въ день, и луну и солнце въ кровь, и сведетъ огонь съ небеси...

Внутри пылающихъ чертоговъ появился обликъ Петра, ваятеля Россіи, подобнаго титану Прометею.

— И поклонятся ему всѣ,—заключилъ старецъ,—и воскликнутъ: Виватъ! Виватъ! Виватъ! Кто подобенъ Звѣрю сему? И кто можетъ сразиться съ нимъ? Онъ далъ намъ огонь съ небеси!

Всѣ смотрѣли на фейерверкъ въ оцѣпенѣніи ужаса. Когда же появилось въ клубахъ дыма, освѣщенныхъ разноцвѣтными бенгальскими огнями, плывшее по Невѣ отъ Петропавловской крѣпости къ Лѣтнему саду, морское чудовище съ чешуйчатымъ хвостомъ, колючими плавниками и крыльями,— имъ почудилось, что это и есть предреченный въ Откровеніи Звѣрь, выходящій изъ бездны. Съ минуты на минуту ждали они, что увидятъ идущаго къ нимъ по водѣ „немокрыми стопами“, или по воздуху въ громахъ и молніяхъ на огненныхъ крыльяхъ, съ несмѣтною ратью бѣсовскою, летящаго антихриста.

— Охъ, братики, братики!—всхлипывалъ Петька, дрожа, какъ листъ, и стуча зубами.—Страшно... говоримъ о немъ а нѣтъ ли его самого здѣсь, по близости? Видите, какое смятеніе и между нами...

— Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій. Осиновый колъ ему въ горло и дѣлу конецъ!..—началъ было храбриться Семисаженный, но тоже поблѣднѣлъ и задрожалъ, когда сидѣвшая съ нимъ рядомъ Киликея-кликуша вдругъ пронзительно взвизгнула, упала навзничь, забилась въ корчахъ и начала кликать.

Киликею испортили въ дѣтствѣ. Однажды, сама она разсказывала, мачиха налила ей щей въ ставецъ, подала ѣсть и при томъ избранила: трескай-де, чортъ съ тобою!—и послѣ того времени въ третью недѣлю она, Киликея, занемогла и услышала, что въ утробѣ у нея стало ворчать явственно, какъ щенкомъ; и то ворчанье всѣ слышали; и подлинно-де у нея во утробѣ—дьявольское навожденіе, и человѣческимъ

языкомъ и звѣриными голосами вслухъ говоритъ. Ее сажали за караулъ, по указу царя о кликушахъ, судили, допрашивали, били батогами, плетьми. Она давала обѣщанія съ порукою и распискою, что „впредь кликать не будетъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія кнутомъ и ссылки на прядильный дворъ въ работу вѣчно“. Но плети не могли изгнать бѣса, и она продолжала кликать.

Кликкся приговаривала: „охъ, тошно, тошно!“ .. и смѣялась, и плакала, и лаяла собакою, блеяла овцою, квакала лягушкою, хрюкала свиньею и разными другими голосами кликала.

Жившая на плоту, сторожевая собака, разбуженная всѣми этими необычайными звуками, вылѣзла изъ конуры. Это была голодная тощая сука съ ввалившимися боками и торчавшими ребрами. Она остановилась надъ водою, рядомъ съ Иванушкою, который продолжалъ пѣть, какъ будто ничего не видя и не слыша,—и съ поднятою кверху мордою, съ поджатымъ между ногами хвостомъ, жалобно завыла на огонь фейерверка. Вой суки сливался съ воемъ кликуши въ одинъ страшный звукъ.

Кликсею отливали водою. Старецъ, наклонившись надъ нею, читалъ заклятія на изгнаніе бѣсовъ, дуя, плюя и ударяя ее по лицу ременною лѣстовкою. Наконецъ, она затихла и заснула мертвымъ сномъ, подобнымъ обмороку.

Фейерверкъ потухъ. Угли костра на плоту едва тлѣли. Наступила тьма. Ничего не случилось. Антихристъ не пришелъ. Ужаса не было. Но тоска напала на нихъ, ужаснѣе всѣхъ ужасовъ. Попрежнему сидѣли они на плоскомъ плоту, едва чернѣвшемъ между чернымъ небомъ и черною водою, маленькою кучкою, одинокою, потерянною, какъ будто повисшею въ воздухѣ между двумя небесами. Все было спокойно. Плотъ неподвиженъ. Но имъ казалось, что они стремглавъ летятъ, проваливаются въ эту тьму, какъ въ черную бездну—въ пасть самого Звѣря, къ неизбѣжному концу всего.

И въ этой черной, жаркой тьмѣ, полной голубымъ трепетаніемъ зарницъ, доносились изъ Лѣтняго сада нѣжные

звуки менуэта, какъ томные вздохи любви изъ царства Венусъ, гдѣ пастушокъ Дафнисъ развязываетъ поясъ пастушкѣ Хлоѣ:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвлённы
Любовною стрѣлою
Твоею золотою.

II

На Невѣ, рядомъ съ плотами царевича, стояла большая, пригнанная изъ Архангельска, съ холмогорскою глиняною посудою, барка. Хозяинъ ея, богатый купецъ Пушниковъ изъ раскольниковъ-поморцевъ, укрывалъ у себя бѣглыхъ, утаенныхъ людей стараго благочестія. Въ кормѣ подъ палубой были крошечныя досчатыя каморки, въ родѣ чулановъ. Въ одной изъ нихъ пріютилась баба Алена Ефимова.

Алена была крестьянкою, женою московскаго денежнаго мастера Максима Еремѣева, таїнаго иконоборца. Когда сожгли Фомку цырульника, главнаго учителя иконоборцевъ, Еремѣевъ бѣжалъ въ Низовые города, покинувъ жену. Сама она была не то раскольница, не то православная; крестилась двухперстнымъ сложеніемъ, по внушенію нѣкоего старца, который являлся къ ней и говаривалъ: „трехперстнымъ сложеніемъ, не умолишь Бога“; но ходила въ православныя церкви и у православныхъ духовниковъ исповѣдывалась. Несмотря на страшные слухи о Петрѣ, вѣрила, что онъ подлинно русскій царь, и любила его. Просила у Бога, чтобъ ей видѣть его царскаго величества очи. И въ Петербургъ пріѣхала, чтобы видѣть государя. Ее преслѣдо-

вала мысль: умолить Бога за царя Петра Алексѣевича, чтобы онъ покаялся, вернулся къ вѣрѣ отцовъ своихъ, прекратилъ гоненія на людей стараго благочестія, чтобы и тѣ, въ свою очередь, соединились съ православною церковью. Алена сочинила особую молитву, дабы различіе вѣръ соединено было, и хотѣла ту молитву объявить отцу духовному, но не посмѣла, „затѣмъ что написано плохо“. Она ходила по монастырямъ; нанимала въ Вознесенскомъ, въ церкви Казанской Божьей матери, старицу на шесть недѣль читать акаѳистъ за царя; сама клала за него въ день по двѣ, по три тысячи поклоновъ. Но всего этого казалось ей мало, и она придумала послѣднее отчаянное средство: велѣла своему племяннику, четырнадцатилѣтнему мальчику Васѣ написать сочиненную ею молитву о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и о соединеніи вѣръ, устроила пелену подъ образъ, зашила ту молитву въ подкладку и отдала въ Успенскій соборъ попу, не объявляя о скрытомъ письмѣ.

Послѣ разговора на плоту, Алена вернулась въ келью свою на баркѣ Пушникова, и когда вспомнила все, что слыхала въ ту ночь о государѣ, первый разъ въ жизни напало на нее сомнѣніе: не истинно ли то, что говорятъ о царѣ, и можно ли умолить Бога за такого царя?

Долго лежала она въ душной темнотѣ чулана, съ широко открытыми глазами, обливаясь холоднымъ потомъ, неподвижная. Наконецъ, встала, засвѣтила маленькій огарокъ желтаго воска, поставила его въ углу каморки передъ висѣвшею на досчатой перегородкѣ иконою Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, такою же какъ та, которую показывалъ царь Петръ у подножія Венусъ, опустилась на колѣни, положила триста поклоновъ и начала молиться со слезами, съ воздыханіями, отчаянною молитвою, тою самою, что была зашита въ пеленѣ подъ образомъ Успенскаго собора:

— „Услышь, святая соборная церковь, со всѣмъ херувимскимъ и серафимскимъ престоломъ, съ пророками и

праотцами, угодниками и мучениками, и съ Евангеліемъ, и сколько въ томъ Евангеліи словъ святыхъ—всѣ вспомяните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! Услышь, святая соборная апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и честными мелкими образами, со всѣми апостольскими книгами и съ лампадами, и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и желѣзными плитами, со всякими плодоносными деревами и цвѣтами! О, молю и прекрасное солнце: возмолись Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя! О, синее море съ великими рѣками и съ мелкими ключами, и малыми озерами! Возмолитеся Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! И рыбы морскія, и скоты полевые, и звѣри дубровные, и поля, и лѣса и горы, и все земнородное, возмолитеся къ Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ!“

Чуланъ бабы Алены отдѣляла досчатая перегородка отъ болѣе просторной кельи, въ которой жилъ старецъ Корнилій съ ученикомъ своимъ Тихономъ. Ни слова не произнесъ Тихонъ во время разговора на плоту, но слушалъ съ бо́льшимъ волненіемъ, чѣмъ кто либо. Когда всѣ разошлись, старецъ поѣхалъ въ челнокѣ на берегъ для свиданія и бесѣды съ другими раскольниками о предстоявшемъ великомъ самосожженіи цѣлыхъ тысячъ гонимыхъ людей старой вѣры въ лѣсахъ Керженскихъ за Волгою. Тихонъ вернулся въ свою плавучую келью одинъ, легъ, но такъ же какъ въ сосѣднемъ чуланѣ баба Алена, не могъ заснуть и думалъ о томъ, что слышалъ въ ту ночь. Онъ чувствовалъ, что отъ этихъ мыслей зависитъ все его будущее, что наступаетъ мгновеніе, которое какъ ножъ раздѣлитъ жизнь его пополамъ. „Я теперь, какъ на ножевомъ остріѣ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—въ которую сторону свалюсь, въ ту и пойду“.

Вмѣстѣ съ будущимъ вставало передъ нимъ и прошлое.

Тихонъ былъ единственный сынъ, послѣдній отпрыскъ нѣкогда знатнаго, но давно уже опальнаго и захудалаго рода князей Запольскихъ. Мать его умерла отъ родовъ. Отецъ, стрѣлецкій голова, участвовалъ въ бунтѣ, сталъ за Милославскихъ, за старую Русь и старую вѣру противъ Петра. Во время розыска 1698 года былъ осужденъ, пытанъ въ застѣнкахъ Преображенскаго и казненъ въ Кремлѣ на Красной площади. Всѣхъ родныхъ и друзей его также казнили или сослали. Восьмилѣтній Тихонъ остался круглымъ сиротою на попеченіи стараго дядьки Емельяна Пахомыча. Ребенокъ былъ слабъ и хилъ; страдалъ припадками, похожими на черную немочь; отца любилъ со страстною нѣжностью. Опасаясь за здоровье мальчика, дядька скрывалъ отъ него смерть отца, сказывалъ Тихону, будто бы отецъ уѣхалъ по дѣламъ въ далекую Саратовскую вотчину. Но ребенокъ плакалъ, тосковалъ, бродилъ какъ тѣнь въ огромномъ опустѣломъ домѣ и сердцемъ чуялъ бѣду. Наконецъ, не выдержалъ. Однажды, послѣ долгихъ тщетныхъ разспросовъ, убѣжалъ изъ дому одинъ, чтобы пробраться въ Кремль, гдѣ жилъ дядя, и разузнать у него объ отцѣ. Дяди въ то время не было въ живыхъ, его казнили вмѣстѣ съ отцомъ Тихона.

У Спасскихъ воротъ мальчикъ встрѣтилъ большія телѣги, нагруженныя до верху трупами казненныхъ стрѣльцовъ, кое-какъ наброcанными, полунагими. Подобно зарѣзанному скоту, который тащатъ съ бойни, везли ихъ къ общей могилѣ, къ живодерной ямѣ, куда сваливали вмѣстѣ со всякою поганью и падалью: таковъ былъ указъ царя. Изъ бойницъ Кремлевскихъ стѣнъ торчали бревна; безчисленные трупы висѣли на нихъ „какъ полти"—соленая астраханская рыба, которую вѣшали пучками сушиться на солнцѣ.

Безмолвный народъ цѣлыми днями толпился на Красной площади, не смѣя подходить близко къ мѣсту казней,

глядя издали. Протѣснившись сквозь толпу, Тихонъ увидѣлъ у Лобнаго мѣста, въ лужахъ крови, длинныя, толстыя бревна, служившія плахами. Осужденные, тѣснясь другъ къ другу, иногда по тридцати человѣкъ сразу, клали на нихъ головы въ рядъ. Въ то время какъ царь пировалъ въ хоромахъ, выходившихъ окнами на площадь, ближніе бояре, шуты и любимцы рубили головы. Недовольный ихъ работою—руки неумѣлыхъ палачей дрожали — царь велѣлъ привести къ столу, за которымъ пировалъ, двадцать осужденныхъ и тутъ же казнилъ ихъ собственноручно подъ заздравные клики, подъ звуки музыки: выпивалъ стаканъ и отрубалъ голову; стаканъ за стаканомъ, ударъ за ударомъ; вино и кровь лились вмѣстѣ, вино смѣшивалось съ кровью.

Тихонъ увидалъ также висѣлицу, устроенную на подобіе креста, для мятежныхъ стрѣлецкихъ поповъ, которыхъ вѣшалъ самъ всешутѣйшій патріархъ Никита Зотовъ: множество пыточныхъ колесъ съ привязанными къ нимъ раздробленными членами колесованныхъ; желѣзныя спицы и колья, на которыхъ торчали полуистлѣвшія головы: ихъ нельзя было снимать, по указу царя, пока онѣ совсѣмъ не истлѣютъ. Въ воздухѣ стоялъ смрадъ. Вороны носились надъ площадью стаями.

Мальчикъ вглядѣлся пристальнѣе въ одну изъ головъ. Она чернѣла явственно на голубомъ прозрачномъ небѣ съ нѣжно-золотистыми и розовыми облаками: вдали — главы Кремлевскихъ соборовъ горѣли какъ жаръ; слышался вечерній благовѣстъ. Вдругъ показалось Тихону, будто бы все—и небо, и главы соборовъ, и земля подъ нимъ шатается, что онъ самъ проваливается. Въ торчавшей на спицѣ мертвой головѣ съ черными дырами вмѣсто вытекшихъ глазъ узналъ онъ голову отца. Затрещала барабанная дробь. Изъ-за угла выступила рота Преображенцевъ, сопровождавшая телѣги съ новыми жертвами. Осужденные сидѣли въ бѣлыхъ рубахахъ, съ горящими свѣчами въ рукахъ, со спокойными лицами. Впереди ѣхалъ на конѣ всадникъ высо-

каго роста. Лицо его было тоже спокойно, но страшно. Это былъ Петръ. Тихонъ раньше никогда не видѣлъ его, но теперь тотчасъ узналъ. И ребенку показалось, что мертвая голова отца своими пустыми глазницами смотритъ прямо въ глаза царю. Въ то же мгновеніе онъ лишился чувствъ. Отхлынувшая въ ужасѣ толпа раздавила бы мальчика, если бы не замѣтилъ его старикъ, давнишній пріятель Пахомыча, нѣкто Григорій Талицкій. Онъ поднялъ его и отнесъ домой. Въ ту ночь у Тихона сдѣлался такой припадокъ падучей, какого еще никогда не было. Онъ едва остался живъ.

Григорій Талицкій, человѣкъ неизвѣстный и бѣдный, жившій перепискою старинныхъ книгъ и рукописей, одинъ изъ первыхъ началъ доказывать, что царь Петръ есть антихристъ. Какъ обвиняли его впослѣдствіи во время розыска, „отъ великой своей ревности противъ антихриста и сумнительнаго страха сталъ онъ кричать въ народъ злыя слова въ хулу и поношеніе государя“. Сочинивъ тетрадки *О пришествіи въ міръ антихриста и о скончаніи свѣта*, онъ задумалъ напечатать ихъ и „бросать листы въ народъ безденежно“ для возмущенія противъ царя. Григорій часто бывалъ у Пахомыча и бесѣдовалъ съ нимъ о царѣ—антихристѣ, о послѣднемъ времени. Старецъ Корнилій, тогда жившій въ Москвѣ, также участвовалъ въ этихъ бесѣдахъ. Маленькій Тихонъ слушалъ трехъ стариковъ, которые какъ три зловѣщіе ворона, въ сумерки, въ запустѣломъ домѣ собирались и каркали: „приближается конецъ вѣка, пришли времена лютыя, пришли года тяжкіе: не стало вѣры истинной, не стало стѣны каменной, не стало столповъ крѣпкихъ—погибла вѣра христіанская. А въ послѣднее время будетъ антихристово пришествіе: загорится вся земля и выгоритъ въ глубину на шестьдесятъ локтей за наше великое беззаконіе“. Они разсказывали о видѣніи „нѣкоего мерзкаго и престрашнаго чермнаго Змія, который въ никоніанскихъ церквахъ, во время богослуженія, на плечахъ архіереевъ, вмѣсто святого омофора виситъ, ползая и стрегочуще; или ночью,

обогнувшись около стѣнъ царскихъ палатъ, голову и хоботъ имѣя внутри палаты, шепчетъ на ухо царю". И унылыя бесѣды переходили въ еще болѣе унылыя пѣсни:

Говоритъ Христосъ, Царь Небесный:
Охъ, вы люди мои, люди,
Вы бѣгите-ка въ пустыни,
Въ лѣса темные, въ вертепи.
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами.
Умирайте, мои свѣты,
Не умрете—оживете,
Божья царства не минéте!

Съ особенною жадностью слушалъ онъ разсказы о сокровенныхъ обителяхъ среди дремучихъ лѣсовъ и топей за Волгою, о невидимомъ Китежѣ-градѣ на озерѣ Свѣтлоярѣ. То мѣсто кажется пустыннымъ лѣсомъ. Но тамъ есть и церкви, и дома, и монастыри, и множество людей. Лѣтними ночами на озерѣ слышится звонъ колоколовъ и въ ясной водѣ отражаются золотыя маковки церквей. Тамъ поистинѣ царство земное: и покой, и тишина, и веселіе вѣчное; святые отцы процвѣтали тамъ, какъ лиліи, какъ кипарисы и финики, какъ многоцѣнный бисеръ и звѣзды небесныя; отъ устъ ихъ исходитъ непрестанная молитва къ Богу, какъ ѳиміамъ благоуханный и кадило избранное; а когда наступитъ ночь, молитва ихъ видима бываетъ, какъ столпы пламенные съ искрами; и такъ силенъ тотъ свѣтъ, что можно читать и писать безъ свѣчи. Ихъ возлюбилъ Господь и хранитъ, какъ зѣницу ока, покрывая невидимо дланью Своею до скончанія вѣка. И не узрятъ они скорби и печали отъ звѣря-антихриста, только о насъ, грѣшныхъ, день и ночь печалуютъ—объ отступленіи нашемъ и всего царства Русскаго, что антихристъ въ немъ царствуетъ. Въ невидимый градъ ведетъ сквозь чащи и дебри одна только узкая, окруженная всякими дивами и страхами, тропа Батыева, которой никто не мо-

жетъ найти, кромѣ тѣхъ, кого самъ Богъ управитъ въ то благоутишное пристанище.

Слушая эти разсказы, Тихонъ стремился туда, въ дремучіе лѣса и пустыни. Съ невыразимой грустью и сладостью повторялъ онъ вслѣдъ за Пахомычемъ древній стихъ о юномъ пустынникѣ, Іосафѣ царевичѣ:

Прекрасная мати пустыня!
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Поставлю я малую хижу.
Разгуляюсь я, младъ юношъ,
Іосафій царевичъ,
Во зеленой во дубровѣ.
Кукушка въ ней воскукуетъ,
Умильный глазъ испущаетъ —
И та меня поучаетъ.
Въ тебѣ, матерь-пустыня,
Гнилыя колоды —
Мнѣ райская пища,
Сахарное яство;
Холодныя воды —
Медвяное пойло.

Съ ранняго дѣтства у Тихона бывало иногда, особенно передъ припадками, странное чувство, ни на что не похожее, нестерпимо жуткое и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкое, всегда новое, всегда знакомое. Въ чувствѣ этомъ былъ страхъ и удивленіе, и воспоминаніе, точно изъ какого-то иного міра, но больше всего—любопытство, желаніе, чтобы скорѣе случилось то, что должно случиться. Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ онъ объ этомъ, да и не сумѣлъ бы этого выразить никакими словами. Впослѣдствіи, какъ уже началъ онъ думать и сознавать, чувство это стало въ немъ сливаться съ мыслью о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи.

Порою самыя зловѣщія карканія трехъ стариковъ оставляли его равнодушнымъ, а что нибудь случайное, мгновенное—цвѣтъ, звукъ, запахъ — пробуждало въ немъ это

чувство со внезапною силою. Домъ его стоялъ въ Замоскворѣчьи на склонѣ Воробьевыхъ горъ; садъ кончался обрывомъ, откуда видна была вся Москва—груды черныхъ избъ, бревенчатыхъ срубовъ, напоминавшихъ деревню, надъ ними бѣлокаменныя стѣны Кремля и безчисленныя золотыя главы церквей. Съ этого обрыва мальчикъ подолгу смотрѣлъ на тѣ великолѣпные и страшные закаты, которые бываютъ иногда позднею бурною осенью. Въ мертвенно-синихъ, лиловыхъ, черныхъ, или воспаленно-красныхъ, точно окровавленныхъ, тучахъ чудились ему то исполинскій Змій, обвившійся вокругъ Москвы, то семиглавый Звѣрь, на которомъ сидитъ блудница съ чашею мерзостей, то воинства ангеловъ, которые гонятъ бѣсовъ, разя ихъ огненными стрѣлами, такъ что рѣки крови льются по небу, то лучезарный Сіонъ, невидимый Градъ, сходящій съ неба на землю во славѣ грядущаго Господа. Какъ будто тамъ, на небѣ, уже совершалось въ таинственныхъ знаменіяхъ то, что и на землѣ должно было когда-то совершиться. И знакомое чувство конца охватывало мальчика. Это же самое чувство рождали въ немъ и нѣкоторыя будничныя мелочи жизни: запахъ табака; видъ первой, попавшейся ему на глаза, русской книги, отпечатанной въ Амстердамѣ, по указу Петра, новоизобрѣтенными „гражданскими литерами"; видъ нѣкоторыхъ вывѣсокъ надъ новыми лавками Нѣмецкой слободы; особая форма париковъ со смѣшными буклями, длинными, какъ жидовскіе пейсы или собачьи уши; особое выраженіе на старыхъ рускихъ, недавно бородатыхъ и только что выбритыхъ лицахъ. Однажды восьмидесятилѣтняго дѣда Еремѣича, жившаго у нихъ въ саду пасѣчника, царскіе пристава схватили на городской заставѣ, насильно обрили ему бороду и обрѣзали, окургузили по установленной мѣркѣ, до колѣнъ, полы кафтана. Дѣдъ, вернувшись домой, плакалъ какъ ребенокъ, потомъ скоро заболѣлъ и умеръ отъ горя. Тихонъ любилъ и жалѣлъ старика. Но, при видѣ плачущаго, куцаго и бритаго дѣда, не могъ удержаться отъ смѣха, такого страннаго, неестественнаго, что Пахомычъ испугался, какъ бы у него

не сдѣлался припадокъ. И въ этомъ смѣхѣ былъ ужасъ конца. Однажды зимою появилась комета — звѣзда съ хвостомъ, какъ называлъ ее Пахомычъ. Мальчикъ давно хотѣлъ, но не смѣлъ взглянуть на нее; нарочно отвертывался, жмурилъ глаза, чтобы не видѣть. Но увидѣлъ нечаянно, когда разъ вечеромъ дядька несъ его на рукахъ въ баню черезъ глухой переулокъ, заметенный снѣжными сугробами. Въ концѣ переулка, межъ черныхъ избъ надъ бѣлымъ снѣгомъ, внизу, на самомъ краю черно-синяго неба сверкала огромная, прозрачная, нѣжная звѣзда, немного склоненная, какъ будто убѣгающая въ неизмѣримыя пространства. Она была не страшная, а точно родная, и такая желанная, милая, что онъ глядѣлъ на нее и не могъ наглядѣться. Знакомое чувство сильнѣе, чѣмъ когда либо, сжало сердце его нестерпимымъ восторгомъ и ужасомъ. Онъ весь потянулся къ ней, какъ будто просыпаясь, съ нѣжною сонной улыбкою. И въ то же мгновеніе Пахомычъ почувствовалъ въ тѣлѣ его страшную судорогу. Крикъ вырвался изъ груди мальчика. Съ нимъ сдѣлался второй припадокъ падучей.

Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, забрали его, такъ же какъ и другихъ шляхетныхъ дѣтей, въ „школу математическихъ и навигацкихъ, то есть, мореходныхъ хитростныхъ искусствъ“. Школа помѣщалась въ Сухаревой башнѣ, гдѣ занимался астрономическими наблюденіями генералъ Яковъ Брюсъ, котораго считали колдуномъ и чернокнижникомъ: кривая баба, торговавшая на Второй Мѣщанской мочеными яблоками, видѣла, какъ однажды зимнею ночью Брюсъ полетѣлъ со своей вышки прямо къ мѣсяцу верхомъ на подзорной трубѣ. Пахомычъ ни за что не отдалъ бы дитя въ такое проклятое мѣсто, если бы ребятъ не забирали силою.

Укрывавшіеся дворянскіе недоросли, привезенные изъ своихъ помѣстій подъ конвоемъ, иногда женатые, тридцатилѣтніе и даже сорокалѣтніе младенцы, сидѣли рядомъ съ настоящими дѣтьми на одной партѣ и зубрили по одной книжкѣ, съ картинкою, изображавшею учителя, который

огромнымъ пукомъ розогъ сѣчетъ разложеннаго на скамейкѣ школьника — съ подписью: *всякъ человѣкъ въ тиши поучайся.* Всѣ буквари обильно украшались розочными виршами:

Благослови, Боже, оные лѣса,
Яже розги родятъ на долгіе времена.
Малымъ розга березова ко умиленію,
А старымъ жезлъ дубовый ко подкрѣпленію.

И царскимъ указомъ предписывалось: „выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ будетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря какой бы виновный фамиліи не былъ".

Но какъ ни вбивали въ головы науку малымъ — хлыстомъ и розгою, большимъ—плетьями и батогами, всѣ одинаково плохо учились. Иногда въ минуты отчаянія пѣвали они „пѣснь вавилонскую". Начинали старшіе хриплыми съ перепою басами:

Житье въ школѣ не по насъ,
Въ одинъ день сѣкутъ пять разъ.

Малыши подтягивали визгливыми дискантами:

Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

И дисканты и басы сливались въ дружный хоръ:

И лозами по бедрамъ,
И палями по рукамъ.
Ни съ другого слова въ рожу,
Со спины дерутъ всю кожу.
Геометрію смекай,
А пустыя щи хлебай.
Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

О, проклятое чернило!
Сердце наше изсушило.
И бумага, и перо
Сокрушаютъ насъ зѣло,
Хоть какого молодца
Сгубитъ школа до конца.
Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Немногому научился бы Тихонъ въ школѣ, если бы не обратилъ на него вниманія одинъ изъ учителей, кенигсбергскій нѣмецъ, пасторъ Глюкъ. Выучившись русскому языку съ грѣхомъ пополамъ у бѣглаго польскаго монаха, Глюкъ пріѣхалъ въ Россію обучать „московскихъ юношей, аки мягкую и ко всякому изображенію угодную глину". Онъ разочаровался скоро не столько въ самихъ юношахъ, сколько въ русскомъ способѣ „муштровать ихъ, какъ цыганскихъ лошадей", вбивать имъ въ головы науку плетьми. Глюкъ былъ человѣкъ умный и добрый, хотя пьяница. Пилъ же съ горя, потому что не только русскіе, но и нѣмцы считали его сумасшедшимъ. Онъ писалъ головоломное сочиненіе, комментаріи на комментаріи Ньютона къ Апокалипсису, гдѣ всѣ христіанскія откровенія о кончинѣ міра доказывались точнѣйшими астрономическими выкладками на основаніи законовъ тяготѣнія, изложенныхъ въ недавно вышедшихъ ньютоновыхъ Philosofiæ Naturalis Principia Mathematica.

Въ ученикѣ своемъ, Тихонѣ, онъ открылъ необыкновенныя способности къ математикѣ и полюбилъ его какъ родного.

Старый Глюкъ самъ въ душѣ былъ ребенкомъ. Съ Тихономъ говорилъ онъ, особенно будучи на-веселѣ, какъ со взрослымъ, и единственнымъ другомъ. Разсказывалъ ему о новыхъ философскихъ ученіяхъ и гипотезахъ, о Magna Instauratio Бэкона, о геометрической этикѣ Спинозы, о *вихряхъ* Декарта, о монадахъ Лейбница, но всего вдохновеннѣе—о великихъ астрономическихъ открытіяхъ Копер-

ника; Кэплера, Ньютона. Мальчикъ многаго не понималъ, но слушалъ эти сказанія о чудесахъ науки съ такимъ же любопытствомъ, какъ бесѣды трехъ стариковъ о невидимомъ Китежѣ-градѣ.

Пахомычъ считалъ всю вообще науку нѣмцевъ, въ особенности же „звѣздочетіе“, „остроумѣю“, безбожною.

— Проклятый Коперникъ,—говорилъ онъ,—Богу соперникъ: тягостную землю поднялъ отъ кентра земного на воздухъ. Ему одному только приснилось, будто солнце и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противно священнымъ писаніямъ. Смѣются надъ нимъ богословы!“

— Истинная философія,—говорилъ пасторъ Глюкъ,—вѣрѣ не только полезна, но и нужна. Многіе святые отцы въ наукахъ философскихъ преизяществовали. Знаніе натуры христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ; физическія разсужденія о твари служатъ къ прославленію Творца, какъ и въ Писаніи сказано: *Небеса повѣдаютъ славу Господню.*

Но Тихонъ угадывалъ смутнымъ чутьемъ, что въ этомъ согласіи науки съ вѣрою не все такъ просто и ясно для самого Глюка, какъ онъ думаетъ, или только старается думать. Недаромъ иногда, въ концѣ ученаго спора съ самимъ собою о множествѣ міровъ, о непостижимости космическихъ пространствъ, сильно выпившій старикъ, забывая присутствіе ученика, опускалъ, какъ будто въ изнеможеніи, на край стола свою лысую, со съѣхавшимъ на сторону парикомъ, голову, отяжелѣвшую не столько отъ вина, сколько отъ головокружительныхъ метафизическихъ мыслей, и глухо стоналъ, повторяя знаменитое восклицаніе Ньютона:

— О физика, спаси меня отъ метафизики!

Однажды Тихонъ—ему было тогда уже девятнадцать лѣтъ, онъ кончалъ школу и хорошо читалъ по-латински—случайно открылъ валявшійся на рабочемъ столѣ учителя, привезенный имъ изъ Голландіи, рукописный сборникъ писемъ Спинозы и прочелъ первыя на глаза попавшіяся строки: „Между свойствами человѣка и Бога такъ же мало общаго, какъ

между созвѣздіемъ Пса и псомъ, лающимъ животнымъ. Если бы треугольникъ имѣлъ даръ слова, то и онъ сказалъ бы, что Богъ есть не что иное, какъ совершенный треугольникъ, а кругъ—что природа Бога въ высшей степени кругла". И въ другомъ письмѣ—объ Евхаристіи: „О, безумный юноша! Кто же такъ околдовалъ васъ, что вы вообразили, будто можно проглатывать святое и вѣчное, будто святое и вѣчное можетъ находиться во внутренностяхъ вашихъ? Ужасны таинства вашей церкви: они противорѣчатъ здравому смыслу". Тихонъ закрылъ книгу и больше не читалъ. Первый разъ въ жизни испыталъ онъ отъ мысли то чувство, которое прежде испытывалъ только отъ внѣшнихъ впечатлѣній—ужасъ конца.

Въ Сухаревой башнѣ у генерала Якова Вилимовича Брюса была обширная библіотека и „кабинетъ математическихъ, механическихъ и другихъ инструментовъ, также натуралій—звѣрей, инсектъ, кореньевъ, всякихъ рудъ и минераловъ, антиквитетовъ, древнихъ монетъ, медалей, рѣзныхъ камней, личинъ и вообще, какъ иностранныхъ, такъ и внутреннихъ куріозностей". Брюсъ поручилъ пастору Глюку составить вѣдомость или опись всѣмъ предметамъ и книгамъ. Тихонъ помогалъ ему и цѣлые дни проводилъ въ библіотекѣ.

Однажды, яснымъ лѣтнимъ вечеромъ, онъ сидѣлъ на самомъ верху складной, двигавшейся на колесикахъ библіотечной лѣсенки передъ стѣной, сверху до низу уставленной книгами, наклеивая номера на корешки и сравнивая новую опись со старою, безграмотною, въ которой заглавія иностранныхъ книгъ списаны были русскими буквами. Сквозь высокія окна съ мелкими круглыми стеклами въ свинцовомъ переплетѣ, какъ въ старинныхъ голландскихъ домахъ, падали лучи солнца косыми пыльными снопами на сверкающія мѣдныя машины—небесныя сферы, астролябіи, компасы, наугольники, циркули, масштабы, ватерпасы, подзорныя трубы, „микроскопіумы", на чучела разныхъ диковинныхъ звѣрей и птицъ, на огромную кость мамонтовой головы, на чудовищныхъ китайскихъ идоловъ и мраморныя личины пре-

красныхъ эллинскихъ боговъ, на безконечныя полки книгъ въ однообразныхъ кожаныхъ и пергаментныхъ переплетахъ. Тихону нравилась эта работа. Здѣсь, въ царствѣ книгъ, была такая же уютная тишина, какъ въ лѣсу, или на старомъ, людьми покинутомъ, солнцемъ излюбленномъ кладбищѣ. Доносился только съ улицы вечерній благовѣстъ, напоминавшій звонъ китежскихъ колоколовъ, да сквозь отворенныя въ сосѣднюю комнату двери слышались голоса пастора Глюка и Брюса. Отъужинавъ, сидѣли они за столомъ, курили и пили, бесѣдуя.

Тихонъ только что наклеилъ новые номера на инкварто и октаво, обозначенныя въ старой описи подъ номеромъ 473: „Ѳилозоѳія Францыско Бакона на англинскомъ языкѣ въ трехъ томахъ“; подъ номеромъ 308: „Медитаціонъ де прима ѳилозоѳіи чрезъ Декартесь на голанскомъ языкѣ“; подъ номеромъ 532: „Математикалъ элемансъ натуралъ ѳилозоѳіи чрезъ Исака Неѳтона“. Ставя книги на полку, въ глубинѣ ея ощупалъ онъ и вытащилъ завалившееся, очень ветхое, изъѣденное мышами октаво подъ номеромъ 461: „Леонардо Давинчи, трактатъ о живописномъ письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ“. Это былъ первый, изданный въ Амстердамѣ, въ 1582 году, нѣмецкій переводъ Trattato della pittura. Въ книгу отдѣльнымъ листкомъ вложенъ былъ гравированный на деревѣ портретъ Леонардо. Тихонъ вглядывался въ странное, чуждое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто знакомое, въ незапамятномъ снѣ видѣнное, лицо и думалъ, что, вѣрно, у Симона Мага, летавшаго по воздуху, было такое же точно лицо.

Голоса въ сосѣдней комнатѣ стали раздаваться громче. Брюсъ о чемъ-то спорилъ съ Глюкомъ. Они говорили по нѣмецки. Тихонъ выучился этому языку у пастора. Нѣсколько отдѣльныхъ словъ поразили его, и онъ съ любопытствомъ прислушался, все еще держа въ рукахъ книгу Леонардо.

— Какъ же вы не видите, достопочтенный, что Ньютонъ былъ не въ здравомъ умѣ, когда писалъ свои Комментаріи

къ Апокалипсису? — говорилъ Брюсъ. — Онъ, впрочемъ, въ этомъ и самъ признается въ письмѣ къ Бентлею отъ 13 сентября 1693 года: „я потерялъ связь своихъ мыслей и не чувствую прежней твердости разсудка“—по просту, значитъ рехнулся.

— Ваше превосходительство, я желалъ бы лучше быть сумасшедшимъ съ Ньютономъ, чѣмъ здравомыслящимъ со всей остальною двуногою тварью!—воскликнулъ Глюкъ и залпомъ выпилъ стаканъ.

— О вкусахъ не спорятъ, любезный пасторъ,—продолжалъ Яковъ Вилимовичъ, засмѣявшись сухимъ, рѣзкимъ, точно деревяннымъ смѣхомъ,—но вотъ что всего любопытнѣе: въ то самое время, когда сэръ Исаакъ Ньютонъ сочинялъ свои Комментаріи,—на другомъ концѣ міра, именно здѣсь, у насъ, въ Московіи, дикіе изувѣры, которыхъ называютъ раскольниками, сочинили тоже свои комментаріи къ Апокалипсису и пришли почти къ такимъ же выводамъ, какъ Ньютонъ. Ожидая со дня на день кончины міра и втораго пришествія, одни изъ нихъ ложатся въ гробы и сами себя отпѣваютъ, другіе сжигаются. Ихъ за то гонятъ и преслѣдуютъ; а я сказалъ бы объ этихъ несчастныхъ словами философа Лейбница: „я не люблю трагическихъ событій и желалъ бы, чтобы всѣмъ на свѣтѣ жилось хорошо; что же касается заблужденія тѣхъ, которые спокойно ждутъ кончины міра, то оно мнѣ кажется совсѣмъ невиннымъ“. Такъ вотъ что, говорю я, всего любопытнѣе: въ этихъ апокалипсическихъ бредняхъ крайній Западъ сходится съ крайнимъ Востокомъ и величайшее просвѣщеніе—съ величайшимъ невѣжествомъ, что̀ дѣйствительно могло бы, пожалуй, внушить мысль, что конецъ міра приближается, и что всѣ мы скоро отправимся къ чорту!..

Онъ опять засмѣялся своимъ рѣзкимъ, деревяннымъ смѣхомъ и прибавилъ что-то, чего не разслышалъ Тихонъ, должно быть очень вольнодумное, потому что Глюкъ, у котораго, какъ всегда въ концѣ ужина, парикъ съѣхалъ на сторону, и въ головѣ шумѣло, вдругъ яростно вскочилъ,

отодвинулъ стулъ и хотѣлъ выбѣжать изъ комнаты. Но Яковъ Вилимовичъ удержалъ и успокоилъ его нѣсколькими добрыми словами. Брюсъ былъ единственнымъ покровителемъ Глюка. Онъ уважалъ и любилъ его за безкорыстную любовь къ наукѣ. Но, будучи скептикомъ и даже, какъ утверждали многіе, совершеннымъ атеистомъ, не могъ видѣть бѣднаго пастора, этого „Донкишота астрономіи", чтобы не подразнить его и не посмѣяться надъ злополучными комментаріями къ Апокалипсису, надъ примиреніемъ науки съ вѣрою. Брюсъ полагалъ, что надо выбрать одно изъ двухъ—или вѣру безъ науки, или науку безъ вѣры.

Яковъ Вилимовичъ наполнилъ стаканъ Глюка и, чтобы утѣшить его, началъ разспрашивать о подробностяхъ ньютонова Апокалипсиса. Старикъ отвѣчалъ сперва неохотно, но потомъ опять увлекся и сообщилъ разговоръ Ньютона съ друзьями о кометѣ 1680 года. Когда его однажды спросили о ней, вмѣсто отвѣта онъ открылъ свои *Начала* и указалъ мѣсто, гдѣ сказано: Stellae fixae refici possunt. Неподвижныя звѣзды могутъ возстановляться отъ паденія на нихъ кометъ.—„Почему же вы не писали о солнцѣ такъ же откровенно, какъ о звѣздахъ?"—„Потому, что солнце ближе насъ касается", отвѣчалъ Ньютонъ и потомъ прибавилъ, смѣясь: „я, впрочемъ, сказалъ достаточно для тѣхъ, кто желаетъ понять!".

— Какъ мотылекъ, летящій на огонь, комета упадетъ на солнце,—воскликнулъ Глюкъ,—и отъ этого паденія солнечный жаръ возрастетъ до того, что все на землѣ истребится огнемъ! Въ Писаніи сказано: *небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ*. Тогда исполнятся оба пророчества—того, кто вѣрилъ, и того, кто зналъ.

— „Hypotheses non fingo! Я не сочиняю гипотезъ!"—заключилъ онъ вдохновенно, повторяя великое слово Ньютона.

Тихонъ слушалъ—и давнее, вѣщее карканье трехъ стариковъ, трехъ вороновъ соединялось для него съ точнѣй-

шими выводами знанія. Закрывъ глаза, увидѣлъ онъ глухой переулокъ, занесенный снѣжными сугробами и въ концѣ его, внизу, надъ бѣлымъ снѣгомъ, межъ черныхъ избъ, на краю черно-синяго неба огромную, прозрачную, нѣжную звѣзду. И такъ же какъ въ дѣтствѣ, знакомое чувство сжало сердце его нестерпимымъ восторгомъ и ужасомъ. Онъ уронилъ книгу Леонардо, которая задѣла, падая, трубку астролябіи и повалила ее на полъ съ грохотомъ. Прибѣжалъ Глюкъ. Онъ зналъ, что Тихонъ страдаетъ припадками. Увидѣвъ его вверху лѣстницы, дрожащаго, блѣднаго, онъ бросился къ нему, обнялъ, поддержалъ и помогъ сойти. На этотъ разъ припадокъ миновалъ. Пришелъ также Брюсъ. Они разспрашивали Тихона съ участіемъ. Но онъ молчалъ: чувствовалъ, что нельзя ни съ кѣмъ говорить объ *этомъ*.

— Бѣдный мальчикъ! — сказалъ Яковъ Вилимовичъ Глюку, отводя его въ сторону.—Нашъ разговоръ напугалъ его. Здѣсь они всѣ таковы—только и думаютъ о кончинѣ міра. Я замѣтилъ, что въ послѣднее время какое-то безуміе распространяется среди нихъ, какъ зараза. Богъ знаетъ, чѣмъ кончитъ этотъ несчастный народъ!

По выходѣ изъ школы, Тихонъ долженъ былъ поступить, какъ всѣ шляхетныя дѣти, въ военную службу. Пахомычъ умеръ. Глюкъ собирался въ Швецію и Англію, по порученію Брюса, для закупки новыхъ математическихъ инструментовъ. Онъ приглашалъ съ собою Тихона, который, забывъ свои дѣтскіе страхи и предостереженіе Пахомыча, все съ большей любовью предавался изученію математики. Здоровье окрѣпло, припадки не повторялись. Давнее любопытство влекло его въ другіе края, въ „царство Стекольное“, почти столько же для него таинственное, какъ невидимый Китежъ-градъ. По ходатайству Якова Вилимовича, навигацкій ученикъ Запольскій, въ числѣ другихъ „младенцевъ Россійскихъ“, посланъ былъ царскимъ указомъ для окончанія наукъ за море. Они пріѣхали съ Глюкомъ въ Петербургъ въ началѣ іюня 1715 года. Тихону исполнилось 25 лѣтъ; онъ былъ ровесникомъ царевича Алексѣя, но по виду все

еще казался мальчикомъ. Черезъ нѣсколько дней изъ Кроншлота отходилъ купеческій корабль, на которомъ они должны были плыть въ Стокгольмъ—Стекольный.

Вдругъ все измѣнилось. Петербургъ видомъ своимъ, столь не похожимъ на Москву, поразилъ Тихона. Цѣлыми днями онъ бродилъ по улицамъ, смотрѣлъ и удивлялся: безконечные каналы, першпективы, дома на сваяхъ, вбитыхъ въ зыбкую тину болотъ, построенныя въ рядъ „линейно", по указу, „такъ, чтобы никакое строеніе за линію или изъ линіи не строилось", бѣдныя мазанки среди лѣсовъ и пустырей, крытыя по чухонски дерномъ и берестою, дворцы затѣйливой архитектуры „на прусскій маниръ", унылые гварнизонные магазейны, цейхаузы, амбары, церкви съ голандскими шпицами и курантнымъ боемъ—все было плоско, пошло, буднично, и въ то же время похоже на сонъ. Порою, въ пасмурныя утра, въ дымкѣ грязно-желтаго тумана, чудилось ему, что весь этотъ городъ подымется вмѣстѣ съ туманомъ и разлетится, какъ сонъ. Въ Китежѣ-градѣ то, что̀ есть—невидимо, а здѣсь въ Петербургѣ, наоборотъ, видимо то, чего нѣтъ; но оба города одинаково призрачны. И снова рождалось въ немъ жуткое чувство, котораго онъ уже давно не испытывалъ—чувство конца. Но оно не разрѣшалось, какъ прежде, восторгомъ и ужасомъ, а давило тупо безконечною тоскою. Однажды на Троицкой площади у „кофейнаго дома" Четырехъ Фрегатовъ, встрѣтилъ онъ человѣка высокаго роста въ кожаной курткѣ голландскаго шкипера. И точно также какъ и въ Москвѣ, на Красной площади, у Лобнаго мѣста, гдѣ торчавшая на колѣ мертвая голова отца его смотрѣла пустыми глазницами прямо въ глаза этому самому человѣку,—Тихонъ тотчасъ узналъ его: это былъ Петръ. Страшное лицо какъ будто сразу объяснило ему страшный городъ: на нихъ обоихъ была одна печать.

Въ тотъ же день встрѣтилъ онъ старца Корнилія, обрадовался ему, какъ родному, и уже не покидалъ его. Ночевалъ у старца въ кельи, дни проводилъ на плотахъ на бар-

кахъ съ утаенными, бѣглыми людьми. Слушалъ разскáзы о житіи великихъ пустынныхъ отцовъ на далекомъ сѣверѣ, въ лѣсахъ Поморскихъ, Онѣжскихъ и Олонецкихъ, гдѣ Корнилій, уйдя изъ Москвы, провелъ много лѣтъ, о тамошнихъ страшныхъ гаряхъ—многотысячныхъ самосожженіяхъ. Оттуда шелъ онъ теперь за Волгу на Керженецъ проповѣдывать „красную смерть“.

Тихонъ учился недаромъ. Многому, чему вѣрили эти люди, онъ уже не вѣрилъ; думалъ иначе, но чувствовалъ такъ же, какъ они. Самое главное—чувство конца—у нихъ было общее съ нимъ. То, о чемъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, чего никто изъ ученыхъ людей и не понялъ бы, они понимали—этимъ только и жили. Все, что съ ранняго дѣтства онъ слышалъ отъ Пахомыча, теперь вдругъ ожило въ душѣ его съ новой силою. Опять потянуло его въ лѣса, въ пустыни, въ сокровенныя обители, въ „благоутишное пристанище“. Какъ будто при свѣтѣ бѣлыхъ ночей надъ просторомъ Невы, сквозь бой голландскихъ курантовъ, опять ему слышался звонъ китежскихъ колоколовъ. И опять, съ томительной грустью и сладостью, повторялъ онъ стихъ объ Іосафѣ царевичѣ:

Прекрасная мати пустыня!
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ...

Надо было рѣшить, надо было выбрать одно изъ двухъ: или навсегда вернуться въ міръ, чтобы жить, какъ всѣ живутъ, служить человѣку, который погубилъ отца его и, можетъ быть, погубитъ Россію; или навсегда уйти изъ міра, сдѣлаться нищимъ, бродягою, однимъ изъ утаенныхъ, бѣглыхъ людей, „настоящаго града не имѣющихъ, грядущаго—взыскующихъ“; на западъ съ пасторомъ Глюкомъ—въ городъ Стекольный, или на Востокъ со старцемъ Корниліемъ—въ невидимый Китежъ-градъ. Чтò онъ выберетъ,

куда пойдетъ? Онъ самъ еще не зналъ, колебался, медлилъ послѣднимъ рѣшеніемъ, какъ будто ждалъ чего-то. Но въ эту ночь, послѣ разговора на плоту о Петрѣ-антихристѣ, почувствовалъ, что медлить нельзя. Завтра отправляется корабль въ Стокгольмъ и завтра же старецъ Корнилій, которому грозилъ доносъ, долженъ бѣжать изъ Петербурга. Онъ звалъ съ собою Тихона.

— Я теперь какъ на ножевомъ остріѣ,—опять подумалъ онъ.—Въ которую сторону свалюсь, въ ту и пойду. Одна жизнь, одна смерть. Разъ ошибешься, второй не поправишь.

Но въ то же время онъ чувствовалъ, что не имѣетъ силы рѣшить, и что двѣ судьбы, какъ два конца мертвой петли, соединяясь, стягиваясь, давятъ и душатъ его. Онъ всталъ, взялъ съ полки рукописную книгу—*Слово Св. Ипполита о второмъ пришествіи* и, чтобы отдохнуть отъ мыслей, началъ разсматривать, при свѣтѣ лампады, горѣвшей передъ образомъ, заставныя картинки. На одной изъ нихъ, слѣва, сидѣлъ на престолѣ антихристъ, въ зеленомъ, съ красными отворотами и мѣдными пуговицами, преображенскомъ мундирѣ, въ треуголкѣ, со шпагою, похожій лицомъ на царя Петра Алексѣевича, и указывалъ рукою впередъ. Передъ нимъ, вправо, преображенской и семеновской гвардіи отрядъ направлялся къ скиту среди темнаго лѣса. Вверху на горахъ съ тремя пещерами молились иноки. Солдаты, руководимые синими бѣсами, взбирались вверхъ по горному склону. Внизу подпись: „тогда пошлетъ въ горы и вертепы, и пропасти земныя полки свои бѣсовскіе, дабы искать укрывшихся отъ глазъ его и тѣхъ привести на поклоненіе себѣ“. На другой картинкѣ солдаты разстрѣливали связанныхъ старцевъ: „оружіемъ отъ діявола надутъ“.

За досчатой перегородкой въ сосѣднемъ чуланѣ все еще вздыхала и плакала баба Алена, молясь Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Тихонъ положилъ книгу, опустился на колѣни передъ образомъ. Но молиться не могъ. Тоска напала на него, какой онъ еще никогда не

испытывалъ. Пламя догорѣвшей лампады, въ послѣдній разъ вспыхнувъ, потухло. Наступила тьма. И что-то подползало, подкрадывалось въ этой тьмѣ, хватало его за горло темною, теплою, мягкою, словно косматою, лапою. Онъ задыхался. Холодный потъ выступалъ на тѣлѣ. И опять ему казалось, что онъ летитъ стремглавъ, проваливается въ черную тьму, какъ зіяющую бездну—пасть самаго Звѣря. „Все равно", подумалъ онъ, и вдругъ нестерпимымъ свѣтомъ загорѣлась въ сознаніи мысль: все равно, какой изъ двухъ путей онъ выберетъ, куда пойдетъ—на Востокъ или Западъ; и здѣсь, и тамъ, на послѣднихъ предѣлахъ Востока и Запада—одна мысль, одно чувство: скоро конецъ. *Ибо какъ молнія исходитъ отъ Востока и видна бываетъ даже до Запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго.* И въ немъ какъ будто сверкнула эта послѣдняя соединяющая молнія. „Ей, гряди, Господи Іисусе!"—воскликнулъ онъ и въ то же мгновеніе въ концѣ кельи вспыхнулъ бѣлый, страшный свѣтъ. Раздался оглушительный трескъ, какъ будто небо распалось и рушилось. Это была та самая молнія, которая такъ напугала Петра, что онъ выронилъ икону изъ рукъ у подножія Венусъ. Баба Алена услышала сквозь вой, свистъ и грохотъ бури ужасный нечеловѣческій крикъ: у Тихона сдѣлался припадокъ падучей.

Онъ очнулся на кормѣ барки, куда, во время припадка, вынесли его изъ душной кельи. Было раннее утро. Вверху голубое небо, внизу бѣлый туманъ. Звѣзда блестѣла на востокѣ сквозь туманъ, звѣзда Венеры. И на островѣ Кейвусарѣ, Петербургской сторонѣ, на большой Дворянской, надъ куполомъ дома, гдѣ жилъ Бутурлинъ, „митрополитъ всепьянѣйшій", позолоченная статуя Вакха, подъ первымъ лучемъ солнца, вспыхнула огненно-красной, кровавой звѣздою въ туманѣ, какъ будто земная звѣзда обмѣнялась таинственнымъ взглядомъ съ небесною. Туманъ порозовѣлъ, точно въ тѣло блѣдныхъ призраковъ влилась живая кровь. И мраморное тѣло богини Венусъ въ средней галлереѣ надъ Невою сдѣлалось теплымъ и розовымъ, словно жи-

вымъ. Она улыбнулась вѣчною улыбкой солнцу, какъ будто радуясь, что солнце восходитъ и здѣсь, въ Гиперборейской полночи. Тѣло богини было воздушнымъ и розовымъ, какъ облако тумана; туманъ—живымъ и теплымъ, какъ тѣло богини. Туманъ былъ тѣломъ ея—и все было въ ней, и она во всемъ.

Тихонъ вспомнилъ свои ночныя мысли и почувствовалъ въ душѣ спокойную рѣшимость: не возвращаться къ пастору Глюку и бѣжать со старцемъ Корниліемъ.

Барка, на которой онъ лежалъ, сдвинутая бурей, уперлась кормою въ тотъ самый плотъ, гдѣ ночью шелъ разговоръ объ антихристѣ. Иванушка, успѣвшій выспаться, сидѣлъ на томъ же мѣстѣ какъ ночью и пѣлъ ту же пѣсенку. И музыка, или только призракъ музыки—заглушенные туманомъ звуки менуета:

Покинь, Купидо, стрѣлы,
Уже мы всѣ не цѣлы—

сливались съ унылой, протяжною пѣснью Иванушки, который, глядя на Востокъ—начало дня, пѣлъ вѣчному Западу—концу всѣхъ дней:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя!
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ Западу,
Сѣкира лежитъ при корени.
Приходятъ времена послѣднія!

III

На берегу Невы, у церкви Всѣхъ Скорбящихъ, рядомъ съ домомъ царевича Алексѣя, находился домъ царицы Мароы

Матвѣевны, вдовы сводного брата Петрова, царя Ѳеодора Алексѣевича. Ѳеодоръ умеръ, когда Петру было десять лѣтъ. Восемнадцатилѣтняя царица прожила съ нимъ въ супружествѣ всего четыре недѣли. Послѣ его смерти, она помѣшалась въ умѣ отъ горя и тридцать три года прожила въ заключеніи. Никуда не выходила изъ своихъ покоевъ, никого не узнавала. При чужеземныхъ дворахъ считали ее давно умершею. Петербургъ, который она мелькомъ видѣла изъ оконъ своей комнаты — мазанковыя зданія, построенныя „голландскою и прусскою манирою“, церкви шпицомъ, Нева съ верейками и барками, каналы—все это представлялось ей, какъ страшный и нелѣпый сонъ. А сновидѣнія казались дѣйствительностью. Она воображала, что живетъ въ Московскомъ Кремлѣ, въ старыхъ теремахъ, и что, выглянувъ въ окно, увидитъ Ивана Великаго. Но никогда не выглядывала, боялась свѣта дневного. У нея въ хоромахъ была вѣчная темнота, окна завѣшаны. Она жила при свѣчахъ. Вѣковые запаны и завѣсы скрывали отъ взоровъ людскихъ послѣднюю московскую царицу. Торжественный и пышный царскій чинъ соблюдался *на Верху*. Служители далѣе сѣней не смѣли входить безъ „обсылки“. Здѣсь время остановилось, и все навѣки было неподвижно— такъ, какъ во времена Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Безумная сказка сложилась въ ея больномъ умѣ, будто бы мужъ ея, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ, у Гроба Господня, молится за Русскую землю, на которую идетъ антихристъ съ несмѣтными полчищами ляховъ и нѣмцевъ; на Руси нѣтъ царя, а тотъ царь, который и есть, не истинный; онъ—самозванецъ, оборотень, Гришка Отрепьевъ, бѣглый пушкарь, нѣмецъ съ Кукуевской Слободы; но Господь не до конца прогнѣвался на православныхъ; когда исполнятся времена и сроки, единый благовѣрный царь всея Руси, Ѳеодоръ, солнышко красное, вернется въ свою землю съ грозною ратью, въ силѣ и славѣ, и побѣгутъ передъ нимъ басурманскія полчища, какъ ночь передъ солнцемъ, и сядетъ онъ вмѣстѣ съ

царицею на дѣдовскій престолъ, и возстановитъ судъ и правду въ землѣ своей; весь народъ придетъ къ нему и поклонится; и низринутъ будетъ антихристъ со всѣми своими нѣмцами. Тогда же скоро и міру конецъ и второе страшное пришествіе Христово. Все это близко, при дверяхъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ праздника Венеры въ Лѣтнемъ саду, царевна Марія пригласила Алексѣя въ домъ царицы Марѳы. Здѣсь уже не разъ бывали у нихъ тайныя свиданія. Тетка передавала ему вѣсти и письма отъ матери, опальной царицы Евдокіи Ѳеодоровны, во иночествѣ Елены, первой жены Петра, насильно постриженной имъ и заключенной въ Суздальско-Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Алексѣй, войдя въ домъ царицы Марѳы, долго пробирался по темнымъ брусянымъ переходамъ, сѣнямъ, клѣтямъ, подклѣтямъ и лѣстницамъ. Всюду пахло деревяннымъ масломъ, рухлядью, ветошью, какъ будто пылью и гнилью вѣковъ. Всюду были келійки, горенки, тайнички, боковушки, чуланчики. Въ нихъ ютились старыя-престарыя верховыя боярыни и боярышни, комнатныя бабы, мамы, казначеи, портомои, мѣховницы, постельницы, юродивые, нищіе, странницы, государевы богомольцы, дураки и дурки, дѣвочки-сиротинки, столѣтніе сказочники-бахари и игрецы-домрачеи, которые воспѣвали былины подъ звуки заунывныхъ домръ. Дряхлые слуги въ полинялыхъ мухояровыхъ кафтанахъ, сѣдые, шершавые, точно мохомъ обросшіе, хватали царевича за полы, цѣловали его въ ручку, въ плечико. Слѣпые, нѣмые, хромые, сѣрые, сивые отъ старости, безликіе, слѣдуя за нимъ, скользили по стѣнамъ, какъ призраки, кишѣли, копошились, ползали въ темнотѣ переходовъ, какъ въ сырыхъ щеляхъ мокрицы. Навстрѣчу ему попался дуракъ Шамыра, вѣчно хихикавшій и щипавшійся съ дуркою Манькою. Самая древняя изъ верховыхъ боярынь, любимая царицею, такъ же какъ и она выжившая изъ ума, толстая, вся заплывшая желтымъ жиромъ, трясущаяся, какъ студень, Сундулѣя Вахрамѣевна повалилась ему въ ноги и почему-то

завыла, причитая надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ. Царевичу стало жутко. Вспомнилось слово отца: „оный дворъ царевны Маршы отъ набожности есть гошпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ“.

Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, вступивъ въ болѣе свѣтлую и свѣжую угловую горницу, гдѣ ожидала его тетка, царевна Марья Алексѣевна. Окна выходили на голубой и солнечный просторъ Невы съ кораблями и барками. Голыя бревенчатыя стѣны, какъ въ избѣ. Только въ красномъ углу кіотъ съ образами и тускло теплившеюся лампадкою. По стѣнамъ лавки. Сидѣвшая за столомъ тетка привстала и обняла царевича съ нѣжностью. Марья Алексѣевна одѣта была по старинному, въ повойникѣ, шерстяномъ шушунѣ смирнаго, то есть, темнаго, вдовьяго цвѣта, съ коричневыми крапинками. Лицо у нея было некрасивое, блѣдное и одутловатое, какъ у старыхъ монахинь. Но въ злыхъ тонкихъ губахъ, въ умныхъ, острыхъ, точно колючихъ, глазахъ было что-то властное и твердое, напоминавшее царевну Софью — „злое сѣмя Милославскихъ“. Такъ же, какъ Софья, ненавидѣла она брата и всѣ дѣла его, „душою о старинѣ горѣла“. Петръ щадилъ ее, но называлъ старою вороною, за то что она ему вѣчно каркала.

Царевна подала Алексѣю письмо отъ матери изъ Суздаля. То былъ отвѣтъ на недавнюю, слишкомъ сухую и краткую записочку сына: „Матушка, здравствуй! Пожалуй, не забывай меня въ своихъ молитвахъ“. Сердце Алексѣя забилось, когда онъ сталъ разбирать безграмотныя строки съ неуклюже нацарапанными, дѣтскими буквами знакомаго почерка.

„Царевичъ Алексѣй Петровичъ, здравствуй. А я, бѣдная, въ печаляхъ своихъ еле жива, что ты, мой батюшка, меня покинулъ, что въ печаляхъ такихъ оставилъ, что забылъ рожденіе мое. А я за тобою ходила рабски. А ты меня скоро забылъ. А я тебя ради по сіе число жива. А если бы не ради тебя, то бы на свѣтѣ не было меня въ

такихъ напастяхъ и въ бѣдахъ, и въ нищетѣ. Горькое, горькое мое житіе! Лучше бы я на свѣтъ не родилась. Не вѣдаю, за что мучаюся. А я же тебя не забыла, всегда молюся за здоровье твое Пресвятой Богородицѣ, чтобы она сохранила тебя и во всякой бы чистотѣ соблюла. Образъ здѣсь есть Казанской Пресвятой Богородицы, по явленію построена церковь. А я за твое здоровье обѣщалась и подымала образъ въ домъ свой, да сама ночью проводила, на раменахъ своихъ несла. А было мнѣ видѣніе мѣсяца Маія двадцат третіе число. Явилася пресвѣтлая и пречистая Царица Небесная и обѣщалась у Господа Бога, своего Сына, упросить, да печаль мою на радость претворить. И слышала я, недостойная, отъ пресвѣтлой Жены—рекла она такое слово: „предпочла-де ты мой образъ и проводила до храма моего, и я-де тебя возвеличу и сына-де твоего сохраню". А ты, радость моя, чадо мое, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ своемъ. Отпиши, другъ мой, Олешенька, хоть едину строчку, утоли мое рыданіе слезное, дай хоть мало мнѣ отдохнуть отъ печали, помилуй мать свою и рабу, пожалуй, отпиши! Рабски тебѣ кланяюся".

Когда Алексѣй дочиталъ письмо, царевна Марья отдала ему монастырскіе гостинцы—образокъ, платочекъ, вышитый шелками собственною рукою смиренной инокини Елены, да двѣ липовыя чашечки, „чѣмъ водку пьютъ". Эти жалобные подарки больше тронули его, нежели письмо.

— Забылъ ты ее,—произнесла Марья, глядя ему прямо въ глаза.—Не пишешь и не посылаешь ей ничего.

— Опасаюсь,—молвилъ царевичъ.

— А что?—возразила она съ живостью, и острые глаза точно укололи его.—Хотя бы тебѣ и пострадать? Ничего! Вѣдь за мать, не за кого иного...

Онъ молчалъ. Тогда она начала ему разсказывать шопотомъ на ухо, что̀ слышала отъ пришедшаго изъ обители Суздальской, юрода Михайла Босого: тамошняя радость обвеселила, тамъ не прекращаются видѣнія, знаменія, пророчества, гласы отъ образовъ; архіерей Новгородскій Іовъ

сказываетъ: „тебѣ въ Питербурхѣ худо готовится; только Богъ тебя избавитъ, чаю; увидишь чтó у васъ будетъ“. И старцу Виссаріону, что̀ живетъ въ Ярославской стѣнѣ замурованъ, было откровеніе, что скоро перемѣнѣ быть: „либо государь умретъ, либо Питербурхъ разорится“. И епископу Досиѳею Ростовскому явился св. Дмитрій царевичъ и предрекъ, что нѣкоторое смятеніе будетъ и *скоро совершится.*

— Скоро! Скоро!—заключила царевна.—Много вопіющихъ: Господи мсти и дай *совершеніе* и дѣлу конецъ!

Алексѣй зналъ, что совершеніе значитъ смерть отца.

— Попомни меня!—воскликнула Марья пророчески.— Питербурхъ не долго за нами будетъ. Быть ему пусту!

И взглянувъ въ окно на Неву, на бѣлые домики среди зеленыхъ болотистыхъ топей, повторила злорадно:

— Быть пусту, быть пусту! Къ чорту въ болото провалится! Какъ выросъ, такъ и сгинетъ, грибъ поганый. И мѣста его не найдутъ, окаяннаго!

Старая ворона раскаркалась.

— Бабьи сказки, — безнадежно махнулъ рукою Алексѣй.—Мало ли пророчествъ мы слышали? Все вздоръ!

Она хотѣла что-то возразить, но вдругъ опять взглянула на него своимъ острымъ, колючимъ взоромъ.

— Что это, царевичъ, лицо у тебя какое? Не можется, что ли? Аль пьешь?

— Пью. Насильно поятъ. Третьяго дня на спускѣ корабельномъ замертво вынесли. Лучше бы я на каторгѣ былъ или лихорадкою лежалъ, чѣмъ тамъ былъ!

— А ты пилъ бы лѣкарства, болѣзнь бы себѣ притворялъ, чтобы тебѣ на тѣхъ спускахъ не быть, коли вѣдаешь такой отца своего обычай.

Алексѣй помолчалъ, потомъ тяжело вздохнулъ.

— Охъ, Марьюшка, Марьюшка, горько мнѣ!.. Уже я чуть знаю себя отъ горести. Если бы не помогала сила Божья, едва можно человѣку въ умѣ быть... Я бы радъ хоть куды скрыться... Уйти бы, прочь отъ всего!

— Куда тебѣ отъ отца уйти? У него рука долга. Вездѣ найдетъ.

— Жаль мнѣ,—продолжалъ Алексѣй,—что не сдѣлалъ такъ, какъ приговаривалъ Кикинъ, чтобы уѣхать во Францію или къ цесарю. Тамъ бы я покойнѣе здѣшняго жилъ, пока Богъ изволитъ. Много вѣдь нашей братьи-то бѣгствомъ спасалося. Да нѣтъ такого образа, чтобы уѣхать. Ужъ и не знаю, что со мною будетъ, тетенька, голубушка!.. Я ничему не радъ, только дай мнѣ свободу и не трогай никуды. Либо отпустить въ монастырь. И отъ наслѣдства бы отрекся, жилъ бы, отдалясь отъ всего, въ покоѣ, ушелъ бы въ свои деревнишки, гдѣ бы животъ скончать!

— Полно-ка ты, полно, Петровичъ! Государь вѣдь человѣкъ не безсмертенъ: воля Божья придетъ—умретъ. Вотъ, говорятъ, болѣзнь у него, падучая, а такіе люди недолго живутъ. Дастъ Богъ совершеніе... Чаю, что не умедлится... Погоди, говорю, доведется и намъ свою пѣсенку спѣть. Тебя въ народѣ любятъ и пьютъ про твое здоровье, называя надеждою Россійскою. Наслѣдство тебя не минуетъ!

— Что наслѣдство, Марьюшка! Быть мнѣ пострижену, и не то что нынѣ отъ отца, а и послѣ него мнѣ на себя ждать того же: что Василья Шуйскаго, постригши, отдадутъ куда въ полонъ. Мое житье худое...

— Какъ же быть, соколикъ? Часъ терпѣть, вѣкъ жить. Потерпи, Алешенька!

— Долго я терпѣлъ, больше не могу!—воскликнулъ онъ съ неудержимымъ порывомъ, и лицо его поблѣднѣло.— Хоть бы ужъ одинъ конецъ! Истома пуще смерти...

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но голосъ его пресѣкся. Онъ глухо простоналъ: „О, Господи, Господи!“ уронилъ руки на столъ, прижалъ къ ладонямъ лицо, стиснулъ голову пальцами и не заплакалъ, а только весь, какъ отъ нестерпимой боли, съежился. Судорога безслезнаго рыданія сотрясала все его тѣло.

Царевна Марья склонилась надъ нимъ, положила на плечо его свою маленькую, твердую и властную руку; точно такія же руки были у царевны Софьи.

— Не малодушествуй, царевичъ,—проговорила она медленно, съ тихою и ласковою строгостью—Не гнѣви Бога, не ропщи. Помни Іова: благо есть надѣятися на Господа, понеже весь животъ нашъ и движеніе въ руцѣ Божіей. Можетъ Онъ и противными полезно намъ устроить. Аще Богъ съ кѣмъ, что сотворитъ тому человѣкъ? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое, Господь воздастъ за мя! Положись весь на Христа, Алешенька, другъ мой сердешненькой: выше силы не попуститъ Онъ быть искушенію.

Она умолкла. И подъ эти родные, съ дѣтства знакомые звуки молитвенныхъ словъ, подъ этою ласковою, твердою рукою, онъ тоже затихъ.

Постучались въ дверь. То Сундулѣя Вахрамѣевна пришла за ними отъ Царицы Мароы.

Алексѣй поднялъ голову. Лицо его все еще было блѣдно, но уже почти спокойно. Онъ взглянулъ на образъ съ тускло теплившеюся лампадкою, перекрестился и сказалъ:

— Твоя правда, Марьюшка! Буди воля Божья во всемъ. Онъ за молитвами Богоматери и всѣхъ святыхъ, какъ хощетъ, совершитъ или разрѣшитъ о насъ, въ чемъ надежду мою имѣлъ и имѣть буду.

— Аминь!—произнесла царевна.

Они встали и пошли въ постельныя хоромы царицы Мароы.

IV

Несмотря на солнечный день, въ комнатѣ было темно, какъ ночью, и горѣли свѣчи. Ни одинъ лучъ не проникалъ

сквозь плотно забитыя войлоками, завѣшенныя коврами окна. Въ спертомъ воздухѣ пахло роснымъ ладаномъ и гуляфною водкою—розовою водою—куреньями, которыя клали въ печныя топли для духу. Комнату загромождали казенки, поставцы, шкафы, скрыни, шкатуни, коробьи, ларцы, кованые сундуки, обитыя полосами луженаго желѣза подголовки, кипарисовыя укладки, со всякими мѣхами, платьями и бѣлою казною — бѣльемъ. Посерединѣ комнаты возвышалось царицыно ложе подъ шатровою сѣнью—пологомъ изъ алтабаса пунцоваго съ травами блѣдно-зеленаго золота съ одѣяломъ изъ кизылбашской золотной камки на соболяхъ съ горностаевой опушкой. Все было пышное, но ветхое, истертое, истлѣвшее, такъ что, казалось, должно было разсыпаться, какъ прахъ могильный, отъ прикосновенія свѣжаго воздуха. Сквозь открытую дверь видна была сосѣдняя комната—крестовая, вся залитая сіяніемъ лампадъ передъ иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Тамъ хранилась всякая святыня: кресты, панагіи, складни, крабицы, коробочки, ставики съ мощами; смирна, ливанъ, чудотворные меды, святая вода въ вощанкахъ; на блюдечкахъ кассія, въ сосудѣ свинцовомъ муро, освященное патріархами; свѣчи, зажженныя отъ огня небеснаго; песокъ Іорданскій; частицы Купины Неопалимой, дуба Мамврійскаго; млеко Пречистой Богородицы; камень лазоревый—*небеса*, „гдѣ стоялъ Христосъ на воздухѣ"; камень во влагалищѣ суконномъ—„отъ него благоуханіе, а какой камень, про то невѣдомо"; онучки Пафнутія Боровскаго; зубъ Антипія Великаго, отъ зубной скорби исцѣляющій, отобранный на себя Иваномъ Грознымъ изъ казны убіеннаго сына.

У ложа въ золоченыхъ креслахъ, похожихъ на „царское мѣсто", съ рѣзнымъ двуглавымъ орломъ и „коруною" на спинкѣ, сидѣла царица Марѳа Матвѣевна. Хотя зеленая муравленая печка съ узорчатыми городками и гзымзами была жарко натоплена, зябкая больная старуха куталась въ тѣлогрѣю киндячную на песцовомъ мѣху. Жемчужная

рясна и поднизи свѣшивались на лобъ ея изъ-подъ золотого кокошника. Лицо было не старое, но точно мертвое, каменное; густо набѣленное и нарумяненное, по древнему чину Московскихъ царицъ, казалось оно еще мертвеннѣе. Живы были только глаза, прозрачно-свѣтлые, но съ неподвижнымъ, какъ будто невидящимъ, взоромъ: такъ смотрятъ днемъ ночныя птицы. У ногъ ея сидѣлъ на полу монашекъ и что-то разсказывалъ.

Когда вошелъ царевичъ съ теткою, Мароа Матвѣевна поздоровалась съ ними ласково и пригласила послушать странничка Божья. Это былъ маленькій старичекъ съ личикомъ совсѣмъ дѣтскимъ, очень веселымъ; голосокъ у него былъ тоже веселый, пѣвучій и пріятный. Онъ разсказывалъ о своихъ странствіяхъ, о скитскомъ житіѣ на Аѳонѣ и Соловкахъ. Сравнивая ихъ, отдавалъ предпочтеніе обители греческой передъ русскою.

— Называется обитель та Аѳонская *Садъ Пресвятой Богородицы,* на него же всегда зритъ съ небесъ Матерь Пречистая, снабдѣваетъ и хранитъ его нерушимо. И помощью ея стоитъ онъ и цвѣтетъ, и плодъ приноситъ, внѣшній и внутренній, внѣ—красный, внутрь—душеспасительный. И всякъ проникнувшій въ тотъ садъ, какъ бы въ преддверіе райское, и узрѣвшій доброту и красоту его, не захочетъ вспять возвратиться. Воздухъ тамъ легкій, и высота холмовъ и горъ, и теплота, и свѣтъ солнечный и различіе древесъ и плодовъ, и близость прежеланнаго края, Іерусалима, творятъ веселіе вѣчное. Соловецкій же островъ имѣетъ унынiе и страхъ, ожесточеніе и тьму, и мразъ, тартару подобный. Обрѣтается же на островѣ томъ и нѣчто душѣ вредящее: живутъ множество птицъ бѣлыхъ—чайки. Все лѣто плодятся, дѣтей выводятъ, гнѣзда вьютъ на землѣ при путяхъ, гдѣ ходятъ монахи въ церковь. И великая отъ птицъ сихъ тщета творится инокамъ. Первое, лишаются благоугишія. Второе, какъ видятъ ихъ бьющихся да играющихъ, да сходящихся, то мыслью плѣняются и въ страсти приходятъ. Третіе, что и жены, и дѣвицы, и монашки часто бываютъ

въ обители той. Въ Аѳонской же горѣ сего соблазна нѣтъ: ни чайки не прилетаютъ, ни жены не приходятъ. Единая Жена, двумя крылами орлицы парящая—Церковь святая,—привитаетъ въ пустынѣ той сладостной, доколѣ не исполнится воля Господня и времена, кои положилъ Онъ во власти своей, Ему же слава вовѣки. Аминь.

Когда онъ кончилъ разсказъ, царица попросила выйти изъ комнатъ всѣхъ, даже Марью, и осталась наединѣ съ царевичемъ.

Она его почти не знала, не помнила, кто онъ и какъ ей родствомъ доводится, даже имя его все забывала, а звала просто внучкомъ, но любила, жалѣла какою-то странною вѣщею жалостью, точно знала о судьбѣ его то, чего онъ самъ еще не зналъ.

Она долго смотрѣла на него молча своимъ свѣтлымъ неподвижнымъ взоромъ, словно застланнымъ пленкою, какъ взоръ ночныхъ птицъ. Потомъ вдругъ печально улыбнулась и стала тихо гладить ему рукою щеку и волосы:

— Сиротинка ты мой бѣдненькій! Ни отца, ни матери. И заступиться некому. Загрызутъ овечку волки лютые, заклюютъ голубчика бѣлаго вороны черные. Охъ, жаль мнѣ тебя, жаль, родненькій! Не жилецъ ты на свѣтѣ...

Отъ этого безумнаго бреда послѣдней царицы, казавшейся здѣсь, въ Петербургѣ, жалобнымъ призракомъ старой Москвы, отъ этой тлѣющей роскоши, отъ этой тихой теплой комнаты, въ которой какъ будто остановилось время, вѣяло на царевича холодомъ смерти и ласкою самаго дальняго дѣтства. Сердце его грустно и сладко заныло. Онъ поцѣловалъ мертвенно-блѣдную, исхудалую руку, съ тонкими пальцами, съ которой спадали тяжелые древніе царскіе перстни.

Она опустила голову, какъ будто задумалась, перебирая круглыя коральковыя четки: отъ тѣхъ кральковъ—коралловъ — духъ нечистый бѣгаетъ, „понеже кралекъ крестообразно растетъ“.

— Все мятется, все мятется, очень худо дѣется! — за-

говорила она опять, точно въ бреду, съ возрастающей тревогою. — Читалъ ли ты, внучекъ, въ Писаніи: *Дѣти, послѣдняя година. Слышали вы, что грядетъ, и нынѣ въ мірѣ есть уже.* Это о немъ, о Сынѣ Погибели сказано. Уже пришелъ онъ ко вратамъ двора. Скоро, скоро будетъ. Ужъ и не знаю, дождусь ли, увижу ли друга сердешненькаго, солнышко мое красное, благовѣрнаго царя Ѳеодора Алексѣевича? Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на него, какъ пріидетъ онъ въ силѣ и славѣ, съ невѣрными брань сотворитъ, и побѣдитъ, и возсядетъ на престолѣ величества, и поклонятся, и воскликнутъ ему всѣ народы: Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!

Глаза ея загорѣлись было, но тотчасъ вновь, какъ угли пепломъ, подернулись прежнею мутною пленкою.

— Да нѣтъ, не дождусь, не увижу! Прогнѣвила я грѣшная, Господа... Чуетъ, охъ, чуетъ сердце бѣду. Тошно мнѣ, внучекъ, тошнехонько... И сны-то нынче снятся все такіе недобрые, вѣщіе...

Она оглянулась боязливо, приблизила губы къ самому уху его и прошептала:

— Знаешь ли, внучекъ, что мнѣ намедни приснилось? *Онъ* самъ, во снѣ ли, въ видѣніи ли, не вѣдаю, а только *онъ* самъ приходилъ ко мнѣ, никто другой, какъ *онъ*!

— Кто, царица?

— Не разумѣешь? Слушай же, какъ тотъ сонъ мнѣ приснился — можетъ, тогда и поймешь. Лежу я, будто бы, на этой самой постели и словно жду чего-то. Вдругъ настежъ дверь, и входитъ *онъ*. Я его сразу узнала. Рослый такой, да ражій, а кафтанишка куцый, нѣмецкій; во рту пипка, табачище тянетъ; рожа бритая, усъ кошачій. Подошелъ ко мнѣ, смотритъ и молчитъ. И я молчу, что-то, думаю, будетъ. И тошно мнѣ стало, скучно, такъ скучно — смерть моя... Перекреститься хочу — рука не подымается, молитву прочесть—языкъ не шевелится. Лежу какъ мертвая. А онъ за руку меня беретъ, щупаетъ. Огонь и морозъ по спинѣ. Взглянула я на образъ, а и образъ-то предста-

вляется мнѣ разными видами: будто бы не Спасовъ ликъ пречистый, а нѣмчинъ поганый, рожа пухлая, синяя, точно утопленникъ... А *онъ* все ко мнѣ: Больна-де ты, говоритъ, Марѳа Матвѣевна, гораздо больна. Хочешь, я тебѣ моего дохтура пришлю? Да что ты на меня такъ воззрилась? Аль не узнала?—Какъ, говорю, мнѣ тебя не узнать? Знаю. Мало ли мы такихъ, какъ ты, видывали!—Кто же де я, говоритъ, скажи, коли знаешь? — Извѣстно, говорю, кто. Нѣмецъ ты, нѣмцевъ сынъ, солдатъ барабаньщикъ.—Осклабился во всю рожу, порскнулъ на меня, какъ котъ шальной.—Рехнулась же ты, видно, старуха, совсѣмъ рехнулась! Не нѣмецъ я, не барабаньщикъ, а боговѣнчанный царь всея Руси, твоего же покойнаго мужа царя Ѳеодора сводный братъ. — Тутъ уже злость меня взяла. Такъ бы ему въ морду и плюнула, такъ бы и крикнула: Песъ ты, собачій сынъ, самозванецъ, Гришка Отрепьевъ, анаѳема—вотъ ты кто! — Да ну его, думаю, къ шуту. Что мнѣ съ нимъ браниться? И плюнуть-то на него не стоитъ. Вѣдь это мнѣ только сонъ, греза нечистая попущеніемъ Божіимъ мерещится. Дуну, и сгинетъ, разсыплется. — А коли ты царь, говорю, какъ же тебя по имени звать? — Петръ, говоритъ, имя мое. — Какъ сказалъ онъ: „Петръ", такъ меня ровно что и осѣнило. Э, думаю, такъ вотъ ты кто! Ну, погоди же. Да не будь дура, языкомъ не могу, такъ хоть въ умѣ творю заклятіе святое: „Врагъ сатана! отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые, въ пропасти земныя, въ моря бездонныя, на горы дикія, бездомныя, безлюдныя, идѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная! изыде отъ меня въ тартарары, въ адъ кромѣшный, въ пекло преисподнее. Аминь! Аминь! Аминь! Разсыпься! Дую на тебя и плюю". Какъ прочитала заклятье, такъ онъ и сгинулъ, точно сквозь землю провалился — нѣтъ отъ него и слѣда, только табачищемъ смердитъ. Проснулась я, вскрикнула, прибѣжала Вахрамѣевна, окропила меня святой водою, окурила ладаномъ. Встала я, пошла въ моленную, пала передъ образомъ Владычицы Пречистой Влахернскія Божіей Матери, да какъ вспомнила

и вздумала обо всемъ, тутъ только и уразумѣла, кто это былъ.

Царевичъ давно уже понялъ, что приходилъ къ ней отецъ не во снѣ, а наяву. И вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, какъ бредъ сумасшедшей передается ему, заражаетъ его.

— Кто-жъ это былъ, царица?—повторилъ онъ съ жаднымъ и жуткимъ любопытствомъ.

— Не разумѣешь? Аль забылъ, что у Ефрема-то въ книгѣ о второмъ пришествіи сказано: „во имя Симона *Петра* имѣетъ быть гордый князь міра сего — антихристъ". Слышишь? Имя его—Петръ. Онъ самый и есть!

Она уставила на него глаза свои, расширенные ужасомъ, и повторила задыхающимся шопотомъ:

— Онъ самый и есть. Петръ — антихристъ . . . антихристъ!

ТРЕТЬЯ КНИГА

Дневникъ царевича Алексѣя

I

Дневникъ фрейлины Арнгеймъ

1 мая 1714

Проклятая страна, проклятый народъ! Водка, кровь и грязь. Трудно рѣшить, чего больше. Кажется, грязи. Хорошо сказалъ датскій король: „ежели московскіе послы снова будутъ ко мнѣ, построю для нихъ свиной хлѣвъ, ибо гдѣ они постоятъ, тамъ полгода жить никто не можетъ отъ смрада“. По опредѣленію одного француза: „Московитъ— человѣкъ Платона, животное безъ перьевъ, у котораго есть все, что̀ свойственно природѣ человѣка, кромѣ чистоты и разума“.

И эти смрадные дикари, крещеные медвѣди, которые становятся изъ страшныхъ жалкими, превращаясь въ европейскихъ обезьянъ, себя однихъ считаютъ людьми, а всѣхъ остальныхъ скотами. Въ особенности же къ намъ, нѣмцамъ, ненависть у нихъ врожденная, непобѣдимая. Они полагаютъ себя оскверненными нашимъ прикосновеніемъ. Лютеране для нихъ немногимъ лучше дьявола.

Ни минуты не осталась бы я въ Россіи, если бы не долгъ любви и вѣрности къ ея высочеству моей милостивой госпожѣ и сердечному другу, кронпринцессѣ Софіи Шарлоттѣ. Что́ бы ни случилось, я ея не покину!

Буду писать этотъ дневникъ, такъ же какъ обыкновенно говорю, по-нѣмецки, отчасти по-французски. Но нѣкоторыя шутки, пословицы, пѣсни, слова указовъ, отрывки разговоровъ, рядомъ съ переводомъ, буду сохранять и по-русски.

Отецъ мой—чистый нѣмецъ изъ древняго рода саксонскихъ рыцарей, мать—полька. За первымъ мужемъ, польскимъ шляхтичемъ, долго жила она въ Россіи, недалеко отъ Смоленска, и хорошо изучила русскій языкъ. Я воспитывалась въ городѣ Торгау, при дворѣ польской королевы, гдѣ также было много московитовъ. Съ дѣтства слышала русскую рѣчь. Говорю плохо, не люблю этого языка, но хорошо понимаю.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить сердце, когда бываетъ слишкомъ тяжело, я рѣшила вести записки, подражая болтуну изъ древней басни, который, не смѣя ввѣрить тайны своей людямъ, нашепталъ ее болотнымъ тростникамъ. Я не желала бы, чтобы строки эти когда-либо увидѣли свѣтъ; но мнѣ отрадно думать, что онѣ попадутся на глаза единственному изъ людей, чье мнѣніе для меня всего дороже въ мірѣ—моему великому учителю, Готфриду Лейбницу.

* * *

Въ то самое время, когда думала о немъ, получила отъ него письмо. Проситъ разузнать о жалованьи, которое слѣдуетъ ему въ качествѣ состоящаго на русской службѣ, тайнаго юстицъ-рата. Боюсь, что никогда не увидитъ онъ этого жалованья.

Чуть не плакала отъ грусти и радости, когда читала письмо его. Вспоминала наши тихія прогулки и бесѣды въ галлереяхъ Зальцдаленскаго замка, въ липовыхъ аллеяхъ Герренгаузена, гдѣ нѣжные зефиры въ листьяхъ и шелестъ

фонтановъ какъ бы вѣчно напѣваютъ нашу любимую пѣсенку изъ Mercure Galant:

Chantons, dançons, tout est tranquille
Dans cet agréable séjour.
Ah, le charmant azile!
N'y parlons que de jeux, de plaisirs et d'amours.

Вспоминала слова учителя, которымъ я тогда почти вѣрила: „Я славянинъ, какъ и вы. Мы съ вами должны радоваться, что въ жилахъ нашихъ течетъ славянская кровь. Этому племени принадлежитъ великая будущность. Россія соединитъ Европу съ Азіей, примиритъ Западъ съ Востокомъ. Эта страна—какъ новый горшокъ, еще не принявшій чужого вкуса; какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно написать все, что угодно; какъ новая земля, которая будетъ вспахана для новаго сѣва. Россія впослѣдствіи могла бы просвѣтить и самую Европу, благодаря тому, что избѣгла бы тѣхъ ошибокъ, которыя у насъ ужъ слишкомъ вкоренились". И онъ заключилъ съ вдохновенной улыбкой: „Я, кажется, призванъ судьбою быть русскимъ Солономъ, законодателемъ новаго міра. Овладѣть умомъ одного человѣка, такого какъ царь, и устремить его ко благу людей значитъ больше, чѣмъ выиграть сотню сраженій!"

Увы, мой бѣдный, великій мечтатель, если бы вы знали и видѣли все, что я узнала и увидѣла въ Россіи!

Вотъ и сейчасъ, пока я пишу, печальная дѣйствительность напоминаетъ мнѣ, что я не въ сладостномъ пріютѣ Герренгаузена, этой нѣмецкой Версали, а въ глубинѣ Московской Тартаріи.

Подъ окнами слышатся крики, вопли, ругательства: это дворовые люди сосѣдки нашей, царевны Натальи Алексѣевны, дерутся съ нашими людьми. Русскіе бьютъ нѣмцевъ. Вижу, увы, на дѣлѣ соединеніе Азіи съ Европою, Востока съ Западомъ!

Прибѣжалъ нашъ секретарь, блѣдный, дрожащій, въ

разорванномъ платьѣ, съ окровавленнымъ лицомъ. Увидѣвъ его, кронпринцесса едва не упала въ обморокъ. Послали за царевичемъ. Но онъ боленъ своей обычною болѣзнью— пьянъ.

2 мая

Мы живемъ во дворцѣ кронпринца Алексѣя, мазанковомъ домикѣ въ два жилья съ черепичною кровлею, на самомъ берегу Невы. Помѣщеніе такъ тѣсно, что почти весь придворный штатъ ея высочества расположился въ трехъ сосѣднихъ домахъ, нанятыхъ Сенатомъ. Въ одномъ изъ нихъ—ни дверей, ни оконъ, ни печей и никакой мебели. Ея высочеству пришлось отдѣлать его на свой счетъ и пристроить конюшню.

Вчера вернулся владѣлецъ дома, нѣкто Гидеоновъ, служащій у царевны Натальи, приказалъ выгнать нашихъ людей и выбросить вещи на дворъ. Потомъ сталъ выводить изъ конюшни лошадей ея высочества и ставить туда своихъ. Кронпринцесса велѣла сломать конюшню, дабы перенести ее на другое мѣсто. Но когда шталмейстеръ привелъ рабочихъ, Гидеоновъ послалъ туда своихъ людей, которые жестоко избили и прогнали нашихъ. Шталмейстеръ грозилъ пожаловаться царю. Гидеоновъ отвѣчалъ, смѣясь: „жалуйтесь на здоровье, а я и раньше васъ пожалуюсь!“

Хуже всего то, что онъ увѣряетъ, будто бы дѣлаетъ все по приказанію царевны. Эта царевна—старая дѣва, самое злое существо въ мірѣ. Въ глаза любезничаетъ, а за спиной, всякій разъ, какъ произноситъ имя ея высочества, плюетъ, приговаривая: „Эдакая нѣмка! Фря! Что она себѣ воображаетъ? А придется таки ей хвостъ поджать!“

Итакъ, наши бѣдные конюхи живутъ подъ открытымъ небомъ. Во всемъ городѣ не нашлось бы для нихъ помѣщенія и за сто червонцевъ: такая здѣсь тѣснота. Когда объ этомъ говорятъ царю, онъ отвѣчаетъ, что черезъ годъ будетъ довольно домовъ. Но тогда они уже не будутъ

нужны, по крайней мѣрѣ, нашимъ людямъ, ибо, вѣроятно, большая часть ихъ отправится на тотъ свѣтъ.

* * *

Въ Европѣ не повѣрили бы, еслибы узнали о бѣдности, въ которой мы живемъ. Деньги, назначенныя на содержаніе кронпрнцессы, выдаются такъ неправильно и скудно, что ихъ никогда не хватаетъ. А между тѣмъ тутъ страшная дороговизна. За что въ Германіи платятъ грошъ, за то здѣсь четыре. Мы задолжали всѣмъ купцамъ, и они намъ скоро перестанутъ вѣрить. Не говоря уже о людяхъ нашихъ, мы иногда сами нуждаемся въ свѣчахъ, въ дровахъ, въ съѣстныхъ припасахъ. У царя ничего нельзя добиться, потому что ему все некогда. А царевичъ пьянъ.

— Свѣтъ исполненъ горечи,—сказала мнѣ сегодня ея высочество. — Начиная съ самаго дѣтства, то-есть, съ шестилѣтняго возраста, я не знаю, что такое радость, и не сомнѣваюсь, что судьба готовитъ мнѣ еще большія несчастія въ будущемъ...

Глядя вдаль, какъ будто уже видя это будущее, она повторяла: „мнѣ не миновать бѣды!“—съ такимъ безнадежнымъ спокойствіемъ, что я не находила словъ для утѣшенія, только молча цѣловала ей руки.

Раздался пушечный выстрѣлъ, и мы должны были спѣшить собираться на увеселительную прогулку по Невѣ—водяную ассамблею.

Здѣсь такъ заведено, что по выстрѣлу и флагамъ, вывѣшеннымъ въ разныхъ концахъ города, всѣ барки, верейки, яхты, торншхоуты и буеры должны собираться у крѣпости. За неявку штрафъ.

Мы тотчасъ отправились на нашемъ буерѣ съ десятью гребцами и долго разъѣзжали съ прочими лодками взадъ и впередъ по Невѣ, постоянно слѣдуя за адмираломъ, не смѣя ни отставать, ни обгонять, тоже подъ штрафомъ—здѣсь штрафы на все.

Играла музыка—трубы и волторны. Звуки повторяло эхо крѣпостныхъ бастіоновъ.

Намъ и безъ того было грустно. А холодная, блѣдно-голубая рѣка съ плоскими берегами, блѣдно-голубое, какъ ледъ, прозрачное небо, сверканіе золотого шпица на церкви Петра и Павла, деревянной, выкрашенной въ желтую краску, подъ мраморъ, унылый бой курантовъ—все наводило еще бо̀льшую грусть, особенную, какой никогда нигдѣ я не испытывала, кромѣ этого города.

Между тѣмъ видъ его довольно красивъ. Вдоль низкой набережной, убитой черными смолеными сваями, — блѣдно-розовые кирпичные дома затѣйливой архитектуры, похожіе на голландскія кирки, съ острыми шпицами, слуховыми окнами на высокихъ крышахъ и огромными рѣшетчатыми крыльцами. Подумаешь, настоящій городъ. Но тутъ же рядомъ—бѣдныя лачужки, крытыя дерномъ и берестою; дальше — топь да лѣсъ, гдѣ еще водятся олени и волки. На самомъ взморьѣ — вѣтряныя мельницы, точно въ Голландіи. Все свѣтло-свѣтло, ослѣпительно и блѣдно, и грустно. Какъ будто нарисованное, или нарочно сдѣланное. Кажется, спишь и видишь небывалый городъ во снѣ.

Царь, со всѣмъ своимъ семействомъ въ особомъ буерѣ, стоялъ у руля и правилъ. Царицы и принцессы въ канифасныхъ кофточкахъ, красныхъ юбкахъ и круглыхъ клеенчатыхъ шляпахъ—все „на голландскій манеръ“—настоящія саардамскія корабельщицы. „Я пріучаю семейство мое къ водѣ, — говоритъ царь, — кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ“.

Онъ почти всегда беретъ ихъ съ собою въ плаванье, особенно въ свѣжую погоду, запираетъ наглухо въ каюту и все лавируетъ противъ вѣтра, пока хорошенько не укачаетъ ихъ и, salvo honore, не вырветъ — тутъ только онъ доволенъ!

Мы боялись, какъ бы не рѣшили ѣхать въ Кроншлотъ. Участники одной изъ подобныхъ прогулокъ въ прошломъ году не могутъ ее вспомнить безъ ужаса: застигнутые

буреї, они едва не утонули, попали не мель, просидѣли нѣсколько часовъ по поясъ въ водѣ, наконецъ, добрались до какого-то острова, развели огонь и совершенно голые — мокрое платье должны были снять—покрылись добытыми у крестьянъ, суровыми санными одѣялами и такъ провели всю ночь, грѣясь у костра, безъ питья, безъ пищи, новые Робинзоны.

На этотъ разъ судьба насъ помиловала: на адмиральскомъ буерѣ спущенъ былъ красный флагъ, что означало конецъ прогулки.

Мы возвращались каналами, осматривая городъ.

Каналовъ здѣсь множество. „Если Богъ продлить мнѣ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ!“— хвастаетъ царь. „Управить все, какъ въ Голландіи водится“— обычныя слова указовъ о строеніи города.

У царя страсть къ прямымъ линіямъ. Все прямое, правильное кажется ему прекраснымъ. Если бы возможно было, онъ построилъ бы весь городъ по линейкѣ и циркулю. Жителямъ указано „строиться линейно, чтобы никакое строеніе за линію или изъ линіи не строилось, но чтобъ улицы и переулки были ровны и изрядны“. Дома, выходящіе за прямую линію, ломаютъ безжалостно.

Гордость царя — безконечно длинная, прямая, пересѣкающая весь городъ, „Невская першпектива“. Она совсѣмъ пустынна среди пустынныхъ болотъ, но уже обсажена тощими липками въ три, четыре ряда, и похожа на аллею. Содержится въ большой чистотѣ. Каждую субботу подметаютъ ее плѣнные шведы.

Многіе изъ этихъ геометрически правильныхъ линій воображаемыхъ улицъ — почти безъ домовъ. Торчатъ только вѣхи. На другихъ, уже обстроенныхъ, видны слѣды плуговъ, борозды недавнихъ пашень.

Дома возводятся, хотя изъ кирпичей, приготовленныхъ „по Витрувіеву наставленію“, но такъ поспѣшно и непрочно, что грозятъ паденіемъ. Когда проѣзжаютъ по улицѣ, они

трясутся: болотистая почва—слишкомъ зыбкая. Враги царя предсказываютъ, что когда-нибудь весь городъ провалится.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, старый баронъ Левенвольдъ, генеральный комиссаръ Лифляндіи, человѣкъ любезный и умный, разсказывалъ намъ много любопытнаго объ основаніи города.

Для возведенія первыхъ земляныхъ валовъ Петропавловской крѣпости нужна была сухая земля, а ея по близости не было—все болотная тина да мохъ. Тогда придумали таскать къ бастіонамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ куляхъ, рогожахъ и даже просто въ полахъ платья. При этой Сизифовой работѣ, двѣ трети несчастныхъ погибло въ особенности, вслѣдствіе безбожнаго воровства и мошенничества тѣхъ, кому поручено было ихъ содержать. По цѣлымъ мѣсяцамъ не видали они хлѣба, котораго, впрочемъ, иногда и за деньги трудно достать въ этомъ пустынномъ краю; питались капустой да рѣпой, страдали поносомъ, цынгою, пухли отъ голода, мерзли въ землянкахъ, подобныхъ звѣринымъ норамъ, умирали какъ мухи. Сооруженіе одной лишь крѣпости на островѣ Веселомъ—Lust-Eiland (хорошо названіе!) стоило жизни сотнѣ тысячъ переселенцевъ, которыхъ сгоняли сюда силою, какъ скотъ, со всѣхъ концовъ Россіи. Воистину, этотъ противоестественный городъ, страшный Парадизъ, какъ называетъ его царь, основанъ на костяхъ человѣческихъ!

Здѣсь ни съ живыми, ни съ мертвыми не церемонятся. Мнѣ собственными глазами случалось видѣть на Съѣстномъ рынкѣ, или у Гостинаго двора, какъ мертвое тѣло рабочаго, завернутое въ рогожу, привязанное веревками къ шесту, несутъ два человѣка, а много что везутъ на дровняхъ, совсѣмъ голое, на кладбище, гдѣ зарываютъ въ землю, безъ всякаго обряда. Бѣдняковъ умираетъ каждый день столько, что хоронить ихъ по-христіански некогда.

Однажды, проѣзжая въ лодкѣ по Невѣ, въ жаркій лѣтній день, замѣтили мы на голубой водѣ сѣрыя пятна: то были кучи комариныхъ труповъ—въ здѣшнихъ болотахъ

ихъ множество. Они плыли изъ Ладожскаго озера. Одинъ изъ нашихъ гребцовъ зачерпнулъ ихъ полную шляпу.

Слушая разсказы Левенвольда о строеніи Петербурга, я закрыла глаза, и мнѣ представилось, что трупы людей, сѣрыхъ-сѣрыхъ, маленькихъ, безчисленныхъ, какъ эти кучи комариныхъ труповъ, плывутъ по Невѣ безъ конца—и никто ихъ не знаетъ, не помнитъ.

Вернувшись домой, сѣла писать дневникъ въ моей крошечной комнаткѣ, настоящей птичьей клѣткѣ, въ мезонинѣ, подъ самою крышею.

Было душно. Я открыла окно. Запахло весенней водою, дегтемъ, сосновыми стружками. На самомъ берегу Невы двое плотниковъ, молодой и старый, чинили лодку. Слышался стукъ молотковъ и протяжная, грустная пѣсня, которую пѣлъ молодой очень медленно, повторяя все одно и то же. Вотъ нѣсколько словъ этой пѣсни, насколько я могла ихъ разслышать:

Какъ во городѣ, во Санктпитерѣ,
Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Молодой матросъ корабли снастилъ.

Глядя на вечернее, блѣдно-зеленое, какъ ледъ, прозрачное и холодное небо Парадиза, я слушала грустную пѣсню, подобную плачу, и мнѣ самой хотѣлось плакать.

3 мая

Сегодня ея высочество была у царицы, жаловалась на Гидеонова, просила также о болѣе правильной выдачѣ денегъ. Я присутствовала при свиданіи.

Царица, какъ всегда, любезна.

— Czaarische Majestät Euch sehr lieb, — сказала она, между прочимъ, кронпринцессѣ на своемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Ей, ей, царское величество васъ очень любитъ. — Истинно, говоритъ, Катерина, твоя невѣстка зѣло пригожа, какъ станомъ, такъ и нравомъ. — Ваше величество, говорю, ты любишь свою дочь больше меня.—Нѣтъ, говоритъ, а самъ смѣется, не больше, но скоро буду такъ же любить. Сынъ мой, говоритъ, право, не стоитъ такой доброй жены.

Изъ этихъ словъ мы могли понять, что царь не очень-то любитъ царевича.

Когда ея высочество, чуть не со слезами, стала просить за мужа, царица обѣщала быть его заступницей, все съ тою же любезностью, увѣряя, что „любитъ ее, какъ свое родное дитя, и что если бы носила ее подъ сердцемъ, то не могла бы сильнѣе любить“.

Не нравится мнѣ эта русская приторность; боюсь, какъ бы тутъ не оказался медъ на остріѣ ножа.

Кажется, впрочемъ, и ея высочество себя не обманываетъ. Однажды при мнѣ выразилась она, что царица „хуже всѣхъ“—pire que tout le reste.

Сегодня, возвращаясь домой со свиданія, замѣтила:

— Она никогда не проститъ мнѣ, если у меня родится сынъ.

Одна старая женщина изъ простого народа, когда зашла у насъ рѣчь о царицѣ, шепнула мнѣ на ухо: „не подобаетъ ей на царствѣ быть—вѣдь она не природная и не русская; и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята: приведена подъ знамя, въ одной рубахѣ, и отдана подъ караулъ; караульный, нашъ же офицеръ, надѣлъ на нее кафтанъ. Богъ знаетъ, какого она чина. Мыла, говорятъ, сорочки съ чухонками“.

Я вспомнила объ этомъ сегодня, когда ея высочество, здороваясь съ царицею, по придворному этикету, хотѣла поцѣловать у нея платье. Правда, та не допустила этого — сама обняла и поцѣловала ее. Но какая все-таки насмѣшка судьбы, что принцесса Вольфенбюттельская, наслѣдница великихъ Вельфовъ, которые оспаривали корону у германскихъ императоровъ еще въ тѣ дни, когда о Гогенцоллер-

нахъ и Габсбургахъ никто не слыхалъ,—цѣлуетъ платье у этой женщины, мывшей бѣлье съ чухонками!

4 мая

Послѣ теплыхъ, какъ будто лѣтнихъ, дней, вдругъ опять зима. Холодъ, вѣтеръ, мокрый снѣгъ съ дождемъ. По Невѣ идетъ ладожскій ледъ. Говорятъ, впрочемъ, что здѣсь выпадаетъ снѣгъ и въ іюнѣ.

Нашъ „дворецъ“ доведенъ до такого запущенія, что крыша оказалась дырявою, и сегодня ночью, во время сильнаго дождя, въ спальнѣ ея высочества текло съ потолка, хорошо еще, что мимо постели. На полу образовалась лужа.

Потолокъ украшенъ аллегорической живописью: пылающій жертвенникъ, увитый розами; по бокамъ купидоны съ двумя гербами — русскимъ орломъ и брауншвейгскимъ конемъ; между ними двѣ соединенныя руки съ надписью: „Non unquam junxit nobiliora fides. Никогда болѣе благородныхъ не соединяла вѣрность“. Какъ разъ на жертвенникѣ выступило черное пятно отъ сырости, и съ пламени Гименея капала грязная, холодная вода.

Припомнилась мнѣ свадебная рѣчь археолога Экгарта, въ которой доказывалось, что женихъ и невѣста происходятъ отъ Византійскаго императора Константина Порфиророднаго. Хороша страна, гдѣ каплетъ едва не на брачное ложе Порфирородной наслѣдницы!

5 мая

Явился, наконецъ, кронпринцъ съ другой половины дома, гдѣ живетъ отдѣльно отъ насъ, такъ что мы не видимъ его иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Произошло объясненіе. Я слышала все изъ сосѣдней комнаты, гдѣ должна была остаться по желанію ея высочества.

На всѣ ея просьбы и жалобы по Гидеоновскому дѣлу, по невыдачѣ денегъ, онъ отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Mich nichts angehn. Bekümmere mich nich an sie. Это меня не касается. Мнѣ до васъ дѣла нѣтъ!

Потомъ разразился упреками за то, что она, будто бы, наговариваетъ на него отцу.

— Какъ вамъ не стыдно?—заплакала ея высочество.— Пощадите хоть собственную честь! Въ Германіи нѣтъ такого сапожника или портного, который позволилъ бы такъ обращаться со своею женою...

— Вы въ Россіи, не въ Германіи.

— Я это слишкомъ чувствую. Но если бы исполнено было все, что обѣщано...

— Кто обѣщалъ?

— Не вы ли сами, вмѣстѣ съ царемъ, подписывали брачный договоръ?

— Halten Maul! Ich Sie nichts versprochen. Заткните глотку! Ничего я вамъ не обѣщалъ. Вы отлично знаете, что мнѣ навязали васъ на шею!

Онъ вскочилъ и опрокинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ.

Я готова была броситься на помощь къ ея высочеству. Мнѣ казалось, что онъ ее ударитъ. Я его такъ ненавидѣла въ эту минуту, что, кажется, убила бы.

— Das danke Ihnen der Henker! Да наградитъ васъ за это палачъ!—воскликнула кронпринцесса, внѣ себя отъ гнѣва и горя.

Съ непристойнымъ ругательствомъ онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Кажется, въ этомъ человѣкѣ воплотилось все дикое и подлое, что только есть въ этой дикой и подлой странѣ. Одного не могу рѣшить, кто онъ въ большей мѣрѣ—дуракъ или негодяй?

Бѣдная Шарлотта! — ея высочество, которая съ каждымъ днемъ оказываетъ мнѣ все большую дружбу не по

заслугамъ, сама просила, чтобы я ее называла такъ,—бѣдная Шарлотта! Когда я подошла къ ней, она кинулась въ мои объятья и долго не могла произнести ни слова, только вся дрожала. Наконецъ, сказала, рыдая:

— Если бы я не была беременна и могла добрымъ путемъ возвратиться въ Германію, я согласилась бы съ радостью питаться тамъ черствымъ хлѣбомъ и водою! Я почти съ ума схожу отъ горя, не знаю, что говорю и дѣлаю. Молю Бога, чтобы Онъ меня укрѣпилъ, и чтобы отчаянье не довело меня до чего-нибудь ужаснаго!

Потомъ прибавила уже съ тихими слезами и съ обычною покорностью, которая иногда меня пугаетъ въ ней больше всякаго отчаянья:

— Я несчастная жертва семьи, которой не принесла я ни малѣйшей пользы, а сама умираю отъ горя медленной смертью...

* * *

Мы еще обѣ плакали, когда пришли сказать, что пора ѣхать на маскарадъ. Глотая слезы, мы стали наряжаться въ маски. Таковъ здѣсь обычай: хочешь, не хочешь, а веселись, когда приказано.

Маскарадъ былъ на Троицкой площади, у кофейнаго дома, „австеріи“, подъ открытымъ небомъ. Такъ какъ это мѣсто—низкое, болотистое, съ никогда не просыхающею грязью, то часть площади устлали бревнами и сверху досками; образовался помостъ, на которомъ и толпились маски. Къ счастью, погода опять внезапно измѣнилась: вечеръ былъ тихій и теплый. Но къ ночи съ рѣки поднялся туманъ, густой-густой, бѣлый какъ молоко и окуталъ всю площадь. Многіе, особенно дамы, въ слишкомъ легкихъ нарядахъ, простуживались отъ сырости, чихали и кашляли. Вмѣсто лѣкарства, поили ихъ водкою. Гренадеры, по обыкновенію, разносили ее въ ушатахъ. Въ бѣломъ облакѣ тумана освѣщеннаго зеленоватымъ свѣтомъ долгой зари—позже, въ іюлѣ здѣсь заря во всю ночь—всѣ эти маски—арле-

кины, скарамуши, паяцы, пастушки, нимфы, китайцы, арабы, медвѣди, журавли, драконы—казались смѣшными и страшными призраками.

Тутъ же, рядомъ съ помостомъ, гдѣ мы танцовали, виднѣлись черные колья съ желѣзными спицами, на которыхъ торчали мертвыя, почти истлѣвшія головы казненныхъ. Въ смолистомъ запахѣ весенней хвои, березовыхъ почекъ, которымъ теперь наполненъ весь городъ, чудился мнѣ смрадъ этихъ головъ. И опять казалось, какъ постоянно здѣсь кажется,—что все это сонъ.

6 мая

Неожиданное примиреніе. Подойдя къ полуоткрытой двери въ комнату ея высочества, я увидѣла нечаянно въ зеркалѣ, что она сидитъ въ креслѣ, а кронпринцъ, наклонившись къ ней и держа голову ея обѣими руками, цѣлуетъ въ лобъ съ почтительной нѣжностью. Я хотѣла было скрыться, но она, замѣтивъ меня тоже въ зеркалѣ, сдѣлала мнѣ знакъ рукою. Я поняла, что она приказываетъ мнѣ остаться въ сосѣдней комнатѣ. Бѣдняжкѣ хотѣлось, должно быть, похвастать своимъ счастьемъ.

— Der Mensch, der sagen, ich Sie nicht liebe habe, lügt wie Teuffel! Кто говоритъ, что я васъ не люблю, лжетъ, какъ дьяволъ!—говорилъ царевичъ, какъ я догадалась, объ одной изъ тѣхъ презрѣнныхъ сплетенъ насчетъ ея высочества, которыхъ здѣсь ходитъ множество (ее обвиняютъ даже въ измѣнѣ мужу).—Я вамъ вѣрю, знаю, что вы добрая, а тѣ, кто говоритъ о васъ дурно, не стоятъ вашего мизинца...

Онъ разспрашивалъ ее о дѣлахъ, непріятностяхъ, объ ея здоровьи, беременности, съ такимъ участіемъ, и слова, и черты его лица полны были такимъ умомъ и добротою, что, казалось, предо мною совсѣмъ другой человѣкъ. Я глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрила, вспоминая то, что вчера еще происходило въ этой самой комнатѣ.

Когда онъ ушелъ, и мы остались однѣ, Шарлотта сказала мнѣ:

— Удивительный человѣкъ! Онъ вовсе не то, чѣмъ кажется. Никто его не знаетъ. Какъ онъ любитъ меня! Ахъ, милая Юльяна, только бы любовь — и все хорошо, все можно вынести... Когда у меня родится ребенокъ—молю Бога, чтобъ сынъ—я буду совсѣмъ счастлива!

Я не возражала; у меня не хватило бы духу разувѣрять ее; она была уже и теперь такъ счастлива. На долго ли? Бѣдная, бѣдная!

* * *

Можетъ быть, я несправедлива къ царевичу? можетъ быть, онъ, дѣйствительно, „не то, чѣмъ кажется?"

Это самый скрытный изъ людей. Когда не пьянъ, сидитъ, запершись со своими старыми книгами и рукописями; изучаетъ, говорятъ, всемiрную исторiю, теологiю, не только русскую, но и католическую и протестантскую, разъ восемь, будто-бы, прочелъ нѣмецкую Библiю; или бесѣдуетъ съ монахами, странниками, старцами, людьми самаго низкаго званiя.

Одинъ изъ его служителей, Ѳедоръ Эварлаковъ, молодой человѣкъ, не глупый и тоже большой любитель чтенiя— онъ беретъ у меня всякiя книги, даже латинскiя—сказалъ мнѣ однажды о кронпринцѣ слова, которыя я тогда же записала по-русски, въ памятную книжку, подарокъ Лейбница, которую всегда ношу съ собою:

— Царевичъ имѣетъ великое горячество къ попамъ, и попы къ нему, и почитаетъ ихъ, какъ Бога; а они его всѣ святымъ называютъ, и въ народѣ-жъ ими всегда блажимъ.

Помню, Лейбницъ мнѣ разсказывалъ, что, представившись царевичу, лѣтомъ 1711 года въ Вольфенбюттелѣ, въ герцогскомъ замкѣ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о своемъ любимомъ предметѣ—соединенiи Востока съ Западомъ, Китая

и Россіи съ Европою—и затѣмъ прислалъ ему, черезъ его воспитателя, барона Гюйссена, извлеченіе изъ писемъ о китайскихъ дѣлахъ. Лейбницъ утверждалъ, что, наперекоръ всему, что говорятъ о царевичѣ, онъ очень уменъ; но умъ у него совсѣмъ иной, чѣмъ у отца. „Должно быть, въ дѣда“, замѣтилъ Лейбницъ.

Ея высочество показывала мнѣ копію съ письма Королевской Берлинской Академіи Наукъ къ герцогу Людвигу Рудольфу Вольфенбюттельскому, отцу Шарлотты. Въ письмѣ этомъ говорится о предстоящей возможности распространить истинное христіанское просвѣщеніе въ Россіи, „благодаря особой и чрезвычайной склонности наслѣднаго принца къ наукамъ и книгамъ“.

Видѣла я также отчетъ о засѣданіи той же Берлинской Академіи въ 1711 году, гдѣ одинъ изъ членовъ ея, конректоръ Фришъ заявилъ: *наслѣдникъ царя еще больше любитъ науки, чѣмъ самъ царь, и будетъ имъ въ свое время не меньше покровительствовать.*

Странно! Когда я сегодня смотрѣла на нихъ обоихъ въ зеркалѣ,—точно въ волшебномъ „зеркалѣ гаданій“,—мнѣ почудилось въ этихъ двухъ лицахъ, такихъ различныхъ, одна черта сходства—тѣнь какой-то предчувственной грусти, какъ будто оба они жертвы, и обоимъ предстоитъ великое страданье. Или это мнѣ только такъ показалось въ темномъ зеркалѣ?

8 мая

Присутствовали въ Адмиралтействѣ при спускѣ большого семидесятипушечнаго корабля. Царь, одѣтый какъ простой плотникъ, въ красной вязаной фуфайкѣ, запачканной дегтемъ, съ топоромъ въ рукахъ, лазилъ между подпорками подъ самый киль, осматривая, все ли въ порядкѣ, не обращая вниманія на опасность—недавно, при спускѣ два человѣка были убиты. „Тружусь, какъ Ной, надъ ковчегомъ Россіи“, припомнились мнѣ слова царя. Снявъ шляпу

передъ великимъ адмираломъ, какъ подчиненный предъ начальникомъ, онъ спросилъ, пора ли начинать, и получивъ приказанiе, сдѣлалъ первый ударъ топоромъ. Сотни другихъ топоровъ начали рубить подпорки; въ то же время снизу отдернули балки, державшiя корабль съ обѣихъ сторонъ на штапелѣ. Онъ скользилъ съ намазанныхъ жиромъ полозьевъ, сначала медленно, потомъ полетѣлъ какъ стрѣла, такъ что полозья сломались въ дребезги, и поплылъ по водѣ, качаясь и впервые разсѣкая волны, при громѣ музыки, пушечной пальбѣ и кликахъ народа.

Мы сѣли въ шлюпки и поѣхали на новый корабль. Царь былъ уже тамъ. Переодѣвшисъ въ мундиръ морского шаутбенахта — чинъ, въ которомъ онъ теперь состоитъ — со звѣздою и голубою орденскою лентою черезъ плечо, принималъ онъ гостей. Стоя на палубѣ, окрестили новорожденнаго первымъ кубкомъ вина. Царь произнесъ рѣчь. Вотъ отдѣльныя слова, которыя мнѣ припоминаются:

— Нашъ народъ, какъ дѣти, которыя за азбуку не примутся, пока приневолены не будутъ, и которымъ сперва досадно кажется, а какъ выучатся, то благодарятъ, — что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ли невольно сдѣлано? и уже благодаренiе слышится за многое, отъ чего и плодъ произошелъ. Не принявъ горькаго, не видать и сладкаго...

— Не корми калачемъ, да не бей въ спину кирпичемъ!—замѣтилъ одинъ изъ шутовъ, старыхъ бояръ, должно быть, уже пьяный, своему сосѣду на ухо, шопотомъ, какъ разъ у меня за спиной.

— Имѣемъ,—продолжалъ царь,—образцы другихъ просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ, которые также начинали съ малаго. Пора и намъ за свое приниматься, сперва за малое, а потомъ будутъ люди, кои не оставятъ и великихъ дѣлъ. Вѣдаю, что самъ не совершу и не увижу сего, ибо долгота дней ненадежна,—однако начну, да будетъ другимъ послѣ меня легче сдѣлать. А съ насъ довольно нынѣ и сей единой славы, что мы начинаемъ...

Я любовалась царемъ. Онъ былъ прекрасенъ.

Спустились въ каюты. Дамы сѣли отдѣльно отъ кавалеровъ, въ смежной залѣ, куда во время пира не смѣлъ входить никто изъ мужчинъ, кромѣ царя. Въ перегородкѣ, раздѣлявшей обѣ залы, было небольшое, круглое, задернутое красною тафтой, оконце, въ родѣ люка. Я сѣла рядомъ съ нимъ; приподымая занавѣску, я могла видѣть и отчасти слышать то, что происходило въ мужскомъ отдѣленіи. Кое-что по обыкновенію записывала тутъ же въ памятную книжку.

Длинные узкіе столы, расположенные въ видѣ подковы, уставлены были холодными закусками, острыми соленьями и копченьями, возбуждающими жажду. Ѣда дешевая, вина дорогія. На подобныя празднества царь выдаетъ изъ собственной казны Адмиралтейству тысячу рублей — по здѣшнему, деньги огромныя. Садились, какъ попало, безъ соблюденія чиновъ, простые карабельщики рядомъ съ первыми сановниками. На одномъ концѣ стола возсѣдалъ шутовскій князь-папа, окруженный кардиналами. Онъ возгласилъ торжественно:

— Миръ и благословеніе всей честной кумпаніи! Во имя Отца Бахуса и Сына Ивашки Хмѣльницкаго, и Духа Виннаго причащайтесь! Пьянство Бахусово да будетъ съ вами!

— Аминь!—отвѣтилъ царь, исполнявшій при папѣ должность протодьякона.

Всѣ по очереди подходили къ его святѣйшеству, кланялись ему въ ноги, цѣловали руку, принимали и выпивали большую ложку перцовки: это чистый спиртъ, настоенный на красномъ индійскомъ перцѣ. Кажется, чтобы вынудить у злодѣевъ признаніе, достаточно бы пригрозить имъ этой ужасной перцовкой. А здѣсь ее должны пить всѣ, даже дамы.

Пили за здравіе всѣхъ членовъ царской семьи, кромѣ царевича съ супругою, хотя они тутъ же присутствовали. Каждый тостъ сопровождался пушечнымъ залпомъ. Палили такъ, что стекла на одномъ окнѣ разбились.

Пьянѣли тѣмъ скорѣе, что въ вино тайкомъ подливали водку. Въ низкихъ каютахъ, набитыхъ народомъ, стало душно. Скидывали камзолы, срывали другъ съ друга парики насильно. Одни обнимались и цѣловались, другіе ссорились, въ особенности, первые министры и сенаторы, которые уличали другъ друга во взяткахъ, плутовствахъ и мошенничествахъ.

— Ты имѣешь мэтреску, которая тебѣ вдвое коштуетъ противъ жалованья!—кричалъ одинъ.

— А рыжечки меленькіе въ сулеечкѣ забылъ?—возражалъ другой.

Рыжечки были червонцы, приподнесенные ловкимъ просителемъ въ боченкѣ, подъ видомъ соленыхъ грибовъ.

— А съ пеньковаго постава въ Адмиралтейство сколько хапнулъ?

— Эхъ, братцы, что̀ другъ друга корить? Всяка жива душа калачика хочетъ. Грѣшный честенъ, грѣшный плутъ, яко всѣ грѣхомъ живутъ!

— Взятки не что иное, какъ акциденція.

— Ничего не брать съ просителей есть дѣло сверхъестественное.

— Однако, по закону...

— Что законъ? — дышло. Куда хочешь, туда и воротишь...

Царь слушалъ внимательно. Таковъ у него обычай: когда уже все пьяно, ставится двойная стража у дверей съ приказомъ не выпускать никого; въ то же время царь, который самъ, сколько бы ни пилъ, никогда не пьянѣетъ, нарочно ссоритъ и дразнитъ своихъ приближенныхъ; изъ пьяныхъ перебранокъ часто узнаетъ то, чего никакъ иначе не узналъ бы. По пословицѣ: когда воры бранятся, крестьянинъ получаетъ краденый товаръ. Пиръ становится розыскомъ.

Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ поругался съ вице-канцлеромъ Шафировымъ. Князь назвалъ его жидомъ.

— Я жидъ, а ты пирожникъ — „пироги подовые!“ — возразилъ Шафировъ. — Отецъ твой лаптемъ щи хлебалъ.

Изъ-подъ бочки тебя тащили. Недорогой ты князь — взятъ изъ грязи да посаженъ въ князи!..

— Ахъ ты, жидъ пархатый! Я тебя на ноготокъ да щелкну, только мокренько будетъ...

Долго ругались. Русскіе вообще большіе мастера на ругань. Кажется, такого сквернословія, какъ здѣсь, нигдѣ не услышишь. Имъ зараженъ воздухъ. Въ одномъ изъ ругательствъ, и самомъ позорномъ, которое, однако, употребляютъ всѣ отъ мала до велика, слово мать соединяется съ гнуснѣйшими словами. Оно такъ и называется матернымъ словомъ. И этотъ народъ считаетъ себя христіаннѣйшимъ!

Истощивъ ругательства, вельможи стали плевать другъ другу въ лицо. Всѣ стояли кругомъ, смотрѣли и смѣялись. Здѣсь подобныя схватки обычное дѣло и кончаются безъ всякихъ послѣдствій.

Князь Яковъ Долгорукій подрался съ княземъ-кесаремъ Ромодановскимъ. Эти два почтенные, убѣленные сѣдинами, старца, ругаясь тоже по-матерному, вцѣпились другъ другу въ волосы, начали душить и бить другъ друга кулаками. Когда стали разнимать ихъ, они выхватили шпаги.

— Ei, dat ist nitt parmittet! — крикнулъ по-голландски царь, подходя и становясь между ними.

Протодьяконъ Петръ Михайловъ имѣетъ отъ папы указъ: „во время шумства унимать словесно и ручно“.

— Сатисфакціи требую!—вопилъ князь Яковъ. — Учиненъ мнѣ великій афронтъ...

— Камратъ, — возразилъ царь, — на князя-кесаря гдѣ сыскать управы, кромѣ Бога? Я вѣдь и самъ человѣкъ подневольный, у его величества въ командѣ состою. Да и какой афронтъ? Нынѣ вся кумпанія отъ Бахуса не оскорблена. Sauffen — rauffen, напьемся — подеремся, проспимся — помиримся.

Враговъ заставили выпить штрафъ перцовкою, и скоро они вмѣстѣ свалились подъ столъ.

Шуты галдѣли, гоготали, блевали, плевали въ лицо не только другъ другу, но и порядочнымъ людямъ. Особый

хоръ, такъ называемая *весна*, изображалъ пѣніе птицъ въ лѣсу, отъ соловья до малиновки, разными свистами, такими громкими, что звукъ отражался отъ стѣны оглушающимъ эхо. Раздавалась дикая плясовая пѣсня съ почти безсмысленными словами, напоминавшими крики на шабашѣ вѣдьмъ

Ой, жги, ой, жги!
Шинь-пень, шиваргань!
Бей трепака,
Не жалѣй каблука!

Въ нашемъ дамскомъ отдѣленіи, пьяная старая баба-шутиха, князь-игуменья Ржевская, настоящая вѣдьма, тоже пустилась въ плясъ, задравъ подолъ и напѣвая хриплымъ съ перепоя голосомъ:

Заиграй, моя дубинка,
Заваляй, моя волынка!
Свекоръ съ печки свалился,
За колоду завалился.
Кабы знала, возвѣстила,
Я повыше бъ подмостила,
Я повыше бъ подмостила,
Свекру голову сломила.

Глядя на нее, царица, со сбившейся на бокъ прическою, вся потная, красная, пьяная, прихлопывала, притопывала: „ой, жги! ой, жги!“ и хохотала, какъ безумная. Въ началѣ попойки приставала она къ ея высочеству, убѣждая пить довольно странными пословицами, которыхъ на этотъ счетъ у русскихъ множество: „чарка на чарку—не палка на палку. Безъ поливки и капуста сохнетъ. И курица пьетъ“. Но, видя, что кронпринцессѣ почти дурно, сжалилась, оставила ее въ покоѣ и даже потихоньку сама подливала ей, а кстати и намъ, фрейлинамъ, воды въ вино, что на подобныхъ пирахъ считается великимъ преступленіемъ.

Въ концѣ ночи—мы просидѣли за столомъ отъ шести

часовъ вечера до четырехъ утра — нѣсколько разъ подходила царица къ дверямъ, вызывая царя и спрашивая:

— Не пора ли домой, батюшка?

— Ничего, Катенька! Завтра день гулящій,—отвѣчалъ царь.

Приподымая занавѣску и заглядывая въ мужское отдѣленіе, я видѣла каждый разъ что-нибудь новое.

Кто-то, шагая прямо черезъ столъ, попалъ сапогомъ въ блюдо съ рыбнымъ студнемъ. Этотъ самый студень царь только что совалъ насильно въ ротъ государственному канцлеру Головкину, который терпѣть не могъ рыбы; деньщики держали его за руки и за ноги; онъ бился, задыхался и весь побагровѣлъ. Бросивъ Головкина, царь принялся за ганноверскаго резидента Вебера; ласкалъ его, цѣловалъ, одною рукою обнималъ ему голову, другою—держалъ стаканъ у рта, умоляя выпить. Потомъ, снявъ съ него парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку; подымалъ ему губы и цѣловалъ въ десна. Говорятъ, причиной всѣхъ этихъ нѣжностей было желаніе царя выпытать у резидента какую-то дипломатическую тайну. Мусинъ-Пушкинъ, котораго щекотали подъ шеей — онъ очень боится щекотки, а царь пріучаетъ его къ ней — визжалъ, какъ поросенокъ подъ ножемъ. Великій адмиралъ Апраксинъ плакалъ навзрыдъ. Тайный совѣтникъ Толстой ползалъ на четверенкахъ; онъ, впрочемъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, не былъ слишкомъ пьянъ и притворялся, чтобы больше не пить. Вице-адмиралу Крюйсу раскроили голову бутылкою. Князь Меньшиковъ упалъ замертво со страшно посинѣвшимъ лицомъ; его растирали и приводили въ чувство, чтобы онъ не умеръ: на такихъ попойкахъ часто умираютъ. Царскаго духовника, архимандрита Ѳедоса рвало. „Охъ, смерть моя! Матерь Пресвятая Богородица!“ — жалобно стоналъ онъ. Князь-папа храпѣлъ, навалившись всѣмъ тѣломъ на столъ, лицомъ въ лужѣ вина.

Свистъ, ревъ, звонъ разбитой посуды, матерная брань, оплеухи, на которыя уже никто не обращалъ вниманія —

стояли въ воздухѣ. Смрадъ, какъ въ самомъ грязномъ кабакѣ. Кажется, если бы прямо со свѣжаго воздуха привели кого-нибудь сюда, его сразу стошнило бы.

У меня въ глазахъ темнѣло; иногда я почти теряла сознаніе. Человѣческія лица казались какими-то звѣриными мордами, и страшнѣе всѣхъ было лицо царя—широкое, круглое, съ немного косымъ разрѣзомъ большихъ, выпуклыхъ, точно выпученныхъ, глазъ, съ торчащими кверху, острыми усиками — лицо огромной хищной кошки или тигра. Оно было спокойно и насмѣшливо. Взоръ ясенъ и проницателенъ. Онъ одинъ былъ трезвъ и съ любопытствомъ заглядывалъ въ самыя гнусныя тайны, обнаженныя внутренности человѣческихъ душъ, которыя выворачивались передъ нимъ на изнанку въ этомъ застѣнкѣ, гдѣ орудіемъ пытки было вино.

Князя-папу разбудили и подняли со стола. Подъ столомъ князь-кесарь тоже успѣлъ выспаться. Ихъ заставили вдвоемъ другъ противъ друга плясать, поддерживая подъ руки, такъ какъ оба едва стояли на ногахъ. Папа въ шутовской тіарѣ, вѣнчанный голымъ Вакхомъ, имѣлъ въ рукѣ крестъ изъ чубуковъ. Кесарь — въ шутовской коронѣ, со скипетромъ въ рукѣ. Царевичъ лежалъ на полу, совершенно пьяный, какъ мертвый, между этими двумя шутами, двумя призраками древняго величія—русскимъ царемъ и русскимъ патріархомъ.

Что было потомъ, не помню, да и вспоминать не хочу— слишкомъ гадко.

На сосѣднихъ корабляхъ пробили зорю. И у насъ послышался звукъ барабана: самъ царь — онъ отличный барабаньщикъ — билъ отбой. Это значило: „съ Ивашкой Хмѣльницкимъ (русскимъ Вакхомъ) была великая баталія, и онъ всѣхъ пошибъ“. Гренадеры выносили на рукахъ пьяныхъ вельможъ, какъ тѣла убитыхъ съ поля сраженія.

Когда мы увидѣли небо, намъ показалось, что мы выходимъ, говоря высокимъ слогомъ, изъ ада, а низкимъ—изъ помойной ямы.

9 мая

Сегодня царь съ большимъ флотомъ выѣхалъ изъ Петербурга для военныхъ дѣйствій противъ шведовъ.

20 мая

Давно не писала дневника. Ея высочество была больна послѣ попойки. Я отъ нея не отходила. Да и что писать? Все такъ печально, что говорить и думать не хочется. Будь что будетъ.

25 мая

Я не ошиблась. Миръ оказался недолгимъ. Опять пробѣжала черная кошка между царевичемъ и ея высочествомъ; опять по цѣлымъ недѣлямъ не видятся. Онъ тоже боленъ. Доктора говорятъ, чахотка. Я думаю, просто водка.

4 іюня

Пришелъ царевичъ, одѣтый по-дорожному, въ сѣромъ нѣмецкомъ рейзерокѣ, поговорилъ о чемъ-то постороннемъ и вдругъ объявилъ:

— Adieu. Ich gehe nach Karlsbad.

Кронпринцесса такъ растерялась, что не нашлась, чтó сказать, даже не спросила, надолго ли. Я думала, онъ шутитъ. Но оказалось, почти тотчасъ, выйдя отъ насъ, царевичъ сѣлъ въ почтовую карету—и былъ таковъ. Говорятъ въ самомъ дѣлѣ, ѣдетъ на воды лѣчиться.

И вотъ мы одни, безъ царя и царевича.

Родители ея высочества, должно быть, повѣривъ глупымъ здѣшнимъ сплетнямъ, разсердились на нее и тоже перестали ей писать. Мы покинуты всѣми.

7 іюля

Письмо царя къ ея высочеству:

„Я бы не хотѣлъ васъ трудить такожъ противъ совѣсти моей думать; но отлученіе супруга вашего, моего сына,

принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятество необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вящше года, того ради, когда благоволитъ Богъ вамъ приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ гр. Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были".

Учинили анштальтъ: приставили къ ея высочеству трехъ почти незнакомыхъ ей женщинъ, канцлершу Головкину, генеральшу Брюсъ да старую бабу шутиху, князь-игуменью Ржевскую, ту самую, что плясала во время попойки. Эти три мегеры не спускаютъ съ нея глазъ, „охраняютъ" или по просту шпіонятъ.

Что все это значитъ? Чего боятся? Какого обмана? Неужели подмѣны ребенка, дѣвочки мальчикомъ, по проискамъ тѣхъ, кто желаетъ утвердить наслѣдство за родомъ царевича? Или это чрезмѣрная любезность царицы?

Теперь мы только поняли, какъ подозрѣваютъ и ненавидятъ насъ. Вся вина Шарлотты въ томъ, что она—жена мужа своего. Отецъ противъ сына, а мы между нихъ, какъ между двухъ огней.

„Послушно исполню волю вашего величества о назначеніи трехъ женщинъ для моей охраны, — отвѣтила Шарлотта царю, — тѣмъ болѣе, что мнѣ и на умъ никогда не приходило намѣреніе обмануть ваше величество и кронпринца; посему столь странное и мною незаслуженное распоряженіе мнѣ весьма огорчительно. Казалось бы, многократно обѣщанныя милость и любовь вашего величества должны были служить мнѣ залогомъ, что никто не обидитъ меня клеветою, и что виновные будутъ наказаны, какъ преступники. Прискорбно, что мои завистники и преслѣдователи имѣютъ довольно силы къ подобной интригѣ. Богъ моя надежда на чужбинѣ. И какъ всѣми я покинута, Онъ услышитъ мои сердечные вздохи и сократитъ мои страданья!"

12 іюля

Въ 7 часу утра ея высочество благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью.

О царевичѣ ни слуху, ни духу.

1 августа

Получено извѣстіе о побѣдѣ русскихъ надъ шведами 27 іюля при Гангутѣ; взята, будто бы, въ плѣнъ цѣлая эскадра съ шаутбенахтомъ Эрншильдомъ. Весь день трезвонъ въ колокола и пальба изъ пушекъ. Здѣсь, впрочемъ не жалѣютъ пороха, и по поводу самыхъ ничтожныхъ побѣдъ, захвативъ три, четыре гнилыя галеры, такъ палятъ какъ будто міръ побѣжденъ.

9 сентября

Царь вернулся въ Петербургъ. Опять пальба, точно въ осажденномъ городѣ. Мы почти оглохли. Безконечныя тріумфальныя шествія, фейерверки съ хвастливыми аллегоріями: царь прославляется, какъ завоеватель вселенной, Цезарь и Александръ. Была попойка, на которой, славу Богу, насъ не было. Опять, говорятъ, напились, какъ свиньи.

13 сентября

Дождь, слякоть. Въ окнахъ—низкое, темное, точно каменное, небо. На голыхъ сучьяхъ мокрыя вороны каркаютъ.

Тоска, тоска!

19 сентября

Застала кронпринцессу плачущей надъ старыми письмами царевича, которыя онъ писалъ женихомъ. Кривыя безсвязныя буквы на протянутыхъ карандашемъ линейкахъ. Пустые комплименты, дипломатическія любезности. И она надъ ними плачетъ, бѣдняжка!

Мы узнали стороной, что царевичъ живетъ въ Карлсбадѣ incognito; сюда вернется не раньше зимы.

20 сентября

Чтобъ забыться, не думать о нашихъ дѣлахъ, рѣшила записывать все, что вижу и слышу, о царѣ.

Правъ Лейбницъ; „quanto magis hujus Principis indolem prospicio, tanto eam magis admiror. Чѣмъ больше наблюдаю нравъ этого государя, тѣмъ больше ему удивляюсь“.

1 октября

Видѣла, какъ царь въ адмиралтейской кузницѣ ковалъ желѣзо. Придворные служили ему, разводили огонь, раздували мѣха, носили уголья, марая шелкъ и бархатъ шитыхъ золотомъ кафтановъ.

— Вотъ оно—царь такъ царь! Даромъ хлѣба не ѣстъ. Лучше бурлака работаетъ!—сказалъ одинъ изъ стоявшихъ тутъ, простыхъ рабочихъ.

Царь былъ въ кожаномъ передникѣ, волосы подвязаны бичевкою, рукава засучены на голыхъ съ выпуклыми мышцами, рукахъ, лицо запачкано сажею. Исполинскаго роста кузнецъ, освѣщенный краснымъ заревомъ горна, похожъ былъ на подземнаго титана. Онъ ударялъ молотомъ по раскаленному до бѣла желѣзу такъ, что искры сыпались дождемъ, наковальня дрожала, гудѣла, какъ будто готовая разлетѣться въ дребезги.

— Ты хочешь, государь, сковать изъ Марсова желѣза новую Россію; да тяжело молоту, тяжело и наковальнѣ!—вспомнилось мнѣ слово одного стараго боярина.

* *
*

„Время подобно желѣзу горячему, которое, ежели остынетъ, не удобно кованію будетъ“, говоритъ царь. И, кузнецъ Россіи, онъ куетъ ее, пока желѣзо горячо. Не знаетъ отдыха, словно всю жизнь спѣшитъ куда-то. Кажется

еслибъ и хотѣлъ, то не могъ бы отдохнуть, остановиться. Убиваетъ себя лихорадочною дѣятельностью, неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ, подобнымъ вѣчной судорогѣ. Врачи говорятъ, что силы его надорваны, и что онъ проживетъ недолго. Постоянно лѣчится желѣзными Олонецкими водами, но при этомъ пьетъ водку, такъ что лѣченіе только во вредъ.

Первое впечатлѣніе при взглядѣ на него—стремительность. Онъ весь—движеніе. Не ходитъ, а бѣгаетъ. Цесарскій посолъ, графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, увѣряетъ, что согласился бы лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на аудіенціи, ибо долженъ, при тучности своей, бѣгать за нимъ во все это время, такъ что весь обливается потомъ, даже въ русскій морозъ. „Время яко смерть,—повторяетъ царь.—Пропущеніе времени смерти невозвратной подобно“.

* * *

Его стихіи—огонь и вода. Онъ ихъ любитъ, какъ существо, рожденное въ нихъ: воду — какъ рыба, огонь — какъ саламандра. Страсть къ пушечной пальбѣ, ко всякимъ опытамъ съ огнемъ, къ фейерверкамъ. Всегда самъ ихъ зажигаетъ, лѣзетъ въ огонь; однажды при мнѣ спалилъ себѣ волосы. Говоритъ, что пріучаетъ подданныхъ къ огню сраженій. Но это только предлогъ: онъ просто любитъ огонь.

Такая же страсть къ водѣ. Потомокъ московскихъ царей, которые никогда не видѣли моря, онъ затосковалъ о немъ еще ребенкомъ въ душныхъ теремахъ Кремлевскаго дворца, какъ дикій гусенышъ въ курятникѣ. Плавалъ въ игрушечныхъ лодочкахъ по водовзводнымъ потѣшнымъ прудамъ. А какъ дорвался до моря, то уже не разставался съ нимъ. Большую часть жизни проводитъ на водѣ. Каждый день послѣ обѣда спитъ на фрегатѣ. Когда боленъ, совсѣмъ туда переселяется, и морской воздухъ его почти всегда исцѣляетъ. Лѣтомъ въ Петергофѣ, въ огромныхъ садахъ ему душно. Устроилъ себѣ спальню въ Монплезирѣ, домикѣ,

одна сторона котораго омывается волнами Финскаго залива; окна спальни прямо въ морѣ. Въ Петербургѣ Подзорный дворецъ построенъ весь на водѣ, на песчаной отмели Невскаго устья. Дворецъ въ Лѣтнемъ саду также окруженъ водою съ двухъ сторонъ: ступени крыльца спускаются въ воду, какъ въ Амстердамѣ и Венеціи. Однажды зимою, когда Нева уже стала и только передъ дворцомъ оставалась еще полынья окружностью не больше сотни шаговъ, онъ и по ней плавалъ взадъ и впередъ на крошечной гичкѣ, какъ утка въ лужѣ. Когда же вся рѣка покрылась крѣпкимъ льдомъ, велѣлъ расчистить вдоль набережной пространство, шаговъ сто въ длину, тридцать въ ширину, каждый день сметать съ него снѣгъ, и я сама видѣла, какъ онъ катался по этой площадкѣ, на маленькихъ красивыхъ шлюпкахъ или буерахъ, поставленныхъ на стальные коньки и полозья. „Мы, говоритъ, плаваемъ по льду, чтобъ и зимою не забыть морскихъ экзерцицій". Даже въ Москвѣ, на святкахъ, катался разъ по улицамъ на огромныхъ саняхъ, подобіи настоящихъ кораблей съ парусами. Любитъ пускать на воду молодыхъ дикихъ утокъ и гусей, подаренныхъ ему царицею. И какъ радуется ихъ радости! Точно самъ онъ водяная птица.

* * *

Говоритъ, что началъ впервые думать о морѣ, когда прочелъ сказаніе лѣтописца Нестора о морскомъ походѣ кіевскаго князя Олега подъ Царьградъ. Если такъ, то онъ воскрешаетъ въ новомъ древнее, въ чужомъ родное. Отъ моря черезъ сушу къ морю—таковъ путь Россіи.

* * *

Иногда кажется, что въ немъ слились противорѣчія двухъ родныхъ ему стихій — воды и огня — въ одно существо, странное, чуждое — не знаю, доброе или злое, божеское или бѣсовское—но нечеловѣческое.

* * *

Дикая застѣнчивость. Я видѣла сама, какъ на пышномъ пріемѣ пословъ, сидя на тронѣ, онъ смущался, краснѣлъ, потѣлъ, часто для бодрости нюхалъ табакъ, не зналъ, куда дѣвать глаза, избѣгалъ даже взоровъ царицы; когда же церемонія кончилась, и можно было сойти съ трона, радъ былъ, какъ школьникъ. Маркграфиня Бранденбургская разсказывала мнѣ, будто бы при первомъ свиданіи съ нею, царь—правда тогда совсѣмъ еще юный—отвернулся, закрылъ лицо руками, какъ красная дѣвушка и только повторялъ одно: „Je ne sais pas m'exprimer. Я не умѣю говорить. . .“ Скоро, впрочемъ, оправился и сдѣлался даже слишкомъ развязнымъ: пожелалъ убѣдиться собственноручно, что не отъ природной костлявости нѣмокъ зависитъ жесткость ихъ талій, удивлявшая русскихъ, а отъ рыбьяго уса въ корсетахъ. „Il pourrait être un peu plus poli! Онъ бы могъ быть повѣжливѣе!“—замѣтила маркграфиня. Баронъ Мантейфель передавалъ мнѣ о свиданіи царя съ королевою прусскою: „онъ былъ настолько любезенъ, что подалъ ей руку, надѣвъ предварительно довольно грязную перчатку. За ужиномъ превзошелъ себя: не ковырялъ въ зубахъ, не рыгалъ и не производилъ другихъ неприличныхъ звуковъ (il n'a ni rotê, ni peté)“.

Путешествуя по Европѣ, требовалъ, чтобъ никто не смѣлъ смотрѣть на него, чтобъ дороги и улицы, когда онъ проѣзжалъ по нимъ, были пусты. Входилъ и выходилъ изъ домовъ потайными ходами. Посѣщалъ музеи ночью. Однажды въ Голландіи, когда ему нужно было пройти черезъ залу, гдѣ засѣдали члены Генеральныхъ Штатовъ, — просилъ, чтобы президентъ велѣлъ имъ повернуться спиною; а когда тѣ, изъ уваженія къ царю, отказались,—стащилъ себѣ на носъ парикъ, быстро прошелъ черезъ залу, прихожую и сбѣжалъ по лѣстницѣ. Катаясь въ Амстердамѣ по каналу и видя, что лодка съ любопытными хочетъ приблизиться,—пришелъ въ такое бѣшенство, что бросилъ въ голову кормчаго двѣ пустыя бутылки и едва не раскроилъ ему черепа. Настоящій дикарь-канибалъ. Въ просвѣщенномъ европейцѣ—русскій лѣшій.

Дикарь и дитя. Впрочемъ, всѣ вообще русскіе—дѣти. Царь среди нихъ только притворяется взрослымъ. Никогда не забуду, какъ на сельской ярмаркѣ близъ Вольфенбюттеля герой Полтавы ѣздилъ верхомъ на деревянныхъ лошадкахъ дрянной карусели, ловилъ мѣдныя кольца палочкой и забавлялся, какъ маленькій мальчикъ.

Дѣти жестоки. Любимая забава царя—принуждать людей къ противоестественному: кто не терпитъ вина, масла, сыра, устрицъ, уксуса, тому онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, наполняетъ этимъ ротъ насильно. Щекочетъ боящихся щекотки. Многіе, чтобъ угодить ему, нарочно притворяются, что не выносятъ того, чѣмъ онъ любитъ дразнить.

Иногда эти шутки ужасны, особенно во время святочныхъ попоекъ, такъ называемаго славленія. „Сія потѣха святокъ,—говорилъ мнѣ одинъ старый бояринъ,—такъ происходитъ трудная, что многіе къ тѣмъ днямъ пріуготовляются, какъ бы къ смерти“. Таскаютъ людей на канатѣ изъ проруби въ прорубь. Сажаютъ голымъ задомъ на ледъ. Спаиваютъ до смерти.

Такъ, играя съ людьми, существо иной породы, фавнъ или кентавръ, калѣчитъ ихъ и убиваетъ нечаянно.

Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ, наблюдая, какъ пропитываютъ терпентиномъ обнаженные мускулы трупа и замѣтивъ крайнее отвращеніе въ одномъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, царь схватилъ его за шиворотъ, пригнулъ къ столу и заставилъ оторвать зубами мускулъ отъ трупа.

Иногда почти невозможно рѣшить, гдѣ въ этихъ шуткахъ кончается дѣтская рѣзвость и начинается звѣрская лютость.

* *
*

Вмѣстѣ съ дикою застѣнчивостью—дикое безстыдство, особенно съ женщинами.

„Il faut que Sa Majesté ait dans le corps une légion de

démons de luxure. Мнѣ кажется, что въ тѣлѣ его величества—цѣлый легіонъ демоновъ похоти", говоритъ лейбъ-медикъ Блюментростъ. Онъ полагаетъ, что „скорбутика" царя происходитъ отъ другой застарѣлой болѣзни, которую получилъ онъ въ ранней молодости.

По выраженію одного русскаго изъ новыхъ, у царя—„политическое снисхожденіе къ плотскимъ грѣхамъ". Чѣмъ больше грѣховъ, тѣмъ больше рекрутъ—а они ему нужны. Для него самого любовь — „только побужденіе натуры". Однажды въ Англіи, по поводу жалобы одной куртизанки, недовольной подаркомъ въ пятьсотъ гиней, онъ сказалъ Меньшикову: „Ты думаешь, что и я такой же мотъ, какъ ты? За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердьемъ и умомъ; а эта худо служила—самъ знаешь чѣмъ!"

Царица совсѣмъ не ревнива. Онъ разсказываетъ ей всѣ свои похожденія, но всегда кончаетъ съ любезностью: „ты все-таки лучше всѣхъ, Катенька!"

О деньщикахъ царя ходятъ странные слухи. Одинъ изъ нихъ, генералъ Ягужинскій, угодилъ, будто бы, царю такими средствами, о которыхъ неудобно говорить. Красавецъ Лефортъ, по слову одного здѣшняго старичка-любезника, находился у царя „въ столь крайней конфиденціи интригъ амурныхъ", что они имѣли общую любовницу. Говорятъ, и царица, прежде чѣмъ сойтись съ царемъ, была любовницей Меньшикова, который замѣнилъ Лефорта. Меньшиковъ, этотъ „мужъ изъ подлости происшедшій", который, по изрѣченію самого царя, „въ беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ рожденъ матерью и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой",—имѣетъ надъ нимъ почти непонятную власть. Царь, бывало, бьетъ его, какъ собаку, повалитъ и топчетъ ногами; кажется, всему конецъ; а глядишь—опять помирились и цѣлуются. Я собственными ушами слышала, какъ царь называлъ его своимъ „Алексашею миленькимъ", „дитяткомъ сердешненькимъ" (sein Herzenskind), и тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же. Этотъ бывшій уличный пирожникъ дошелъ до такой наглости, что однажды, правда, во хмѣлю, сказалъ

царевичу: „Не видать тебѣ короны, какъ ушей своихъ. Она моя!“

8 октября

Сегодня хоронили одну голландскую купчиху, страдавшую водянкою. Царь собственноручно сдѣлалъ ей операцію, выпустилъ воду. Она, говорятъ, умерла не столько отъ болѣзни, сколько отъ операціи. Царь былъ на похоронахъ и на поминкахъ. Пилъ и веселился. Считаетъ себя великимъ хирургомъ. Всегда носитъ готовальню съ ланцетами. Всѣ, у кого какой-нибудь нарывъ или опухоль, скрываютъ ихъ, чтобъ царь не началъ ихъ рѣзать. Какое-то болѣзненное анатомическое любопытство. Не можетъ видѣть трупа безъ вскрытія. Ближайшихъ родныхъ своихъ послѣ смерти анатомируетъ.

Любитъ также рвать зубы. Выучился въ Голландіи у площадныхъ зубодеровъ. Въ здѣшней кунсткамерѣ цѣлый мѣшокъ вырванныхъ имъ, гнилыхъ зубовъ.

Циническое любопытство къ страданіямъ и циническое милосердіе. Своему пажу арапченку собственноручно вытянулъ глисту.

* *
*

Во всемъ существѣ—сочетаніе силы и слабости. Это и въ лицѣ: страшные глаза, отъ одного взора которыхъ люди падаютъ въ обморокъ, глаза слишкомъ правдивые; а губы тонкія, нѣжныя, съ лукавой усмѣшкой, почти женскія. Подбородокъ мягкій, пухлый, круглый, съ ямочкой.

О прострѣленной при Полтавѣ шляпѣ намъ прожужжали уши. Я не сомнѣваюсь, что онъ можетъ быть храбрымъ, особенно въ побѣдѣ. Впрочемъ, всѣ побѣдители храбры. Но такъ ли онъ всегда былъ храбръ, какъ это кажется?

Саксонскій инженеръ Галлартъ, участвовавшій въ Нарвскомъ походѣ 1700 года, разсказывалъ мнѣ, что царь, узнавъ о приближеніи Карла XII, передалъ все управленіе вой-

скамп герцогу де-Круи, съ инструкціей, наскоро написанной, безъ числа, безъ печати, совершенно будто бы „нелѣпою“ (nicht gehauen, nicht gestochen), а самъ удалился „въ сильномъ разстройствѣ“.

У плѣннаго шведа, графа Пиппера я видѣла медаль, выбитую шведами: на одной сторонѣ царь, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ коихъ летятъ бомбы на осажденную Нарву; надпись: *Петръ стоялъ у огня и грѣлся*—съ намекомъ на апостола Петра во дворѣ Каіафы; на другой—русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы и впереди Петръ; царская корона валится съ головы, шпага брошена; онъ утираетъ слезы платкомъ; надпись гласитъ: *вышедъ вонъ, плакалъ горько.*

Пусть все это ложь; но почему объ Александрѣ или Цезарѣ такъ и солгать никто не посмѣлъ бы?

И въ Прутскомъ походѣ случилось нѣчто странное: въ самую опасную минуту передъ сраженіемъ царь готовъ былъ покинуть войско, съ тою цѣлью, чтобы вернуться со свѣжими силами. А если не покинулъ, то только потому, что отступленіе было отрѣзано. „Никогда,—писалъ онъ Сенату,—какъ и началъ служить, въ такой дисператіи не были“. Это вѣдь тоже почти значитъ: „вышедъ вонъ, плакалъ горько“.

Блюментростъ говоритъ—а врачи знаютъ о герояхъ то, чего не узнаютъ потомки—будто бы царь не выноситъ никакой тѣлесной боли. Во время тяжелой болѣзни, которую считали смертельною, онъ вовсе не былъ похожъ на героя.

„И не можно думать,—воскликнулъ при мнѣ одинъ русскій, прославлявшій царя,—чтобы великій и неустрашимый герой сей боялся такой малой гадины—таракановъ!“ Когда царь путешествуетъ по Россіи, то для его ночлеговъ строятъ новыя избы, потому что трудно въ русскихъ деревняхъ отыскать жилье безъ таракановъ. Онъ боится также пауковъ и всякихъ насѣкомыхъ. Я сама однажды наблюдала, какъ, при видѣ таракана, онъ весь поблѣднѣлъ, задрожалъ,

лицо исказилось — точно призракъ или сверхъестественное чудовище увидѣлъ; кажется, еще немного, и съ нимъ сдѣлался бы обморокъ или припадокъ, какъ съ трусливою женщиною. Если бы пошутили съ нимъ такъ, какъ онъ шутитъ съ другими—пустили бы ему на голое тѣло съ полдюжины пауковъ или таракановъ—онъ, пожалуй, умеръ бы на мѣстѣ, и ужъ, конечно, историки не повѣрили бы, что побѣдитель Карла XII умеръ отъ прикосновенія тараканьихъ лапокъ.

Есть что-то поразительное въ этомъ страхѣ царя исполина, котораго всѣ трепещутъ, передъ крошечной безвредной тварью. Мнѣ вспомнилось ученіе Лейбница о монадахъ: какъ будто не физическая, а метафизическая, первозданная природа насѣкомыхъ враждебна природѣ царя. Мнѣ былъ не только смѣшонъ, но и страшенъ страхъ его: точно я вдругъ заглянула въ какую-то древнюю-древнюю тайну.

* * *

Когда однажды въ здѣшней кунсткамерѣ ученый нѣмецъ показывалъ царицѣ опыты съ воздушнымъ насосомъ, и подъ хрустальный колоколъ была посажена ласточка, царь, видя, что задыхавшаяся птичка шатается и бьется крыльями, сказалъ:

— Полно, не отнимай жизни у твари невинной; она — не разбойникъ.

— Я думаю, дѣтки по ней въ гнѣздѣ плачутъ! — прибавила царица; потомъ, взявъ ласточку, поднесла ее къ окну и пустила на волю.

Чувствительный Петръ! Какъ это странно звучитъ. А между тѣмъ въ тонкихъ, нѣжныхъ, почти женственныхъ губахъ его, въ пухломъ подбородкѣ съ ямочкой что-то похожее на чувствительность такъ и чудилось мнѣ въ ту минуту, когда царица говорила своимъ сладкимъ голоскомъ съ жеманно-приторной усмѣшечкой: „дѣтки по ней въ гнѣздѣ плачутъ!“

Не въ этотъ ли самый день изданъ былъ страшный указъ:

„Его Царское Величество усмотрѣть соизволилъ, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, ноздри выняты малознатны; того ради Его Царское Величество указалъ вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится такимъ каторжнымъ сбѣжать, — вездѣ утаиться было не можно, и для лучшей поимки были знатныи".

Или другой указъ въ Адмиралтейскомъ Регламентѣ:

„Ежели кто самъ себя убьетъ, тотъ и мертвый за ноги повѣшенъ быть имѣетъ".

* * *

Жестокъ ли онъ? Это вопросъ.

„Кто жестокъ, тотъ не герой" — вотъ одно изъ тѣхъ изреченій царя, которымъ я не очень вѣрю: они слишкомъ — для потомства. А вѣдь потомство узнаетъ, что жалѣя ласточекъ, онъ замучилъ сестру, мучаетъ жену и, кажется, замучаетъ сына.

* * *

Такъ ли онъ простъ, какъ это кажется? Тоже вопросъ. Знаю, сколько нынче ходитъ анекдотовъ о саардамскомъ царѣ-плотникѣ. Никогда, признаюсь, не могла я ихъ слушать безъ скуки: ужъ слишкомъ всѣ они нравоучительны, похожи на картинки къ прописямъ.

„Verstellte Einfalt. Притворная простота", сказалъ о немъ одинъ умный нѣмецъ. Есть и у русскихъ пословица: простота хуже воровства.

Въ грядущихъ вѣкахъ узнаютъ, конечно, всѣ педанты и школьники, что царь Петръ самъ себѣ штопалъ чулки, чинилъ башмаки изъ бережливости. А того, пожалуй, не узнаютъ, что̀ намедни разсказывалъ мнѣ одинъ русскій купецъ, подрядчикъ строевого лѣса.

— Великое брусье дубовое лежитъ у Ладоги, пескомъ засыпано, гніетъ. А людей за порубку дуба бьютъ плетьми

да вѣшаютъ. Кровь и плоть человѣчья дешевле дубоваго лѣса!

Я могла бы прибавить: дешевле дырявыхъ чулковъ.

„C'est un grand poseur! Это большой актеръ!“ — сказалъ о немъ кто-то. Надо видѣть, какъ, провинившись въ нарушеніи какого-нибуть шутовского правила, цѣлуетъ онъ руку князю-кесарю:

— Прости, государь, пожалуй! Наша братія, корабельщики, въ чинахъ неискусны.

Смотришь, и глазамъ не вѣришь: не различишь, гдѣ царь, гдѣ шутъ.

Онъ окружилъ себя масками. И „царь-плотникъ“, не есть ли тоже маска—„машкерадъ на голландскій маниръ?“

И не дальше ли отъ простого народа этотъ новый царь въ мнимой простотѣ своей, въ плотничьемъ нарядѣ, чѣмъ старые московскіе цари въ своихъ златотканныхъ одеждахъ?

— Нынѣ-де стало не попрежнему жестоко,—жаловался мнѣ тотъ же купецъ, — никто ни о чемъ доложить не смѣетъ, не доводятъ правды до царя. Въ старину-то было попроще!

Царскій духовникъ, архимандритъ Ѳеодосъ, однажды, при мнѣ хвалилъ царя въ лицо за „диссимуляцію“, которую будто бы „учителя политичные въ первыхъ царствованія полагаютъ регулахъ“.

* * *

Я не сужу его. Говорю только то, что вижу и слышу. Героя видятъ всѣ, человѣка немногіе. А если и сосплетничаю — мнѣ простится: я вѣдь женщина. „Это человѣкъ и очень хорошій, и очень дурной“, сказалъ о немъ кто-то. А я повторяю еще разъ: лучше ли онъ, хуже людей, не знаю, но мнѣ иногда кажется, что онъ — не совсѣмъ человѣкъ.

* * *

Царь набоженъ. Самъ читаетъ Апостолъ на клиросѣ, поетъ такъ же увѣренно, какъ попы, ибо всѣ часы и

службы знаетъ наизусть. Самъ сочиняетъ молитвы для солдатъ.

Иногда, во время бесѣдъ о дѣлахъ военныхъ и государственныхъ, вдругъ подымаетъ глаза къ небу, осѣняетъ себя крестнымъ знаменьемъ и произноситъ съ благоговѣніемъ изъ глубины сердца краткую молитву: „Боже, не отними милость Свою отъ насъ впредь!“ или: „О, буди, Господи, милость Твоя на насъ, яко же уповахомъ на Тя!“

Это не лицемѣріе. Онъ, конечно, вѣритъ въ Бога, какъ самъ говоритъ, „уповаетъ на крѣпкаго въ браняхъ, Господа“. Но иногда кажется, что Богъ его — вовсе не христіанскій Богъ, а древній языческій Марсъ или самъ рокъ—Немезида. Если былъ когда-нибудь человѣкъ, менѣе всего похожій на христіанина, то это Петръ. Какое ему дѣло до Христа? Какое соединеніе между Марсовымъ желѣзомъ и Евангельскими лиліями?

Рядомъ съ набожностью кощунство.

У князя-папы, шутовскаго патріарха, панагію замѣняютъ глиняныя фляги съ колокольчиками, евангеліе—книга-погребецъ со стклянками водки; крестъ—изъ чубуковъ.

Во время устроенной царемъ, лѣтъ пять тому назадъ, шутовской свадьбы карликовъ, вѣнчаніе происходило при всеобщемъ хохотѣ въ церкви; самъ священникъ отъ душившаго его смѣха едва могъ выговаривать слова. Таинство напоминало балаганную комедію.

Это кощунство, впрочемъ,—безсознательное, дѣтское и дикое, такъ же какъ и всѣ его остальныя шалости.

* * *

Прочла весьма любопытную новую книжку, изданную въ Германіи подъ заглавіемъ:

„Curieuse Nachricht von der itzigen Religion I. K. M. in Russland Petri Alezieviz und seines grossen Reiches, dass dieselbe itzo fast nach Evangelisch-Lutherischen Grundsätzen eingetrichtet sei“.

„Курьезное Извѣстіе о религіи царя Петра Алексѣе-

вича и о томъ, что оная въ Россіи нынѣ почти по Евангелически-Лютеранскому закону установлена.“

Вотъ нѣсколько выписокъ:

„Мы не ошибемся, если скажемъ, что Его Величество представляетъ себѣ истинную религію въ образѣ лютеранства.

„Царь отмѣнилъ патріаршество и, по примѣру протестантскихъ князей, объявилъ себя Верховнымъ Епископомъ, то-есть, Патріархомъ церкви Россійской. Возвратясь изъ путешествія въ чужія земли, онъ тотчасъ вступилъ въ диспуты со своими попами, убѣдился, что они въ дѣлахъ вѣры ничего не смыслятъ, и учредилъ для нихъ школы, чтобъ они прилежнѣе учились, такъ какъ прежде едва умѣли читать.

„И нынѣ, когда руссы разумно обучаются и воспитываются въ школахъ, всѣ ихъ суевѣрныя мнѣнія и обычаи должны исчезнуть сами собою, ибо подобнымъ вещамъ не можетъ вѣрить никто, кромѣ самыхъ простыхъ и темныхъ людей. Система обученія въ этихъ школахъ совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной евангелической религіи. Монастыри сильно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притономъ для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и опасность бунта. Теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь полезному, и все устроено похвальныхъ образомъ. Чудеса и мощи также не пользуются прежнимъ уваженіемъ: въ Россіи, какъ и въ Германіи, стали уже вѣрить, что въ этихъ дѣлахъ *много наплутано*“.

Я знаю, что царевичъ читалъ эту книжку. Съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ ее читать?

* * *

Однажды при мнѣ, за стаканами вина, въ дубовой рощицѣ въ Лѣтнемъ саду у дворца, гдѣ царь любитъ бесѣдовать съ духовенствомъ, администраторъ духовныхъ дѣлъ,

архимандритъ Өеодосъ разсуждалъ о томъ, „коихъ ради винъ и въ каковомъ разумѣ были и нарицалися императоры римскіе, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, понтифексами, архіереями многобожнаго закона“. Выходило такъ, что царь есть верховный архіерей, первосвященникъ и патріархъ. Очень искусно и ловко этотъ русскій монахъ доказывалъ, по Левіаөану англійскаго атеиста „Гоббезіа“ (Гоббса), civitatem et ecclesiam eandem rem esse, что „государство и церковь есть одно и то же“, разумѣется не съ тѣмъ, чтобы преобразить государство въ церковь, а наоборотъ, церковь въ государство. Чудовищный звѣрь-машина, Левіаөанъ проглатывалъ Церковь Божію, такъ что отъ нея и слѣда не оставалось. Разсужденія эти могли бы послужить любопытнымъ памятникомъ подобострастья и лести монашеской изволенію государеву.

* * *

Говорятъ, будто бы еще въ концѣ прошлаго 1714 года, царь, созвавъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, торжественно объявилъ, что „хочетъ быть одинъ начальникомъ Россійской Церкви и предоставляетъ учредить духовное собраніе подъ именемъ Святѣйшаго Синода“.

* * *

Царь замышляетъ походъ на Индію по стопамъ Александра Великаго. Подражаніе Александру и Цезарю, соединеніе Востока и Запада, основаніе новой всемірной монархіи — есть глубочайшая и сокровеннѣйшая мысль русскаго царя.

* * *

Өеодосъ говоритъ въ лицо государю: „Ты богъ земной“. Это вѣдь и значитъ: *Divus Caesar*, Кесарь божественный, Кесарь—Богъ.

* * *

Въ Полтавскомъ тріумфѣ русскій царь представленъ былъ на одной аллегорической картинѣ въ образѣ древняго бога солнца, Аполлона.

* * *

Я узнала, что мертвыя головы, которыя торчатъ на кольяхъ у Троицкой церкви противъ сената,—головы раскольниковъ, казненныхъ за то, что они называли царя антихристомъ.

20 октября

На кухню къ намъ заходитъ старенькій инвалидъ-каптенармусъ. Жалобное, точно изъѣденное молью, существо, съ трясущейся головою, краснымъ носомъ и деревянною ногою. Самъ себя называетъ „магазейною крысою". Я его угощаю табакомъ и водкою. Бесѣдуемъ о русскихъ военныхъ дѣлахъ.

Онъ все смѣется, говоритъ веселыми прибаутками: „служилъ солдатъ сто лѣтъ, не выслужилъ ста рѣпъ; сытъ крупицей, пьянъ водицей; шиломъ брѣется, дымомъ грѣется, три у него доктора: Водка, Чеснокъ да Смерть".

Поступивъ почти ребенкомъ „въ барабанную науку", участвовалъ во всѣхъ походахъ отъ Азова до Полтавы, а въ награду получилъ отъ царя горсть орѣховъ, да поцѣлуй въ голову.

Когда говоритъ о царѣ, то какъ будто весь преображается.

Сегодня разсказывалъ о битвѣ у Красной Мызы.

— Стояли мы храбро за домъ Пресвятой Богородицы, за его, государево пресвѣтлое величество и за вѣру христіанскую, другъ за друга умирали. Возопили всѣ великимъ гласомъ: „Господи Боже, помогай!" И молитвами московскихъ чудотворцевъ шведскіе полки, конные и пѣшіе, порубили.

Старался также передать мнѣ рѣчь царя къ войскамъ:

— „Ребятушки, родилъ я васъ потомъ трудовъ моихъ. Государству безъ васъ, какъ тѣлу безъ души, быть нельзя. Вы любовь имѣли къ Богу, ко мнѣ и къ отечеству—не щадили живота своего..."

Вдругъ вскочилъ на своей деревянной ногѣ; носъ покраснѣлъ еще больше; слезинка повисла на кончикѣ, какъ на спѣлой сливѣ роса; и махая старою шляпенкой, онъ воскликнулъ:

— Виватъ! Виватъ! Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій!

При мнѣ еще никто не называлъ царя императоромъ. Но я не удивилась. Въ мутныхъ глазкахъ магазейной крысы заблестѣлъ такой огонь, что странный холодъ пробѣжалъ по тѣлу моему — какъ будто пронеслось предо мной видѣніе древняго Рима: шелестъ побѣдныхъ знаменъ, топотъ мѣдныхъ когортъ и крикъ солдатъ, привѣтствіе „Кесарю божественному": Divus Caesar Imperator!

23 октября

Ѣздили въ Гостинный дворъ на Троицкой площади, мазанковый длинный дворъ, построенный итальянскимъ архитекторомъ Трезина, съ черепичною кровлею и крытымъ ходомъ подъ арками, какъ гдѣ-нибудь въ Веронѣ или Падуѣ. Заходили въ книжную лавку, первую и единственную въ Петербургѣ, открытую по указу царя. Завѣдуетъ ею тередорщикъ Василій Евдокимовъ. Здѣсь кромѣ славянскихъ и переводныхъ книгъ, продаются календари, указы, реляціи, азбуки, планы сраженій, „царскія персоны", то-есть, портреты, тріумфальные входы. Книги идутъ плохо. Изъ цѣлыхъ изданій въ два, три года ни одного экземпляра не продано. Лучше всего расходятся календари и указы о взяткахъ.

Случившійся въ лавкѣ цейхдиректоръ первой петербургской типографіи, нѣкій Аврамовъ, очень странный, но неглупый малый, разсказываетъ намъ, съ какими трудами

переводятся иностранныя книги на русскій языкъ. Царь постоянно торопитъ и требуетъ, подъ угрозой великаго штрафа, то-есть, плетей, чтобы „книга не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ“. А переводчики жалуются: „отъ зѣло спутаннаго нѣмецкаго штиля невозможно поспѣшить; вещь отнюдь невразумѣнная, стропотная и жестокая, случалось иногда, что десять строкъ въ день не могъ внятно перевесть“. Борисъ Волковъ, переводчикъ иностранной коллегіи, придя въ отчаяніе надъ переводомъ Le jardinage de Quintiny (Огородная книга) и убоясь царскаго гнѣва, перерѣзалъ себѣ жилы.

Нелегко дается русскимъ наука.

Большая часть этихъ переводовъ, которые стоятъ неимовѣрныхъ трудовъ, пота и, можно сказать, крови — никому не нужна и никѣмъ не читается. Недавно множество книгъ, не проданныхъ и не помѣщавшихся въ лавкѣ, сложили въ амбаръ на оружейномъ дворѣ. Во время наводненія залило ихъ водою. Одна часть подмочена, другая испорчена коноплянымъ масломъ, которое оказалось вмѣстѣ съ книгами, а третью съѣли мыши.

14 ноября

Были въ театрѣ. Большое деревянное зданіе, „комедіальный амбаръ“, недалеко отъ Литейнаго двора. Начало представленія въ 6 часовъ вечера. „Ярлыки“, входные билеты, на толстой бумагѣ, продаются въ особомъ чуланѣ. За самое послѣднее мѣсто 40 копѣекъ. Зрителей мало. Если бы не дворъ, актеры умерли бы съ голоду. Въ залѣ, хотя стѣны обиты войлоками, холодно, сыро, дуетъ со всѣхъ сторонъ. Сальные свѣчи коптятъ. Дрянная музыка фальшивитъ. Въ партерѣ все время грызутъ орѣхи, громко щелкая, и ругаются. Играли *Комедію о Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ*, русскій переводъ нѣмецкой передѣлки французскаго Донъ-Жуана. Послѣ каждаго явленія, занавѣсъ, „шпалеръ“, опускался, оставляя насъ въ темнотѣ, что означало перемѣну

мѣста дѣйствія. Это очень сердило моего сосѣда, камергера Бранденштейна. Онъ говорилъ мнѣ на ухо: „Какая же это, чортъ, комедія! Welch ein Hund von Komödie ist das!“ Я едва удерживалась отъ смѣха. Донъ-Жуанъ въ саду говоритъ соблазненой имъ женщинѣ:

„Приди, любовь моя! Вспомяни удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овощь любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Позволь чрезъ смотрѣніе цвѣтовъ наши очи и чрезъ изрядную оныхъ воню чувствованія наши наполнить.“

Мнѣ понравилась пѣсенка:

Кто любви не знаетъ,
Тотъ не знаетъ обманства.
Называютъ любовь богомъ,
Однакожъ, пуще мучитъ, нежели смерть.

Послѣ каждаго дѣйствія слѣдовала интермедія, которая оканчивалась потасовкою.

У Бибернштейна, успѣвшаго заснуть, вытащили изъ кармана шелковый платокъ, а у молодого Левенвольда серебряную табакерку.

Представлена была также *Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровое превращенная.*

Аполлонъ грозитъ нимфѣ:

Склоню невольно тя подъ мои руки,
Да не буду такъ страдати сей муки.

Та отвѣчаетъ:

Аще ты такъ нагло поступаешь,
То имѣти мя отнюдь да не чаешь.

Въ это время у входа въ театръ подрались пьяные конюхи. Ихъ побѣжали усмирять; тутъ же высѣкли. Слова бога и нимфы заглушались воплями и непристойною бранью.

Въ эпилогѣ появились „махины и летанія“.

Наконецъ, утренняя звѣзда, Фосфорусъ, объявила:

Тако сіе дѣйство будетъ скончати:
Покорно благодаримъ, пора почивати.

Намъ дали рукописную афишу о предстоящемъ въ другомъ балаганѣ зрѣлищѣ: „Съ платежемъ по полтинѣ съ персоны, итальянскія маріонеты или куклы, длиною въ два аршина, по театру свободно ходить и такъ искусно представлять будутъ, какъ почти живыя, *Комедію о Докторѣ Фавстѣ*. Такожъ и ученая лошадь будетъ по прежнему дѣйствовать“.

Признаюсь, не ожидала я встрѣтить Фауста въ Петербургѣ, да еще рядомъ съ ученою лошадью!

Недавно, въ этомъ же самомъ театрѣ, давались „Драгія смѣяныя“, или „Дражайшее потѣшеніе“, *Précieuses ridicules* Мольера. Я достала и прочла. Переводъ сдѣланъ, по приказанію царя, однимъ изъ шутовъ его, „Самоѣдскимъ Королемъ“, должно быть, съ пьяныхъ глазъ, потому что ничего понять нельзя. Бѣдный Мольеръ! Въ чудовищныхъ самоѣдскихъ „галантеріяхъ“—грація пляшущаго бѣлаго медвѣдя.

23 ноября

Лютый морозъ съ пронзительнымъ вѣтромъ —настоящая ледяная буря. Прохожіе не успѣваютъ замѣтить, какъ отмораживаютъ носы и уши. Говорятъ, въ одну ночь между Петербургомъ и Кроншлотомъ замерзло 700 человѣкъ рабочихъ.

На улицахъ, даже въ серединѣ города, появились волки. На дняхъ, ночью у Литейнаго двора, слѣдовательно, не далеко отъ театра, гдѣ только что играли *Дафниса и Аполлона*—волки напали на часового и свалили его съ ногъ, другой солдатъ прибѣжалъ на помощь, но тотчасъ же былъ растерзанъ и съѣденъ. Также на Васильевскомъ островѣ, близъ дворца князя Меньшикова, среди бѣла дня, волки загрызли женщину съ ребенкомъ.

Не менѣе волковъ страшны разбойники. Будки, шлагбаумы, рогатки, часовые съ „большими грановитыми дубинами“ и ночные караулы на подобіе Гамбургскихъ, повидимому, ничуть не стѣсняютъ мазуриковъ. Каждую ночь — либо кража со взломомъ, либо грабежъ съ убійствомъ.

30 ноября

Подулъ гнилой вѣтеръ—и все растаяло. Непроходимая грязь. Вонь болотомъ, навозною жижей, тухлою рыбою. Повальныя болѣзни—горловые нарывы, сыпныя и брюшныя горячки.

4 декабря

Опять морозъ. Гололедица. Такъ скользко, что шагу ступить нельзя, не опасаясь сломить шею.

И такія перемѣны всю зиму.

Не только свирѣпая, но и какъ будто сумасшедшая природа.

Противоестественный городъ. Гдѣ ужъ тутъ искусствамъ и наукамъ процвѣтать! По здѣшней пословицѣ—не до жиру, быть бы живу.

10 декабря

Ассамблея у Толстого.

Зеркала, хрустали, пудра, мушки, фижмы и фантанжи, присѣданья и шарканья—совсѣмъ какъ въ Европѣ, гдѣ-нибудь въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

Самъ хозяинъ—человѣкъ любезный и ученый. Переводитъ „Метаморфосеосъ, то-есть, Пременѣніе Овидіево“ и „Никóлы Махіавеля, мужа благороднаго, флорентійскаго, увѣщанія политическія“. Танцовалъ со мной менуэтъ. Говорилъ „куплименты“ изъ Овидія—сравнивалъ меня съ Галатеей за бѣлизну кожи, аки мармора“, и за черные волосы, „аки цвѣтъ гіацинта“. Забавный старикъ. Умница, но въ

высшей степени плутъ. Вотъ нѣкоторыя изреченія этого новаго Макіавелли:

„Надобно, когда счастье идетъ, не только руками, но и ртомъ хватать, и въ себя глотать“.

„Въ высокой фортунѣ жить, какъ по стеклянному полу ходить“.

„Безъ мѣры много давленный цытронъ, вмѣсто вкусу, даетъ горечь“.

„Вѣдать разумъ, и нравъ человѣческій—великая философія; и труднѣе людей знать, нежели многія книги наизусть помнить“.

Слушая умныя рѣчи Толстого—онъ говорилъ со мной то по-русски, то по-итальянски—подъ нѣжную музыку французскаго менуэта, глядя на изящное собраніе кавалеровъ и дамъ, гдѣ все было почти совсѣмъ какъ въ Парижѣ или Лондонѣ, я не могла забыть того, что видѣла только что по дорогѣ: передъ сенатомъ, на Троицкой площади тѣ же самые колья съ тѣми же самыми головами казненныхъ, которыя торчали тамъ еще въ маѣ, во время маскарада. Онѣ сохли, мокли, мерзли, оттаивали, опять замерзали и все-таки еще не совсѣмъ истлѣли. Огромная луна вставала изъ-за Троицкой церкви, и на красномъ заревѣ головы чернѣли явственно. Ворона, сидя на одной изъ нихъ, клевала лохмотья кожи и каркала. Это видѣніе носилось предо мной во время бала. Азія заслоняла Европу.

Пріѣхалъ царь. Онъ былъ не въ духѣ. Такъ трясъ головою и подергивалъ плечомъ, что наводилъ на всѣхъ ужасъ. Войдя въ залу, гдѣ танцовали, нашелъ, что жарко, и захотѣлъ открыть окно. Но окна забиты были снаружи гвоздями. Царь велѣлъ принести топоръ и вмѣстѣ съ двумя деньщиками принялся за работу. Выбѣгалъ на улицу, чтобы видѣть, какъ и чѣмъ окно заколочено. Наконецъ, таки добился своего, вынулъ раму. Окно оставалось открытымъ недолго, и на дворѣ опять начиналась оттепель, вѣтеръ дулъ прямо съ запада. Но все-таки по комнатамъ пошли такіе сквозняки, что легко одѣтыя дамы и зябкіе старички не знали, куда

дѣваться. Царь усталъ, вспотѣлъ отъ работы, но былъ доволенъ, даже повеселѣлъ.

— Ваше Величество,—сказалъ австрійскій резидентъ Плейеръ, большой любезникъ, — вы прорубили окно въ Европу.

* * *

На сургучной печати, которою скрѣплялись письма царя въ Россію во время его перваго путешествія по Европѣ, представленъ молодой плотникъ, окруженный корабельными инструментами и военными орудіями съ надписью:

„Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую".

* * *

Другая эмблема царя: Прометей, возвращающійся къ людямъ отъ боговъ, съ зажженнымъ факеломъ.

* * *

Царь говоритъ: „Я создамъ новую породу людей".

* * *

Изъ разсказовъ „магазейной крысы": царь, желая, чтобы вездѣ разводимъ былъ дубъ, садилъ однажды самъ дубовые желуди близъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ. Замѣтивъ, что одинъ изъ стоявшихъ тутъ сановниковъ трудамъ его усмѣхнулся,—царь гнѣвно промолвилъ:

— Понимаю. Ты мнишь, не доживу я матерыхъ дубовъ. Правда. Но ты—дуракъ. Я оставляю примѣръ прочимъ, дабы, дѣлая то же, потомки со временемъ строили изъ нихъ корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь.

* * *

Изъ тѣхъ же разсказовъ:

„По указу его величества велѣно дворянскихъ дѣтей записывать въ Москвѣ и опредѣлять на Сухареву башню для ученія навигаціи. И оное дворянство записало дѣтей

своихъ въ Спасскій монастырь, что за Иконнымъ рядомъ, въ Москвѣ, учиться по латыни. И услыша то, государь жестоко прогнѣвался, повелѣлъ всѣхъ дворянскихъ дѣтей Московскому управителю, Ромодановскому изъ Спасскаго монастыря взять въ Петербургъ, сваи бить по Мойкѣ рѣкѣ, для строенія пеньковыхъ амбаровъ. И объ оныхъ дворянскихъ дѣтяхъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, князь Яковъ Долгорукій и прочіе сенаторы, не смѣя утруждать его величества, милостивѣйшую помощницу, государыню Екатерину Алексѣевну просили слезно, стоя на колѣняхъ; токмо упросить отъ гнѣва его величества невозможно. И оный графъ и генералъ-адмиралъ Апраксинъ взялъ мѣры собою представить: велѣлъ присматривать, какъ его величество поѣдетъ къ пеньковымъ амбарамъ мимо оныхъ трудившихся дворянскихъ дѣтей, и, по объявленіи, что государь поѣхалъ къ тѣмъ амбарамъ, Апраксинъ пошелъ къ трудившимся малолѣтнимъ, скинулъ съ себя кавалерію и кафтанъ и повѣсилъ на шестъ, а самъ съ дѣтьми билъ сваи. И какъ государь возвратно ѣхалъ и увидѣлъ адмирала, что онъ съ малолѣтними въ томъ же трудѣ, въ битіи свай употребилъ себя,—остановяся, говорилъ графу:

— „Ѳедоръ Матвѣевичъ,—ты генералъ-адмиралъ и кавалеръ, для чего ты бьешь сваи?

„И на оное ему, государю, адмиралъ отвѣтствовалъ:

— „Бьютъ сваи мои племянники и внучата. А я что за человѣкъ? Какое имѣю, въ родствѣ, преимущество? А пожалованная отъ вашего величества кавалерія виситъ на древѣ—я ей безчестія не принесъ.

„И слыша то, государь поѣхалъ во дворецъ, и чрезъ сутки учиня указъ объ освобожденіи малолѣтнихъ дворянъ, опредѣлилъ ихъ въ чужестранныя государства для ученія разнымъ художествамъ, — такъ разгнѣванъ, что и послѣ біенія свай не миновали въ разныя художества употреблены быть“.

* * *

Одинъ изъ немногихъ русскихъ, сочувствующихъ новымъ порядкамъ, сказалъ мнѣ о царѣ:

— На что въ Россіи ни взгляни, все его имѣетъ началомъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ. Сей во всемъ обновилъ, или паче вновь родилъ Россію.

28 декабря

Вернулся царевичъ, такъ же внезапно, какъ уѣхалъ.

* * *

6 января 1715

У насъ были гости: баронъ Левенвольдъ, австрійскій резидентъ Плейеръ, ганноверскій секретарь Веберъ, царскій лейбъ-медикъ Блюментростъ. Послѣ ужина, за стаканами рейнскаго, зашла рѣчь о вводимыхъ царемъ, новыхъ порядкахъ. Такъ какъ не было никого посторонняго и никого изъ русскихъ, говорили свободно.

— Московиты,—сказалъ Плейеръ,—дѣлаютъ все по принужденію, а умри царь—и прощай наука! Россія—страна, гдѣ все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ. На нее дѣйствуетъ царь, какъ крѣпкая водка на желѣзо. Науку въ подданныхъ своихъ вбиваетъ батогами и палками, по русской пословицѣ: палка нѣма, да дастъ ума; нѣтъ того спорѣе, что кулакомъ по шеѣ. Правду сказалъ Пуффендорфъ объ этомъ народѣ: „рабскій народъ рабски смиряется и жестокостью власти воздерживается въ повиновеніи любить“. Можно бы о нихъ сказать и то, что говоритъ Аристотель о всѣхъ вообще варварахъ: „quod in libertate mali, in servitute boni sunt. Въ свободѣ—злы, въ рабствѣ—добры“. Истинное просвѣщеніе внушаетъ ненависть къ рабству. А русскій царь, по самой природѣ власти своей—деспотъ, и ему нужны рабы. Вотъ почему усердно вводитъ онъ въ народъ цифирь, навигацію, фортификацію и прочія низшія прикладныя знанія, но никогда не допуститъ своихъ под-

данныхъ до истиннаго просвѣщенія, которое требуетъ свободы. Да онъ и самъ не понимаетъ и не любитъ его. Въ наукѣ ищетъ только пользы. Perpetuum mobile, эту нелѣпую выдумку шарлатана Орфиреуса, предпочитаетъ всей философіи Лейбница. Эзопа считаетъ величайшимъ философомъ. Запретилъ переводъ Ювенала. Объявилъ, что „за составленіе сатиры сочинитель будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ". Просвѣщеніе для власти русскихъ царей все равно, что солнце для снѣга: когда оно слабо, снѣгъ блеститъ, играетъ; когда сильно—таетъ.

— Какъ знать,—замѣтилъ Веберъ съ тонкой усмѣшкой,—можетъ быть, русскіе болѣе сдѣлали чести Европѣ, принявъ ее за образецъ, нежели она была того достойна? Подражаніе всегда опасно: добродѣтели не столь къ нему удобны, какъ пороки. Хорошо сказалъ одинъ русскій: „заразительная гнилость чужеземная снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ, грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и хамствомъ наполнилось; изъ стараго ума выжили, новаго не нажили—дураками умремъ!"

— Царь, — возразилъ баронъ Левенвольдъ, — вовсе не такой смиренный ученикъ Европы, какъ о немъ думаютъ. Однажды, когда восхищались при немъ французскими нравами и обычаями, онъ сказалъ: „Добро перенимать у французовъ художества и науки; а въ прочемъ Парижъ воняетъ". И прибавилъ съ пророческимъ видомъ: „Жалѣю, что городъ сей отъ смрада вымретъ". Я самъ не слышалъ, но мнѣ передавали и другія слова его, которыя не мѣшало бы помнить всѣмъ друзьямъ русскихъ въ Европѣ: „L'Europe nous est nécessaire pour quelques dizaines d'années; après cela nous lui tournerons le dos. Европа намъ еще нужна на нѣсколько десятковъ лѣтъ; послѣ того, мы повернемся къ ней спиною".

Графъ Пипперъ привелъ выдержки изъ недавно вышедшей книжки La crise du Nord—о войнѣ Россіи со Швеціей, гдѣ доказывается, что „побѣды русскихъ предвѣщаютъ

свѣтопреставленіе“, и что „ничтожество Россіи есть условіе для благополучія Европы“. Графъ напомнилъ также слова Лейбница, сказанныя до Полтавы, когда Лейбницъ былъ еще другомъ Швеціи: „Москва будетъ второй Турціей и откроетъ путь новому варварству, которое уничтожитъ все европейское просвѣщеніе“.

Блюментростъ успокоилъ насъ тѣмъ, что водка и венерическая проказа (venerische Seuche), которая въ послѣдніе годы съ изумительной быстротой распространилась отъ границъ Польши до Бѣлаго моря,—опустошатъ Россію меньше чѣмъ въ одно столѣтіе. Водка и сифилисъ—это, будто бы, два бича, посланные самимъ Промысломъ Божіимъ для избавленія Европы отъ новаго нашествія варваровъ.

— Россія, — заключилъ Плейеръ, — желѣзный колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Рухнетъ, разобьется—и ничего не останется!

Я не слишкомъ люблю русскихъ; но все-таки я не ожидала, что мои соотечественники такъ ненавидятъ Россію. Кажется иногда, что въ этой ненависти—тайный страхъ; какъ будто мы, нѣмцы, предчувствуемъ, что кто-то кого-то непремѣнно съѣстъ: или мы—ихъ, или они—насъ.

17 января

— Такъ какъ же вы полагаете, фрейлейнъ Юліана, кто я такой, дуракъ, или негодяй?—спросилъ меня царевичъ, встрѣтившись со мной сегодня поутру на лѣстницѣ.

Я сначала не поняла, подумала, онъ пьянъ, и хотѣла пройти молча. Но онъ загородилъ дорогу и продолжалъ, глядя мнѣ прямо въ глаза:

— Любопытно было бы также знать, кто кого съѣстъ— мы васъ, или вы насъ?

Тутъ только я догадалась, что онъ читалъ мой дневникъ. Ея высочество брала его у меня не надолго, тоже хотѣла прочесть; царевичъ, должно быть, заходилъ къ ней въ комнату, когда ея не было тамъ, увидѣлъ дневникъ и прочелъ.

Я такъ смутилась, что готова была провалиться сквозь землю. Краснѣла, краснѣла до корня волосъ, чуть не плакала, какъ пойманная на мѣстѣ преступленія школьница. А онъ все смотрѣлъ да молчалъ, какъ будто любовался моимъ смущеніемъ. Наконецъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, я снова попыталась убѣжать. Но онъ схватилъ меня за руку. Я такъ и обмерла отъ страха.

—А что, попались-таки, фрейлейнъ, — разсмѣялся онъ веселымъ, добрымъ смѣхомъ. — Будьте впередъ осторожнѣе. Хорошо еще, что прочелъ я, а не кто другой. Ну, и острый же язычекъ у вашей милости — бритва! Всѣмъ досталось. А вѣдь, что грѣха таить, много правды въ томъ, что вы говорите о насъ, ей, ей, мно́го правды! И хоть не по шерсткѣ гладите, а за правду спасибо.

Онъ пересталъ смѣяться, и съ ясной улыбкой, какъ товарищъ товарищу, крѣпко пожалъ мнѣ руку, точно, въ самомъ дѣлѣ, благодарилъ за правду.

Странный человѣкъ. Странные люди вообще эти русскіе. Никогда нельзя предвидѣть, что они скажутъ, или сдѣлаютъ.

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше кажется мнѣ, что есть въ нихъ что-то, чего мы, европейцы, не понимаемъ и никогда не поймемъ: они для насъ — какъ жители другой планеты.

2 февраля

Когда я проходила сегодня вечеромъ по нижней галлереѣ, царевичъ, должно быть, услыхавъ шаги мои, окликнулъ меня, попросилъ зайти въ столовую, гдѣ сидѣлъ у камелька, одинъ, въ сумеркахъ, усадилъ въ кресло противъ себя и заговорилъ со мной по-нѣмецки, а потомъ по-русски, такъ ласково, какъ будто мы были старыми друзьями. Я услышала отъ него много любопытнаго.

Но всего не буду записывать: небезопасно и для меня и для него, пока я въ Россіи. Вотъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ мыслей.

Больше всего удивило меня то, что онъ вовсе не такой защитникъ стараго, врагъ новаго, какимъ его считаютъ всѣ.

— Всякая старина свою плѣшь хвалитъ,— сказалъ онъ мнѣ русской пословицей. — А неправда у насъ, на Руси, весьма застарѣла, такъ что, хоромины ветхой всей не разобравъ и всякаго бревна не разсмотрѣвъ, — не очистить древней гнилости...

Ошибка царя, будто бы, въ томъ, что онъ слишкомъ торопится.

— Батюшкѣ все бы на скорую руку: тяпъ-ляпъ и корабль. А того не разсудитъ, что гдѣ скоро, тамъ не споро. Сбилъ, сколотилъ, вотъ колесо, сѣлъ да поѣхалъ, ахъ, хорошо; оглянулся назадъ — однѣ спицы лежатъ.

18 февраля.

У царевича есть тетрадь, въ которую онъ выписываетъ изъ Церковно-Гражданской Лѣтописи Баронія статьи, какъ самъ выражается, „приличныя на себя, на отца и на другихъ — въ такой образъ, что прежде бывало не такъ, какъ нынѣ“. Онъ далъ мнѣ эту тетрадь на просмотръ. Въ замѣткахъ виденъ умъ пытливый и свободный. По поводу нѣкоторыхъ слишкомъ чудесныхъ легендъ, правда, католическихъ, — примѣчаніе въ скобкахъ: „справиться съ греческимъ“; „вещь сумнительная“; „сіе не весьма правда“.

Но всего любопытнѣе показались мнѣ замѣтки, въ которыхъ сравнивается прошлое чужое съ настоящимъ русскимъ.

„Лѣто 395.—Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хоть малымъ знакомъ отъ православія отличаются“. Намекъ на неправославіе русскаго царя.

„Лѣто 455.—Валентинъ цесарь убитъ за поврежденіе уставовъ церковныхъ и за прелюбодѣяніе“. Намекъ на уничтоженіе въ Россіи патріаршества, на бракъ царя съ Екатериною при жизни первой жены, Авдотьи Лопухиной.

„Лѣто 514.—Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій запрещалъ; похвала долгому, а короткому сопротивное". Намекъ на перемѣну русскаго платья.

„Лѣто 814.—Цесаря Льва монахъ прельстилъ на иконоборство. Также и у насъ". Намекъ на царскаго духовника, монаха Ѳедоса, который, говорятъ, совѣтуетъ царю отмѣнить почитаніе иконъ.

„Лѣто 854.—Михаилъ цесарь церковными Тайнами игралъ". Намекъ на учрежденіе Всепьянѣйшаго Собора, свадьбу шутовскаго патріарха и многія другія забавы царя.

Вотъ еще нѣкоторыя мысли.

О папской власти: „Христосъ святителей всѣхъ уравнялъ. А что говорятъ, безъ рѣшенія Церкви спастися не можно — и то ложь явная, понеже Христосъ самъ сказалъ: вѣруяй въ Мя живъ будетъ вовѣки; — а не въ церковь Римскую, которой въ то время не было, и покамѣстъ проповѣдь Апостольская въ Римъ не дошла, много людей спаслося".

„Магометанскія злочестія чрезъ бабъ расширилися. Охота бабъ къ пророкамъ лживымъ".

Въ цѣлыхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ о Магометѣ сказано меньше, чѣмъ въ этихъ четырехъ словахъ, достойныхъ великаго скептика Бейля!

* * *

Намедни Толстой, говоря о царевичѣ, сказалъ мнѣ со своею лисьей усмѣшкой:

— Къ приведенію себя въ любовь — сей наилучшій способъ: въ нужныхъ случаяхъ умѣть прикрыться кожею простѣйшаго въ скотахъ.

Я не поняла тогда; теперь только начинаю понимать

Въ сочиненіи одного стариннаго англійскаго писателя— имя забыла — подъ заглавіемъ *Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ*, этотъ несчастный принцъ, гонимый врагами, притворяется не то глупцомъ, не то помѣшаннымъ.

Примѣру Гамлета не слѣдуетъ ли русскій принцъ? Не прикрывается ли „кожею простѣйшаго въ скотахъ"?

* * *

Говорятъ, царевичъ осмѣлился однажды быть откровеннымъ, доложилъ отцу о нестерпимыхъ бѣдствіяхъ народа. Съ той поры и впалъ въ немилость.

23 февраля

Онъ любитъ свою дочку Наташу съ нѣжностью.

Сегодня цѣлое утро, сидя съ нею на полу, строилъ будки и домики изъ деревянныхъ чурокъ; ползая на четвереенькахъ, представлялъ собаку, лошадь, волка. Кидалъ мячикъ, и когда онъ закатывался подъ кровать или шкафъ, лазилъ туда за нимъ, пачкался въ пыли и паутинѣ. Уносилъ ее въ свою комнату, няньчилъ на рукахъ, показывалъ всѣмъ и спрашивалъ:

— Хороша, небось, дѣвочка? Гдѣ этакой другой сыскать?

Похожъ былъ самъ на маленькаго мальчика.

Наташа умна не по возрасту. Если тянется къ чему-нибудь, и пригрозятъ, что скажутъ мамѣ — сейчасъ присмирѣетъ; если же просто велятъ перестать — начинаетъ смѣяться и шалить еще больше. Когда видитъ, что царевичъ не въ духѣ, — затихаетъ, только смотритъ на него пристально; а когда онъ къ ней обернется — громко хохочетъ и машетъ рученками. Ласкаетъ его, совсѣмъ какъ взрослая.

У меня странное чувство, когда смотрю на эти ласки: кажется, что малютка не только любитъ, но и жалѣетъ царевича, словно что-то видитъ, знаетъ о немъ, чего никто еще не знаетъ. Странное, жуткое чувство—какъ тогда, когда я смотрѣла на отца и мать въ темное-темное, словно пророческое, зеркало.

— Что она меня любитъ, я знаю: она вѣдь для меня все покинула, — сказалъ онъ мнѣ однажды о своей супругѣ.

Теперь, когда я лучше поняла царевича, я не могу винить его одного за то, что имъ такъ трудно вмѣстѣ. Оба невинны, оба виновны. Слишкомъ различны и несчастны, каждый по своему. Малое, среднее горе сближаетъ, слишкомъ большое—раздѣляетъ людей.

Они, какъ два тяжело больные или раненые въ одной постели. Не могутъ другъ другу помочь; всякое движенiе одного причиняетъ боль другому.

Есть люди, которые такъ привыкли страдать, что, кажется, душа ихъ въ слезахъ—какъ рыба въ водѣ, безъ слезъ—какъ рыба на сушѣ. Ихъ мысли и чувства, разъ поникнувъ долу, уже никогда не подымутся, какъ вѣтви плакучей ивы. Ея высочество изъ такихъ людей.

У царевича и своего горя много; а каждый разъ, какъ приходитъ къ ней,—видитъ и чужое горе, которому нельзя помочь. Онъ жалѣетъ ее. Но любовь и жалость не одно и то же. Кто хочетъ быть любимымъ, бойся жалости. Ахъ, знаю, по собственному опыту знаю, какая мука жалѣть, когда нельзя помочь! Начинаешь, наконецъ, бояться того, кого слишкомъ жалѣлъ.

Да, оба невинны, оба несчастны, и никто имъ не можетъ помочь, кромѣ Бога. Бѣдные, бѣдные! Страшно подумать, чѣмъ это кончится, страшно — и все-таки ужъ лучше бы скорѣй конецъ.

7 марта

Ея высочество опять беременна.

12 мая

Мы въ Рождественѣ, мызѣ царевича, въ Копорскомъ уѣздѣ, въ семидесяти верстахъ отъ Петербурга.

Я была долго больна. Думали, умру. Страшнѣе смерти была мысль умереть въ Россiи. Ея высочество увезла меня съ собою сюда, въ Рождествено, чтобы дать мнѣ отдохнуть и окрѣпнуть на чистомъ воздухѣ.

Кругомъ лѣсъ. Тихо. Только деревья шумятъ, да птицы щебечутъ. Быстрая, словно горная, рѣчка Оредежь журчитъ внизу подъ крутыми обрывами изъ красной глины, на которой первая зелень березъ сквозитъ, какъ дымъ, зелень елокъ чернѣетъ, какъ уголь.

Деревянные срубы усадьбы похожи на простыя избы. Главныя хоромы въ два жилья съ высокимъ теремомъ, какъ у старыхъ московскихъ дворцовъ, еще не достроены. Рядомъ—часовенка съ колокольнею и двумя маленькими колоколами, въ которые царевичъ любитъ самъ звонить. У воротъ—старая шведская пушка и горка чугунныхъ ядеръ, заржавѣвшихъ, проросшихъ зеленой травой и весенними цвѣтами. Все вмѣстѣ—настоящій монастырь въ лѣсу.

Внутри хоромъ стѣны еще голыя бревенчатыя. Пахнетъ смолою; всюду янтарныя капли струятся, какъ слезы. Образа съ лампадками. Свѣтло, свѣжо, чисто и невинно-молодо.

Царевичъ любитъ это мѣсто. Говоритъ, жилъ бы здѣсь всегда, и ничего ему больше не надо, только бы оставили его въ покоѣ.

Читаетъ, пишетъ въ библіотекѣ, молится въ часовнѣ, работаетъ въ саду, въ огородѣ, удитъ рыбу, бродитъ по лѣсамъ.

Вотъ и сейчасъ вижу его изъ окна моей комнаты. Только что копался въ грядкахъ, сажая луковицы гарлемскихъ тюльпановъ. Отдыхаетъ, стоитъ, опершись на лопату, и весь точно замеръ, къ чему-то прислушиваясь. Тишина безконечная. Только топоръ дровосѣка стучитъ гдѣ-то далеко, далеко въ лѣсу, да кукушка кукуетъ. И лицо у него тихое, радостное. Что-то шепчетъ, напѣваетъ, должно быть, одну изъ любимыхъ молитвъ — акаѳистъ своему святому, Алексѣю Человѣку Божьему, или псаломъ:

„Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь“.

Нигдѣ я не видѣла такихъ вечернихъ зорь, какъ здѣсь. Сегодня былъ особенно странный закатъ. Все небо въ крови,

Обагренныя тучи разбросаны, какъ клочья окровавленныхъ одеждъ, точно совершилось на небѣ убійство, или какая-то страшная жертва. И на землю съ неба сочилась кровь. Среди черной, какъ уголь, острой щетины еловаго лѣса пятна красной глины казались пятнами крови.

Пока я смотрѣла и дивилась, откуда-то сверху, какъ будто изъ этого страшнаго неба, послышался голосъ:

— Фрейлейнъ Юліана! Фрейлейнъ Юліана!

То звалъ меня царевичъ, стоя на голубятнѣ, съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, которымъ здѣсь гоняютъ голубей. Онъ до нихъ большой охотникъ.

Я поднялась по шаткой лѣсенкѣ и, когда вступила на площадку, бѣлые голуби взвились, какъ снѣжные хлопья, на зарѣ порозовѣвшіе, обдавая насъ вѣтромъ и шелестомъ крыльевъ.

Мы сѣли на скамью и, слово за слово, начали спорить, какъ часто въ послѣднее время — о вѣрѣ.

— Вашъ Мартинъ Лютеръ всѣ свои законы издалъ по умствованію міра сего и по лакомству своему, а не по духовной твердости. А вы, бѣдные, обрадовались легкостному житію, что тотъ прелестникъ сказалъ легонько, тому и повѣрили, а узкій и трудный путь, отъ самого Христа завѣщанный, оставили. И онъ, Мартинъ, явился самый всесвѣтный дуракъ, и въ законѣ его сокровенъ великій ядъ адскаго аспида...

Я привыкла къ русскимъ любезностямъ и пропускаю ихъ мимо ушей. Спорить съ ними доводами разума, все равно, что выступать со шпагой противъ дубины. Но на этотъ разъ почему-то разсердилась и вдругъ высказала все, что у меня давно уже накипѣло на сердцѣ.

Я доказывала, что русскіе, считая себя лучше всѣхъ народовъ христіанскихъ, на самомъ дѣлѣ живутъ хуже язычниковъ; исповѣдуютъ законъ любви и творятъ такія жестокости, какихъ нигдѣ на свѣтѣ не увидишь; постятся и во время поста скотски пьянствуютъ; ходятъ въ церковь и въ церкви ругаются по-матерному. Такъ невѣжественны.

что у насъ, нѣмцевъ, пятилѣтній ребенокъ знаетъ больше о вѣрѣ, чѣмъ у нихъ взрослые и даже священники. Изъ полдюжины русскихъ едва ли одинъ сумѣетъ прочесть Отче нашъ. На мой вопросъ, кто третье лицо святой Троицы, одна благочестивая старушка назвала Николу Чудотворца. И дѣйствительно, этотъ Никола настоящій русскій Богъ, такъ, что можно подумать, что у нихъ вовсе нѣтъ другого Бога. Недаромъ, въ 1620 году, шведскій богословъ, Іоаннъ Ботвидъ защищалъ въ Упсальской академіи диссертацію: *христіане-ли москвиты*?

Не знаю, до чего бы я дошла, если бы не остановилъ меня царевичъ, который слушалъ все время спокойно—это-то спокойствіе меня и бѣсило.

— А что, фрейлейнъ, давно я васъ хотѣлъ спросить, во Христа-то вы сами вѣруете?

— Какъ, во Христа! Да развѣ неизвѣстно вашему высочеству, что всѣ мы, лютеране?..

— Я не о всѣхъ, а только о вашей милости. Говорилъ я какъ-то съ вашимъ уже учителемъ, Лейбницемъ, такъ тотъ вилялъ, вилялъ, водилъ меня за носъ, а я тогда же подумалъ, что онъ по настоящему во Христа не вѣруетъ. Ну, а вы какъ?

Онъ смотрѣлъ на меня пристально. Я опустила глаза и почему-то вдругъ вспомнила всѣ свои сомнѣнія, споры съ Лейбницемъ, неразрѣшимыя противорѣчія метафизики и теологіи.

— Я думаю,—начала я тоже вилять,—что Христосъ—самый праведный и мудрый изъ людей...

— А не Сынъ Божій?

— Мы всѣ сыны Божіи...

— И Онъ, какъ всѣ?

Мнѣ не хотѣлось лгать—я молчала.

— Ну вотъ то-то и есть! — проговорилъ онъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какого я еще никогда у него не видѣла.—Мудры вы, сильны, честны, славны. Все у васъ есть. А Христа нѣтъ. Да и на что вамъ? Сами себя спасаете. Мы же глупы, нищи, наги, пьяны, смрадны, хуже вар-

варовъ, хуже скотовъ и всегда погибаемъ. А Христосъ Батюшка съ нами есть и будетъ вовѣки вѣковъ. Имъ, Свѣтомъ, спасаемся!

Онъ говорилъ о Христѣ такъ, какъ, я замѣтила, здѣсь говорятъ о Немъ самые простые люди — мужики: точно Онъ у нихъ свой собственный, домашній, такой же, какъ они, мужикъ. Я не знаю, что̀ это — величайшая гордость и кощунство, или величайшее смиреніе и святость.

Мы оба молчали. Голуби опять слетались, и между нами, соединяя насъ, трепетали ихъ бѣлыя крылья.

Отъ ея высочества пришли за мною.

Сойдя съ вышки, я оглянулась на царевича въ послѣдній разъ. Онъ кормилъ голубей. Они окружили его. Садились ему на руки, на плечи, на голову. Онъ стоялъ въ вышинѣ, надъ чернымъ, словно обугленнымъ, лѣсомъ, въ красномъ, словно окровавленномъ, небѣ, весь покрытый, точно одѣтый, бѣлыми крыльями.

31 октября 1715

Теперь, когда кончено все, кончаю и этотъ дневникъ.

Въ серединѣ августа (мы вернулись въ Петербургъ изъ Рождествена въ концѣ мая), недѣль за десять до разрѣшенія отъ бремени, ея высочество упала на лѣстницѣ и ударилась лѣвымъ бокомъ о верхнюю ступень. Говорятъ, споткнулась, оттого что на туфлѣ сломался каблукъ. На самомъ дѣлѣ, лишилась чувствъ, увидѣвъ, какъ внизу царевичъ, пьяный, обнималъ и цѣловалъ дворовую дѣвку Афросинью, свою любовницу.

Онъ живетъ съ нею давно, почти на глазахъ у всѣхъ. Вернувшись изъ Карлсбада, взялъ ее къ себѣ въ домъ, на свою половину. Я не писала объ этомъ въ дневникѣ, боясь, чтобъ не прочла ея высочество.

Знала ли она? Если и знала, то не хотѣла знать, не вѣрила, пока не увидѣла. Холопка—соперница герцогини Вольфенбюттельской, невѣстки императора! „Въ Россіи и

небываемое бываетъ“, какъ сказалъ мнѣ одинъ русскій. Отецъ—съ портомоей, сынъ—съ холопкою.

Одни говорятъ, что она чухонка, взятая въ плѣнъ солдатами, подобно царицѣ; другіе — что дворовая дѣвка царевичева дядьки, Никифора Вяземскаго. Кажется, послѣднее вѣрнѣе.

Довольно красива, но сразу видна, какъ здѣсь говорятъ, „подлая порода“. Высокая, рыжая, бѣлая; носъ немного вздернутый; глаза большіе, свѣтлые, съ косымъ и длиннымъ калмыцкимъ разрѣзомъ, съ какимъ-то дикимъ, козьимъ взоромъ; и вообще въ ней что-то козье, какъ у самки сатира въ Вакханаліи Рубенса. Одно изъ тѣхъ лицъ, которыя насъ, женщинъ, возмущаютъ, а мужчинамъ почти всегда нравятся.

Царевичъ отъ нея, говорятъ, безъ ума. При первой встрѣчѣ съ нимъ, она, будто бы, была невинна и долго ему сопротивлялась. Онъ ей вовсе не нравился. Ни обѣщанія, ни угрозы не помогали. Но разъ, послѣ попойки, пьяный, онъ бросился на нее, въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, которые бываютъ у него, такъ же какъ у отца, избилъ ее, чуть не убилъ, грозилъ ножемъ и овладѣлъ силою. Русское звѣрство, русская грязь!

И это тотъ самый человѣкъ, который такъ похожъ былъ на святого, когда тамъ, въ лѣсахъ Рождествена, пѣлъ акаѳистъ Алексѣю Человѣку Божьему и окруженный голубями, говорилъ о „Христѣ-Батюшкѣ“! Впрочемъ, соединять подобныя крайности — особенный русскій талантъ — то, чего намъ, глупымъ нѣмцамъ, слава Богу, понять не дано.

— Мы, русскіе, — сказалъ мнѣ однажды самъ царевичъ,—мѣры держать не умѣемъ ни въ чемъ, но всегда по краямъ и пропастямъ блудимъ.

Ея высочество, послѣ паденія на лѣстницѣ, чувствовала боль въ лѣвомъ боку. „Меня по всему тѣлу точно булавками колетъ“, говорила она. Но вообще была спокойна, словно что-то рѣшила и знала, что ея рѣшенія уже

ничто не измѣнитъ. О царевичѣ больше никогда со мной не говорила и на судьбу не жаловалась. Разъ только сказала:

— Я считаю гибель мою неизбѣжною. Надѣюсь, что страданія мои скоро прекратятся. Ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ смерти. Это—мое единственное спасеніе.

12 октября благополучно разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, будущимъ наслѣдникомъ престола, Петромъ Алексѣевичемъ. Въ первые дни послѣ родовъ чувствовала себя хорошо. Но когда ее поздравляли, желали добраго здоровья, сердилась и просила всѣхъ молиться, чтобы Богъ послалъ ей смерть.

— Я хочу умереть и умру,—говорила она все съ тою же страшною спокойною рѣшимостью, которая уже не покидала ее до конца. Врачей и бабки не слушалась, какъ будто нарочно дѣлала все, что ей запрещали. На четвертый день сѣла въ кресло, велѣла вынести себя въ другую комнату, сама кормила ребенка. Въ ту же ночь ей стало хуже; началась лихорадка, рвота, судороги и такія боли въ животѣ, что она кричала сильнѣе, чѣмъ во время родовъ.

Узнавъ объ этомъ, царь, который самъ былъ боленъ, прислалъ князя Меньшикова съ четырьмя лейбъ-медиками, Арескинымъ, Поликолою и двумя Блюментростами, чтобы составить консиліумъ. Они нашли ее при смерти—in mortis limine.

Когда убѣждали ее принять лѣкарство, она бросала на полъ стаканъ и говорила:

— Не мучьте меня. Дайте мнѣ спокойно умереть. Я не хочу жить.

За день до смерти призвала барона Левенвольда и сообщила ему свою послѣднюю волю: чтобъ никто изъ приближенныхъ, ни здѣсь, ни въ Германіи, не смѣлъ дурно говорить о царевичѣ; она умираетъ рано, прежде, чѣмъ думала, но довольна судьбой своей и никого ни въ чемъ не винитъ.

Потомъ простилась со всѣми. Меня благословила, какъ мать.

Въ послѣдній день царевичъ не отходилъ отъ нея. У него было такое лицо, что страшно было смотрѣть. Три раза падалъ въ обморокъ. Она не говорила съ нимъ, какъ будто не узнавала его. Только передъ самымъ концомъ, когда онъ припалъ къ ея рукѣ, посмотрѣла на него долгимъ взоромъ и что-то тихо сказала; я только разслышала:

— Скоро... скоро... увидимся...

Отошла, точно уснула. У мертвой лицо было такое счастливое, какъ никогда у живой.

По приказанію царя анатомировали тѣло. Онъ при этомъ самъ присутствовалъ.

Похороны 27 октября. Долго спорили, полагается ли, по придворному чину, стрѣлять изъ пушекъ при погребеніи кронпринцессъ, и если полагается, то сколько разъ. Разспрашивали всѣхъ иностранныхъ пословъ. Царь безпокоился объ этой стрѣльбѣ, больше чѣмъ о всей судьбѣ ея высочества. Рѣшили не стрѣлять.

Гробъ вынесли по нарочно устроеннымъ деревяннымъ подмосткамъ изъ дверей дома прямо къ Невѣ. За гробомъ шли царь и царевичъ. Царицы не было. Она ждала съ часу на часъ разрѣшенія отъ бремени. На Невѣ стоялъ траурный фрегатъ, весь обитый чернымъ, съ черными флагами.

Медленно, подъ звуки похоронной музыки, поплыли къ Петропавловскому собору, еще недостроенному, гдѣ могила кронпринцессы должна была оставаться до окончанія свода подъ открытымъ небомъ. На живую шелъ дождь—будетъ итти и на мертвую.

Вечеръ былъ сѣрый, тихій. Небо, какъ могильный сводъ; Нева, какъ темное-темное зеркало; весь городъ въ туманѣ—точно призракъ или сновидѣніе. И все, что я испытала, видѣла и слышала въ этомъ страшномъ городѣ,—теперь болѣе, чѣмъ когда либо, казалось мнѣ сномъ.

Изъ собора ночью вернулись въ домъ царевича для поминальной трапезы. Здѣсь царь отдалъ сыну письмо, въ которомъ, какъ я узнала впослѣдствіи, грозилъ, въ случаѣ

ежели царевичъ не исправится, лишеніемъ наслѣдства и отцовскимъ проклятіемъ.

На слѣдующій день царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ.

Между этими двумя дѣтьми—сыномъ и внукомъ царя—колеблются судьбы Россіи.

1 ноября

Вчера передъ вечеромъ заходила къ царевичу, чтобы переговорить о моемъ отъѣздѣ въ Германію. Онъ сидѣлъ у топившейся печки и жегъ въ ней бумаги, письма, рукописи. Должно быть, боится обыска.

Держалъ въ рукѣ и уже хотѣлъ бросить въ огонь маленькую книжку въ кожаномъ потертомъ переплетѣ, когда съ внезапною нескромностью, которой теперь сама удивляюсь,—я спросила, что это. Онъ подалъ мнѣ книжку. Я заглянула въ нее и увидѣла, что это записки или дневникъ царевича. Сильнѣйшая страсть женщинъ вообще и моя въ частности, любопытство, внушила мнѣ еще бóльшую нескромность попросить у него этотъ дневникъ для прочтенія.

Онъ подумалъ съ минуту, посмотрѣлъ на меня пристально и вдругъ улыбнулся своею милою, дѣтскою улыбкою, которую я такъ люблю.

— Долгъ платежемъ красенъ. Я читалъ вашъ дневникъ—читайте мой.

Но взялъ съ меня слово, что я ни съ кѣмъ никогда не буду говорить объ этихъ запискахъ и возвращу ихъ ему завтра утромъ для сожженія.

Просидѣла надъ нимъ всю ночь. Это собственно старинный русскій календарь, святцы кіевской печати. Ихъ подарилъ царевичу въ 1708 году покойный митрополитъ Димитрій Ростовскій, котораго считаютъ въ народѣ святымъ. Отчасти на поляхъ и въ пробѣлахъ на страницахъ самой книги, отчасти на отдѣльныхъ, вложенныхъ и вклеенныхъ листкахъ, царевичъ записывалъ свои мысли и событія своей жизни.

Я рѣшила списать этотъ дневникъ.

Не нарушу слова: пока я жива и живъ царевичъ, никто не узнаетъ объ его запискахъ. Но онѣ не должны погибнуть безслѣдно.

Сына съ отцомъ судить будетъ Богъ. Но людьми царевичъ оклеветанъ. Пусть же этотъ дневникъ, если суждено ему дойти до потомства, обличитъ или оправдаетъ его, но, во всякомъ случаѣ, обнаружитъ истину.

II

Дневникъ царевича Алексѣя

Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи.

* * *

Въ Помераніи будучи, для сбора провіанту, по указу родшаго мя (*Примѣчаніе Арнгеймъ*: такъ царевичъ называетъ отца своего), слышалъ, что на Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ Рязанскій Стефанъ, обличая указъ о фискалахъ, сирѣчь, доносителяхъ по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ, и прочіе законы, церкви противные, въ народъ кричалъ:

„Не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровавыхъ буряхъ волнуется. Законы человѣческіе о сколь великое имѣютъ разстояніе отъ закона Божія“.

И господа Сенатъ, придя къ митрополиту, укоряли его и претили за то, что на бунтъ и мятежъ народъ возмущаетъ, царской чести касается. И царю о томъ доносили.

И я говорилъ Рязанскому, чтобъ примириться ему съ батюшкой, какъ возможно; что-де въ томъ прибыли, что

межъ нихъ несогласіе? и чтобъ весьма сего искалъ для того что когда его бросятъ, то такого не будетъ.

Раньше той предики писывалъ онъ мнѣ и я къ нему, хотя не часто, кромѣ важныхъ дѣлъ. А какъ о той предикѣ услышалъ, то оную корреспонденцію пресѣкъ и къ нему не ѣзжу, и къ себѣ не пускаю, понеже у родшаго мя онъ есть въ ненавидѣніи великомъ, и того ради мнѣ писать къ нему, опасно. А говорятъ, ему быть отлучену отъ сего управленія, въ немъ же есть.

И оную предику кончалъ Рязанскій молитвою ко св. Алексію Человѣку Божью обо мнѣ, рабѣ грѣшномъ:

„О угодниче Божій! не забудь и тезоименника твоего, особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя, царевича Алексія Петровича. Ты оставилъ домъ свой: онъ также по чужимъ домамъ скитается; ты лишенъ рабовъ и подданныхъ, друговъ и сродниковъ: онъ также; ты человѣкъ Божій; онъ также истинный рабъ Христовъ. Ей, молимъ святче Божій, покрой своего тезоименника, нашу единую надежду, скрой его подъ покровомъ крылъ твоихъ, яко любимаго птенца, яко зеницу, отъ всякаго зла соблюди невредимо!“

* * *

Будучи въ чужихъ краяхъ, по указу же родшаго мя, для ученія навигаціи, фортификаціи, геометріи и прочихъ наукъ, имѣлъ страхъ великій, дабы не умереть безъ покаянія. Писалъ о семъ на Москву отцу нашему духовному Іакову такъ:

„Священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ. Молю вашу святыню, пріищи какого попа на Москвѣ, чтобъ онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложа священическіе признаки, то есть, усы и бороду сбривъ, также и гуменцо заростивъ, или всю голову обривъ и волосы накладные надѣвъ и нѣмецкое платье. И сказался бы моимъ деньщикомъ. Пожалуй, пожалуй, отче! Яви милосердіе къ душѣ моей, не дай умереть безъ покаянія. Не для чего иного онъ мнѣ, только для

смертнаго случая, также и здоровому для исповѣди тайной. А хорошо-бъ, бездомный и безженный былъ человѣкъ и молодой, и чтобъ онъ подъ видомъ такимъ съ Москвы отъ знаемыхъ утаился, будто безъ вѣсти пропалъ. А бритіе бороды—не сомнѣвался бы, ибо въ нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ: лучше малое преступить, нежели душу погубить безъ покаянія. Сочини сіе безлѣностно, а буде не благоволишь сего сочинить, души нашей взыщетъ на васъ Богъ".

* * *

Когда пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ къ родшему мя въ Санктпитербурхъ, принялъ онъ меня милостиво и спрашивалъ: не забылъ ли я, чему учился? На что я сказалъ, будто не забылъ, и онъ мнѣ приказалъ къ себѣ принести моего труда чертежи. Но я, опасаяся, чтобы меня не заставилъ чертить при себѣ, понеже бы не умѣлъ, — умыслилъ испортить себѣ правую руку, чтобъ невозможно было оною ничего дѣлать, и набивъ пистоль, взявъ ее въ лѣвую руку, стрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однакожъ порохомъ больно опалило, а пулька пробила стѣну въ моей каморѣ, гдѣ и нынѣ видимо. И родшій мя видѣлъ тогда руку мою опаленную и спрашивалъ о причинѣ, какъ учинилось? И я ему тогда сказалъ иное, но не истину.

* * *

Устава Воинскаго глава VII, артикулъ 63:

„Кто себя больнымъ учинитъ или суставы свои преломаетъ и къ службѣ непотребными сочинитъ, оному надлежитъ ноздри распороть и потомъ его на каторгу сослать".

* * *

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича глава XXII, статья 6:

„А буде, который сынъ учнетъ бить челомъ на отца,— и ему на отца ни въ чемъ суда не давать, да его же, за такое челобитье бивъ кнутомъ, отдать отцу".

И сіе не весьма справедливо, понеже, хотя чада волѣ родительской подлежатъ, но не какъ скоты безсловесные. Не едино естество—токмо еже родить — но добродѣтель отцовъ творитъ.

* * *

Слышалъ, что родшему мя неугодно, кто на Москвѣ домы строитъ, понеже воля его есть жить въ Питербурхѣ.

* * *

Намъ собою всенароднаго обычая перемѣнить невозможно.

Которая земля переставляетъ обычаи — и та земля недолго стоитъ.

Забыли русскіе люди воду своихъ сосудовъ и начали лакомо напоеваться отъ чужихъ возмущенныхъ водъ.

* * *

Іовъ, архіерей Новгородскій, мнѣ сказалъ:

„Тебѣ въ Питербурхѣ худо готовится, только Богъ тебя избавитъ, чаю. Увидишь, что у васъ будетъ“.

* * *

Богъ сдѣлалъ надъ нами, грѣшными, такъ, что только на головахъ нашихъ не ѣздятъ иноземцы.

Мы болѣемъ чужебѣсіемъ. Сія смертоносная немочь — бѣшеная любовь чужихъ вещей и народовъ заразила весь нашъ народъ. Право сказуетъ пророкъ Варухъ: *припусти къ себѣ чужеземца и разоритъ тя.*

Нѣмцы хвастаютъ и за притчу говорятъ: кто-де хочетъ хлѣбъ бездѣльно ѣсть, да придетъ на Русь. Зовутъ насъ барбарами и паче въ скотскомъ нежели въ человѣческомъ числѣ поставляютъ. Тщатся учинить для всѣхъ народовъ хуже дохлыхъ собакъ.

Иныя ихъ нѣмецкія затейки можно бы и пріостановить. А то, хоть притыка, хоть съ боку-припеку — а мы тутъ.

Съ нѣмецкой стати на дурацкую стать. Сами унижаемъ себя, свой языкъ и свой народъ, выставляемся на посмѣхъ всѣмъ.

* *
*

Чистота славянская отъ чужестранныхъ языковъ засыпалась въ пепелъ. Не знаю, на что бъ нужно намъ чужія слова употреблять? Развѣ хвастая? Только въ томъ чести мало. Иногда такъ говорятъ, что ни сами, ни другіе понять не могутъ.

* *
*

Не садись подъ чужой заборъ, а хоть въ крапивку, да подъ свой. Чужой умъ до порога. Намъ надлежитъ свой умъ держать. Славны бубны за горами, а какъ ближе, такъ лукошко.

* *
*

Много нѣмцы умнѣе насъ науками; а наши остротою, по благодати Божьей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно. Чувствую, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми.

* *
*

Мнѣ сумнительно, чтобъ подлинно все благополучіе человѣка въ одной наукѣ состояло. Почто въ древніи времена меньше учились, но болѣе, нежели нынѣ, со многими науками, благополучія видѣли? Съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду. Наука въ развращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло.

У насъ людей не берегутъ. Тирански собираютъ съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати. Вымыслили сборы поземельные, подушные, хомутейные, бородовые, мостовые, пчельные, банные, кожные и прочіе, имъ-же нѣсть числа. Съ одного вола по двѣ, по три шкуры дерутъ, а не могутъ и единой цѣлой содрать, и, сколько ни нудятся,

только лоскутье сдираютъ. Того ради никакіе сборы и не споры, а люди всѣ тонѣютъ. Мужику, говорятъ, не давай обрости, но стриги его до-гола. И такъ творя, все царство пустошатъ. Оскудѣніе крестьянское—оскудѣніе царственное. Правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублевъ пропадаютъ, ни во что ставятъ.

На пиру Иродовомъ ѣдятъ людей, а пьютъ кровь ихъ да слезы. Господамъ и до пресыщенія всего много, а крестьянамъ бѣднымъ и укруха хлѣба худого не стаетъ. Сіи объѣдаются, а тѣ алчутъ.

Русскіе люди въ послѣднюю скудость пришли. И никто не доводитъ правды до царя. Пропащее наше государство.

* * *

Намъ, рускимъ, не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ.

* * *

Бояре—отпадшее зяблое дерево. Боярская толща царю заститъ народъ.

Куда батюшка — умный человѣкъ, а Меньшиковъ его всегда обманываетъ.

* * *

Въ правителяхъ всѣ отъ мала до велика стали быть поползновенны. Древніе уставы обветшали, и новые ни во что обращаются. Сколько ихъ издано, а много-ль въ нихъ дѣйства? И того ради все по старому. Да и впредь не чаю жъ проку быть.

Когда, по указу родшаго мя, въ Новгородскомъ уѣздѣ лѣса на скампавеи рубилъ, говорилъ съ крестьяниномъ села Покровскаго, Ивашкою Посошковымъ о земскомъ соборѣ и о народосовѣтіи: подобаетъ-де выбрать всякаго званія людей и крестьянъ, въ разумѣ смысленныхъ, дабы сочинить новую книгу законовъ, всѣмъ народамъ освидѣтельствовавъ самымъ вольнымъ голосомъ. Понеже раздѣлилъ Богъ разумъ въ лю-

дяхъ на дробинки малыя и каждому по силѣ далъ. И маломысленными часто вѣщаетъ волю и правду Свою. Унижать ихъ душевредно есть. Того ради безъ многосовѣтія и вольнаго голоса быть царю невозможно.

* * *

О должности царской.

Не на свое высокоуміе полагаться, но о землѣ и народѣ, о странахъ и селахъ печаловаться; и любовь, и всякое попеченіе, и разсмотрѣніе, и заступленіе имѣть о меньшей братьи Христовой, понеже судъ великій бываетъ на великихъ и сильныхъ. Меньшій прощенъ будетъ; крѣпкихъ же крѣпкое ждетъ истязаніе.

Сіе весьма помнить, ежели даетъ Богъ на царствѣ быть.

* * *

На день великомученика Евстаѳія праздновали кумпанію и гораздо подпіяхомъ. Лики со тимпанами были. Жибандѣ глазъ подбили, да Захлюсткѣ вышибли зубъ. А я ничего не помню, едва ушелъ. Зѣло былъ удовольствованъ Бахусовымъ даромъ.

* * *

Въ Рождественѣ оставался одинъ дома. Прошли дни, какъ воды протекли. Ничего, кромѣ тихости.

* * *

Время проходитъ, къ смерти доводитъ—ближе конецъ дней нашихъ.

Тлѣнность вѣка моего нынѣ познаваю,
Не желаю, не боюсь, смерти ожидаю.

* * *

Подпіяхомъ отчасти.

* * *

Сопряженная мнѣ (*Примѣчаніе Арнгеймъ*: такъ царевичъ называетъ свою супругу, кронпринцессу Шарлотту) имѣетъ во чревѣ.

Ерёмка, Ерёмка, поганый богъ! Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти. Въ окаянствѣ другихъ обличаю, а самъ окаяннѣе всѣхъ.

Афросинья. Беззаконья мои познахъ и грѣха моего не покрыхъ. Отяготѣ на мнѣ рука Твоя, Господи! Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя хлѣбъ мнѣ день и нощь, желаетъ и скончевается душа моя во дворы Господни.

Съ Благовѣщенскимъ протопресвитеромъ, духовнымъ отцомъ нашимъ Яковомъ, куликали до ночи. Пили не по-нѣмецки, а по-русски. Поджарились изрядно.

Афроська! Афроська! (*Примѣчаніе Арнгеймъ*: слѣдуетъ непристойное ругательство).

* * *

Изъ Полтавской службы стихъ на литіи: *Врагъ креста Господня* — пѣли явно при всѣхъ, на подпиткахъ, къ лицу Феодосія, архимандрита Невскаго.

* * *

Дивлюся батюшкѣ: за что любитъ Ѳедоску? Развѣ за то, что вноситъ въ народъ люторскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся? Сущій есть аѳеистъ, воистину, врагъ креста Господня!

* * *

Экаго плута тонкаго мало я видалъ! Политикъ, зла явно не сотворитъ; только надобно съ нимъ обхожденіе имѣть опасное и жить не явно въ противность, но лицемѣрно, когда уже такъ учинилось, что у него подъ командою быть.

* * *

Жалость дому Твоего снѣдаетъ мя, Боже! Убоялся и вострепеталъ, да не погибнетъ до конца на Руси христіанство!

* * *

Ѳедоска ересіархъ и ему подобные начали явно всю церковь бороть, посты разорять, покаяніе и умерщвленіе плоти въ нѣкое баснословіе вмѣнять, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать и прочіе стропотные и узкіе пути жестокаго христіанскаго житія въ стези гладкія и пространныя измѣнять. Всякое развратное и слабое житіе имѣть учатъ смѣло, ни въ чемъ грѣха не признаютъ, все у нихъ свято, и симъ лаяніемъ любителей міра сего въ таковое безстрашіе и сластолюбіе приводятъ, что многіе и въ эпикурскія мнѣнія впали: ѣшь, пей, веселись — по смерти же никакого воздаянія нѣтъ.

Иконы святыя идолами называютъ, пѣніе церковное — бычачьимъ рыкомъ. Часовни разоряютъ, а гдѣ стѣны остались — табакомъ торговать, бороды брить попустили. Чудотворныя иконы на гнойныхъ телѣгахъ, подъ скверными рогожами, нагло во весь народъ ругаючись, увозятъ. На все благочестіе и вѣру православную наступили, но такимъ образомъ и претекстомъ, будто не вѣру, а непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, сколь многое множество подъ симъ притворомъ людей духовныхъ истреблено, поразстрижено и перемучено! Спроси жъ, за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, пустосвятъ негодный. Кто посты хранитъ — ханжа, кто молится—пустосвятъ, кто иконамъ кланяется — лицемѣръ.

Сіе же все дѣлаютъ такою хитростью и умысломъ, дабы вовсе истребить въ Россіи священство православное и завесть свою новомышленную люторскую да кальвинскую безпоповщину.

Ей, нечувственъ, кто не обоняетъ въ нихъ духа аѳейскаго!

* * *

Когда малый недугъ сей люторства расширится и отъ многихъ размножится и растлитъ все тѣло — тогда что будетъ, разумѣвай!

Было бы суслице, доживемъ и до бражки.

* * *

Звоны церковные перемѣнили. Звонятъ дрянью, какъ на пожаръ гонятъ или всполохъ бьютъ. И во всемъ прочемъ премѣненіе. Иконы не на доскахъ, а на холстахъ, съ нѣмецкихъ персонъ пишутъ неистово. Зри Спасовъ образъ Еммануила—весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ, учиненъ по плотскому умыслу. Возлюбили толстоту плотскую, опровергли долу горнее. И церкви не по старому обычаю, но шпицемъ на подобіе кирокъ строить и во образъ люторскихъ органовъ на колокольняхъ играть приказали.

Охъ, охъ, бѣдная Русь! Что-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ?

* * *

Монашество искоренить желаютъ. Готовятъ указъ, дабы отнынѣ впредь никого не постригать, а на убылыя мѣста въ монастыри опредѣлять отставныхъ солдатъ.

А въ Евангеліи сказано: *грядущаго ко Мнѣ не изжену.*

Но имъ Св. Писаніе — ничто.

* * *

Вѣра стала духовнымъ артикуломъ, какъ есть Артикулъ Воинскій.

Да какова та молитва будетъ, что по указу, подъ штрафомъ молиться?

* * *

„Нищихъ брать за караулъ, бить батожьемъ нещадно и ссылать на каторгу, чтобъ хлѣбъ не даромъ ѣли“.

Таковъ указъ царевъ, а Христовъ — на Страшномъ Судилищѣ: *Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти; возжаждахся, и не напоисте Мене; страненъ бѣхъ, и не введосте Мене;*

нагъ, и не одѣясте Мене. Аминь, глаголю вамъ: понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе.

Такъ-то, подъ наилучшимъ полицейскимъ распорядкомъ, учатъ ругать самого Христа, Царя Небеснаго, — въ образѣ нищихъ, бьютъ батожьемъ и ссылаютъ на каторгу.

Весь народъ Россійскій голодомъ духовнымъ таетъ.

Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ; іереи не брегутъ, а люди заблуждаются. Сельскіе попы ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху, и попъ за соху. А христіане помираютъ какъ скотъ. Попы пьяные въ алтарѣ сквернословятъ, бранятся матерно. Риза на плечахъ златотканая, а на ногахъ лапти грязные; просфоры пекутъ ржаныя; страшныя Тайны Господни хранятъ въ сосудцахъ зѣло гнусныхъ, съ клопами, сверчками и тараканами.

Чернецы спились и заворовались.

Все монашество и священство великаго требуетъ исправленія, понеже истиннаго монашества и священства едва слѣдъ нынѣ обрѣтается.

Мы носимъ на себѣ зазоръ, что ни вѣры своей, какова она есть, ни благочинія духовнаго не разумѣемъ, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ. Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотый человѣкъ знаетъ, что̀ есть православная христіанская вѣра, или кто Богъ, и какъ Ему молиться, и какъ волю Его творить.

Не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, кромѣ того, что только именемъ слывемъ христіане.

* * *

Всѣ объюродѣли. Въ благочестіи аки листъ древесный колеблемся. Въ ученія странныя и различныя уклонилися, одни — въ римскую, другіе — въ люторскую вѣру, на оба колѣна хромаемъ, крещеные идолопоклонники. Оставили сосцы матери нашей Церкви, ищемъ сосцовъ египетскихъ, иноземческихъ, еретическихъ. Какъ слѣпые щенята поверженные, всѣ розно бредемъ, а куда, того никто не вѣдаетъ.

* * *

Въ Чудовѣ монастырѣ Ѳомка цырульникъ, иконоборецъ, образъ Чудотворца Алексія Митрополита желѣзнымъ косаремъ изрубилъ для того, что святыхъ иконъ и животворящаго Креста, и мощей угодниковъ Божіихъ, онъ, Ѳомка, не почитаетъ; святыя-де иконы и животворящій Крестъ — дѣла рукъ человѣческихъ, а мощи, его, Ѳомку, не милуютъ; и догматы, и преданія церковныя не пріемлетъ; и во Евхаристіи не вѣруетъ быть истинное Тѣло и Кровь Христовы, но просвира и вино церковное просто.

И Стефанъ митрополитъ Рязанскій Ѳомку анаѳемѣ церковной и казни гражданской предалъ—сжегъ въ срубѣ на Красной площади.

А господа-Сенатъ митрополита къ отвѣту за то въ Питербурхъ призывали и еретикамъ понороку чинили: Ѳомкина учителя, иконоборца Митьку Тверетинова лѣкаря оправдали, а святителя съ великимъ стыдомъ изъ палаты судебной вонъ изгнали; и, плача, шелъ и говорилъ:

— Христе Боже, Спаситель нашъ! Ты Самъ сказалъ: *Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ.* Вотъ меня выгоняютъ вонъ, но не меня, Самого Тебя изгоняютъ. Самъ Ты, Всевидче, зришь, что сей судъ ихъ неправеденъ,—Самъ ихъ и суди!

И какъ вышелъ митрополитъ изъ сената на площадь, весь народъ сжалился надъ нимъ и плакалъ.

А родшій мя на Рязанскаго въ пущемъ гнѣвѣ.

* * *

Церковь больше царства земного. Нынѣ же царство возобладало надъ церковью.

Древле цари патріархамъ земно кланялись. Нынѣ же мѣстоблюститель патріаршаго престола грамотки свои царю подписываетъ: „Вашего Величества рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій“.

Глава церкви стала подножіемъ ногъ государевыхъ,— вся церковь—холопскою.

На что Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, святой былъ человѣкъ, а какъ родшій мя напоилъ его венгерскимъ, да

сталъ о дѣлахъ духовной политики спрашивать, ничего святой старецъ не отвѣтствовалъ, а только все крестилъ да крестилъ царя, молча. Такъ и открестился!

* * *

Противъ рѣчного-де стремленія, говорятъ отцы, нельзя плавать, плетью обуха не перешибешь.

А какъ же святые мученики кровей своихъ за церковь не щадили?

* * *

У царя архіереи на хлѣбахъ—а чей хлѣбъ ѣмъ, того и вѣмъ.

* * *

Прежніе святители печальники были всей земли русской, а нынѣшніе архіереи не печалуются предъ государемъ, но паче потаковники бываютъ и благочестивый санъ царскій растлѣваютъ.

* * *

Народъ согрѣшитъ, царь умолитъ; царь согрѣшитъ народъ не умолитъ. За государево прегрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ.

* * *

Намедни, на подпиткахъ, пастушокъ рязанскій родшему мя говорилъ: „вы, цари, земные боги, уподобляетеся самому Царю Небесному“.

А князь-папа, пьяный шутъ, надъ святителемъ ругался:

— Я, говоритъ, хоть и въ шутахъ патріархъ, а такого бы слова царю не сказалъ! Божіе больше царева.

И царь шута похвалилъ.

* * *

На тѣхъ же подпиткахъ, какъ заговорили архіереи о вдовствѣ церкви и о нуждѣ патріаршества, родшій мя въ великомъ гнѣвѣ выхватилъ изъ ноженъ кортикъ, такъ что всѣ затряслись, думали, рубить станетъ, ударилъ лезвеемъ плашмя по столу, да закричалъ:

— Вотъ вамъ патріархъ! Оба вмѣстѣ —патріархъ и царь!

* * *

Ѳедоска родшему мя приговариваетъ, дабы россійскимъ царямъ отнынѣ титлу принять императорскую, сирѣчь, древнихъ римскихъ кесарей.

* * *

Въ Москвѣ, на Красной площади, въ 1709 году, въ тріумфованьи на Полтавскую викторію людьми чина духовнаго воздвигнуто нѣкое подобіе ветхо-римскаго храма съ жертвенникомъ — добродѣтелямъ Россійскаго бога Аполло и Марса — сіесть, родшаго мя. И на ономъ ветхоэллинскомъ капищѣ подписано:

„Basis et fundamentum reipublicae religio. Утвержденіе и основаніе государства есть вѣра".

Какая вѣра? Въ коего Бога или въ коихъ боговъ?

Въ ономъ же тріумфованьи представлена *Политиколѣпная Апоѳеозисъ Всероссійскаго Геркулеса*—сіесть, родшаго мя, избивающаго многихъ звѣрей и людей и, по совершеніи сихъ подвиговъ, возлетающаго въ небо на колесницѣ бога Іовиша, везомой орлами по млечному пути — съ подписью:

„Viamque effectat Olympo".

„Пути желаетъ въ Олимпъ".

А въ книжицѣ, сочиненной отъ іеромонаха Іосифа, префекта академіи, объ оной Апоѳеозисъ сказано:

„Вѣдати же подобаетъ, яко сія не суть храмъ или церковь, во имя нѣкоего отъ святыхъ созданная, но политичная, сіесть, гражданская похвала".

* * *

Ѳедоска родшему мя приговаривалъ, дабы въ указѣ долженствующей быть коллегіи духовной, Св. Сѵнода, а то и въ самой присягѣ россійской объявить во весь народъ сими словами:

„Имя Самодержца своего имѣли бы, яко главы своея, и отца отечества, и Христа Господня“.

* * *

Хотятъ люди восхитить Божескую славу и честь Христа, вѣчнаго и единаго Царя царей. Именно въ сборникѣ Римскихъ Законовъ читаются нечестивыя и богохульныя слова: Самодержецъ Римскій есть всему свѣту Господь.

* * *

Исповѣдуемъ и вѣруемъ, что Христосъ единъ есть Царь царей и Господь господей, и что нѣтъ человѣка, всего міра господа.

* * *

Камень нерукосѣчный отъ несѣкомой горы, Іисусъ Христосъ, ударилъ и разорилъ Римское царство и разбилъ въ прахъ глиняныя ноги. Мы же паки созидаемъ и строимъ то, что Богъ разорилъ. Нѣсть ли то—бороться съ Богомъ?

* * *

Смотри гисторію Римскую. Говорилъ цесарь Калигула: „императору все позволено. Omnia licent“.

Да не единымъ цесарямъ римскимъ, а и всякимъ плутамъ и хамамъ, и четвероногимъ скотамъ все позволено.

* * *

Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, рѣче: *Богъ есмь азъ*. Да не богомъ, а скотомъ сталъ.

* * *

На Васильевскомъ острову, въ домѣ царицы Прасковьи Матвѣевны живетъ старецъ Тимоѳей Архипычъ, прибѣжище отчаянныхъ, надежда ненадежныхъ, юродъ міру, а не себѣ. Совѣсти человѣческія знаетъ.

Намедни ночью ѣздилъ къ нему, бесѣдовалъ. Архипычъ сказываетъ, что антихристъ-де есть ложный царь, истинный хамъ. И сей Хамъ грядетъ.

* * *

Читалъ митрополита Рязанскаго Знаменья Пришествія Антихристова и сего Хама Грядущаго вострепеталъ.

На Москвѣ Григорія Талицкаго сожгли за то, что въ народъ кричалъ объ антихристовомъ пришествіи. Талицкій былъ большого ума человѣкъ. И драгунскаго полка капитанъ, Василій Левинъ, что̀ былъ со мною на пути изъ Львова въ Кіевъ въ 1711 году, да свѣтлѣйшаго князя Меньшикова духовникъ, попъ Лебедка, да подьячій Ларивонъ Докукинъ и другіе многіе по сему же мыслятъ объ антихристѣ.

По лѣсамъ и пустынямъ сами себя сожигаютъ люди, страха ради антихристова.

* * *

Внѣ членовъ — брани; внутри членовъ — страхи. Вижу, что отовсюду погибаемъ, а помощи и спасенія ниоткуда не знаемъ. Молимся и боимся. Столько беззаконій, столько обидъ вопіютъ на небо и возбуждаютъ гнѣвъ и отмщеніе Божіе!

* * *

Тайна беззаконія дѣется. Время приблизилось. На самой громадѣ злобы стоимъ всѣ, а отнюдь вѣры не имѣемъ.

* * *

Нѣкій раскольщикъ тайну Христову всю пролилъ подъ ноги и ногами потопталъ.

* * *

У Любеча пролетъ саранчи съ полудня на полночь, а на крылахъ надпись: *Гнѣвъ Божій*.

* * *

Дни кратки и пасмурны. Старые люди говорятъ: не попрежнему и солнце свѣтитъ.

* * *

Подпіяхомъ, водковали зѣло. Видитъ Богъ, со страха пьемъ, дабы себя не помнить.

* * *

Страхъ смерти напалъ на меня.

Конецъ при дверяхъ, сѣкира при корени, коса смертная надъ главою.

* * *

Спаси, Господи, русскую землю! Заступись, помилуй, Матерь Пречистая!

* * *

Добре преподобный Семеонъ, Христа ради юродивый, другу своему, Іоанну діакону предъ кончиною сказывалъ: „Между простыми людьми и земледѣльцами, которые въ незлобіи и простотѣ сердца живутъ, никого не обижаютъ, но отъ труда рукъ своихъ въ потѣ лица ѣдятъ хлѣбъ свой,— между такими многіе суть великіе святые, ибо видѣлъ я ихъ, приходящихъ въ городъ и причащающихся, и были они, какъ золото чистое“.

* * *

О, человѣки, послѣднихъ сихъ временъ мученики, въ васъ Христосъ нынѣ, яко въ членахъ Своихъ, обитаетъ. Любитъ Господь плачущихъ; а вы всегда въ слезахъ. Любитъ Господь алчущихъ и жаждущихъ; а у васъ ѣсть и пить мало чего—иному и половиннаго нестаетъ хлѣба. Любитъ страждущихъ безвинно; а въ васъ страданія того не исчислишь—уже въ иномъ едва душа въ тѣлѣ держится. Не изнемогайте въ терпѣніи, но благодарите Христа своего, а Онъ къ вамъ по воскресеніи Своемъ будетъ въ гости — не въ гости только, но и въ неразлучное съ вами пребываніе. Въ васъ Христосъ есть и будетъ, а вы скажите: аминь!

III

Дневникъ фрейлины Арнгеймъ

Этими словами кончался дневникъ царевича Алексѣя. Онъ при мнѣ бросилъ его въ огонь.

31 декабря 1715

Сегодня скончалась послѣдняя русская царица, Марѳа Матвѣевна, вдова своднаго брата Петрова, царя Ѳеодора Алексѣевича. При иностранныхъ дворахъ ее считали давно умершею: со смерти мужа, въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ, она была помѣшанной, жила, какъ затворница, въ своихъ покояхъ и никогда никому не показывалась.

Ее хоронили въ вечерніе сумерки съ большимъ великолѣпіемъ. Погребальное шествіе совершалось между двумя рядами факеловъ, разставленныхъ по всему пути отъ дома усопшей—она жила рядомъ съ нами, у церкви Всѣхъ Скорбящихъ — къ Петропавловскому собору, черезъ Неву, по льду. Это тотъ же самый путь, по которому, два мѣсяца съ лишнимъ назадъ, везли на траурномъ фрегатѣ тѣло ея высочества. Тогда хоронили первую чужеземную царевну; теперь послѣднюю русскую царицу.

Впереди шло духовенство въ пышныхъ ризахъ, со свѣчами и кадилами, съ похороннымъ пѣніемъ. Гробъ везли на саняхъ. За нимъ тайный совѣтникъ Толстой несъ корону, всю усыпанную драгоцѣнными каменьями.

Царь впервые на этихъ похоронахъ отмѣнилъ древній русскій обычай надгробныхъ воплей и причитаній: строго приказано было, чтобы никто не смѣлъ громко плакать.

Всѣ шли молча. Ночь была тихая. Слышался лишь трескъ горячей смолы, скрипъ шаговъ по снѣгу, да похоронное пѣніе. Это безмолвное шествіе навѣвало тихій ужасъ. Казалось, мы скользимъ по льду вслѣдъ за умершею, сами, какъ мертвые, въ черную вѣчную тьму. Казалось также, что въ послѣдней русской царицѣ Россія новая хоронитъ старую, Петербургъ—Москву.

Царевичъ, любившій покойную, какъ родную мать, потрясенъ этою смертью. Онъ считаетъ ее для себя, для всей судьбы своей дурнымъ предзнаменованіемъ. Нѣсколько разъ, во время похоронъ, говорилъ мнѣ на ухо:

— Теперь всему конецъ!

* * *

1 января 1716

Завтра утромъ, вмѣстѣ съ баронами Левенвольдами, мы выѣзжаемъ изъ Петербурга прямо на Ригу и черезъ Данцигъ въ Германію. Навсегда покидаю Россію. Это моя послѣдняя ночь въ домѣ царевича.

Вечеромъ заходила къ нему проститься. По тому, какъ мы разстались, я почувствовала, что полюбила его и никогда не забуду.

— Кто знаетъ,—сказалъ онъ,—можетъ быть, еще увидимся. Хотѣлось бы мнѣ снова въ гости къ вамъ, въ Европу. Мнѣ тамошнія мѣста полюбились. Хорошо у васъ, вольно и весело.

— Зачѣмъ же дѣло стало, ваше высочество?

Онъ тяжело вздохнулъ:

— Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

И прибавилъ со своею доброю улыбкою:

— Ну, Господь съ вами, фрейлейнъ Юліана! Не поминайте лихомъ, поклонитесь отъ меня Европскимъ краямъ и старику вашему, Лейбницу. Можетъ быть, онъ и правъ: дастъ Богъ, мы другъ друга не съѣдимъ, а послужимъ другъ другу!

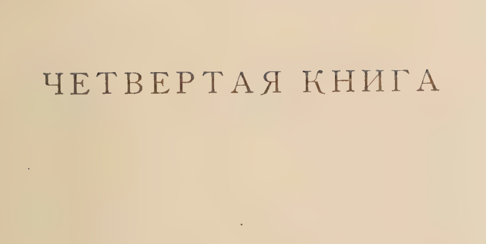
Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ съ братскою нѣжностью.

Я заплакала. Уходя, еще разъ обернулась къ нему, посмотрѣла на него послѣднимъ прощальнымъ взоромъ, и опять сердце мое сжалось предчувствіемъ, какъ въ тотъ день, когда я увидѣла въ темномъ-темномъ, пророческомъ зеркалѣ соединенныя лица Шарлотты и Алексѣя—и мнѣ показалось, что оба они — жертвы, обреченныя на какое-то великое страданіе. Она погибла. Очередь за нимъ.

И еще мнѣ вспомнилось, какъ въ послѣдній вечеръ въ Рождественѣ онъ стоялъ на голубятнѣ, въ вышинѣ, надъ чернымъ, точно обугленнымъ, лѣсомъ, въ красномъ, точно окровавленномъ, небѣ, весь покрытый, словно одѣтый, бѣлыми голубиными крыльями. Такимъ онъ и останется навѣки въ моей памяти.

Я слышала, что узники, выпущенные на волю, иногда жалѣютъ о тюрьмѣ. Я теперь чувствую нѣчто подобное къ Россіи.

Я начала этотъ дневникъ проклятіями. Не кончу благословеніями. Скажу лишь то, что, можетъ быть, многіе въ Европѣ сказали бы, если бы лучше знали Россію: таинственная страна, таинственный народъ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Наводненіе

I

Царя предупреждали, при основаніи Петербурга, что мѣсто необитаемо, по причинѣ наводненій, что за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ вся страна до Ніеншанца была потоплена, и подобныя бѣдствія повторяются почти каждые пять лѣтъ; первобытные жители Невскаго устья не строили прочныхъ домовъ, а только малыя хижины; и когда по примѣтамъ ожидалось наводненіе, ломали ихъ, бревна и доски связывали въ плоты, прикрѣпляли къ деревьямъ, сами же спасались на Дудерову гору. Но Петру новый городъ казался „Парадизомъ“, именно вслѣдствіе обилія водъ. Самъ онъ любилъ ихъ, какъ водяная птица, и подданныхъ своихъ надѣялся здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, пріучить къ водѣ.

Въ концѣ октября 1715 года начался ледоходъ, выпалъ снѣгъ, поѣхали на саняхъ, ожидали ранней и дружной зимы. Но сдѣлалась оттепель. Въ одну ночь все растаяло. Вѣтеръ съ моря нагналъ туманъ—гнилую и душную желтую мглу, отъ которой люди болѣли.

„Молю Бога вывесть меня изъ сего пропастнаго мѣста,—писалъ одинъ старый бояринъ въ Москву.—Истинно

опасаюсь, чтобъ не занемочь; какъ началась оттепель, такой сталъ бальзамовый духъ и такая мгла, что изъ избы выйти неможно, и многіе въ семъ Парадизѣ отъ воздуху помираютъ".

Юго-западный вѣтеръ дулъ въ продолженіе девяти дней. Вода въ Невѣ поднялась. Нѣсколько разъ начиналось наводненіе.

Петръ издавалъ указы, которыми повелѣвалось жителямъ выносить изъ подваловъ имущество, держать лодки наготовѣ, сгонять скотъ на высокія мѣста. Но каждый разъ вода убывала. Царь, замѣтивъ, что указы тревожатъ народъ, и, заключивъ по особымъ, ему одному извѣстнымъ примѣтамъ, что большого наводненія не будетъ, рѣшилъ не обращать вниманія на подъемы воды.

6 ноября назначена была первая зимняя ассамблея въ домѣ президента адмиралтейской коллегіи, Ѳедора Матвѣевича Апраксина, на Набережной, противъ Адмиралтейства, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ.

Наканунѣ вода опять поднялась. Свѣдущіе люди предсказывали, что на этотъ разъ не миновать бѣды. Сообщались примѣты: тараканы во дворцѣ ползли изъ погребовъ на чердакъ; мыши бѣжали изъ мучныхъ амбаровъ; государынѣ приснился Петербургъ, объятый пламенемъ, а пожаръ снится къ потопу. Не совсѣмъ оправившись послѣ родовъ, не могла она сопровождать мужа на ассамблею и умоляла его не ѣздить.

Петръ во всѣхъ взорахъ читалъ тотъ древній страхъ воды, съ которымъ тщетно боролся всю жизнь: „жди горя съ моря, бѣды отъ воды; гдѣ вода, тамъ и бѣда; и царь воды не уйметъ".

Со всѣхъ сторонъ предупреждали его, приставали и наконецъ, такъ надоѣли, что онъ запретилъ говорить о наводненіи. Оберъ-полицiймейстера Девьера едва не отколотилъ дубинкою. Какой-то мужичекъ напугалъ весь городъ предсказаніями, будто бы вода покроетъ высокую ольху, стоявшую на берегу Невы, у Троицы. Петръ велѣлъ срубить ольху и

на томъ самомъ мѣстѣ наказать мужичка плетьми, съ барабаннымъ боемъ и „убѣдительнымъ увѣщаніемъ“ къ народу.

Передъ ассамблеей пріѣхалъ къ царю Апраксинъ и просилъ позволенія устроить ее въ большомъ домѣ, а не во флигелѣ, гдѣ она раньше бывала, стоявшемъ на дворѣ и соединенномъ съ главнымъ зданіемъ узкою стеклянною галлереей, не безопасною въ случаѣ внезапнаго подъема воды: гости могли быть отрѣзаны отъ лѣстницы, ведущей въ верхніе покои. Петръ задумался, но рѣшилъ поставить на своемъ и назначилъ собраніе въ обычномъ ассамблейномъ домикѣ.

„Ассамблея, — объяснялось въ указѣ, — есть вольное собраніе или съѣздъ, не для только забавы, но и для дѣла.

„Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни потчивать.

„Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить, или унимать, также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ и прочимъ да не дерзаетъ, подъ штрафомъ великаго Орла“.

Обѣ комнаты — въ одной ѣли и пили, въ другой танцовали — были просторныя, но съ чрезвычайно низкими потолками. Въ первой стѣны выложены, какъ въ голландскихъ кухняхъ, голубыми изразцами; на полкахъ разставлена оловянная посуда; кирпичный полъ усыпанъ пескомъ; огромная кафельная печь жарко натоплена. На одномъ изъ трехъ длинныхъ столовъ—закуски—любимыя Петромъ фленсбургскія устрицы, соленые лимоны, салакуша; на другомъ — шашки и шахматы; на третьемъ—картузы табаку, корзины глиняныхъ трубокъ, груды лучинокъ для раскуриванія. Сальныя свѣчи тускло мерцали въ клубахъ дыма. Низенькая комната, набитая людьми, напоминала шкиперскій погребъ гдѣ-нибудь въ Плимутѣ, или Роттердамѣ. Сходство довершалось множествомъ англійскихъ и голландскихъ корабельныхъ мастеровъ. Жены ихъ, румяныя, толстыя, гладкія, точно глянцевитыя, уткнувъ ноги въ грѣлки, вязали чулки, болтали и, видимо, чувствовали себя какъ дома.

Петръ, покуривая кнастеръ изъ глиняной короткой носогрѣйки, попивая флинъ — грѣтое пиво съ коньякомъ, леденцомъ и лимоннымъ сокомъ, игралъ въ шашки съ архимандритомъ Ѳедосомъ.

Боязливо ежась и крадучись, какъ виноватая собака, подошелъ къ царю оберъ-полицiймейстеръ Антонъ Мануйловичъ Девьеръ, не то португалецъ, не то жидъ, съ женоподобнымъ лицомъ, съ тѣмъ выраженiемъ сладости и слабости, которое иногда свойственно южнымъ лицамъ.

— Вода поднимается, ваше величество.

— Сколько?

— Два фута пять вершковъ.

— А вѣтеръ?

— Вестъ-зюйдъ-вестъ.

— Врешь! Давеча я мѣрилъ самъ: зюйдъ-вестъ-зюйдъ.

— Перемѣнился, — возразилъ Девьеръ съ такимъ видомъ, какъ будто виноватъ былъ въ направленiи вѣтра.

— Ничего,—рѣшилъ Петръ,—скоро на убыль пойдетъ. Бурометръ кажетъ къ облегченiю воздушному. Небось, не обманетъ!

Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость барометра, такъ же какъ во всякую механику.

— Ваше величество! Не будетъ ли какого указа? — жалобно взмолился Девьеръ. — А то ужъ какъ и быть не знаю. Зѣло опасаются. Свѣдущiе люди сказываютъ...

Царь посмотрѣлъ на него пристально.

— Одного изъ оныхъ свѣдущихъ я уже у Троицы выпоролъ, и тебѣ по сему же будетъ, если не уймешься. Ступай прочь, дуракъ!

Девьеръ, еще болѣе съежившись, какъ ласковая сучка Лизетта подъ палкой, мгновенно исчезъ.

— Какъ же ты, отче, о семъ необычайномъ звонѣ полагаешь?—обратился Петръ къ Ѳедосу, возобновляя бесѣду о полученномъ недавно донесенiи, будто бы по ночамъ въ новгородскихъ церквахъ какимъ-то чудомъ гудятъ колокола; молва гласила, что гудѣнiе это предвѣщаетъ великiя бѣдствiя.

Ѳедоска погладилъ жиденькую бородку, поигралъ двойной панагіей съ распятіемъ и портретомъ государя, взглянулъ искоса на царевича Алексѣя, который сидѣлъ тутъ же рядомъ, сощурилъ одинъ глазъ, какъ будто прицѣливаясь, и вдругъ все его крошечное личико, мордочка летучей мыши, озарилось тончайшимъ лукавствомъ:

— Чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ имѣющій умъ разсудить: явно — отъ Противника; рыдаетъ бѣсъ, что прелесть его изгоняется отъ народовъ россійскихъ — изъ кликушъ, раскольщиковъ и старцевъ-пустосвятовъ, объ исправленіи коихъ тщаніе имѣетъ ваше величество.

И Ѳедоска свелъ рѣчь на свой любимый предметъ, на разсужденіе о вредѣ монашества.

— Монахи тунеядцы суть. Отъ податей бѣгутъ, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть. Что жъ прибыли обществу отъ сего? Званіе свое гражданское ни во что вмѣняютъ, суетѣ сего міра приписуютъ—что и пословица есть: кто пострижется, говорятъ, — работалъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать Небесному. Въ пустыняхъ скотское житіе проводятъ. А того не разсудятъ, что пустынямъ прямымъ въ Россіи, студенаго ради климата, быть невозможно...

Алексѣй понималъ, что рѣчь о пустосвятахъ—камень въ его огородъ.

Онъ всталъ. Петръ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Сиди.

Царевичъ покорно сѣлъ, потупивъ глаза, — какъ самъ онъ чувствовалъ, съ „гипокритскимъ“ видомъ.

Ѳедоска былъ въ ударѣ; поощряемый вниманіемъ царя, который вынулъ записную книжку и дѣлалъ въ ней отмѣтки для будущихъ указовъ,—предлагалъ онъ все новыя и новыя мѣры, будто бы для исправленія, а въ сущности, казалось царевичу, для окончательнаго истребленія въ Россіи монашества.

— Въ мужскихъ монастыряхъ учредить гошпитали по регламенту для отставныхъ драгунъ, также училища цыфири

и геометріи; въ женскихъ—воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ; монахинямъ питаться пряжею на мануфактурные дворы...

Царевичъ старался не слушать; но отдѣльныя слова доносились до него, какъ властные окрики:

— Продажу меда и масла въ церквахъ весьма пресѣчь. Предъ иконами, внѣ церкви стоящими, свѣщевозженія весьма возбранить. Часовни ломать. Мощей не являть. Чудесъ не вымышлять. Нищихъ брать за караулъ и бить батожьемъ нещадно...

Ставни на окнахъ задрожали отъ напора вѣтра. По комнатѣ пронеслось дуновенье, всколыхнувшее пламя свѣчей. Какъ будто несмѣтная вражья сила шла на приступъ и ломилась въ домъ. И Алексѣю чудилась въ словахъ Ѳедоски та же злая сила, тотъ же натискъ бури съ Запада.

Во второй комнатѣ, для танцевъ, по стѣнамъ были гарусныя тканыя шпалеры; зеркала въ простѣнкахъ; въ шандалахъ восковыя свѣчи. На небольшомъ помостѣ музыканты съ оглушительными духовыми инструментами. Потолокъ, съ аллегорической картиной *Ѣзда на островъ любви* — такой низкій, что голые амуры съ пухлыми икрами и ляжками почти касались париковъ.

Дамы, когда не было танцевъ, сидѣли, какъ нѣмыя, скучали и млѣли; танцуя, прыгали какъ заведенныя куклы; на вопросы отвѣчали „да“ и „нѣтъ“, на комплименты озирались дико. Дочки словно пришиты къ маменькинымъ юбкамъ; а на лицахъ маменекъ написано: „лучше бъ мы дѣвицъ своихъ въ воду пересажали, чѣмъ на ассамблеи привозили!“

Вилимъ Ивановичъ Монсъ говорилъ переведенный изъ нѣмецкой книжки комплиментъ той самой Настенькѣ, которая влюблена была въ гардемарина и въ Лѣтнемъ саду на праздникѣ Венусъ плакала надъ нѣжною цыдулкою:

— Чрезъ частое усмотрѣніе васъ, яко изряднаго ангела, такое желаніе къ знаемости вашей получилъ, что я того долѣе скрыть не могу, но принужденъ оное вамъ съ достой-

нымъ почтеніемъ представить. Я бы желалъ усердно, дабы вы, моя госпожа, столь искусную особу во мнѣ обрѣли, чтобъ я своими обычаями и пріятными разговорами васъ, мою госпожу, совершенно удовольствовать удобенъ былъ; но, понеже натура мнѣ въ семъ удовольствіи мало склонна есть, то благоволите только моею вамъ преданною вѣрностью и услуженіемъ довольствоваться...

Настенька не слушала — звукъ однообразно жужжащихъ словъ клонилъ ее ко сну. Впослѣдствіи жаловалась она теткѣ на своего кавалера: „иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски, а я, хоть умереть, ни слова не разумѣю“.

Секретарь французскаго посланника, сынъ московскаго подьячаго, Юшка Проскуровъ, долго жившій въ Парижѣ и превратившійся тамъ въ monsieur George'а, совершеннаго петиметра и галантома, пѣлъ дамамъ модную пѣсенку о парикмахерѣ Фризонѣ и уличной дѣвкѣ Додэнѣ:

La Dodun dit à Frison:
Coiffez moi avec adresse.
Je prétends avec raison
Inspirer de la tendresse.
Tignonnez, tignonnez, bichonnez moi!

Прочелъ и русскія вирши о прелестяхъ парижской жизни:

Красное мѣсто, драгой берегъ Сенской,
Гдѣ быть не смѣетъ маниръ деревенской,
Ибо все держитъ въ себѣ благородно —
Богамъ и богинямъ ты — мѣсто природно.
А я не могу никогда позабыти,
Пока имѣю на землѣ быти!

Старые московскіе бояре, враги новыхъ обычаевъ, сидѣли поодаль, грѣясь у печки, и вели бесѣду полунамеками, полузагадками:

— Какъ тебѣ, государь мой, питербурхская жизнь кажется?

— Прахъ бы васъ побралъ и съ жизнью вашею! Фиштифанты, нѣмецкіе куранты! Отъ великихъ здѣшнихъ кум-

плиментовъ и присѣданій хвоста и заморскихъ яствъ глаза смутились.

— Что дѣлать, братъ! На небо не вскочишь, въ землю не закопаешься.

— Тяни лямку, пока не выкопаютъ ямку.

— Трещи, не трещи, да гнись.

— Ой-ой-ошеньки, болятъ боченьки, бока болятъ, а лежать не велятъ.

Монсъ шепталъ на ухо Настенькѣ только что сочиненную пѣсенку:

Безъ любви и безъ страсти,
Всѣ дни суть непріятны:
Вздыхать надо, чтобъ сласти
Любовны были златны.
На что и жить,
Коль не любить?

Вдругъ почудилось ей, что потолокъ шатается, какъ во время землетрясенія, и голые амуры падаютъ прямо ей на голову. Она вскрикнула. Вилимъ Ивановичъ успокоилъ ее: это вѣтеръ; шаталось полотно съ картиной, прибитое къ потолку и раздуваемое, какъ парусъ. Опять ставни задрожали, на этотъ разъ такъ, что всѣ оглянулись со страхомъ.

Но заигралъ полонэзъ, пары закружились — и бурю заглушила музыка. Только зябкіе старички, грѣясь у печки, слушали, какъ вѣтеръ воетъ въ трубѣ, и шептались, и вздыхали, и качали головами; въ звукахъ бури, еще болѣе зловѣщихъ сквозь звуки музыки, имъ слышалось: „жди горя съ моря, бѣды отъ воды“.

Петръ, продолжая бесѣду съ Ѳедоскою, разспрашивалъ его объ ереси московскихъ иконоборцевъ, Ѳомки цырюльника и Митьки лѣкаря.

Оба ересіарха, проповѣдуя свое ученіе, ссылались на недавніе указы царя: „нынѣ-де у насъ на Москвѣ, говорили они, слава Богу, вольно всякому, — кто какую вѣру себѣ изберетъ, въ такую и вѣруетъ“.

— По ихнему, Ѳомки да Митьки, ученію, — говорилъ Ѳедосъ съ такой двусмысленной усмѣшкой, что нельзя было понять, осуждаетъ ли онъ ересь, или сочувствуетъ, — правая вѣра отъ святыхъ писаній и добрыхъ дѣлъ познается, а не отъ чудесъ и преданій человѣческихъ. Можно-де спастись во всѣхъ вѣрахъ, по слову апостола: дѣлающій правду во всякомъ народѣ Богу угоденъ.

— Весьма разумно, — замѣтилъ Петръ, и усмѣшка монаха отразилась въ такой же точно усмѣшкѣ царя: они понимали другъ друга безъ словъ.

— А иконы-де, учатъ, дѣла рукъ человѣческихъ, суть идолы, — продолжалъ Ѳедосъ. — Крашеныя доски какъ могутъ чудеса творить? Брось ее въ огонь — сгоритъ, какъ и всякое дерево. Не иконамъ въ землю, а Богу въ небо подобаетъ кланяться. И кто-де имъ, угодникамъ Божьимъ, далъ такія уши долгія, чтобъ съ неба слышать моленія земныхъ. И если, говорятъ, сына у кого убьютъ ножомъ или палкою, то отецъ того убитаго какъ можетъ ту палку или ножъ любить? Такъ и Богъ какъ можетъ любить древо, на коемъ распятъ Сынъ Его? И Богородицу, вопрошаютъ, чего ради весьма почитаете? Она-де подобно мѣшку простому, наполненному драгоцѣнныхъ каменьевъ и бисеровъ, а когда изъ мѣшка оныя драгія каменья изсыпаны, то какой онъ цѣны и чести достоинъ? И о таинствѣ Евхаристіи мудрствуютъ: какъ можетъ Христосъ повсюду раздробляемъ и раздаваемъ, и снѣдаемъ быть въ службахъ, коихъ бываетъ въ свѣтѣ множество въ единъ часъ? Да какъ можетъ хлѣбъ премѣняться въ Тѣло Господне молитвами поповскими? А попы-де всякіе бываютъ — и пьяницы, и блудники, и сущіе злодѣи. Отнюдь сего статься не можетъ; и въ томъ-де мы весьма усомнѣваемся: понюхаемъ — хлѣбомъ пахнетъ; также и Кровь, по свидѣтельству данныхъ намъ чувствъ, является красное вино просто...

— Сихъ непотребствъ еретическихъ намъ, православнымъ, и слушать зазорно! — остановилъ Ѳедоску царь.

Тотъ замолчалъ, но усмѣхался все наглѣе, все злораднѣе.

Царевичъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на отца украдкою. Ему показалось, что Петръ смутился: онъ уже не усмѣхался; лицо его было строго, почти гнѣвно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпомощно, растерянно. Не самъ ли онъ только что призналъ основаніе ереси разумнымъ? Принявъ основаніе, какъ не принять и выводовъ? Легко запретить, но какъ возразить? Уменъ царь; но не умнѣе ли монахъ и не ведетъ ли онъ царя, какъ злой поводырь—слѣпого въ яму?

Такъ думалъ Алексѣй, и лукавая усмѣшка Ѳедоски отразилась въ точно такой же усмѣшкѣ, уже не отца, а сына: царевичъ и Ѳедоска теперь тоже понимали другъ друга безъ словъ.

— На Ѳомку да Митьку дивить нечего, — проговорилъ вдругъ, среди общаго неловкаго молчанія, Михайло Петровичъ Аврамовъ. — Какова погудка, такова и пляска; куда пастухъ, туда и овцы...

И посмотрѣлъ въ упоръ на Ѳедоску. Тотъ понялъ намекъ и весь пришипился отъ злости.

Въ это мгновенье что-то ударило въ ставни — словно застучали въ нихъ тысячи рукъ — потомъ завизжало, завыло, заплакало и гдѣ-то въ отдаленіи замерло. Вражья сила все грознѣе шла на приступъ и ломилась въ домъ.

Девьеръ каждые четверть часа выбѣгалъ на дворъ узнавать о подъемѣ воды. Вѣсти были недобрыя. Рѣчки Мья и Фонтанная выступали изъ береговъ. Весь городъ былъ въ ужасѣ.

Антонъ Мануйловичъ потерялъ голову. Нѣсколько разъ подходилъ къ царю, заглядывалъ въ глаза его, старался быть замѣченнымъ, но Петръ, занятый бесѣдою, не обращалъ на него вниманія. Наконецъ, не выдержавъ, съ отчаянной рѣшимостью, наклонился Девьеръ къ самому уху царя и пролепеталъ:

— Ваше величество! Вода...

Петръ молча обернулся къ нему и быстрымъ, какъ будто невольнымъ, движеніемъ ударилъ его по щекѣ. Девьеръ ничего не почувствовалъ, кромѣ сильной боли — дѣло привычное.

„Лестно, говаривали птенцы Петровы, быть биту отъ такого государя, который въ одну минуту побьетъ и пожалуетъ“.

И Петръ, со спокойнымъ лицомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратившись къ Аврамову, спросилъ, почему до сей поры не напечатано сочиненіе астронома Гюйгенса: *Міровзрѣніе, или мнѣніе о небесноземныхъ глубусахъ.*

Михайло Петровичъ смутился было, но, тотчасъ оправившись и смотря прямо въ глаза царю, отвѣтилъ съ твердостью:

— Оная книжица самая богопротивная, не черниломъ, но углемъ адскимъ писанная и единому только скорому сожженію въ срубѣ угодная...

— Какая же въ ней противность?

— Земли вращеніе около солнца полагается и множенность міровъ, и всѣ оные міры такія же, будто, суть земли, какъ и наша, и люди на нихъ, и поля, и луга, и лѣса, и звѣри, и все прочее, какъ на нашей землѣ. И такъ вкрадшись, хитритъ вездѣ прославить и утвердить натуру, чтó есть жизнь самобытную. А Творца и Бога въ небытіе низводитъ...

Начался споръ. Царь доказывалъ, что „Коперниковъ чертежъ свѣта всѣ явленія планетъ легко и способно изъясняетъ“.

Подъ защитой царя и Коперника, высказывались мысли все болѣе смѣлыя.

— Нынѣ уже вся философія механична стала! — объявилъ вдругъ адмиралтейцъ-совѣтникъ Александръ Васильевичъ Кикинъ. — Вѣрятъ нынѣ, что весь міръ таковъ есть въ своемъ величествѣ, какъ часы въ своей малости, и что все въ немъ дѣлается чрезъ движеніе нѣкое уставленное, которое зависитъ отъ порядочнаго учрежденія атомовъ. Единая всюду механика...

— Безумное атейское мудрованіе! Гнилое и нетвердое основаніе разума!—ужасался Аврамовъ, но его не слушали.

Всѣ старались перещеголять другъ друга вольномысліемъ.

— Весьма древній философъ Дицеархъ писалъ, что человѣка существо есть тѣло, а душа только приключеніе и одно пустое званіе, ничего не значущее, — сообщилъ вице-канцлеръ Шафировъ.

— Черезъ микроскопіумъ усмотрѣли въ сѣмени мужскомъ животныхъ, подобныхъ лягушкамъ, или головашкамъ,—ухмыльнулся Юшка Проскуровъ такъ злорадно, что выводъ былъ ясенъ: никакой души нѣтъ. По примѣру всѣхъ парижскихъ щеголей, была и у него своя „маленькая философія“, „une petite philosofie“, которую излагалъ онъ съ такою же галантною легкостью, съ какою напѣвалъ парикмахерскую пѣсенку: „tignonnez, tignonnez, bichonnez moi“.

— По Лейбницеву мнѣнію, мы только гидраулическія мыслящія махины. Устерцъ насъ глупѣе...

— Врешь, не глупѣе тебя!—замѣтилъ кто-то, но Юшка продолжалъ невозмутимо:

— Устерцъ глупѣе насъ, душу имѣя прилипшую къ раковинѣ, и по сему пять чувствъ ему ненадобны. А можетъ быть, въ иныхъ мірахъ суть твари о десяти и болѣе чувствахъ, столь совершеннѣе насъ, что онѣ такъ же дивятся Невтону и Лейбницу, какъ мы обезьяньимъ и пауковымъ дѣйствамъ...

Царевичъ слушалъ, и ему казалось, что въ этой бесѣдѣ происходитъ съ мыслями то же, что со снѣгомъ во время петербургской оттепели: все расползается, таетъ, тлѣетъ, превращается въ слякоть и грязь, подъ вѣяніемъ гнилого западнаго вѣтра. Сомнѣніе во всемъ, отрицаніе всего, безъ оглядки, безъ удержу, росло, какъ вода въ Невѣ, прегражденной вѣтромъ и грозящей наводненіемъ.

— Ну, будетъ врать! — заключилъ Петръ вставая. — Кто въ Бога не вѣруетъ, тотъ сумасшедшій, либо съ природы дуракъ. Зрячій Творца по твореніямъ долженъ познать. А безбожники наносятъ стыдъ государству и никакъ не должны быть въ ономъ терпимы, поелику основаніе законовъ, на коихъ утверждается клятва и присяга властямъ, подрываютъ.

— Беззаконій причина, — не утерпѣлъ-таки, вставилъ Ѳедоска, — не есть ли въ гиппокритской ревности, паче нежели въ безбожіи, ибо и самые аѳеисты учатъ, дабы въ народѣ Богъ проповѣданъ былъ: иначе, говорятъ, вознерадитъ народъ о властяхъ...

Теперь уже весь домъ дрожалъ напрерывною дрожью отъ натиска бури. Но къ звукамъ этимъ такъ привыкли, что не замѣчали ихъ. Лицо царя было спокойно, и видомъ своимъ онъ успокаивалъ всѣхъ.

Кѣмъ-то пущенъ былъ слухъ, что направленіе вѣтра измѣнилось, и есть надежда на скорую убыль воды.

— Видите?—сказалъ Петръ, повеселѣвъ.—Нечего было и трусить. Небось, бурометръ не обманетъ!

Онъ перешелъ въ сосѣднюю залу и принялъ участіе въ танцахъ.

Когда царь бывалъ веселъ, то увлекалъ и заражалъ всѣхъ своею веселостью. Танцуя, подпрыгивалъ, притопывалъ, выдѣлывалъ колѣнца—„капріоли", съ такимъ одушевленіемъ, что и самыхъ лѣнивыхъ разбирала охота пуститься въ плясъ.

Въ англійскомъ контрдансѣ дама каждой первой пары придумывала новую фигуру. Княгиня Черкасская поцѣловала кавалера своего, Петра Андреевича Толстого и стащила ему на носъ парикъ, чтó должны были повторить за нею всѣ пары, а кавалеръ стоялъ при этомъ неподвижно какъ столбъ. Начались возня, хохотъ, шалости. Рѣзвились какъ школьники. И веселѣе всѣхъ былъ Петръ.

Только старички попрежнему сидѣли въ углу своемъ, слушая завываніе вѣтра, и шептались, и вздыхали, и качали головами.

— Многовертимое плясанье женское,—вспоминалъ одинъ изъ нихъ обличеніе пляски въ древнихъ святоотеческихъ книгахъ, — людей отъ Бога отлучаетъ и во дно адово влечетъ. Смѣхотворцы отыдутъ въ плачъ неутѣшный, плясуны повѣшены будутъ за пупъ...

Царь подошелъ къ старичкамъ и пригласилъ ихъ участвовать въ танцахъ. Напрасно отказывались они, извиняясь

неумѣніемъ и разными немощами — ломотою, одышкою, подагрою—царь стоялъ на своемъ и никакихъ отговорокъ не слушалъ.

Заиграли важный и смѣшной гросъ-фатеръ. Старички— имъ дали нарочно самыхъ бойкихъ молоденькихъ дамъ — сначала еле двигались, спотыкались, путались и путали другихъ; но, когда царь пригрозилъ имъ штрафнымъ стаканомъ ужасной перцовки, запрыгали не хуже молодыхъ. За то, по окончаніи танца, повалились на стулья, полумертвые отъ усталости, кряхтя, стеная и охая.

Не успѣли отдохнуть, какъ царь началъ новый, еще болѣе трудный, цѣпной танецъ. Тридцать паръ, связанныхъ носовыми платками, слѣдовали за музыкантомъ — маленькимъ горбуномъ, который прыгалъ впереди со скрипкою.

Обошли сначала обѣ залы флигеля. Потомъ черезъ галлерею вступили въ главное зданіе, и по всему дому, изъ комнаты въ комнату, съ лѣстницы на лѣстницу, изъ жилья, въ жилье, мчалась пляска, съ крикомъ, гикомъ, свистомъ и хохотомъ. Горбунъ, пиликая на скрипкѣ и прыгая неистово, корчилъ такія рожи, какъ будто бѣсъ обуялъ его. За нимъ, въ первой парѣ, слѣдовалъ царь, за царемъ остальные, такъ что казалось, онъ ведетъ ихъ, какъ связанныхъ плѣнниковъ, а его самого, царя-великана, водитъ и кружитъ маленькій бѣсъ.

Возвращаясь во флигель, увидѣли въ галлереѣ бѣгущихъ навстрѣчу людей. Они махали руками и кричали въ ужасѣ:

— Вода! Вода! Вода!

Переднія пары остановились, заднія съ разбѣга налетѣли и смяли переднихъ. Все смѣшалось. Сталкивались, падали, тянули и рвали платки, которыми были связаны. Мужчины ругались, дамы визжали. Цѣпь разорвалась. Большая часть, вмѣстѣ съ царемъ, кинулась назадъ къ выходу изъ галлереи въ главное зданіе. Другая, меньшая, находившаяся впереди, ближе къ противоположному выходу во флигель, устремилась было туда же, куда и прочіе, но не успѣла до-

бѣжать до середины галлереи, какъ ставня на одномъ изъ оконъ затрещала, зашаталась, рухнула, посыпались осколки стеколъ, и вода бушующимъ потокомъ хлынула въ окно. Въ то же время, напоромъ сдавленнаго воздуха снизу, изъ погреба, съ гулами и тресками, подобными пушечнымъ выстрѣламъ, стало подымать, ломать и вспучивать полъ.

Петръ съ другого конца галлереи кричалъ отставшимъ:

— Назадъ, назадъ, во флигель! Небось, лодки пришлю!

Словъ не слышали, но поняли знаки и остановились.

Только два человѣка все еще бѣжали по наводненному полу. Одинъ изъ нихъ — Ѳедоска. Онъ почти добѣжалъ до выхода, гдѣ ждалъ его Петръ, какъ вдругъ сломанная половица осѣла, Ѳедоска провалился и началъ тонуть. Толстая баба, жена голландскаго шкипера, задравъ подолъ, перепрыгнула черезъ голову монаха; надъ чернымъ клобукомъ мелькнули толстыя икры въ красныхъ чулкахъ. Царь бросился къ нему на помощь, схватилъ его за плечи, вытащилъ, поднялъ и понесъ, какъ маленькаго ребенка, на рукахъ, трепещущаго, машущаго черными крыльями рясы, съ которыхъ струилась вода, похожаго на огромную мокрую летучую мышь.

Горбунъ со скрипкою, добѣжавъ до середины галлереи, тоже провалился, исчезъ въ водѣ, потомъ вынырнулъ, поплылъ. Но въ это мгновеніе рухнула средняя часть потолка и задавила его подъ развалинами.

Тогда кучка отставшихъ—ихъ было человѣкъ десять—видя, что уже окончательно отрѣзана водою отъ главнаго зданія, бросилась назадъ во флигель, какъ въ послѣднее убѣжище.

Но и здѣсь вода настигала. Слышно было, какъ плещутся волны подъ самыми окнами. Ставни скрипѣли, трещали, готовыя сорваться съ петель. Сквозь разбитыя стекла вода проникала въ щели, сочилась, брызгала, журчала, текла по стѣнамъ, разливалась лужами, затопляла полъ.

Почти всѣ потерялись. Только Петръ Андреевичъ Толстой, да Вилимъ Ивановичъ Монсъ сохранили присутствіе

духа. Они нашли маленькую, скрытую въ стѣнѣ за шпалерами дверь. За нею была лѣсенка, которая вела на чердакъ. Всѣ побѣжали туда. Кавалеры, даже самые любезные, теперь, когда въ глаза глядѣла смерть, не заботились о дамахъ; ругали, толкали ихъ; каждый думалъ о себѣ.

На чердакѣ было темно. Пробравшись ощупью среди бревенъ, досокъ, пустыхъ бочекъ и ящиковъ, забились въ самый дальній уголъ, нѣсколько защищенный отъ вѣтра выступомъ печной трубы, еще теплой, прижались къ ней и нѣкоторое время сидѣли такъ въ темнотѣ, ошеломленные, оглупѣлые отъ страха. Дамы, въ легкихъ бальныхъ платьяхъ, стучали зубами отъ холода. Наконецъ, Монсъ рѣшилъ сойти внизъ, не найдетъ ли помощи.

Внизу конюхи, ступая въ водѣ по колѣно, вводили въ залу хозяйскихъ лошадей, которыя едва не утонули въ стойлахъ. Ассамблейная зала превратилась въ конюшню. Лошадиныя морды отражались въ зеркалахъ. Съ потолка висѣли и трепались клочья сорваннаго полотна съ *Ѣздой на островъ любви.* Голые амуры метались, какъ будто въ смертномъ ужасѣ. Монсъ далъ конюхамъ денегъ. Они достали фонарь, штофъ сивухи и нѣсколько овечьихъ тулуповъ. Онъ узналъ отъ нихъ, что изъ флигеля выхода нѣтъ: галлерея разрушена; дворъ залитъ водою; имъ самимъ придется спастись на чердакъ; ждутъ лодокъ, да, видно, не дождутся. Впослѣдствіи оказалось, что посланныя царемъ шлюпки не могли подъѣхать къ флигелю: дворъ окруженъ былъ высокимъ заборомъ, а единственныя ворота завалены обломками рухнувшаго зданія.

Монсъ вернулся къ сидѣвшимъ на чердакѣ. Свѣтъ фонаря ихъ немного ободрилъ. Мужчины выпили водки. Женщины закутались въ тулупы.

Ночь тянулась безконечно. Подъ ними весь домъ сотрясался отъ напора волнъ, какъ утлое судно передъ крушеніемъ. Надъ ними ураганъ, пролетая то съ бѣшенымъ ревомъ и топотомъ, какъ стадо звѣрей, то съ пронзительнымъ свистомъ и шелестомъ, какъ стая исполинскихъ птицъ, сры-

валъ черепицы съ крыши. И порой казалось, что вотъ-вотъ сорветъ онъ и самую крышу и все унесетъ. Въ голосахъ бури слышались имъ вопли утопающихъ. Съ минуты на минуту ждали они, что весь городъ провалится.

У одной изъ дамъ, жены датскаго резидента, сдѣлались отъ испуга такія боли въ животѣ—она была беременна—что бѣдняжка кричала, какъ подъ ножомъ. Боялись, что выкинетъ.

Юшка Проскуровъ молился: „Батюшка, Никола Чудотворецъ! Сергій Преподобный! помилуйте!“ И нельзя было повѣрить, что это тотъ самый вольнодумецъ, который давеча доказывалъ, что никакой души нѣтъ.

Михайло Петровичъ Аврамовъ тоже трусилъ, но и злорадствовалъ.

— Съ Богомъ не поспоришь! Праведенъ гнѣвъ Его. Истребится городъ сей съ лица земли, какъ Содомъ и Гоморра. Воззрѣлъ Богъ на землю, и вотъ она растлѣнна, ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ. И сказалъ Господь Богъ: конецъ всякой плоти пришелъ предъ лице Мое. Я наведу на землю потопъ водный и истреблю все сущее съ лица земли...

И слушая эти пророчества, люди испытывали новый невѣдомый ужасъ, какъ будто наступалъ конецъ міра, свѣтопреставленіе.

Въ слуховомъ окнѣ вспыхнуло зарево на черномъ небѣ. Сквозь шумъ урагана послышался колоколъ. То били въ набатъ. Пришедшіе снизу конюхи сказали, что горятъ избы рабочихъ и канатные склады въ сосѣдней Адмиралтейской слободкѣ. Несмотря на близость воды, пожаръ былъ особенно страшенъ при такой силѣ вѣтра: пылающія головни разносились по городу, который могъ вспыхнуть каждую минуту со всѣхъ концовъ. Онъ погибалъ между двумя стихіями—горѣлъ и тонулъ вмѣстѣ. Исполнялось пророчество: „Питербурху быть пусту“.

Къ разсвѣту буря утихла. Въ прозрачной сѣрости тусклаго дня кавалеры въ парикахъ, покрытыхъ пылью и паутиною, дамы въ робронахъ и фижмахъ „на версальскіи

манирѣ", подъ овечьими тулупами, съ посинѣвшими отъ холода лицами, казались другъ другу привидѣніями.

Монсъ выглянулъ въ слуховое окно и увидѣлъ тамъ, гдѣ былъ городъ, безбрежное озеро. Оно волновалось — какъ будто не только на поверхности, но до самого дна кипѣло, бурлило, и клокотало, какъ вода въ котлѣ надъ сильнымъ огнемъ. Это озеро была Нева — пестрая, какъ шкура на брюхѣ змѣи, желтая, бурая, черная, съ бѣлыми барашками, усталая, но все еще буйная, страшная подъ страшнымъ, сѣрымъ какъ земля и низкимъ небомъ.

По волнамъ носились разбитыя барки, опрокинутыя лодки, бревна, доски, крыши, остовы цѣлыхъ домовъ, вырванныя съ корнемъ деревья, трупы животныхъ.

И жалки были, среди торжествующей стихіи, слѣды человѣческой жизни — кое-гдѣ надъ водою торчавшія башни, шпицы, купола, кровли потопленныхъ зданій.

Монсъ увидѣлъ вдали на Невѣ, противъ Петропавловской крѣпости, нѣсколько гребныхъ галеръ и буеровъ. Поднялъ валявшійся на полу чердака длинный шестъ изъ тѣхъ, которыми гоняютъ голубей, привязалъ къ нему красную шелковую косынку Настеньки, высунулъ шестъ въ окно и началъ махать, дѣлая знаки, призывая на помощь. Одна изъ лодокъ отдѣлилась отъ прочихъ и, пересѣкая Неву, стала приближаться къ ассамблейному домику.

Лодки сопровождали царскій буеръ.

Всю ночь работалъ Петръ безъ отдыха, спасая людей отъ воды и огня. Какъ простой пожарный, лазилъ на горящія зданія; огнемъ опалило ему волосы; едва не задавило рухнувшей балкою. Помогая вытаскивать убогіе пожитки бѣдняковъ изъ подвальныхъ жилищъ, стоялъ по поясъ въ водѣ и продрогъ до костей. Страдалъ со всѣми, ободрялъ всѣхъ. Всюду, гдѣ являлся царь, работа кипѣла такъ дружно, что ей уступали вода и огонь.

Царевичъ былъ съ отцомъ въ одной лодкѣ, но всякій разъ, какъ пытался чѣмъ-либо помочь, Петръ отклонялъ эту помощь, какъ будто съ брезгливостью.

Когда потушили пожаръ, и вода начала убывать, царь вспомнилъ, что пора домой, къ женѣ, которая всю ночь провела въ смертельной тревогѣ за мужа.

На возвратномъ пути захотѣлось ему подъѣхать къ Лѣтнему саду, взглянуть, какія опустошенія сдѣлала вода.

Галлерея надъ Невою была полуразрушена, но Венера цѣла. Подножіе статуи — подъ водою, такъ что казалось, богиня стоитъ на водѣ, и, Пѣнорожденная, выходитъ изъ волнъ, но не синихъ и ласковыхъ, какъ нѣкогда, а грозныхъ, темныхъ, тяжкихъ, точно желѣзныхъ, Стиксовыхъ волнъ.

У самыхъ ногъ на мраморѣ что-то чернѣло. Петръ посмотрѣлъ въ подзорную трубку и увидѣлъ, что это человѣкъ. По указу царя, солдатъ днемъ и ночью стоялъ на часахъ у драгоцѣнной статуи. Настигнутый водою и не смѣя бѣжать, онъ взлѣзъ на подножіе Венеры, прижался къ ногамъ ея, обнялъ ихъ, и такъ просидѣлъ, должно быть, всю ночь, окоченѣлый отъ холода, полумертвый отъ усталости.

Царь спѣшилъ къ нему на помощь. Стоя у руля, правилъ буеръ наперерѣзъ волнамъ и вѣтру. Вдругъ налетѣлъ огромный валъ, хлестнулъ черезъ бортъ, обдалъ брызгами и накренилъ судно такъ, что, казалось, оно опрокинется. Но Петръ былъ опытный кормчій. Упираясь ногами въ корму, налегая всею тяжестью тѣла на руль, побѣждалъ онъ ярость волнъ и правилъ твердою рукою прямо къ цѣли.

Царевичъ взглянулъ на отца и вдругъ почему-то вспомнилъ то, что слышалъ однажды, въ бесѣдѣ „на подпиткахъ“ отъ своего учителя Вяземскаго:

— Ѳедосъ, бывало, съ пѣвчими при батюшкѣ твоемъ поютъ: *Гдѣ хочетъ Богъ, тамъ чинъ естества побѣждается* — и тому подобные стихи; и то-де поютъ, льстя отцу твоему: любо ему, что его съ Богомъ равняютъ; а того не разсудитъ, что не только отъ Бога—но и отъ бѣсовъ чинъ естества побѣждается: бываютъ и чуда бѣсовскія!

Въ простой шкиперской курткѣ, въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ, съ развѣвающимися волосами—шляпу только что сорвало вѣтромъ—исполинскій Кормчій глядѣлъ на потоп-

ленный городъ—и ни смущенія, ни страха, ни жалости не было въ лицѣ его, спокойномъ, твердомъ, точно изъ камня изваянномъ—какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ человѣкѣ было что-то нечеловѣческое, надъ людьми и стихіями властное, сильное, какъ рокъ. Люди смирятся, вѣтры утихнутъ, волны отхлынутъ—и городъ будетъ тамъ, гдѣ онъ велѣлъ быть городу, ибо *чинъ естества побѣждается,— гдѣ хочетъ...*

„Кто хочетъ?“ не смѣя кончить, спросилъ себя царевичъ: „Богъ или бѣсъ?“

Нѣсколько дней спустя, когда обычный видъ Петербурга уже почти скрылъ слѣды наводненія, Петръ писалъ въ шутливомъ посланіи къ одному изъ птенцовъ своихъ:

„На прошлой недѣлѣ вѣтромъ вестъ-зюйдъ-вестомъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ; а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили въ лодкахъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа сидѣли, не только мужики, но и бабы. Вода, хотя и зѣло велика была, а бѣды большой не сдѣлала“.

Письмо было помѣчено: *Изъ Парадиза.*

II

Петръ заболѣлъ. Простудился во время наводненія, когда, вытаскивая изъ подваловъ имущество бѣдныхъ, стоялъ по поясъ въ водѣ. Сперва не обращалъ вниманія на болѣзнь,

перемогался на ногахъ; но 15 ноября слегъ, и лейбъ-медикъ Блюментростъ объявилъ, что жизнь царя въ опасности.

Въ эти дни судьба Алексѣя рѣшалась. Въ самый день похоронъ кронпринцессы, 28 октября, возвратясь изъ Петропавловскаго собора въ домъ сына для поминальной трапезы, Петръ отдалъ ему письмо, „объявленіе сыну моему“, въ которомъ требовалъ его немедленнаго исправленія, подъ угрозой жестокаго гнѣва и лишенія наслѣдства.

— Не знаю, что̀ дѣлать, говорилъ царевичъ приближеннымъ, — нищету ли принять, да съ нищими скрыться до времени, отойти ли куда въ монастырь, да быть со дьячками, или отъѣхать въ такое царство, гдѣ приходящихъ принимаютъ и никому не выдаютъ?

— Иди въ монахи, — убѣждалъ адмиралтейцъ-совѣтникъ Александръ Кикинъ, давній сообщникъ и повѣренный Алексѣя.—Клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ: можно его и снять. Тебѣ покой будетъ, какъ ты отъ всего отстанешь…

— Я тебя у отца съ плахи снялъ,—говорилъ князь Василій Долгорукій.—Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ ни до чего не будетъ. Давай писемъ отрицательныхъ хоть тысячу. Еще когда что̀ будетъ; старая пословица: улита ѣдетъ, колито будетъ. Это не запись съ неустойкою…

— Хорошо, что ты наслѣдства не хочешь, — утѣшалъ князь Юрій Трубецкой. — Разсуди, чрезъ золото слезы не текутъ-ли?..

Съ Кикинымъ у царевича были многіе разговоры о бѣгствѣ въ чужіе края, „чтобъ остаться тамъ гдѣ-нибудь, ни для чего иного, только бы прожить, отдалясь отъ всего, въ покоѣ“.

— Коли случай будетъ,—совѣтовалъ Кикинъ,—поѣзжай въ Вѣну къ цесарю. Тамъ не выдадутъ. Цесарь сказалъ, что приметъ тебя какъ сына. А не то къ папѣ, либо ко двору французскому. Тамъ и королей подъ своею протекціей держатъ, а тебя бы имъ было не великое дѣло…

Царевичъ слушалъ совѣты, но ни на что не рѣшался и жилъ изо дня въ день, „до воли Божьей“.

Вдругъ все измѣнилось. Смерть Петра грозила переворотомъ въ судьбахъ не только Россіи, но и всего міра. Тотъ, кто вчера хотѣлъ скрыться съ нищими, могъ завтра вступить на престолъ.

Внезапные друзья окружили царевича, сходились, шептались, шушукались.

— Ждемъ подождемъ, а что-то будетъ.

— Вынется—сбудется,—а сбудется—не минуется.

— Доведется и намъ свою пѣсенку спѣть.

— И мыши на погостъ кота волокутъ.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря царь почувствовалъ себя такъ дурно, что велѣлъ позвать духовника, архимандрита Ѳедоса, исповѣдался и пріобщился. Екатерина и Меньшиковъ не выходили изъ комнаты больного. Резиденты иностранныхъ дворовъ, русскіе министры и сенаторы ночевали въ покояхъ Зимняго дворца. Когда поутру пріѣхалъ царевичъ узнать о здоровьи государя, тотъ не принялъ его, но по внезапному безмолвію разступившейся толпы, по раболѣпнымъ поклонамъ, по ищущимъ взорамъ, по блѣднымъ лицамъ, особенно мачихи и свѣтлѣйшаго, Алексѣй понялъ, какъ близко то, что всегда казалось ему далекимъ, почти невозможнымъ. Сердце у него упало, духъ захватило, онъ самъ не зналъ отчего—отъ радости или ужаса.

Въ тотъ же день вечеромъ посѣтилъ Кикина и долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Кикинъ жилъ на концѣ города, прямо противъ Охтенскихъ слободъ, недалеко отъ Смольнаго двора. Оттуда поѣхалъ домой.

Сани быстро неслись по пустынному бору и столь же пустыннымъ, широкимъ улицамъ, похожимъ на лѣсныя просѣки, съ едва замѣтнымъ рядомъ темныхъ бревенчатыхъ избъ, занесенныхъ снѣжными сугробами. Луны не было видно, но воздухъ пропитанъ былъ яркими лунными искрами, иглами. Снѣгъ не падалъ сверху, а снизу клубился по вѣтру столбами, курился какъ дымъ. И свѣтлая лунная вьюга играла, точно пѣнилась, въ голубовато-мутномъ небѣ, какъ вино въ чашѣ.

Онъ вдыхалъ морозный воздухъ съ наслажденіемъ. Ему было весело, словно въ душѣ его тоже играла свѣтлая вьюга, буйная, пьяная и опьяняющая. И какъ за вьюгой луна, такъ за его весельемъ была мысль, которой онъ самъ еще не видѣлъ, боялся увидѣть, но чувствовалъ, что это ему отъ нея такъ пьяно, страшно и весело.

Въ заиндевѣлыхъ окнахъ избъ, подъ нависшими съ кровель сосульками, какъ пьяные глаза подъ сѣдыми бровями, тускло рдѣли огоньки въ голубоватой лунной мглѣ. „Можетъ быть, — подумалъ онъ, глядя на нихъ, — тамъ теперь пьютъ за меня, за *надежду Россійскую*!“ И ему стало еще веселѣе.

Вернувшись домой, сѣлъ у камелька съ тлѣющими углями и велѣлъ камердинеру Аѳанасьичу приготовить жжонку. Въ комнатѣ было темно; свѣчей не приносили; Алексѣй любилъ сумерничать. Въ розовомъ отсвѣтѣ углей забилось вдругъ синее сердце спиртоваго пламени. Лунная вьюга заглядывала въ окна голубыми глазами сквозь прозрачные цвѣты мороза, и казалось, что тамъ, за ними, тоже бьется живое огромное синее пьяное пламя.

Алексѣй разсказывалъ Аѳанасьичу свою бесѣду съ Кикинымъ: то былъ планъ цѣлаго заговора, на случай если бы пришлось бѣжать и, по смерти отца, которой онъ чаялъ быть вскорѣ — у царя-де болѣзнь эпилепсія, а такіе люди не долго живутъ — вернуться въ Россію изъ чужихъ краевъ: министры, сенаторы—Толстой, Головкинъ, Шафировъ, Апраксинъ, Стрѣшневъ, Долгорукіе—всѣ ему друзья, всѣ къ нему пристали бы — Боуръ въ Польшѣ, архимандритъ Печерскій на Украйнѣ, Шереметевъ въ главной арміи:

— Вся отъ Европы граница была бы моя!

Аѳанасьичъ слушалъ со своимъ обычнымъ, упрямымъ и угрюмымъ видомъ: хорошо поешь, гдѣ-то сядешь?

— А Меньшиковъ? — спросилъ онъ, когда Алексѣй кончилъ.

— А Меньшикова на колъ!

Старикъ покачалъ головою:

— Для чего, государь-царевичъ, такъ продерзливо говоришь? А ну, кто прислушаетъ, да пронесутъ? Въ совѣсти твоей не кляни князя и въ клѣти ложницы твоей не кляни богатаго, яко птица небесная донесетъ...

— Ну, пошелъ брюзжать! — махнулъ рукою царевичъ съ досадою и все-таки съ неудержимою веселостью.

Аѳанасьичъ разсердился:

— Не брюзжу, а дѣло говорю! Хвали сонъ, когда сбудется. Изволишь, ваше высочество, строить гишпанскіе замки. Нашего мизерства не слушаешь. Инымъ вѣришь, а они тебя обманываютъ. Іуда Толстой, да Кикинъ безбожникъ — предатели! Берегись государь: имъ тебя не перваго кушать...

— Плюну я на всѣхъ: здорова бы мнѣ чернь была! — воскликнулъ царевичъ.—Когда будетъ время безъ батюшки— шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ. Тогда учинятъ меня царемъ и нехотя!

Старикъ молчалъ, все съ тѣмъ же упрямымъ и угрюмымъ видомъ: хорошо поешь, гдѣ-то сядешь?

— Что молчишь? спросилъ Алексѣй.

— Что мнѣ говорить, царевичъ? Воля твоя, а чтобъ отъ батюшки бѣжать, я не совѣтчикъ.

— Для чего?

— Того ради: когда удастся, хорошо; а если не удастся, ты же на меня будешь гнѣваться. Ужъ и такъ отъ тебя принимали всячину. Мы люди темненькіе, шкурки на насъ тоненькія...

— Однако же, ты смотри, Аѳанасьичъ, никому про сіе не сказывай. Только у меня про это ты знаешь, да Кикинъ. Буде скажешь, тебѣ не повѣрятъ; я запруся, а тебя станутъ пытать...

О пыткѣ царевичъ прибавилъ въ шутку, чтобы подразнить старика.

— А что, государь, когда царемъ будешь, да такъ говорить и дѣлать изволишь—вѣрныхъ слугъ пыткой стращать?

— Небось, Аѳанасьичъ! Коли буду царемъ, честью васъ

всѣхъ удовольствую... Только мнѣ царемъ не быть,—прибавилъ онъ тихо.

— Будешь, будешь!—возразилъ старикъ съ такою увѣренностью, что у Алексѣя опять, какъ давеча, духъ захватило отъ радости.

Бубенчики, скрипъ саней по снѣгу, лошадиное фырканье и голоса послышались подъ окнами. Алексѣй переглянулся съ Аѳанасьичемъ: кто бы могъ быть въ такой поздній часъ? Ужъ не изъ дворца ли, отъ батюшки?

Иванъ побѣжалъ въ сѣни. Это былъ архимандритъ Ѳедосъ. Царевичъ, увидѣвъ его, подумалъ, что отецъ умеръ— и такъ поблѣднѣлъ, что, несмотря на темноту, монахъ замѣтилъ это, благословляя его, и чуть-чуть усмѣхнулся.

Когда они остались съ глазу на глазъ, Ѳедоска сѣлъ у камелька противъ царевича и, молча поглядывая на него, все съ тою же, едва замѣтною усмѣшкою, началъ грѣть озябшія руки надъ углями, то разгибая, то сгибая, кривые пальцы, похожіе на птичьи когти.

— Ну что, какъ батюшка?—проговорилъ, наконецъ, Алексѣй, собравшись съ духомъ.

— Плохо,—тяжело вздохнулъ монахъ,—такъ плохо, что и въ живыхъ быть не чаемъ...

Царевичъ перекрестился:

— Воля Господня.

— Видѣхъ человѣка, яко кедры Ливанскіе,—заговорилъ Ѳедосъ нараспѣвъ, по церковному,—мимо идохъ—и се не бѣ. Изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою; въ той же день погибнутъ вся помышленія его...

Но вдругъ оборвалъ, приблизилъ крошечное сморщенное личико свое къ самому лицу Алексѣя и зашепталъ быстрымъ-быстрымъ, вкрадчивымъ шопотомъ:

— Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ. Болѣзнь государю пришла смертельная отъ безмѣрнаго пьянства, женонеистовства и отъ Божіяго отмщенія за посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребить. Доколѣ тиранство будетъ надъ церковью, дотолѣ добра ждать

нечего. Какое тутъ христіанство! Нешто турецкая хочетъ быть вѣра, но и въ туркахъ того не дѣлается. Пропащее наше государство!..

Царевичъ слушалъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Всего ожидалъ онъ отъ Ѳедоскиной наглости, только не этого.

— Да вы-то сами, архіереи, церкви Россійской правители, чего смотрите? Кому бы и стоять за церковь, какъ не вамъ?—произнесъ онъ, глядя въ упоръ на Ѳедоску.

— И, полно, царевичъ! Какіе мы правители? Архіереи наши такъ взнузданы, что куда хошь поведи. Что земскіе ярыжки, наставлены. Отъ кого чаютъ, того и величаютъ. И такъ, и сякъ готовы въ одинъ часъ перевернуться. Не архіереи, а шушера...

И, опустивъ голову, прибавилъ онъ тихо, какъ будто про себя — Алексѣю послышался голосъ вѣковъ въ этомъ тихомъ словѣ монаха:

— Были мы орлы, а стали ночные нетопыри!

Въ черномъ клобукѣ, съ черными крыльями рясы, съ безобразнымъ востренькимъ личикомъ, озаренный снизу краснымъ отсвѣтомъ потухающихъ углей, онъ, въ самомъ дѣлѣ, походилъ на огромнаго нетопыря. Только въ умныхъ глазахъ тускло тлѣлъ огонь, достойный орлинаго взора.

— Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать, ваше преподобіе! — не выдержавъ, наконецъ, воскликнулъ царевичъ.—Кто церковь царству покорилъ? Кто люторскіе обычаи въ народъ вводить, часовни ломать, иконы ругать, монашескій чинъ разорять царю приговаривалъ? Кто ему разрѣшаетъ на вся?..

Вдругъ остановился. Монахъ глядѣлъ на царевича такимъ пристальнымъ, пронзающимъ взоромъ, что ему стало жутко. Ужъ не хитрость ли, не ловушка ли все это? Не подосланъ ли къ нему Ѳедосъ шпіономъ отъ Меньшикова, или отъ самого батюшки?

— А знаешь ли, ваше высочество, — началъ Ѳедоска, прищуривъ одинъ глазъ съ безконечно лукавой усмѣшкой,—знаешь ли фигуру, въ логикѣ именуемую reductio ad

absurdum, сведеніе къ нелѣпому? Вотъ это самое я и дѣлаю. Царь на церковь наступилъ, да явно бороть не смѣетъ, исподтишка разоряетъ, гноитъ, да гноши́тъ. А по мнѣ, ломать—такъ ломай! Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Лучше прямое лютерство, нежели кривое православіе; лучше прямое атейство, нежели кривое лютерство. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! Къ тому и веду. Что̀ царь начинаетъ, то я кончаю; что̀ на ухо шепчетъ, то я во весь народъ кричу. Имъ же самимъ его обличаю: пусть вѣдаютъ всѣ, какъ церковь Божія поругана. Слюбится — стерпится, а не слюбится — дождемся поры, такъ и мы изъ норы. Отольются кошкѣ мышкины слезки!..

— Ловко! — разсмѣялся царевичъ, почти любуясь Ѳедоскою и не вѣря ни одному его слову. — Ну и хитеръ же ты, отче, хитеръ какъ бѣсъ...

— А ты, государь, не гнушайся и бѣсами. Нехотя чортъ Богу служитъ...

— Съ чортомъ, ваше преподобіе, себя равняешь?

— Политикъ я,—скромно возразилъ монахъ.—Съ волками жить, по волчьи выть. Диссумуляцію не только учителя политичные въ первыхъ царствованія полагаютъ регулахъ, но и самъ Богъ политикѣ насъ учитъ: яко рыбарь облагаетъ удильный крюкъ червемъ, такъ обложилъ Господь Духъ Свой Плотью Сына и впустилъ уду въ пучину міра и прехитрилъ, и уловилъ врага-діавола. Богопремудрое коварство! Небесная политика!

— А что, отче святый, въ Бога ты вѣруешь? — опять посмотрѣлъ на него царевичъ въ упоръ.

— Какая же, государь, политика безъ церкви, а церковь безъ Бога? *Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога...*

И странно, не то дерзко, не то робко, хихикнувъ, прибавилъ:

— А вѣдь и ты уменъ, Алексѣй Петровичъ! Умнѣе батюшки. Батюшка, хотя и уменъ, да людей не знаетъ—мы его, бывало, частехонько за носъ поваживаемъ. А ты умныхъ людей знать будешь лучше... Миленькій!..

И вдругъ, наклонившись, поцѣловалъ руку царевича такъ быстро и ловко, что тотъ не успѣлъ ее отдернуть, только весь вздрогнулъ.

Но, хотя онъ и чувствовалъ, что лесть монаха—медъ на ножѣ, все же сладокъ былъ этотъ медъ. Онъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть смущеніе, заговорилъ съ притворною суровостью:

— Смотри-ка ты, братъ Ѳедосъ, не сплошай! Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Ты-де царя батюшку, словно кошка медвѣдя, задираешь лапою, а какъ медвѣдь тотъ, обратясь, да давнетъ тебя — и духъ твой не попахнетъ!..

Личико Ѳедоски болѣзненно сморщилось, глаза расширились, и, оглядываясь, точно кто-то стоялъ у него за спиною, зашепталъ онъ, какъ давеча, быстрымъ, безсвязнымъ, словно горячечнымъ, шопотомъ:

— Охъ, миленькій, охъ, страшно, и то! Всегда я думалъ, что мнѣ отъ *его* руки смерть будетъ. Какъ еще въ младыхъ лѣтахъ пріѣхалъ на Москву съ прочею шляхтою, и приведены въ палату и пожалованы къ ручкѣ, кланялся я дядѣ твоему, царю Іоанну Алексѣевичу; а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича—такой на меня страхъ напалъ, такой страхъ, что колѣна потряслися, едва стою, и отъ сего времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ той же руки смерть будетъ!..

Онъ и теперь весь дрожалъ отъ страха. Но ненависть была сильнѣе страха. Онъ заговорилъ о Петрѣ такъ, что Алексѣю почудилось, будто Ѳедоска не лжетъ, или не совсѣмъ лжетъ. Въ мысляхъ его узнавалъ онъ свои собственныя самыя тайныя, злыя мысли объ отцѣ:

— Великій, говорятъ, великій государь! А въ чемъ его величество? Тиранскимъ обычаемъ царствуетъ. Топоромъ да кнутомъ просвѣщаетъ. На кнутѣ далеко не уѣдешь. И топоръ — инструментъ желѣзный — не велика диковника: дать двѣ гривны! Все-то заговоровъ, бунтовъ ищетъ. А того не видитъ, что весь бунтъ отъ него. Самъ онъ пер-

вый бунтовщикъ и есть. Ломаетъ, валитъ, рубитъ съ плеча, а все безъ толку. Сколько людей переказнено, сколько крови пролито! А воровство не убываетъ. Совѣсть въ людяхъ незавязанная. И кровь не вода—вопіетъ о мщеніи. Скоро, скоро снидетъ гнѣвъ Божій на Россію, и какъ станетъ междоусобіе, тутъ-то и увидятъ всѣ, отъ первыхъ до послѣднихъ: такая раскачка пойдетъ, такое главъ посѣченіе, что только—швыкъ — швыкъ — швыкъ...

Онъ проводилъ рукою по горлу и „швыкалъ", подражая звуку топора.

— И тогда-то, изъ великихъ кровей тѣхъ, выйдетъ церковь Божія, омытая, паче снѣга убѣленная, яко Жена, солнцемъ одѣянная, надъ всѣми царящая...

Алексѣй глядѣлъ на лицо его, искаженное яростью, на глаза, горѣвшіе дикимъ огнемъ—и ему казалось, что передъ нимъ сумасшедшій. Онъ вспомнилъ разсказъ одного изъ клейниковъ Лаврскихъ: „бываетъ надъ нимъ, отцомъ Ѳеодосіемъ, меленколія, и мучимъ бѣсомъ, падаетъ на землю, и что́ дѣлаетъ, самъ не помнитъ".

— Сего я чаялъ, къ сему и велъ,—заключилъ монахъ.—Да сжалился, видно, Богъ надъ Россіей: царя казнилъ, народъ помиловалъ. Тебя намъ послалъ, тебя, избавитель ты нашъ, радость наша, дитятко свѣтлое, церковное, благочестивый государь Алексѣй Петровичъ, самодержецъ всероссійскій, ваше величество!..

Царевичъ вскочилъ въ ужасѣ. Ѳедоска тоже всталъ, повалился ему въ ноги, обнялъ ихъ и возопилъ съ неистовою и непреклонною, точно грозящею, мольбою:

— Призри, помилуй раба твоего! Все, все, все тебѣ отдамъ! Отцу твоему не давалъ, самъ хотѣлъ для себя, самъ думалъ патріархомъ быть; а теперь не хочу, не надо мнѣ, не надо ничего!.. Все—тебѣ, миленькій, радость моя, другъ сердечный, свѣтъ-Алешенька! Полюбилъ я тебя!.. Будешь царемъ и патріархомъ вмѣстѣ! Соединишь земное и небесное, вѣнецъ Константиновъ, Бѣлый Клобукъ съ вѣнцомъ Мономаховымъ! Будешь больше всѣхъ царей на землѣ! Ты—первый, ты—

одинъ! Ты, да Богъ!.. А я—рабъ твой, песъ твой, червь у ногъ твоихъ, Өедоска ми́зерный! Ей, ваше величество, яко самого Христа ножки твои объемля, кланяюсь!

Онъ поклонился ему до земли, и черныя крылья рясы распростерлись, какъ исполинскія крылья нетопыря, и алмазная панагія съ портретомъ царя и распятіемъ, ударившись объ полъ, звякнула. Омерзѣніе наполнило душу царевича, холодъ пробѣжалъ по тѣлу его, какъ отъ прикосновенія гадины. Онъ хотѣлъ оттолкнуть его, ударить, плюнуть въ лицо; но не могъ пошевелиться, какъ будто въ оцѣпенѣніи страшнаго сна. И ему казалось, что уже не плутъ „Өедоска ми́зерный", а кто-то сильный, грозный, царственный лежитъ у ногъ его—тотъ, кто былъ орломъ и сталъ ночнымъ нетопыремъ—не сама ли Церковь, Царству покоренная, обезчещенная? И сквозь омерзѣніе, сквозь ужасъ безумный восторгъ, упоеніе властью кружили ему голову. Словно кто-то подымалъ его на черныхъ исполинскихъ крыльяхъ въ высь, показывалъ всѣ царства міра и всю славу ихъ и говорилъ: *Все это дамъ тебѣ, если падши поклонишься мнѣ.*

Угли въ камелькѣ едва рдѣли подъ пепломъ. Синее сердце спиртового пламени едва трепетало. И синее пламя лунной вьюги померкло за окнами. Кто-то блѣдными очами заглядывалъ въ окна. И цвѣты мороза на стеклахъ бѣлѣли, какъ призраки мертвыхъ цвѣтовъ.

Когда царевичъ опомнился, никого уже не было въ комнатѣ. Өедоска исчезъ, точно сквозь землю провалился, или разсѣялся въ воздухѣ.

„Что онъ тутъ вралъ? что онъ бредилъ?—подумалъ Алексѣй, какъ будто просыпаясь отъ сна.—Бѣлый Клобукъ... Вѣнецъ Мономаховъ... Сумасшествіе, меленколія!.. И почемъ онъ знаетъ, почемъ знаетъ, что отецъ умретъ? Откуда взялъ? Сколько разъ въ живыхъ быть не чаяли, а Богъ миловалъ"...

Вдругъ вспомнилъ слова Кикина изъ давешней бесѣды:

— Отецъ твой не боленъ тяжко. Исповѣдывается и

причащается нарочно, являя людямъ, что гораздо боленъ, а все притворъ; тебя и другихъ испытываетъ, каковы-то будете, когда его не станетъ. Знаешь басню: собралися мыши кота хоронить, скачутъ, пляшутъ, а онъ какъ прыгнетъ, да цапнетъ—и пляска стала... Что же причащается, то у него законъ на свою стать, не на мышиную...

Тогда отъ этихъ словъ что-то стыдное и гадкое кольнуло царевичу сердце. Но онъ пропустилъ ихъ мимо ушей нарочно: ужъ очень ему было весело, ни о чемъ не хотѣлось думать.

„Правъ Кикинъ!—рѣшилъ онъ теперь, и словно чья-то мертвая рука сжала сердце.—Да, все—притворъ, обманъ, диссимуляція, чортова политика, игра кошки съ мышкою. Какъ прыгнетъ, да цапнетъ... Ничего нѣтъ, ничего не было. Всѣ надежды, восторги, мечты о свободѣ, о власти—только сонъ, бредъ, безуміе“...

Синее пламя въ послѣдній разъ вспыхнуло и потухло. Наступилъ мракъ. Одинъ только рдѣющій подъ пепломъ уголь выглядывалъ, точно подмигивалъ, смѣясь, какъ лукаво прищуренный глазъ. Царевичу стало страшно; почудилось, что Ѳедоска не уходилъ, что онъ все еще тутъ гдѣ-то въ углу—притаился, пришипился и вотъ-вотъ закружитъ, зашуршитъ, зашелеститъ надъ нимъ черными крыльями, какъ нетопырь, и зашепчетъ ему на ухо: *Тебѣ дамъ власть надъ всѣми царствами и славу ихъ, ибо она передана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее..*

— Аѳанасьичъ! — крикнулъ царевичъ. — Огня! Огня скорѣе!

Старикъ сердито закашлялъ и заворчалъ, слѣзая съ теплой лежанки.

„И чему обрадовался?—спросилъ себя царевичъ въ первый разъ за всѣ эти дни съ полнымъ сознаніемъ.—Неужели?..“

Аѳанасьичъ, шлепая босыми ногами, внесъ нагорѣвшую сальную свѣчку. Прямо въ глаза Алексѣю ударилъ свѣтъ, послѣ темноты, ослѣпительный, рѣжущій.

И въ душѣ его какъ будто блеснулъ свѣтъ: вдругъ увидѣлъ онъ то, чего не хотѣлъ, не смѣлъ видѣть — отъ чего ему было такъ весело—надежду, что отецъ умретъ.

III

— Помнишь, государь, какъ въ селѣ Преображенскомъ, въ спальнѣ твоей, предъ святымъ Евангеліемъ, спросилъ я тебя: будешь ли меня, отца своего духовнаго, почитать за ангела Божія и за апостола, и за судію дѣлъ своихъ, и вѣруешь ли, что и я, грѣшный, такую же имѣю власть священства, коей вязать и разрѣшать могу, какую даровалъ Христосъ апостоламъ? И ты отвѣчалъ: вѣрую.

Это говорилъ царевичу духовникъ его, протопопъ собора Спаса-на-Верху въ Кремлѣ, отецъ Яковъ Игнатьевъ, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Москвы, три недѣли спустя послѣ свиданія Алексѣя съ Ѳедосомъ.

Лѣтъ десять назадъ, о. Яковъ для царевича былъ тѣмъ же, что̀ для дѣда его, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, патріархъ Никонъ. Внукъ исполнилъ завѣтъ дѣда: „Священство имѣйте выше главы своей, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія; священство выше царства“. Среди всеобщаго поруганія и порабощенія церкви, сладко было царевичу кланяться въ ноги смиренному попу Якову. Въ лицѣ пастыря видѣлъ онъ лицо самого Господа и вѣрилъ, что Господь—Глава надъ всѣми главами, Царь надъ всѣми царями. Чѣмъ самовластнѣе былъ о. Яковъ, тѣмъ смиреннѣе царевичъ, и тѣмъ слаще ему было это смиреніе. Онъ отдавалъ отцу духовному всю ту любовь, которую не могъ отдать отцу по плоти. То была дружба ревнивая, нѣжная, страстная, какъ бы влюбленная.

„Самимъ истиннымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга, кромѣ вашей святыни,—писалъ онъ о. Якову изъ чужихъ краевъ.—Не хотѣлъ бы говорить сего, да такъ и быть, скажу: дай Боже вамъ долговременно жить; но, если бы вамъ переселеніе отъ здѣшняго вѣка къ будущему случилось, то уже мнѣ весьма въ Россійское государство не желательно возвращеніе“.

Вдругъ все измѣнилось.

У о. Якова былъ зять, подъячій Петръ Анфимовъ. По просьбѣ духовника, царевичъ принялъ къ себѣ на службу Анфимова и поручилъ ему управленіе своей Порѣцкою вотчиною въ Алаторской волости Нижегородскаго края. Подъячій разорилъ мужиковъ самоуправствомъ и едва не довелъ ихъ до бунта. Много разъ били они челомъ царевичу, жаловались на Петьку-вора. Но тотъ выходилъ сухъ изъ воды, потому что о. Яковъ покрывалъ и выгораживалъ зятя. Наконецъ, мужики догадались послать ходока въ Петербургъ къ своему земляку и старому пріятелю, царевичеву камердинеру, Ивану Аѳанасьевичу. Иванъ ѣздилъ самъ въ Порѣцкую вотчину, разслѣдовалъ дѣло и, вернувшись, донесъ о немъ такъ, что не могло быть сомнѣнія въ Петькиныхъ плутняхъ и даже злодѣйствахъ, а главное, въ томъ, что о. Яковъ зналъ о нихъ. Это былъ жестокій ударъ для Алексѣя. Не за себя и не за крестьянъ своихъ, а за церковь Божію, поруганную, казалось ему, въ лицѣ недостойнаго пастыря, возсталъ царевичъ. Долго не хотѣлъ видѣть о. Якова, скрывалъ свою обиду, молчалъ, но наконецъ не выдержалъ.

Подъ кличкою о. Ада, вмѣстѣ съ Жибандою, Засыпкою, Захлюсткою и прочими собутыльниками, участвовалъ протопопъ въ „кумпаніи“, „всепьянѣйшемъ соборѣ“ царевича, маломъ подобіи большого батюшкина собора. На одной изъ попоекъ Алексѣй сталъ обличать русскихъ іереевъ, называя ихъ „Іудами предателями“, „христопродавцами“.

— Когда-то возстанетъ новый Илья пророкъ, дабы

сокрушить вамъ хребетъ, жрецы Вааловы!—воскликнулъ онъ, глядя прямо въ глаза о. Якову.

— Непотребное изволишь говорить, царевичъ, — началъ было тотъ со строгостью.—Не довлѣетъ тебѣ такъ укорять и озлоблять насъ, ничтожныхъ своихъ богомольцевъ...

— Знаемъ ваши молитвы,—оборвалъ его Алексѣй,— „Господи, прости да и въ клѣть пусти, помоги нагрести, да и вынести". Хорошо сдѣлалъ батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ—пошли ему Господь здоровья—что поубавилъ вамъ пуху, длинныя бороды! Не такъ бы васъ еще надо, фарисеи, лицемѣры, порожденія ехиднины, гробы повапленные!..

Отецъ Яковъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ царевичу и спросилъ торжественно:

— Кого разумѣешь, государь? Не наше ли смиреніе?..

Въ эту минуту „велелѣпнѣйшій отецъ протопресвитеръ Верхоспасскій" похожъ былъ на патріарха Никона; но сынъ Петра уже не былъ похожъ на Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича.

— И тебя, — отвѣтилъ царевичъ, тоже вставая и попрежнему глядя въ упоръ на о. Якова, — и тебя, батька, изъ дюжины не выкинешь! И ты чорту душу продалъ, поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса. Чего гордынею дуешься? Въ патріархи, небось, захотѣлось? Такъ не та, братъ, пора. Далеко кулику до Петрова дня! Погоди, ужо низринетъ тебя Господь отъ Златой Рѣшетки, что̀ у Спаса-на-Верху, пятами вверхъ, да рожей внизъ—прямо въ грязь, въ грязь, въ грязь!..

Онъ прибавилъ непристойное ругательство. Всѣ расхохотались. У о. Якова въ глазахъ потемнѣло; онъ былъ тоже пьянъ, но не столько отъ вина, сколько отъ гнѣва.

— Молчи, Алешка!—крикнулъ онъ.—Молчи, щенокъ!..

— Коли я щенокъ, такъ ты, батька, песъ!

О. Яковъ весь побагровѣлъ, затрясся, поднялъ обѣ руки надъ головой царевича и тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ нѣкогда, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, будучи про-

тодіакономъ, возглашалъ съ амвона анаѳему еретикамъ и отступникамъ,—крикнулъ:

— Прокляну! Прокляну! Властью, данною намъ отъ самого Господа черезъ Петра Апостола...

— Чего, попъ, глотку дерешь?—возразилъ церевичъ со злобною усмѣшкою.—Не Петра Апостола, а Петра Анфимова, подьячаго, вора, зятюшку своего родного помилуй! Онъ въ тебѣ и сидитъ, онъ изъ тебя и вопитъ—Петька хамъ, Петька бѣсъ!..

О. Яковъ опустилъ руку и ударилъ Алексѣя по щекѣ— „заградилъ уста нечестивому“.

Царевичъ бросился на него, одною рукою схватилъ за бороду, другою уже искалъ ножа на столѣ. Искривленное судорогою, блѣдное, съ горящими глазами, лицо Алексѣя вдругъ стало похоже мгновеннымъ, страшнымъ и точно нездѣшнимъ, призрачнымъ сходствомъ на лицо Петра. Это былъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ ярости, которые иногда овладѣвали царевичемъ, и во время которыхъ онъ способенъ былъ на злодѣйство.

Собутыльники вскочили, кинулись къ дерущимся, схватили ихъ за руки, за ноги и, послѣ многихъ усилій, оттащили, розняли.

Ссора эта, какъ и всѣ подобныя ссоры, кончилась ничѣмъ: кто, молъ, пьянъ не живетъ; дѣло привычное, напьются—подерутся, проспятся — помирятся. И они помирились. Но прежней любви уже не было. Никонъ палъ при внукѣ, точно такъ же какъ при дѣдѣ.

О. Яковъ былъ посредникомъ между царевичемъ и цѣлымъ тайнымъ союзомъ, почти заговоромъ враговъ Петра и Петербурга, окружавшихъ „пустынницу“, опальную царицу Авдотью, заточенную въ Суздалѣ. Когда пришла вѣсть о смертельной, будто бы, болѣзни царя, о. Яковъ поспѣшилъ въ Петербургъ, по порученію изъ Суздаля, гдѣ ожидали великихъ событій со вступленіемъ Алексѣя на престолъ.

Но къ пріѣзду протопопа все измѣнилось. Царь выздо-

равливалъ, и такъ быстро, что исцѣленіе казалось чудеснымъ, или болѣзнь мнимою. Исполнилось предсказаніе Кикина: котъ Котабрысъ вскочилъ — и стала мышиная пляска, бросились всѣ вразсыпную, попрятались опять въ подполье. Петръ достигъ цѣли, узналъ, какова будетъ сила царевича, если онъ, государь, дѣйствительно умретъ.

До Алексѣя доходили слухи, что отецъ на него въ жестокомъ гнѣвѣ. Кто-то изъ шпіоновъ — не самъ ли Ѳедосъ?—шепнулъ, будто бы, отцу, что царевичъ изволилъ веселиться о смерти батюшки, лицомъ-де былъ свѣтелъ и радостенъ, точно именинникъ.

Опять вдругъ всѣ его покинули, отшатнулись отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Опять съ престола на плаху. И онъ зналъ, что теперь ему уже не будетъ пощады. Со дня на день ждалъ страшнаго свиданія съ отцомъ.

Но страхъ заглушали ненависть и возмущеніе. Гнуснымъ казался ему весь этотъ обманъ, „диссимуляція“, кошачья хитрость, кощунственная игра со смертью. Припоминалась и другая „диссимуляція“ батюшки: письмо съ угрозой лишенія наслѣдства, „объяленіе сыну моему“, переданное въ самый день смерти кронпринцессы Шарлотты, 22 октября 1715 года, подписано было 11 того же октября, то-есть какъ разъ наканунѣ рожденія у царевича сына, Петра Алексѣевича. Тогда не обратилъ онъ вниманія на эту подмѣну чиселъ. Но теперь понялъ, какая тутъ хитрость: послѣ того, какъ родился у него сынъ, нельзя было батюшкѣ не упомянуть о немъ въ Объявленіи, нельзя было грозить безусловнымъ лишеніемъ наслѣдства, когда явился новый наслѣдникъ. Подлогомъ чиселъ данъ видъ законный беззаконію.

Царевичъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой, когда вспомнилъ, какъ батюшка любилъ казаться человѣкомъ правдивымъ.

Все простилъ бы онъ отцу—всѣ великія неправды и злодѣйства—только не эту маленькую хитрость.

Въ этихъ мысляхъ и засталъ царевича о. Яковъ.

Алексѣй обрадовался ему въ своемъ одиночествѣ, какъ и всякой живой душѣ. Но въ протопопѣ силенъ былъ духъ Никона: чувствуя, что царевичъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ помощи его, онъ рѣшилъ напомнить ему старую обиду.

— Нынѣ же, государь-царевичъ, — продолжалъ о. Яковъ, — то обѣщаніе свое, данное намъ въ Преображенскомъ, предъ святымъ Евангеліемъ, уничтожилъ ты, въ игру или глумлѣніе вмѣнилъ. Имѣешь меня не за ангела Божія и не за апостола Христова и за судію дѣлъ твоихъ, но самъ судишь насъ, уязвляешь словами ругательными. И по дѣлу зятя нашего Петра Анфимова съ мужиками Порѣцкими, плачъ многій въ домишко нашъ водворилъ, и меня, отца своего духовнаго, за бороду댈ралъ, чего милости твоей чинить не надлежало, за страхъ Бога живаго. Хотя и грѣшенъ и скверенъ есмь—но служитель пречистому Тѣлу и Крови Господней. Имѣемъ же о томъ судиться съ тобою, чадо, предъ Царемъ царствующихъ, въ день второго пришествія, гдѣ нѣтъ лицепріятія. Когда земная власть изнеможетъ, тамъ и царь какъ единъ отъ убогихъ предстанетъ...

Царевичъ поднялъ на него глаза молча, но съ такимъ выраженіемъ не скорби, не отчаянія, а безчувственной, точно мертвой, пустоты, что о. Яковъ вдругъ замолчалъ. Понялъ, что теперь сводить старые счеты не время. Онъ былъ человѣкъ добрый и Алексѣя любилъ какъ родного.

— Ну, Богъ проститъ, Богъ проститъ, — договорилъ онъ.—И ты, дружокъ, прости меня, грѣшнаго...

Потомъ прибавилъ, заглядывая въ лицо его, съ нѣжною тревогою:

— Да что ты какой скучный, Алешенька?..

Царевичъ опустилъ голову и ничего не отвѣтилъ.

— А я тебѣ гостинецъ привезъ,—усмѣхнулся съ веселымъ и таинственнымъ видомъ о. Яковъ,—письмецо отъ матушки. Ѣздилъ нынче къ *пустыннымъ*. Тамошняя радость весьма обвеселила; были паки видѣнія, гласы—скоро-де, скоро совершится...

Онъ полѣзъ въ карманъ за письмомъ.

— Не надо, — остановилъ его царевичъ, — не надо, Игнатьичъ! Лучше не показывай. Что пользы? И безъ того тяжко. Еще пронесутъ — отецъ узнаетъ. Смотрѣльщиковъ за нами много. Не ѣзди ты къ пустыннымъ и писемъ ко мнѣ впредь не вози. Не надо...

О. Яковъ посмотрѣлъ на него опять долго и пристально. „Вотъ до чего довели,—подумалъ,—сынъ отъ матери, кровь отъ крови отрекается!“

— Аль плохо у батюшки?—спросилъ онъ шопотомъ.

Алексѣй махнулъ рукою и еще ниже опустилъ голову.

О. Яковъ понялъ все. Слезы навернулись на глазахъ старика. Онъ склонился къ царевичу и положулъ одну руку на руку его, другою началъ ему гладить волосы, съ тихою ласкою, какъ больному ребенку, приговаривая:

— Чтó ты, свѣтикъ мой? Что ты, родненькій? Господь съ тобою! Коли есть на сердцѣ чтó, скажи, не таись—легче будетъ, вмѣстѣ разсудимъ. Я вѣдь батька твой. Хоть и грѣшенъ, а можетъ, умудритъ Господь...

Царевичъ все еще молчалъ, отвертывался. Но вдругъ лицо его сморщилось, губы задрожали. Съ глухимъ, безслезнымъ рыданіемъ упалъ онъ къ ногамъ отца Якова:

— Тяжко мнѣ, батюшка, тяжко!.. Не знаю, что и дѣлать... Силъ больше нѣтъ... Я, вѣдь, отцу моему...

И не кончилъ, какъ будто самъ испугался того, что хотѣлъ сказать.

— Пойдемъ въ крестовую! Пойдемъ скорѣе! Тамъ все скажу. Исповѣдаться хочу. Разсуди меня, отче, съ отцомъ передъ Господомъ!..

Въ крестовой, маленькой комнаткѣ рядомъ со спальней, стѣны уставлены были сплошь старинными иконами въ золотыхъ и серебряныхъ, усыпанныхъ дорогими камнями, окладахъ—наслѣдіемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни одинъ лучъ дневного свѣта не проникалъ сюда; въ вѣчномъ сумракѣ теплились неугасимыя лампады.

Царевичъ сталъ на колѣни передъ аналоемъ, на кото-

ромъ лежало Евангеліе. О. Яковъ, облаченный въ ризы, торжественный, какъ будто весь преобразившійся — лицо у него было вблизи самое простое, мужицкое, нѣсколько отяжелѣвшее, обрюзгшее отъ старости, но издали все еще благообразное, напоминавшее ликъ Христа на древнихъ иконахъ—держалъ крестъ и говорилъ:

— „Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое; не усрамися, ниже убойся и да не скроеши что̀ отъ мене, но не обинуяся рцы вся, елика содѣлалъ еси, да пріемлеши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа".

И по мѣрѣ того, какъ, называя грѣхи, одинъ за другимъ, по чину исповѣди, духовный отецъ спрашивалъ, и кающійся отвѣчалъ,—ему становилось все легче и легче, словно, кто-то сильный снималъ съ души его бремя за бременемъ, кто-то легкій легкими перстами прикасался къ язвамъ совѣсти — и онѣ исцѣлялись. Сладко ему было и страшно; сердце горѣло, какъ будто не о. Яковъ стоялъ передъ нимъ, а самъ Христосъ.

— „Рцы ми, чадо, не убилъ ли еси человѣка волею или неволею?"

Это былъ тотъ вопросъ, котораго ждалъ и боялся царевичъ.

— Грѣшенъ, отче,—пролепеталъ онъ чуть слышно,— не дѣломъ, не словомъ, но помышленіемъ. Я отцу моему...

И опять, какъ давеча, остановился, словно самъ испугавшись того, что̀ хотѣлъ сказать. Но всевидящій взоръ, проникалъ въ самую тайную глубину его сердца. Отъ этого взора нельзя было скрыть ничего.

Съ усиліемъ, дрожа и блѣднѣя, обливаясь холоднымъ потомъ, онъ кончилъ:

— Когда батюшка былъ боленъ, я ему смерти желалъ.

И весь сжался, съежился, опустилъ голову, закрылъ глаза, чтобы не видѣть Того, Кто стоялъ передъ нимъ, замеръ отъ ужаса, какъ будто ждалъ, что раздастся слово, подобное грому небесному—послѣднее осужденіе или оправданіе, какъ на Страшномъ судѣ.

И вдругъ знакомый, обыкновенный, человѣческій голосъ о. Якова произнесъ:

— Богъ тебя проститъ, чадо. Мы и всѣ ему желаемъ смерти.

Царевичъ поднялъ голову, открылъ глаза и увидѣлъ тоже знакомое, обыкновенное, человѣческое, совсѣмъ не страшное лицо—тонкія морщинки около добрыхъ и немного хитрыхъ карихъ глазъ, бородавку съ тремя волосками на круглой пухлой щекѣ, рыжеватую съ просѣдью бороду—ту самую, за которую нѣкогда онъ таскалъ батьку, пьяный, во время драки. Попъ какъ попъ—ничего и никого не было за нимъ. Но если бы, въ самомъ дѣлѣ, разразился надъ царевичемъ громъ, онъ бы, кажется, былъ меньше пораженъ, чѣмъ этими простыми словами: „Богъ тебя проститъ. Мы и всѣ ему желаемъ смерти".

А священникъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашивать по чину Требника:

— „Рцы, ми, чадо: не ялъ ли еси мертвечины, или крове, или удавленное, или волкохищное, или птицею пораженное? Не осквернился ли еси отъ иного чесоже, яже заповѣдана суть въ священныхъ правилахъ? Или во святую четыредесятницу, или въ среду, или въ пятокъ—отъ масла или сыра?"

— Отче!—воскликнулъ царевичъ.—Великъ мой грѣхъ, видитъ Богъ, великъ...

— Оскоромился?—спросилъ о. Яковъ съ тревогою.

— Не о томъ я, отче! Я о государѣ батюшкѣ. Какъ же такъ? Вѣдь родной я ему, родной сынъ, кровь отъ крови. Смерти сынъ отцу пожелалъ. А кто кому смерти желаетъ, тотъ того убійца. Мысленный есмь отцеубійца. Страшно, Игнатьичъ, страшно. Ей, отче, яко самому Христу, тебѣ исповѣдуюсь. Разсуди, помоги, помилуй, Господи!..

Отецъ Яковъ посмотрѣлъ на него сначала съ удивленіемъ, потомъ съ гнѣвомъ.

— Что на отца по плоти возсталъ—каешься, а что на отца по духу—о томъ и не вспомнишь? Колико же духъ паче плоти, толико отецъ духовный паче отца плотского...

И опять заговорилъ длинно, книжно, пусто, все объ одномъ и томъ же: „священство имѣйти выше главы своей“.

— Ты же, чадо, освоеволился. Яко изступленный, или яко блекотливый козелъ, вопилъ на меня. Да не вмѣнитъ тебѣ сего Господь, ибо не отъ тебя сіе, но діаволъ пакоствуетъ мнѣ черезъ тебя—взнуздалъ тебя, яко худую клячу, и ѣздитъ на тебѣ, величаяся, какъ на свиніѣ, по видѣнію святыхъ отецъ, куда хочетъ, пока въ совершенную погибель не вринетъ...

И слово за слово, свелъ таки рѣчь на дѣло о мужикахъ порѣцкихъ и о зятѣ своемъ, Петрѣ Анфимовѣ.

Что-то сѣрое-сѣрое, сонное, липкое, какъ паутина, застилало глаза царевичу—и расплывалось, двоилось, какъ въ туманѣ, лицо того, кто стоялъ передъ нимъ, какъ будто выступало изъ-за этого лица другое, тоже знакомое—съ краснымъ востренькимъ носикомъ, вѣчно нюхающимъ воздухъ, съ подслѣповатыми, слезящимися хитрыми, хищными глазками—лицо Петьки подъячаго; какъ-будто въ лицѣ „его превосходительства, велелѣпнѣйшаго отца протопресвитера Верхо-Спасскаго“, благообразномъ, напоминавшемъ ликъ Христа на древнихъ иконахъ, соединялась, смѣшивалась въ страшномъ и кощунственномъ смѣшеніи съ ликомъ Господнимъ гнусная рожица Петьки-вора, Петьки-хама.

— „Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами Своего человѣколюбія, да проститъ ти, чадо Алексіе, вся согрѣшенія твоя,—произнесъ о. Яковъ, покрывая голову царевичу эпитрахилью,—и азъ, недостойный іерей, властію Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“.

Пустота была въ сердцѣ Алексѣя, и слова эти звучали для него—пустыя, безъ власти, безъ тайны, безъ ужаса. Онъ чувствовалъ, что прощалось здѣсь, но не простилось тамъ; разрѣшалось на землѣ, но не разрѣшилось на небѣ.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ пошелъ о. Яковъ париться въ баню. Вернувшись, сѣлъ у камелька противъ

царевича пить горячій сбитень, дымившійся въ котлѣ изъ яркой красной мѣди, въ которой отражалось красное какъ мѣдь лицо протопопа. Пилъ, не торопясь, кружку за кружкой и вытиралъ потъ большимъ клѣтчатымъ платкомъ. Онъ и въ банѣ парился, и сбитень пилъ, точно обрядъ совершалъ. Въ томъ, какъ прихлебывалъ и причмокивалъ, и закусывалъ хрустящимъ сдобнымъ бубликомъ, была такая же благолѣпная чинность и важность, какъ въ церковнослуженіи; виденъ былъ хранитель дѣдовскихъ обычаевъ, слышенъ завѣтъ всей старины православной: буди неподвиженъ, яко мраморный столпъ, не склоняйся ни на шуюю, ни на десно.

Царевичъ слушалъ разсужденія о томъ, какими вѣниками мягче париться; отъ какой травы, мяты или калуфера бываетъ слаще въ банѣ духъ; и повѣствованіе, какъ матушка-протопопица на Николу Зимняго едва до смерти не запарилась. А также, къ слову—поученія и назиданія отъ святыхъ отцовъ: „червь смирѣнъ зѣло, и худъ, ты же славенъ и гордъ; но аще разуменъ еси, то самъ уничижи гордость свою, помышляя, яко крѣпость и сила твоя снѣдь червямъ будетъ. Высокоумія хранися, гнѣводержанія удаляйся ...“

И опять, опять—о дѣлѣ мужиковъ порѣцкихъ, о неизбѣжномъ Петькѣ Анфимовѣ.

Царевичу хотѣлось спать, и порой казалось ему, что это не человѣкъ передъ нимъ говоритъ, а волъ жуетъ и отрыгаетъ, и снова жуетъ безконечную сонную жвачку.

Надвигались унылые сумерки. На дворѣ была оттепель съ желтымъ, грязнымъ туманомъ. На окнахъ блѣдные цвѣты мороза таяли, плакали. И въ окна глядѣло небо, грязное, подслѣповатое, слезящееся, какъ хитрые, подлые глазки Петьки подьячаго.

О. Яковъ сидѣлъ противъ царевича на томъ же мѣстѣ, гдѣ три недѣли назадъ сидѣлъ архимандритъ Ѳедосъ. И Алексѣй невольно сравнивалъ обоихъ пастырей церкви старой и новой.

„Не архіереи, а шушера! Были мы орлы, а стали ноч-

ные нетопыри", говорилъ попъ Ѳедосъ. „Были мы орлы, а стали волы подъяремные", могъ бы сказать попъ Яковъ.

За Ѳедоской былъ вѣчный Политикъ, древній князь міра сего; и за о. Яковомъ былъ тотъ же Политикъ, новый князь міра сего—Петька-хамъ. Одинъ стоилъ другого; древнее стоило новаго. И неужели за этими двумя лицами, прошлымъ и будущимъ—единое третье—лицо всей Церкви?

Онъ смотрѣлъ то на грязное небо, то на красное лицо протопопа. И здѣсь, и тамъ было что-то плоское-плоское, пошлое, вѣчное въ пошлости, то, что всегда есть и что все-таки призрачнѣе самаго дикаго бреда. И пустота была въ сердцѣ его и скука, страшная какъ смерть.

И опять, какъ тогда, зазвенѣлъ колокольчикъ, сперва глухо, вдали, потомъ все громче, ближе.

Царевичъ прислушался и вдругъ весь насторожился.

— Ѣдетъ кто-то,—сказалъ о. Яковъ.—Не сюда ли?

Послышалось шлепанье лошадиныхъ копытъ въ лужахъ талаго снѣга, визгъ полозьевъ по голымъ камнямъ, голоса на крыльцѣ, шаги въ передней. Дверь открылась и вошелъ великанъ съ красивымъ глупымъ лицомъ, странною смѣсью римскаго легіонера съ русскимъ Иванушкой-дурачкомъ. То былъ деньщикъ царя, Преображенской гвардіи капитанъ, Александръ Ивановичъ Румянцевъ.

Онъ подалъ письмо царевичу. Тотъ распечаталъ и прочелъ:

„Сынъ. Изволь быть къ намъ завтра на Зимній дворъ.—Петръ".

Алексѣй не испугался, не удивился; какъ будто заранѣе зналъ объ этомъ свиданіи—и ему было все равно.

Въ ту ночь приснился царевичу сонъ, который часто снился ему, всегда одинаковый.

Сонъ этотъ связанъ былъ съ разсказомъ, который слышалъ онъ въ дѣтствѣ.

Во время стрѣлецкаго розыска, царь Петръ велѣлъ вырыть погребенное въ трапезѣ церкви Николы-на-Столпахъ и пролежавшее семнадцать лѣтъ въ могилѣ тѣло врага своего, друга Софьи, главнаго мятежника, боярина Ивана Милославскаго; открытый гробъ везти на свиньяхъ въ Преображенское и тамъ, въ застѣнкѣ, поставить подъ плахою, гдѣ рубили головы измѣнникамъ, такъ чтобы кровь лилась въ гробъ на покойника; потомъ разрубить трупъ на части и зарыть ихъ тутъ же, въ застѣнкѣ, подъ дыбами и плахами—„дабы, гласилъ указъ, оныя скаредныя части вора Милославскаго умножаемою воровскою кровью обливались вѣчно, по слову Псаломскому: *Мужа кровей и льсти гнушается Господь*".

Въ этомъ снѣ своемъ Алексѣй сначала какъ будто ничего не видѣлъ, только слышалъ тихую-тихую, страшную пѣсенку изъ сказки о сестрицѣ Аленушкѣ и братцѣ Иванушкѣ, которую часто въ дѣтствѣ ему сказывала бабушка, старая царица Наталья Кириловна Нарышкина, мать Петра. Братецъ Иванушка, превращенный въ козлика, зоветъ сестрицу Аленушку; но во снѣ, вмѣсто „Аленушка", звучало „Алешенька"—грознымъ и вѣщимъ казалось это созвучье именъ.

Алешенька, Алешенька!
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

Потомъ видѣлъ онъ глухую пустынную улицу, рыхлый талый снѣгъ, рядъ черныхъ бревенчатыхъ срубовъ, свинцовыя маковки старенькой церкви Николы-на-Столпахъ. Раннее, темное, какъ будто вечернее, утро. На краю неба огромная „звѣзда съ хвостомъ", комета, красная какъ кровь. Чудскія свиньи, жирныя, голыя, черныя, съ розовыми пятнами, тащатъ шутовскія сани. На саняхъ открытый гробъ. Въ гробу что-то черное, склизкое, какъ прѣлые листья въ

гниломъ дуплѣ. Въ лучѣ кометы блѣдныя маковки отливаютъ кровью. Подъ санями тонкій ледъ весеннихъ лужъ хруститъ, и черная грязь брызжетъ, какъ кровь. Такая тишина—какъ предъ кончиной міра, передъ трубой архангела. Только свиньи хрюкаютъ. И чей-то голосъ, похожій на голосъ сѣденькаго старичка въ зеленой полинялой ряскѣ, св. Дмитрія Ростовскаго, котораго видѣлъ Алеша въ дѣтствѣ, шепчетъ ему на ухо: *Мужа кровей и льсти гнушается Господь.* И царевичъ знаетъ, что мужъ кровей—самъ Петръ.

Онъ проснулся, какъ всегда отъ этого сна, въ ужасѣ. Въ окно глядѣло раннее, темное, словно вечернее, утро. Была такая тишина—какъ передъ кончиною міра.

Вдругъ послышался стукъ въ дверь и заспанный, сердитый голосъ Аѳанасьича:

— Вставай, вставай, царевичъ! Къ отцу пора!

Алексѣй хотѣлъ крикнуть, вскочить и не могъ. Всѣ члены точно отнялись. Онъ чувствовалъ тѣло свое на себѣ какъ чужое. Лежалъ, какъ мертвый, и ему казалось, что сонъ продолжается, что онъ во снѣ проснулся. И въ то же время слышалъ стукъ въ дверь и голосъ Аѳанасьича:

— Пора, пора къ отцу!

А голосъ бабушки, дряхлый, дребезжащій, какъ блѣянье козлика, пѣлъ надъ нимъ тихую-тихую, страшную пѣсенку:

Алешенька, Алешенька!
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

IV

Петръ говорилъ Алексѣю:

— Когда война со Шведомъ началась, о, коль великое гоненіе, ради нашего неискусства, претерпѣли; съ какою горестью и терпѣніемъ сію школу прошли, доколѣ сподобились видѣть, что оный непріятель, отъ коего трепетали, едва не вяще отъ насъ нынѣ трепещетъ! Что̀ все моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ трудами достижено. И доселѣ вкушаемъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему, Адаму. Сколько могли, потрудились, яко Ной, надъ ковчегомъ Россіи, имѣя всегда одно въ помышленіи: на весь свѣтъ славна бы Русь была. Когда же сію радость, Богомъ данную отечеству нашему, разсмотрѣвъ, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребна...

Подымаясь по лѣстницѣ Зимняго дворца и проходя мимо гренадера, стоявшаго на часахъ у двери въ конторку—рабочую комнату царя, Алексѣй испытывалъ, какъ всегда передъ свиданіями съ отцомъ, безсмысленный животный страхъ. Въ глазахъ темнѣло, зубы стучали, ноги подкашивались; онъ боялся, что упадетъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ отецъ говорилъ спокойнымъ ровнымъ голосомъ длинную, видимо, заранѣе обдуманную и, какъ-будто наизусть заученную, рѣчь, Алексѣй успокаивался. Все застывало, каменѣло въ немъ — и опять было ему все равно—точно не о немъ и не съ нимъ говорилъ отецъ.

Царевичъ стоялъ, какъ солдатъ, на вытяжку, руки по швамъ, слушалъ и не слышалъ, украдкою оглядывая комнату, съ разсѣяннымъ и равнодушнымъ любопытствомъ.

Токарные станки, плотничьи инструменты, астролябіи, ватерпасы, компасы, глобусы и другіе математическіе, артиллерійскіе, фортификаціонные приборы загромождали тѣсную конторку, придавая ей сходство съ каютою. По стѣнамъ, обитымъ темнымъ дубомъ, висѣли морскіе виды любимаго Петромъ, голландскаго мастера Адама Сило, „полезные для познанія корабельнаго искусства“. Все—предметы съ дѣтства знакомые царевичу, рождавшіе въ немъ цѣлые рои воспоминаній: на газетномъ листкѣ, голландскихъ курантахъ — большіе круглые желѣзные очки, обмотанные синей шелковинкой, чтобы не терли переносицы; рядомъ — ночной колпакъ изъ бѣлаго дорожчатаго канифаса съ шелковой зеленой кисточкой, которую Алеша, играя, однажды оборвалъ нечаянно, но отецъ тогда не разсердился, а бросивъ писать указъ, тутъ же пришилъ ее собственноручно.

За столомъ, заваленнымъ бумагами, Петръ сидѣлъ въ старыхъ кожаныхъ креслахъ съ высокою спинкою, у жарко натопленной печи. На немъ былъ голубой, полинялый и заношенный халатъ, который царевичъ помнилъ еще до Полтавскаго сраженія, съ тою же заплатою болѣе яркаго цвѣта на мѣстѣ, прожженномъ трубкою; шерстяная красная фуфайка съ бѣлыми костяными пуговицами; отъ одной изъ нихъ, сломанной, оставалась только половинка; онъ узналъ ее и сосчиталъ, какъ почему-то всегда это дѣлалъ, во время длинныхъ укоризненныхъ рѣчей отца—она была шестая снизу; исподнее платье изъ грубаго синяго стамеда; сѣрые гарусные штопанные чулки, старыя, стоптанныя туфли. Царевичъ разсматривалъ всѣ эти мелочи, такія привычныя, родныя, чуждыя. Только лица батюшки почти не видѣлъ. Изъ окна, за которымъ бѣлѣла снѣжная скатерть Невы, косой лучъ желтаго зимняго солнца падалъ между ними, тонкій, длинный и острый, какъ мечъ. Онъ раздѣлялъ ихъ и заслонялъ другъ отъ друга. Въ солнечномъ четырехугольникѣ оконной рамы на полу, у самыхъ ногъ царя, спала свернувшись въ клубочекъ, его любимица, рыжая сучка Лизетта.

И ровнымъ, однозвучнымъ, немного сиповатымъ отъ кашля голосомъ царь говорилъ, точно писанный указъ читалъ:

— Богъ не есть виновенъ въ твоемъ непотребствѣ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную отнялъ; хотя не весьма крѣпкой природы, однако, и не слабой; паче же всего, о воинскомъ дѣлѣ и слышать не хочешь, чѣмъ отъ тьмы къ свѣту мы вышли, и за что насъ, которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законной причины, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабдѣвать и учить; ибо сіе есть единое изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Отъ презрѣнія къ войнѣ общая гибель слѣдовать будетъ, какъ то̀ въ паденіи Греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ нескончаемое рабство тиранамъ отдалъ? Если же кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то̀ генералы по повелѣнію управлять, то сіе воистину не есть резонъ, ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать: до чего охотникъ начальствующій, до того и всѣ; а отъ чего отвращается, о томъ не радятъ и прочіе. Къ тому же не имѣя охоты, ни въ чемъ не обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. А не зная, какъ повелѣвать оными можешь и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не разумѣя силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ. Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король Французскій, Людвигъ, который немного на войнѣ самъ былъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ, что его войну теа-

тромъ и школою свѣта называли,—и не только къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ! Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая. Ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу...

Раздѣлявшій ихъ солнечный лучъ отодвинулся, и Алексѣй взглянулъ на лицо Петра. Оно такъ измѣнилось, какъ будто не мѣсяцъ, а годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ отца въ послѣдній разъ; тогда Петръ былъ въ цвѣтѣ силъ и мужества, теперь—почти старикъ. И царевичъ понялъ, что болѣзнь отца была непритворною, что, можетъ быть, дѣйствительно онъ ближе былъ смерти, чѣмъ думалъ самъ, чѣмъ думали всѣ. Въ оголенномъ черепѣ,—волосы спереди вылѣзли—въ мѣшкахъ подъ глазами, въ выступавшей впередъ нижней челюсти, во всемъ блѣдно-желтомъ, одутловатомъ, точно налитомъ и опухшемъ, лицѣ было что-то тяжкое, грузное, застывшее, какъ въ маскѣ, снятой съ мертваго. Только въ слишкомъ яркомъ, словно воспаленномъ, блескѣ огромныхъ расширенныхъ, какъ у пойманной хищной птицы, выпуклыхъ, словно выпученныхъ, глазъ было прежнее, юное, но теперь уже безконечно усталое, слабое, почти жалкое.

И Алексѣй понялъ также, что хотя много думалъ о смерти отца и ждалъ, и желалъ этой смерти, но никогда не понималъ ея, какъ будто не вѣрилъ, что отецъ дѣйствительно умретъ. Только теперь въ первый разъ вдругъ повѣрилъ. И недоумѣніе было въ этомъ чувствѣ и новый, никогда не испытанный страхъ, уже не за себя, а за него: чѣмъ должна быть для такого человѣкъ смерть? какъ онъ будетъ умирать?

— Ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу,—продолжалъ Петръ,—то кому сіе начатое съ помощью Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое взращенное оставлю? Тому, кто уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю, сирѣчь, все, что Богъ далъ, бросилъ! Еще же и сіе вспомяну, какаго злого нрава и

упрямаго ты исполненъ. Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ; къ тому же сколько лѣтъ, почитай, не говорю съ тобою. Но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ; все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома въ прохладу жить и всегда веселиться, хоть отъ другой половины и все противно идетъ! Ибо съ единой стороны имѣешь царскую кровь высокаго рода, съ другой же—мерзкія разсужденія, какъ бы наинизшій изъ низкихъ холоповъ, всегда обращаясь съ людьми непотребными, отъ коихъ ничему научиться не могъ, опричь злыхъ и пакостныхъ дѣлъ. И чѣмъ воздаешь за рожденіе отцу своему? Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печаляхъ и трудахъ, достигши столь совершеннаго возраста? Ей, николи! Что̀ всѣмъ извѣстно есть. Но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья, дѣлаю и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь! Что все размышляя съ горестью и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ объявить и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Если же нѣтъ, то извѣстенъ будь...

На этомъ словѣ закашлялся онъ долгимъ, мучительнымъ кашлемъ, который остался послѣ болѣзни. Лицо побагровѣло, глаза вытаращились, потъ выступилъ на лбу, жилы вздулись. Онъ задыхался и отъ яростныхъ тщетныхъ усилій отхаркнуть еще больше давился, какъ неумѣющія кашлять маленькія дѣти. Въ этомъ дѣтскомъ, старческомъ было смѣшное и страшное.

Лизетта проснулась, подняла мордочку и уставилась на господина умнымъ, какъ будто жалѣющимъ, взоромъ. Царевичъ тоже взглянулъ на отца—и вдругъ что-то острое-острое пронзило ему сердце, точно ужалило: „И песъ жалѣетъ, а я“...

Петръ наконецъ отхаркнулъ, выплюнулъ, выругался своимъ обычнымъ, непристойнымъ ругательствомъ и, вытирая платкомъ потъ и слезы съ лица, тотчасъ же продолжалъ

съ того мѣста, гдѣ остановился, хотя еще болѣе хриплымъ, но попрежнему безстрастнымъ, ровнымъ голосомъ, точно писанный указъ читалъ:

— Паки подтверждаю, дабы ты извѣстенъ былъ...

Платокъ нечаянно выпалъ изъ рукъ его; онъ хотѣлъ наклониться, чтобы поднять, но Алексѣй предупредилъ его, бросился, поднялъ, подалъ. И эта маленькая услуга вдругъ напомнила ему то робкое, нѣжное, почти влюбленное, что̀ онъ когда-то чувствовалъ къ отцу.

— Батюшка! — воскликнулъ онъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ, что Петръ посмотрѣлъ на него пристально и тотчасъ опустилъ глаза. — Видитъ Богъ, ничего лукаваго по совѣсти не учинилъ я предъ тобою. А лишенія наслѣдства я и самъ для слабости моей желаю, понеже что на себя брать, чего не снесть. Куда ужъ мнѣ! И развѣ я, батюшка... для тебя, для тебя... о, Господи!..

Голосъ его оборвался. Онъ отчаянно, судорожно поднялъ руки, точно хотѣлъ схватиться за голову, и замеръ такъ, со странною, растерянной усмѣшкой на губахъ, весь блѣдный, дрожащій. Онъ самъ не зналъ, что̀ это, — только чувствовалъ, какъ росло, подымалось что-то, рвалось изъ груди съ потрясающей силой. Одно слово, одинъ взоръ, одинъ знакъ отца—и сынъ упалъ бы къ ногамъ его, обнялъ бы ихъ, зарыдалъ бы такими слезами, что распалась бы, растаяла, какъ ледъ отъ солнца, страшная стѣна между ними. Все объяснилъ бы, нашелъ бы такія слова, что отецъ простилъ бы, понялъ бы, какъ онъ любилъ его всю жизнь, его одного, и теперь еще любитъ, сильнѣе, чѣмъ прежде— и ничего не нужно ему—только бы онъ позволилъ любить его, умереть за него, только бъ хоть разъ пожалѣлъ и сказалъ, какъ бывало говаривалъ въ дѣтствѣ, прижимая къ сердцу своему: „Алеша, мальчикъ мой милый!“

— Младенчество свое изволь оставить!—раздался грубый, но какъ будто нарочно грубый, а, на самомъ дѣлѣ, смущенный и старающійся скрыть смущеніе, голосъ Петра.— Не чини отговорки ничѣмъ. Покажи намъ вѣру отъ дѣлъ

своихъ, а словамъ вѣрить нечего. И въ Писаніи сказано: не можетъ древо злое плодовъ добрыхъ приносить...

Избѣгая глазъ Алексѣя, Петръ глядѣлъ въ сторону; а между тѣмъ въ лицѣ его что-то мелькало, дрожало, словно сквозь мертвую маску сквозило живое лицо, царевичу слишкомъ знакомое, милое. Но Петръ уже овладѣлъ своимъ смущеніемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо становилось все мертвеннѣй голосъ все тверже и безпощаднѣе:

— Нынѣ тунеядцы не въ высшей степени суть. Кто хлѣбъ ѣстъ, а прибытку не дѣлаетъ Богу, царю и отечеству, подобенъ есть червію, которое токмо въ тлю все претворяетъ, а пользы людямъ не чинитъ ни малой, кромѣ пакости. И Апостолъ глаголетъ: праздный да не ястъ, и проклятъ есть тунеядецъ. Ты же явился, яко бездѣльникъ...

Алексѣй почти не слышалъ словъ. Но каждый звукъ ранилъ душу его и врѣзался въ нее съ нестерпимою болью, какъ ножъ врѣзается въ живое тѣло. Это было подобно убійству. Онъ хотѣлъ закричать, остановить его, но чувствовалъ, что отецъ ничего не пойметъ, не услышитъ. Опять между ними вставала стѣна, зіяла пропасть. И отецъ уходилъ отъ него съ каждымъ словомъ все дальше и дальше, все невозвратнѣе, какъ мертвые уходятъ отъ живыхъ.

Наконецъ, и боль затихла. Все опять окаменѣло въ немъ. Опять ему было все равно. Томила лишь сонная скука отъ этого мертваго голоса, который даже не ранилъ, а пилилъ, какъ тупая пила.

Чтобы кончить, уйти поскорѣе, онъ выбралъ минуту молчанія и произнесъ давно обдуманный отвѣтъ, съ такимъ же, какъ у батюшки, мертвымъ лицомъ и такимъ же мертвымъ голосомъ:

— Милостивый государь батюшка! Иного донести не имѣю, только, буде изволишь за мою непотребность меня короны Россійской наслѣдія лишить,—буди по волѣ вашей. О чемъ я васъ, государя, всенижайше прошу, видя себя къ дѣлу о семъ неудобна и непотребна, понеже памяти весьма

лишенъ, безъ коей ничего не можно дѣлать, и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и негоденъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ надобно человѣка не столь гнилого, какъ я. Того ради, наслѣдія Россійскаго по васъ—хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ есть, которому дай Боже здравіе—не претендую и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою и, ради истиннаго свидѣтельства, написать сію клятву готовъ рукою своею. Дѣтей вручаю въ волю вашу, себѣ же прошу пропитанія до смерти.

Наступило молчаніе. Въ тишинѣ зимняго полдня слышно было лишь мѣрное, мѣдное тиканье маятника на стѣнныхъ часахъ.

— Отреченіе твое токмо протяжка времени, а не истина! — произнесъ, наконецъ, Петръ.—Ибо, когда нынѣ не боишься и не зѣло смотришь на отцово прещеніе, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Что же приносишь клятву, тому вѣрить нельзя, жестокосердія ради твоего. Къ тому жъ и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Также, хотя бъ и подлинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить длинныя бороды, попы, да старцы, которые, ради тунеядства своего, не въ авантажѣ нынѣ обрѣтаются,—къ нимъ же ты склоненъ зѣло. Того для, такъ остаться, какъ желаешь, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно. Но, или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, ибо духъ нашъ безъ сего спокоенъ быть не можетъ, а особливо нынѣ, что мало здоровъ сталъ,—или будь монахъ...

Алексѣй молчалъ, опустивъ глаза. Лицо его казалось теперь такою же мертвою маской, какъ лицо Петра. Маска противъ маски — и въ обѣихъ внезапное, странное, какъ будто призрачное, сходство — въ противоположностяхъ подобье. Какъ будто широкое, круглое, пухлое лицо Петра, отражаясь въ длинномъ и тощемъ лицѣ Алексѣя, точно въ вогнутомъ зеркалѣ, чудовищно съузилось, вытянулось.

Молчалъ и Петръ. Но въ правой щекѣ, въ углу рта и глаза, во всей правой сторонѣ лица его началось быстрое дрожаніе, подергиваніе; постепенно усиливаясь, перешло оно въ судорогу, которая сводила лицо, шею, плечо, руку и ногу. Многіе считали его одержимымъ падучею, или даже бѣсноватымъ за эти судорожныя корчи, которыя предвѣщали припадки бѣшенства. Алексѣй не могъ смотрѣть на отца въ такія минуты безъ ужаса. Но теперь онъ былъ спокоенъ, точно окруженъ невидимой, непроницаемой броней. Что еще могъ бы ему сдѣлать батюшка? Убить? Пусть. Развѣ то, что онъ уже сдѣлалъ только-что, не хуже убійства?

— Что молчишь? — крикнулъ вдругъ Петръ, ударяя кулакомъ по столу въ одномъ изъ судорожныхъ движеній, сотрясшемъ все его тѣло.—Берегись, Алешка! Думаешь, не знаю тебя? Знаю, братъ, вижу насквозь! На кровь свою возсталъ, щенокъ, отцу смерти желаешь!.. У, тихоня, святоша проклятый! Отъ поповъ да старцевъ, небось, научился оной политикѣ? Недаромъ Спаситель ничего апостоламъ бояться не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: берегитесь, сказалъ, закваски фарисейской, что́ есть лицемѣріе монашеское—диссимуляція!..

Тонкая злая усмѣшка сверкнула въ потупленномъ взорѣ царевича. Онъ едва удержался, чтобы не спросить отца: что̀ значитъ подлогъ чиселъ въ *Объявленіи сыну моему*—октября 11 вмѣсто 22? У кого-де самъ батюшка научился этой диссимуляціи, плутовству, достойному Петьки подъячаго, Петьки-хама, или Ѳедоски, „князя міра“, съ его „богопремудрымъ коварствомъ“, „небесной политикой“?

— Послѣднее напоминаніе еще, — заговорилъ Петръ опять прежнимъ, ровнымъ, почти безстрастнымъ голосомъ, неимовѣрнымъ усиліемъ воли сдерживая судорогу. — Подумай обо всемъ гораздо и, взявъ резолюцію, дай о томъ отвѣтъ немедленно. А ежели нѣтъ, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу. Ибо, когда гангрена сдѣлалась въ пальцѣ моемъ, не долженъ ли я отсѣчь оный, хотя и часть тѣла моего? Такъ и тебя, яко удъ гангренный,

отсѣку! И не мни, что сіе только въ устрастку тебѣ говорю: воистину, Богу извольшу, исполню. Ибо за народъ мой и отечество живота своего не жалѣлъ и не жалѣю — то какъ могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный. О чемъ паки подтверждаемъ, дабы учинено было, конечно, одно изъ сихъ двухъ — либо нравъ отмѣнить, либо постричься. А буде того не учинишь...

Петръ поднялся во весь свой исполинскій ростъ. Опять одолѣвала его судорога; тряслась голова, дергались руки и ноги. Кривлявшаяся, какъ будто шутовскія рожи корчившая, мертвая маска лица съ неподвижнымъ воспаленнымъ взоромъ была ужасна. Глухое рычаніе звѣря послышалось въ голосѣ.

— А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ, поступлю!..

— Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго соизволенія,—произнесъ царевичъ тихимъ, твердымъ голосомъ.

Онъ лгалъ. Петръ зналъ, что онъ лжетъ. И Алексѣй зналъ, что отецъ это знаетъ. Злая радость мщенія наполняла душу царевича. Въ его безконечной покорности было безконечное упрямство. Теперь сынъ былъ сильнѣе отца, слабый сильнѣе сильнаго. Что пользы царю въ постриженіи сына? „Клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, можно-де и снять“. Вчера—монахъ, завтра—царь. Повернутся въ землѣ кости батюшки, когда надъ нимъ надругается сынъ — все расточитъ, разоритъ, не оставитъ камня на камнѣ, погубитъ Россію. Не постричь, а убить бы его, истребить, стереть съ лица земли.

— Вонъ! — простоналъ Петръ въ безсильномъ бѣшенствѣ.

Царевичъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на отца въ упоръ, исподлобья: такъ волченокъ смотритъ на стараго волка, оскаливъ зубы, ощетинившись. Взоры ихъ скрестились, какъ шпаги въ поединкѣ—и взоръ отца потупился, точно сломался, какъ ножъ о твердый камень.

И опять зарычалъ онъ, какъ раненный звѣрь, и съ матернымъ ругательствомъ вдругъ поднялъ кулаки надъ головою сына, готовый броситься, избить, убить его.

Вдругъ маленькая, нѣжная и сильная ручка опустилась на плечо Петра.

Государыня Екатерина Алексѣевна давно уже подслушивала у дверей комнаты и пыталась подглядѣть въ замочную скважину. Катенька была любопытна. Какъ всегда, явилась она въ самую опасную минуту на выручку мужа. Пріотворила дверь неслышно и подкралась къ нему сзади на цыпочкахъ.

— Петенька! Батюшка! — заговорила она съ видомъ смиреннымъ и немного шутливымъ, притворнымъ, какъ добрыя няни говорятъ съ упрямыми дѣтьми, или сидѣлки съ больными.—Не замай себя, Петенька, не круши, свѣтикъ, сердца своего. А то паче мѣры утрудишься, да и сляжешь опять, расхвораешься... А ты ступай-ка, царевичъ, ступай, родной, съ Богомъ! Видишь, государю неможется...

Петръ обернулся, увидѣлъ спокойное, почти веселое лицо Катеньки и сразу опомнился. Поднятыя руки упали, повисли какъ плети, и все громадное, грузное тѣло опустилось въ кресло, точно рухнуло, какъ матерое, въ корнѣ подрубленное дерево.

Алексѣй, глядя на отца попрежнему въ упоръ, исподлобья, сгорбившись, съежившись, точно ощетинившись, какъ звѣрь на звѣря, медленно пятился къ выходу и только на самомъ порогѣ вдругъ быстро повернулся, открылъ дверь и вышелъ.

А Катенька присѣла сбоку на ручку кресла, обняла голову Петра и прижала ее къ своей груди, толстой, мягкой какъ подушка, настоящей груди кормилицы. Рядомъ съ желтымъ, больнымъ, почти старымъ лицомъ его, совсѣмъ еще молодымъ казалось румяное лицо Катеньки, все въ маленькихъ пушистыхъ родинкахъ, похожихъ на мушки, въ миловидныхъ шишечкахъ и ямочкахъ, съ высокими соболиными бровями, съ тщательно завитыми колечками крашеныхъ

черныхъ волосъ на низкомъ лбу, съ большими глазами на выкатѣ, съ неизмѣнною, какъ на царскихъ портретахъ, улыбкою. Вся она, впрочемъ, похожа была не столько на царицу, сколько на нѣмецкую трактирную служанку, или на русскую бабу-солдатку — портомою, какъ называлъ ее самъ царь, — которая сопровождала „старика“ своего во всѣхъ походахъ, собственноручно „обмывала“, „обшивала“ его, а когда „припадалъ ему рѣзъ“, грѣла припарки, терла животъ Блюментростовой мазью и давала „проносное“.

Никто, кромѣ Катеньки, не умѣлъ укрощать тѣхъ припадковъ безумнаго царскаго гнѣва, которыхъ такъ боялись приближенные.

Обнимая голову его одной рукой, она другою—гладила ему волосы, приговаривая все одни и тѣ же слова: „Петенька, батюшка, свѣтъ мой, дружочекъ сердешненькой!..“ Она была какъ мать, которая баюкаетъ больного ребенка, и какъ ласкающая звѣря, укротительница львовъ. Подъ этою ровною тихою ласкою, царь успокаивался, точно засыпалъ. Судорога въ тѣлѣ слабѣла. Только мертвая маска лица, теперь уже совсѣмъ окаменѣлая, съ закрытыми глазами, все еще порою дергалась, какъ будто корчила шутовскія рожи.

За Катенькой вошла въ комнату обезьянка, привезенная въ подарокъ Лизанькѣ, младшей царевнѣ, однимъ голландскимъ шкиперомъ. Шалунья мартышка, слѣдуя какъ пажъ за царицей, ловила подолъ ея платья, точно хотѣла приподнять его съ дерзкимъ безстыдствомъ. Но, увидѣвъ Лизетту, испугалась, вскочила на столъ, со стола на сферу, изображавшую ходъ небесныхъ свѣтилъ по системѣ Коперника, — тонкія мѣдныя дуги погнулись подъ маленькимъ звѣрькомъ, шаръ вселенной тихо зазвенѣлъ,—потомъ еще выше, на самый верхъ стоячихъ англійскихъ часовъ въ стеклянномъ ящикѣ краснаго дерева. Послѣдній лучъ солнца падалъ на нихъ, и, качаясь, маятникъ блестѣлъ, какъ молнія. Мартышка давно ужъ не видѣла солнца. Точно стараясь что-то припомнить, глядѣла она съ грустнымъ удивленіемъ

на чуждое блѣдное зимнее солнце и щурилась, и корчила смѣшныя рожицы, какъ будто передразнивая судорогу въ лицѣ Петра. И страшно было сходство шутовскихъ кривляній въ этихъ двухъ лицахъ — маленькой звѣрушки и великаго царя.

Алексѣй возвращался домой.

Съ нимъ было то, что бываетъ съ людьми, у которыхъ отрѣзали ногу или руку: очнувшись, стараются они ощупать мѣсто, гдѣ былъ членъ, и видятъ, что его уже нѣтъ. Такъ царевичъ чувствовалъ въ душѣ своей мѣсто, гдѣ была любовь къ отцу, и видѣлъ, что ея уже нѣтъ. „Яко удъ гангренный, отсѣку“, вспоминалось ему слово батюшки. Какъ будто, вмѣстѣ съ любовью, изъ него вынули все. Пусто—ни надежды, ни страха, ни скорби, ни радости—пусто, легко и страшно.

И онъ удивлялся, какъ быстро, какъ просто исполнилось его желаніе: умеръ отецъ.

ПЯТАЯ КНИГА

Мерзость запустѣнія

I

— Какъ ѣздилъ царь въ Воронежъ корабли строить въ 1701 году,—волею Божіей пожаръ на Москвѣ учинился великій. Весь государевъ домъ на Кремлѣ погорѣлъ, деревянныя хоромы, и въ каменныхъ нутры, и святыя церкви, и кресты, и кровли, и внутри иконостасы, и образа горѣли. И на Иванѣ Великомъ колоколъ большой въ 8.000 пудъ подгорѣлъ и упалъ, и раскололся, также Успенскій разбился, и другіе колокола попадали. И такъ было, что земля горѣла...

Это говорилъ царевичу Алексѣю московскаго Благовѣщенскаго собора ключарь, о. Иванъ, семидесятилѣтній старикъ.

Петръ уѣхалъ въ чужіе края тотчасъ послѣ болѣзни, 27 января 1716 года. Царевичъ остался одинъ въ Петербургѣ. Не получая отъ отца извѣстій, послѣднее рѣшеніе—либо исправить себя къ наслѣдству, либо постричься—онъ „отложилъ вдаль" и попрежнему жилъ изо дня въ день, до воли Божьей. Зиму провелъ въ Петербургѣ, весну и лѣто въ Рождественѣ. Осенью поѣхалъ въ Москву повидаться съ родными.

10 сентября, вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, навѣстилъ своего стараго друга, мужа кормилицы, ключаря Благовѣщенскаго, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ осматривать опустошенный пожаромъ, старый Кремлевскій дворецъ.

Долго ходили они изъ палаты въ палату, изъ терема въ теремъ, по безконечнымъ развалинамъ. Что̀ пощадило пламя, то разрушалось временемъ. Многія палаты стояли безъ дверей, безъ оконъ, безъ половъ, такъ что нельзя было войти въ нихъ. Трещины зіяли въ стѣнахъ. Своды и крыши обвалились. Алексѣй не находилъ, или не узнавалъ покоевъ, въ которыхъ провелъ дѣтство.

Безъ словъ угадывалъ онъ мысль о. Ивана о томъ, что пожаръ, случившійся въ тотъ самый годъ, какъ царь началъ старину ломать, былъ знаменьемъ гнѣва Господня.

Они вошли въ маленькую ветхую домовую церковь, гдѣ еще царь Грозный молился о сынѣ, котораго убилъ.

Сквозь трещину свода глядѣло небо, такое глубокое, синее, какое бываетъ только въ развалинахъ. Паутина между краями трещины отливала радугой, и готовый упасть, едва висѣлъ на порванныхъ цѣпяхъ сломанный бурею крестъ. Оконницы слюдяныя вѣтромъ всѣ выбило. Въ дыры налетали галки, вили гнѣзда подъ сводами и пакостили иконостасъ. Бѣлыя струи помета бороздили темные лики святыхъ. Одна половина царскихъ вратъ была сорвана. Въ алтарѣ передъ престоломъ стояла грязная лужа.

О. Иванъ разсказалъ царевичу, какъ священникъ этой церкви, почти столѣтній старикъ, долго жаловался во всѣ приказы, коллегіи и даже самому государю, моля о починкѣ храма, ибо „за ветхостью сводовъ, такъ умножилась теча, что опасно—святѣйшей Евхарстіи не учинилось бы поврежденія“. Но никто его не слушалъ. Онъ умеръ съ горя, и церковь разрушилась.

Потревоженныя галки взвились со зловѣщими криками. Сквозной вѣтеръ ворвался въ окно, застоналъ и заплакалъ. Паукъ забѣгалъ въ паутинѣ. Изъ алтаря что-то выпорхнуло, должно быть, летучая мышь, и закружилось надъ самой го-

ловой царевича. Ему стало жутко. Жалко поруганной церкви. Вспомнилось слово пророка о мерзости запустѣнія на мѣстѣ святомъ.

Пройдя мимо Золотой Рѣшетки, по переднимъ переходамъ Краснаго крыльца, они спустились въ Грановитую палату, которая лучше другихъ уцѣлѣла. Но, вмѣсто прежнихъ посольскихъ пріемовъ и царскихъ выходовъ, здѣсь теперь давались новыя комедіи, *діалогіи;* праздновались свадьбы шутовъ. А чтобы старое не мѣшало новому, бытейское письмо по стѣнамъ забѣлили известью, замазали вохрою съ веселенькимъ узорцемъ на новый „нѣмецкій маниръ“.

Въ одномъ изъ чулановъ подклѣтной кладовой о. Иванъ показалъ царевичу два львиныя чучела. Онъ тотчасъ узналъ ихъ, потому что видѣлъ часто въ дѣтствѣ. Поставленныя во времена царя Алексѣя Михайловича въ Коломенскомъ дворцѣ подлѣ престола царскаго, они, какъ живые, рыкали, двигали глазами, зіяли устами. Мѣдныя туловища оклеены были подъ львиную стать бараньими кожами. Механика, издававшая „львово рыканье“ и приводившая въ движеніе ихъ пасти и очи, помѣщалась рядомъ, въ особомъ чуланѣ, гдѣ устроенъ былъ станъ съ мѣхами и пружинами. Должно быть, для починки перевезли ихъ въ Кремлевскій дворецъ и здѣсь въ кладовой, среди хлама, забыли. Пружины сломались, мѣха продырявились, шкуры облѣзли, изъ брюха висѣла гнилая мочала—и жалкими казались теперь грозные нѣкогда львы россійскихъ самодержцевъ. Морды ихъ полны были овечьей глупостью.

Въ запустѣлыхъ, но уцѣлѣвшихъ палатахъ помѣщались новыя коллегіи. Такъ, въ набережныхъ, отвѣтной и панихидной—каморъ-коллегія, подъ теремами — сенатскіе департаменты, въ кормовомъ и хлѣбенномъ дворцѣ — соляная контора, военная коллегія, мундирная и походная канцеляріи, въ конюшенномъ дворцѣ — склады суконъ и аммуниціи. Каждая коллегія переѣхала, не только со своими архивами, чиновниками, сторожами, просителями, но и съ колод-

никами, которые проживали по цѣлымъ годамъ въ дворцовыхъ подклѣтяхъ. Всѣ эти новые люди кишѣли, копошились въ старомъ дворцѣ, какъ черви въ трупѣ, и была отъ нихъ нечистота великая.

— Всякій пометный и непотребный соръ отъ нужниковъ и отъ постою лошадей, и отъ колодниковъ, — говорилъ царевичу о. Иванъ,—подвергаютъ царскую казну и драгоцѣнныя утвари, кои во дворцѣ отъ древнихъ лѣтъ хранятся,—немалой опасности. Ибо отъ сего является духъ смрадный. И золотой, и серебряной посудѣ, и всей казнѣ царской можно ожидать отъ онаго духу опасной вреды— отчего бъ не почернѣло. Очистить бы соръ, а колодниковъ свесть въ иныя мѣста. Много мы о томъ просили, жаловались, да никто насъ не слушаетъ... — заключилъ старикъ уныло.

День былъ воскресный, въ коллегіяхъ пусто. Но въ воздухѣ стоялъ тяжелый духъ. Всюду видны были сальные слѣды отъ спинъ просителей, которые терлись о стѣны, чернильныя пятна, похабные рисунки и надписи. А изъ тусклой позолоты древней стѣнописи все еще глядѣли строгіе лики пророковъ, праотцевъ и русскихъ святителей.

Въ самомъ Кремлѣ, вблизи дворцовъ и соборовъ, у Тайницкихъ воротъ, былъ питейный домъ приказныхъ и подъячихъ, называвшійся *Катокъ*, по крутизнѣ сходовъ съ Кремлевской горы. Онъ выросъ, какъ поганый грибъ, и процвѣталъ много лѣтъ втихомолку, несмотря на указы: „изъ Кремля вывесть оный кабакъ немедленно вонъ, а для сохраненія питейнаго сбора толикой же суммы, вмѣсто того одного кабака, хотя, по усмотрѣнію, прибавить нѣсколько кабаковъ, въ мѣстѣ удобномъ, гдѣ приличествуетъ“.

Въ одной изъ канцелярскихъ палатъ была такая духота и вонь, что царевичъ поскорѣй открылъ окно. Снизу изъ Катка, набитаго народомъ, донесся дикій, точно звѣриный, ревъ, плясовый топотъ, тренканье балалайки и пьяная пѣсня:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ,
А купали во зеленыимъ винѣ

—знакомая пѣсня, которую пѣвала князь-игуменья Ржевская на батюшкинахъ пиршествахъ.

И царевичу казалось, что изъ Катка, какъ изъ темной зіяющей пасти, съ этою пѣснью и матернымъ ругательствомъ, и запахомъ сивухи, подымается къ царскимъ чертогамъ и наполняетъ ихъ удушающій смрадъ, отъ котораго тошнило, въ глазахъ темнѣло, и сердце сжималось тоскою смертною.

Онъ поднялъ глаза къ своду палаты. Тамъ изображены были „бѣги небесные“, лунный и солнечный кругъ, ангелы, служащіе звѣздамъ, и всякія иныя „утвари Божьи“; и Христосъ Еммануилъ, сидящій на небесныхъ радугахъ съ колесами многоочитыми; въ лѣвой рукѣ Его златой потиръ, въ правой—палица; на главѣ седмиклинный вѣнецъ; по золотому и празеленому полю надпись: *Предвѣчное Слово Отчее, иже во образѣ Божіемъ сый и составляй тварь отъ небытія въ бытіе, даруй миръ церквамъ Твоимъ, побѣды вѣрному царю.*

А снизу пѣсня заливалась:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ.

Царевичъ прочелъ надпись въ солнечномъ кругу: *Солнце позна западъ свой, и бысть нощь.*

И слова эти отозвались въ душѣ его пророчествомъ: древнее солнце московскаго царства познало западъ свой въ темномъ чухонскомъ болотѣ, въ гнилой осенней слякоти—*и бысть нощь*—не черная, а бѣлая страшная петербургская ночь. Древнее солнце померкло. Древнее золото, вѣнецъ и бармы Мономаха почернѣли отъ новаго смраднаго духа. И стала мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ.

Какъ будто спасаясь отъ невидимой погони, онъ бѣжалъ изъ дворца, безъ оглядки, по ходамъ, переходамъ и лѣстницамъ, такъ что о. Иванъ, на своихъ старыхъ ногахъ, едва поспѣвалъ за нимъ. Только на площади, подъ открытымъ небомъ, царевичъ остановился и вздохнулъ свободнѣе. Здѣсь осенній воздухъ былъ чистъ и холоденъ. И чистыми, и новыми казались древніе бѣлые камни соборовъ.

Въ углу, у самой стѣны Благовѣщенія, при церкви придѣла св. великомученика Георгія, подъ кельями, гдѣ жилъ о. Иванъ, была низенькая лавочка, въ родѣ заваленки; на ней онъ часто сиживалъ, грѣя старыя кости на солнцѣ.

Царевичъ опустился въ изнеможеніи на эту лавочку. Старикъ пошелъ домой, чтобъ позаботиться о ночлегѣ. Царевичъ остался одинъ.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ, какъ будто прошелъ тысячи верстъ. Хотѣлось плакать, но не было слезъ; сердце горѣло, и слезы сохли на немъ, какъ вода на раскаленномъ камнѣ.

Тихій свѣтъ вечерній теплился, какъ свѣтъ лампады, на бѣлыхъ стѣнахъ. Золотыя соборныя главы рдѣли какъ жаръ. Небо лиловѣло, темнѣло; цвѣтъ его подобенъ былъ цвѣту увядающей фіалки. И бѣлыя башни казались исполинскими цвѣтами съ огненными вѣнчиками.

Раздался бой часовъ, сначала на Спасскихъ, Тайницкихъ, Ризположенскихъ воротахъ, потомъ на разныхъ другихъ, близкихъ и далекихъ башняхъ. Въ чуткомъ воздухѣ дрожали медленныя волны протяжнаго гула и звона, какъ будто часы перекликались, переговаривались о тайнахъ прошлаго и будущаго. Старинные — били „перечаснымъ боемъ“ множества малыхъ колоколовъ, подзванивавшихъ „въ подголосъ“ большому боевому колоколу, съ охрипшею, но все еще торжественною, церковною музыкой; а новые голландскіе—отвѣчали имъ болтливыми курантами и модными танцами, „противъ манира, каковы въ Амстердамѣ“. И всѣ эти древніе и новые звуки напоминали царевичу дальнее-дальнее дѣтство.

Онъ смежилъ глаза, и душа его погрузилась въ полузабытье, въ ту темную область, между сномъ и явью, гдѣ обитаютъ тѣни прошлаго. Какъ пестрыя тѣни проходятъ по бѣлой стѣнѣ, когда солнечный лучъ проникаетъ сквозь щель въ темную комнату, проходили передъ нимъ воспоминанья—видѣнья. И надо всѣми царилъ одинъ ужасающій образъ—отецъ. И какъ путникъ, озираясь ночью съ высоты, при блескѣ молніи, вдругъ видитъ весь пройденный путь, такъ онъ, при страшномъ блескѣ этого образа, видѣлъ всю свою жизнь.

II

Ему шесть лѣтъ. Въ старинной царской колымагѣ „на рыдванную стать“, раззолоченной, но неуклюжей и тряской, какъ простая телѣга, внутри обитой гвоздишнымъ бархатомъ, со слюдяными затворами и тафтяными завѣсами, онъ сидитъ на рукахъ бабушки, среди пуховыхъ подушекъ и пухлыхъ, какъ подушки, постельницъ и мамъ. Тутъ же мать его, царица Авдотья. Въ подубрусникѣ съ жемчужными ряснами—у нея круглое, бѣлое, всегда удивленное лицо, совсѣмъ какъ у маленькой дѣвочки.

Онъ глядитъ сквозь занавѣску въ открытое оконце колымаги на тріумфальное шествіе войскъ, по случаю Азовскаго похода. Ему нравится однообразная стройность полковъ, блестящія на солнцѣ мѣдныя пушки и грубо намалеванныя на щитахъ аллегоріи: два скованные турка съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

И въ морѣ синемъ, какъ синька, красный голый человѣкъ, „слывущій богъ морской Нептунусъ“—на чешуй-

чатомъ зеленомъ звѣрѣ Китоврасѣ, съ острогой въ рукахъ: *Се, и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь.* Великолѣпнымъ кажется ему въ нарядѣ римскаго воина ученый нѣмецъ Виніусъ, гласящій россійскія вирши съ высоты тріумфальныхъ воротъ въ полуторасаженную трубу.

Въ строю, рядомъ съ простыми солдатами, идетъ Преображенской роты бомбардиръ, въ темно-зеленомъ кафтанѣ съ красными отворотами и въ трехугольной шляпѣ. Онъ ростомъ выше всѣхъ, такъ что виденъ издали. Алеша знаетъ, что это отецъ. Но лицо у него такое юное, почти дѣтское, что онъ кажется Алешѣ не отцомъ, а старшимъ братомъ, милымъ товарищемъ, такимъ же маленькимъ мальчикомъ, какъ онъ. Душно въ старой колымагѣ, среди пуховыхъ подушекъ и пухлыхъ, какъ подушки, нянюшекъ-мамушекъ. Хочется на волю и солнце, къ этому веселому кудрявому быстроглазому мальчику.

Отецъ увидѣлъ сына. Они улыбнулись другъ другу, и сердце Алеши забилось отъ радости. Царь подходитъ къ дверямъ колымаги, открываетъ ихъ, почти насильно беретъ сына изъ рукъ бабушки—мамы такъ и взахались—нѣжно, нѣжнѣе матери, обнимаетъ, цѣлуетъ его; потомъ, высоко поднявъ на рукахъ, показываетъ войску, народу и, посадивъ къ себѣ на плечо, несетъ надъ полками. Сначала вблизи, потомъ все дальше и дальше, надъ моремъ головъ, раздается подобный веселому грому, тысячеголосый крикъ:

— Виватъ! Виватъ! Виватъ! Здравствуй царь съ царевичемъ!

Алеша чувствуетъ, что всѣ на него смотрятъ и любятъ его. Ему страшно и весело. Онъ крѣпко держится за шею отца, прижимается къ нему довѣрчиво, и тотъ несетъ его бережно, бережно—небось, не уронитъ. И кажется ему, что всѣ движенія отца—его собственныя движенія, вся сила отца—его собственная сила, что онъ и отецъ—одно. Ему хочется смѣяться и плакать—такъ радостны крики народа и грохотъ пушекъ, и звонъ колоколовъ, и золотыя главы соборовъ, и

голубое небо, и вольный вѣтеръ, и солнце. Голова кружится, захватываетъ духъ — и онъ летитъ, летитъ прямо въ небо, къ солнцу.

А изъ окна колымаги высовывается голова бабушки. Смѣшно и мило Алешѣ ея старенькое добренькое сморщенное личико. Она машетъ рукою и кричитъ, и молитъ, чуть не плачетъ:

— Петенька, Петенька, батюшка! Не замай Олешеньку!

И опять его укладываютъ нянюшки и мамушки въ пуховую постельку, подъ мягкое одѣяльце изъ кизылбашской золотной камки на собольихъ пупкахъ, и баюкаютъ, и нѣжатъ, чешутъ пяточки, чтобы слаще спалось, и укутываютъ, и укручиваютъ, чтобы вѣтромъ на него не вѣнуло, берегутъ, какъ зѣницу ока, царское дитятко. Прячутъ, какъ красную дѣвушку за вѣковыми запанами и завѣсами. Когда идетъ онъ въ церковь, то со всѣхъ сторонъ несутъ пòлы суконныя, чтобъ никто не могъ видѣть царевича, пока его не „объявятъ", по старому обычаю; а какъ объявятъ, то изъ дальнихъ мѣстъ люди будутъ ѣздить нарочно смотрѣть на него, какъ на „дивовище".

Въ низенькихъ теремныхъ покойцахъ душно. Двери, ставни, окна, втулки тщательно обиты войлокомъ, чтобъ ни откуда не дунуло. На полу — также войлоки, „для тепла и мягкаго хожденія". Муравленыя печки жарко натоплены. Пахнетъ гуляфною водкою и роснымъ ладаномъ, который подкладываютъ въ печныя топли „для духу". Свѣтъ дневной, проникая сквозь слюду косящатыхъ оконницъ, становится янтарно-желтымъ. Всюду теплятся лампады. Алешѣ томно, но покойно и уютно. Онъ какъ-будто вѣчно дремлетъ и не можетъ проснуться. Дремлетъ, сушая однообразныя бесѣды о томъ, какъ „домъ свой по Богу строить — все было бы упрятано, и причищено, и приметено, убережено отъ всякой пакости—не заплесневѣло бы, не загноилось—и всегда замкнуто, и не раскрадено, и не распрокужено, доброму была бы честь, а худому гроза"; и какъ „обрѣзки бережно беречи"; какъ рыбу прутовую въ рогожку вертѣть; рыжечки,

грузди моченые въ кадушкахъ держать — и теплою вѣрою въ нераздѣлимую Троицу вѣровать. Дремлетъ, подъ унылые звуки домры слѣпыхъ игрецовъ домрачеевъ, которые воспѣваютъ древнія былины, и подъ сказки столѣтнихъ старцевъ бахарей, которые забавляли еще дѣда его, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Дремлетъ и грезитъ наяву, подъ разсказы верховыхъ богомольцевъ, нищихъ страннич-ковъ о горѣ Аѳонѣ, острой-преострой, какъ еловая шишка — на самомъ верху ея, выше облаковъ, стоитъ Матерь Пресвятая Богородица и покровомъ ризы своей гору осѣняетъ; о Симеонѣ столпникѣ, который, самъ тѣло свое гноя, весь червями кипѣлъ; о мѣстѣ рая земного, которое видѣлъ издали съ корабля своего Моиславъ-новгородецъ; и о всякихъ иныхъ чудесахъ Божіихъ и навожденіяхъ бѣсовскихъ. Когда же Алешенькѣ станетъ скучно, то, по приказу бабушки, всякіе дураки и дурки-шутихи, юродивыя, дѣвочки-сиротинки, калмычки, арапки пляшутъ передъ нимъ, дерутся, валяются по полу, таскаютъ другъ друга за волосы и царапаются до крови. Или старушка сажаетъ его къ себѣ на колѣни и начинаетъ перебирать у него пальчики, одинъ за другимъ, отъ большого къ мизинцу, приговаривая: „Сорока-ворона кашу варила, на порогъ скакала, гостей созывала; этому дала, этому дала, а этому не досталось—шишъ на головку!“ И бабушка щекочетъ его, а онъ смѣется, отмахивается. Она обкармливаетъ его жирными короваями и блинцами, и луковниками, и левашниками, и оладійками въ орѣховомъ маслицѣ, кисленькими, и драченою въ маковомъ молокѣ, и бѣлью можайскою, и грушею, и дулею въ патокѣ.

— Кушай, Олешенька, кушай на здоровье, свѣтикъ мой!

А когда у Алеши заболитъ животикъ, является баба знахарка, которая пользуетъ малыхъ дѣтей шопотами, лѣчитъ травами отъ нутряныхъ и кликотныхъ болѣзней, горшки на брюха наметываетъ, наговариваетъ на громовую стрѣлку, да на медвѣжій ноготь, и отъ того людямъ бываетъ легкость. Едва чихнетъ, или кашлянетъ—поятъ малиною, нати-

раютъ виннымъ духомъ съ камфарою, или проскурнякомъ въ корытѣ парятъ.

Только въ самые жаркіе дни водятъ гулять въ Красный Верхній садъ, на взрубѣ береговой Кремлевской горы. Это подобіе висячихъ садовъ — продолженіе терема. Тутъ все искусственно: тепличные цвѣты въ ящикахъ, крошечные пруды въ ларяхъ, ученыя птицы въ клѣткахъ. Онъ смотритъ на разстилающуюся у ногъ его Москву, на улицы, въ которыхъ никогда не бывалъ, на крыши, башни, колокольни, на далекое Замоскворѣчье, на синѣющія Воробьевы горы, на легкія золотистыя облака. И ему скучно. Хочется прочь изъ терема и этого игрушечнаго сада въ настоящій лѣсъ, на поле, на рѣку, въ неизвѣстную даль; хочется убѣжать, улетѣть—онъ завидуетъ ласточкамъ. Душно, паритъ. Тепличные цвѣты и лѣкарственныя травы—маерамъ, темьянъ, чаберъ, пижма, иссопъ — пахнутъ пряно и приторно. Ползетъ синяя-синяя туча. Побѣжали вдругъ тѣни, пахнуло свѣжестью, и брызнулъ дождь. Онъ подставляетъ подъ него лицо и руки, жадно ловитъ холодныя капли. А нянюшки и мамушки уже ищутъ, кличутъ его:

— Олешенька! Олешенька! Пойдемъ домой, дитятко! Ножки промочишь.

Но Алеша не слушаетъ, прячется въ кусты сереборинника. Запахло мятой, укропомъ, сырымъ черноземомъ, и влажная зелень стала темно-яркою, махровые піоны загорѣлись алымъ пламенемъ. Послѣдній лучъ прорѣзалъ тучу— и солнце смѣшалось съ дождемъ въ одну золотую дрожащую сѣтку. У него уже промокли ноги и платье. Но любуясь, какъ въ лужахъ крупныя капли дробятся алмазною пылью, онъ скачетъ, пляшетъ, бьетъ въ ладоши и напѣваетъ веселую пѣсенку подъ шумъ дождя, повторяемый гулкимъ сводомъ водовзводной башни.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Мы поѣдемъ на Іордань,
Богу помолиться,
Христу поклониться.

Вдругъ, надъ самой головой его, словно раскололась туча — сверкнула ослѣпляющая молнія, грянулъ громъ, и закрутился вихрь. Онъ замеръ весь отъ ужаса и радости, какъ тогда, на плечѣ у батюшки, въ тріумфованьи Азовской викторіи. Вспомнился ему веселый кудрявый быстроглазый мальчикъ — и онъ почувствовалъ, что любитъ его такъ же, какъ эту страшную молнію. Голова закружилась, духъ захватило. Онъ упалъ на колѣни и протянулъ руки къ черному небу, боясь и желая, чтобъ опять сверкнула молнія еще грознѣе, еще ослѣпительнѣе.

Но трепетныя старческія руки уже подхватываютъ его, несутъ, раздѣваютъ, укладываютъ въ постельку, натираютъ виннымъ духомъ съ камфарою, даютъ внутрь водки-апоплектики и поятъ липовымъ цвѣтомъ до седьмого пота, и укутываютъ, и укручиваютъ. И опять онъ дремлетъ. И снится ему Аспидъ-звѣрь, живущій въ каменныхъ горахъ, лицо имѣющій дѣвичье, хоботъ змѣиный, ноги василиска, коими желѣзо разсѣкаетъ; ловятъ его трубнымъ гласомъ, не стерпя котораго, онъ прокалываетъ себѣ уши и умираетъ, обливая камни синею кровью. Снится ему также Сиринъ птица райская, что поетъ пѣсни царскія, на востокѣ, въ Эдемскихъ садахъ пребываетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ, которую Господь имъ обѣщаетъ; всякъ человѣкъ, во плоти живя, не можетъ слышать гласа ея, а ежели услышитъ, то весь плѣняется мыслью и, шествуя вслѣдъ, и слушая пѣніе, умираетъ. И кажется Алешѣ, что идетъ онъ за поющимъ Сириномъ и, слушая сладкую пѣсню, умираетъ, засыпаетъ вѣчнымъ сномъ.

Вдругъ точно буря влетѣла въ комнату, распахнула двери, завѣсы, пологи, сорвала съ Алеши одѣяло и обдала его холодомъ. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ лицо батюшки. Но не испугался, даже не удивился, какъ будто зналъ и ждалъ, что онъ придетъ. Съ еще звенѣвшею въ ушахъ, райскою пѣснею Сирина, съ нѣжною сонною улыбкой, протянулъ онъ руки, вскрикнулъ: „Батя! Батя! Родненькій!“— вскочилъ и бросился къ отцу на шею. Тотъ обнялъ его

крѣпко, до боли и прижалъ къ себѣ, цѣлуя лицо и шейку, и голыя ножки, и все его теплое подъ ночною рубашечкой, сонное тѣльце. Отецъ привезъ ему изъ-за моря хитрую игрушку: въ ящикѣ деревянномъ подъ стекломъ три нѣмки вощаныя, да ребенокъ, а за ними зеркальце; внизу костяная ручка; ежели вертѣть ее, то и нѣмки съ ребенкомъ вертятся, пляшутъ подъ музыку. Игрушка нравится Алешѣ. Но онъ едва взглянулъ на нее—и уже опять глядитъ, не наглядится на батюшку. Лицо у него похудѣло, осунулось; онъ возмужалъ, какъ будто еще выросъ. Но Алешѣ кажется, что, хотя онъ и большой-большой, а все таки маленькій, все такой же, какъ прежде, веселый кудрявый быстроглазый мальчикъ. Отъ него пахнетъ виномъ и свѣжимъ воздухомъ.

— А у бати усики выросли. Да какіе махонькіе! Чуть видать...

И съ любопытствомъ проводитъ онъ пальчикомъ надъ верхнею губой отца по мягкому темному пуху.

— А на бородѣ ямочка. Точь въ точь, какъ у бабушки!

Онъ цѣлуетъ его въ ямочку.

— А отчего у бати на рукахъ мозоли?

— Отъ топора, Алешенька: корабли за моремъ строилъ. Погоди, ужо выростешь, и тебя возьму съ собою. Хочешь ea море?

— Хочу. Куда батя, туда и я. Хочу всегда съ батей...

— А бабушки не жаль?

Алеша вдругъ замѣтилъ въ полуотворенныхъ дверяхъ перепуганное лицо старушки и блѣдное-блѣдное, точно мертвое, лицо матери. Обѣ смотрятъ на него издали, не смѣя подойти, и крестятъ его, и сами крестятся.

— Жаль бабушки!..—проговорилъ Алеша и удивился, почему отецъ не спрашиваетъ его также о матери.

— А кого любишь больше, меня, или бабушку?

Алеша молчитъ, ему трудно рѣшить. Но вдругъ еще крѣпче прижимается къ отцу и, весь дрожа, замирая отъ стыдливой нѣжности, шепчетъ ему на ухо:

— Люблю батю, больше всѣхъ люблю!..

... И сразу все исчезло—и теремные покойчики, и пуховая постелька, и мать, и бабушка, и нянюшки. Онъ точно провалился въ какую-то черную яму, выпалъ, какъ птенецъ изъ гнѣзда, прямо на мерзлую жесткую землю.

Большая холодная комната съ голыми сѣрыми стѣнами, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Онъ теперь уже не спитъ, а только всегда хочетъ спать и не можетъ выспаться—будятъ слишкомъ рано. Сквозь туманъ, который ѣстъ глаза, видны длинныя казармы, желтые цейхгаузы, полосатыя будки, земляные валы съ пирамидами ядеръ съ жерлами пушекъ, и Сокольничье поле, покрытое талымъ сѣрымъ снѣгомъ, подъ сѣрымъ небомъ, съ мокрыми воронами и галками. Слышна барабанная дробь, окрики военныхъ экзерцицій: Во фрунтъ! Мушкетъ на плечо! Мушкетъ на караулъ! Направо кругомъ!—и сухой трескъ ружейной пальбы, и опять барабанная дробь.

Съ нимъ—тетка, царевна Наталья Алексѣевна, старая дѣва съ желтымъ лицомъ, костлявыми пальцами, которые пребольно щиплютъ, и злыми колючими глазами, которые смотрятъ на него такъ, какъ будто хотятъ съѣсть: У, паршивый, Авдотькинъ щенокъ!"..

Лишь долгое время спустя, узналъ онъ, что́ случилось. Царь, вернувшись изъ Голландіи, сослалъ жену, царицу Авдотью въ Суздальскій монастырь, гдѣ насильно постригли ее подъ именемъ Елены, а сына взялъ изъ Кремлевскихъ теремовъ въ село Преображенское, въ новый Потѣшный дворецъ. Рядомъ съ дворцомъ—застѣнки Тайной Канцеляріи, гдѣ производится розыскъ о стрѣлецкомъ бунтѣ. Тамъ каждый день пылаетъ болѣе тридцати костровъ, на которыхъ пытаютъ мятежниковъ.

Наяву, или во снѣ было то, что ему вспоминалось потомъ, онъ и самъ не зналъ. Крадется, будто бы, ночью вдоль острыхъ бревенъ забора, которымъ окруженъ тюремный дворъ. Оттуда слышатся стоны. Свѣтъ блеснулъ въ щель между бревнами. Онъ приложилъ къ ней глазъ и увидѣлъ подобіе ада.

Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

Людей жарятъ на огнѣ; подымаютъ на дыбу и растягиваютъ, такъ что суставы трещатъ; раскаленными до красна, желѣзными клещами ломаютъ ребра, „подчищаютъ ногти", колютъ подъ нихъ разожженными иглами. Среди палачей—царь. Лицо его такъ страшно, что Алеша не узнаетъ отца: это онъ и не онъ—какъ будто двойникъ его, оборотень. Онъ собственноручно пытаетъ одного изъ главныхъ мятежниковъ. Тотъ терпитъ все и молчитъ Уже тѣло его—какъ окровавленная туша, съ которой мясники содрали кожу. Но онъ все молчитъ, только смотритъ прямо въ глаза царю, какъ будто смѣется надъ нимъ.

Умирающій вдругъ поднялъ голову и плюнулъ въ глаза царю:

— Вотъ тебѣ, собачій сынъ, антихристъ!...

Царь выхватилъ кортикъ изъ ноженъ и вонзилъ ему въ горло. Кровь брызнула царю въ лицо.

Алеша упалъ безъ чувствъ. Утромъ нашли его солдаты подъ заборомъ, на краю канавы. Онъ долго пролежалъ больнымъ, безъ памяти.

Едва оправившись, присутствовалъ, по волѣ батюшки, на торжественномъ посвященіи дворца Лефорта богу Бахуса. Алеша—въ новомъ нѣмецкомъ кафтанѣ съ жесткими фалдами на проволокахъ, въ огромномъ парикѣ, который давитъ голову. Тетка—въ пышномъ робронѣ. Они въ особой комнатѣ, смежной съ тою, гдѣ пируютъ гости. Тафтяныя завѣсы, послѣдній остатокъ теремнаго затвора, скрываютъ ихъ отъ гостей. Но Алешѣ видно все: члены всепьянѣйшаго собора, несущіе, вмѣсто священныхъ сосудовъ, кружки съ виномъ, фляги съ медомъ и пивомъ; вмѣсто Евангелія—открывающійся въ видѣ книги погребецъ со стклянками различныхъ водокъ; курящійся въ жаровняхъ табакъ—вмѣсто ладана. Верховный жрецъ, князь-папа, въ шутов-

скомъ подобьи патріаршей ризы, съ нашитыми игральными костями и картами, въ жестяной митрѣ, увѣнчанной голымъ Вакхомъ, и съ посохомъ, украшеннымъ голою Венерою, благословляетъ гостей двумя чубуками, сложенными крестъ-на-крестъ. Начинается попойка. Шуты ругаютъ старыхъ бояръ, бьютъ ихъ, плюютъ имъ въ лицо, обливаютъ виномъ, таскаютъ за волосы, рѣжутъ насильно бороды, выщипываютъ ихъ съ кровью и мясомъ. Пиршество становится застѣнкомъ. Алешѣ кажется, что онъ все это видитъ въ бреду. И опять не узнаетъ отца: это двойникъ его, оборотенъ.

„Свѣтлопорфирный великій государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, сотворивъ о Безначальномъ альфы начало, и въ немного жъ времени, совершивъ литеръ и слоговъ ученіе, по обычаю азъ-буки, учитъ Часословъ“ — доносилъ царю „послѣднѣйшій рабъ“, Никишка Вяземскій, царевичевъ дядька. Онъ училъ Алешу по Домострою, „какъ всякой святыни касаться: чудотворные образа и многоцѣлебныя мощи цѣловать съ опасеніемъ и губами не плескать, и духъ въ себѣ удерживать, ибо мерзко Господу нашъ смрадъ и обоняніе; просвиру святую вкушать бережно, крохи наземь не уронить, зубами не откусывать, какъ прочіе хлѣбы, но, уламываючи кусочками, класть въ ротъ и ѣсть съ вѣрою и со страхомъ“. Слушая эти наставленія, Алеша вспоминалъ, какъ во дворцѣ Лефорта передъ безстыжею нѣмкою Монсихой, пьяный Никишка, вмѣстѣ съ княземъ-папою и прочими шутами, отплясывалъ въ присядку подъ свистъ „весны“ и кабацкую пѣсенку:

На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ!
Потерялъ я дуду, ихъ! вохъ!

Ученый нѣмецъ, баронъ Гюйссенъ представилъ царю *Methodus instructionis*, „Наказъ, по коему тотъ, ему же ученіе его высочества государя царевича повѣрено будетъ, поступать имѣетъ“.

„Въ чувствѣ и сердцѣ любовь къ добродѣтелямъ всегда насаждать и утверждать, такожъ о томъ трудиться, дабы ему отвращеніе и мерзость ко всему, еже предъ Богомъ злодѣяніе именуется, внушено, и изъ того происходящія тяжкія послѣдствія основательно представлены и прикладами изъ Божественнаго Писанія и свѣтскихъ гисторіи освидѣтельствованы были. Французскому языку учить, который ни чрезъ что иное лучше, какъ чрезъ повседневное обходительство, изученъ быть можетъ. Расцвѣченныя маппы географическія показывать. Къ употребленію циркуля помалу пріучать, изрядство и пользу геометріи представлять. Начало къ военнымъ экзерциціямъ, штурмованью, танцованью и конской ѣздѣ учинить. Къ доброму русскому штилю, то-есть, слогу приводить. Во всѣ почтовые дни французскіе куранты съ Меркуріемъ гисторическимъ прилежно читать, и купно о томъ политическія и нравоучительныя напоминанія представлять. *Телемака* къ наставленію его высочества, яко зерцало и правило предбудущаго его правительства, во всю жизнь употреблять. А дабы непрестаннымъ ученіемъ и трудами чувствъ не наскучить, къ забавѣ игру труктафель въ умѣренное употребленіе привесть. Всѣ труды сіи возможно въ два года удобно отправить и потомъ его высочество въ наукахъ къ совершенству приводить, безъ потерянія времени, дабы онъ къ основательному извѣстію приступить могъ: о всѣхъ дѣлахъ политическихъ въ свѣтѣ; о истинной пользѣ сего государства; о всѣхъ потребныхъ искусствахъ, якоже фортификаціи, артиллеріи, архитектурѣ гражданской, навигаціи и прочее, и прочее — къ наивящшей его величества радости и къ собственной его высочества безсмертной славѣ“.

Для исполненія Наказа выбрали перваго попавшагося нѣмца, Мартына Мартыновича Нейбауера. Онъ училъ Алешу правиламъ „европскихъ кумплиментовъ и учтивствъ“, по книжкѣ *Юности честное зерцало*.

„Наипаче всего должны дѣти отца въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано, всегда шляпу въ рукахъ держать и не съ ними въ рядъ, но

немного уступя, позади оныхъ, къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый, или слуга. Также встрѣтившаго, на три шага не дошедъ и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, поздравлять. Ибо лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ: онъ есть спѣсивый болванъ. На столъ, на скамью, или на что иное не опираться, и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется. Младые отроки не должны носомъ храпѣть и глазами моргать. И сія есть не малая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, яко бы въ трубу трубитъ, или громко чихаетъ, и тѣмъ другихъ людей, или въ церкви дѣтей малыхъ устрашаетъ. Обрѣжь ногти, да не явятся, яко бы оные бархатомъ обшиты. Сиди за столомъ благочинно, прямо, зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь. Надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Младые отроки должны всегда между собою иностранными языками говорить, дабы тѣмъ навыкнуть могли, и можно бы ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать".

Такъ пѣлъ въ одно ухо царевичу нѣмецъ, а въ другое—русскій: „Не плюй, Олешенька, направо—тамъ ангелъ хранитель; плюй налѣво—тамъ бѣсъ. Не обувай, дитятко, лѣвую ножку напередъ правой—грѣшно. Собирай въ бумажку и храни ноготки свои стриженые, было бы чѣмъ на гору Сіонскую, въ царство небесное лѣзть". Нѣмецъ смѣялся надъ русскимъ, русскій надъ нѣмцемъ—и Алеша не зналъ, кому вѣрить. „Горделивый студентъ, мѣщанскій сынъ изъ Гданска" ненавидѣлъ Россію. „Что это за языкъ?—говаривалъ онъ.—Риторики и грамматики на этомъ языкѣ быть не можетъ. Сами русскіе попы не въ силахъ объяснить, что̀ они въ церкви читаютъ. Отъ русскаго языка одно непросвѣщеніе и невѣжество!" Онъ всегда былъ пьянъ и, пьяный, еще пуще ругался:

— Вы-де ничего не знаете, у васъ всѣ варвары! Собаки, собаки! Гундсфоты!..

Русскіе дразнили нѣмца „Мартынушкой—мартышкою“ и доносили царю, что „вмѣсто обученія государя царевича, онъ, Мартынъ, подаетъ ему злые приклады, сочиняетъ противность къ наукамъ и къ обхожденію съ иностранными“. Алешѣ казалось, что оба дядьки—и русскій, и нѣмецъ—одинаковые хамы.

Такъ надоѣстъ ему, бывало, Мартынъ Мартыновичъ за день, что и ночью снится въ видѣ ученой мартышки, которая, по правиламъ европскихъ кумплиментовъ и учтивствъ, кривляется передъ Юности честнымъ зерцаломъ. Кругомъ стоятъ, какъ на стѣнахъ Золотой палаты съ иконописными ликами, древніе московскіе цари, патріархи, святители. А Мартышка смѣется надъ ними, ругается: „Собаки, собаки! Гундсфоты! Вы всѣ ничего не знаете, у васъ всѣ варвары!“ И чудится Алешѣ сходство этой обезьяньей морды съ искаженнымъ судорогой, лицомъ не царя, не батюшки, а того, другого, страшнаго двойника его, оборотня. И мохнатая лапа тянется къ Алешѣ и хватаетъ его за руку, и тащитъ.

И опять онъ проваливается, теперь уже на самый край свѣта, на плоское взморье со мшистыми кочками ржавыхъ болотъ, съ блѣднымъ, точно мертвымъ, солнцемъ, съ низкимъ, точно подземнымъ, небомъ. Здѣсь все туманно, похоже на призракъ. И онъ самъ себѣ кажется призракомъ, какъ будто умеръ давно и сошелъ въ страну тѣней.

Тринадцати лѣтъ записанъ царевичъ въ солдаты бомбардирской роты и взятъ въ походъ подъ Нотебургъ. Изъ Нотебурга въ Ладогу, изъ Ладоги въ Ямбургъ, въ Копорье, въ Нарву—всюду таскаютъ его за войскомъ въ обозѣ, чтобъ пріучить къ военнымъ экзерциціямъ. Почти ребенокъ, терпитъ онъ со взрослыми опасности, лишенія, холодъ, голодъ, безконечную усталость. Видитъ кровь и грязь, всѣ ужасы и мерзости войны. Видитъ отца, но мелькомъ, издали. И каждый разъ, какъ увидитъ—сердце замретъ отъ безумной надежды: вотъ подойдетъ, подзоветъ, приласкаетъ. Одно бы слово, одинъ взоръ—и Алеша ожилъ бы, понялъ, чего хотятъ отъ него. Но отцу все некогда: то шпага, то перо, то

циркуль, то топоръ въ рукѣ его. Онъ воюетъ со Шведомъ и вбиваетъ первыя сваи, строитъ первые домики Санктъ-Питерсбурха.

„Милостивый мой Государь Батюшка, прошу у тебя, Государя, милости, прикажи о своемъ здравіи писаніемъ посѣтить, мнѣ во обрадованіе, чего всегда слышать усердно желаю.

Сынишко твой Алешка благословенія
твоего прошу и поклоненіе приношу.

Изъ Питербурха. 25 августа 1703“.

И въ письмахъ, которыя пишетъ подъ диктовку учителя, не смѣетъ прибавить сердечнаго слова—ласки или жалобы. Одинокій, одичалый, запуганный, растетъ, какъ подъ заборомъ полковыхъ цейхгаузовъ, или въ канавѣ сорная трава.

Нарва взята приступомъ. Царь, празднуя побѣду, дѣлаетъ смотръ войскамъ, при пушечной пальбѣ и музыкѣ. Царевичъ стоитъ передъ фронтомъ и видитъ издали, какъ подходитъ къ нему юный великанъ съ веселымъ и грознымъ лицомъ. Это онъ, онъ самъ—не двойникъ, не оборотень, а настоящій прежній родной батюшка. Сердце у мальчика бьется, замираетъ опять отъ безумной надежды. Глаза ихъ встрѣтились—и точно молнія ослѣпила Алешу. Подбѣжать бы къ отцу, броситься на шею, обнять и цѣловать, и плакать отъ радости.

Но рѣзко и отчетливо, какъ барабанная дробь, раздаются слова, подобныя словамъ указовъ и артикуловъ:

— Сынъ! Для того я взялъ тебя въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни трудовъ, ни опасностей. Понеже я, какъ смертный человѣкъ, сегодня, или завтра могу умереть, то помни, что радости мало получишь, ежели не будешь моему примѣру слѣдовать. Никакихъ трудовъ не щади для блага общаго. Но если разнесетъ мои совѣты вѣтеръ, и не захочешь дѣлать то, что я желаю, то не признàю тебя своимъ сыномъ и буду молить Бога, чтобъ Онъ тебя наказалъ и въ сей, и въ будущей жизни...

Отецъ беретъ Алешу за подбородокъ двумя пальцами и смотритъ ему въ глаза пристально. Тѣнь пробѣгаетъ по лицу Петра. Какъ будто въ первый разъ увидѣлъ онъ сына: этотъ слабенькій мальчикъ, съ узкими плечами, впалою грудью, упрямымъ и угрюмымъ взоромъ—его единственный сынъ, наслѣдникъ престола, завершитель всѣхъ его трудовъ и подвиговъ. Полно, такъ ли? Откуда взялся этотъ жалкій заморышъ, галченокъ въ орлиномъ гнѣздѣ? Какъ могъ *онъ* родить такого сына?

Алеша весь сжался, съежился, какъ будто угадывалъ все, что думалъ отецъ и былъ виноватъ передъ нимъ неизвѣстною, но безконечною виною. Такъ стыдно и страшно ему, что онъ готовъ разревѣться, какъ маленькій мальчикъ, въ виду всего войска. Но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, дрожащимъ голоскомъ лепечетъ заученное привѣтствіе:

— Всемилостивѣйшій государь батюшка! Я еще слишкомъ молодъ и дѣлаю, что могу; но увѣряю ваше величество, что, какъ покорный сынъ, я буду всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру. Боже сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здравіи, дабы еще долго я могъ радоваться столь знаменитымъ родителемъ...

По наставленію Мартына Мартыновича, шляпу снявъ „пріятнымъ образомъ, какъ смиренный кавалеръ", онъ дѣлаетъ нѣмецкій „кумплиментъ":

— Meines gnädigsten Papas gehorsamster Diener und Sohn.

И чувствуетъ себя передъ этимъ исполиномъ, прекраснымъ, какъ юный богъ,—маленькимъ уродцемъ, глупою мартышкою.

Отецъ сунулъ ему руку. Онъ поцѣловалъ ее. Слезы брызнули изъ глазъ Алеши, и ему показалось, что отецъ съ отвращеніемъ, почувствовавъ теплоту этихъ слезъ, отдернулъ руку.

Во время тріумфальнаго входа войскъ въ Москву, 17 декабря 1704 года, по случаю Нарвской побѣды, царевичъ шелъ въ строевомъ Преображенскомъ платьѣ, съ ру-

жьемъ, какъ простой солдатъ. Была стужа. Озябъ, чуть не замерзъ. Во дворцѣ, за обычной попойкой, первый разъ въ жизни выпилъ стаканъ водки, чтобы согрѣться, и сразу охмѣлѣлъ. Голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло. Сквозь эту тьму, съ мутно зелеными и красными, быстро вертящимися, переплетающимися кругами, видѣлъ ясно только лицо батюшки, который смотрѣлъ на него съ презрительной усмѣшкою. Алеша почувствовалъ боль нестерпимой обиды. Шатаясь, всталъ онъ, подошелъ къ отцу, посмотрѣлъ на него исподлобья, какъ затравленный волченокъ, хотѣлъ что-то сказать, что-то сдѣлать, но вдругъ поблѣднѣлъ, слабо вскрикнулъ, покачнулся и упалъ къ ногамъ отца, какъ мертвый.

III

— Уже временная жизнь моя старостью кончается, безгласіемъ, и глухотою, и слѣпотою. Того ради милости прошу уволить меня отъ ключарства, отпустить на покой во святую обитель...

Погруженный въ воспоминанія, царевичъ не слышалъ однообразно журчавшихъ словъ о. Ивана, который, выйдя изъ кельи, сѣлъ снова рядомъ съ нимъ на лавочку.

— Еще и домишко мой, и домовыя пожитченки, и рухледишко излишній продать бы, и двухъ сиротокъ, у меня живущихъ, племянницъ моихъ безродныхъ, управить бы въ какой монастырь. А что приданаго соберется, то принести бы вкладу въ обитель, дабы мнѣ, грѣшному, не туне ясти монастырскіе хлѣбы, и дабы то отъ меня пріято было, какъ отъ вдовицы Евангельской двѣ лепты. И пожить бы мнѣ еще малое время въ безмолвіи и въ покаяніи, доколѣ Божьимъ повелѣніемъ не взятъ буду отъ здѣшней въ гря-

дущую жизнь. А лѣта мои мню быть при смерти моей, понеже и родитель мой, въ сихъ лѣтахъ бывъ, преставился...

Очнувшись, какъ отъ глубокаго сна, царевичъ увидѣлъ, что давно уже ночь. Бѣлыя башни соборовъ сдѣлались воздушно-голубыми, еще болѣе похожими на исполинскіе цвѣты, райскія лиліи. Золотыя главы тускло серебрились въ черносинемъ звѣздномъ небѣ. Млечный путь слабо мерцалъ. И въ дуновеніи горней свѣжести, ровномъ, какъ дыханіе спящаго, сходило на землю предчувствіе вѣчнаго сна — тишина безконечная.

И съ тишиной сливались медленно журчавшія слова о. Ивана:

— Отпустили бъ меня на покой во святую обитель, пожить бы въ безмолвіи, доколѣ не взятъ буду отъ здѣшней въ грядущую жизнь...

Онъ говорилъ еще долго, умолкалъ, опять говорилъ; уходилъ, возвращался, звалъ царевича ужинать. Но тотъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Опять смежилъ глаза и погрузился въ забвенье, въ ту темную область между явью и сномъ, гдѣ обитаютъ тѣни прошлаго. Опять проходили передъ нимъ воспоминанья—видѣнія, образъ за образомъ, какъ длинная цѣпь звено за звеномъ; и надо всѣми царилъ одинъ ужасающій образъ – отецъ. И какъ путникъ, озираясь ночью съ высоты при блескѣ молніи, вдругъ видитъ весь пройденный путь, такъ онъ, при страшномъ блескѣ этого образа, видѣлъ всю свою жизнь . . . .

. . . .

Ему семнадцать лѣтъ — тѣ годы, когда на прежнихъ московскихъ царевичей, только что „объявленныхъ“, люди съѣзжались смотрѣть, какъ на „дивовище“. А на Алешу уже взваленъ трудъ непосильный: ѣздитъ изъ города въ городъ, закупаетъ провіантъ для войска, рубитъ и сплавляетъ лѣсъ для флота, строитъ фортеціи, печатаетъ книги, льетъ пушки, пишетъ указы, набираетъ полки, отыскиваетъ кроющихся недорослей подъ страхомъ смертной казни, почти ребенокъ, надъ такими же ребятами, какъ онъ, „безъ всякаго

пардона, чинитъ экзекуцію", самъ накрѣпко смотритъ за всѣмъ, „дабы фальшиво не было", и посылаетъ батюшкѣ точнѣйшія реляціи.

Отъ нѣмецкихъ склоненій къ болверкамъ, отъ болверковъ къ попойкамъ, отъ попоекъ къ сыску бѣглыхъ — голова кругомъ идетъ. Чѣмъ больше старается, тѣмъ больше требуютъ. Ни сроку, ни отдыху. Кажется, издохнетъ отъ усталости, какъ загнанная лошадь. И знаетъ, что напрасно все — „на батюшку не угодитъ никто ничѣмъ".

Въ то же время учится, какъ школьникъ. „Недѣли двѣ будемъ твердить одного нѣмецкаго языка, чтобъ склоненіямъ въ твердость было, а потомъ будемъ учить французскаго и ариѳметики. А ученіе бываетъ по вся дни".

Наконецъ, надорвался. Въ январѣ 1709 года, въ великіе морозы, когда отводилъ изъ Москвы къ отцу въ Украйну, въ городъ Сумы, пять полковъ, которые самъ набралъ, и которые должны были участвовать въ Полтавскомъ бою,— по дорогѣ простудился, заболѣлъ и нѣсколько недѣль пролежалъ безъ памяти -- „отчаянъ былъ въ смерть".

Очнулся въ солнечный день ранней весны. Вся комната залита косыми лучами желтаго свѣта. За окнами еще снѣжные сугробы. Но съ ледяныхъ сосулекъ уже падаютъ капли. Журчатъ весеннія воды, и въ небесахъ звенитъ, какъ колокольчикъ, пѣсня жаворонка. Алеша видитъ надъ собой склоненное лицо батюшки, прежнее, милое, полное нѣжностью.

— Свѣтикъ мой родненькій, легче ли?..

Не имѣя силы отвѣтить, Алеша только улыбается.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — крестится отецъ благоговѣйно. — Помиловалъ Господь, услышалъ молитвы мои. Теперь, небось, поправишься!

Царевичъ узналъ впослѣдствіи, что батюшка не отходилъ отъ него во время болѣзни, забросилъ всѣ свои дѣла, ночей не спалъ. Когда становилось ему хуже, назначалъ молебствія и далъ обѣтъ, построить церковь во имя св. Алексія Человѣка Божія.

Наступили радостные медленные дни выздоровленія. Алешѣ казалось, что ласки отца, какъ солнечный свѣтъ и тепло, исцѣляютъ его. Въ блаженной истомѣ, со сладостной слабостью въ тѣлѣ, цѣлыми днями лежалъ неподвижно, смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться на простое величавое лицо батюшки, на свѣтлыя страшныя милыя очи, на прелестную, какъ будто немного лукавую, улыбку женственно-тонкихъ, извилистыхъ губъ. Отецъ не зналъ, какъ приласкать Алешу, чѣмъ угодить ему. Однажды подарилъ собственнаго издѣлья, точеную изъ слоновой кости табакерку, съ надписью: *Малое, только отъ добраго сердца*. Царевичъ хранилъ ее долгіе годы, и каждый разъ, бывало, какъ взглянетъ на нее, — что-то острое, жгучее, подобное безмѣрной жалости къ отцу, пронзитъ ему сердце.

Въ другой разъ, тихонько гладя сыну волосы, Петръ проговорилъ смущенно и робко, точно извиняясь:

— Ежели сказалъ я тебѣ, или сдѣлалъ чтó огорчительное, то, для Бога, не имѣй о томъ печали. Прости, Алеша. Въ трудномъ житіи и малая противность приводитъ въ сердце. А житіе мое истинно трудно: не съ кѣмъ ни о чемъ подумать. Ни единаго помощника!..

Алеша, какъ бывало въ дѣтствѣ, обвилъ отцу шею руками и, весь дрожа, замирая отъ стыдливой нѣжности, шепнулъ ему на ухо:

— Батя милый, родненькій, люблю, люблю!..

Но по мѣрѣ того, какъ возвращался онъ къ жизни, отецъ уходилъ отъ него. Словно положенъ былъ на нихъ безпощадный зарокъ: быть вѣчно другъ другу родными и чуждыми, тайно другъ друга любить, явно ненавидѣть.

И все пошло опять по старому: сборъ провіанта, сыскъ бѣглыхъ, литье пушекъ, рубка лѣсовъ, строенье болверковъ, скитанье изъ города въ городъ. Опять работаетъ, какъ каторжный. А батюшка все недоволенъ, все ему кажется, что сынъ лѣнится—„дѣла оставивъ, ходитъ за бездѣльемъ". Иногда Алешѣ хочется напомнить ему о томъ, что было въ Сумахъ. Но языкъ не поворачивается.

„Зоонъ! Объявляемъ вамъ ѣхать въ Дрезденъ. Между тѣмъ приказываемъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончишь, отпиши къ намъ“.

Въ чужихъ краяхъ жилъ покинутымъ всѣми изгнанникомъ. Отецъ опять забылъ о немъ. Вспомнилъ, чтобы женить. Невѣста, дочь Вольфенбюттельскаго герцога, Шарлотта не нравилась царевичу. Ему не хотѣлось жениться на иноземкѣ. „Вотъ жену мнѣ на шею чертовку навязали!“— ругался онъ, пьяный.

Передъ свадьбою долженъ былъ вести унизительный торгъ о приданомъ. Царь старался оттягать у нѣмцевъ каждый грошъ.

Проживъ съ женою полгода, покинулъ ее для новой „волокиты“: изъ Штетина въ Мекленбургъ, изъ Мекленбурга въ Або, изъ Або въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Ладогу — опять безконечная усталость, безконечный страхъ.

Этотъ страхъ передъ каждымъ свиданьемъ съ отцомъ возрасталъ до безумнаго ужаса. Подходя къ дверямъ батюшкиной комнаты, царевичъ шепталъ, крестясь: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“; безсмысленно твердилъ урокъ навигаціи, не въ силахъ запомнить варварскихъ словъ: крупъ-камеры, балкъ-вегерсы, гайгенъ-блокены, анкаръ-штоки — и щупалъ на груди ладонку, подарокъ няни, съ наговореною травкою, вмятою въ воскъ, и бумажкою, на которой написанъ былъ древній заговоръ — для умягченія сердца родительскаго:

„На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своему родимому батюшкѣ. Загнѣвился мой родимый родушка, ломалъ мои кости, щипалъ мое тѣло, топталъ меня въ ногахъ, пилъ мою кровь. Солнце ясное, звѣзды свѣтлыя, море тихое, поля желтыя — всѣ вы стоите смирно и тихо; такъ былъ бы тихъ и смиренъ мой ро-

димый батюшка, по вся дни, по вся часы, въ нощи и полунощи“.

— Ну, братъ, нечего сказать, изрядная фортеція! — разглядывая поданный сыномъ чертежъ, пожималъ плечами отецъ. — Многому ты, видно, въ чужихъ краяхъ научился.

Алеша окончательно терялся, путался, какъ провинившійся школьникъ передъ розгою.

Чтобъ избавиться отъ этой пытки, принималъ лекарства, „притворялъ себѣ больнымъ“.

Ужасъ превращался въ ненависть.

Передъ Прутскимъ походомъ царь тяжело заболѣлъ — „не чаялъ живота себѣ“. Когда царевичъ узналъ объ этомъ, у него впервые промелькнула мысль о возможной смерти отца, вмѣстѣ съ радостью. Онъ испугался этой радости, отогналъ ее, но истребить не могъ. Она притаилась гдѣ-то въ самой глубинѣ души его, какъ звѣрь въ засадѣ.

Однажды, во время попойки, когда царь, по обыкновенію, ссорилъ пьяныхъ, чтобъ узнавать изъ перебранки тайныя мысли своихъ приближенныхъ, царевичъ, тоже пьяный, заговорилъ о дѣлахъ государственныхъ, объ угнетеніи народа.

Всѣ притихли, даже шуты перестали галдѣть. Царь слушалъ внимательно. У Алеши сердце замирало отъ надежды: что, если пойметъ, послушаетъ?

— Ну, полно врать! — вдругъ остановилъ его царь, съ тою усмѣшкою, которая была такъ знакома и ненавистна Алешѣ. — Вижу, братъ, что ты политичныя и гражданскія дѣла столь остро знаешь, сколь медвѣдь играть на органахъ...

И, отвернувшись, сдѣлалъ знакъ шутамъ. Они опять загалдѣли. Князь Меньшиковъ, пьяный, съ другими вельможами пустился въ плясъ.

Царевичъ все еще что-то говорилъ, кричалъ срывающимся голосомъ. Но отецъ, не обращая на него вниманія, притопывалъ, прихлопывалъ, подсвистывалъ пляшущимъ:

Тары-бары, растобары,
Бѣлы снѣги выпадали,
Сѣры зайцы выбѣгали.
Ой, жги! Ой, жги!

И лицо у него было солдатское, грубое — лицо того, кто писалъ: „непріятелю отъ насъ добрый трактаментъ былъ, что и младенцевъ немного оставили“.

Запыхавшійся отъ пляски Меньшиковъ остановился вдругъ передъ царевичемъ, руки въ боки, съ наглою усмѣшкою, въ которой отразилась усмѣшка царя.

— Эй, царевичъ! — крикнулъ свѣтлѣйшій, произнося „царевичъ“, по своему обыкновенію, такъ, что выходило „псаревичъ“.

— Эй, царевичъ Өедулъ, что ты губы надулъ? Ну-ка, съ нами попляши!

Алеша поблѣднѣлъ, схватился за шпагу, но тотчасъ опомнился и, не глядя на него, проговорилъ сквозь зубы:

— Смердъ!..

— Что? Что ты сказалъ, щенокъ?..

Царевичъ обернулся, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и произнесъ громко:

— Я говорю: смердъ! Смерда взглядъ хуже брани...

Въ то же мгновеніе мелькнуло передъ Алешею искаженное судорогой, лицо батюшки. Онъ ударилъ сына по лицу такъ, что кровь полилась изо рта, изъ носу; потомъ схватилъ его за горло, повалилъ на полъ и началъ душить. Старые сановники, Ромодановскій, Шереметевъ, Долгорукіе, которымъ царь самъ поручилъ удерживать его въ припадкахъ бѣшенства, бросились къ нему, ухватили за руки, оттащили отъ сына — боялись, что убьетъ.

Дабы „учинить сатисфакцію“ свѣтлѣйшему, царевича выгнали изъ дома и поставили на караулъ у дверей, какъ ставятъ въ уголъ школьника. Была зимняя ночь, морозъ и вьюга. Онъ—въ одномъ кафтанѣ, безъ шубы. На лицѣ слезы и кровь замерзали. Вьюга выла, кружилась, точно пѣла и плясала, пьяная. И за освѣщенными окнами дома, тоже пля-

сала и пѣла пьяная старая шутиха, князь-игуменья Ржевская. Съ дикимъ воемъ вьюги сливалась дикая пѣсня:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ,
А купали во зеленыимъ винѣ.

Такая тоска напала на Алешу, что онъ готовъ былъ разможжить себѣ голову о стѣну.

Вдругъ, въ темнотѣ, кто-то сзади подкрался къ нему, накинулъ на плечи шубу, потомъ опустился передъ нимъ на колѣни и началъ цѣловать ему руки—точно лизалъ ихъ ласковый песъ. То былъ старый солдатъ преображенской гвардіи, случайный товарищъ Алеши по караулу, тайный раскольникъ.

Старикъ смотрѣлъ ему въ глаза съ такой любовью, что, видно, готовъ былъ за него отдать душу свою, и плакалъ, и шепталъ, словно молился на него.

— Государь царевичъ, свѣтъ ты нашъ батюшка, солнышко красное! Сиротка бѣдненькій — ни отца, ни матери. Сохрани тебя Отецъ Небесный, Матерь Пречистая!..

Отецъ бивалъ Алешу не разъ, и безъ чиновъ кулаками, и по чину дубинкою. Царь дѣлалъ все по новому, а сына билъ по старому, по Домострою о. Сильвестра, совѣтника царя Грознаго, сыноубійцы:

„Не дай сыну власти въ юности, но сокруши ребро, донележе ростетъ; аще бо жезломъ его біеши, то не умретъ, но здравѣе будетъ“.

Алеша чувствовалъ животный страхъ побоевъ—„убьетъ, искалѣчитъ“—но къ душевной боли и стыду привыкъ. Порой загоралась въ немъ злобная радость. „Ну чтожъ, бей! Не меня, себя срамишь“ — какъ будто говорилъ онъ отцу, глядя на него безконечно-покорнымъ и безконечно-дерзкимъ взглядомъ.

Но, должно быть, отецъ догадался объ этомъ; онъ прекратилъ побои и придумалъ злѣйшее: пересталъ говорить

съ нимъ вовсе. Когда Алеша самъ заговаривалъ,—молчалъ, точно не слышалъ, и глядѣлъ на него, какъ на пустое мѣсто. Молчаніе длилось недѣли, мѣсяцы, годы. Онъ чувствовалъ его всегда, вездѣ, и съ каждымъ днемъ оно становилось все нестерпимѣе. Оскорбительнѣе всякой брани, страшнѣе всякихъ побоевъ. Оно казалось ему медленнымъ убійствомъ — такою жестокостью, которой не простятъ ни люди, ни Богъ.

Это молчаніе было конецъ всего. Дальше — ничего, кромѣ мрака, и во мракѣ — мертвое, неподвижное, точно каменная маска, лицо батюшки, какимъ видѣлъ онъ его въ послѣдній разъ. И мертвыя слова изъ мертвыхъ устъ: „Яко удъ гангренный отсѣку, какъ со злодѣемъ поступлю!“ . .
. . . .

Нить воспоминаній оборвалась. Онъ очнулся и открылъ глаза. Ночь все такъ же тиха; такъ же синѣютъ бѣлыя башни соборовъ; золотыя главы тускло серебрятся въ черномъ звѣздномъ небѣ; млечный путь слабо мерцаетъ. И въ дуновеніи горней свѣжести, ровномъ, какъ дыханіе спящаго, съ неба на землю сходитъ предчувствіе вѣчнаго сна— тишина безконечная.

Царевичъ испытывалъ въ это мгновеніе какъ будто усталость всей своей жизни; спину, руки, ноги, всѣ члены ломило; кости ныли отъ усталости.

Хотѣлъ встать, но не было силъ, только руки поднялъ къ небу и простоналъ, точно позвалъ Того, Кто могъ отвѣтить:

— Боже мой! Боже мой!..

Но никто не отвѣтилъ. Молчанье было на землѣ и на небѣ, какъ будто и Отецъ Небесный покинулъ его, такъ же какъ земной.

Онъ закрылъ лицо руками, склонился головой на каменную лавку и заплакалъ, сначала тихо, жалобно, какъ плачутъ брошенныя дѣти; потомъ — все громче и громче, все безумнѣе. Рыдалъ и бился головой о камни и кричалъ отъ обиды, отъ возмущенія, отъ ужаса. Плакалъ

о томъ, что нѣтъ отца—и въ этомъ плачѣ былъ вопль Голгоѳы, вѣчный вопль Сына къ Отцу:

Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставилъ?

Вдругъ услышалъ, какъ тогда, зимнею ночью, на караулѣ, что кто-то въ темнотѣ подошелъ къ нему, склонился и обнялъ. То былъ о. Иванъ, старый ключарь Благовѣщенскій.

— Что ты, родимый? Господь съ тобой! Кто обидѣлъ тебя, свѣтикъ мой?..

— Отецъ!.. Отецъ!..—могъ только простонать Алеша.

Старикъ понялъ все. Тяжело вздохнулъ, помолчалъ, потомъ зашепталъ съ такою безнадежною покорностью, что, казалось, устами его говоритъ сама дряхлая мудрость вѣковъ.

— Что дѣлать, Алешенька? Смирись, смирись, дитятко! Плетью обуха не перешибешь. Съ царемъ не поспоришь. Богъ на небѣ, царь на землѣ. Несудима воля царская. Одному Богу государь отвѣтъ держитъ. А онъ тебѣ не только царь, но и отецъ богоданный...

— Не отецъ, а злодѣй, мучитель, убійца! — крикнулъ Алеша.—Будь онъ проклятъ, будь онъ проклятъ, извергъ!..

— Государь царевичъ, ваше высочество, не гнѣви Бога, не говори словъ неистовыхъ! Велика власть отчая. И въ Писаніи сказано: *чти отца своего...*

Царевичъ пересталъ вдругъ плакать, быстро обернулся и посмотрѣлъ на старика долго, пристально.

— А вѣдь и другое тоже, батька, въ Писаніи сказано: *не пріидохъ вложити миръ, но рать и но̀жъ — пріидохъ разлучити человѣка сына отъ отца.* Слышишь, старикъ? Господь разлучилъ меня отъ отца моего! Отъ Господа я— рать и ножъ въ сердце родшаго мя, я — судъ и казнь ему отъ Господа! Не за себя я возсталъ, а за церковь, за царство, за весь народъ христіанскій! Ревнуя, поревновалъ о Господѣ! И не смирюсь, не покорюсь ему—даже до смерти! Тѣсно намъ обоимъ въ мірѣ! Или онъ, или я!..

Съ лицомъ искаженнымъ судорогой, съ трясущейся

нижнею челюстью, съ глазами, горящими грознымъ огнемъ онъ сталъ похожъ на отца внезапнымъ, точно призрачнымъ, сходствомъ.

Старикъ смотрѣлъ на него въ ужасѣ, какъ на одержимаго, и крестилъ его, и самъ крестился, и качалъ головою, и шамкалъ дряхлыми устами слова дряхлой мудрости:

— Смирись, смирись, дитятко! Покорись отцу!..

И казалось, древнія стѣны Кремля и дворцы, и соборы, и самая земля съ гробами отцовъ — здѣсь все повторяло: „Смирись, смирись!"

Когда царевичъ вошелъ въ домъ ключаря Благовѣщенскаго, сестра его, Алешина кормилица, старушка Марѳа Аѳанасьевна, взглянувъ на лицо его, подумала, что онъ боленъ. Она еще больше перепугалась, когда онъ отказался отъ ужина, и прошелъ прямо въ спальню. Старушка хотѣла было напоить его липовымъ цвѣтомъ и натереть камфарою съ виннымъ духомъ. Чтобъ успокоить ее, онъ долженъ былъ принять водки-апоплектики. Собственными руками она уложила его въ постель, мягкую-премягкую, съ цѣлою горою пуховиковъ и подушекъ, въ какой онъ уже давно не спалъ. Такъ мирно теплилась лампада передъ образомъ; вѣяло такимъ знакомымъ запахомъ сушеныхъ лѣкарственныхъ травъ, кипариса и ладана; такъ усыпителенъ былъ шопотъ старушки, которая сказывала старыя дѣтскія сказки объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ, о пѣтушкѣ-золотомъ-гребешкѣ, о лаптѣ, пузырѣ, да соломинкѣ, что̀ хотѣли вмѣстѣ рѣку перейти, соломинка сломалась, лапоть потонулъ, а пузырь дулся, дулся и лопнулъ;—что Алешѣ казалось сквозь дремоту, будто бы онъ, маленькій мальчикъ, лежитъ въ своей постелькѣ, у бабушки въ теремѣ, и всего, что̀ было, не было, и не Марѳа Аѳанасьевна, а бабушка склоняется надъ нимъ, укрываетъ его, укутываетъ, укручиваетъ, и креститъ, и шепчетъ: „Спи, свѣтъ Олешенька, спи съ Богомъ, дитятко". И тихо, тихо. И Сиринъ, птица райская, поетъ пѣсни царскія. И слушая сладкое пѣніе, онъ, точно умираетъ, засыпаетъ вѣчнымъ сномъ безъ сновидѣній.

Но передъ утромъ приснилось ему, будто бы идетъ онъ въ Кремлѣ, по Красной площади, среди народа, совершая Шествіе на Осляти въ Недѣлю Ваій, Воскресеніе Вербное. Въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ златой порфирѣ, златомъ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха, ведетъ за поводъ Осля, на которомъ сидитъ патріархъ, старенькій-старенькій, сѣденькій, весь бѣлый, свѣтлый отъ сѣдины. Но вглядѣвшись пристальнѣе, Алеша видитъ, что это не старикъ, а юноша въ одеждѣ бѣлой какъ снѣгъ, съ лицомъ, какъ солнце — самъ Христосъ. Народъ не видитъ, или не узнаетъ Его. У всѣхъ лица страшныя, сѣрыя, землистыя, какъ у покойниковъ. И всѣ молчатъ — такая тишина, что Алеша слышитъ, какъ бьется его собственное сердце. И небо тоже страшное, полное трупною сѣростью, какъ передъ затменіемъ солнца. А подъ ногами у него все вертится горбунъ, въ трехуголкѣ, съ глиняной трубкою въ зубахъ, и дымитъ ему прямо въ носъ вонючимъ голландскимъ кнастеромъ, и что-то лопочетъ, и нагло ухмыляется, указывая пальцемъ туда, откуда доносится ростущій, приближающійся гулъ подобный гулу урагана. И видитъ Алеша, что это — встрѣчное шествіе: протодіаконъ всепьянѣйшаго собора, царь Петръ Алексѣевичъ, ведетъ за поводъ, вмѣсто Осляти, невиданнаго звѣря; на звѣрѣ сидитъ нѣкто съ темнымъ ликомъ; Алеша разсмотрѣть его не можетъ, но кажется, что онъ похожъ на плута Ѳедоску и на Петьку-вора, Петьку-хама, только страшнѣе, гнуснѣе обоихъ; а передъ ними — безстыжая голая дѣвка, не то Афроська, не то петербургская Венусъ. Встрѣчая шествіе, звонятъ во всѣ колокола и въ самый большой, на Иванѣ Великомъ, называемый *Ревутомъ*. И народъ кричитъ, какъ на бывшей свадьбѣ князя-папы, Никиты Зотова:

— Патріархъ женился! Патріархъ женился! Да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!

И падая ницъ, поклоняется Звѣрю, Блудницѣ и Хаму Грядущему:

— Осанна! Осанна! Благословенъ Грядый!

Покинутый всѣми, Алеша — одинъ со Христомъ, среди обезумѣвшей черни. И дикое шествіе мчится прямо на нихъ, съ крикомъ и гикомъ, съ мракомъ и смрадомъ, отъ котораго чернѣетъ золото царскихъ одеждъ и самое солнце Лика Христова. Вотъ налетятъ, раздавятъ, растопчутъ, все сметутъ—и станетъ на мѣстѣ святомъ мерзость запустѣнія.

Вдругъ все исчезло. Онъ на берегу широкой пустынной рѣки, какъ будто на большой дорогѣ изъ Польши въ Украйну. Поздній вечеръ поздней осени. Мокрый снѣгъ, черная грязь. Вѣтеръ срываетъ послѣдніе листья съ дрожащихъ осинъ. Нищій въ лохмотьяхъ, озябшій, посинѣвшій, проситъ жалобно: „Христа ради, копѣечку!“ — „Вишь, клейменый, — думаетъ Алеша, глядя на руки и ноги его съ кровавыми язвами,—должно быть, бѣглый изъ рекрутъ“. И такъ жалѣетъ „малаго озяблаго“, что хочетъ дать ему не копѣечку, а семь гульденовъ. Вспоминаетъ во снѣ, что записалъ въ путевомъ дневникѣ, среди прочихъ расходовъ: „22 ноября— За перевозъ черезъ рѣку 3 гульдена; за постой въ жидовской корчмѣ 5 гульденовъ; *малому озяблому* 7 гульденовъ“. Уже протягиваетъ руку нищему—вдругъ чья-то грубая рука ложится на плечо Алеши, и грубый голосъ, должно быть, караульнаго солдата при шлагбаумѣ, говоритъ:

— За подаянье милостыни штрафу пять рублевъ, а нищихъ, бивъ батожьемъ, и ноздри рвавъ, ссылать на Рогервикъ.

— Смилуйся,—молитъ Алеша.—Лисицы имѣютъ норы и птицы—гнѣзда, а Сей не имѣетъ, гдѣ преклонить голову...

И вглядываясь въ малаго озяблаго, видитъ, что лицо Его, какъ солнце, что это — самъ Христосъ.

IV

„Мой сынъ!

„Понеже, когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостью своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возмешь резолюцію чего я ждалъ семь мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для, нынѣ (понеже время довольное на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми—или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши, куды и въ которое время, и день (дабы я покой имѣлъ въ своей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи“.

Курьеръ Сафоновъ привезъ письмо изъ Копенгагена на мызу Рождествено, куда царевичъ вернулся изъ Москвы.

Онъ отвѣтилъ отцу, что ѣдетъ къ нему тотчасъ. Но никакой резолюціи не взялъ. Ему казалось, что тутъ не выборъ одного изъ двухъ—или постричься или исправить себя къ наслѣдству—а только двойная ловушка: постричься съ мыслью, что клобукъ-де не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, значило дать Богу лживую клятву—погубить душу; а для того, чтобы исправить себя къ наслѣдству, какъ требовалъ

батюшка, нужно бы снова войти въ утробу матери и снова родиться.

Письмо не огорчило и не испугало царевича. На него нашло то безчувственное и безмысленное оцѣпенѣніе, которое въ послѣднее время все чаще находило на него. Въ такомъ состояніи, онъ говорилъ и дѣлалъ все, какъ во снѣ, самъ не зная, что скажетъ и сдѣлаетъ въ слѣдующую минуту. Страшная легкость и пустота были въ сердце—не то отчаянная трусость, не то отчаянная дерзость.

Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, остановился въ домѣ своемъ у церкви Всѣхъ Скорбящихъ и велѣлъ камердинеру Ивану Аѳанасьеву Большому „убрать, что̀ надобно въ путь противъ прежняго, какъ въ нѣмецкихъ краяхъ съ нимъ было“.

— Къ батюшкѣ изволишь ѣхать?

— Ѣду, Богъ знаетъ, къ нему или въ сторону, — проговорилъ Алексѣй вяло.

— Государь царевичъ, куда въ сторону?..—испугался, или притворился Аѳанасьичъ испуганнымъ.

— Хочу посмотрѣть Венецію...—усмѣхнулся было царевичъ, но тотчасъ прибавилъ уныло и тихо, какъ будто про себя:

— Я не ради чего иного, только бы мнѣ себя спасти... Однакожъ, ты молчи. Только у меня про это ты знаешь, да Кикинъ...

— Я тайну твою хранить готовъ,—отвѣтилъ старикъ, со своею обычною угрюмостью, подъ которою, однако, свѣтилась теперь въ глазахъ его безконечная преданность.— Только намъ бѣда будетъ, когда ты уѣдешь. Осмотрись, что́ дѣлаешь...

Я отъ батюшки не чаялъ къ себѣ присылки быть,— продолжалъ царевичъ все такъ же сонно и вяло.—И въ умѣ моемъ того не было. А теперь вижу, что мнѣ путь правитъ Богъ. А се, и сонъ я нынѣ видѣлъ, будто церкви строю, а то значитъ—путь достроитъ...

И зѣвнулъ.

— Многіе, ваша братья,—замѣтилъ Аѳанасьичъ,—спа-

салися бѣгствомъ. Однако, въ Россіи того не бывало, и никто не запомнитъ...

Прямо изъ дому царевичъ поѣхалъ къ Меньшикову и сообщилъ ему, что ѣдетъ къ отцу. Князь говорилъ съ нимъ ласково. Подъ конецъ спросилъ:

— А гдѣ же ты Афросинью оставишь?

— Возьму до Риги, а потомъ отпущу въ Питербурхъ,— отвѣтилъ царевичъ наугадъ, почти не думая о томъ, что говоритъ; онъ потомъ самъ удивился этой безотчетной хитрости.

— Зачѣмъ отпускать?—молвилъ князь, заглянувъ ему прямо въ глаза.—Лучше возьми съ собою...

Если бы царевичъ былъ внимательнѣе, онъ удивился бы: не могъ не знать Меньшиковъ, что сыну, который желалъ „исправить себя къ наслѣдству“, нельзя было явиться къ батюшкѣ въ лагерь „для обученія воинскихъ дѣйствъ“, съ непотребною дѣвкою Афроською. Что же значили эти слова? Когда впослѣдствіи узналъ о нихъ Кикинъ, то внушилъ царевичу благодарить князя письмомъ за совѣтъ; „можетъ-де быть, что отецъ найдетъ письмо твое у князя и будетъ имѣть о немъ суспектъ въ твоемъ побѣгѣ“.

На прощаніе Меньшиковъ велѣлъ ему зайти въ сенатъ, чтобы получить паспортъ и деньги на дорогу.

Въ сенатѣ старались всѣ наперерывъ услужить царевичу, какъ будто желали тайно выразить сочувствіе, въ которомъ нельзя было признаться. Меньшиковъ далъ ему на дорогу 1.000 червонныхъ. Господа Сенатъ назначили отъ себя другую тысячу и тутъ же устроили заемъ пяти тысячъ золотомъ и двухъ мелкими деньгами у оберъ-комиссара въ Ригѣ. Никто не спрашивалъ, всѣ точно сговорились молчать о томъ, на что царевичу можетъ понадобиться такая куча денегъ.

Послѣ засѣданія, князь Василій Долгорукій отвелъ его въ сторону.

— Ѣдешь къ батюшкѣ?

— А какъ же быть, князь?

Долгорукій осторожно оглянулся, приблизилъ свои толстыя мягкія, старушечьи губы къ самому уху Алексѣя и шепнулъ:

— Какъ? А вотъ какъ: взявши шлыкъ да въ подворотню шмыгъ, поминай какъ звали — былъ не былъ, а и слѣдъ простылъ, по пусту мѣсту хоть обухомъ бей!..

И помолчавъ, прибавилъ, все такъ же на ухо шепотомъ:

— Кабы на государевъ жестокій нравъ да не царица, я бы въ Штетинъ первый измѣнилъ, лытка бы задалъ!

Онъ пожалъ руку царевичу, и слезы навернулись на хитрыхъ и добрыхъ глазахъ старика.

— Ежели въ чемъ могу впредь служить, то радъ хотя бы и животъ за тебя положить...

— Пожалуй, не оставь, князенька! — проговорилъ Алексѣй, безъ всякаго чувства и мысли, только по старой привычкѣ.

Вечеромъ онъ узналъ, что вѣрнѣйшій изъ царскихъ слугъ, князь Яковъ Долгорукій посылалъ ему сказать стороной, чтобъ онъ къ отцу не ѣздилъ: „худо-де ему тамъ готовится“.

На слѣдующее утро, 26 сентября 1716 года, царевичъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ почтовой каретѣ, съ Афросиньей и братомъ ея, бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, Иваномъ Ѳедоровымъ.

Онъ такъ и не рѣшилъ, куда ѣдетъ. Изъ Риги, однако, взялъ съ собою Афросинью дальше, сказавъ, что „велѣно ему ѣхать тайно въ Вѣну, для дѣланія аліанцу противъ Турка, и чтобы тамъ жить тайно, дабы не свѣдалъ турокъ“.

Въ Либавѣ встрѣтилъ его Кикинъ, возвращавшійся изъ Вѣны.

— Нашелъ ты мнѣ мѣсто какое?—спросилъ его царевичъ.

— Нашелъ: поѣзжай къ цесарю, тамъ не выдадутъ. Самъ цесарь сказалъ вице-канцлеру Шенборну, что приметъ тебя, какъ сына.

Царевичъ спросилъ.

— Когда ко мнѣ будутъ присланные въ Данцигъ отъ батюшки, что̀ дѣлать?

— Уйди ночью,—отвѣтилъ Кикинъ,—или возьми дѣтину одного; а багажъ и людей брось. А ежели два присланы будутъ, то притвори себѣ болѣзнь, и изъ тѣхъ одного пошли напередъ, а отъ другого уйди.

Замѣтивъ его нерѣшительность, Кикинъ сказалъ:

— Попомни, царевичъ: отецъ не пострижетъ тебя нынѣ, хотябъ ты и хотѣлъ. Ему друзья твои, сенаторы приговорили, чтобъ тебя ему при себѣ держать неотступно и съ собою возить всюду, чтобы ты отъ волокиты умеръ, понеже-де труда не понесешь. И отецъ сказалъ: хорошо-де такъ. И разсуждалъ ему князь Меньшиковъ, что въ чернечествѣ тебѣ покой будетъ и можешь долго жить. И по сему слову, я дивлюсь, что давно тебя не взяли. А можетъ быть, и то сдѣлаютъ: какъ будешь въ Дацкой землѣ, — и отецъ, подъ претекстомъ обученія, посадя на одинъ воинскій свой корабль, дастъ указъ капитану вступить въ бой со шведскимъ кораблемъ, который будетъ въ близости, чтобы тебя убить, о чемъ изъ Копенгагена есть вѣдомость. Для того тебя нынѣ и зовутъ, и, кромѣ побѣгу, тебѣ спастись ни чѣмъ нельзя. А самому лѣзть въ петлю — сіе было бы глупѣе всякаго скота! — заключилъ Кикинъ и посмотрѣлъ на царевича пристально:

— Да что ты такой сонный, ваше высочество, словно не въ себѣ? Аль не можется?

— Усталъ я очень,—отвѣтилъ царевичъ просто.

Когда они уже простились и разошлись, Кикинъ вдругъ вернулся, догналъ его, остановилъ и, глядя ему прямо въ глаза, проговорилъ медленно, упирая на каждое слово — и такая увѣренность была въ этихъ словахъ, что у царевича, несмотря на все его равнодушіе, морозъ пробѣжалъ по тѣлу:

— Буде отецъ къ тебѣ пришлетъ кого тебя уговаривать, чтобъ ты вернулся, и простить обѣщаетъ, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично.

При отъѣздѣ изъ Либавы, Алексѣй точно такъ же ничего не рѣшилъ, какъ при отъѣздѣ изъ Петербурга. Онъ, впрочемъ, надѣялся, что и рѣшать не придется, потому что въ Данцигѣ ждутъ посланные отъ батюшки. Съ Данцига дорога раздѣлялась на двѣ: одна на Копенгагенъ, другая черезъ Бреславль на Вѣну. Посланныхъ не оказалось. Нельзя было медлить рѣшеніемъ. Когда хозяинъ вирцгауза, гдѣ царевичъ остановился на ночь, пришелъ вечеромъ спросить, куда ему угодно заказать лошадей на завтра, онъ посмотрѣлъ на него съ минуту разсѣянно, какъ будто думалъ о другомъ, потомъ произнесъ, почти не сознавая, что говоритъ:

— Въ Бреславль.

И тотчасъ же самъ испугался этого слова, которое рѣшало судьбу его. Но подумалъ, что можно перерѣшить утромъ. Утромъ лошади были поданы, оставалось сѣсть и ѣхать. Онъ отложилъ рѣшеніе до слѣдующей станціи; на слѣдующей станціи — до Франкфурта-на-Одерѣ, во Франкфуртѣ до Цибингена, въ Цибингенѣ до Гросена — и такъ безъ конца. Ѣхалъ все дальше и уже не могъ остановиться, точно сорвался и катился внизъ по скользкой кручѣ. Та же сила страха, которая прежде его удерживала, теперь гнала впередъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ ѣхалъ, страхъ возрасталъ. Онъ понималъ, что бояться нечего — отецъ еще не могъ знать о побѣгѣ. Но страхъ былъ слѣпой, безсмысленный. Кикинъ снабдилъ его ложными пасами. Царевичъ выдавалъ себя то за польскаго кавалера Кременецкаго, то за полковника Кохацскаго, то за поручика Балка, то за купца изъ русской арміи. Но ему казалось, что хозяева вирцгаузовъ, ландкучера, фурманы, почтмейстеры — всѣ знаютъ, что онъ — русскій царевичъ и бѣжитъ отъ отца. На ночевкахъ просыпался и вскакивалъ въ ужасѣ отъ каждаго шороха, скрипа шаговъ и треска половицы. Когда однажды въ полутемную столовую, гдѣ онъ ужиналъ, вошелъ человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ, похожемъ на дорожное платье отца, и почти такого же роста, какъ батюшка, царе-

вичу едва не сдѣлалось дурно. Всюду мерещились ему шпіоны. Щедрость, съ которою онъ сыпалъ деньгами, дѣйствительно, внушала подозрѣніе бережливымъ нѣмцамъ, что они имѣютъ дѣло съ особою царственной крови. На экстрапочтахъ давали ему лучшихъ лошадей, и кучера гнали ихъ во весь опоръ. Разъ въ сумерки, когда онъ увидѣлъ ѣхавшую сзади карету, ему представилось, что это погоня. Онъ пообѣщалъ фурману на водку десять гульденовъ. Тотъ поскакалъ сломя голову. На поворотѣ ось зацѣпила за камень, колесо отскочило. Должны были остановиться и вылѣзти. Ѣхавшіе сзади настигали. Царевичъ такъ перепугался, что хотѣлъ бросить все и уйти съ Афросиньей пѣшкомъ въ лѣсъ, чтобы спрятаться. Онъ уже тащилъ ее за руку. Она едва его удержала.

Проѣхавъ Бреславль, онъ уже почти нигдѣ не останавливался. Скакалъ днемъ и ночью, безъ отдыха. Не спалъ, не ѣлъ. Горло сжимала судорога, когда онъ старался проглотить кусокъ. Стоило ему задремать, чтобы тотчасъ проснуться, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и обливаясь холоднымъ потомъ. Хотѣлось умереть, или сразу быть пойманнымъ, только бы избавиться отъ этой пытки.

Наконецъ, послѣ пяти безсонныхъ ночей, заснулъ мертвымъ сномъ.

Проснулся въ каретѣ раннимъ, еще темнымъ утромъ. Сонъ освѣжилъ его. Онъ чувствовалъ себя почти бодрымъ.

Рядомъ съ нимъ спала Афросинья. Было холодно. Онъ укуталъ ее теплѣе и поцѣловалъ спящую. Они проѣзжали неизвѣстный маленькій городъ съ высокими узкими домами и тѣсными улицами, въ которыхъ отдавался гулко грохотъ колесъ. Ставни были заперты; должно быть, всѣ спали. Посерединѣ рыночной площади, передъ ратушей, журчали струи фонтана, стекая съ краевъ зелено-мшистой каменной раковины, которую поддерживали плечи сгорбленныхъ тритоновъ. Лампада теплилась въ углубленіи стѣны передъ Мадонною.

Проѣхавъ городъ, поднялись на холмъ. Съ холма до-

рога спускалась на широкую, слегка отлогую равнину. Карета, запряженная шестеркою цугомъ, мчалась, какъ стрѣла. Колеса мягко шуршали по влажной пыли. Внизу еще лежалъ ночной туманъ. Но вверху уже свѣтлѣло, и туманъ, оставляя на сухихъ былинкахъ цѣпкія нити паутины, унизанныя каплями росы, точно бисеромъ, подымался, какъ занавѣсъ. Открылось голубое небо. Тамъ осенняя станица журавлей, озаренная первымъ лучемъ на землѣ еще не взошедшаго солнца, летѣла съ призывными криками. На краю равнины синѣли горы; то были горы Богеміи. Вдругъ сверкнулъ изъ-за нихъ ослѣпляющій лучъ прямо въ глаза царевичу. Солнце всходило—и радость подымалась въ душѣ его, ослѣпляющая, какъ солнце. Богъ спасъ его, никто, какъ Богъ!

Онъ смѣялся и плакалъ отъ радости, какъ будто въ первый разъ видѣлъ землю, и небо, и солнце, и горы. Смотрѣлъ на журавлей—и ему казалось, что у него тоже крылья, и что онъ летитъ.

Свобода! Свобода!

V

Курьеръ Сафоновъ, посланный изъ Петербурга впередъ, донесъ государю, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ царевичъ. Но прошло два мѣсяца, а онъ не являлся. Царь долго не вѣрилъ, что сынъ бѣжалъ—„куда ему, не посмѣетъ"!—но, наконецъ, повѣрилъ, разослалъ по всѣмъ городамъ сыщиковъ и далъ резиденту въ Вѣнѣ, Авраму Веселовскому, собственноручный указъ: „Надлежитъ тебѣ провѣдывать въ Вѣнѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ, Миланѣ, Сардиніи, а также въ Швейцарской землѣ. Гдѣ провѣдаешь сына нашего пребываніе, то, развѣдавъ о томъ подлинно, ѣхать и послѣдовать за нимъ во всѣ мѣста, и тотчасъ о томъ, чрезъ нарочные

стафеты и курьеровъ, писать къ намъ; а себя содержать весьма тайно".

Веселовскій, послѣ долгихъ поисковъ, напалъ на слѣдъ. „Слѣдъ идетъ до сего мѣста,—писалъ онъ царю изъ Вѣны.— Извѣстный подполковникъ Коханскій стоялъ въ вирцгаузѣ *Чернаго Орла*, за городомъ. Кельнеръ сказываетъ, что онъ призналъ его за нѣкотораго знатнаго человѣка, понеже платилъ деньги съ великою женерозите и показался-де подобенъ царю московскому, яко бы его сынъ, котораго царя видѣлъ здѣсь, въ Вѣнѣ".

Петръ удивился. Что-то странное, какъ будто жуткое, было для него въ этихъ словахъ: „показался подобенъ царю". Никогда не думалъ онъ о томъ, что Алексѣй похожъ на него лицомъ.

„Только постоявъ одни сутки въ томъ мѣстѣ,—продолжалъ Веселовскій,—вещи свои перевезъ на наемномъ фурманѣ; а самъ на другой день, заплатя иждивеніе, пѣшкомъ отошелъ отъ нихъ, такъ что они неизвѣстны, не отъѣхалъ ли куды. А будучи въ томъ вирцгаузѣ, купилъ готовое мужское платье кофейнаго цвѣту своей женѣ, и одѣлась она въ мужской уборъ". Далѣе слѣдъ исчезалъ. „Во всѣхъ здѣшнихъ вирцгаузахъ и почтовыхъ дворахъ, и въ партикулярныхъ и публичныхъ домахъ спрашивалъ, но нигдѣ еще допроситься не могъ; также черезъ шпіоновъ искалъ; ѣздилъ по двумъ почтовымъ дорогамъ, ведущимъ отсюда къ Италіи, по тирольской да каринтійской: никто не могъ дать мнѣ извѣстія".

Царь, догадываясь, что царевича принялъ и скрылъ въ своихъ владѣніяхъ цесарь, послалъ ему изъ Амстердама письмо:

„Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Цесарь!

„Я принужденъ вашему цесарскому величеству съ сердечною печалью своею о нѣкоторомъ мнѣ нечаянно случившемся случаѣ въ дружебнобратской конфиденціи объявить, а именно о сынѣ своемъ Алексіѣ, какъ оный, яко же чаю вашему величеству, по имѣющемуся ближайшему свойству

не безъизвѣстно есть, къ высшему нашему неудовольству, всегда въ противномъ нашему отеческому наставленію являлся, такожъ и къ супружествѣ съ вашею сродницею непорядочно жилъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ, получа отъ насъ повелѣніе, дабы ѣхалъ къ намъ, чтобы тѣмъ отвлечь его отъ непотребнаго житія и обхожденія съ непотребными людьми,—не взявъ съ собой никого изъ служителей своихъ, отъ насъ ему опредѣленныхъ, но прибравъ нѣсколько молодыхъ людей,—съ пути того съѣхавъ, незнамо куды скрылся, что мы по се время не могли увѣдать, гдѣ обрѣтается. И понеже мы чаемъ, что онъ къ тому превратному намѣренію, отъ нѣкоторыхъ людей совѣтъ принявъ, заведенъ, и отечески о немъ сожалѣемъ, чтобъ тѣмъ своимъ безчиннымъ поступкомъ не нанесъ себѣ невозвратной пагубы, а наипаче не впалъ бы какимъ случаемъ въ руки непріятелей нашихъ, того ради, дали комиссію резиденту нашему при дворѣ вашего величества пребывающему, Веселовскому, онаго сыскивать и къ намъ привезть. Того ради, просимъ вашего величества, что ежели онъ въ вашихъ областяхъ обрѣтается тайно или явно, повелѣть его съ симъ нашимъ резидентомъ, придавъ для безопаснаго проѣзду нѣсколько человѣкъ вашихъ офицеровъ, къ намъ прислать, дабы мы его отечески исправить для его благосостоянія могли, чѣмъ обяжете насъ вѣчно къ своимъ услугамъ и пріязни. Мы пребываемъ при семъ

вашего цесарскаго величества вѣрный братъ

Петръ".

Въ то же время доведено стороною до свѣдѣнія цесаря, что, ежели не выдастъ онъ царевича по доброй волѣ, царь будетъ искать его, какъ измѣнника, „вооруженною рукою".

Каждое извѣстіе о сынѣ было оскорбленіемъ для царя. Подъ лицемѣрнымъ сочувствіемъ сквозило тайное злорадство Европы.

„Нѣкій генералъ-маіоръ, возвратившійся сюда изъ Ганновера,—доносилъ Веселовскій,—будучи при дворѣ, говорилъ мнѣ явно, въ присутствіи мекленбургскаго посланника

сожалѣя о болѣзни, приключившейся вашему величеству отъ печалей, изъ коихъ знатнѣйшая та, что-де вашъ кронпринцъ „невидимъ учинился“, а по-французски въ сихъ терминахъ: *Il est eclipsé*. Я спросилъ, отъ кого такую фальшивую вѣдомость имѣетъ. Отвѣчалъ, что вѣдомость правдивая и подлинная; а слышалъ ее отъ ганноверскихъ министровъ. Я возражалъ, что это клевета по злобѣ ганноверскаго двора“.

„Цесарь имѣетъ не малый резонъ кронпринца секундовать,—сообщалъ Веселовскій мнѣніе, открыто высказываемое при чужеземныхъ дворахъ, — понеже-де оный кронпринцъ правъ передъ отцемъ своимъ и имѣлъ резонъ спастись изъ земель отцовыхъ. Въ началѣ, будто, ваше величество, вскорѣ послѣ рожденія царевича Петра Петровича, принудили его силою дать себѣ реверсъ, по силѣ коего онъ отрекся отъ короны и обѣщалъ ретироваться во всю свою жизнь въ пустыню. И какъ ваше величество въ Померанію отлучились, и видя, что онъ, по своему реверсу, въ пустыню не пошелъ, тогда, будто, вы вымыслили иной способъ, а именно призвать его къ себѣ въ Дацкую землю и подъ протекстомъ обученія, посадя на одинъ воинскій свой корабль, дать указъ капитану вступить въ бой съ шведскимъ кораблемъ, который будетъ въ близости, чтобъ его, царевича, убить. Чего ради принужденъ былъ отъ такой бѣды уйти“.

Царю доносили также о тайныхъ переговорахъ цесаря съ королемъ англійскимъ, Георгомъ I: „Цесарь, который, по родству, по участію къ страданіямъ царевича и по великодушію цесарскаго дома къ невинно гонимымъ, далъ сыну царя покровительство и защиту“, спрашивалъ англійскаго короля, не намѣренъ ли и онъ, „какъ курфирстъ и родственникъ брауншвейгскаго дома, защищать принца“, причемъ указывалось на „бѣдственное положеніе—*miseranda conditio*—добраго царевича“, и на „явное и непрерывное тиранство отца—*clara et continua paterna tyrannidis*, не безъ подозрѣнія яда и подобныхъ русскихъ *galanterien*“.

Сынъ становился судьею отца.

А что еще будетъ? Царевичъ можетъ сдѣлаться оружіемъ въ рукахъ непріятельскихъ, зажечь мятежъ внутри Россіи, поднять войною всю Европу — и Богъ вѣсть чѣмъ это кончится.

„Убить, убить его мало!“ думалъ царь въ ярости.

Но ярость заглушалась другимъ, доселѣ невѣдомымъ чувствомъ: сынъ былъ страшенъ отцу.

ШЕСТАЯ КНИГА

Царевичъ въ бѣгахъ

I

Царевичъ съ Евфросиньей катались въ лодкѣ лунною ночью по Неаполитанскому заливу.

Онъ испытывалъ чувство подобное тому, которое рождаетъ музыка: музыка—въ трепетѣ луннаго золота, что̀ протянулось, какъ огненный путь по водѣ, отъ Позилиппо до края небесъ; музыка—въ ропотѣ моря и въ чуть слышномъ дыханіи вѣтра, приносившаго, вмѣстѣ съ морскою соленою свѣжестью, благоуханіе апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ отъ береговъ Сорренто; и въ серебристо-лазурныхъ, за мѣсячной мглою, очертаніяхъ Везувія, который курился бѣлымъ дымомъ и вспыхивалъ краснымъ огнемъ, какъ потухающій жертвенникъ умершихъ, воскресшихъ и вновь умершихъ боговъ.

— Маменька, другъ мой сердешный, хорошо-то какъ!— прошепталъ царевичъ.

Евфросинья смотрѣла на все съ такимъ же равнодушнымъ видомъ, какъ, бывало, на Неву и Петропавловскую крѣпость.

— Да, тепло; на водѣ, а не сыро,— отвѣтила она, подавляя зѣвоту.

Онъ закрылъ глаза, и ему представилась горница въ домѣ Вяземскихъ на Малой Охтѣ; косые лучи весенняго

вечерняго солнца; дворовая дѣвка Афроська въ высоко подоткнутой юбкѣ, съ голыми ногами, низко нагнувшись, моетъ мочалкою полъ. Самая обыкновенная деревенская дѣвка изъ тѣхъ, о которыхъ парни говорятъ: вишь, ядренная, кругла, бѣла, какъ мытая рѣпка. Но иногда, глядя на нее, вспоминалъ онъ о видѣнной имъ въ Петергофѣ у батюшки, старинной Голландской картинѣ—Искушеніе св. Антонія: передъ отшельникомъ стоитъ голая рыжая дьяволица съ раздвоенными козьими копытами на покрытыхъ шерстью ногахъ, какъ у самки фавна. Въ лицѣ Евфросиньи—въ слишкомъ полныхъ губахъ, въ немного вздернутомъ носѣ, въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ съ поволокою и слегка скошеннымъ, удлиненнымъ разрѣзомъ—было что-то козье, дикое, невинно-безстыдное. Вспоминалъ онъ также изреченія старыхъ книжниковъ о бѣсовской прелести женъ: отъ жены начало грѣху, и тою мы всѣ умираемъ; въ огонь и въ жену впасть едино есть.

Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но почти сразу полюбилъ ее грубою, нѣжною, сильною, какъ смерть, любовью.

Она была и здѣсь, на Неаполитанскомъ заливѣ, все та же Афроська, какъ въ домикѣ на Малой Охтѣ; и здѣсь, точно такъ же, какъ, бывало, сидя по праздникамъ на заваленкѣ съ дворнею,—грызла, за неимѣніемъ подсолнуховъ, кедровые орѣшки, выплевывая скорлупу въ лунно-золотыя волны; только, наряженная по французской модѣ, въ мушкахъ, фижмахъ и робронѣ, казалась еще болѣе непристойно-соблазнительной, невинно-безстыдною. Не даромъ пялили на нее глаза два цесарскихъ драбанта и самъ изящный молоденькій графъ Эстергази, который сопровождалъ царевича во всѣхъ его выѣздахъ изъ крѣпости Сантъ-Эльмо. Алексѣю были противны эти мужскіе взоры, которые вѣчно льнули къ ней, какъ мухи къ меду.

— Такъ какъ же, Езопка, надоѣло тебѣ здѣшнее житье, хочется, небось, домой?—проговорила она лѣнивымъ пѣвучимъ голосомъ, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нею

въ лодкѣ, маленькому, плюгавенькому человѣку, корабельному ученику, Алешкѣ Юрову; Езопкою звали его за шутовство.

— Ей, матушка, Евфросинья Ѳедоровна, житіе намъ здѣсь пришло самое бѣдственное. Наука опредѣлена такая премудрая, что, хотя намъ всѣ дни жизни на той наукѣ трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо, учиться языка, не знамо—науки. А въ Венеціи ребята наши помираютъ, почитай, съ голоду — даютъ всего по три копѣйки на день, и воистину уже пришли такъ, что пить, ѣсть нечего, и одежишки нѣтъ, ходятъ срамно и наго. Оставляютъ насъ бѣдныхъ помирать, какъ скотину. А паче всего въ томъ тягость моя, что на морѣ мнѣ быть невозможно, того ради, что весьма боленъ. Я человѣкъ не морской! Моя смерть будетъ, ежели не покажутъ надо мною милосердія божескаго. Въ Питербурхъ радъ и готовъ пѣшкомъ идти, только чтобъ моремъ не ѣхать. Милостыню буду просить на дорогѣ, а моремъ не поѣду — воля его величества!..

— Ну, братъ, смотри, попадешь изъ кулька въ рогожку: въ Петербургѣ-то тебя плетьми выпорютъ за то, что сбѣжалъ отъ ученія, — замѣтилъ царевичъ.

— Плохо твое дѣло, Езопка! Что же съ тобой, сиротой, будетъ? Куда дѣнешься? — сказала Евфросинья.

— А куда мнѣ, матушка, дѣваться? Либо удавлюсь, либо на Аѳонъ уйду, постригусь...

Алексѣй посмотрѣлъ на него съ жалостью и невольно сравнилъ судьбу бѣглаго навигатора съ судьбою бѣглаго царевича.

— Ничего, братъ, дастъ Богъ, счастливо вмѣстѣ вернемся въ отечество! — молвилъ онъ съ доброю усмѣшкою.

Выѣхавъ изъ луннаго золота, возвращались они къ темному берегу. Здѣсь, у подошвы горы, была запустѣвшая вилла, построенная во времена Возрожденія, на развалинахъ древняго храма Венеры.

По обѣимъ сторонамъ полуразрушенной лѣстницы къ морю, тѣснились, какъ факельщики похороннаго шествія,

исполинскіе кипарисы; ихъ растрепанныя острыя верхушки, вѣчно нагибаемыя вѣтромъ съ моря, такъ и оставались навсегда склоненными, точно грустно поникшія головы. Въ черной тѣни изваянія боговъ бѣлѣли, какъ призраки. И струя фонтана казалась тоже блѣднымъ призракомъ. Свѣтляки подъ лавровою кущею горѣли, какъ погребальныя свѣчи. Тяжелый запахъ магнолій напоминалъ благовоніе, которымъ умащаютъ мертвыхъ. Одинъ изъ павлиновъ, жившихъ на виллѣ, пробужденный голосами и шумомъ веселъ, выйдя на лѣстницу, распустилъ хвостъ, заигравшій въ лунномъ сіяньи, какъ опахало изъ драгоцѣнныхъ камней, тусклою радугой. И жалобные крики павъ похожи были на пронзительные вопли плакальщицъ. Воды фонтана, стекая съ нависшей скалы по длиннымъ и тонкимъ, какъ волосы, травамъ, падали въ море, капля за каплей; какъ тихія слезы,—словно тамъ, въ пещерѣ, плакала нимфа о своихъ погибшихъ сестрахъ. И вся эта грустная вилла напоминала темный Элизіумъ, подземную рощу тѣней, кладбище умершихъ, воскресшихъ и вновь умершихъ боговъ.

— Вѣришь ли, государыня милостивая,—въ банѣ вотъ ужъ третій годъ не парился! — продолжалъ Езопка свои жалобы.

— Охъ, вѣничковъ бы свѣженькихъ березовыхъ да послѣ баньки медку вишневаго!—вздохнула Евфросинья.

— Какъ здѣшнюю кислятину пьешь да вспомнишь о водкѣ, индо заплачешь! — простоналъ Езопка.

— Икорки бы паюсной! — подхватила Евфросинья.

— Балычка бы солененькаго!

— Снѣточковъ бѣлозерскихъ!

Такъ они перекликались, растравляя другъ другу сердечныя раны.

Царевичъ слушалъ ихъ, глядѣлъ на виллу и невольно усмѣхался: странно было противорѣчіе этихъ будничныхъ грезъ и призрачной дѣйствительности.

По огненной дорогѣ въ морѣ двигалась другая лодка, оставляя черный слѣдъ въ дрожащемъ золотѣ. Послышался

звукъ мандолины и пѣсня, которую пѣлъ молодой женскій голосъ:

Quant è bella giovenezza,
Che si fugge tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia —
Di doman non c'è certezza.

Эту пѣсню любви сложилъ Лоренцо Медичи Великолѣпный для тріумфальнаго шествія Вакха и Аріадны на флорентійскихъ праздникахъ. Въ ней было краткое веселье Возрожденія и вѣчная грусть о немъ.

Царевичъ слушалъ, не понимая словъ; но музыка наполняла душу его сладкою грустью.

О, какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

— А ну-ка, матушка, русскую! — взмолился Езопка, хотѣлъ даже стать на колѣни, но покачнулся и едва не упалъ въ воду: онъ былъ нетвердъ на ногахъ, потому что все время тянулъ „кислятину“ изъ плетеной фляжки, которую стыдливо пряталъ подъ полой кафтана. Одинъ изъ гребцовъ, полуголый смуглый красавецъ, понялъ, улыбнулся Евфросиньѣ, подмигнулъ Езопкѣ и подалъ ему гитару. Онъ забренчалъ на ней, какъ на трехструнной балалайкѣ.

Евфросинья усмѣхнулась, поглядѣла на царевича и вдругъ запѣла громкимъ, немного крикливымъ, бабьимъ голосомъ, точно такъ же, какъ пѣвала въ хороводахъ на вечерней зарѣ весною у березовой рощи надъ рѣчкою. И берега Неаполя, древней Партенопеи, огласились неслыханными звуками:

Ахъ, вы сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!

Безконечная грусть о прошломъ была въ пѣснѣ чужой:

Qui vuol esser lieto, sia —
Di doman non c'è certezza.

Безконечная грусть о будущемъ была въ пѣснѣ родной:

Полети ты, мой сокòлъ, высокò и далекò,
И высòко, и далèко, на родиму сторону!
На родимой, на сторонкѣ грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ, да немилостивый.

Обѣ пѣсни, своя и чужая, сливались въ одну.

Царевичъ едва удерживалъ слезы. Никогда еще, казалось, онъ такъ не любилъ Россію, какъ теперь. Но онъ любилъ ее новою всемірною любовью, вмѣстѣ съ Европою; любилъ чужую землю, какъ свою. И любовь къ родной и любовь въ чужой землѣ сливались, какъ эти двѣ пѣсни, въ одну.

II

Цесарь, принявъ подъ свое покровительство царевича, поселилъ его, чтобы вѣрнѣе укрыть отъ отца, подъ видомъ нѣкотораго Венгерскаго графа, или, какъ самъ царевичъ выражался, подъ невольницкимъ лицомъ, въ уединенномъ, неприступномъ замкѣ Эренбергѣ, настоящемъ орлиномъ гнѣздѣ, на вершинѣ высокой скалы, въ горахъ Верхняго Тироля, по дорогѣ отъ Фюссена къ Инспруку.

„Немедленно, по полученіи сего, — сказано было въ цесарской инструкціи коменданту крѣпости, — прикажи изготовить для главной особы двѣ комнаты, съ крѣпкими дверями и желѣзными въ окнахъ рѣшетками. Какъ солда-

тамъ, такъ и женамъ ихъ, не дозволять выходить изъ крѣпости, подъ опасеніемъ жестокой казни, даже смерти. Если главный арестантъ захочетъ говорить съ тобою, ты можешь исполнить его желаніе, какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ другихъ: если, напримѣръ, онъ потребуетъ книгъ, или чего-либо иного къ своему развлеченію, даже если пригласитъ тебя къ обѣду или какой-нибудь игрѣ. Можешь, сверхъ того, дозволить ему прогулку въ комнатахъ, или во дворѣ крѣпости, для чистаго воздуха, но всегда съ предосторожностью, чтобъ не ушелъ“.

Въ Эренбергѣ прожилъ Алексѣй пять мѣсяцевъ — отъ декабря до апрѣля.

Несмотря на всѣ предосторожности, царскіе шпіоны, гвардіи капитанъ Румянцевъ съ тремя офицерами, имѣвшіе тайное повелѣніе схватить „извѣстную персону“, во что бы то ни стало, и отвезти ее въ Мекленбургію, узнали о пребываніи царевича въ Эренбергѣ, прибыли въ верхній Тироль и поселились тайно въ деревушкѣ Рейте, у самой подошвы Эренбергской скалы.

Резидентъ Веселовскій объявилъ, что государю его будетъ „зѣло чувственно слышать отвѣтъ министровъ именемъ цесаря, будто извѣстной персоны въ земляхъ цесарскихъ не обрѣтается, между тѣмъ, какъ посланный курьеръ видѣлъ людей ея въ Эренбергѣ, и она находится на цесарскомъ коштѣ. Не только капитанъ Румянцевъ, но и вся, почитай, Европа вѣдаетъ, что царевичъ въ области цесаря. Если-бы эрцгерцогъ, отлучась отца своего, искалъ убѣжища въ земляхъ Россійскаго государя, и оно было бы дано тайно, сколь болѣзненно было бы это цесарю“!

„Ваше величество, — писалъ Петръ императору, — можете сами разсудить, коль чувственно то намъ, яко отцу, быть имѣетъ, что нашъ первородный сынъ, показавъ намъ такое непослушаніе и уѣхавъ безъ воли нашей, содержится подъ другою протекціею или арестомъ, чего подлинно не можемъ признать и желаемъ на то отъ вашего величества изъясненія“.

Царевичу объявили, что императоръ предоставляетъ ему возвратиться въ Россію, или остаться подъ его защитою, но въ послѣднемъ случаѣ признаетъ необходимымъ перевести его въ другое, отдаленнѣйшее мѣсто, именно въ Неаполь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дали ему почувствовать желаніе цесаря, чтобы онъ оставилъ въ Эренбергѣ, или вовсе удалилъ отъ себя своихъ людей, о которыхъ съ неудовольствіемъ отзывался отецъ его въ письмѣ, дабы тѣмъ отнять у царя всякій поводъ къ нареканію, будто императоръ принимаетъ подъ свою защиту людей непотребныхъ. То былъ намекъ на Евфросинью. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, непристойнымъ, что, умоляя цесаря о покровительствѣ именемъ покойной Шарлотты, сестры императрицы, царевичъ держитъ у себя „зазорную дѣвку“, съ коей вступилъ въ связь, какъ молва гласила, еще при жизни супруги.

Онъ объявилъ, что готовъ ѣхать, куда цесарь прикажетъ, и жить, какъ велитъ, — только-бы не выдавали его отцу.

15-го апрѣля, въ 3 часа ночи, царевичъ, не взирая на шпіоновъ, выѣхалъ изъ Эренберга подъ именемъ императорскаго офицера. При немъ былъ только одинъ служитель— Евфросинья, переодѣтая пажемъ.

„Наши неаполитанскіе пилигримы благополучно прибыли,—доносилъ графъ Шенборнъ. При первой возможности пришлю секретаря моего съ подробнымъ донесеніемъ объ этомъ путешествіи, столь забавномъ, какъ только можно себѣ представить. Между прочимъ, нашъ маленькій пажъ, наконецъ, признанъ женщиною, но безъ брака, повидимому, также и безъ дѣвства, такъ какъ объявленъ любовницей и необходимой для здоровья“. — „Я употребляю всѣ возможныя средства, чтобы удержать наше общество отъ частаго и безмѣрнаго пьянства, но тщетно“, доносилъ секретарь Шенборна, сопровождавшій царевича.

Онъ ѣхалъ черезъ Инспрукъ, Мантую, Флоренцію, Римъ. Въ полночь 6-го мая 1717 года прибылъ въ Неаполь и остановился въ гостиницѣ *Трехъ Королей*. Вечеромъ на

слѣдующій день вывезенъ въ наемной каретѣ изъ города къ морю, затѣмъ тайнымъ ходомъ введенъ въ королевскій дворецъ, и оттуда, черезъ два дня, по изготовленіи особыхъ покоевъ, въ крѣпость Сантъ-Эльмо, стоявшую на высокой горѣ надъ Неаполемъ.

Хотя и здѣсь онъ жилъ подъ „невольницкимъ лицомъ", но не скучалъ и не чувствовалъ себя въ тюрьмѣ; чѣмъ выше были стѣны и глубже рвы крѣпости, тѣмъ надежнѣе они защищали его отъ отца.

Въ покояхъ окна съ крытымъ ходомъ передъ ними выходили прямо на море. Здѣсь проводилъ онъ цѣлые дни; кормилъ, такъ-же какъ, бывало, въ Рождественѣ, отовсюду слетавшихся къ нему и быстро прирученныхъ имъ голубей, читалъ историческія и философскія книги, пѣлъ псалмы и акаѳисты, глядѣлъ на Неаполь, на Везувій, на горѣвшія голубымъ огнемъ, точно сапфирныя, Исхію, Прочиду, Капри, но больше всего на море—глядѣлъ и не могъ наглядѣться. Ему казалось, что онъ видитъ его въ первый разъ. Сѣверное, сѣрое, торговое, военное море Корабельнаго Регламента и петербургскаго Адмиралтейства, то, которое любилъ отецъ,—непохоже было на это южное, синее, вольное.

Съ нимъ была Евфросинья. Когда онъ забывалъ объ отцѣ, то былъ почти счастливъ.

Ему удалось, хотя съ большимъ трудомъ, выхлопотать для Алексѣя Юрова пропускъ въ Сантъ-Эльмо, несмотря на строжайшіе караулы. Езопка съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ: потѣшалъ Евфросинью, которая скучала, игралъ съ нею въ карты и шашки, забавлялъ ее шутками, сказками и баснями, какъ настоящій Эзопъ.

Охотнѣе всего разсказывалъ онъ о своихъ путешествіяхъ по Италіи. Царевичъ слушалъ его съ любопытствомъ, снова переживая свои собственныя впечатлѣнія. Какъ ни стремился Езопка въ Россію, какъ ни тосковалъ о русской банѣ и водкѣ, видно было, что и онъ, подобно царевичу, полюбилъ чужую землю, какъ родную, полюбилъ и Россію, вмѣстѣ съ Европою, новою всемірною любовью.

— Альпенскими горами путь зѣло прискорбенъ и труденъ, — описывалъ онъ перевалъ черезъ Альпы. — Дорога самая тѣсная. Съ одной стороны — горы, облакамъ высокостью подобныя, а по другую сторону — пропасти зѣло глубокія, въ которыхъ отъ теченья быстрыхъ водъ шумъ непрестанный, какъ на мельницѣ. И отъ видѣнья той глубокости приходитъ человѣку великое ужасаніе. И на тѣхъ горахъ всегда лежитъ много снѣговъ, потому что солнце промежъ ими никогда лучами своими не осѣняетъ...

— А какъ съѣхали съ горъ, на горахъ еще зима, а внизу ужъ лѣто красное. По обѣ стороны дороги виноградовъ и деревъ плодовитыхъ, лимоновъ, померанцевъ и всякихъ иныхъ множество, и лозное плетеніе около деревъ изрядными фигурами. Вся, почитай, Италія—единый садъ, подобье рая Божьяго! Марта въ седьмой день видѣли плоды—лимоны и померанцы зрѣлые и мало недозрѣлые, и гораздо зеленые, и завязь, и цвѣтъ—всѣ на одномъ деревѣ...

— Тамъ, у самыхъ горъ, на мѣстѣ красовитомъ, построенъ нѣкій домъ, именуемый виллою, зѣло господственный, изрядною архитектурою. И вокругъ того дома — прединые сады и огороды: ходятъ въ нихъ гулять для прохладу. И въ тѣхъ садахъ деревья учинены по препорціи, и листья на нихъ обрываны по препорціи жъ. И цвѣты и травы сажены въ горшкахъ и ставлены архитектурально. Першпектива зѣло изрядная! И въ тѣхъ же садахъ подѣлано фонтанъ преславныхъ множество, изъ коихъ воды истекаютъ зѣло чистыя всякими хитрыми штуками. И вмѣсто столповъ, по дорогамъ ставлены мужики и дѣвки мраморные: Іовишъ, Бахусъ, Венусъ и иные всякіе боги поганскіе работы изрядной, какъ живые. А тѣ подобья древнихъ лѣтъ изъ земли вырыты...

О Венеціи онъ сказывалъ такія чудеса, что Евфросинья долго не вѣрила и смѣшивала Венецію съ Леденцомъ-городомъ, о которомъ говорится въ русскихъ сказкахъ.

— Врешь ты все, Езопка!—смѣялась она, но слушала съ жадностью.

— Венеція вся стоитъ на морѣ, и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ — вода морская, и ѣздятъ въ лодкахъ. А лошадей и никакого скота нѣтъ; также каретъ, колясокъ, телѣгъ никакихъ нѣтъ, а саней и не знаютъ. Воздухъ лѣтомъ тягостенъ, и бываетъ духъ зѣло грубый отъ гнилой воды, какъ и у насъ, въ Питербурхѣ, отъ канавы Фонтанной, гдѣ засорено. И по всему городу есть много извозщичьихъ лодокъ, которыя называются гундалами, а сдѣланы особою модою: длинны да узки, какъ бываютъ однодеревыя лодки; носъ и корма острыя, на носу желѣзный гребень, а на серединѣ чердакъ съ окончинами хрустальными и завѣсами камчатными; и тѣ гундалы всѣ черныя, покрыты черными сукнами, похожи на гробы; а гребцы — одинъ человѣкъ на носу, другой на кормѣ гребетъ, стоя, тѣмъ же весломъ и правитъ; а руля нѣтъ, однакожъ, и безъ него управляютъ изрядно...

— Въ Венеціи оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ во всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. И тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы дѣйствуютъ, — великія, округлыя, и называютъ ихъ итальяне театрумъ. И въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе, въ пять рядовъ вверхъ, прехитрыми золочеными работами. А играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гишторій о преславныхъ мужахъ и богахъ эллинскихъ да римскихъ: кто которую гишторію излюбитъ, тотъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкерахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познalъ. Также и все время карнавала, сирѣчь, масляной, ходятъ въ машкерахъ и въ странномъ платьѣ; и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и ѣздятъ въ гундалахъ съ музыкою, и танцуютъ, и ѣдятъ сахары, и пьютъ всякіе изрядные лимонаты и чекулаты. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много, понеже, когда сойдутся въ машкерахъ, то многія жены и дѣвицы

берутъ за руки иноземцовъ и гуляютъ съ ними, и забавляются безъ стыда. А народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, высокъ и строенъ, и тонокъ, и политиченъ, убирается зѣло чисто, а къ ручному дѣлу не охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ, и ко грѣху тѣлесному слабы, ни для чего иного, токмо для богатства, что тѣмъ богатятся, а иного никакого промыслу не имѣютъ. И многія дѣвки живутъ особыми домами и въ грѣхъ и въ стыдъ себѣ того не вмѣняютъ, ставятъ себѣ то вмѣсто торговаго промыслу; а другія, у которыхъ своихъ домовъ нѣтъ, тѣ живутъ въ особыхъ улицахъ, въ поземныхъ малыхъ палатахъ; изъ каждой палаты подѣланы на улицу двери, и когда увидятъ человѣка приходящаго къ нимъ, того съ великимъ прилежаніемъ каждая къ себѣ зазываетъ; и на который день у которой будетъ приходящихъ больше, и та себѣ тотъ день вмѣняетъ за великое счастье; и отъ того сами страждутъ Французоватыми болѣзнями, также и приходящихъ тѣмъ своимъ богатствомъ надѣляютъ довольно и скоро. А духовныя особы имъ въ томъ возбраняютъ поученіемъ, а не принужденіемъ. А болѣзней Французоватыхъ въ Венеціи лѣчить зѣло горазды...

Съ такимъ же сочувствіемъ, какъ венеціанскія увеселенія, описывалъ онъ и всякія церковныя святыни, чудеса и мощи.

— Сподобился видѣть крестъ; въ ономъ крестѣ подъ стекломъ устроено и положено: часть Пупа Христова и часть Обрѣзанія. А въ иномъ крестѣ — часть малая отъ святого Крестителева носа. Въ городѣ Барѣ видѣлъ мvроточивыя мощи св. Николы Чудотворца: видна кость ноги его; и стоитъ надъ оною костью мvро святое, видомъ подобно чистому маслу, и никогда не оскудѣваетъ; множественное число того святого мvра молебщики пріѣзжіе на всякій день разбираютъ; однакожъ, никогда не умаляется, какъ вода изъ родника течетъ; и весь міръ тѣмъ святымъ мvромъ преизобилуетъ и освящается. Видѣлъ также кипѣніе крови

св. Януарія и кость св. мученика Лаврентія — положена та кость въ хрусталь, а какъ поцѣлуешь, то сквозь хрусталь является тепло, чему есть немалое удивленіе...

Съ неменьшимъ удивленіемъ описывалъ онъ и чудеса науки:

— Въ Падвѣ, въ академіи дохтурской, бальзамные младенцы, которые бываютъ выкидки, а другіе выпоротые изъ мертвыхъ матерей, въ спиртусахъ плаваютъ, въ склянницахъ стеклянныхъ, и стоятъ такъ, хотя тысячу лѣтъ, не испортятся. Тамъ же, въ библіотекѣ, видѣлъ зѣло великіе глобусы, земные и небесные, изряднымъ математицкимъ мастерствомъ устроенные...

Езопка былъ классикъ. Средневѣковое казалось ему варварскимъ. Восхищало подражаніе древнему зодчеству — всякая правильность, прямолинейность, „препорція" — то, къ чему глазъ его привыкъ уже и въ юномъ Петербургѣ.

Флоренція ему не понравилась.

— Домовъ самыхъ изрядныхъ, которые были бы нарочитой препорціи, мало; всѣ дома Флоренскіе древняго зданія; палаты есть и высокія, въ три, четыре жилья, да строены просто, не по архитектурѣ...

Больше всего поразилъ его Римъ. Онъ разсказывалъ о немъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ, почти суевѣрнымъ чувствомъ, которое Вѣчный Городъ всегда внушалъ варварамъ.

— Римъ есть мѣсто великое. Нынѣ еще значится стараго Риму околичность — и знатно, что былъ Римъ неудобьсказуемаго величества; которыя мѣста были древлѣ въ серединѣ города, на тѣхъ мѣстахъ нынѣ великія поля и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и винограды заведены многіе, и буйволовъ, и быковъ, и всякой иной животины пасутся стада; и на тѣхъ же поляхъ есть много древняго строенія каменнаго, безмѣрно великаго, которое отъ многихъ лѣтъ развалилось, преславнымъ мастерствомъ построеннаго, по самой изрядной препорціи, какъ нынѣ уже никто строить не можетъ. И отъ горъ до самаго Риму видны древняго строенія столбы каменные съ перемычками, а вверху тѣхъ столбовъ колоды

каменныя, по которымъ изъ горъ текла ключевая вода, зѣло чистая. И тѣ столбы — акведуки именуются, а поля — Кампанья-ди-Рома...

Царевичъ только мелькомъ видѣлъ Римъ; но теперь, когда онъ слушалъ и вспоминалъ,—словно какая-то грозная тѣнь „неудобь-сказуемаго величества" проносилась надъ нимъ.

— И на тѣхъ поляхъ межъ разваленнаго зданья римскаго есть входъ въ пещеры. Въ пещерахъ тѣхъ скрывались христіане во время гоненій, и были мучены; и донынѣ тамъ обрѣтаются многія кости тѣхъ святыхъ мучениковъ. Которыя пещеры, именуемыя катакумбы, такъ велики, что подъ землею, сказываютъ, проходъ къ самому морю; и другіе есть проходы неисповѣдимые. И близъ тѣхъ катакумбовъ, въ единой малой церковкѣ, стоитъ Гробъ Бахусовъ, изъ камня порфира высѣченъ, зѣло великій, и въ томъ гробу нѣтъ никого — стоитъ пустъ. А въ древнія лѣта, сказываютъ, было въ немъ тѣло нетлѣнное, лѣпоты неописуемой, навожденіемъ дьявольскимъ богу нечистому Бахусу видомъ подобилось. И святые мужи ту погань извергли, и мѣсто освятили, и церковь построили...

— Потомъ пріѣхалъ я въ иное мѣсто, именуемое Кулизей, гдѣ, при древнихъ цесаряхъ римскихъ, которые были гонители на христіанскую вѣру и мучители за имя Христово, святыхъ мучениковъ отдавали на съѣденіе звѣрямъ. То мѣсто сдѣлано округло—великая махина—вверхъ будетъ саженъ пятнадцать; стѣны каменныя, по которымъ оные древніе мучители ходили и смотрѣли, какъ святыхъ мучениковъ звѣри терзали. И при тѣхъ стѣнахъ въ землѣ подѣланы печуры каменныя, въ коихъ жили звѣри. И въ ономъ Кулизеѣ съѣденъ отъ звѣрей св. Игнатій Богоносецъ; и земля въ томъ мѣстѣ вся обагрена есть кровью мучениковъ...

Царевичъ помнилъ, какъ твердили ему съ дѣтства, что одна на свѣтѣ Русь — земля святая, а всѣ остальные народы—поганые. Помнилъ и то, что самъ говорилъ однажды фрейлинѣ Арнгеймъ на голубятнѣ въ Рождественѣ: „только

съ нами Христосъ". Полно, такъ ли?—думалъ онъ теперь. Что, если у нихъ тоже Христосъ, и не только Россія, но и вся Европа—святая земля? Земля въ томъ мѣстѣ вся обагрена кровью мучениковъ. Можетъ ли быть такая земля поганою?

Что третьему Риму, какъ называли Москву старики, далеко до перваго настоящаго Рима, такъ же какъ и Петербургской Европѣ до настоящей,—въ этомъ онъ убѣдился воочію.

— Какъ Москвы еще початку не слыхивано,—утверждалъ Езопка,—на западѣ много было иныхъ государствъ, которыя старѣе и честнѣе Москвы...

Описаніе венеціанскаго карнавала заключилъ онъ словами, которыя запомнились царевичу:

— Такъ всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страха никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ. И та вольность въ Венеціи всегда бываетъ, и живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды, и безъ тягостныхъ податей...

Недосказанная мысль была ясна: не то-де, что у насъ на Руси, гдѣ никто ни о какой вольности пикнуть не смѣй.

— Особливо же тотъ порядокъ у всѣхъ европскихъ народовъ хваленъ есть,—замѣтилъ однажды Езопка,—что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются. И вѣдая то, въ старину люди московскіе для науки въ чужія земли дѣтей своихъ не посылали вовсе, страшась того: узнавъ тамошнихъ земель вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. А нынѣ, хотя и посылаютъ, да все толку мало, понеже, какъ птицѣ безъ воздуху, такъ наукамъ безъ воли быть не можно; а у насъ-де и новому

учатъ по старому: палка нѣма, да дастъ ума; нѣтъ того спорѣе, что кулакомъ по шеѣ...

Такъ оба они, и бѣглый навигаторъ, и бѣглый царевичъ, смутно чувствовали, что та Европа, которую вводилъ Петръ въ Россію—цифирь, навигація, фортификація—еще не вся Европа и даже не самое главное въ ней; что у настоящей Европы есть высшая правда, которой царь не знаетъ. А безъ этой правды, со всѣми науками — вмѣсто стараго московскаго варварства, будетъ лишь новое петербургское хамство. Не обращался ли къ ней, къ этой вольности благой, и самъ царевичъ, призывая Еврону разсудить его съ отцомъ?

Однажды Езопка разсказалъ *Гисторію о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли.*

Слушателямъ, можетъ быть, такъ же какъ самому разсказчику, теменъ и все же таинственно-внятенъ былъ смыслъ этой сказки: вѣнчаніе Россійскаго матроса съ королевною Флоренціи, весенней земли Возрожденія—прекраснѣйшимъ цвѣтомъ европейской вольности—какъ прообразъ еще неизвѣстнаго, грядущаго соединенія Россіи съ Европою.

Царевичъ, выслушавъ *Гисторію,* вспомнилъ объ одной картинѣ, привезенной отцомъ изъ Голландіи: царь, въ матроскомъ платьѣ, обнимающій здоровенную голландскую дѣвку. Алексѣй невольно усмѣхнулся, подумавъ, что этой краснорожей дѣвкѣ такъ же далеко до „сіящей, аки солнце неодѣянное", королевны Флоренской, какъ и всей Россійской Европѣ—до настоящей.

— А небось, въ Россію-то матросъ твой не вернулся?—спросилъ онъ Езопку.

-- Чего онъ тамъ не видѣлъ? — проворчалъ тотъ, съ внезапнымъ равнодушіемъ къ той самой Россіи, въ которую еще недавно такъ стремился.—Въ Питербурхѣ-то его, пожалуй, по указу о бѣглыхъ, кошками бы выдрали, да на Рогервикъ сослали, а королевну Флоренскую—на прядильный дворъ, яко дѣвку зазорную!..

Но Евфросинья заключила неожиданно:

— Ну, вотъ видишь, Езопка—наукою какихъ чиновъ матросъ твой достигъ; а если бъ отъ ученія бѣгалъ, какъ ты,—не видать бы ему королевны Флоренской, какъ ушей своихъ. Что же здѣшнюю вольность хвалишь, такъ не вороньему клюву рябину клевать. Дай вамъ волю — совсѣмъ измотаетесь. Какъ же васъ, дураковъ, не учить палкою, коли добромъ не хотите? Спасибо царю-батюшкѣ. Такъ васъ и надо!

III

Тихій Донъ-рѣка,
Родной батюшка,
Ты обмой меня,
Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня.

Евфросинья пѣла, сидя у окна за столомъ въ покояхъ царевича въ крѣпости Сантъ-Эльмо и спарывая красную тафтяную подкладку съ песочнаго камзола своего мужского наряда; она объявила, что ни за что больше не будетъ рядиться шутомъ гороховымъ.

На ней былъ шелковый, грязный, съ оторванными пуговицами шлафоръ, серебряныя, стоптанныя, на босую ногу туфли. Въ стоящей передъ ней жестяной скрынѣ—рабочей шкатулкѣ, валялись въ безпорядкѣ пестрые лоскутки и ленточки, „махальце женское“—вѣеръ, „рукавицы“ лайковыя—перчатки, любовныя письма царевича и бумажки съ курительнымъ порошкомъ, ладанъ отъ святого старца и пудра Марешаль отъ знаменитаго парикмахера Фризонъ съ улицы Сентъ-Онорэ, аѳонскія четки и парижскія мушки и баночки

съ „поматомъ“. Цѣлые часы проводила она въ притиранiяхъ и подкрашиванiяхъ, вовсе ненужныхъ, потому что цвѣтъ лица у нея былъ прекрасный.

Царевичъ за тѣмъ же столомъ писалъ письма, которыя предназначались для того, чтобы ихъ „въ Питербурхѣ подметывать“, а также подавать архiереямъ и сенаторамъ.

„Превосходительнѣйшiе господа сенаторы.

„Какъ вашей милости, такъ, чаю, и всему народу не безъ сумлѣнiя мое отъ Россiйскихъ краевъ отлученiе и пребыванiе безвѣстное, на что меня принудило ничто иное, только всегдашнее мнѣ безвинное озлобленiе и непорядокъ, а паче же, чтó было въ началѣ прошлаго года—едва было и въ черную одежду не облекли меня силою, безъ всякой, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, моей вины. Но всемилостивый Господь, молитвами всѣхъ оскорбляемыхъ Утѣшительницы, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, избавилъ меня отъ сего и дать мнѣ случай сохранить себя отлученiемъ отъ любезнаго отечества, котораго, если бы не сей случай, никогда бы не хотѣлъ оставить. И нынѣ обрѣтаюся благополучно и здорово подъ храненiемъ нѣкотораго великаго государя, до времени, когда сохранившiй меня Господь повелитъ явиться мнѣ паки въ Россiю, при которомъ случаѣ прошу, не оставьте меня забвенна. Буде же есть какiя вѣдомости обо мнѣ, дабы память обо мнѣ въ народѣ изгладить, что меня въ живыхъ нѣтъ, или иное что зло, не извольте вѣрить и народъ утвердите, чтобы не имѣли вѣры. Богу хранящу мя, живъ есмь и пребываю всегда, какъ вашей милости, такъ и всему отечеству доброжелательный до гроба моего

Алексѣй“.

Онъ взглянулъ сквозь открытую дверь галлереи на море. Подъ свѣжимъ сѣвернымъ вѣтромъ оно было синее, мглистое, точно дымящееся, бурное, съ бѣлыми барашками и бѣлыми парусами, надутыми вѣтромъ, крутогрудыми какъ лебеди. Царевичу казалось, что это то самое синее море, о которомъ поется въ русскихъ пѣсняхъ, и по которому вѣщiй Олегъ со своею дружиной ходилъ Царьградъ.

Онъ досталъ нѣсколько сложенныхъ вмѣстѣ листковъ, исписанныхъ его рукою по-нѣмецки крупнымъ, словно дѣтскимъ, почеркомъ. На поляхъ была приписка: „Nehmen sie nich Ubel, das ich so schlect geschrieben, weil ich kann nicht besser. Не посѣтуйте, что я такъ плохо написалъ, потому что не могу лучше“. Это было длинное письмо къ цесарю, цѣлая обвинительная рѣчь противъ отца. Онъ давно уже началъ его, постоянно поправлялъ, перечеркивалъ, снова писалъ и никакъ не могъ кончить: то, что казалось вѣрнымъ въ мысляхъ, оказывалось невѣрнымъ въ словахъ; между словомъ и мыслью была неодолимая преграда — и самаго главнаго нельзя было сказать никакими словами.

„Императоръ долженъ спасти меня,—перечитывалъ онъ отдѣльныя мѣста.—Я не виноватъ передъ отцомъ; я былъ ему всегда послушенъ, любилъ и чтилъ его, по заповѣди Божьей. Знаю, что я человѣкъ слабый. Но такъ воспиталъ меня Меньшиковъ: ничему не училъ, всегда удалялъ отъ отца, обходился, какъ съ холопомъ или собакой. Меня нарочно спаивали. Я ослабѣлъ духомъ отъ смертельнаго пьянства и отъ гоненій. Впрочемъ, отецъ въ прежнее время былъ ко мнѣ добръ. Онъ поручилъ мнѣ управленіе государствомъ, и все шло хорошо — онъ былъ мною доволенъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ у жены моей пошли дѣти, а новая царица также родила сына, съ кронпринцессой стали обращаться дурно, заставляли ее служить, какъ дѣвку, и она умерла отъ горя. Царица и Меньшиковъ вооружили противъ меня отца. Оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти. Сердце у царя доброе и справедливое, ежели оставить его самому себѣ; но онъ окруженъ злыми людьми, къ тому же неимовѣрно вспыльчивъ и во гнѣвѣ жестокъ, думаетъ, что, какъ Богъ, имѣетъ право на жизнь и смерть людей. Много пролилъ крови невинной и даже часто собственными руками пыталъ и казнилъ осужденныхъ. Если императоръ выдастъ меня отцу, то все равно, что убьетъ. Если бы отецъ и пощадилъ, то мачеха и Меньшиковъ не успокоятся, пока не запоятъ, или не отравятъ меня. Отреченье отъ престола вы-

нудили у меня силою; я не хочу въ монастырь; у меня довольно ума, чтобы царствовать. Но свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда не думалъ я о возмущеніи народа, хотя это не трудно было бы сдѣлать, потому что народъ меня любитъ, а отца ненавидитъ за его недостойную царицу, за злыхъ и развратныхъ любимцевъ, за поруганіе церкви и старыхъ добрыхъ обычаевъ, а также за то, что, не щадя ни денегъ, ни крови, онъ есть тиранъ и врагъ своего народа“...

„Врагъ своего народа?“ — повторилъ царевичъ, подумалъ и вычеркнулъ эти слова: они показались ему лживыми. Онъ вѣдь зналъ, что отецъ любитъ народъ, хотя любовь его иногда безпощаднѣе всякой вражды: кого люблю, того и бью. Ужъ лучше бы, кажется, меньше любилъ. И его, сына, тоже любитъ. Если бы не любилъ, то не мучилъ бы такъ. И теперь, какъ всегда, перечитывая это письмо, онъ смутно чувствовалъ, что правъ передъ отцомъ, но не совсѣмъ правъ; одна черта, одинъ волосокъ отдѣлялъ это „не совсѣмъ правъ“ отъ „совсѣмъ не правъ“, и онъ постоянно, хотя и невольно, въ своихъ обвиненіяхъ переступалъ за эту черту. Какъ будто у каждаго изъ нихъ была своя правда, и эти двѣ правды были навѣки противоположны, навѣки непримиримы. И одна должна была уничтожить другую. Но, кто бы ни побѣдилъ, виноватъ будетъ побѣдитель, побѣжденный—правъ.

Все это не могъ бы онъ сказать словами даже самому себѣ, не то что другимъ. Да и кто понялъ бы, кто повѣрилъ бы? Кому, кромѣ Бога, быть судьею между сыномъ и отцомъ?

Онъ отложилъ письмо съ тягостнымъ чувствомъ, съ тайнымъ желаніемъ его уничтожить, и прислушался къ пѣсни Евфросиньи, которая, кончивъ пороть, примѣряла передъ зеркаломъ новыя французскія мушки. Это вѣчное тихое пѣніе въ тюремной скукѣ у нея было невольно, какъ пѣніе птицы въ клѣткѣ: она пѣла, какъ дышала, почти сама не сознавая того, что поетъ. Но царевичу страннымъ казалось противорѣчье между вознею съ французскими мушками и родною унылою пѣсней:

Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня.
Соловей въ бору,
Милый братецъ мой,
Ты запой по мнѣ.
Кукушечка въ лѣсу,
Во дубровушкѣ,
Сестрица моя,
Покукуй по мнѣ.
Бѣлая березушка,
Молода жена,
Пошуми по мнѣ.

По гулкимъ переходамъ крѣпости послышались шаги, перекликанье часовыхъ, звонъ отпираемыхъ замковъ и засововъ. Караульный офицеръ постучалъ въ дверь и доложилъ о Вейнгартѣ, кригсъ-фельдъ-конципистѣ, секретарѣ вице-короля—по русскому произношенiю, вице-роя, цесарскаго намѣстника въ Неаполѣ.

Въ комнату вошелъ, низко кланяясь, толстякъ съ одышкою, съ лицомъ краснымъ, какъ сырое мясо, съ отвислою нижнею губою и заплывшими свиными глазками. Какъ многiе плуты, онъ имѣлъ видъ простодушный. „Этотъ претолстый нѣмецъ—претонкая бестiя“, говорилъ о немъ Езопка.

Вейнгартъ принесъ ящикъ стараго фалернскаго и мозельвейна въ подарокъ царевичу, котораго называлъ, соблюдая инкогнито при постороннихъ, высокороднымъ графомъ; а Евфросиньѣ, у которой поцѣловалъ ручку — онъ былъ большой дамскiй угодникъ—корзину плодовъ и цвѣтовъ.

Передалъ также письма изъ Россiи и на словахъ порученiя изъ Вѣны.

— Въ Вѣнѣ охотно услышали, что высокородный графъ въ добромъ здравiи и благополучьи обрѣтается. Нынѣ надобно еще терпѣнiе, и болѣе нежели до сихъ поръ. Сообщить имѣю, какъ новую вѣдомость, что уже въ свѣтѣ начинаютъ говорить: царевичъ пропалъ. Одни полагаютъ,

что онъ отъ свирѣпости отца ушелъ; по мнѣнію другихъ, лишенъ жизни его волею; иные думаютъ, что онъ умерщвленъ въ пути убійцами. Но никто не знаетъ подлинно, гдѣ онъ. Вотъ копія съ донесенія цесарскаго резидента Плейера на тотъ случай, ежели любопытно будетъ высокорожденному графу узнать, что пишутъ о томъ изъ Петербурга. Его величества, цесаря слова подлинныя: милому царевичу къ пользѣ совѣтуется держать себя весьма скрытно, потому что, по возвращеніи государя, отца его, въ Петербургъ, будетъ великій розыскъ.

И наклонившись къ уху царевича, прибавилъ шопотомъ:

— Будьте покойны, ваше высочество! Я имѣю самыя точныя свѣдѣнія: императоръ ни за что васъ не покинетъ, а ежели будетъ случай, послѣ смерти отца, то и вооруженною рукою хочетъ вамъ помогать на престолъ...

— Ахъ, нѣтъ, что вы, что вы! Не надо...—остановилъ его царевичъ съ тѣмъ же тягостнымъ чувствомъ, съ которымъ только что отложилъ письмо къ цесарю.—Дастъ Богъ, до того не дойдетъ, войны изъ-за меня не будетъ. Я васъ не о томъ прошу—только чтобъ содержать меня въ своей протекціи! А этого я не желаю... Я, впрочемъ, благодаренъ. Да наградитъ Господь цесаря за всю его милость ко мнѣ!

Онъ велѣлъ откупорить бутылку мозельвейна изъ подареннаго ящика, чтобы выпить за здоровье цесаря.

Выйдя на минуту въ сосѣднюю комнату за какими-то нужными письмами и вернувшись, засталъ Вейнгарта, объясняющимъ mademoiselle Eufrosyne съ галантною любезностью, не столько впрочемъ словами, сколько знаками, что напрасно не носитъ она больше мужского платья—оно ей очень къ лицу:

— L'Amour même ne saurait se presenter avec plus de grâces!—заключилъ онъ по-французски, глядя на нее въ упоръ свиными глазками тѣмъ особеннымъ взоромъ, который такъ противенъ былъ царевичу.

Евфросинья, при входѣ Вейнгарта, успѣла накинуть на грязный шлафоръ новый щегольской кунтышъ тафты двуличневой, на нечесанные волосы — чепецъ дорогого брабантскаго кружева, припудрилась и даже налѣпила мушку надъ лѣвою бровью, точно такъ, какъ видѣла на Корсо въ Римѣ у одной пріѣзжей изъ Парижа дѣвки. Выраженіе скуки исчезло съ лица ея, она вся оживилась, и, хотя ни слова не понимала ни по-нѣмецки, ни по-французски, поняла и безъ словъ то, что говорилъ нѣмецъ о мужскомъ нарядѣ, и лукаво смѣялась, и притворно краснѣла, и закрывалась рукавомъ, какъ деревенская дѣвка.

„Этакая туша свиная! Тьфу, прости Господи! Нашла съ кѣмъ любезничать, — посмотрѣлъ на нихъ царевичъ съ досадою. — Ну да ей все равно кто, только бы новенькій. Охъ, евины дочки, евины дочки! Баба да бѣсъ, одинъ въ нихъ вѣсъ“...

По уходѣ Вейнгарта, онъ сталъ читать письма.

Всего важнѣе было донесеніе Плейера.

„Гвардейскіе полки, составленные большею частью изъ дворянъ, вмѣстѣ съ прочею арміей, учинили заговоръ въ Мекленбургіи, дабы царя убить, царицу привезти сюда и съ младшимъ царевичемъ и обѣими царевнами заточить въ тотъ самый монастырь, гдѣ нынѣ старая царица, а ее освободивъ, сыну ея, законному наслѣднику, правленіе вручить“.

Царевичъ выпилъ залпомъ два стакана мозельвейна, всталъ и началъ ходить быстро по комнатѣ, что-то бормоча и размахивая руками.

Евфросинья молча, пристально, но равнодушно слѣдила за нимъ глазами. Лицо ея, по уходѣ Вейнгарта, приняло обычное выраженіе скуки.

Наконецъ, остановившись передъ ней, онъ воскликнулъ:

— Ну, маменька, снѣточковъ Бѣлозерскихъ скоро кушать будешь! Вѣсти добрыя. Авось, Богъ дастъ намъ случай возвратиться съ радостью...

И онъ разсказалъ ей подробно все донесеніе Плейера;

послѣднія слова прочелъ по-нѣмецки, видимо, не нарадуясь на нихъ:

— „Alles zum Aufstand allhier sehr geneiget ist. Всѣ-де въ Питербурхѣ къ бунту зѣло склонны. Всѣ жалуются, что знатныхъ съ незнатными въ равенствѣ держатъ, всѣхъ равно въ матросы и солдаты пишутъ, а деревни отъ строенія городовъ и кораблей разорились“.

Евфросинья слушала молча, все съ той же равнодушной скукой на лицѣ, и только когда онъ кончилъ, спросила своимъ протяжнымъ, лѣнивымъ голосомъ:

— А что, Алексѣй Петровичъ, ежели убьютъ царя и за тобой пришлютъ, — къ бунтовщикамъ пристанешь?

И посмотрѣла на него сбоку такъ, что, если бы онъ меньше былъ занятъ своими мыслями, то удивился бы, можетъ быть, даже почувствовалъ бы въ этомъ вопросѣ тайное жало. Но онъ ничего не замѣтилъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ, подумавъ немного. — Ежели присылка будетъ по смерти батюшки, то, можетъ быть, и пристану... Ну да что впередъ загадывать. Буди воля Господня! — какъ будто спохватился онъ. — А только вотъ говорю я, видишь, Афросьюшка, что̀ Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!

И усталый отъ радости, опустился на стулъ и опять заговорилъ, не глядя на Евфросинью, какъ будто про себя:

— Есть вѣдомость печатная, что шведскій флотъ пошелъ къ берегу лифляндскому транспортовать людей на берегъ. Велико то худо будетъ, ежели правда: у насъ въ Питербурхѣ не согласится у князя Меньшикова съ сенаторами. А войско наше главное далеко. Они другъ на друга сердятся, помогать не станутъ—великую бѣду шведы починить могутъ. Питербурхъ-то подъ бокомъ! Когда зашли далеко въ Копенгагенъ, то не потерять бы и Питербурха, какъ Азова. Недолго ему быть за нами: либо шведы возьмутъ, либо разорится. Быть ему пусту, быть пусту! — повторялъ онъ, какъ заклинаніе, пророчество тетушки, царевны Маѳы Алексѣевны.

— А что нынѣ тамъ тихо — и та тишина не даромъ. Вотъ дядя Аврамъ Лопухинъ пишетъ: всѣхъ чиновъ люди говорятъ обо мнѣ, спрашиваютъ и жалѣютъ всегда, и стоять за меня готовы, а кругомъ-де Москвы уже заворашиваются. И на низу, на Волгѣ, не безъ замѣшанья будетъ въ народѣ. Чему дивить? Какъ и по сю пору еще терпятъ? А не пройдетъ даромъ. Я чай, не стерпя что-нибудь да сдѣлаютъ. А тутъ и въ Мекленбургіи бунтъ, и шведы, и цесарь, и я! Со всѣхъ сторонъ бѣда! Все мятется, мятется, шатается. Какъ затрещитъ, да ухнетъ — только пыль столбомъ. Такая раскачка пойдетъ, что ай, ай! Не сдобровать и батюшкѣ!..

Первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ себя сильнымъ и страшнымъ отцу. Какъ тогда, въ ту памятную ночь, во время болѣзни Петра, когда за морознымъ окномъ играла лунная вьюга, синяя, точно горящая синимъ огнемъ, пьяная — у него захватило духъ отъ радости. Радость опьяняла сильнѣе вина, которое онъ продолжалъ пить, почти самъ того не замѣчая, стаканъ за стаканомъ, глядя на море, тоже синее, точно горящее синимъ огнемъ, тоже пьяное и опьяняющее.

— Въ нѣмецкихъ курантахъ пишутъ: младшаго-то братца моего, Петиньку, нынѣшнимъ лѣтомъ въ Петергофѣ чуть громомъ не убило; мама на рукахъ его держала, такъ едва жива осталась; а солдата караульнаго зашибло до смерти. Съ той поры младенецъ все хирѣетъ да хирѣетъ — видно, не жилецъ на свѣтѣ. А ужъ вѣдь какъ берегли, какъ холили! Жаль Петеньки. Младенческая душенька, предъ Богомъ неповинная. За чужіе грѣхи терпитъ, за родительскіе, бѣдненькій. Спаси его Господь и помилуй! А только вотъ, говорю, воля-то Божья, чудо-то, знаменье! И какъ батюшка не вразумится? Страшно, страшно впасть въ руки Бога живого!..

— А кто изъ сенаторовъ станетъ за тебя? — спросила вдругъ Евфросинья, и опять та же странная искра промелькнула въ глазахъ ея и тотчасъ потухла — словно пронесли свѣчу за темнымъ пологомъ.

— А тебѣ для чего?—посмотрѣлъ на нее царевичъ съ удивленіемъ, какъ будто совсѣмъ забылъ о ней и теперь только вспомнилъ, что она его слушаетъ.

Евфросинья больше не спрашивала. Но едва уловимая чуждая тѣнь прошла между ними.

— Хоть и не всѣ мнѣ враги, а всѣ злодѣйствуютъ, въ угоду батюшкѣ, потому что трусы,—продолжалъ царевичъ.— Да мнѣ никого и не нужно. Плюну я на всѣхъ — здорова бы мнѣ чернь была!—повторилъ онъ свое любимое слово.— Какъ буду царемъ, старыхъ всѣхъ выведу, а изберу себѣ новыхъ, по своей волѣ. Облегчу народъ отъ тягостей — пусть отдохнетъ. Боярскую толщу поубавлю, будетъ имъ жиру нагуливать — о крестьянствѣ порадѣю, о слабыхъ и сирыхъ, о меньшей братьѣ Христовой. И церковный и земскій соборъ учиню, отъ всего народа выборныхъ: пусть всѣ доводятъ правду до царя, безъ страха, самымъ вольнымъ голосомъ, дабы царство и церковь исправить многосовѣтіемъ общимъ и Духа Святаго нашествіемъ на вѣки вѣчные!..

Онъ грезилъ вслухъ, и грезы становились все туманнѣе, все сказочнѣе.

Вдругъ злая острая мысль ужалила сердце, какъ оводъ: ничему не бывать; все врешь: славу пустила синица, а моря не зажгла.

И представилось ему, что рядомъ съ отцомъ — исполиномъ, кующимъ изъ желѣза новую Россію — самъ онъ, со своими грезами — маленькій мальчикъ, пускающій мыльные пузыри. Ну куда ему тягаться съ батюшкой?

Но онъ тотчасъ прогналъ эту мысль, отмахнулся отъ нея, какъ отъ назойливой мухи: буди воля Божья во всемъ; пусть батюшка куетъ желѣзо на здоровье, онъ дѣлаетъ свое, а Богъ—свое; захочетъ Богъ—и лопнетъ желѣзо, какъ мыльный пузырь.

И онъ еще слаще отдался мечтамъ. Чувствуя себя уже не сильнымъ, а слабымъ—но это была пріятная слабость— съ улыбкой, все болѣе кроткой и пьяной, слушалъ, какъ

море шумитъ, и чудилось ему въ этомъ шумѣ что-то знакомое, давнее-давнее—то ли бабушка баюкаетъ, то ли Сиринъ, птица райская, поетъ пѣсни царскія.

— А потомъ, какъ землю устрою и народъ облегчу, съ великимъ войскомъ и флотомъ пойду на Царьградъ. Турокъ повыбью, славянъ изъ-подъ ига невѣрныхъ освобожу, на Св. Софіи крестъ водружу. И соберу вселенскій соборъ для возсоединенія церквей. И дарую миръ всему міру, да притекутъ народы съ четырехъ концовъ земли подъ сѣнь Софіи Премудрости Божьей, въ царство священное, вѣчное, во срѣтеніе Христу Грядущему!..

Евфросинья давно уже не слушала,—все время зѣвала и крестила ротъ; наконецъ, встала, потягиваясь и почесываясь.

— Разморило меня что-то. Съ обѣда, чай, нѣмца-то ждавши, не выспалась. Пойду-ка-сь я, Петровичъ, лягу, что ль?

— Ступай маменька, спи съ Богомъ. Можетъ, и я приду, погодя—только вотъ голубковъ покормлю.

Она вышла въ сосѣднюю комнату — спальню, а царевичъ—на галлерею, куда уже слетались голуби, ожидая обычнаго корма.

Онъ разбрасывалъ имъ крошки и зерна съ тихимъ ласковымъ зовомъ:

— Гуль, гуль, гуль.

И такъ же, какъ, бывало, въ Рождественѣ, голуби, воркуя, толпились у ногъ его, летали надъ головой, садились на плечи и руки, покрывали его, точно одѣвали, крыльями. Онъ глядѣлъ съ высоты на море, и въ трепетномъ вѣяньи крыльевъ, казалось ему, что онъ самъ летитъ на крыльяхъ туда, въ безконечную даль, черезъ синее море, къ свѣтлой, какъ солнце, Софіи Премудрости Божьей.

Ощущеніе полета было такъ сильно, что сердце замирало, голова кружилась. Ему стало страшно. Онъ зажмурилъ глаза и судорожно схватился рукою за выступъ ограды: почудилось, что онъ уже не летитъ, а падаетъ.

Нетвердыми шагами вернулся онъ въ комнату. Туда же изъ спальни торопливо вышла Евфросинья уже совсѣмъ раздѣтая, въ одной сорочкѣ, съ босыми ногами, влѣзла на стулъ и стала заправлять лампадку передъ образомъ. Это была старинная любимая царевичева икона Всѣхъ Скорбящихъ Матери; всюду возилъ онъ ее за собою и никогда не разставался съ нею.

-- Грѣхъ-то какой! Завтра Успеніе Владычицы, а я и забыла. Такъ бы и осталась безъ лампадки Матушка. Часы-то, Петровичъ, будешь читать? Налой готовить ли?

Передъ каждымъ большимъ праздникомъ, за неимѣніемъ попа, онъ самъ справлялъ службы, читалъ часы и пѣлъ стихеры.

— Нѣтъ, маменька, развѣ къ ночи. Усталъ я что-то, голова болитъ.

— Вина бы меньше пилъ, батюшка.

— Не отъ вина, чай — отъ мыслей: вѣсти-то больно радостныя!..

Засвѣтивъ лампадку и возвращаясь въ спальню, она остановилась у стола, чтобы выбратъ въ подаренной нѣмцемъ корзинѣ самый спѣлый персикъ: въ постели передъ сномъ любила ѣсть что-нибудь сладкое.

Царевичъ подошелъ къ ней и обнялъ ее.

— Афросьюшка, другъ мой сердешненькій, аль не рада? Вѣдь будешь царицею, а Селебеный...

„Серебряный“ или, нѣжнѣе, какъ выговариваютъ маленькія дѣти—„Селебеный“ было прозвище ребенка, непремѣнно, думалъ онъ, сына, который долженъ былъ родиться у Евфросиньи: она была третій мѣсяцъ беременна. „Ты у меня золотая, а сынокъ будетъ серебряный“, говорилъ онъ ей въ минуты нѣжности.

— Будешь царицею, а Селебленый наслѣдникомъ!— продолжалъ царевичъ.—Назовемъ его Ваничкой — благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій царь всея Россіи, Іоаннъ Алексѣевичъ!..

Она освободилась тихонько изъ его объятій, огляну-

лась черезъ плечо, хорошо-ли лампадка горитъ, закусила персикъ и, наконецъ, отвѣтила ему спокойно:

— Шутить изволишь, батюшка. Гдѣ мнѣ, холопкѣ, царицею быть?

— А женюсь, такъ будешь. Вѣдь, и батюшка таковымъ-же образомъ учинилъ. Мачеха-то, Катерина Алексѣевна тоже не знамо какого роду была — сорочки мыла съ чухонками, въ одной рубахѣ въ полонъ взята—а вѣдь вотъ же царствуетъ. Будешь и ты, Евфросинья Өедоровна, царицею, небось не хуже другихъ!..

Онъ хотѣлъ и не умѣлъ сказать ей все, что чувствовалъ: за то, можетъ быть, и полюбилъ онъ ее, что она простая холопка; вѣдь и онъ, хотя царской крови — тоже простой, спѣси боярской не любитъ, а любитъ чернь; отъ черни-то и царство приметъ; добро за добро: чернь сдѣлаетъ его царемъ, а онъ ее, Евфросинью, холопку изъ черни — царицею.

Она молчала, потупивъ глаза, и по лицу ея видно было только, что ей хочется спать. Но онъ обнималъ ее все крѣпче и крѣпче, ощущая сквозь тонкую ткань упругость и свѣжесть голаго тѣла. Она сопротивлялась, отталкивая руки его. Вдругъ нечаяннымъ движенiемъ потянулъ онъ внизъ полуразстегнутую, едва державшуюся на одномъ плечѣ сорочку. Она совсѣмъ разстегнулась, соскользнула и упала къ ея ногамъ.

Вся обнаженная, въ тускломъ золотѣ рыжихъ волосъ, какъ въ сiяньи, стояла она передъ нимъ. И странною и соблазнительною казалась черная мушка надъ лѣвою бровью. И въ скошенномъ, удивленномъ разрѣзѣ глазъ было что-то козье, чуждое и дикое.

— Пусти, пусти-же, Алешенька. Стыдно!..

Но если она стыдилась, то не очень: только немного отвернулась со своей обычною, лѣнивою, какъ будто презрительной усмѣшкою, оставаясь, какъ всегда подъ ласками его, холодною, невинною, почти дѣвственной, несмотря на чуть замѣтную округлость живота, которая предрекала пол-

ноту беременности. Въ такія минуты казалось ему, что тѣло ея ускользаетъ изъ рукъ его, таетъ, воздушное, какъ призракъ.

— Афрося! Афрося!—шепталъ онъ, стараясь поймать, удержать этотъ призракъ, и вдругъ опустился передъ ней на колѣни.

— Стыдно, — повторяла она. — Передъ праздникомъ. Вонъ и лампада горитъ... Грѣхъ, грѣхъ!

Но тотчасъ опять равподушно, безпечно поднесла закушенный персикъ ко рту, полураскрытому, алому и свѣжему, какъ плодъ.

„Да, грѣхъ,—мелькнуло въ умѣ его, — отъ жены начало грѣху, и тою мы всѣ умираемъ"...

И онъ тоже невольно оглянулся на образъ, и вдругъ вспомнилъ, какъ точно такой-же образъ въ Лѣтнемъ саду, ночью, во время грозы, упалъ изъ рукъ батюшки и разбился у подножія Петербургской Венусъ — Бѣлой Дьяволицы.

Въ четырехугольникѣ дверей, открытыхъ на синее море, тѣло ея выступало, словно выходило, изъ горящей синевы морской, золотисто-бѣлое, какъ пѣна волнъ. Въ одной рукѣ держала она плодъ, другую опустила, цѣломудреннымъ движеніемъ закрывая наготу свою, какъ Пѣнорожденная. А за нею играло, кипѣло синее море, какъ чаша амброзіи, и шумъ его подобенъ былъ вѣчному смѣху боговъ.

Это была та самая дворовая дѣвка Афроська, которая однажды весеннимъ вечеромъ въ домикѣ Вяземскихъ на Малой Охтѣ, наклонившись низко въ подоткнутой юбкѣ, мыла полъ шваброю. Это была дѣвка Афроська и богиня Афродита — вмѣстѣ.

„Венусъ, Венусъ, Бѣлая Дьяволина!"—подумалъ царевичъ въ суевѣрномъ ужасѣ и готовъ былъ вскочить, убѣжать. Но отъ грѣшнаго и все-таки невиннаго тѣла, какъ изъ раскрытаго цвѣтка, пахнуло на него знакомымъ, упоительнымъ и страшнымъ запахомъ, и, самъ не понимая,

что̀ дѣлаетъ—онъ еще ниже склонился передъ ней и поцѣловалъ ея ноги, и заглянулъ ей въ глаза, и прошепталъ, какъ молящійся:

— Царица! Царица моя!..

А тусклый огонекъ лампадки мерцалъ передъ святымъ и скорбнымъ Ликомъ.

IV

Намѣстникъ цесаря въ Неаполѣ, графъ Даунъ пригласилъ царевича на свиданіе къ себѣ въ Королевскій дворецъ вечеромъ 26-го сентября.

Въ послѣдніе дни въ воздухѣ чувствовалось приближеніе сирокко, африканскаго вѣтра, приносящаго изъ глубинъ Сахары тучи раскаленнаго песку. Должно быть, ураганъ уже разразился и бушевалъ въ высочайшихъ воздушныхъ слояхъ, но внизу была бездыханная тишь. Листья пальмъ и вѣтви мимозъ висѣли, недвижные. Только море волновалось громадными безпѣнными валами мертвой зыби, которые разбивались о берегъ съ потрясающимъ грохотомъ. Даль была застлана мутною мглою, и на безоблачномъ небѣ солнце казалось тусклымъ, какъ сквозь дымчатый опалъ. Воздухъ — пронизанъ тончайшею пылью. Она проникала всюду, даже въ плотно запертыя комнаты, покрывала сѣрымъ слоемъ бѣлый листъ бумаги и страницы книгъ; хрустѣла на зубахъ; воспаляла глаза и горло. Было душно, и съ каждымъ часомъ становилось все душнѣе. Въ природѣ чувствовалось то же, что въ тѣлѣ, когда нарываетъ нарывъ. Люди и животныя, не находя себѣ мѣста, метались въ тоскѣ. Народъ ожидалъ бѣдствій—войны, чумы, или изверженія Везувія.

И дѣйствительно, въ ночь съ 23-го на 24-ое сентября

жители Торре-дель-Греко, Резины и Портичи почувствовали первые подземные удары. Появилась лава. Огненный потокъ уже приближался къ самымъ верхнимъ, расположеннымъ по склону горы, виноградникамъ. Для умилостивленія гнѣва Господня совершались покаянныя шествія съ зажженными свѣчами, тихимъ пѣніемъ и громкими воплями самобичующихся. Но гнѣвъ Божій не утолялся. Изъ Везувія днемъ валилъ черный дымъ, какъ изъ плавильной печи, разстилаясь длиннымъ облакомъ отъ Кастелламаре до Позиллиппо, а ночью вздымалось красное пламя, какъ зарево подземнаго пожара. Мирный жертвенникъ боговъ превращался въ грозный факелъ Евменидъ. Наконецъ, въ самомъ Неаполѣ послышались, точно подземные громы, первые гулы землетрясенія, какъ будто снова пробуждались древніе Титаны. Городъ былъ въ ужасѣ. Вспоминались дни Содома и Гоморры. А по ночамъ, среди мертвой тишины, гдѣ-нибудь въ щеляхъ окна, подъ дверью, или въ трубѣ очага, раздавался тонкій-тонкій, ущемленный визгъ, точно пойманный комаръ жужжалъ: то сирокко заводило свои пѣсни. Звукъ разростался, усиливался, и казалось, вотъ-вотъ разразится неистовымъ воемъ — но вдругъ замиралъ, обрывался—и опять наступала тишина, еще болѣе мертвая. Какъ будто злые духи, и внизу, и вверху, перекликались, совѣщались о страшномъ днѣ Господнемъ, которымъ долженъ кончиться міръ.

Всѣ эти дни царевичъ чувствовалъ себя больнымъ. Но врачъ успокоилъ его, сказавъ, что это съ непривычки отъ сирокко, и прописалъ освѣжающую кислую микстуру, отъ которой ему дѣйствительно сдѣлалось легче. Въ назначенный день и часъ поѣхалъ онъ во дворецъ на свиданіе съ намѣстникомъ.

Встрѣтившій его въ передней караульный офицеръ передалъ ему почтительнѣйшее извиненіе графа Дауна, что его высочеству придется нѣсколько минутъ подождать въ пріемной залѣ, такъ какъ намѣстникъ принужденъ былъ отлучиться по важному и неотложному дѣлу.

Царевичъ вошелъ въ огромную и пустынную прiемную залу, убранную съ мрачною, почти зловѣщею, испанскою роскошью: кроваво-красный шелкъ обоевъ, обилiе тяжелой позолоты, рѣзные шкафы изъ чернаго дерева, подобные гробницамъ, зеркала, такiя тусклыя, что въ нихъ, казалось, отражались только лица призраковъ. По стѣнамъ—большiя, темныя полотна—благочестивыя картины старинныхъ мастеровъ: римскiе солдаты, похожiе на мясниковъ, жгли, сѣкли, рѣзали, пилили и всякими иными способами терзали христiанскихъ мучениковъ; это напоминало бойню, или застѣнки Святѣйшей Инквизицiи. А вверху, на потолкѣ, среди раззолоченныхъ завитковъ и раковинъ — Трiумфъ Олимпiйскихъ боговъ: въ этомъ жалкомъ ублюдкѣ Тицiана и Рубенса виденъ былъ конецъ Возрожденiя — въ утонченной изнѣженности варварское одичанье и огрубѣнiе искусства; груды голаго тѣла, голаго мяса—жирныя спины, пухлые, въ складкахъ, животы, раскоряченныя ноги, чудовищно - отвислыя женскiя груди. Казалось, что всѣ эти боги и богини, откормленные, какъ свиныя туши, и маленькiе амуры, похожiе на розовыхъ поросятъ — весь этотъ скотоподобный Олимпъ предназначался для христiанской бойни, для пыточныхъ орудiй Святѣйшей Инквизицiи.

Царевичъ долго ходилъ по залѣ, наконецъ, усталъ и сѣлъ. Въ окна вползали сумерки, и сѣрыя тѣни, какъ пауки ткали паутину по угламъ. Кое-гдѣ лишь выступала, свѣтлѣя, позолоченная львиная лапа и острогрудый грифъ, которые поддерживали яшмовую, или малахитовую доску круглаго стола; да закутанныя кисеею люстры тускло поблескивали хрустальными подвѣсками, какъ исполинскiе коконы въ капляхъ росы. Царевичу казалось, что удушье сирокко увеличивается отъ этого множества голаго тѣла, голаго мяса, упитаннаго, языческаго — вверху, и страдальческаго, христiанскаго — внизу. Разсѣянный взглядъ его, блуждая по стѣнамъ, остановился на одной картинѣ, непохожей на другiя, выступавшей среди нихъ, какъ свѣтлое пятно: обнаженная до пояса дѣвушка съ рыжими волосами, съ почти дѣтскою,

невинною грудью, съ прозрачно-желтыми глазами и безмысленной улыбкою; въ приподнятыхъ углахъ губъ и въ слегка скошенномъ, удлиненномъ разрѣзѣ глазъ было что-то козье, дикое и странное, почти жуткое, напомнившее дѣвку Афроську. Ему вдругъ смутно почуялась какая-то связь между этою усмѣшкою и нарывающимъ удушеніемъ сирокко. Картина была плохая, снимокъ со стариннаго произведенія ломбардской школы, ученика учениковъ Леонардо. Въ этой обезмысленной, но все еще загадочной усмѣшкѣ отразилась послѣдняя тѣнь благородной гражданки Неаполя, монны Лизы Джіоконды.

Царевичъ удивлялся, что намѣстникъ, всегда изысканно вѣжливый, заставляетъ его ждать такъ долго; и куда запропастился Вейнгартъ, и почему такая тишина—весь дворецъ точно вымеръ?

Хотѣлъ встать, позвать кого-нибудь, велѣть принести свѣчи. Но на него напало странное оцѣпенѣніе, какъ будто и онъ былъ затканъ, облѣпленъ тою сѣрою паутиною, которую тѣни, какъ пауки, ткали по угламъ. Лѣнь было двинуться. Глаза слипались. Онъ открывалъ ихъ съ усиліемъ, чтобы не заснуть. И все-таки заснулъ на нѣсколько мгновеній. Но, когда проснулся, ему показалось, что прошло много времени.

Онъ видѣлъ во снѣ что-то страшное, но не могъ вспомнить что̀. Только въ душѣ осталось ощущеніе несказанной тяжести, и опять почудилась ему связь между этимъ страшнымъ сномъ, безмысленной усмѣшкой рыжей дѣвушки и нарывающимъ удушьемъ сирокко. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ прямо передъ собою лицо блѣдное-блѣдное, подобное призраку. Долго не могъ понять, что́ это. Наконецъ, понялъ, что это его же собственное лицо, отраженное въ тускломъ простѣночномъ зеркалѣ, передъ которымъ, сидя въ креслѣ, онъ заснулъ. Въ томъ же зеркалѣ, какъ разъ у него за спиною, видна была закрытая дверь. И ему казалось, что сонъ продолжается, что дверь сейчасъ откроется, и въ нее войдетъ то страшное, что́ онъ только что видѣлъ во снѣ и чего не могъ вспомнить.

Дверь отворилась беззвучно. Въ ней появился свѣтъ восковыхъ свѣчей и лица. Глядя попрежнему въ зеркало, не оборачиваясь, онъ узналъ одно лицо, другое, третье. Вскочилъ, обернулся, выставивъ руки впередъ, съ отчаянною надеждою, что это ему только почудилось въ зеркалѣ, но увидѣлъ въ дѣйствительности то же, чтó въ зеркалѣ— и изъ груди его вырвался крикъ безпредѣльнаго ужаса:

— Онъ! Онъ! Онъ!

Царевичъ упалъ бы навзничъ, если бы не поддержалъ его сзади секретарь Вейнгартъ.

— Воды! Воды! Царевичу дурно!

Вейнгардъ бережно усадилъ его въ кресло, и Алексѣй увидѣлъ надъ собою склоненное доброе лицо стараго графа Дауна. Онъ гладилъ его по плечу и давалъ ему нюхать спиртъ.

— Успокойтесь, ваше высочество! Ради Бога, успокойтесь! Ничего дурного не случилось. Вѣсти самыя добрыя...

Царевичъ пилъ воду, стуча зубами о края стакана. Не отводя глазъ отъ двери, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ непрерывною мелкою дрожью, какъ въ сильномъ ознобѣ.

— Сколько ихъ?—спросилъ онъ графа Дауна шопотомъ.

— Двое, ваше высочество, всего двое.

— А третій? Я видѣлъ третьяго...

— Вамъ, должно быть, почудилось.

— Нѣтъ, я видѣлъ *его*! Гдѣ же *онъ*?

— Кто, онъ?

— Отецъ!..

Старикъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Это отъ сирокко,—объяснилъ Вейнгартъ—Маленькій приливъ крови къ головѣ. Часто бываетъ. Вотъ и у меня съ утра нынче все какіе-то синіе зайчики въ глазахъ прыгаютъ. Пустить кровь—и какъ рукой сниметъ.

— Я видѣлъ его!—повторялъ царевичъ.—Клянусь Богомъ, это былъ не сонъ! Я видѣлъ его, графъ, вотъ какъ васъ теперь вижу...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ старикъ съ искреннимъ огорченіемъ.— Если бы я только зналъ, что ваше высочество не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, я ни за что не допустилъ бы... Можно, впрочемъ, и теперь еще отложить свиданіе?..

— Нѣтъ, не надо—все равно. Я хочу знать,—проговорилъ царевичъ. — Пусть подойдетъ ко мнѣ одинъ старикъ. А того, другого, не допускайте...

Онъ судорожно схватилъ его за руку:

— Ради Бога, графъ, не допускайте того!.. Онъ — убійца!.. Видите, какъ онъ смотритъ... Я знаю: онъ посланъ царемъ, чтобъ зарѣзать меня!..

Такой ужасъ былъ въ лицѣ его, что намѣстникъ подумалъ: „а кто ихъ знаетъ, этихъ варваровъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ?“.. — и вспомнились ему слова императора изъ подлинной инструкціи:

„Свиданіе должно быть устроено такъ, чтобы никто изъ москвитянъ (отчаянные люди и на все способные!) не напалъ на царевича и не возложилъ на него рукъ, хотя я того не ожидаю“.

— Будьте покойны, ваше высочество: жизнью и честью моей отвѣчаю, что они не сдѣлаютъ вамъ никакого зла.

И намѣстникъ шепнулъ Вейнгарту, чтобы онъ велѣлъ усилить стражу.

А въ это время уже подходилъ къ царевичу неслышными скользящими шагами, выгнувъ спину съ почтительнѣйшимъ видомъ и нижайшими поклонами, Петръ Андреевичъ Толстой.

Спутникъ его, капитанъ гвардіи, царскій деньщикъ исполинскаго роста съ добродушнымъ и красивымъ лицомъ не то римскаго легіонера, не то русскаго Иванушки-дурачка, Александръ Ивановичъ Румянцевъ, по знаку намѣстника, остановился въ отдаленіи у дверей.

— Всемилостивѣйшій государь царевичъ, ваше высочество! Письмо отъ батюшки, — проговорилъ Толстой и, склонившись еще ниже, такъ что лѣвою рукою почти коснулся пола, правою — передалъ ему письмо.

Царевичъ узналъ въ написанномъ на оберткѣ одномъ только словѣ *Сыну* почеркъ отца, дрожащими руками распечаталъ письмо и прочелъ:

„Мой сынъ!

„Понеже всѣмъ есть извѣстно, какое ты непослушаніе и презрѣніе воли моей дѣлалъ, и ни отъ словъ, ни отъ наказанія не послѣдовалъ наставленію моему; но, наконецъ, обольстя меня и заклинаясь Богомъ при прощаніи со мною, потомъ что̀ учинилъ? Ушелъ и отдался, яко измѣнникъ, подъ чужую протекцію! Что не слыхано не точію между нашихъ дѣтей, но ниже между нарочитыхъ подданныхъ. Чѣмъ какую обиду и досаду отцу своему, и стыдъ отечеству своему учинилъ! Того ради, посылаю нынѣ сіе послѣднее къ тебѣ, дабы ты по волѣ моей сдѣлалъ, о чемъ тебѣ господинъ Толстой и Румянцевъ будутъ говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ; но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаю тебя вѣчно; а яко государь твой, за измѣнника объявляю и не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ. Къ тому помяни, что я все не насильствомъ тебѣ дѣлалъ; а когда бъ захотѣлъ, то почто на твою волю полагаться? Что бъ хотѣлъ, то бъ сдѣлалъ.

Петръ“.

Прочитавъ письмо, царевичъ взглянулъ опять на Румянцева. Тотъ поклонился и хотѣлъ подойти. Но царевичъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, привсталъ въ креслѣ и проговорилъ:

— Петръ Андреичъ... Петръ Андреичъ... не вели ему подходить!.. А то уйду... уйду сейчасъ... Вотъ и графъ говоритъ, чтобъ не смѣлъ...

По знаку Толстого, Румянцевъ опять остановился, съ недоумѣньемъ на своемъ красивомъ и неумномъ лицѣ.

Вейнгартъ подалъ стулъ. Толстой придвинулъ его къ царевичу, сѣлъ почтительно на самый кончикъ, наклонился, заглянулъ ему прямо въ глаза простодушнымъ довѣрчивымъ взоромъ и заговорилъ такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось, и они сошлись для пріятной бесѣды.

Это былъ все тотъ же изящный и превосходительный господинъ таіный совѣтникъ и кавалеръ, Петръ Андреевичъ Толстой: черныя бархатныя брови, мягкій бархатный взглядъ, ласковая бархатная улыбка, вкрадчивый бархатный голосъ— бархатный весь, а жальце есть.

И хотя царевичъ помнилъ изреченіе батюшки: „Толстой — умный человѣкъ; но когда съ нимъ говоришь, слѣдуетъ держать камень за пазухой“—онъ все-таки слушалъ его съ удовольствіемъ. Умная, дѣловитая рѣчь успокаивала его, пробуждала отъ страшныхъ видѣній, возвращала къ дѣйствительности. Въ этой рѣчи все умягчалось, углаживалось. Казалось, можно было устроить такъ, что и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы. Онъ говорилъ, какъ опытный старый хирургъ, который убѣждаетъ больного въ почти пріятной легкости труднѣйшей операціи.

„Употреблять ласку и угрозы, приводя, впрочемъ, удобьвымышленные раціи и аргументы“ — сказано было въ царской инструкціи—и если бы царь его слышалъ, то остался бы доволенъ.

Толстой подтвердилъ на словахъ то, что было въ письмѣ — совершенную милость и прощеніе въ томъ случаѣ, ежели царевичъ вернется.

Затѣмъ привелъ подлинныя слова царя изъ данной ему, Толстому, инструкціи о переговорахъ съ цесаремъ, причемъ въ голосѣ его сквозь прежнюю увѣтливую ласковость зазвучала твердость.

— „Буде цесарь станетъ говорить, что сынъ нашъ отдался подъ его протекцію, что онъ не можетъ противъ воли его выдать, и иныя отговорки и затѣйныя опасенія будетъ объявлять, — представить, что намъ не можетъ то иначе, какъ чувственно быть, что онъ хочетъ меня съ сыномъ

судить, понеже, по натуральнымъ правамъ, особливо же нашего государства, никто и межъ партикулярными подданными особами отца съ сыномъ судить не можетъ: сынъ долженъ повиноваться волѣ отцовой. А мы, самодержавный государь, ничѣмъ цесарю не подчинены, и вступаться ему не слѣдуетъ, а надлежитъ его къ намъ отослать; мы же, какъ отецъ и государь, по должности родительской, его милостиво паки примемъ и тотъ его проступокъ простимъ, и будемъ его наставлять, чтобы, оставивъ прежнія непотребныя дѣла, поступалъ въ пути добродѣтели, послѣдовалъ нашимъ намѣреніямъ; такимъ образомъ можетъ привратить къ себѣ паки наше отеческое сердце; чѣмъ его царское величество покажетъ и надъ нимъ милость и заслужитъ себѣ отъ Бога воздаяніе, а отъ насъ благодареніе; да и отъ сына нашего болѣе будетъ за то вѣчно возблагодаренъ, нежели за то, что нынѣ содержится, какъ невольникъ или злодѣй, за крѣпкимъ карауломъ, подъ именемъ нѣкотораго бунтовщика, графа венгерскаго, къ предосужденію чести нашей и имени. Но буде, паче чаянія, цесарь въ томъ весьма откажетъ, — объявить, что мы сіе примемъ за явный разрывъ и будемъ предъ всѣмъ свѣтомъ на цесаря чинить жалобы и искать неслыханную и несносную намъ и чести нашей обиду отомстить“.

— Пустое!—перебилъ царевичъ.— Николи изъ-за меня батюшка съ цесаремъ войны не начнетъ.

— Я чаю, войны не будетъ,— согласился Толстой.— Да цесарь и безъ войны тебя выдастъ. Никакой ему пользы нѣтъ, но больше есть трудность, что ты въ его области пребываешь. А свое обѣщаніе тебѣ онъ уже исполнилъ, протектовалъ, доколѣ батюшка изволилъ простить, а нынѣ, какъ простилъ, то уже повинности цесаревой нѣтъ, чтобы противъ всѣхъ правъ удерживать тебя и войну съ царемъ чинить будучи и кромѣ того въ войнѣ съ двухъ сторонъ, съ турками да гишпанцами: и тебѣ, чай, вѣдомо, что флотъ гишпанскій стоитъ нынѣ между Неополемъ и Сардиніей и намѣренъ атаковать Неаполь, понеже тутошняя шляхта сдѣ-

лала комплотъ и желаетъ быть лучше подъ властью гишпанскою, нежели цесарскою. Не вѣришь мнѣ, такъ спроси вице-роя: онъ получилъ отъ цесаря письмо саморучное, дабы всѣми мѣрами склонялъ тебя ѣхать къ батюшкѣ, а по послѣдней мѣрѣ, куды ни есть, только бы изъ его области выѣхалъ. А когда добромъ не выдадутъ, то государь намѣренъ тебя доставать и оружіемъ; конечно, для сего и войска свои въ Польшѣ держитъ, чтобы ихъ вскорѣ поставить на квартиры зимовыя въ Слезію, а оттуда недалече и до владѣній цесарскихъ...

Толстой заглянулъ ему въ глаза еще ласковѣе и тихонько дотронулся до руки его:

— Государь-царевичъ батюшка, послушай-ка увѣщанія родительскаго, возвратись къ отцу! „А мы, говоритъ царь— слова его величества подлинныя—простимъ и примемъ его паки въ милость нашу, и обѣщаемъ содержать отечески во всякой свободѣ и довольствѣ, безъ всякаго гнѣва и принужденія“.

Царевичъ молчалъ.

— „Буде же, говоритъ, къ тому весьма не склонится,— продолжалъ Толстой съ тяжелымъ вздохомъ,—объявить ему именемъ нашимъ, что мы, за такое преслушаніе, предавъ его клятвѣ отеческой и церковной, объявимъ во все государство наше измѣнникомъ; пусть-де разсудитъ, какой ему будетъ животъ? Не думалъ бы, что можетъ быть безопасенъ; развѣ вѣчно въ заключеніи и за крѣпкимъ карауломъ. И такъ душѣ своей въ будущемъ, а тѣлу и въ семъ еще вѣкѣ мученіе заслужитъ. Мы же искать не оставимъ всѣхъ способовъ къ наказанію непокорства его; даже вооруженною рукою цесаря къ выдачѣ его принудимъ. Пусть разсудитъ, что изъ того послѣдуетъ“.

Толстой умолкъ, ожидая отвѣта, но царевичъ тоже молчалъ. Наконецъ, поднялъ глаза и посмотрѣлъ на Толстого пристально.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Петръ Андреичъ?

— Не при дамахъ будь сказано, за семьдесятъ перевалило,—отвѣтилъ старикъ съ любезною улыбкою.

— А кажись, по Писанію-то, семьдесятъ — предѣлъ жизни человѣческой. Какъ же ты, Петръ Андреичъ, одной ногой во гробѣ стоя, за этакое дѣло взялся? А я-то еще думалъ, что ты любишь меня...

— И люблю, родимый, видитъ Богъ, люблю! Ей, до послѣдняго издыханія, служить тебѣ радъ. Одно только въ мысляхъ имѣю—помирить тебя съ батюшкой. Дѣло святое: блаженны-де, сказано, миротворцы...

— Полно-ка врать, старикъ! Аль думаешь, не знаю, зачѣмъ вы сюда съ Румянцевымъ присланы? На него разбойника, дивить нечего. А ты, ты, Андреичъ!.. На будущаго царя и самодержца руку поднялъ! Убійцы, убійцы вы оба! Зарѣзать меня батюшкой присланы!..

Толстой въ ужасѣ всплехнулъ руками.

— Богъ тебѣ судья, царевичъ!..

Такая искренность была въ лицѣ его и въ голосѣ, что, какъ ни зналъ его царевичъ, все-таки подумалъ: не ошибся ли, не обидѣлъ ли старика напрасно? Но тотчасъ разсмѣялся—даже злоба прошла: въ этой лжи было что-то простодушное, невинное, почти плѣнительное, какъ въ лукавствѣ женщинъ и въ игрѣ великихъ актеровъ.

— Ну, и хитеръ же ты, Петръ Андреичъ! А только никакою, братъ, хитростью въ волчью пасть овцу не заманишь...

— Это отца-то волкомъ разумѣешь?

— Волкъ не волкъ, а попадись я ему—и костей моихъ не останется! Да что мы другъ друга морочимъ? Ты и самъ, чай, знаешь...

— Алексѣй Петровичъ, ахъ, Алексѣй Петровичъ, батюшка! Когда моимъ словамъ не вѣришь, такъ вѣдь вотъ же въ письмѣ собственной его величества рукой написано: *обѣщаю Богомъ и судомъ Его.* Слышишь, Богомъ заклинается! Ужли же царь клятву преступитъ передъ всею Европою?..

— Что ему клятвы!—перебилъ царевичъ.—Коли самъ не разрѣшитъ, такъ Ѳедоска. За архіереями дѣло не станетъ. Разрѣшать соборнѣ. На то самодержецъ россійскій! Два человѣка на свѣтѣ, какъ боги — царь Московскій да папа Римскій: что хотятъ, то и дѣлаютъ... Нѣтъ, Андреичъ, даромъ словъ не трать. Живымъ не дамся!

Толстой вынулъ изъ кармана золотую табакерку съ пастушкомъ, который развязываетъ поясъ у спящей пастушки,—не торопясь, привычнымъ движеніемъ пальцевъ размялъ понюшку, склонилъ голову на грудь и произнесъ, какъ будто про себя, въ глубокомъ раздумьи:

— Ну, видно, быть такъ. Дѣлай, какъ знаешь. Меня, старика, не послушалъ — можетъ быть, отца послушаешь. Онъ и самъ, чай, скоро будетъ здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?.. Что ты врешь, старикъ? — произнесъ царевичъ, блѣднѣя, и оглянулся на страшную дверь.

Толстой, попрежнему не торопясь, засунулъ понюшку сначала въ одну ноздрю, потомъ въ другую — затянулся, стряхнулъ платкомъ табачную пыль съ кружева на груди и произнесъ:

— Хотя объявлять не велѣно, да ужъ, видно, все равно проговорился. Получилъ я намедни отъ царскаго величества письмо саморучное, что изволитъ немедленно ѣхать въ Италію. А когда пріѣдетъ самъ, кто можетъ возбранить отцу съ тобою видѣться? Не мысли, что сему нельзя сдѣлаться, понеже ни малой въ томъ дификульты, нѣтъ, кромѣ токмо изволенія царскаго величества. А тó тебѣ и самому извѣстно, что государь давно въ Италію ѣхать намѣренъ, нынѣ же наипаче для сего случая всемѣрно поѣдетъ.

Еще ниже опустилъ онъ голову, и все лицо его вдругъ сморщилось, сдѣлалось старымъ-престарымъ; казалось, онъ готовъ былъ заплакать — даже какъ будто слезинку смахнулъ. И еще разъ услышалъ царевичъ слова, которыя такъ часто слышалъ:

— Куда тебѣ отъ отца уйти? Развѣ въ землю, а то

вездѣ найдетъ. У царя рука долга. Жаль мнѣ тебя, Алексѣй Петровичъ, жаль, родимый...

Царевичъ всталъ, опять, какъ въ первыя минуты свиданія, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Подожди, Петръ Андреичъ. Мнѣ надобно графу два слова сказать.

Онъ подошелъ къ намѣстнику и взялъ его за руку.

Они вышли въ сосѣднюю комнату. Убѣдившись, что двери заперты, царевичъ разсказалъ ему все, что говорилъ Толстой, и въ заключеніе, схвативъ руки старика похолодѣвшими руками, спросилъ:

— Ежели отецъ будетъ требовать меня вооруженною рукою, могу-ли я положиться на протекцію цесаря?

— Будьте покойны ваше высочество! Императоръ довольно силенъ, чтобы защищать принимаемыхъ имъ подъ свою протекцію, во всякомъ случаѣ...

— Знаю, графъ. Но говорю вамъ теперь, не какъ намѣстнику императора, а какъ благородному кавалеру, какъ доброму человѣку. Вы были ко мнѣ такъ добры всегда. Скажите же всю правду, не скрывайте отъ меня ничего, ради Бога, графъ! Не надо политики! Скажите правду!.. О, Господи!.. Видите, какъ мнѣ тяжело!..

Онъ заплакалъ и посмотрѣлъ на него такъ, какъ смотрятъ затравленные звѣри. Старикъ невольно потупилъ глаза.

Высокій, худощавый, съ блѣднымъ, тонкимъ лицомъ, нѣсколько похожимъ на лицо Донъ-Кихота, человѣкъ добрый, но слабый и нерѣшительный, съ двоящимися мыслями, рыцарь и политикъ графъ Даунъ вѣчно колебался между старымъ неполитичнымъ рыцарствомъ и новою нерыцарской политикой. Онъ чувствовалъ жалость къ царевичу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страхъ, какъ бы не впутаться въ отвѣтственное дѣло—страхъ пловца, за котораго хватается утопающій.

Царевичъ опустился передъ нимъ на колѣни.

— Умоляю императора именемъ Бога и всѣхъ святыхъ

не покидать меня! Страшно подумать, что̀ будетъ, если я попадусь въ руки отцу. Никто не знаетъ, что это за человѣкъ... я знаю... Страшно, страшно!..

Старикъ наклонился къ нему, со слезами на глазахъ.

— Встаньте, встаньте же, ваше высочество! Богомъ клянусь, что говорю вамъ всю правду, безъ всякой политики: насколько я знаю цесаря, ни за что не выдастъ онъ васъ отцу; это было бы унизительно для чести его величества и противно всесвѣтнымъ правамъ—знакомъ варварства!

Онъ обнялъ царевича и поцѣловалъ его въ лобъ съ отеческою нѣжностью.

Когда они вернулись въ пріемную, лицо царевича было блѣдно, но спокойно и рѣшительно. Онъ подошелъ къ Толстому и, не садясь и его не приглашая сѣсть, видимо, давая понять, что свиданіе кончено, сказалъ:

— Возвратиться къ отцу опасно и предъ разгнѣванное лицо явиться не безстрашно; а почему не смѣю возвратиться, о томъ донесу письменно протектору моему, цесарскому величеству. Отцу, можетъ быть, буду писать, отвѣтствуя на его письмо, и тогда уже дамъ конечный отвѣтъ. А сего часу не могу ничего сказать, понеже надобно мыслить о томъ гораздо.

— Ежели, ваше высочество,—началъ опять Толстой вкрадчиво,—какія предложить имѣешь кондиціи, можешь и мнѣ объявить. Я чай, батюшка на все согласится. И на Евфросиньѣ жениться позволитъ. Подумай, подумай, родной. Утро вечера мудрѣе. Ну, да мы еще поговорить успѣемъ. Не въ послѣдній разъ видимся...

— Говорить намъ, Петръ Андреичъ, больше не о чемъ и видѣться незачѣмъ. Да ты долго ли здѣсь пробудешь?

— Имѣю повелѣніе,—возразилъ Толстой тихо и посмотрѣлъ на царевича такъ, что ему показалось, будто изъ глазъ его глянули глаза батюшки,—имѣю повелѣніе не удаляться отсюда, прежде чѣмъ возьму тебя, и если бы перевезли тебя въ другое мѣсто,—и туда буду за тобою слѣдовать.

Потомъ прибавилъ еще т[illegible]

— Отецъ не оставитъ тебя, пока не получитъ, живымъ или мертвымъ.

Изъ-подъ бархатной лапки высунулись когти, но тотчасъ же спрятались. Онъ поклонился, какъ при входѣ, глубочайшимъ поклономъ, хотѣлъ даже поцѣловать руку царевича, но тотъ ее отдернулъ.

— Всемилостивѣйшей особы вашего высочества всепокорный слуга!

И вышелъ съ Румянцевымъ въ ту же дверь, въ которую вошелъ.

Царевичъ проводилъ ихъ глазами и долго смотрѣлъ на эту дверь неподвижнымъ взоромъ, словно промелькнуло передъ нимъ опять ужасное видѣніе.

Наконецъ опустился въ кресло, закрылъ лицо руками и согнулся, съежился весь, какъ будто подъ страшною тяжестью.

Графъ Даунъ положилъ руку на плечо его, хотѣлъ сказать что-нибудь въ утѣшеніе, но почувствовалъ, что сказать нечего, и молча отошелъ къ Вейнгарту.

— Императоръ настаиваетъ, — шепнулъ онъ ему, — чтобъ царевичъ удалилъ отъ себя ту женщину, съ которой живетъ. У меня не хватило духу сказать ему объ этомъ сегодня. Когда-нибудь, при случаѣ скажите вы.

V

„Мои дѣла въ великомъ находятся затрудненіи,—писалъ Толстой резиденту Веселовскому въ Вѣну.—Ежели не отчаится наше дитя протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслитъ ѣхать. Того ради, надлежитъ вашей милости во всѣхъ мѣстахъ трудиться, чтобы ему явно по-

казали, что его оружіемъ защищать не будутъ; а онъ въ томъ все свое упованіе полагаетъ. Мы должны благодарствовать усердіе здѣшняго вицероя въ нашу пользу; да не можемъ преломить замерзѣлаго упрямства. Сего часу не могу больше писать, понеже ѣду къ нашему *звѣрю*, а почта отходитъ“.

Толстому случалось не разъ бывать въ великихъ затрудненіяхъ, и всегда выходилъ онъ сухъ изъ воды. Въ молодости участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ — всѣ погибли—онъ спасся. Сидя на Устюжскомъ воеводствѣ, пятидесяти лѣтъ отъ роду, имѣя жену и дѣтей, вызвался ѣхать, вмѣстѣ съ прочими „россійскими младенцами“, въ чужіе края для изученія навигаціи—и выучился. Будучи посломъ въ Константинополѣ, трижды попадалъ въ подземныя тюрьмы Семибашеннаго замка и трижды выходилъ оттуда, заслуживъ особую милость царя. Однажды собственный секретарь его написалъ на него доносъ въ растратѣ казенныхъ денегъ, но не успѣвъ отослать, умеръ скоропостижно; а Толстой объяснилъ: „вздумалъ подъячій Тимошка обусурманиться, познакомившись съ турками; Богъ мнѣ помогъ объ этомъ свѣдать; я призвалъ его тайно и началъ говорить, и заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью выпилъ онъ рюмку вина и скоро умеръ: такъ его Богъ сохранилъ отъ бѣды“.

Не даромъ онъ изучалъ и переводилъ на русскій языкъ „Николы Махіавеля, мужа благороднаго флорентинскаго, Увѣщанія Политическія“. Самъ Толстой слылъ Макіавелемъ Россійскимъ. „Голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ!“ — говорилъ о немъ царь.

И вотъ теперь боялся Толстой, какъ бы въ дѣлѣ царевича эта умная голова не оказалась глупою, Макіавель Россійскій—въ дуракахъ. А между тѣмъ онъ сдѣлалъ всё, что можно было сдѣлать; опуталъ царевича тонкою и крѣпкою сѣтью; внушилъ каждому порознь, что всѣ остальные тайно желаютъ выдачи его, но сами, стыдясь нарушить

слово, поручаютъ это сдѣлать другимъ: цесарева — цесарю, цесарь — канцлеру, канцлеръ — намѣстнику, намѣстникъ — секретарю. Послѣднему Толстой далъ взятку въ 160 червонныхъ и пообѣщалъ прибавить, ежели онъ увѣритъ царевича, что цесарь протектовать его больше не будетъ. Но всѣ усилія разбивались о „замерзѣлое упрямство“.

Хуже всего было то, что онъ самъ напросился на эту поѣздку. „Должно знать свою планету“, — говаривалъ онъ. И ему казалось, что его планета есть поимка царевича, и что ею увѣнчаетъ онъ все свое служебное поприще, получитъ андреевскую ленту и графство, сдѣлается родоначальникомъ новаго дома графовъ Толстыхъ, о чемъ всю жизнь мечталъ.

Что̀-то скажетъ царь, когда онъ вернется ни съ чѣмъ?

Но теперь онъ думалъ не о потерѣ царской милости, андреевской ленты, графскаго титула; какъ истинный охотникъ, все на свѣтѣ забывъ, думалъ онъ только о томъ, что *звѣрь* уйдетъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія съ царевичемъ, Толстой сидѣлъ за чашкой утренняго шеколада на балконѣ своихъ роскошныхъ покоевъ въ гостиницѣ Трехъ Королей на самой бойкой улицѣ Неаполя, Віа-Толедо. Въ ночномъ шлафорѣ, безъ парика, съ голымъ черепомъ, съ остатками сѣдыхъ волосъ только на затылкѣ, онъ казался очень старымъ, почти дряхлымъ. Молодость его — вмѣстѣ съ книгой „Метаморфосеосъ, или Премѣненіе Овидіево“, которую онъ переводилъ на русскій языкъ — его собственная метаморфоза, баночки, кисточки и великолѣпный алонжевый парикъ съ юношескими черными какъ смоль кудрями — лежали въ уборной на столикѣ передъ зеркаломъ.

На сердцѣ кошки скребли. Но, какъ всегда, въ минуты глубокихъ раздумій о дѣлахъ политики, имѣлъ онъ видъ безпечный, почти легкомысленный; переглядывался съ хорошенькою сосѣдкою, тоже сидѣвшею на балконѣ въ домѣ черезъ улицу, смуглолицею черноглазою испанкою

изъ тѣхъ, которыя, по слову Езопки, „къ ручному труду не охочи, а заживаютъ больше въ прохладахъ“; улыбался ей съ галантною любезностью, хотя улыбка эта напоминала улыбку мертваго черепа, и напѣвалъ своего собственнаго сочиненія любовную пѣсенку *Къ дѣвицѣ*, подражаніе Анакреону:

Не бѣгай ты отъ меня,
Видя сѣду голову;
Ни затѣмъ, что красоты
Блистаетъ въ тебѣ весна;
Презирай мою любовь.
Посмотри хотя въ вѣнцахъ
Сколь красивы, съ бѣлыми
Ландышами смѣшанны,
Розы намъ являются.

Капитанъ Румянцевъ разсказывалъ ему о своихъ любовныхъ приключеніяхъ въ Неаполѣ.

По опредѣленію Толстого, Румянцевъ „былъ человѣкъ сложенія веселаго, жизнь оказывалъ пріятную къ людямъ и паче касающееся до компаніи; но болѣе былъ счастливъ, нежели къ высокимъ дѣламъ способенъ — только имѣлъ смѣльство добраго солдата“ — по просту, значитъ, дуракъ. Но онъ его не презиралъ за это, напротивъ, всегда слушалъ и порою слушался: „дураками-де свѣтъ стоитъ, — замѣчалъ Петръ Андреевичъ. — Катонъ, совѣтникъ римскій, говаривалъ, что дураки умнымъ нужнѣе, нежели умные дуракамъ“.

Румянцевъ бранилъ какую-то дѣвку Камилку, которая вытянула у него за одну недѣлю больше сотни ефимокъ.

— Тутошнія дѣвки къ нашему брату зѣло грабительны!

Петръ Андреевичъ вспомнилъ, какъ самъ былъ влюбленъ много лѣтъ назадъ, здѣсь же, въ Неаполѣ; про эту любовь разсказывалъ онъ всегда одними и тѣми же словами:

— Былъ я инаморатъ въ синьору Франческу, и оную имѣлъ за метресу во всю ту свою бытность. И такъ былъ инаморатъ, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ два мѣсяца 1.000 червонныхъ. И разстался съ великою печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ аморъ не можетъ выдти...

Онъ томно вздохнулъ и улыбнулся хорошенькой сосѣдкѣ.

— А что нашъ *звѣрь?* — спросилъ вдругъ съ видомъ небрежнымъ, какъ будто это было для него послѣднее дѣло.

Румянцевъ разсказалъ ему о своей вчерашней бесѣдѣ съ навигаторомъ Алешкой Юровымъ, Езопкою то-жъ.

Напуганный угрозою Толстого схватить его и отправить въ Петербургъ, какъ бѣглаго, Юровъ, несмотря на свою преданность царевичу, согласился быть шпіономъ, доносить обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ у него въ домѣ.

Румянцевъ узналъ отъ Езопки много любопытнаго и важнаго для соображеній Толстого о чрезмѣрной любви царевича къ Евфросиньи.

— Оная дѣвка весьма въ амурѣ профитуетъ и, въ большой конфиденціи плезировъ ночныхъ, такую надъ нимъ силу взяла, что онъ передъ ней пикнуть не смѣетъ. Подъ башмакомъ держитъ. Что она скажетъ, то онъ и дѣлаетъ. Жениться хочетъ, только попа не найдетъ, а то бъ ужъ давно повѣнчались.

Разсказалъ также о своемъ свиданіи съ Евфросиньей, устроенномъ, благодаря Езопкѣ и Вейнгарту, тайно отъ царевича, во время его отсутствія.

— Персона знатная, во всѣхъ статьяхъ — только волосомъ рыжая. По виду тиха, воды, кажись, не замутитъ, а должно быть, бѣдовая, въ тихомъ-то омутѣ черти водятся.

— А какъ тебѣ показалось, —спросилъ Толстой, у котораго мелькнула внезапная мысль,— къ амуру инклинацію имѣетъ?

— То-есть, чтобы нашего-то звѣря съ рогами сдѣлать? — усмѣхнулся Румянцевъ. — Какъ и всѣ бабы, чай, рада. Да вѣдь не съ кѣмъ...

— А хотя бы съ тобой, Александръ Ивановичъ. Небось, съ этакимъ-то молодцомъ всякой лестно! — лукаво подмигнулъ Толстой.

Капитанъ разсмѣялся и самодовольно погладилъ свои тонкіе, вздернутые кверху, такъ же какъ у царя, коша́чьи усики.

— Съ меня и Камилки будетъ! Куда мнѣ двухъ?

— А знаешь, господинъ капитанъ, какъ въ пѣсенкѣ поется:

Перестань противляться сугубому жару:
Двѣ дѣвы въ твоемъ сердцѣ вмѣстятся безъ свару.
Не печалься, что будешь столько любви имѣть,
Ибо можно съ услугой къ той и другой поспѣть;
Уволивъ первую, уволь и вторую,
А хотя бъ и десятокъ — немного сказую.

— Вишь ты какой, ваше превосходительство, бѣдовый!—захохоталъ Румянцевъ, какъ истый деньщикъ, показывая всѣ свои бѣлые ровные зубы. — Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!

Толстой возразилъ ему другою пѣсенкой:

Говорятъ мнѣ женщины:
„Анакреонъ, ты ужъ старъ.
„Взявъ зеркало, посмотрись,
„Волосовъ ужъ нѣтъ надъ лбомъ“.
Я не знаю, волосы
На головѣ ль, иль сошли;
Одно только знаю — то,
Что наипаче старику
Должно веселиться,
Ибо къ смерти ближе онъ.

— Послушай-ка, Александръ Ивановичъ,—продолжалъ онъ, уже безъ шутки,—замѣсто того, чтобъ съ Камилкой-то

безъ толку хороводиться, лучше бы ты съ оною знатною персоной поамурился. Большая изъ того польза для дѣла была бъ. Дитя наше такъ жалузіей опутали бы, что никуда не ушелъ бы, самъ въ руки дался. На нашего брата, кавалера, нѣтъ лучше приманки, какъ баба!

— Что ты, что ты, Петръ Адреичъ? Помилуй! Я думалъ, шутить изволишь, а ты и впрямь. Это дѣло щекотное. А ну, какъ онъ царемъ будетъ да про тотъ амуръ узнаетъ— такъ вѣдь на моей шеѣ мѣста не хватитъ, гдѣ топоровъ ставить...

— Э, пустое! Будетъ ли Алексѣй Петровичъ царемъ, это, братъ, вилами на водѣ писано, а что Петръ Алексѣичъ тебя наградитъ, то вѣрно. Да еще какъ наградитъ-то! Александръ Иванычъ, батюшка, пожалуй, учини дружбу, родной, въ вѣкъ не забуду!..

— Да я, право, не знаю, ваше превосходительство, какъ за этакое дѣло и взяться?..

— Вмѣстѣ возьмемся! Дѣло не мудреное. Я тебя научу, ты только слушайся...

Румянецъ еще долго отнѣкивался, но, наконецъ, согласился, и Толстой разсказалъ ему планъ дѣйствій.

Когда онъ ушелъ, Петръ Андреевичъ погрузился въ раздумье, достойное Макіавеля россійскаго.

Онъ давно уже смутно чувствовалъ, что одна только Евфросинья могла бы, если бы захотѣла, убѣдить царевича вернуться — ночная-де кукушка дневную перекукуетъ — и что, во всякомъ случаѣ, на нее — послѣдняя надежда. Онъ и царю писалъ: „невозможно описать, какъ царевичъ оную дѣвку любитъ и какое объ ней попеченіе имѣетъ“. Вспомнилъ также слова Вейнгарта: „больше всего боится онъ ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. А я-де намѣренъ его нынѣ постращать, будто отнимутъ ее немедленно, ежели къ отцу не поѣдетъ; хотя и неможно мнѣ сего безъ указа учинить, однакожъ, увидимъ, что изъ того будетъ“.

Толстой рѣшилъ ѣхать тотчасъ къ вицерою и тре-

бовать, чтобы онъ велѣлъ царевичу, согласно съ волей цесаря, удалить отъ себя Евфросинью.—„А тутъ-де еще и Румянцевъ со своимъ амуромъ — подумалъ онъ съ такою надеждою, что сердце у него забилось.—Помоги, матушка Венусъ! Авось-де, чего умные съ политикой не сдѣлали, то сдѣлаетъ дуракъ съ амуромъ“.

Онъ совсѣмъ развеселился и поглядывая на сосѣдку, напѣвалъ уже съ непритворною рѣзвостью:

Посмотри хотя въ вѣнцахъ
Сколь красивы, съ бѣлыми
Ландышами смѣшанны,
Розы намъ являются!

А плутовка, закрываясь вѣеромъ, выставивъ изъ-подъ чернаго кружева юбки хорошенькую ножку въ серебряной туфелькѣ, въ розовомъ чулочкѣ съ золотыми стрѣлками, дѣлала глазки и лукаво смѣялась,—какъ будто, въ образѣ этой дѣвочки, сама богиня Фортуна, опять, какъ уже столько разъ въ жизни, улыбалась ему, суля успѣхъ, андреевскую ленту и графскій титулъ.

Вставая, чтобы идти одѣваться, онъ послалъ ей черезъ улицу воздушный поцѣлуй, съ галантнѣйшей улыбкой: казалось, Фортунѣ блудницѣ улыбается безстыдною улыбкой мертвый черепъ.

Царевичъ подозрѣвалъ Езопку въ шпіонствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Толстымъ и Румянцевымъ. Онъ прогналъ его и запретилъ приходить. Но однажды, вернувшись домой неожиданно, столкнулся съ нимъ на лѣстницѣ. Езопка, увидѣвъ его, поблѣднѣлъ, задрожалъ, какъ пойманный воръ. Царевичъ понялъ, что онъ пробирался къ Евфросиньѣ съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ, схватилъ его за шиворотъ и столкнулъ съ лѣстницы.

Во время встряски, выпала у него изъ кармана круглая жестянка, которую онъ тщательно пряталъ. Царевичъ под-

нялъ ее. Это была коробка „съ французскимъ чекуладомъ лепешечками“ и вложенною въ крышку запискою, которая начиналась такъ:

„Милостивая моя Государыня, Евфросинья Ѳеодоровна!

„Поелику сердце во мнѣ не топорной работы, но рождено уже съ нѣжнѣйшими чувствованіями“...

А кончалась виршами:

Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно—безъ тебя скучно;
Легче бъ тя не знати, нежель такъ страдати.
Аще же отвергнешь, то въ Везувій ввергнешь.

Вмѣсто подписи—двѣ буквы: А. Р. „Александръ Румянцевъ“, догадался царевичъ.

У него хватило духу не говорить Евфросиньѣ объ этой находкѣ.

Въ тотъ же день Вейнгартъ сообщилъ ему полученный, будто бы, отъ цезаря указъ—въ случаѣ, ежели царевичъ желаетъ дальнѣйшей протекціи, немедленно удалить отъ себя Евфросинью.

На самомъ дѣлѣ, указа не было; Вейнгартъ только исполнялъ свое обѣщаніе Толстому: „я-де намѣренъ его постращать, и хотя мнѣ и не можно сего безъ указу учинить, однакожъ, увидимъ, что изъ того будетъ“.

VI

Въ ночь съ 1 на 2 октября разразилось, наконецъ, сирокко.

Съ особенной яростью выла буря на высотѣ Сантъ-Эльмо. Внутри замка, даже въ плотно запертыхъ покояхъ,

шумъ вѣтра былъ такъ силенъ, какъ въ каютахъ корабля подъ самымъ сильнымъ штормомъ. Сквозь голоса урагана— то волчій вой, то дѣтскій плачъ, то бѣшеный топотъ, какъ отъ бѣгущаго стада, то скрежетъ и свистъ, какъ отъ исполинскихъ птицъ съ желѣзными крыльями — гулъ морского прибоя похожъ былъ на далекіе раскаты пушечной пальбы. Казалось, тамъ, за стѣнами, рушилось все, наступилъ конецъ міра, и бушуетъ безпредѣльный хаосъ.

Въ покояхъ царевича было сыро и холодно. Но развести огонь въ очагѣ нельзя было, потому что дымъ изъ трубы выбивало вѣтромъ. Вѣтеръ пронизывалъ стѣны, такъ что сквозняки ходили по комнатѣ, пламя свѣчей колебалось, и капли воска на нихъ застывали висячими длинными иглами

Царевичъ ходилъ быстрыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Угловатая черная тѣнь его мелькала по бѣлымъ стѣнамъ, то сокращалась, то вытягивалась и, упираясь въ потолокъ, переламывалась.

Евфросинья, сидя съ ногами въ креслѣ и кутаясь въ шубку, слѣдила за нимъ глазами, молча. Лицо ея казалось равнодушнымъ. Только въ углу рта что-то дрожало едва уловимою дрожью, да пальцы однообразнымъ движеніемъ то расплетали, то скучивали оторванный отъ застежки на шубѣ, золотой шнурокъ.

Все было такъ же, какъ полтора мѣсяца назадъ, въ тотъ день, когда получилъ онъ радостныя вѣсти.

Царевичъ, наконецъ, остановился передъ ней и произнесъ глухо:

— Дѣлать нечего, маменька! Собирайся-ка въ путь. Завтра къ папѣ въ Римъ поѣдемъ. Картиналъ мнѣ тутошній сказывалъ, папа-де приметъ подъ свою протекцію...

Евфросинья пожала плечами.

— Пустое, царевичъ! Когда и цесарь держать не хочетъ дѣвку зазорную, такъ гдѣ ужъ папѣ. Ему, чай, нельзя, и по чину духовному. И войска нѣтъ, чтобъ защищать, коли батюшка тебя съ оружьемъ будетъ требовать.

— Какъ же быть, какъ же быть, Афросьюшка?.. —

всплеснулъ онъ руками въ отчаяньи.— Указъ полученъ отъ цесаря, чтобъ отлучить тебя немедленно. До утра едва ждать согласились. Того гляди, силой отнимутъ. Бѣжать, бѣжать надо скорѣе!..

— Куда бѣжать-то? Вездѣ поймаютъ. Все равно одинъ конецъ—поѣзжай къ отцу.

— И ты, и ты, Афрося! Напѣли тебѣ, видно, Толстой да Румянцевъ, а ты и уши развѣсила.

— Петръ Андреичъ добра тебѣ хочетъ...

— Добра!.. Что ты смыслишь? Молчи ужъ, баба— волосъ дологъ, умъ коротокъ! Аль думаешь, не запытаютъ и тебя? Не мысли того. И на брюхо не посмотрятъ: у насъ-де то не диво, что дѣвки на дыбахъ раживали...

— Да вѣдь батюшка милость обѣщалъ...

— Знаю, знаю, батюшкины милости. Вотъ онѣ мнѣ гдѣ! — показалъ онъ себѣ на затылокъ.— Папа не приметъ — такъ во Францію, въ Англію, къ Шведу, къ Турку, къ чорту на рога, только не къ батюшкѣ! Не смѣй ты мнѣ и говорить объ этомъ никогда, Евфросинья, слышишь, не смѣй!..

— Воля твоя, царевичъ. А только я съ тобой къ папѣ не поѣду,— произнесла она тихо.

— Какъ не поѣдешь? Это ты что еще вздумала?

— Не поѣду,— повторила она все такъ же спокойно, глядя ему въ глаза пристально.— Я ужъ и Петру Андреичу сказывала: не поѣду-де съ царевичемъ никуды, кромѣ батюшки; пусть ѣдетъ одинъ, куда знаетъ, а я не поѣду.

— Что ты, что ты, Афросьюшка? — заговорилъ онъ, блѣднѣя, вдругъ измѣнившимся голосомъ.— Христосъ съ тобою, маменька! Да развѣ... о Господи!.. развѣ я могу безъ тебя?..

— Какъ знаешь, царевичъ. А только я не поѣду. И не проси.

Она оторвала отъ петли и бросила шнурокъ на полъ.

— Одурѣла ты, дѣвка, что ль? — крикнулъ онъ, сжимая кулаки, съ внезапною злобою. — Возьму, такъ по-

ѣдешь! Много ты на себя воли берешь! Аль забыла, кѣмъ была?

— Кѣмъ была, тѣмъ и осталась: его царскаго величества, государя моего, Петра Алексѣича раба вѣрная. Куда царь велитъ, туда и поѣду. Изъ воли его не выйду. Съ тобой противъ отца не пойду.

— Вотъ ты какъ, вотъ ты какъ заговорила!.. Съ Толстымъ да съ Румянцевымъ снюхалась, со злодѣями моими, съ убійцами!.. За все, за все добро мое, за всю любовь!.. Змѣя подколодная! Хамка, отродіе хамово...

— Вольно тебѣ, царевичъ, лаяться? Да что-де толку? Какъ сказала, такъ и сдѣлаю.

Ему стало страшно. Даже злоба прошла. Онъ весь ослабѣлъ, изнемогъ, опустился въ кресло рядомъ съ нею, взялъ ее за руку и старался заглянуть ей въ глаза:

— Афросьюшка, маменька, другъ мой сердешненькій, что же, что же это такое? Господи! Время ли ссориться? Зачѣмъ такъ говоришь? Знаю, что того не сдѣлаешь— одного въ такой бѣдѣ не покинешь — не меня, такъ Селебенаго, чай, пожалѣешь?..

Она не отвѣчала, не смотрѣла, не двигалась — точно мертвая.

— Аль не любишь? — продолжалъ онъ съ безумно молящею ласкою, съ жалобной хитростью любящихъ.— Ну что жъ? Уходи, коли такъ. Богъ съ тобой. Держать силой не буду. Только скажи, что не любишь?..

Она вдругъ встала и посмотрѣла, усмѣхаясь такъ, что сердце у него замерло отъ ужаса.

— А ты думалъ, люблю? Когда надъ глупой дѣвкой ругался, насильничалъ, ножомъ грозилъ,— тогда бъ и спрашивалъ, люблю, аль нѣтъ!..

— Афрося, Афрося, что ты? Аль слову моему не вѣришь? Вѣдь женюсь на тебѣ, вѣнцомъ тотъ грѣхъ покрою. Да и теперь ты мнѣ все равно что жена!..

— Челомъ бью, государь, на милости! Еще бы не милость! На холопкѣ царевичъ изволитъ жениться! А вѣдь вотъ,

поди жъ ты, дура какая — этакой чести не рада! Терпѣла, терпѣла — мочи моей больше нѣтъ! Что въ петлю, аль въ прорубь, то за тебя, постылаго! Лучше бъ ты и впрямъ убилъ меня тогда, зарѣзалъ! Царицей-де будешь — вишь, чѣмъ вздумалъ манить. Да, можетъ, мнѣ дѣвичій-то стыдъ и воля дороже царства твоего? Насмотрѣлась я на ваши роды царскіе—срамники вы, паскудники! У васъ во дворѣ, что въ волчьей норѣ: другъ за дружкой такъ и смотрите, кто кому горло перерветъ. Батюшка — звѣрь большой, а ты—малый: звѣрь звѣрушку и съѣсть. Куда тебѣ съ нимъ спорить? Хорошо государь сдѣлалъ, что у тебя наслѣдство отнялъ. Гдѣ этакому царствовать? Въ дьячки ступай грѣхи замаливать, святоша! Жену уморилъ, дѣтей бросилъ, съ дѣвкой приблудной связался, отстать не можетъ! Ослабъ, совсѣмъ ослабъ, измотался, испаскудился! Вотъ и сейчасъ баба ругаетъ въ глаза, а ты молчишь, пикнуть не смѣешь. У, безстыдникъ! Избей я тебя, какъ собаку, а потомъ помани только, свистни — опять за мной побѣжишь, языкъ высуня, что кобель за сукою! А туда же, любви захотѣлъ! Да развѣ этакихъ-то любятъ?..

Онъ смотрѣлъ на нее и не узнавалъ. Въ сіяніи огненно-рыжихъ волосъ, блѣдное, точно нестерпимымъ блескомъ озаренное, лицо ея было страшно, но такъ прекрасно, какъ еще никогда. „Вѣдьма!“— подумалъ онъ, и вдругъ ему почудилось, что отъ нея—вся эта буря за стѣнами, и что дикіе вопли урагана повторяютъ дикія слова:

— Погоди, ужо узнаешь, какъ тебя люблю! За все, за все заплачу! Сама на плаху пойду, а тебя не покрою! Все разскажу батюшкѣ — какъ ты оружія просилъ у цесаря, чтобы войной идти на царя, возмущенію въ войскѣ радовался, къ бунтовщикамъ пристать хотѣлъ, отцу смерти желалъ, злодѣй! Все, все донесу, не отвертишься! Запытаетъ тебя царь, плетьми засѣчетъ, а я стану смотрѣть, да спрашивать: что, молъ, свѣтъ Алешенька, другъ мой сердешненькій, будешь помнить, какъ Афрося любила?.. А щенка твоего, Селебенаго, какъ родится—я своими руками...

Онъ закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобы не видѣть, не слышать. Ему казалось, что рушится все и, самъ онъ проваливается. Такъ ясно, какъ еще никогда, понялъ вдругъ, что нѣтъ спасенія — и какъ бы ни боролся, что бы ни дѣлалъ—онъ все равно погибъ.

Когда царевичъ открылъ глаза, Евфросиньи уже не было въ комнатѣ. Но виденъ былъ свѣтъ сквозь щель неплотно притворенной двери въ спальню. Онъ понялъ, что она тамъ, подошелъ и заглянулъ.

Она торопливо укладывалась, связывала вещи въ узелъ, какъ будто собиралась уходить отъ него тотчасъ. Узелъ былъ маленькій: немного бѣлья, два-три простыхъ платья, которыя она сама себѣ сшила, да слишкомъ ему памятная старенькая дѣвичья шкатулка, со сломаннымъ замкомъ и облѣзлою птицей, клюющей кисть винограда, на крышкѣ—та самая, въ которой, еще дворовою дѣвкою въ домѣ Вяземскихъ, она копила приданое. Дорогія платья и другія вещи, подаренныя имъ, тщательно откладывала, должно быть, не хотѣла брать его подарковъ. Это оскорбило его больше, чѣмъ всѣ ея злыя слова.

Кончивъ укладку, присѣла къ ночному столику, очинила перо и принялась писать медленно, съ трудомъ, выводя, точно рисуя, букву за буквою. Онъ подошелъ къ ней сзади на цыпочкахъ, нагнулся, заглянулъ ей черезъ плечо и прочиталъ первыя строки:

„Александръ Івановичъ.

„Понеже царевичъ хочитъ ехать хъ папе а я отгаваривала штопъ не ездилъ токмо не слушаитъ зело сердитуитъ то ісволь ваша мілость пріслати за мноі наіскаряі а лучшепъ самъ пріехалъ не увесбы мене сілоі а чаі без меня никуды не поедитъ“.

Половица скрипнула. Евфросинья быстро обернулась, вскрикнула и вскочила. Они стояли, молча, не двигаясь, лицомъ къ лицу, и смотрѣли другъ другу въ глаза долгимъ взглядомъ, точно такъ же, какъ тогда, когда онъ бросился на нее, грозя ножемъ.

— Такъ ты и впрямь къ нему? — прошепталъ онъ хриплымъ шопотомъ.

Чуть-чуть поблѣднѣвшія губы ея искривились тихою усмѣшкою.

— Хочу — къ нему, хочу — къ другому. Тебя не спрошусь.

Лицо его исказилось судорогою. Одной рукой схватилъ онъ ее за горло, другою за волосы, повалилъ и началъ бить, таскать, топтать ногами.

— Тварь! Тварь! Тварь!

Тонкое лезвіе кортика-грифа, который носила она, одѣваясь пажемъ, и которымъ только что, вмѣсто ножа, отрѣзала отъ большого листа бумаги четвертушку для письма,— сверкало на столѣ. Царевичъ схватилъ его, замахнулся. Онъ испытывалъ безумный восторгъ, какъ тогда, когда овладѣвалъ ею силою; вдругъ понялъ, что она его всегда обманывала, не принадлежала ему ни разу, даже въ самыхъ страстныхъ ласкахъ, и только теперь, убивъ ее, овладѣетъ онъ ею до конца, утолитъ свое неимовѣрное желаніе.

Она не кричала, не звала на помощь и боролась молча, ловкая, гибкая, какъ кошка. Во время борьбы, онъ толкнулъ столъ, на которомъ стояла свѣча. Столъ опрокинулся. Свѣча упала и потухла. Наступилъ мракъ. Въ глазахъ его, быстро точно колеса, завертѣлись огненные круги. Голоса урагана завыли гдѣ-то совсѣмъ близко отъ него, какъ будто надъ самымъ ухомъ, и разразились неистовымъ хохотомъ.

Онъ вздрогнулъ, словно очнулся отъ глубокаго сна, и и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что она повисла на рукѣ его, не двигаясь, какъ мертвая. Разжалъ руку, которою все еще держалъ ее за волосы. Тѣло упало на полъ съ короткимъ безжизненнымъ стукомъ.

Его обуялъ такой ужасъ, что волосы на головѣ зашевелились. Онъ далеко отшвырнулъ отъ себя кортикъ, выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату, схватилъ шандалъ съ нагорѣвшими свѣчами, вернулся въ спальню и увидѣлъ, что она лежитъ на полу, распростертая, блѣдная, съ кровью на лбу

и закрытыми глазами. Хотѣлъ было снова бѣжать, кричать, звать на помощь. Но ему показалось, что она еще дышетъ. Онъ упалъ на колѣни, наклонился къ ней, обнялъ, бережно поднялъ и положилъ на постель.

Потомъ заметался по комнатѣ, самъ не помня, что́ дѣлаетъ: то давалъ ей нюхать спиртъ, то искалъ пера, вспомнивъ, что жженымъ перомъ пробуждаютъ отъ обморока, то мочилъ ей голову водою. То опять склонялся надъ нею, рыдая цѣловалъ ей руки, ноги, платье и звалъ ее, и бился головой объ уголъ кровати, и рвалъ на себѣ волосы.

— Убилъ, убилъ, убилъ, окаянный!..

То молился:

— Господи Іисусе, Матерь Пречистая, возьми душу мою за нее!..

И сердце его сжималось съ такою болью, что ему казалось, онъ сейчасъ умретъ.

Вдругъ замѣтилъ, что она открыла глаза и смотритъ на него со странною улыбкою.

— Афрося, Афрося... что съ тобою, маменька?.. Не послать ли за дохтуромъ...

Она продолжала смотрѣть на него молча, все съ тою же непонятною улыбкою.

Сдѣлала усиліе, чтобы приподняться. Онъ ей помогъ и вдругъ почувствовалъ, что она обвила его шею руками и прижалась щекой къ щекѣ его съ такою тихою, дѣтски-довѣрчивой лаской, какъ еще никогда:

— Что́, испугался небось? Думалъ, до смерти убилъ? Пустое! Не такъ-то легко бабу убить. Мы, что кошки, живучи. Милый ударитъ—тѣла прибавитъ!

— Прости, прости, маменька, родненькая!..

Она смотрѣла въ глаза его, улыбалась и гладила ему волосы съ материнскою нѣжностью.

— Ахъ, мальчикъ ты мой, мальчикъ глупенькій. Посмотрю я на тебя — совсѣмъ дитятко малое. Ничего не смыслишь, не знаешь ты нашего нрова бабьяго. Ахъ, глу-

пенькій, такъ, вѣдь, и повѣрилъ, что не люблю? Поди-ка, я тебѣ на ушко словечко скажу.

Она приблизила губы къ самому уху его и шепнула страстнымъ шопотомъ:

— Люблю, люблю, какъ душу свою, душа моя, радость моя! Какъ мнѣ на свѣтѣ быть безъ тебя, какъ живой быть? Лучше бы мнѣ — душа моя съ тѣломъ разсталась. Аль не вѣришь?

— Вѣрю, вѣрю!..— плакалъ онъ и смѣялся отъ счастія.

Она прижималась къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Охъ, свѣтъ мой, батюшка мой, Алешенька, и за что ты мнѣ таковъ милъ?.. Гдѣ твой разумъ, тутъ и мой, гдѣ твое слово, тутъ и мое—гдѣ твое слово, тутъ и моя голова! Вся всегда въ волѣ твоей... Да вотъ горе мое: и всѣ-то мы, бабы, глупыя, злыя, а я пуще всѣхъ. Что же мнѣ дѣлать, коли такову меня Богъ безсчастную родилъ? Далъ мнѣ сердце несытое, жадное. И вижу, что любишь меня, а мнѣ все мало, все мало, чего хочу, сама не знаю. Что-то, думаю, что-то мальчикъ мой такой тихонькій да смирненькій, никогда поперекъ слова не молвитъ, не разсердится, не поучитъ меня, глупую? Рученьки его я надъ собою не слышу, грозы не чую. Не мимо-де молвится: кого люблю, того и бью. Аль не любитъ? А ну-ка разсержу его, попытаю, что изъ него будетъ... А ты—вотъ ты каковъ! Едва не убилъ! Совсѣмъ въ батюшку. Ажъ духъ изъ меня вонъ отъ страху-то. Ну, да впередъ наука, помнить буду и любить буду, вотъ какъ!..

Онъ какъ будто въ первый разъ видѣлъ эти глаза, горящіе грознымъ тусклымъ огнемъ, эти полураскрытыя, жаркія губы; чувствовалъ это скользящее, какъ змѣя, трепещущее тѣло. „Вотъ она какая!“—думалъ онъ съ блаженнымъ удивленіемъ.

— А ты думалъ, ласкать не умѣю?—какъ будто угадывая мысль его, засмѣялась она тихимъ смѣхомъ, который зажегъ въ немъ всю кровь.—Погоди, ужо такъ ли еще приласкаю... Только утоли ты, утоли мое сердце глупое, сдѣ-

лай, о чемъ попрошу, чтобъ знала я, что любишь ты меня, какъ я тебя—до смерти!.. Охъ, жизнь моя, любонька, лапушка!.. Сдѣлаешь? Сдѣлаешь?..

— Все сдѣлаю! Видитъ Богъ, нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы не сдѣлалъ. На смерть пойду—только скажи...

Она не шепнула, а какъ будто вздохнула чуть слышнымъ вздохомъ:

— Вернись къ отцу!..

И опять, какъ давеча, сердце у него замерло отъ ужаса. Почудилось что изъ-подъ нѣжной руки тянется и хватаетъ его за сердце желѣзная рука батюшки. „Лжетъ!“ — блеснуло въ немъ, какъ молнія. „Пусть лжетъ, только бы любила!“—прибавилъ онъ съ безпечностью.

— Тошно мнѣ, — продолжала она, — охъ, смерть моя, тошнехонько—во грѣхѣ съ тобой да въ беззаконьи жить! Не хочу быть дѣвкой зазорною, хочу быть женою честною предъ людьми и предъ Богомъ! Говоришь: и нынѣ-де я тебѣ все равно что жена. Да полно, какая жена? Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли. И мальчикъ-то нашъ, Селебеный приблуднымъ родится. А какъ вернешься къ отцу, такъ и женишься. И Толстой говоритъ: пусть-де царевичъ предложитъ батюшкѣ, что вернется, когда позволятъ жениться; а батюшка, говоритъ, еще и радъ сему будетъ, только-бъ-де онъ, царевичъ, отъ царства отрекся да жилъ въ деревняхъ на покоѣ. Что-де на рабѣ жениться, что клобукъ одѣть — едино—не бывать ему уже царемъ... А мнѣ-то, свѣтикъ мой, Алешенька, только того и надобно. Боюсь я, охъ, родненькій, царства-то я пуще всего и боюсь! Какъ станешь царемъ—не до меня тебѣ будетъ. Голова кругомъ пойдетъ. Царямъ любить некогда. Не хочу быть царицей постылою, хочу быть любонькой твоею вѣчною! Любовь моя — царство мое! Уѣдемъ въ деревни, либо въ Порѣцкое, либо въ Рождествено, будемъ въ тишинѣ да въ покоѣ жить, я да ты, да Селебеный — ни до чего намъ дѣла не будетъ... Охъ, сердце мое, жизнь моя, радость моя!.. Аль не хочешь? Не сдѣлаешь?.. Аль царства жаль?..

— Что спрашиваешь, маменька? Сама знаешь — сдѣлаю...

— Вернешься къ отцу?

— Вернусь.

Ему казалось, что теперь происходитъ обратное тому, что произошло между ними когда-то: уже не онъ — ею, а она овладѣвала имъ силою; ея поцѣлуи подобны были ранамъ, ея ласки — убійству.

Вдругъ она вся замерла, тихонько его отстраняя, отталкивая и вздохнула опять чуть слышнымъ вздохомъ:

— Клянись!

Онъ колебался, какъ самоубійца въ послѣднюю минуту, когда уже занесъ надъ собою ножъ. Но все-таки сказалъ:

— Богомъ клянусь!

Она потушила свѣчу и обняла его всего одной безконечною ласкою, глубокою и страшною какъ смерть.

Ему казалось, что онъ летитъ съ нею, вѣдьмою, бѣлою дьяволицей, въ бездонную тьму на крыльяхъ урагана.

Онъ зналъ, что это — погибель, конецъ всему, и радъ былъ концу.

VII

На слѣдующій день, 3 октября, Толстой писалъ царю въ Петербургъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Симъ нашимъ всеподданѣйшимъ доносимъ, что сынъ вашего величества, его высочество государь царевичъ Алексѣй Петровичъ изволилъ намъ сего числа объявить свое намѣреніе: оставя всѣ прежнія противленія, повинуется указу вашего величества и къ вамъ въ С.-Питербурхъ ѣдетъ безпрекословно съ нами, о чемъ изволилъ къ

вашему величеству саморучно писать и оное письмо изволилъ намъ отдать незапечатанное, чтобы его къ вашему величеству подъ своимъ кувертомъ послали, съ котораго при семъ копія приложена, а оригинальное мы оставили у себя, опасаясь при семъ случаѣ отпустить. Изволитъ предлагать токмо двѣ кондиціи; первая: дабы ему жить въ его деревняхъ, которыя близъ С.-Питербурха; а другая: чтобъ ему жениться на той дѣвкѣ, которая нынѣ при немъ. И когда мы его сначала склоняли, чтобы къ вашему величеству поѣхалъ, онъ безъ того и мыслить не хотѣлъ, ежели вышеписанныя кондиціи ему позволены не будутъ. Зѣло, государь, стужаетъ, чтобы мы ему исходатайствовали отъ вашего величества позволенія обвѣнчаться съ тою дѣвкою, не доѣзжая до С.-Питербурха. И хотя сіи государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожъ, я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. О семъ я вашему величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, — чтобъ ему на то позволить, для того, что онъ тѣмъ весьма покажетъ себя во весь свѣтъ, какого онъ состоянія, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки; другое, что цесаря весьма огорчитъ, и онъ уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третье, что уже отъимется опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. И ежели на то позволишь, государь,—изволилъ бы ко мнѣ въ письмѣ своемъ, при другихъ дѣлахъ, о томъ написать, чтобъ я ему могъ показать, а не отдать. А ежели ваше величество изволитъ разсудить, что непристойно тому быть, то не благоволишь ли его токмо нынѣ милостиво обнадежить, что можетъ то сдѣлаться не въ чужомъ, но въ нашемъ государствѣ, чтобъ онъ, будучи тѣмъ обнадеженъ, не мыслилъ чего иного и ѣхалъ къ вамъ безъ всякаго сумнѣнія. И благоволи, государь, о возвращеніи къ вамъ сына вашего содержать нѣсколько времени секретно для того: когда сіе разгласится, то не безопасно, дабы кто-либо, кому тó есть противно, не написалъ къ нему какого соблазна, отъ чего

(сохрани, Боже!) можетъ, устрашась, перемѣнить свое намѣреніе. Также, государь, благоволи прислать ко мнѣ указъ къ командирамъ войскъ своихъ, ежели которые обрѣтаются на томъ пути, которымъ поѣдемъ, буде понадобится конвой, чтобъ дали.

„Мы уповаемъ выѣхать изъ Неаполя сего октября въ 6, или конечно въ 7 день. Однакожъ, царевичъ изволитъ прежде съѣздить въ Баръ, видѣть мощи св. Николая, куда и мы съ нимъ поѣдемъ. Къ тому жъ дороги въ горахъ безмѣрно злыя, и хотя бъ, нигдѣ не медля, ѣхать, но поспѣшить невозможно. А оная дѣвка нынѣ брюхата уже четвертый, аль пятый мѣсяцъ, и сія причина путь нашъ продолжить можетъ, понеже онъ для нея скоро не поѣдетъ: ибо невозможно описать, какъ ее любитъ и какое объ ней попеченіе имѣетъ.

„Итакъ, съ рабскою покорностью и высокимъ решпектомъ всеподданнѣйше пребываемъ

Петръ Толстой.

„P. S. А когда, государь, благоволитъ Богъ мнѣ быть въ С.-Питербурхѣ, уже безопасно буду хвалить Италію и штрафу за то пить не буду, понеже не токмо дѣйствительный походъ, но и одно намѣреніе быть въ Италіи добрый эффектъ вашему величеству и всему Россійскому государству принесло“.

Онъ писалъ также резиденту Веселовскому въ Вѣну:

„Содержите все въ высшемъ секретѣ, изъ опасенія чтобы какой дьяволъ не написалъ къ царевичу и не устрашилъ бы его отъ поѣздки. Какія въ семъ дѣлѣ чинились трудности, одному Богу извѣстно! О нашихъ чудесахъ истинно описать не могу“.

Петръ Андреевичъ сидѣлъ ночью одинъ въ своихъ покояхъ въ гостиницѣ Трехъ Королей за письменнымъ столомъ передъ свѣчкою.

Окончивъ письмо государю и снявъ копію съ письма царевича, онъ взялъ сургучъ, чтобы запечатать ихъ вмѣстѣ въ одинъ конвертъ. Но отложилъ его, еще разъ перечелъ подлинное письмо царевича, глубоко, отрадно вздохнулъ,

открылъ золотую табакерку, вынулъ понюшку, и растирая табакъ между пальцами, съ тихой улыбкой задумался.

Онъ едва вѣрилъ своему счастью. Вѣдь еще сегодня утромъ онъ былъ въ такомъ отчаяньи, что, получивъ записку отъ царевича: „самую нужду имѣю съ тобою говорить, чтó не безъ пользы будетъ“, — не хотѣлъ къ нему ѣхать: „только-де разговорами время продолжаетъ“.

И вотъ вдругъ „замерзѣлаго упрямства“ какъ не бывало — онъ согласенъ на все. „Чудеса, истинно чудеса! Никто, какъ Богъ, да св. Никола!“.. Недаромъ Петръ Андреевичъ всегда особенно чтилъ Николу и уповалъ на „святую протекцію“ Чудотворца. Радъ былъ и нынѣ ѣхать съ царевичемъ въ Баръ. „Есть-де за что угоднику свѣчку поставить!“ Ну, конечно, кромѣ св. Николы, помогла и богиня Венусъ, которую онъ тоже чтилъ усердно: не постыдила-таки, вывезла матушка! Сегодня на прощанье поцѣловалъ онъ ручку дѣвкѣ Афроськѣ. Да что ручку — онъ бы и въ ножки поклонился ей, какъ самой богинѣ Венусъ. Молодецъ дѣвка! Какъ оплела царевича! Вѣдь, не такой онъ дуракъ, чтобъ не видѣть, на что идетъ. Въ томъ-то и дѣло, что слишкомъ уменъ. „Сія генеральная регула,—вспомнилъ Толстой одно изъ своихъ изреченій, — что мудрыхъ легко обмануть, понеже они, хотя и много чрезвычайнаго знаютъ, однакожъ, ординарнаго въ жизни не вѣдаютъ, въ чемъ наибольшая нужда; вѣдать разумъ и нравъ человѣческій — великая философія, и труднѣе людей знать, нежели многія книги наизусть помнить“.

Съ какою безпечною легкостью, съ какимъ веселымъ лицомъ объявилъ сегодня царевичъ, что ѣдетъ къ отцу. Онъ былъ точно сонный или пьяный; все время смѣялся какимъ-то жуткимъ, жалкимъ смѣхомъ.

„Ахъ, бѣдненькій, бѣдненькій!“ —сокрушенно покачалъ Петръ Андреевичъ головою и затянувшись понюшкою, смахнулъ слезинку, которая выступила на глазахъ, не то отъ табаку, не то отъ жалости. „Яко агнецъ безгласный ведомъ на закланіе. Помоги ему, Господь!“

Петръ Андреевичъ имѣлъ сердце доброе и даже чувствительное.

„Да, жаль, а дѣлать нечего,—утѣшился онъ тотчасъ,—на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ! Дружба дружбою, а служба службою“. Заслужилъ-таки онъ, Толстой, царю и отечеству, не ударилъ лицомъ въ грязь, оказался достойнымъ ученикомъ Николы Макіавеля, увѣнчалъ свое поприще: теперь уже сама планета счастія сойдетъ къ нему на грудь андреевской звѣздою — будутъ, будутъ графами Толстые и ежели въ вѣкахъ грядущихъ прославятся, достигнуть чиновъ высочайшихъ, то вспомнятъ и Петра Андреевича! Нынѣ отпущаеши раба твоего, Господи!

Мысли эти наполнили сердце его почти шаловливою рѣзвостью. Онъ вдругъ почувствовалъ себя молодымъ, какъ будто лѣтъ сорокъ съ плечъ долой. Кажется, такъ бы и пустился въ плясъ, точно на рукахъ и ногахъ выросли крылышки, какъ у бога Меркурія.

Онъ держалъ сургучъ надъ пламенемъ свѣчи. Пламя дрожало, и огромная тѣнь голаго черепа—онъ снялъ на ночь парикъ—прыгала на стѣнѣ, словно плясала и корчила шутовскія рожи, и смѣялась, какъ мертвый черепъ. Закипѣли, закапали красныя, какъ кровь, густыя капли сургуча. И онъ тихонько напѣвалъ свою любимую пѣсенку:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвле́нны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покоре́ны.

Въ письмѣ, которое Толстой отправлялъ государю, царевичъ писалъ:

„Всемилостивѣйшій Государь-батюшка!

„Письмо твое, государь, милостивѣйшее чрезъ господъ Толстого и Румянцева получилъ, изъ котораго—также изъ устнаго мнѣ отъ нихъ—милостивое отъ тебя, государя,

мнѣ, всякой милости недостойному, въ семъ моемъ своевольномъ отъѣздѣ, буде я возвращуся, прощеніе принялъ; о чемъ со слезами благодаря и припадая къ ногамъ милосердія вашего, слезно прошу о оставленіи преступленій моихъ мнѣ, всякихъ казней достойному. И надѣяся на милостивое обѣщаніе ваше, полагаю себя въ волю вашу и съ присланными отъ тебя, государя, поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ Санктпитербурхъ.

Всенижайшій и непотребный рабъ и недостойный назватися сыномъ

Алексѣй".

СЕДЬМАЯ КНИГА

Петръ Великій

I

Петръ всталъ рано. „Еще черти въ кулачки не били“, ворчалъ сонный деньщикъ, затоплявшій печи. Ноябрьское черное утро глядѣло въ окна. При свѣтѣ сальнаго огарка, въ ночномъ колпакѣ, халатѣ и кожаномъ передникѣ, царь сидѣлъ за токарнымъ станкомъ и точилъ изъ кости паникадило въ соборъ Петра и Павла, за полученное отъ Марціальныхъ водъ облегченіе болѣзни; потомъ изъ корельской березы—маленькаго Вакха съ виноградною гроздью — на крышку бокала. Работалъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто добывалъ этимъ хлѣбъ насущный.

Въ половинѣ пятаго пришелъ кабинетъ-секретарь, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ. Царь сталъ къ налою—орѣховой конторкѣ, очень высокой, человѣку средняго роста по шею, и началъ диктовать указы о коллегіяхъ, учреждаемыхъ въ Россіи по совѣту Лейбница, „по образцу и прикладу другихъ политизованныхъ государствъ“.

„Какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, — говорилъ философъ царю, — такъ въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить

въ движенiе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармонiей, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы“.

Петръ любилъ механику, и его плѣняла мысль превратить государство въ машину. Но то, что казалось легкимъ въ мысляхъ, оказывалось труднымъ на дѣлѣ.

Русскiе люди не понимали и не любили коллегiй, называли ихъ презрительно калѣгами и даже калѣками. Царь пригласилъ иностранныхъ ученыхъ и „въ правостяхъ искусныхъ людей“. Они отправляли дѣла черезъ толмачей. Это было неудобно. Тогда посланы были въ Кенигсбергъ русскiе молодые подьячiе „для наученiя нѣмецкому языку, дабы удобнѣе въ коллегiумъ были, а за ними надзиратели, чтобъ не гуляли“. Но надзиратели гуляли вмѣстѣ съ надзираемыми. Царь далъ указъ: „Всѣмъ коллегiямъ надлежитъ нынѣ на основанiи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ регламентъ по пунктамъ; а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ не удобны, или съ ситуацiею здѣшняго государства несходны, — оные ставить по своему разсужденiю“. Но своего разсужденiя не было, и царь предчувствовалъ, что въ новыхъ коллегiяхъ дѣла пойдутъ такъ же, какъ въ старыхъ приказахъ. „Все тщетно, думалъ онъ, пока у насъ не познаютъ прямую пользу короны, чего и во сто лѣтъ неуповательно быть“.

Деньщикъ доложилъ о переводчикѣ чужестранной коллегiи, Василiи Козловскомъ. Вошелъ молодой человѣкъ, блѣдный, чахоточный. Петръ отыскалъ въ бумагахъ и отдалъ ему перечеркнутую, со многими отмѣтками карандашемъ на поляхъ, рукопись — трактатъ о механикѣ.

— Переведено плохо, исправь.

— Ваше величество! — залепеталъ Козловскiй, робѣя и заикаясь.—Самъ творецъ той книги такой стилусъ положилъ, что зѣло трудно разумѣть, понеже писалъ сокращенно и прикрыто, не столько зря на пользу людскую, сколько на субтильность своего философскаго письма. А мнѣ за краткостью ума моего невозможно понять.

Царь терпѣливо училъ его.

— Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить, но самый смыслъ выразумѣвъ, на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе, только храня то, чтобъ дѣла не проронитъ, а за штилемъ ихъ не гнаться. Чтобъ не праздной ради красоты, но для пользы было, безъ излишнихъ разсказовъ, которые время тратятъ и у читающихъ охоту отнимаютъ. Да не высокимъ славянскимъ штилемъ, а простымъ русскимъ языкомъ пиши, высокихъ словъ класть ненадобно, посольскаго приказу употреби слова. Какъ говоришь, такъ и пиши, просто. Понялъ?

— Точно такъ, ваше величество! — отвѣтилъ переводчикъ, какъ солдатъ по командѣ, и понурилъ голову съ унылымъ видомъ, какъ будто вспомнилъ своего предшественника, тоже переводчика иностранной коллегіи, Бориса Волкова, который, отчаявшись надъ французскою *Огородною книгою,* Le jardinage de Quintiny, и убоясь царскаго гнѣва, перерѣзалъ себѣ жилы.

— Ну, ступай съ Богомъ. Явись же со всѣмъ усердіемъ. Да скажи Аврамову: печать въ новыхъ книгахъ передъ прежней толста и нечиста. Литеры *буки* и *покой* переправить—почеркомъ толсты. И переплетъ дуренъ, а паче оттого, что въ корнѣ гораздо узко вяжетъ — книги таращатся. Надлежитъ слабко и просторно въ корнѣ вязать.

Когда Козловскій ушелъ, Петръ вспомнилъ мечты Лейбница о всеобщей русской Энциклопедіи, „квинтессенціи наукъ, какой еще никогда не бывало“, о Петербургской Академіи, верховной коллегіи ученыхъ правителей съ царемъ во главѣ, о будущей Россіи, которая, опередивъ Европу въ наукахъ, поведетъ ее за собою.

„Далеко кулику до Петрова дня!“ — усмѣхнулся царь горькою усмѣшкою. Прежде чѣмъ просвѣщать Европу надо самимъ научиться говорить по-русски, писать, печатать, переплетать, дѣлать бумагу.

Онъ продиктовалъ указъ:

— Въ городахъ и уѣздахъ по улицамъ пометный не-

годный всякій холстъ и лоскутья сбирая, присылать въ Санктпетербургскую канцелярію, а тѣмъ людямъ, кто что онаго собравъ объявитъ, платить по осьми денегъ за пудъ.

Эти лоскутья должны были идти на бумажныя фабрики.

Потомъ указы — о сальномъ топленіи, объ изрядномъ плетеніи лаптей, о выдѣлкѣ юфти для обуви: „понеже юфть, которая употребляется на обуви, весьма негодна къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, распалзывается, и вода проходитъ, того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваньимъ саломъ".

Заглянулъ въ аспидную доску, которую вѣшалъ съ грифелемъ на ночь у изголовья постели, чтобы записывать, просыпаясь, приходившія ему въ голову мысли о будущихъ указахъ. Въ ту ночь было записано:

„Гдѣ класть навозъ? — Не забывать о Персіи. — О рогожахъ".

Велѣлъ Макарову прочитать вслухъ письмо посланника Волынскаго о Персіи.

„Здѣсь такая нынѣ глава, что, чаю, рѣдко такого дурачка можно сыскать и между простыхъ, не только изъ коронованныхъ. Богъ ведетъ къ паденію сію корону. Хотя настоящая война наша шведская намъ и возбраняла бъ, однако, какъ я здѣшнюю слабость вижу, намъ не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть Персіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшяго времени не будетъ".

Отвѣчая Волынскому, приказалъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ, дабы до Индіи путь водяной сыскать, и все описывая, дѣлать карту; заготовить также грамоту къ Моголу—Да-Лай-Ламѣ Тибетскому.

Путь въ Индію, соединеніе Европы съ Азіей было давнею мечтой Петра.

Еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Пекинѣ основана была православная церковь во имя Св. Софіи Премудрости Божьей. „Le czar peut unir la Chine avec l'Europe. Царь можетъ соединить Китай съ Европою", предсказывалъ

Лейбницъ. „Завоеваніями царя въ Персіи основано будетъ государство сильнѣе Римскаго“, предостерегали своихъ государей иностранные дипломаты. „Царь, какъ другой Александръ, старается всѣмъ свѣтомъ завладѣть“, говорилъ султанъ.

Петръ досталъ и развернулъ карту земного шара, которую самъ начертилъ однажды, размышляя о будущихъ судьбахъ Россіи; надпись *Европа* — къ западу, надпись *Азія* — къ югу, а на пространствѣ отъ Чукотскаго мыса до Нѣмана и отъ Архангельска до Арарата — надпись *Россія* — такими же крупными буквами, какъ *Европа*, *Азія*. „Всѣ ошибаются, говорилъ онъ, называя Россію государствомъ, она *часть свѣта*“.

Но тотчасъ, привычнымъ усиліемъ воли, отъ мечты вернулся къ дѣлу, отъ великаго къ малому.

Началъ диктовать указы о „мѣстѣ, приличномъ для навозныхъ складовъ“; о замѣнѣ рогожныхъ мѣшковъ для сухарей на галеры—волосяными; для крупъ и соли—бочками, или мѣшками холщевыми; „а рогожъ отнюдь бы не было“; о сбереженіи свинцовыхъ пулекъ при ученіи солдатъ стрѣльбѣ; о сохраненіи лѣсовъ; о недѣланіи выдолбленныхъ гробовъ—„дѣлать только изъ досокъ сшивные“; о выпискѣ въ Россію образца англійскаго гроба.

Перелистывалъ записную книжку, провѣряя не забылъ ли чего нибудь нужнаго. На первой страницѣ была надпись: *in Gotes Namen. Во имя Господне.* Слѣдовали разнообразныя замѣтки; иногда въ двухъ, трехъ словахъ обозначался долгій ходъ мысли:

„О нѣкоторомъ вымышленіи, черезъ которое многія разныя таинства натуры можно открывать.

„Пробовательная хитрость. Какъ тушить нефть купоросомъ. Какъ варить пеньку въ селитренной водѣ. Купить секретъ, чтобъ кишки заливныя дѣлать.

„Чтобъ мужикамъ учинить какой маленькой регулъ о законѣ Божіемъ и читать по церквамъ для вразумленія.

„О подкидныхъ младенцахъ, чтобъ воспитывать.

„О заведеніи китовой ловли.

„Паденіе греческой монархіи отъ презрѣнія войны.

„Чтобы присылали французскія вѣдомости.

„О пріисканіи въ Нѣмецкой землѣ комедіантовъ за большую плату.

„О русскихъ пословицахъ. О лексиконѣ русскомъ.

„О химическихъ секретахъ, какъ руду пробовать.

„Буде мнять, законы естества смышленые, то для чего животныя одно другое ѣдятъ, и мы на что имъ такое бѣдство чинимъ?

„О нынѣшнихъ и старыхъ дѣлахъ, противъ аѳеистовъ.

„Сочинить самому молитву для солдатъ: *Боже великій, вѣчный, и святый*, и проч."

Дневникъ Петра напоминалъ дневники Леонардо да-Винчи.

Въ шесть часовъ утра сталъ одѣваться. Натягивая чулки, замѣтилъ дыру. Присѣлъ, досталъ иголку съ клубкомъ шерсти и принялся чинить. Размышляя о пути въ Индію, по слѣдамъ Александра Македонскаго, штопалъ чулки.

Потомъ выкушалъ анисовой водки съ кренделемъ, закурилъ трубку, вышелъ изъ дворца, сѣлъ въ одноколку съ фонаремъ, потому что было еще темно, и поѣхалъ въ Адмиралтейство.

II

Игла Адмиралтейства въ туманѣ тускло рдѣла отъ пламени пятнадцати горновъ. Недостроенный корабль чернѣлъ голыми ребрами, какъ остовъ чудовища. Якорные канаты тянулись, какъ исполинскіе змѣи. Визжали блоки, гудѣли молоты, грохотало желѣзо, кипѣла смола. Въ багровомъ

отблескѣ люди сновали, какъ тѣни. Адмиралтейство похоже было на кузницу ада.

Петръ обходилъ и осматривалъ все.

Провѣрялъ въ оружейной палатѣ, точно ли записанъ калибръ чугунныхъ ядеръ и гранатъ, сложенныхъ пирамидами подъ кровлями, „дабы ржа не брала“; налиты ли внутри саломъ флинты и мушкеты; исполненъ ли указъ о пушкахъ: „надлежитъ зеркаломъ высмотрѣть, гладко ль проверчено, и нѣтъ ли какихъ раковинъ, или зацѣпокъ отъ ушей къ дулу; ежели явятся раковины, надлежитъ освидѣтельствовать трещоткою, сколь глубоки“.

По запаху, различалъ достоинство моржоваго сала, на ощупь — легкость парусныхъ полотенъ — отъ тонкости ли нитокъ или отъ рѣдкости тканья эта легкость. Говорилъ съ мастерами, какъ мастеръ.

— Доски притесывать плотно. Выбирать, хотя бъ двухгодовалыя, а что болѣе, то лучше, понеже когда не высохнутъ и выконопачены будутъ, то не токмо разсохнутся, но еще отъ воды разбухнутъ и конопать сдавятъ...

— Вегерсы сшивать нагелями сквозь бортъ. По концамъ класть букбанды, крѣпить въ баркгоуты и внутри расклепывать...

— Дубъ надлежитъ въ дѣло самый добрый зеленецъ, видомъ бы просинь, а не красенъ былъ. Изъ такого дуба корабль уподобится желѣзному, ибо и пуля фузейная не весьма его возьметъ, полувершка не проѣстъ...

Въ пеньковыхъ амбарахъ бралъ изъ бунтовъ горсти пеньки между колѣнъ, тщательно разсматривалъ, встряхивалъ и разнималъ по-мастерски.

— Канаты корабельные становые дѣло великое и страшное: дѣлать надлежитъ изъ самой доброй и здоровой пеньки. Ежели канатъ надеженъ, кораблю спасеніе, а ежели худъ, кораблю и людямъ погибель.

Всюду слышались гнѣвные окрики царя на поставщиковъ и подрядчиковъ:

— Вижу я, въ мой отъѣздъ все дѣло раковымъ ходомъ пошло!

— Принужденъ буду васъ великимъ трудомъ и непощаднымъ штрафомъ живота паки въ порядокъ привесть!

— Погодите, задамъ я вамъ памятку, до новыхъ вѣниковъ не забудите!

Длинныхъ разговоровъ не терпѣлъ. Важному иностранцу, который говорилъ долго о пустякахъ, плюнулъ въ лицо, выругалъ его матернымъ словомъ и отошелъ.

Плутоватому подьячему замѣтилъ:

— Чего не допишешь на бумагѣ, то я тебя допишу на спинѣ!

На ходатайство объ увеличеніи годовыхъ окладовъ господамъ адмиралтейцъ-совѣтникамъ положилъ резолюцію:

— Сего не надлежитъ, понеже болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ.

Узнавъ, что на нѣсколькихъ судахъ галернаго флота „солонина явилась гнилая, пять недѣль однихъ снятковъ ржавыхъ и воду солдаты употребляли, отчего 1.000 человѣкъ заболѣло и службы лишились“,— разгнѣвался не на шутку. Стараго почтеннаго капитана, отличившагося въ битвѣ при Гангутѣ, едва не ударилъ по лицу:

— Ежели впредь такъ станешь глупо дѣлать, то не пеняй, что на старости лѣтъ обезчещенъ будешь! Для чего съ такимъ небреженіемъ дѣлается главное дѣло, которое тысячи разъ головы твоей дороже? Знать, что уставъ воинскій рѣдко чтешь! Повѣшены будутъ офицеры оныхъ галеръ, и ты за слабую команду едва не тому жъ послѣдовать будешь!..

Но опустилъ поднятую руку и сдержалъ гнѣвъ.

— Никогда бъ я отъ тебя того не чаялъ,—прибавилъ уже тихо, съ такимъ упрекомъ, что виновному было бы легче, если бы царь его ударилъ.

— Смотри же,— сказалъ Петръ,— дабы отнынѣ такого немилосердія не было, ибо сіе предъ Богомъ паче всѣхъ грѣховъ. Слышалъ я намедни, что и здѣсь, въ Петербурхѣ,

при гаванной работѣ, лѣтошній годъ такъ безъ призрѣнія люди были, особливо больные, что по улицамъ мертвые валялись, что́ противно совѣсти и виду не только христіанъ, но и варваровъ. Какъ у васъ жалости нѣтъ? Вѣдь не скоты, а души христіанскія. Богъ за нихъ спроситъ!

III

Въ своей одноколкѣ Петръ ѣхалъ по набережной въ Лѣтній дворецъ, гдѣ въ тотъ годъ зажился до поздней осени, потому что въ Зимнемъ шли перестройки.

Думалъ о томъ, почему прежде возвращаться домой къ обѣду и свиданію съ Катенькой было радостно, а теперь почти въ тягость. Вспомнилъ подметныя письма съ намеками на жену и молоденькаго смазливаго нѣмчика, камеръ-юнкера Монса.

Катенька всегда была царю вѣрною женою, доброю помощницей. Дѣлила съ нимъ всѣ труды и опасности. Слѣдовала съ нимъ въ походахъ, какъ простая солдатка. Въ Прутскомъ походѣ, „поступая по-мужски, а не по-женски", спасла всю армію. Онъ звалъ ее своею „маткою". Оставаясь безъ нея, чувствовалъ себя безпомощнымъ, жаловался, какъ ребенокъ: „Матка! обшить, обмыть некому".

Они ревновали другъ друга, шутя. „Письмо твое прочитавъ, гораздо я задумался. Пишешь, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ, якобы для лѣкарства, а дѣломъ знатно, сыскала кого-нибудь моложе меня; пожалуй, отпиши, изъ нашихъ или изъ нѣмцевъ? Такъ-то вы, Евины дочки, дѣлаете надъ нами, стариками!"—„Старикомъ не признаваю,— возражала она,—и напрасно затѣяно, что старикъ, а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся. Таково то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю вѣдомость,

будто королева шведская желаетъ съ вами въ амурѣ быть: и мнѣ въ томъ не безъ сумнѣнія".

Во время разлуки, обмѣнивались, какъ женихъ и невѣста, подарками. Катенька посылала ему за тысячи верстъ венгерскаго, водки — „крѣпыша", свѣжепросольныхъ огурцовъ, „цытроновъ", „аплицыновъ",—„ибо наши вамъ пріятнѣе будутъ. Даруй Боже во здравіе кушать".

Но самые дорогіе подарки были дѣти. Кромѣ двухъ старшихъ, Лизаньки и Аннушки, рождались они хилыми и скоро умирали. Больше всѣхъ любилъ онъ самаго послѣдняго, Петиньку, „Шишечку", „Хозяина Питербурхскаго", объявленнаго, вмѣсто Алексѣя, наслѣдникомъ престола. Петинька родился тоже слабымъ, вѣчно болѣлъ и жилъ одними лѣкарствами. Царь дрожалъ надъ нимъ, боялся, что умретъ. Катенька утѣшала царя: „я чаю, что ежели бъ нашъ дорогой старикъ былъ здѣсь, то и другая шишечка на будущій годъ поспѣла".

Въ этой супружеской нѣжности была нѣкоторая слащавость—неожиданная для грознаго царя, галантная чувствительность. „Я здѣсь остригся, и хотя непріятно будетъ. однако жъ, обрѣзанные свои волосища посылаю тебѣ".— „Дорогіе волосочки ваши я исправно получила и о здоровьи вашемъ довольно увѣдомилась".—„Посылаю тебѣ, другъ мой сердешненькой, цвѣтокъ да мяты той, что ты сама садила. Слава Богу, все весело здѣсь, только когда на загородный дворъ придешь, а тебя нѣтъ, очень скушно," писалъ онъ изъ Ревеля, изъ ея любимаго сада Катериненталя. Въ письмѣ были засохшій голубенькій цвѣтокъ, мята и выписка изъ англійскихъ курантовъ: „Въ прошломъ году, октября 11 дня, прибыли въ Англію изъ провинціи Моумутъ два человѣка, которые по женитьбѣ своей жили 110 лѣтъ, а отъ рожденія мужска полу—126 лѣтъ, женска—125 лѣтъ". Это значило: дай Боже и намъ съ тобою прожить такъ же долго въ счастливомъ супружествѣ.

И вотъ теперь, на склонѣ лѣтъ, въ это унылое осеннее утро, вспоминая прожитую вмѣстѣ жизнь и думая о

томъ, что Катенька можетъ ему измѣнить, промѣнять своего „старика“ на перваго смазливаго мальчишку, нѣмца подлой породы, онъ испытывалъ не ревность, не злобу, не возмущеніе, а беззащитность ребенка, покинутаго „маткою“.

Отдалъ возжи деньщику, согнулся, сгорбился, опустилъ голову, и отъ толчковъ одноколки по неровнымъ камнямъ, голова его качалась, какъ будто отъ старческой слабости. И весь онъ казался очень старымъ, слабымъ.

Куранты за Невою пробили одиннадцать. Но свѣтъ утра похожъ былъ на взглядъ умирающаго. Казалось, дня совсѣмъ не будетъ. Шелъ снѣгъ съ дождемъ. Лошадиныя копыта шлепали по лужамъ. Колеса брызгали грязью. Сѣрыя тучи, медленно-ползущія, пухлыя, какъ паучьи брюха, такія низкія, что застилали шпицъ Петропавловской крѣпости, сѣрыя воды, сѣрые дома, деревья, люди—все, расплываясь въ туманѣ, подобно было призракамъ.

Когда въѣхали на деревянный подъемный мостикъ Лебяжьей канавки, изъ Лѣтняго сада запахло земляною, точно могильною, сыростью и гнилыми листьями—садовники въ аллеяхъ сметали ихъ метлами въ кучи. На голыхъ липахъ каркали вороны. Слышался стукъ молотковъ: то мраморныя статуи на зиму, чтобъ сохранить отъ снѣга и стужи, заколачивали въ узкіе длинные ящики. Казалось, воскресшихъ боговъ опять хоронили, заколачивали въ гробы.

Межъ лилово-черныхъ мокрыхъ стволовъ мелькнули свѣтло-желтыя стѣны голландскаго домика съ желѣзною крышею шашечками, жестянымъ флюгеромъ въ видѣ Георгія Побѣдоносца, бѣлыми лѣпными барельефами, изображавшими басни о чудахъ морскихъ, тритонахъ и нереидахъ, съ частыми окнами и стеклянными дверями прямо въ садъ. Это былъ Лѣтній Дворецъ.

IV

Во дворцѣ пахло кислыми щами. Щи готовились къ обѣду. Петръ любилъ ихъ, такъ же какъ другія простыя солдатскія кушанья.

Въ столовую черезъ окно прямо изъ кухни, очень опрятной, выложенной изразцами, съ блестящей мѣдной посудой по стѣнамъ, какъ въ старинныхъ голландскихъ домахъ, подавались блюда быстро, одно за другимъ—царь не охотникъ былъ долго сидѣть за столомъ—кромѣ щей и каши, фленсбургскія устрицы, студень, салакуша, жаренная говядина съ огурцами и солеными лимонами, утиныя ножки въ кисломъ соусѣ. Онъ вообще любилъ кислое и соленое; сладкаго не терпѣлъ. Послѣ обѣда—орѣхи, яблоки, лимбургскій сыръ. Для питья квасъ и красное французское вино—эрмитажъ. Прислуживалъ одинъ только деньщикъ.

Къ обѣду, какъ всегда, приглашены были гости: Яковъ Брюсъ, лейбъ-медикъ Блюментростъ, какой-то англійскій шкиперъ, камеръ-юнкеръ Монсъ и фрейлина Гамильтонъ. Монса пригласилъ Петръ неожиданно для Катеньки. Но, когда она узнала объ этомъ, то пригласила въ свою очередь фрейлину Гамильтонъ, можетъ быть, для того, чтобы дать понять мужу, что и ей кое-что извѣстно объ его „метресишкахъ“. Это была та самая Гамильтонъ „дѣвка Гаментова“, шотландка, по виду, гордая, чистая и холодная, какъ мраморная Діана, о которой шептались, когда нашли въ водопроводѣ фонтана въ Лѣтнемъ саду трупъ младенца, завернутый въ дворцовую салфетку.

За столомъ сидѣла она, блѣдная, ни кровинки въ лицѣ, и все время молчала.

Разговоръ не клеился, несмотря на усилія Катеньки. Она разсказала свой сегодняшній сонъ: сердитый звѣрь, съ бѣлою шерстью, съ короной на головѣ и тремя зажжеными свѣчами въ коронѣ, часто кричалъ: *салдоревъ*! *салдоревъ*!

Петръ любилъ сны и самъ нерѣдко ночью записывалъ ихъ грифелемъ на аспидной доскѣ. Онъ тоже разсказалъ свой сонъ: все—вода, морскія экзерциціи, корабли, галіоты; замѣтилъ во снѣ, что „паруса, да мачты не по препорціи".

— Ахъ, батюшка!—умилилась Катенька.—И во снѣ-то тебѣ нѣтъ покою: о дѣлахъ корабельныхъ печешься!

И когда онъ опять угрюмо замолчалъ, завела рѣчь о новыхъ корабляхъ.

— Нептунъ зѣло изрядный корабль и такъ ходокъ, что, почитай, лучшій во флотѣ. Гангутъ также хорошо ходитъ и послушенъ рулю, только для своей высоты не гораздо штейфъ — отъ легкаго вѣтру болѣе другихъ нагибается; что-то будетъ на нарочитой погодѣ? А большой шлюпсъ-ботъ, что дѣлалъ басъ Фонъ-Ренъ, я до вашего прибытія не спущала и на берегу, чтобы не разсохся, велѣла покрыть досками.

Она говорила о корабляхъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ:

— Гангутъ, да Лѣсной—два родные братца, имъ другъ безъ друга тошно; нынѣ же, какъ вмѣстѣ стоятъ, воистину радостно на нихъ смотрѣть. А покупные противъ нашихъ подлинно достойны званія — пріемыши, ибо столь отстоятъ отъ нашихъ, какъ отцу пріемышъ отъ родного сына!..

Петръ отвѣчалъ неохотно, какъ будто думалъ о другомъ. Поглядывалъ украдкою то на нее, то на Монса. Съ твердымъ и гладкимъ, точно изъ розоваго камня выточеннымъ, лицомъ, съ голубыми, точно бирюзовыми, глазами, изящный камеръ-юнкеръ напоминалъ фарфоровую куклу.

Катенька чувствовала, что „старикъ" наблюдаетъ за ними. Но владѣла собой въ совершенствѣ. Если и знала о доносѣ, то не обнаружила ничѣмъ своей тревоги. Только развѣ въ глазахъ, когда глядѣла на мужа, была болѣе

вкрадчивая ласковость, чѣмъ всегда; да говорила, можетъ быть, черезчуръ много, — быстро переходя отъ одного къ другому, какъ будто искала, чѣмъ бы занять мужа,—„заговариваетъ зубы“, могъ бы онъ подумать.

Не успѣла кончить о корабляхъ, какъ начала о дѣтяхъ, Лизанькѣ и Аннушкѣ, которыя лѣтомъ „едва оспою личикъ своихъ не повредили“, о Шишечкѣ, который „въ здоровьи своемъ къ послѣднимъ зубкамъ слабенекъ сталъ“.

— Однако жъ, нынѣ, при помощи Божьей, въ свое состояніе приходитъ. Ужъ пятый зубокъ благополучно вырѣзался—дай Боже, чтобъ и всѣ такъ! Только вотъ глазокъ правый болитъ.

Петръ опять на минуту оживился, началъ разспрашивать лейбъ-медика о здоровьи Шишечки.

— Глазку его высочества есть легче,—сообщилъ Блюментростъ.—Также и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ далѣе пальчиками щупать — знатно, что и коренные хотятъ выходить.

— Храбрый будетъ генералъ!—вмѣшалась Катенька.— Все бы ему играть въ солдатики, непрестанно веселится муштрованьемъ рекрутъ да пушечною стрѣльбою. Рѣчи же его: папа, мама, солдатъ! Да прошу, батюшка мой, обороны, понеже немалую имѣетъ со мною ссору за васъ, когда уѣзжаете. Какъ помяну, что папа уѣхалъ, то не любитъ той рѣчи, но болѣе любитъ и радуется, какъ молвишь, что здѣсь папа,—протянула она пѣвучимъ голоскомъ и заглянула въ глаза мужу съ приторною улыбочкой.

Петръ ничего не отвѣтилъ, но вдругъ посмотрѣлъ на нее и на Монса такъ, что всѣмъ стало жутко. Катенька потупилась и чуть-чуть поблѣднѣла. Гамильтонъ подняла глаза и усмѣхнулась тихою усмѣшкою. Наступило молчаніе. Всѣмъ стало страшно.

Но Петръ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ Якову Брюсу и заговорилъ объ астрономіи, о системѣ Ньютона, о пятнахъ на солнцѣ, которыя видны въ зрительную трубу, ежели покоптить ближайшее ко глазу стекло, и о

предстоящемъ солнечномъ затменіи. Такъ увлекся разговоромъ, что не обращалъ ни на что вниманія до конца обѣда. Тутъ же, за столомъ, вынувъ изъ кармана памятную книжку, записалъ:

„Объявлять въ народъ о затменіяхъ солнечныхъ, дабы въ чудо не ставили, понеже, когда люди про то вѣдаютъ прежде, то не есть уже чудо. Чтобъ никто ложныхъ чудесъ вымышлять и къ народному соблазну оглашать не дерзалъ“.

Всѣ облегченно вздохнули, когда всталъ Петръ изъ-за стола и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

Онъ сѣлъ въ кресло у топившагося камина, надѣлъ круглые желѣзные очки, закурилъ трубку и началъ просматривать новые голландскіе куранты, отмѣчая карандашемъ на поляхъ, что̀ надо переводить въ русскія вѣдомости. Опять вынулъ книжку и записалъ:

„О счастьи и несчастьи все печатать, что дѣлается и не утаивать ничего“.

Блѣдный лучъ солнца блеснулъ изъ-за тучъ, робкій, слабый, какъ улыбка смертельно больного. Свѣтлый четырехугольникъ отъ оконной рамы протянулся по полу до камина, и красное пламя сдѣлалось жиже, прозрачнѣе. За окномъ на расплавленно-серебряномъ небѣ вырѣзались тонкіе сучья, какъ жилки. Апельсинное деревцо въ кадкѣ, которое садовники переносили изъ одной оранжереи въ другую, нѣжное, зябкое, обрадовалось солнцу, и плоды зардѣли въ темной подстриженной зелени, какъ золотые шарики. Межъ черныхъ стволовъ забѣлѣли мраморные боги и богини, послѣдніе еще не заколоченные въ гробы—тоже зябкіе, голые—какъ будто торопясь погрѣться на солнцѣ.

Въ комнату вбѣжали двѣ дѣвочки. Старшая, девятилѣтняя Аннушка — съ черными глазами, съ очень бѣлымъ лицомъ и яркимъ румянцемъ, тихая, важная, полная, немного тяжелая на подъемъ—„дочка-бочка“, какъ звалъ ее Петръ. Младшая, семилѣтняя Лизанька—золотокудрая, голубоглазая, легкая, какъ птичка, рѣзвая шалунья, лѣнивая

къ ученью, любившая только игры, танцы, да пѣсенки, очень хорошенькая и уже кокетка.

— А, разбойницы!—обернулся Петръ и, отложивъ куранты, протянулъ къ нимъ руки съ нѣжною улыбкою. Обнялъ ихъ, поцѣловалъ и усадилъ одну на одно, другую на другое колѣно.

Лизанька стащила съ него очки. Они ей не нравились, потому что старили его — онъ казался въ нихъ дѣдушкой. Потомъ зашептала ему на ухо, повѣряя свою давнюю мечту:

— Сказывалъ голландскій шкиперъ Исай Конигъ, есть въ Амстердамѣ мартышечка зеленаго цвѣта, махонькая-махонькая, что входитъ въ индійскій орѣхъ. Вотъ бы мнѣ эту мартышечку, папа, папочка миленькій!

Петръ усумнился, чтобы мартышки могли быть зеленаго цвѣта, но обѣщалъ торжественно — трижды долженъ былъ повторить: ей Богу!— со слѣдующей почтой написать въ Амстердамъ. И Лизанька въ восторгѣ занялась игрой: старалась просунуть ручку, какъ въ ожерелья, въ голубыя кольца табачнаго дыма, которыя вылетали изъ трубки Петра.

Аннушка разсказывала чудеса объ умѣ и кротости любимца своего Мишки, ручного тюленя въ среднемъ фонтанѣ Лѣтняго сада.

— Отчего бы, папочка, не сдѣлать Мишкѣ сѣдло и не ѣздить на немъ по водѣ, какъ на лошади?

— А ну, какъ нырнетъ, вѣдь, утонешь? — возражалъ Петръ.

Онъ болталъ и смѣялся съ дѣтьми, какъ дитя.

Вдругъ увидѣлъ въ простѣночномъ зеркалѣ Монса и Катеньку. Они стояли рядомъ въ сосѣдней комнатѣ передъ баловнемъ царицы, зеленымъ гвинейскимъ попугаемъ и кормили его сахаромъ.

„Ваше Величество... дуракъ!“—пронзительно хрипѣлъ попугай. Его научили кричать: „здравія желаю ваше величество!“ и „попка дуракъ!“ но онъ соединилъ то и другое вмѣстѣ.

Монсъ наклонился къ царицѣ и говорилъ ей почти на

ухо. Катенька опустила глаза, чуть-чуть зарумянилась и слушала съ жеманною сладенькой улыбочкой пастушки изъ *Ѣзды на островъ любви.*

Лицо Петра внезапно омрачилось. Но онъ все-таки поцѣловалъ дѣтей и отпустилъ ихъ ласково:

— Ну, ступайте, ступайте съ Богомъ, разбойницы! Мишкѣ отъ меня поклонись, Аннушка.

Лучъ солнца померкъ. Въ комнатѣ стало мрачно, сыро и холодно. Надъ самымъ окномъ закаркала ворона. Застучалъ молотокъ. То заколачивали въ гробы, хоронили воскресшихъ боговъ.

Петръ сѣлъ играть въ шахматы съ Брюсомъ. Игралъ всегда хорошо, но сегодня былъ разсѣянъ. Съ четвертаго хода потерялъ ферязь.

— Шахъ королевѣ!—сказалъ Брюсъ.

„Ваше величество дуракъ!"— кричалъ попугай.

Петръ, нечаянно поднявъ глаза, опять увидѣлъ въ томъ же зеркалѣ Монса съ Катенькой. Они такъ увлеклись бесѣдою, что не замѣтили, какъ маленькая, похожая на бѣсенка, мартышка подкралась къ нимъ сзади и протянувъ лапку, скорчивъ плутовскую рожицу, приподняла подолъ платья у Катеньки.

Петръ вскочилъ и опрокинулъ ногою шахматную доску, всѣ фигуры полетѣли на полъ. Лицо его передернула судорога. Трубка выпала изо рта, разбилась, и горящій пепелъ разсыпался. Брюсъ тоже вскочилъ въ ужасѣ. Царица и Монсъ обернулись на шумъ.

Въ то же время въ комнату вошла Гамильтонъ. Она двигалась, какъ сонная, словно ничего не видя и не слыша. Но, проходя мимо царя, чуть-чуть склонила голову и посмотрѣла на него пристально. Отъ прекраснаго, блѣднаго, точно мертваго, лица ея вѣяло такимъ холодомъ, что, казалось, то была одна изъ мраморныхъ богинь, которыхъ заколачивали въ гробы.

Царь проводилъ ее глазами до двери. Потомъ огля-

нулся на Брюса, на опрокинутую шахматную доску, съ виноватою улыбкой:

— Прости, Яковъ Вилимовичъ ... нечаянно!

Вышелъ изъ дворца, сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ отдыхать на яхту.

V

Сонъ Петра былъ болѣзненно чутокъ. Ночью запрещено было ѣздить и даже ходить мимо дворца. Днемъ, такъ какъ нельзя въ жиломъ домѣ избѣгнуть шума, онъ спалъ на яхтѣ.

Когда легъ, почувствовалъ сильную усталость: должно быть, слишкомъ рано всталъ и замучился въ Адмиралтействѣ. Сладко зѣвнулъ, потягиваясь, закрылъ глаза и уже началъ засыпать, но вдругъ весь вздрогнулъ, какъ отъ внезапной боли. Эта боль была мысль о сынѣ, царевичѣ Алексѣѣ. Она всегда въ немъ тупо ныла. Но порою, въ тишинѣ въ уединеніи, начинала болѣть съ новою силою, какъ разбереженная рана.

Старался заснуть, но сна уже не было. Мысли сами собой лѣзли въ голову.

На дняхъ получилъ онъ письмо, которымъ Толстой извѣщалъ, что Алексѣй ни за что не вернется. Неужели придется самому ѣхать въ Италію, начинать войну съ цесаремъ и Англіей, можетъ быть, со всей Европою, теперь, когда надо бы думать только объ окончаніи войны съ шведами и о мирѣ? За что наказалъ его Богъ такимъ сыномъ?

— Сердце Авессаломле, сердце Авессаломле, всѣ дѣла отеческія возненавидѣвшее и самому отцу смерти желающее! ..— глухо простоналъ онъ, сжимая голову руками.

Вспомнилъ, какъ сынъ передъ цесаремъ, передъ всѣмъ свѣтомъ называлъ его злодѣемъ, тираномъ, безбожникомъ; какъ друзья Алексѣя, „длинныя бороды“, старцы да монахи, ругали его, Петра, „антихристомъ“.

„Глупцы!“ — подумалъ со спокойнымъ презрѣніемъ. Да развѣ могъ бы онъ сдѣлать то, что сдѣлалъ, безъ помощи Божьей? И какъ ему не вѣрить въ Бога, когда Богъ — вотъ Онъ — всегда съ нимъ, отъ младенческихъ лѣтъ до сего часа.

И пытая совѣсть свою, какъ бы самъ себя исповѣдуя, припоминалъ всю свою жизнь.

Не Богъ ли вложилъ ему въ сердце желанье учиться? Шестнадцати лѣтъ едва умѣлъ писать, зналъ съ грѣхомъ пополамъ сложеніе и вычитаніе. Но тогда уже смутно чуялъ то, что потомъ ясно понялъ: „спасеніе Россіи — въ наукѣ; всѣ прочіе народы политику имѣютъ, чтобъ Россію въ невѣдѣніи содержать и до свѣта разума, во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ воинскомъ, не допускать, чтобы не познала силы своей“. Рѣшилъ ѣхать самъ въ чужіе края за наукою. Когда узнали о томъ на Москвѣ,— патріархъ и бояре, и царицы и царевны пришли къ нему, положили къ ногамъ его сына Алешеньку и плакали, били челомъ, чтобъ не ѣздилъ къ нѣмцамъ — отъ начала Руси того не бывало. И народъ плача провожалъ его, какъ на смерть. Но онъ все-таки уѣхалъ — и неслыханное дѣло совершилось: царь, вмѣсто скиптра взялъ въ руки топоръ, сдѣлался простымъ работникомъ. „Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую. Того никакою цѣною не купишь, что сдѣлалъ самъ“. И Богъ благословилъ труды его: изъ потѣшныхъ, которыхъ Софья съ презрѣніемъ называла „озорниками-конюхами“, вышло грозное войско; изъ маленькихъ игрушечныхъ стружковъ, въ которыхъ плавалъ онъ по водовзводнымъ прудамъ Краснаго сада,— побѣдоносный флотъ.

Первый бой со шведомъ, пораженіе при Нарвѣ. «Все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. И нынѣ, какъ о томъ подумаю, за милость Божію по-

читаю, ибо, когда сіе несчастіе получили, тогда неволя лѣность отогнала и къ трудолюбію и къ искусству день и ночь принудила". Пораженіе казалось отчаяннымъ. „Русскую каналью, хвасталъ Карлъ, мы могли бы не шпагой, а плетью изъ всего свѣта,— не то что изъ собственной земли ихъ выгнать!" Если бы Господь не помогъ Петру тогда, онъ бы погибъ.

Не было мѣди для пушекъ; велѣлъ переливать колокола на пушки. Старцы грозили—Богъ-де накажетъ. А онъ зналъ, что Богъ съ нимъ. Не было коней; люди, впрягаясь, тащили на себѣ орудія новой артиллеріи, „слезами омоченной".

Всѣ дѣла „идутъ, какъ молодая брага". Извнѣ—война, внутри—мятежъ. Астраханскій, булавинскій бунтъ. Карлъ перешелъ Вислу, Нѣманъ, вступилъ въ Гродно, два часа спустя послѣ того, какъ Петръ оттуда выѣхалъ. Онъ ждалъ со дня на день, что шведы двинутся на Петербургъ, или Москву, укрѣплялъ оба города, готовилъ къ осадѣ. И въ это же время былъ боленъ, такъ что „весьма отчаялся жизни". Но опять—чудо Божіе. Карлъ, наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ и вѣроятіямъ, остановился, повернулъ и пошелъ на юго-востокъ, въ Малороссію. Бунтъ самъ собою потухъ. „Господь чуднымъ образомъ огнь огнемъ затушить изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ".

Первыя побѣды надъ шведами. Въ битвѣ при Лѣсномъ, поставивъ позади фронта казаковъ и калмыковъ съ пиками, далъ повелѣніе колоть бѣглецовъ нещадно, не исключая и его самого, царя. Весь день стояли въ огнѣ, шеренгъ не помѣшали, пядени мѣста не уступили; четыре раза отъ стрѣльбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли. „Я, какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однако, сей танецъ въ очахъ горячаго Карлуса изрядно станцовали!" Отнынѣ „шведская шея мягче гнуться стала".

Полтава. Никогда во всю свою жизнь не чувствовалъ

онъ такъ помогающей руки Господней, какъ въ этотъ день. Опять—чуду подобное счастіе. Карлъ накануне ночью раненъ шальною казацкою пулей. Въ самомъ начале боя ударило ядро въ носилки короля; шведы подумали, что онъ убитъ—ряды ихъ смешались. Петръ гляделъ на бегущихъ шведовъ, и ему казалось, что его несутъ невидимыя крылья; зналъ, что день Полтавы — „день русскаго воскресенія", и лучезарное солнце этого дня—солнце всей новой Россіи.

„Ныне уже совершенно камень во основаніе Санктпитербурха положенъ. Отселе въ Питербурхе спать будетъ покойно". Этотъ городъ, созданный, наперекоръ стихіямъ, среди болотъ и лесовъ — „яко дитя въ красоте растущее, святая земля, Парадизъ, рай Божій"—не есть ли тоже великое чудо Божье, знаменье милости Божіей къ нему—уже непрестанное, явное, предъ лицемъ грядущихъ вековъ?

И вотъ теперь, когда почти все сделано, — рушится все. Богъ отступилъ, покинулъ его. Давъ победы надъ врагами внешними, поразилъ внутри сердца, въ собственной крови и плоти его—въ сыне.

Самые страшные союзники сына — не полки чужеземные, а кишащія внутри государства полчища плутовъ, тунеядцевъ, взяточниковъ и всякихъ иныхъ непотребныхъ людишекъ. По тому, какъ шли дела въ последній отъездъ его изъ Россіи, Петръ виделъ, какъ они пойдутъ, когда его не станетъ: за эти несколько месяцевъ все заскрипело, зашаталось, какъ въ старой гнилой барке, севшей на мель, подъ штормомъ.

„Явилось воровство превеликое". О взяточникахъ следовали указы за указами, одинъ жесточе другого. Почти каждый начинался словами: „ежели кто презритъ сей нашъ последній указъ"; но за этимъ последнимъ следовали другіе съ теми же угрозами и прибавленіемъ, что последній.

Иногда опускались у него руки въ отчаяньи. Онъ чувствовалъ страшное безсиліе. Одинъ противъ всехъ. Какъ большой зверь, заеденный на смерть комарами да мошками.

Видя, что ничего не возьмешь силою, прибегалъ къ

хитростямъ. Поощрялъ доносы. Учредилъ особую должность фискаловъ. Тогда началась по всей странѣ кляуза и ябеда. „Фискалы ничего не смотрятъ, живутъ, какъ сущіе тунеядцы, и покрываютъ другъ друга, потому что у нихъ общая компанія“. Плуты доносятъ на плутовъ, доносчики—на доносчиковъ, фискалы—на фискаловъ, и самъ архифискалъ, кажется,—архиплутъ.

Гнусная пропасть, бездонная помойная яма, Авгіевы конюшни, которыхъ никакой Геркулесъ не вычиститъ. Все течетъ грязью, расползается, какъ въ оттепель. Выходитъ наружу „древняя гнилость“. Такой смрадъ по всей Россіи—какъ послѣ сраженія подъ Полтавою, откуда армія должна была уйти, потому что люди задыхались отъ смрада безчисленныхъ труповъ.

Тьма въ сердцахъ, потому что тьма въ умахъ. Добра не хотятъ, потому что добра не знаютъ. Шляхта и простой народъ, какъ Ерема да Ѳома въ присловьи: Ерема не учитъ, Ѳома не умѣетъ. Ничего никакими указами и тутъ не подѣлаешь.

— Разумы наши тупы, и руки неумѣтельны; люди нашего народа суть коснаго разума,—говорили ему старики.

Однажды слышалъ онъ отъ голландскаго шкипера старинное преданіе: корабельщики увидѣли среди океана невѣдомый островъ, причалили, высадились и развели костеръ, чтобы сварить пищу; вдругъ земля заколебалась, опустилась въ воду, и они едва не утонули: то, что казалось имъ островомъ, было спиною спящаго кита. Все новое просвѣщеніе Россіи не есть ли огонь, разведенный на спинѣ Левіаѳана, на косной громадѣ спящаго народа?

Проклятая Сизифова работа, подобная работѣ каторжныхъ на Рогервикѣ, гдѣ строятъ молъ; не успѣетъ подняться буря, какъ въ одинъ часъ разрушитъ все, что годами воздвигнуто; опять строятъ, опять рушится—и такъ безъ конца.

— Видимъ мы всѣ,—говорилъ ему однажды умный мужикъ,—какъ ты, великій государь, трудишь себя; да

ничего не успѣешь, потому что пособниковъ мало: ты на гору аще и самъ-десять тянешь, а подъ гору милліоны,—то какое дѣло споро будетъ?

— Бремя, бремя несносное!..—лежа на койкѣ безъ сна, стоналъ Петръ въ такой тоскѣ, какъ будто вправду навалилась на него одного вся тяжесть Россіи.

— „Для чего ты мучишь раба Твоего? — повторялъ слова Моисея къ Богу. — И почему я не нашелъ милости предъ очами Твоими, и Ты возложилъ и на меня бремя всего народа сего? Развѣ я носилъ во чревѣ весь народъ сей и развѣ я родилъ его, что Ты говоришь мнѣ: неси его на рукахъ твоихъ, какъ нянька носитъ ребенка, къ землѣ, которую Ты обѣшалъ? Я одинъ не могу нести всего народа сего, потому что онъ тяжелъ для меня. Когда Ты такъ поступаешь со мною, то лучшо умертви меня, если я не нашелъ милости предъ очами Твоими, чтобъ мнѣ не видѣть бѣдствія моего“.

Вдругъ опять вспомнилъ сына, и почувствовалъ, что вся эта страшная тяжесть, мертвая косность Россіи — въ немъ, въ немъ одномъ—въ сынѣ.

Наконецъ, неимовѣрнымъ усиліемъ воли овладѣлъ собою, позвалъ деньщика, одѣлся, сѣлъ въ шлюпку и вернулся во дворецъ, гдѣ ожидали его вызванные по дѣлу о плутовствѣ и взяткахъ сенаторы.

VI

Князь Меньшиковъ, князь Яковъ и Василій Долгорукіе, Шереметевъ, Шафировъ, Ягужинскій, Головкинъ, Апраксинъ и прочіе тѣснились въ маленькой пріемной рядомъ съ токарною.

Всѣ были въ страхѣ. Помнили какъ года два назадъ

двухъ взяточниковъ, князя Волконскаго и Опухтина публично сѣкли кнутомъ, жгли имъ языки раскаленнымъ желѣзомъ. Передавались шопотомъ странные слухи: будто бы офицеры гвардіи и другіе военные чины назначены судьями сенаторовъ.

Но за страхомъ была надежда, что минуетъ гроза, и все пойдеть по старому. Успокаивали изреченія древней мудрости: „кто предъ Богомъ не грѣшенъ, кто предъ царемъ не виноватъ? Неужто всѣхъ станутъ вѣшать? У всякаго Ермишки свои дѣлишки. Всяка жива душа калачика хочетъ. Грѣшный честенъ, грѣшный плутъ, яко всѣ грѣхомъ живутъ".

Вошелъ Петръ. Лицо его было сурово и неподвижно; только глаза блестѣли, да въ лѣвомъ углу рта была легкая судорога.

Ни съ кѣмъ не здороваясь, не приглашая сѣсть, обратился онъ къ сенаторамъ съ рѣчью, видимо заранѣе обдуманной:

— Господа Сенатъ! Понеже я писалъ и говорилъ вамъ сколько кратъ о нерадѣніи вашемъ и лакомствѣ, и презрѣніи законовъ гражданскихъ; но ничего слова не пользуютъ, и всѣ указы въ ничто обращаются, того ради, нынѣ паки и въ послѣдній подтверждаю: всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ. Что же изъ сего послѣдуетъ? Видя воровство ненаказанное, рѣдкій кто не прельстится—и такъ мало-по-малу всѣ въ безстрашіе придутъ, людей разорятъ, Божій гнѣвъ подвигнутъ, и сіе паче партикулярной измѣны можетъ быть всему государству не токмо бѣдство, но и конечное паденіе. Того ради, надлежитъ взяточниковъ такъ наказывать, яко бы кто въ самый бой должность свою преступилъ, или какъ самого государственнаго измѣнника...

Онъ говорилъ, не глядя имъ въ глаза. Опять чувствовалъ свое безсилье. Всѣ слова, какъ объ стѣну горохъ. Въ этихъ покорныхъ, испуганныхъ лицахъ, смиренно

опущенныхъ глазахъ — все та же мысль: „Грѣшный честенъ, грѣшный плутъ, яко всѣ грѣхомъ живутъ“.

— Отнынѣ чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги!—заключилъ Петръ, и голосъ его задрожалъ гнѣвомъ. — Симъ объявляю: воръ въ какомъ бы званіи ни былъ, хотя бъ и сенаторъ, судимъ быть имѣетъ военнымъ судомъ...

— Нельзя тому статься! — заговорилъ князь Яковъ Долгорукій, грузный старикъ, съ длинными бѣлыми усами на одутловатомъ, сизо-багровомъ лицѣ, съ дѣтски-ясными глазами, которые смотрѣли прямо въ глаза царю. — Нельзя тому статься, государь, чтобъ солдаты судили сенаторовъ. Те токмо чести нашей, но и всему государству Россійскому симъ афронтъ учинишь неслыханный!

— Правъ князь Яковъ! — вступился Борисъ Шереметевъ, рыцарь мальтійскаго ордена. — Нынѣ вся Европа россійскихъ людей за добрыхъ кавалеровъ почитаетъ. Для чего же ты безчестишь насъ, государь, кавалерскаго званія лишаешь? Не всѣ же воры...

— Кто не воръ, — измѣнникъ! — крикнулъ Петръ, съ лицомъ искаженнымъ яростью. — Аль думаешь, не знаю васъ? Знаю, братъ, вижу насквозь! Умри я сейчасъ — ты первый станешь за сына моего, злодѣя! Всѣ вы съ нимъ за одно!..

Но опять неимовѣрнымъ усиліемъ воли побѣдилъ свой гнѣвъ. Отыскалъ глазами въ толпѣ князя Меньшикова и проговорилъ глухимъ, сдавленнымъ, но уже спокойнымъ голосомъ:

— Александра, ступай за мною!

Они вмѣстѣ вышли въ токарную. Князь, маленькій, сухонькій, съ виду хрупкій, на самомъ дѣлѣ, крѣпкій какъ желѣзо, подвижный какъ ртуть, съ худощавымъ, пріятнымъ лицомъ, съ необыкновенно живыми быстрыми и умными глазами, напоминавшими того уличнаго мальчишку-разносчика, который нѣкогда кричалъ: „Пироги подовы!“—юркнулъ

въ дверь за царемъ, весь съежившись, какъ собаченка, которую сейчасъ будутъ бить.

Низенькій толстый Шафировъ отдувался и вытиралъ потъ съ лица. Длинный, какъ шестъ, тощій Головкинъ весь трясся, крестился и шепталъ молитву. Ягужинскій упалъ въ кресло и стоналъ; у него подвело животъ отъ страху.

Но, по мѣрѣ того, какъ изъ-за дверей слышался гнѣвный голосъ царя и однообразно-жалобный голосъ Меньшикова — словъ нельзя было разобрать — всѣ успокаивались. Иные даже злорадствовали: свѣтлѣйшему-де не впервой; кости у него крѣпкія—съ малыхъ лѣтъ къ царской дубинкѣ привыкъ. Ништо ему! Изловчится, вывернется!

Вдругъ за дверью послышался шумъ, крики, вопли. Обѣ половинки двери распахнулись, и вылѣтѣлъ Меньшиковъ. Шитый золотомъ кафтанъ его былъ разодранъ; голубая андреевская лента въ клочьяхъ; ордена и звѣзды на груди болтались, полуоторванныя; парикъ изъ царскихъ волосъ—нѣкогда Петръ въ знакъ дружбы дарилъ ему свои волосы, каждый разъ когда стригся — сбитъ на сорону; лицо окровавлено. За нимъ гнался царь съ обнаженнымъ кортикомъ и съ неистовымъ крикомъ:

— Я тебя, сукинъ сынъ!..

— Петинька! Петинька!—раздался голосъ царицы, которая, какъ всегда, въ самую нужную минуту точно изъ-подъ земли выросла.

Она удержала его на порогѣ, заперла дверь токарной и оставшись наединѣ съ нимъ, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и уцѣпилась, повисла у него на шеѣ.

— Пусти, пусти! Убью!..—кричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

Но она обнимала его все крѣпче и крѣпче, повторяя:

— Петинька! Петинька! Господь съ тобою, другъ мой сердешненькой! Брось ножикъ, ножикъ-то брось, бѣды надѣлаешь...

Наконецъ, кортикъ выпалъ изъ рукъ его. Самъ онъ повалился въ кресло. Страшная судорога сводила ему члены.

Точно такъ же какъ тогда, во время послѣдняго сви-

данія отца съ сыномъ, Катенька присѣла на ручку креселъ, обняла ему голову, прижала къ своей груди, и начала тихонько гладить волосы, лаская, баюкая, какъ мать—больного ребенка. И мало-по-малу, подъ этою тихою ласкою, онъ успокаивался. Судорога слабѣла. Иногда еще вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, но все рѣже и рѣже. Не кричалъ, а только стоналъ, точно всхлипывалъ, плакалъ безъ слезъ:

— Трудно, охъ, трудно, Катенька! Мочи нѣтъ!.. Не съ кѣмъ подумать ни о чемъ. Никакого помощника. Все одинъ да одинъ!.. Возможно ли одному человѣку? Не только человѣку, ниже ангелу!.. Бремя несносное!..

Стоны становились все тише и тише, наконецъ, совсѣмъ затихли — онъ уснулъ.

Она прислушалась къ его дыханію. Оно было ровно. Всегда послѣ такихъ припадковъ онъ спалъ очень крѣпко, такъ что ничѣмъ не разбудишь, только бы отъ него не отходила Катенька.

Продолжая обнимать его голову одной рукой, — другою, какъ будто тоже лаская, она шарила, щупала на груди его подъ кафтаномъ быстрымъ воровскимъ движеніемъ пальцевъ. Нащупавъ пачку писемъ въ боковомъ карманѣ, вытащила, пересмотрѣла, увидѣла большое, запачканное, должно быть, подметное, въ синей оберткѣ, за печатью краснаго воска, нераспечатанное, догадалась, что это то самое, котораго она ищетъ: второй доносъ на нее и на Монса, болѣе страшный, чѣмъ первый. Монсъ предупреждалъ ее объ этомъ синемъ письмѣ; самъ онъ узналъ о немъ изъ разговора пьяныхъ деньщиковъ.

Катенька удивилась, что мужъ не распечаталъ письма. Или боялся узнать истину?

Чуть-чуть поблѣднѣвъ, крѣпко стиснувъ зубы, но не теряя присутствіе духа, заглянула въ лицо его. Онъ спалъ сладко,—какъ маленькія дѣти, наплакавшись. Она тихонько положила голову его на спинку кресла, разстегнула на груди своей нѣсколько пуговицъ, скомкала письмо, сунула въ углубленіе груди, наклонилсь, подняла кортикъ, надпорола

карманъ, гдѣ лежали письма, и снизу полу кафтана по самому шву такъ, что можно было принять эти надрѣзы за случайныя дыры, и положила остальную пачку на прежнее мѣсто въ карманъ. Если бы онъ замѣтилъ пропажу синяго письма, то подумалъ бы, что оно завалилось за подкладку и оттуда сквозь нижнюю прорѣху выпало и потерялось. Дыры случались нерѣдко въ заношенномъ платьѣ царя.

Мигомъ кончила все это Катенька. Потомъ опять взяла голову Петиньки, положила ее къ себѣ на грудь и начала тихонько гладить, лаская, баюкая, глядя на спящаго исполина, какъ мать на больного ребенка, или укротительница львовъ на страшнаго звѣря.

Черезъ часъ проснулся онъ бодрымъ и свѣжимъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Недавно умеръ царскій карликъ. Въ тотъ день назначены были похороны — одно изъ тѣхъ шутовскихъ маскарадныхъ шествій, которыя такъ любилъ Петръ. Катенька убѣждала его отложить на завтра похороны, и сегодня больше никуда не ѣздить, отдохнуть. Но Петръ не послушался, велѣлъ бить въ барабаны, выкинуть флаги для сбора, поспѣшно, какъ будто для самаго важнаго дѣла, собрался, нарядился въ полутраурное, полумаскарадное платье и поѣхалъ.

VII

„О монстрахъ или уродахъ.

„Понеже извѣстно есть, что, какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей, случается, что родятся монстры, то-есть, уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ сбираются для диковинки, чего для, предъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ оныхъ приносили;

но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства діавольскаго, черезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не діаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ,— но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матернаго во время бремени, какъ тому многіе есть примѣры,—чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; того ради, паки сей указъ подновляется, дабы, конечно, такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата, а именно: за человѣческую—по десяти рублевъ, за скотскую и звѣриную— по пяти, а за птичью—по три рубли, за мертвыхъ. А за живыя, за человѣческую—по сту рублевъ, за скотскую и звѣриную—по пятнадцати рублевъ, за птичью—по семи рублевъ. А ежели гораздо чудное, то дадутъ и болѣе. А кто противъ сего указу будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать въ десятую противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты, буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось, за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо“.

Петръ любилъ своего карлика — „нарочитую монстру“ и устроилъ ему великолѣпныя похороны.

Впереди шли попарно тридцать пѣвчихъ — все маленькіе мальчики. За ними — въ полномъ облаченіи съ кадиломъ въ рукахъ, крошечный попъ, котораго изъ всѣхъ петербургскихъ священниковъ выбрали за малый ростъ. Шесть маленькихъ вороныхъ лошадокъ, въ черныхъ до земли попонахъ, везли маленькій, точно дѣтскій, гробикъ на маленькихъ, точно игрушечныхъ, дрогахъ. Потомъ выступали торжественно, взявшись за руки, подъ предводительствомъ крошечнаго маршала съ большимъ жезломъ, двѣнадцать паръ карликовъ въ длинныхъ траурныхъ мантіяхъ, обши-

тыхъ бѣлымъ флеромъ, и столько же карлицъ — всѣ по росту, меньшіе впереди, большіе позади, на подобіе органныхъ дудокъ — горбатые, толстобрюхіе, косолапые, криворожіе, кривоногіе, какъ собаки барсучьей породы, и множество другихъ, не столько смѣшныхъ, сколько страшныхъ уродовъ. По обѣимъ сторонамъ шествія, рядомъ съ карликами, шли великаны-гренадеры и царскіе гайдуки, съ горящими факелами и погребальными свѣчами въ рукахъ. Одного изъ этихъ великановъ, наряженнаго въ дѣтскую распашонку, вели на помочахъ два самыхъ крошечныхъ карлика съ длинными сѣдыми бородами; другого, спеленутаго, какъ грудной младенецъ, везли въ телѣжкѣ шесть ручныхъ медвѣдей.

Шествіе заключалъ царь со всѣми своими генералами и сенаторами. Въ нарядѣ голландскаго корабельнаго барабанщика шелъ онъ все время пѣшкомъ и, съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ самое нужное дѣло, билъ въ барабанъ.

Невской першпективой, отъ деревяннаго моста на рѣчкѣ Фонтанной къ Ямской Слободѣ, гдѣ было кладбище, двигалось шествіе и за нимъ толпа. Люди выглядывали изъ оконъ, выбѣгали изъ домовъ, и въ суевѣрномъ страхѣ не знали православные—креститься, или отплевываться. А нѣмцы говорили: „такого-де шествія едва ли гдѣ придется увидѣть, кромѣ Россіи!“

Былъ пятый часъ вечера. Быстро темнѣло. Шелъ мокрый снѣгъ хлопьями. По обѣимъ сторонамъ першпективы два ряда голыхъ липокъ и крыши низенькихъ домиковъ бѣлѣли отъ снѣга. Густѣлъ туманъ. И въ мутно-желтомъ туманѣ и въ мутно-красномъ свѣтѣ факеловъ это шествіе казалось бредомъ, навожденіемъ дьявольскимъ.

Но толпа, хотя и въ страхѣ, бѣжала, не отставая, шлепая по грязи и разсказывая шопотомъ страшные, тоже подобные бреду, слухи о нечистой силѣ, которая, будто бы, завелась въ Петербургѣ.

Намедни ночью караульный у Троицы слышалъ въ трапезѣ церковной стукъ, подобіемъ бѣганія; и въ колокольнѣ кто-то бѣгалъ по деревянной лѣстницѣ, такъ что

ступени тряслись; а утромъ псаломщикъ, когда пошелъ благовѣстить, увидѣлъ, что стремянка-лѣстница оторвана, и веревка, спущенная для благовѣсту, обернута вчетверо.

— Никто другой, какъ чортъ,—догадывались одни.

— Не чортъ, а кикимора,— возражали другіе.

Старушка селедочница съ Охты собственными глазами видѣла кикимору, какъ она пряжу прядетъ:

— Вся голая, тонешенька, чернешенька, а головенка махонькая, съ наперсточекъ, а туловища не спознать съ соломинкой.

— Не домовой ли?—спросилъ кто-то.

— Домовыхъ въ церкви не водится,— отвѣчали ему.

— А можетъ, какой заблудящій? На нихъ-де бываетъ чума, что на коровъ и собакъ—оттого и проказятъ.

— То къ веснѣ: по веснамъ домовые линяютъ, старая шкура сползаетъ— тогда и бѣсятся.

— Домовой ли, чортъ ли, кикимора,— а только знатно, сила нечистая!—рѣшили всѣ.

Въ мутно-желтомъ туманѣ, въ мутно-красномъ свѣтѣ факеловъ, отъ котораго бѣгали чудовищныя тѣни гигантовъ и карликовъ, само это шествіе казалось нечистою силою, петербургскою нежитью.

Сообщались еще болѣе страшныя вѣсти.

На Финляндской сторонѣ какой-то попъ „для содѣланія нѣкоего неистовства“ нарядился въ козью шкуру съ рогами, которая тотчасъ къ нему приросла, и въ семъ видѣ повезутъ его ночью на казнь. Драгунскій сынъ Зварыкинъ продалъ душу дьяволу, объявившемуся у Литейнаго двора, въ образѣ нѣмца, и договоръ подписалъ кровью. Въ Аптекарскомъ саду, на кладбищѣ разрыли воры могилу, разбили заступами гробъ, принялись тащить покойника за ноги, но не вытащили, испугались и убѣжали; утромъ увидѣлъ кто-то ноги, торчавшія изъ могилы — и прошелъ слухъ о воскресеніи мертвыхъ. Въ Татарской слободѣ, за крѣпостнымъ Кронверкомъ, родился младенецъ съ коровьимъ рогомъ вмѣсто носа; а на Мытномъ дворѣ — поросенокъ съ чело-

вѣчьимъ лицомъ. „Не знаменуется благое въ городахъ, гдѣ такое рождается!“ Гдѣ-то явился пѣтухъ о пяти ногахъ. На Ладогѣ выпалъ кровавый дождь; земля тряслась и ревѣла, какъ волъ; на небѣ было три солнца.

— Быть худу, быть худу—повторяли всѣ.

— Питербурху пустѣть будетъ!

— Не одному Питербурху — всему міру конецъ! Свѣтопреставленіе! Антихристъ!

Наслушавшись этихъ разсказовъ, маленькій мальчикъ, котораго мать тащила за руку въ толпѣ, вдругъ заплакалъ, закричалъ отъ страха. Женщина въ отрепьяхъ, съ полоумнымъ лицомъ, должно быть, юродивая, нечеловѣческимъ голосомъ закликала. Ее поскорѣе увели въ сосѣдній дворъ. Царь не любилъ шутить съ кликушами: выгонялъ изъ нихъ бѣсовъ кнутомъ. „Хвостъ кнута длиннѣе хвоста бѣсовскаго!“ говорилъ онъ, когда ему докладывали о „суевѣрныхъ шалостяхъ“.

Среди вельможъ и сенаторовъ было тоже много испуганныхъ лицъ. Передъ самымъ выступленіемъ шествія, Шафировъ поднесъ государю только что полученныя съ курьеромъ письма изъ Неаполя отъ Толстого и царевича. Государь спряталъ ихъ въ карманъ, не распечатавъ,— должно быть, не хотѣлъ читать при свидѣтеляхъ. Шафировъ, однако, изъ полученной имъ, коротенькой записки Толстого уже зналъ страшную вѣсть. Она тотчасъ облетѣла всѣхъ:

— Царевичъ ѣдетъ сюда!

— Іуда, Петръ Толстой выманилъ—ему-де не перваго кушать.

— Батюшка, слышь, посулилъ его на Афросиньѣ женить.

— Женить? Какъ бы не такъ. Держи карманъ. Жолвъ ему, а не женитьба!

— А ну какъ дастъ Богъ свадьбу?

— Вѣнчали ту свадьбу на Козьемъ болотѣ, а дружка да свашка—топорикъ да плашка!

— Дуракъ, дуракъ! Погубитъ онъ себя напрасно.

— Быть бычку на обрывочкѣ!

— Не сносить ему головы своей!

— Подъ обухъ идетъ!

— А можетъ и помилуютъ? Не чужой вѣдь, — родной: и змѣя своихъ черевъ не ѣстъ. Поучатъ и помилуютъ?

— Учить поздно, распашонка на немъ не сойдется.

— Не учили, покуда поперекъ лавки укладывался, а во всю вытянулся, не научишь!

— Поди ко мнѣ въ ступу, я тя пестомъ приглажу— вотъ вся и наука!

— Уняньчатъ дитятку, что не пикнетъ — упѣстуютъ!

— Да и намъ, чай, всѣмъ такая будетъ баня, что небо съ овчинку покажется.

— Бѣда, братцы, бѣда—тутъ и о двухъ головахъ пропадешь!

И въ толпѣ вельможъ всѣ повторяли, такъ же какъ въ толпѣ народа:

— Быть худу! быть худу!

А царь все шагалъ да шагалъ по грязи и билъ въ барабанъ, заглушая унылое пѣніе: Со святыми упокой. Вѣчная память!

Туманъ густѣлъ. Все расплывалось въ немъ, таяло, дѣлалось призрачнымъ—и вотъ-вотъ, казалось, весь городъ, со всѣми своими людьми и домами, и улицами, подымется, вмѣстѣ съ туманомъ, и разлетится, какъ сонъ.

VIII

Вернувшись съ похоронъ въ Лѣтній Дворецъ, Петръ сѣлъ въ маленькую верейку, переѣхалъ черезъ темную ночную Неву, одинъ безъ гребцовъ, самъ работая веслами, и

причалилъ у небольшой деревянной пристани на противоположномъ берегу.

Здѣсь, почти у самой рѣки, недалеко отъ Троицкаго собора, стоялъ маленькій низенькій домикъ, одинъ изъ первыхъ домовъ, построенныхъ голландскими плотниками, при самомъ основаніи Петербурга — первый дворецъ Петра, похожій на бѣдныя хижины саардамскихъ корабельщиковъ. Онъ былъ срубленъ изъ сосноваго лѣса, который росъ тутъ же, на дикомъ болотѣ Кейвусари, Березоваго острова; выкрашенъ масляною краскою подъ кирпичъ и крытъ дощечками подъ черепицу.

Комнаты низенькія, тѣсныя — всего три: направо отъ сѣней конторка, налѣво столовая и за нею спальня—самая крошечная изъ трехъ, четыре аршина въ длину, три въ ширину—едва повернуться. Убранство, хотя очень простое, но уютное и опрятное, на голландскій образецъ. Потолокъ и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ; окна широкія, низкія, съ переплетомъ, изъ свинцовыхъ желобковъ и мелкими стеклами, съ дубовыми ставнями на желѣзныхъ болтахъ. Двери не по росту Петра—онъ долженъ былъ наклоняться, чтобы не удариться головой о притолку.

Послѣ постройки Лѣтняго и Зимняго дворца, стоялъ этотъ домикъ пустой. Только изрѣдка царь ночевалъ въ немъ, когда ему хотѣлось остаться совсѣмъ одному, даже безъ Катеньки.

Войдя въ сѣни, растолкалъ храпѣвшаго на войлокѣ, деньщика, велѣлъ дать огня, прошелъ въ конторку, заперъ дверь на ключъ, поставилъ свѣчу на столъ, сѣлъ въ кресло, вынулъ изъ кармана письма Толстого, Румянцева и царевича, но передъ тѣмъ, чтобъ ихъ распечатать, остановился, какъ будто въ нерѣшимости, прислушиваясь къ мѣрному гулкому бою часовъ на колокольнѣ у Троицы. Пробило девять. Послѣдній звукъ замеръ, и наступала тишина, такая же, какъ въ тѣ дни, когда Петербурга еще не было, и кругомъ этого бѣднаго домика были только безконечные лѣса, да непроходимыя топи.

Наконецъ, распечаталъ. Пока читалъ, лицо чуть-чуть поблѣднѣло, руки задрожали. Когда же прочелъ послѣднія слова въ письмѣ царевича: „поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ Санктпитербурхъ“ — духъ захватило отъ радости. Дальше не могъ читать. Перекрестился.

Это ли еще не знаменье, не чудо Божье? Только что изнемогалъ, отчаивался, думалъ, что Богъ забылъ его, отступилъ навсегда—и вотъ опять рука Господня поддерживаетъ.

Почувствовалъ себя вновь сильнымъ и бодрымъ, какъ будто помолодѣвшимъ, готовымъ ко всякому труду и подвигу.

Потомъ опустилъ голову и, глядя на пламя свѣчи, глубоко задумался.

Когда сынъ вернется, что съ нимъ дѣлать? „Убитъ!“— въ ярости думалъ онъ прежде, когда не надѣялся на возвращеніе. Но теперь, когда зналъ, что вернется, — ярость потухла, и онъ спрашивалъ себя впервые, спокойно, разумно: что дѣлать?

Вдругъ вспомнилъ слова свои въ первомъ письмѣ, отправленномъ въ Неаполь съ Толстымъ и Румянцевымъ: „обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели возвратишься“. Теперь, когда сынъ повѣрилъ этой клятвѣ, она пріобрѣтала страшную силу.

Но какъ исполнить ее?

Простить сына не значитъ ли простить и всѣхъ остальныхъ, такихъ же, какъ онъ, измѣнниковъ, злодѣевъ царю и отечеству? Всѣ людишки негодные, взяточники, воры, тунеядцы, ханжи, лицемѣры, длинныя бороды соединятся съ нимъ и въ такое безстрашіе придутъ, что никакой грозы на нихъ не будетъ. Учинятъ всему государству паденіе конечное. И ежели сынъ надъ отцомъ надругается такъ, при жизни его, то что же будетъ послѣ смерти? Все разоритъ, расточитъ, не оставитъ камня на камнѣ, погубитъ Россію!

Нѣтъ, хотя бъ и клятву нарушить, а нельзя простить.

Значитъ, опять — розыскъ, опять — пытки, костры, топоры, плахи и кровь?

Вспомнилось ему, какъ однажды, во время стрѣлецкихъ казней, когда онъ ѣхалъ верхомъ на Красную площадь, гдѣ въ тотъ же день должно было пасть болѣе трехсотъ головъ,—вышелъ къ нему навстрѣчу патріархъ съ чудотворной иконой Божіей Матери просить о пощадѣ стрѣльцовъ. Царь поклонился иконѣ, но патріарха отстранилъ рукою гнѣвно и сказалъ: „Зачѣмъ пришелъ сюда? Я Матерь Божью чту не меньше твоего. Но долгъ велитъ мнѣ добрыхъ миловать, а злыхъ казнить. Ступай же прочь, старикъ! Я знаю, чтò дѣлаю.

Патріарху съумѣлъ отвѣтить, но какъ-то отвѣтитъ Богу?

И представился ему, какъ въ видѣніи, безконечный рядъ головъ, лежащихъ у Лобнаго мѣста, на длинномъ бревнѣ, вмѣсто плахи, затылками вверхъ, лицами внизъ— русыя, рыжія, черныя, сѣдыя, лысыя, кудрявыя. На-веселѣ, только что съ попойки, вмѣстѣ съ Данилычемъ и прочими гостями, онъ ходитъ съ топоромъ въ рукахъ, засучивъ рукава, какъ палачъ, и рубитъ одну за другой эти головы. А когда устаетъ, гости берутъ у него топоръ, по очереди, и тоже рубятъ. Всѣ пьяны отъ крови. Платье обрызгано кровью; на землѣ лужи крови; ноги скользятъ въ крови. Вдругъ одна изъ этихъ головъ, когда онъ уже занесъ надъ нею топоръ, тихонько приподымается, оборачивается и глядитъ ему прямо въ глаза. Это онъ, Алеша!

„Алешенька, мальчикъ мой родненькій!“ — представилось ему другое видѣніе — какъ вернувшись изъ чужихъ краевъ, пробрался онъ тайкомъ ночью въ спальню царевича, наклонился надъ его постелькой, взялъ на руки сонънаго, и обнималъ, и цѣловалъ, чувствуя сквозь рубашку теплоту его голаго тѣльца.

„Убить сына“ — только теперь понялъ онъ, чтò это значитъ. Почувствовалъ, что это самое страшное, самое важное во всей его жизни—важнѣе, чѣмъ Софья, стрѣльцы, Европа, наука, армія, флотъ, Петербургъ, Полтава; что тутъ рѣшается вѣчное: на одну чашу вѣсовъ положится

все, что онъ сдѣлалъ великаго, добраго, на другую—кровь сына — и какъ знать, что̀ перевѣситъ? Не померкнетъ ли вся его слава отъ этого кроваваго пятна? Что скажетъ Европа, что скажетъ потомство о клятвопреступникѣ, сыноубійцѣ? Труденъ разборъ его невинности тому, кто не знаетъ всего. А кто знаетъ все?

И передъ Богомъ можетъ ли человѣкъ, хотя бъ и за благо отечества, взять на душу такой грѣхъ, какъ пролитіе крови отъ крови своей?

Но что же, что дѣлать? Простить сына — погубить Россію; казнить его — погубить себя. Онъ чувствовалъ, что этого никогда не рѣшитъ.

Да и нельзя рѣшить одному. Но кто поможетъ? Церковь? Что на землѣ свяжете, то связано будетъ на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то разрѣшено будетъ на небѣ. Такъ было прежде. А теперь — гдѣ церковь? Патріархъ? Его уже нѣтъ. Онъ самъ отмѣнилъ патріаршество. Или митрополитъ, „Степка холопка“, который, павъ до земли, челомъ бьетъ государю? Или администраторъ дѣлъ духовныхъ, плутъ Ѳедоска, съ прочими архіереями, которые „такъ взнузданы, что куда хошь поведи?“ Что онъ имъ скажетъ, то они и сдѣлаютъ. Онъ самъ—патріархъ, самъ— церковь. Онъ одинъ передъ Богомъ.

И чему, безумецъ, радовался только что? Да, рука Господня простерлась къ нему и отяготѣла на немъ страшною тяжестью. Страшно, страшно впасть въ руки Бога живого!

Точно пропасть разверзлась у ногъ его, и повѣяло оттуда ужасомъ, отъ котораго на головѣ его зашевелились волосы.

Онъ закрылъ лицо руками.

— „Отступи отъ меня, Господи! Избавь душу мою отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего!“

Потомъ всталъ и пошелъ въ спальню, гдѣ въ углу, надъ изголовьемъ постели, неугасимая лампада теплилась передъ чудотворною иконою Спаса Нерукотвореннаго, писанной въ подносъ царю Алексѣю Михайловичу жалован-

нымъ царскимъ иконописцемъ, Симономъ Ушаковымъ и хранившейся нѣкогда вверху, въ сѣняхъ Кремлевскихъ палатъ. То былъ русскій переводъ съ незапамятно-древняго, византійскаго образа: по преданію, когда Господь восходилъ на Голгоѳу, то, изнемогая подъ ношею крестной, вытеръ потъ съ лица полотенцемъ — убрусомъ, и на немъ отпечатлѣлся Ликъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мать Петра, царица Наталья Кирилловна благословила сына этимъ образомъ, онъ уже никогда не разставался съ нимъ. Во всѣхъ походахъ и путешествіяхъ, на корабляхъ и въ палаткахъ, при основаніи Петербурга и на поляхъ Полтавы — вездѣ образъ былъ съ нимъ.

Войдя въ спальню, прибавилъ въ лампадку масла и поправилъ свѣтильню. Пламя затеплилось ярче, и въ золотомъ окладѣ, вкругъ темнаго Лика въ терновомъ винцѣ, заблестѣли алмазы, какъ слезы, рубины, какъ кровь.

Сталъ на колѣни и началъ молиться.

Икона была такая привычная, что онъ уже почти не видѣлъ ея и, самъ того не сознавая, всегда обращался съ молитвой къ Отцу, а не къ Сыну — не къ Богу, умирающему, изливающему кровь Свою на Голгоѳѣ, а къ Богу живому, крѣпкому и сильному во брани, Воителю грозному, Побѣдодавцу праведному—Тому, Кто говоритъ о Себѣ устами пророка: *Я топталъ народы во гнѣвѣ Моемъ и попиралъ ихъ въ ярости Моей; кровь ихъ брызгала на ризы Мои, и Я запятналъ все одѣяніе Свое.*

Но теперь, когда поднялъ взоръ на икону и хотѣлъ, какъ всегда, обратиться съ молитвою мимо Сына къ Отцу,— не могъ. Какъ будто въ первый разъ увидѣлъ скорбный Ликъ въ терновомъ вѣнцѣ, и Ликъ этотъ ожилъ и заглянулъ ему въ душу кроткимъ взоромъ; какъ будто въ первый разъ понялъ то, о чемъ слышалъ съ дѣтства и чего никогда не понималъ: что̀ значитъ — Сынъ и Отецъ.

И вдругъ вспомнилъ страшную древнюю повѣсть, тоже объ отцѣ и сынѣ:

„Богъ искушалъ Авраама и сказалъ ему: возьми сына твоего, единственнаго твоего, котораго ты любишь, Исаака и принеси его во всесожженіе. И устроилъ Авраамъ жертвенникъ и связавъ сына своего, положилъ его на жертвенникъ. И простеръ Авраамъ руку свою и взялъ ножъ, чтобы заколоть сына своего“.

Это лишь земной прообразъ еще болѣе страшной жертвы небесной. Богъ такъ возлюбилъ міръ, что не пожалѣлъ для него Сына Своего, Единственнаго своего, и вѣчно изливаемою Кровью Агнца, Кровью Сына Отчій гнѣвъ утоляется.

Тутъ чувствовалъ онъ какую-то самую близкую, самую нужную тайну, но такую страшную, что не смѣлъ думать о ней. Мысль его изнемогала, какъ въ безумьи.

Хочетъ, или не хочетъ Богъ, чтобъ онъ казнилъ сына? Простится, или взыщется на немъ эта кровь? И что, если не только — на немъ, но и на дѣтяхъ его и внукахъ, и правнукахъ — на всей Россіи?

Онъ упалъ лицомъ на полъ и долго лежалъ такъ, распростертый, недвижимый, какъ мертвый.

Наконецъ, опять поднялъ взоръ на икону, но уже съ отчаянной, неистовой молитвой мимо Сына къ Отцу:

— Да падетъ сія кровь на меня, на меня одного! Казни меня, Боже, — помилуй Россію!

ВОСЬМАЯ КНИГА

Оборотень

I

Царевичъ смотрѣлъ на дверь, въ которую долженъ былъ войти Петръ.

Маленькую прiемную Преображенскаго дворца, почти такого же бѣднаго, какъ петербургскiй домикъ царя, заливало февральское желтое солнце. Въ окнахъ былъ видъ, знакомый царевичу съ дѣтства—снѣжное поле съ черными галками, сѣрыя стѣны казармъ, тюремный острогъ, земляной валъ съ пирамидами ядеръ, караульною будкою и неподвижнымъ часовымъ на прозрачно-зеленомъ небѣ. Воробьи на подоконникахъ чирикали уже по весеннему. Съ ледяныхъ сосулекъ падали свѣтлыя капли, какъ слезѣ. Былъ предобѣденный часъ. Пахло пирогами съ капустою. Въ тишинѣ маятникъ стѣнныхъ часовъ однообразно тикалъ.

На пути изъ Италiи въ Россiю царевичъ былъ спокоенъ, даже веселъ, но точно въ полуснѣ, или забытьи. Не совсѣмъ понималъ, что̀ съ нимъ происходитъ, куда и для чего везутъ его.

Но теперь, сидя съ Толстымъ въ прiемной и такъ же, какъ тогда ночью въ королевскомъ дворцѣ, въ Неаполѣ, во время бреда, глядя на страшную дверь, — какъ будто про-

буждался, начиналъ понимать. И такъ же, какъ тогда, весь дрожалъ непрерывною мелкою дрожью, точно въ сильномъ ознобѣ. То крестился и шепталъ молитвы, то хваталъ за руку Толстого:

— Петръ Андреичъ, охъ, Петръ Андреичъ, что-то будетъ, родимый? Страшно! Страшно!..

Толстой успокаивалъ его своимъ бархатнымъ голосомъ:

— Будьте благонадежны, ваше высочество! Повинную голову мечъ не сѣчетъ. Дастъ Богъ, потихоньку, да полегоньку, ладкомъ, да миркомъ...

Царевичъ не слушалъ и твердилъ, чтобы не забыть, приготовленную рѣчь:

„Батюшка, я ни въ чемъ оправдаться не могу, но слезно прошу милостиваго прощенія и отеческаго разсужденія, понеже, кромѣ Бога и твоей ко мнѣ милости, иного никакого надѣянія не имѣю и отдаюсь во всемъ въ волю твою“.

За дверью послышались знакомые шаги. Дверь отворилась. Вошелъ Петръ.

Алексѣй вскочилъ, пошатнулся и упалъ бы навзничъ, если бы Толстой не поддержалъ его.

Передъ нимъ, какъ бы въ мгновенномъ превращеніи оборотня, промелькнули два лица чуждое, страшное, какъ мертвая маска, и родное, милое, какимъ онъ помнилъ отца только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

Царевичъ подошелъ къ нему и хотѣлъ упасть къ его ногамъ, но Петръ протянулъ къ нему руки, обнялъ и прижалъ къ своей груди.

— Алеша, здравствуй! Ну, слава Богу, слава Богу! Наконецъ-то, свидѣлись.

Алексѣй почувствовалъ знакомое прикосновеніе пухлыхъ бритыхъ щекъ и запахъ отца — крѣпкаго табаку съ потомъ; увидѣлъ большіе темные ясные глаза, такіе страшные, такіе милые, прелестную, немного лукавую улыбку на извилистыхъ, почти женственно-тонкихъ губахъ. И забывъ свою длинную рѣчь, пролепеталъ только:

— Прости, батюшка...

И вдругъ зарыдалъ неудержимымъ рыданіемъ, все повторяя:

— Прости! Прости!..

Сердце его растаяло мгновенно, какъ ледъ въ огнѣ.

— Что ты, что ты, Алешенька!..

Отецъ гладилъ ему волосы, цѣловалъ его въ лобъ, въ губы, въ глаза, съ материнскою нѣжностью.

А Толстой, глядя на эти ласки, думалъ:

„Зацѣлуетъ ястребъ курочку до послѣдняго перышка!“

По знаку царя, онъ исчезъ. Петръ повелъ сына въ столовую. Сучка Лизетта сперва зарычала, но потомъ, узнавъ царевича, смущенно завиляла хвостомъ и лизнула ему руку. Столъ накрытъ былъ на два прибора. Деньщикъ принесъ всѣ блюда сразу и вышелъ. Они остались одни. Петръ налилъ двѣ чарки анисовой.

— За твое здоровье, Алеша!

Чокнулись. У царевича такъ дрожали руки, что онъ пролилъ половину чарки.

Петръ приготовилъ для него свою любимую закуску— ломоть чернаго хлѣба съ масломъ, рубленымъ лукомъ и чеснокомъ. Разрѣзалъ хлѣбъ пополамъ, одну половину для себя, другую — для сына.

— Вишь, ты какъ отощалъ на чужихъ-то хлѣбахъ,— молвилъ онъ, вглядываясь въ сына. — Погоди, живо откормимъ — станешь гладкій! Сытнѣе-де русскій хлѣбъ нѣмецкаго.

Угощалъ съ прибаутками.

— Чарка на чарку — не палка на палку. Безъ троицы домъ не строится. Учетверить—гостей развеселить.

Царевичъ ѣлъ мало, но много пилъ и быстро пьянѣлъ, не столько, впрочемъ, отъ вина, сколько отъ радости.

Все еще робѣлъ, не могъ придти въ себя, не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ. Но отецъ говорилъ съ нимъ такъ просто и весело, что нельзя было не вѣрить. Разспрашивалъ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Италіи, о войскѣ

и флотѣ, о папѣ и цесарѣ. Шутилъ, какъ товарищъ съ товарищемъ.

— А у тебя губа не дура, — подмигнулъ смѣясь. — Афрося—дѣвка хоть куда! Годовъ бы мнѣ десять съ плечъ, такъ пришлось бы, чего добраго, сынку батьки беречься, чтобъ съ рогами не быть. Недалеко, видно, яблочко отъ яблони падаетъ. Батька — съ портомоей, сынокъ — съ поломоей: полы-де, говорятъ, Афрося мыла у Вяземскихъ. Ну да вѣдь и Катенька бѣлье стирала... А жениться охота?

— Ежели позволишь, батюшка.

— Да что мнѣ съ тобой дѣлать? Обѣщалъ, небось, такъ позволю.

Петръ налилъ краснаго вина въ хрустальные кубки. Подняли, сдвинули. Хрусталь зазвенѣлъ. Вино въ лучѣ солнца зардѣло, какъ кровь.

— За миръ, за дружбу вѣчную! — сказалъ Петръ.

Оба выпили сразу до дна.

У царевича голова кружилась. Онъ точно летѣлъ. Сердце то замирало, то билось такъ, что казалось, вотъ-вотъ разорвется, и онъ сейчасъ умретъ отъ радости. Настоящее, прошлое, будущее — все исчезло. Онъ помнилъ, видѣлъ, чувствовалъ только одно: отецъ любитъ его. Пусть на мгновенье. Если бы надо было снова принять муку всей жизни за одно такое мгновеніе, онъ принялъ бы.

И ему захотѣлось сказать все, признаться во всемъ.

Петръ, какъ будто угадывая мысль его, положилъ свою руку на руку сына, съ тихою ласкою.

— Разскажи-ка, Алеша, какъ ты бѣжалъ.

Царевичъ почувствовалъ, что судьба его рѣшается. И вдругъ ясно понялъ то, о чемъ все время, съ той самой минуты, какъ рѣшилъ ѣхать къ отцу, старался не думать. Одно изъ двухъ: или сказать все, выдать сообщниковъ и сдѣлаться предателемъ; или запереться во всемъ и допустить, чтобы снова вырылась бездна, встала глухая стѣна между нимъ и отцомъ.

Онъ молчалъ, потупивъ глаза, боясь увидѣть опять, вмѣсто родного лица, то другое, чуждое, страшное, какъ мертвая маска. Наконецъ, всталъ, подошелъ къ отцу и упалъ передъ нимъ на колѣни. Лизетта, спавшая въ ногахъ Петра на подушкѣ, проснулась, поднялась и отошла, уступивъ царевичу мѣсто. Онъ опустился на подушку. Лежать бы такъ вѣчно у ногъ отца, какъ собака, смотрѣть ему въ глаза и ждать ласки.

— Все скажу, батюшка, только прости всѣхъ, какъ меня простилъ! — поднялъ онъ взоръ съ безконечной мольбою.

Отецъ наклонился къ нему и положилъ ему руки на плечи, все съ тою же тихою ласкою.

— Слушай, Алеша. Какъ прощу, когда вины не знаю, ниже виновныхъ? За себя могу простить, не за отечество. Богъ сіе взыщетъ. Кто злымъ попускаетъ, самъ зло творитъ. Одно обѣщаю: кого назовешь, помилую, а чью вину скроешь, тѣмъ лютая казнь. Итакъ, не доносчикъ, но паче заступникъ будешь друзей своихъ. Говори же все, не бойся. Никого не обижу. Вмѣстѣ разсудимъ...

Алексѣй молчалъ. Петръ обнялъ, прижалъ къ себѣ его голову и тяжело вздохнувъ, прибавилъ:

— Ахъ, Алеша, Алеша, если бы видѣлъ ты сердце мое, зналъ скорбь мою! Тяжко мнѣ, тяжко, сынокъ!.. Никого не имѣю помощника. Все одинъ да одинъ. Всѣ враги, всѣ злодѣи. Пожалѣй хоть ты отца. Будь другомъ. Аль не хочешь, не любишь?..

— Люблю, люблю, батенька родненькій!..—прошепталъ царевичъ, съ тою же стыдливою нѣжностью, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, когда отецъ приходилъ къ нему ночью тайкомъ и бралъ его на руки, соннаго.—Все, все скажу, спрашивай!..

И разсказалъ все, назвалъ всѣхъ.

Но, когда кончилъ, Петръ ждалъ еще главнаго. Искалъ дѣла, а никакого дѣла не было; были только слова, слухи, сплетни—неуловимые призраки, за которые и ухватиться нельзя было для настоящаго розыска.

Царевичъ принималъ всю вину на себя и оправдывалъ всѣхъ.

— Я, пьяный, всегда виралъ всякія слова и ротъ имѣлъ незатворенный въ компаніяхъ, не могъ быть безъ противныхъ разговоровъ и такія слова съ надежи на людей бреживалъ.

— Кромѣ словъ, не было ль умысла къ дѣлу, возмущенью народному, или чтобъ силой учинить тебя наслѣдникомъ?

— Не было, батюшка, видитъ Богъ, не было! Все пустое.

— Знала ли мать о побѣгѣ твоемъ?

— Не знала, чай...

И подумавъ, прибавилъ:

— Подлинно о томъ не вѣдаю.

Вдругъ замолчалъ, потупивъ глаза. Вспомнились ему видѣнія, пророчества епископа ростовскаго Досиѳея и прочихъ старцевъ, которымъ вѣрила и радовалась мать, — о погибели Петербурга, о смерти Петра, о воцареніи сына. Скажетъ ли онъ о томъ? Предастъ ли мать? Сердце его сжалось тоскою смертною. Онъ почувствовалъ, что нельзя объ этомъ говорить. Да, вѣдь, батюшка и не спрашиваетъ. Что ему за дѣло? Такому ли, какъ онъ, бояться бабьихъ бреденъ?

— Все ли? Или еще что есть въ тебѣ? — спросилъ Петръ.

— Есть еще одно. Да какъ сказать не знаю. Страшно...

Онъ весь прижался къ отцу, спряталъ лицо на груди его.

— Говори. Легче будетъ. Объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди.

— Когда ты былъ боленъ, — шепнулъ ему царевичъ на ухо, — думалъ я, что умрешь, и радовался. Желалъ тебѣ смерти...

Петръ тихонько отстранилъ его, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и увидѣлъ въ нихъ то, чего никогда не видѣлъ въ глазахъ человѣческихъ.

— Думалъ ли съ кѣмъ о смерти моей?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ царевичъ съ такимъ ужасомъ въ лицѣ и въ голосѣ, что отецъ повѣрилъ.

Они молча смотрѣли другъ другу въ глаза одинаковымъ взоромъ. И въ этихъ лицахъ, столь разныхъ, было сходство. Они отражали и углубляли другъ друга, какъ зеркала, до безконечности.

Вдругъ царевичъ усмѣхнулся слабою усмѣшкою и сказалъ просто, но такимъ страннымъ, чуждымъ голосомъ, что казалось, что не онъ самъ, а кто-то другой, далекій, изъ него говоритъ.

— Я, вѣдь, знаю, батюшка: можетъ быть, и нельзя тебѣ простить меня. Такъ не надо. Казни, убей. Самъ я умру за тебя. Только люби, люби всегда! И пусть о томъ никто не вѣдаетъ. Только ты да я. Ты да я...

Отецъ ничего не отвѣтилъ и закрылъ лицо руками.

Царевичъ смотрѣлъ на него, какъ бы ждалъ чего-то.

Наконецъ, Петръ отнялъ руки отъ лица, опять наклонился къ сыну, обнялъ голову его обѣими руками, поцѣловалъ молча въ голову, и царевичу показалось, что первый разъ въ жизни онъ видитъ на глазахъ отца слезы. Алексѣй хотѣлъ еще что-то сказать. Но Петръ быстро всталъ и вышелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ явился къ царевичу новый духовникъ его, о. Варлаамъ.

По пріѣздѣ въ Москву, Алексѣй просилъ, чтобы допустили къ нему прежняго духовника его, о. Якова Игнатьева. Но ему отказали и назначили о. Варлаама. Это былъ старичекъ, по виду, „самый немудреный—сущая курочка“, какъ шутилъ о немъ Толстой. Но царевичъ и ему былъ радъ, только бы поскорѣй исповѣдаться. На исповѣди повторилъ все, что давеча сказалъ отцу. Прибавилъ и то, что скрылъ отъ него — о матери царицѣ Авдотьѣ, о теткѣ царевнѣ Марьѣ и дядѣ Авраамѣ Лопухинѣ — объ ихъ общемъ желаніи „скораго совершенія“, смерти батюшки.

— Надо бы отцу правду сказать, — замѣтилъ о. Варлаамъ и какъ-то вдругъ заспѣшилъ, засуетился.

Что-то промелькнуло между ними странное, жуткое, но такое мгновенное, что царевичъ не могъ дать себѣ отчета, было ли что-нибудь дѣйствительно, или ему только померещилось.

II

Черезъ день послѣ перваго свиданія Петра съ Алексѣемъ, утромъ въ понедѣльникъ 3 февраля 1718 г., велѣно было министрамъ, сенаторамъ, генераламъ, архіереямъ и прочимъ гражданскимъ и духовнымъ чинамъ собираться въ Столовую Палату, Аудіенцъ-залу стараго Кремлевскаго дворца, для выслушанія манифеста объ отрѣшеніи царевича отъ престола и для присяги новому наслѣднику Петру Петровичу.

Внутри Кремля, по всѣмъ площадямъ, дворцовымъ переходамъ и лѣстницамъ стояли батальоны преображенской лейбъ-гвардіи. Опасались бунта.

Въ Аудіенцъ-залѣ отъ старой Палаты оставались только живопись на потолкѣ — „звѣздотеченое движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и прочіе бѣги небесные“. Все остальное убранство было новое: голландскія тканыя шпалеры, хрустальные шандалы, прямоспинные стулья, узкія зеркала въ простѣнкахъ. Посерединѣ палаты, подъ краснымъ шелковымъ пологомъ, на возвышеніи съ тремя ступенями—царское мѣсто — золоченое кресло съ вышитымъ по алому бархату, золотымъ двуглавымъ орломъ и ключами св. Петра.

Изъ оконъ косые лучи солнца падали на бѣлые парики сенаторовъ и черные клобуки архіереевъ. На всѣхъ

лицахъ былъ страхъ и то жадное любопытство, которое бываетъ въ толпѣ во время казней. Застучалъ барабанъ. Толпа всколыхнулась, раздвинулась. Вошелъ царь и сѣлъ на тронъ.

Двое рослыхъ преображенцевъ, со шпагами нá-голо, ввели царевича, какъ арестанта.

Безъ парика и безъ шпаги, въ простомъ черномъ платьѣ, блѣдный, но спокойный и какъ будто задумчивый, онъ шелъ, не спѣша, опустивъ голову. Подойдя къ трону и увидѣвъ отца, улыбнулся тихою улыбкою, напоминавшею дѣда, царя Алексѣя Тишайшаго.

Длинный, узкій въ плечахъ, съ узкимъ лицомъ, обрамленнымъ жидкими косицами прямыхъ, гладкихъ волосъ, похожій не то на сельскаго дьячка, не то на иконописнаго Алексѣя Человѣка Божьяго, среди всѣхъ этихъ новыхъ петербургскихъ лицъ, казался онъ далекимъ, чуждымъ всему, какъ бы выходцемъ иного міра, призракомъ старой Москвы. И сквозь любопытство, сквозь страхъ во многихъ лицахъ промелкнула жалость къ этому призраку.

Остановился у трона, не зная, чтó дѣлать.

— На колѣнки, на колѣнки и говори, какъ заучено,— шепнулъ ему на ухо подбѣжавшій сзади Толстой.

Царевичъ опустился на колѣни и произнесъ громкимъ спокойнымъ голосомъ:

— Всемилостивѣйшій государь, батюшка! Понеже узнавъ свое согрѣшеніе передъ вами, яко родителемъ и государемъ своимъ, писалъ повинную и прислалъ изъ Неаполя,— такъ и нынѣ оную приношу, что я, забывъ должность сыновства и подданства, ушелъ и поддался подъ протекцію цесарскую и просилъ его о своемъ защищеніи. Въ чемъ прошу милостиваго прощенія и помилованія.

И не по чину церемоніи, а отъ всего сердца поклонился въ ноги отцу.

По знаку царя, вице-канцлеръ Шафировъ началъ читать манифестъ, который въ тотъ же день должны были прочесть на Красной площади народу.

— „Мы уповаемъ, что большей части вѣрныхъ подданыхъ нашихъ вѣдомо, съ какимъ прилежаніемъ и попеченіемъ мы сына своего перворождённаго Алексѣя воспитать тщились. Но все сіе радѣніе ничто пользовало, и сѣмя ученія на камени пало, понеже не токмо одному оному не слѣдовалъ, но и ненавидѣлъ, и ни къ воинскимъ, ни къ гражданскимъ дѣламъ никакой склонности не являлъ, упражняясь непрестанно въ обхожденіи съ непотребными и подлыми людьми, которыя грубыя и замерзѣлыя обыкности имѣли“.

Алексѣй почти не слушалъ. Онъ искалъ глазами глазъ отца. Но тотъ смотрѣлъ мимо него неподвижнымъ, непроницаемымъ взоромъ.

„Притворство, диссимуляція!—успокаивалъ себя царевичъ.—Теперь, хоть ругай, хоть бей—знаю, что любишь!“

— „И видя мы его упорность въ тѣхъ непотребныхъ поступкахъ, — продолжалъ читать Шафировъ, — объявили ему, что, ежели онъ впредь слѣдовать волѣ нашей не будетъ, то его лишимъ наслѣдства. И дали ему время на исправленіе. Но онъ, забывъ страхъ и заповѣди Божіи, которыя повелѣваютъ послушну быть и простымъ родителямъ, а не то что властелинамъ, заплатилъ намъ за столь многія вышеобъявленныя наши родительскія о немъ попеченія и радѣнія неслыханнымъ неблагодареніемъ. Ибо, когда по отъѣздѣ нашемъ для воинскихъ дѣйствъ въ Дацкую землю оставили его въ Санктпитербургѣ и потомъ писали къ нему, чтобы онъ былъ къ намъ въ Копенгагенъ для присутствія въ компаніи военной и лучшаго обученія, то онъ, сынъ нашъ, вмѣсто того, чтобъ къ намъ ѣхать, — забравъ съ собою деньги и нѣкую жонку, съ коей беззаконно свалялся, уѣхалъ и отдался подъ протекцію цесарскую. И объявляя многія на насъ, яко родителя своего и государя, неправедныя клеветы, просилъ цесаря, дабы его не токмо отъ насъ скрылъ, но и оборону свою вооруженною рукою далъ противъ насъ, аки нѣкакого ему непріятеля и мучителя, отъ котораго будто онъ чаетъ пострадать смерть. И какъ тѣмъ своимъ поступкомъ стыдъ и без-

честіе предъ всѣмъ свѣтомъ намъ и всему государству нашему учинилъ, то всякъ можетъ разсудить, ибо такого приклада и въ исторіяхъ сыскать трудно! И хотя онъ, сынъ нашъ, за всѣ сіи преступленія достоинъ смерти, но мы отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, прощаемъ его и отъ всякаго наказанія освобождаемъ. Однакожъ—"

Прерывая чтеніе, раздался глухой, сиповатый и грозный голосъ Петра, полный такимъ гнѣвомъ и скорбью, что вся церемонія какъ будто исчезла, и всѣ вдругъ поняли ужасъ того, что совершается:

— Не могу такого наслѣдника оставить, который бы растерялъ то, что чрезъ помощь Божію отецъ получилъ, и ниспровергъ бы славу и честь народа Россійскаго—къ тому же и боясь Суда Божія — вручить такое правленіе, знавъ непотребнаго къ тому! А ты...

Онъ посмотрѣлъ на царевича такъ, что у него сердце упало: ему показалось, что это уже не притворство.

— А ты помни: хотя и прощаю тебя, но ежели всей вины не объявишь и что́ укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй: за сіе пардонъ не въ пардонъ. Казненъ будешь смертью!

Алексѣй поднялъ было руки и весь потянулся къ отцу хотѣлъ что-то сказать, крикнуть—но тотъ уже опять смотрѣлъ мимо него неподвижнымъ непроницаемымъ взоромъ. По знаку царя, Шафировъ продолжалъ чтеніе:

— „И тако мы, сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданыхъ, властію отеческою и яко самодержавный государь, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола Всероссійскаго, хотя бъ ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось. И опредѣляемъ и объявляемъ помянутаго престола наслѣдникомъ другого сына нашего, Петра, хотя еще и малолѣтна суща, ибо иного возрастнаго наслѣдника не имѣемъ. И заклинаемъ сына нашего родительскою нашею клятвою, дабы того наслѣдства не искалъ. Желаемъ же отъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ и всего народа

Россійскаго, дабы по сему нашему изволенію и опредѣленію, сего отъ насъ назначеннаго въ наслѣдство наше сына нашего Петра за законнаго наслѣдника признавали и почитали, и на семъ обѣщаніемъ предъ святымъ алтаремъ, надъ святымъ Евангеліемъ и цѣлованіемъ Креста утвердили. Всѣхъ же тѣхъ, кто сему нашему изволенію въ которое нибудь время противны будутъ и сына нашего Алексѣя отнынѣ за наслѣдника почитать и ему въ томъ вспомогать станутъ, измѣнниками намъ и отечеству объявляемъ“.

Царь всталъ, сошелъ съ трона и велѣлъ присутствующимъ, не дожидаясь его, идти въ Успенскій соборъ для цѣлованія креста.

Когда всѣ, кромѣ Толстого, Шафирова и нѣсколькихъ другихъ ближайшихъ сановниковъ, двинулись къ выходу и зала опустѣла, Петръ сказалъ ему:

— Ступай!

Они вмѣстѣ прошли черезъ сѣни столовой въ Тайникъ Отвѣтной палаты, откуда въ старину московскіе цари, скрытые за тафтяными пологами, слушали совѣщанія посольскія. Это была маленькая комната, въ родѣ кельи, съ голыми стѣнами, со слюдянымъ оконцемъ, пропускавшимъ янтарно-желтый, какъ бы вѣчно-вечерній, свѣтъ. Въ углу, передъ образомъ Спасителя съ темнымъ ликомъ въ терновомъ вѣнцѣ и кроткимъ скорбнымъ взоромъ, теплилась неугасимая лампада. Петръ заперъ дверь и подошелъ къ сыну.

Опять, какъ тогда въ Неаполѣ, во время бреда, и намедни въ Преображенскомъ,—царевичъ весь дрожалъ непрерывною мелкою дрожью, точно въ сильномъ ознобѣ. Но все еще надѣялся: вотъ сейчасъ обниметъ, приласкаетъ, скажетъ, что любитъ—и всѣ эти страхи кончатся уже навсегда.

„Знаю, что любишь! Знаю, что любишь!“—твердилъ про себя, какъ заклятіе. Но все-таки сердце билось отъ ужаса.

Онъ опустилъ глаза и не смѣлъ ихъ поднять, чувствуя на себѣ тяжелый, пристальный взоръ отца. Оба молчали. Было очень тихо.

— Слышалъ ли, — произнесъ наконецъ Петръ, — что́ давеча передъ всѣмъ народомъ объявлено — ежели что укроешь, то смерть?

— Слышалъ, батюшка.

— И ничего донести не имѣешь къ тому, что третьяго дня объявилъ?

Царевичъ вспомнилъ о матери и опять почувствовалъ, что не предастъ ее, хотя бы ему грозила смерть сейчасъ-же.

— Ничего,—какъ будто не самъ онъ, а кто-то за него проговорилъ чуть слышно.

— Такъ ничего?—повторилъ Петръ.

Алексѣй молчалъ.

— Говори!..

У царевича въ глазахъ темнѣло, ноги подкашивались. Но опять, какъ будто не самъ онъ, а кто-то за него отвѣтилъ:

— Ничего.

— Лжешь! — крикнулъ Петръ, схвативъ его за плечо и сжавъ такъ, что казалось, раздробятся кости.—Лжешь! Утаилъ о матери, о теткѣ, о дядѣ, о Досиѳеѣ ростовскомъ, обо всемъ гнѣздѣ ихъ проклятомъ — корнѣ злодѣйскаго бунта!..

— Кто тебѣ сказалъ, батюшка? — пролепеталъ царевичъ и взглянулъ на него въ первый разъ.

— Аль не правда? — посмотрѣлъ ему отецъ прямо въ глаза.

Рука его все тяжелѣла, тяжелѣла. Вдругъ царевичъ зашатался, какъ тростинка, подъ этою тяжестью и упалъ къ ногамъ отца.

— Прости! Прости! Вѣдь, матушка! Родная мнѣ!..

Петръ склонился къ нему и занесъ кулаки надъ головой его съ матерней бранью.

Алексѣй протянулъ руки, какъ будто защищаясь отъ смертельнаго удара, поднялъ взоръ и увидѣлъ надъ собой въ такомъ же быстромъ, какъ намедни, но теперь уже обратномъ превращенiи оборотня, вмѣсто родного лица, то другое, чуждое, страшное, какъ мертвая маска—лицо звѣря.

Онъ слабо вскрикнулъ и закрылъ глаза руками.

Петръ повернулся, чтобы уйти. Но царевичъ, услышавъ это движенiе отца, бросился къ нему на колѣняхъ, ползкомъ, какъ собака, которую бьютъ, и которая все-таки молитъ прощенiя,—припалъ къ ногамъ его, обнялъ ихъ, ухватился за нихъ.

— Не уходи! Не уходи! Лучше убей!..

Петръ хотѣлъ оттолкнуть его, освободиться. Но Алексѣй держалъ его, не пускалъ, цѣплялся все крѣпче и крѣпче.

И отъ этихъ судорожно хватающихъ, цѣпляющихся рукъ пробѣгала по тѣлу Петра леденящая дрожь того омерзѣнiя, которое онъ чувствовалъ всю жизнь къ паукамъ, тараканамъ и всякимъ инымъ копошащимся гадамъ.

— Прочь, прочь, прочь! Убью!--кричалъ онъ въ ярости, смѣшанной съ ужасомъ.

Наконецъ, съ отчаяннымъ усилiемъ, стряхнулъ его, отшвырнулъ, ударилъ ногой по лицу.

Царевичъ, съ глухимъ стономъ, упалъ ничкомъ на полъ, какъ мертвый.

Петръ выбѣжалъ изъ комнаты, точно спасаясь отъ какого-то страшилища.

Когда онъ проходилъ мимо сановниковъ, ожидавшихъ его въ Столовой палатѣ, они поняли по лицу его, что случилось недоброе.

Онъ только крикнулъ:

— Въ соборъ.

И вышелъ.

Одни побѣжали за нимъ, другiе—въ томъ числѣ Толстой и Шафировъ—въ Тайникъ Отвѣтной къ царевичу.

Онъ лежалъ попрежнему ничкомъ на полу, какъ мертвый.

Стали поднимать его, приводить въ чувство. Члены не разгибались, какъ будто окоченѣли, сведенные судорогой. Но это не былъ обморокъ. Онъ дышалъ часто, глаза были открыты.

Наконецъ, подняли его, поставили на ноги. Хотѣли провести въ сосѣднюю комнату, чтобъ уложить на лавку.

Онъ оглядывался мутнымъ, словно невидящимъ, взоромъ и бормоталъ, какъ будто старался припомнить:

— Что такое?.. Что такое?..

— Небось, небось, родимый!—успокаивалъ Толстой.— Дурно тебѣ стало. Упалъ — должно быть, ушибся. До свадьбы заживетъ. Испей водицы. Сейчасъ дохтуръ придетъ.

— Что такое?.. Что такое?.. — повторялъ царевичъ безсмысленно.

— Не доложить ли государю? — шепнулъ Толстой Шафирову.

Царевичъ услышалъ, обернулся и вдругъ блѣдное лицо его побагровѣло. Онъ весь затрясся и началъ рвать на себѣ воротникъ рубашки, какъ будто задыхался.

— Какому государю?—въ одно и то же время заплакалъ и засмѣялся онъ такимъ дикимъ плачемъ и смѣхомъ, что всѣмъ стало жутко.

— Какому государю? Дураки, дураки! Да развѣ не видите?.. Это не онъ! Не государь и не батюшка мнѣ, а барабанщикъ, жидъ проклятый, Гришка Отрепьевъ, самозванецъ, оборотень! Осиновый колъ ему въ горло—и дѣлу конецъ!..

Прибѣжалъ лейбъ-медикъ Арескинъ.

Толстой, за спиной царевича, указалъ сперва на него, потомъ на свой лобъ: въ умѣ-де царевичъ мѣшается.

Арескинъ усадилъ больного въ кресло, пощупалъ ему пульсъ, далъ понюхать спирта, заставилъ выпить успокоительныхъ капель и хотѣлъ пустить кровь, но въ это время пришелъ посланный и объявилъ, что царь ждетъ въ соборѣ и требуетъ къ себѣ царевича немедленно.

— Доложи, что его высочеству не можется,—началъ было Толстой.

— Не надо, — остановилъ его царевичъ, какъ будто очнувшись отъ глубокаго сна.—Не надо. Я сейчасъ. Только отдохнуть минутку, и вина бы...

Подали венгерскаго. Онъ выпилъ съ жадностью. Арескинъ положилъ ему на голову полотенце, смоченное холодною водой съ уксусомъ.

Его оставили въ покоѣ. Всѣ отошли въ сторону, совѣщаясь, что̀ дѣлать.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Ну, теперь ничего. Прошло. Пойдемъ.

Ему помогли встать и повели подъ руки.

На свѣжемъ воздухѣ, при переходѣ изъ дворца въ соборъ, онъ почти совсѣмъ оправился.

Но все-же, когда проходилъ черезъ толпу, всѣ замѣтили его блѣдность.

На амвонѣ, передъ открытыми царскими вратами, ожидалъ новопоставленный архіерей Псковской, Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и евангеліемъ. Рядомъ стоялъ царь.

Алексѣй взошелъ на амвонъ, взялъ поданный Шафировымъ листъ и сталъ читать слабымъ, чуть внятнымъ голосомъ, — но было такъ тихо въ толпѣ, что слышалось каждое слово:

— „Я, нижеименованный, обѣщаю предъ святымъ Евангеліемъ, что, понеже я за преступленіе мое предъ родителемъ моимъ и государемъ лишенъ наслѣдства престола Россійскаго, того ради признаваю то̀ за праведно и клянусь всемогущимъ, въ Троицѣ славимымъ Богомъ и судомъ Его той воли родительской во всемъ повиноваться и наслѣдства того никогда не искать и не желать, и не принимать ни подъ какимъ предлогомъ. И признаваю за истиннаго наслѣдника брата моего, царевича Петра Петровича. И на томъ цѣлую святый крестъ и подписуюсь собственною моею рукою.“

Онъ поцѣловалъ крестъ и подписалъ отреченіе.

Въ это же самое время читали манифестъ народу.

III

Петръ черезъ Толстого передалъ сыну „вопросные пункты". Царевичъ долженъ былъ отвѣтить на нихъ письменно. Толстой совѣтовалъ ему не скрывать ничего, такъ какъ царь, будто бы, уже знаетъ все и требуетъ отъ него только подтвержденія.

— Отъ кого батюшка знаетъ? — спрашивалъ царевичъ.

Толстой долго не хотѣлъ говорить. Но, наконецъ, прочелъ ему указъ, пока еще тайный, но впослѣдствіи, при учрежденіи Духовной Коллегіи — Святѣйшаго Сvнода, объявленный:

„Ежели кто на исповѣди духовному отцу своему нѣкое злое и нераскаянное умышленіе на честь и здравіе государево, наипаче же измѣну или бунтъ объявить, то долженъ духовникъ донести вскорѣ о томъ, гдѣ надлежитъ, въ Преображенскій приказъ, или Тайную канцелярію. Ибо симъ объявленіемъ не порокуется исповѣдь и духовникъ не преступаетъ правилъ евангельскихъ, но еще исполняетъ ученіе Христово: обличи брата, аще же не послушаетъ, повѣждь церкви. Когда уже такъ о братнемъ согрѣшеніи Господь повелѣваетъ, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя умышленіи".

Выслушавъ указъ, царевичъ всталъ изъ-за стола — они разговаривали съ Толстымъ наединѣ за ужиномъ — и, точно такъ же какъ намедни во время припадка въ тайникѣ Отвѣтной палаты, блѣдное лицо его вдругъ побагровѣло. Онъ посмотрѣлъ на Толстого такъ, что тотъ испугался и подумалъ, что съ нимъ опять припадокъ. Но на этотъ разъ кончилось благополучно. Царевичъ успокоился и какъ будто задумался

Въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходилъ онъ изъ этой задумчивости. Когда съ нимъ заговаривали, глядѣлъ разсѣянно, какъ будто не совсѣмъ понималъ, о чемъ говорятъ, и весь какъ-то внезапно осунулся — сталъ какъ не живой, по слову Толстого. Написалъ, однако, точный отвѣтъ на вопросные пункты и подтвердилъ все, что сказалъ на исповѣди, хотя предчувствовалъ, что это безполезно, и что отецъ ничему не повѣритъ.

Алексѣй понялъ, что о. Варлаамъ нарушилъ тайну исповѣди, — и вспомнилъ слова св. Дмитрія Ростовскаго:

„Если бы какой государь или судъ гражданскій повелѣлъ и силой понуждалъ іерея открыть грѣхъ духовнаго сына и если бы мукой и смертью грозилъ, іерей долженъ умереть паче и мученическимъ вѣнцомъ вѣнчаться, нежели печать исповѣди отрѣшить“.

Вспомнились ему также слова одного расколничьяго старца, съ которымъ онъ бесѣдовалъ однажды въ глуши новгородскихъ лѣсовъ, гдѣ рубилъ сосну на скампавеи, по указу батюшки:

„Благодати Божьей нѣтъ нынѣ ни въ церквахъ, ни въ попахъ, ни въ таинствахъ, ни въ чтеніи, ни въ пѣніи, ни въ иконахъ и ни въ какой вещи, — все взято на небо. Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ. Знаешь ли, чему подобенъ агнецъ вашего причастія? Разумѣй, что̀ говорю: подобенъ псу мертву, поверженну на стогнахъ града. Какъ причастился,—только и житья тому человѣку — умеръ бѣдный! Таково-то причастіе ваше емко, что мышьякъ аль сулема—во вся кости и мозги пробѣжитъ скоро, до самой души лукавой промчитъ—отдыхай-ка послѣ въ геенѣ огненной да въ пеклѣ горящемъ стони, яко Каинъ, необратный грѣшникъ!“

Слова эти, которыя тогда казались царевичу пустыми, теперь пріобрѣли вдругъ страшную силу. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, если мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святомъ — церковь отъ Христа отступила, и антихристъ въ ней царствуетъ?

Но кто же антихристъ?

Тутъ начинался бредъ.

Образъ отца двоился: какъ бы въ мгновенномъ превращенiи оборотня, царевичъ видѣлъ два лица — одно доброе, милое, лицо родимаго батюшки, другое—чуждое, страшное, какъ мертвая маска — лицо звѣря. И всего страшнѣе было то, что не зналъ онъ, какое изъ этихъ двухъ лицъ настоящее—отца, или звѣря? Отецъ ли становится звѣремъ, или звѣрь отцомъ? И такой ужасъ овладѣлъ имъ, что ему казалось, онъ сходитъ съ ума.

Въ это время въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа шелъ розыскъ.

На слѣдующiй день послѣ объявленiя манифеста, 4-го февраля, поскакали курьеры въ Петербургъ и Суздаль, съ повелѣнiемъ привезти въ Москву всѣхъ, на кого донесъ царевичъ.

Въ Петербургѣ схватили Александра Кикина, царевичева камердинера Ивана Афанасьева, учителя Никифора Вяземскаго и многихъ другихъ.

Кикинъ, по дорогѣ въ Москву, пытался задушить себя кандалами, но ему помѣшали.

На допросѣ подъ пыткою онъ показалъ на князя Василiя Долгорукаго, какъ на главнаго совѣтника Алексѣя.

„Взятъ я изъ С.-Питербурха нечаянно, — разсказывалъ впослѣдствiи самъ князь Василiй и повезенъ въ Москву окованъ, отъ чего былъ въ великой десперацiи и безпамятствѣ, и привезенъ въ Преображенское и отданъ подъ крѣпкiй арестъ, и потомъ приведенъ на Генеральный дворъ предъ царское величество, и былъ въ томъ же страхѣ видя, что слова, написанныя на меня царевичемъ, приняты за великую противность“.

За князя Василiя заступился родственникъ его, князь Яковъ Долгорукiй.

„Помилуй, государь,—писалъ онъ царю.—Да не снидемъ въ старости нашей во гробъ съ именемъ рода злодѣевъ, которое можетъ не токмо отнять доброе имя, но и

безвременно вервь живота пресѣчь. И паки вопію: помилуй, помилуй, премилосердый!“

Тѣнь подозрѣнія пала и на самого князя Якова. Кикинъ показалъ, что Долгорукій совѣтовалъ царевичу не ѣздить къ отцу въ Копенгагенъ.

Петръ не тронулъ старика, но пригрозилъ ему такъ, что князь Яковъ счелъ нужнымъ напомнить царю свою прежнюю вѣрную службу: „за что мнѣ нынѣ въ воздаяніе обѣщана, какъ я слышу, лютая на колѣ смерть“, заключалъ онъ съ горечью.

Еще разъ почувствовалъ Петръ свое одиночество. Ежели и праведный князь Яковъ — измѣнникъ, то кому же вѣрить?

Капитанъ-поручикъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ привезъ въ Москву изъ Суздаля бывшую царицу Авдотью, инокиню Елену. Она писала съ дороги царю:

„Всемилостивѣйшій государь!

„Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ, не помню, по обѣщанію своему, пострижена я въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ въ старицы, и наречено мнѣ имя Елена. И по постриженіи, въ иноческомъ платьѣ ходила съ полгода; и не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинувъ платье, жила въ томъ монастырѣ скрытно, подъ видомъ иночества, мірянкою. И то мое скрытье объявилось чрезъ Григорья Писарева. И нынѣ я надѣюсь на человѣколюбныя вашего величества щедроты. Припадая къ ногамъ вашимъ, прошу милосердія, того моего преступленія о прощеніи, чтобъ мнѣ безгодною смертью не умереть. А я обѣщаюся по прежнему быть инокою и пребыть во иночествѣ до смерти своея и буду молить Бога за тебя, государя.

„Вашего величества нижайшая раба

бывшая жена ваша Авдотья“.

Того же монастыря старица-казначея Маремьяна показала:

— Мы не смѣли говорить царицѣ, для чего платье сняла? Она многажды говаривала: „все-де наше, государево;

и государь за мать свою что воздалъ стрѣльцамъ, вѣдь вы знаете; а и сынъ мой изъ пеленокъ вывалялся!“ Да какъ былъ въ Суздалѣ для набора солдатъ маіоръ Степанъ Глѣбовъ, царица его къ себѣ въ келью пускала; запершися говаривали между собою, а меня отсылали тѣлогрѣіі кроить въ свою келью, и давъ гривну, велятъ идтить молебны пѣть. И какъ являлъ себя Глѣбовъ дерзновенно, то я ему говаривала: „что ты ломаешься? народы знаютъ!“ И царица меня за то бранила: „чортъ тебя спрашиваетъ? Ужъ ты и за мною примѣчать стала“. И другіе мнѣ говорили: „что ты царицу прогнѣвала?“ Да онъ же, Степанъ, хаживалъ къ ней по ночамъ, о чемъ сказывали мнѣ дневальный слуга, да карлица Агафья: „мимо насъ Глѣбовъ проходитъ, а мы не смѣемъ и тронуться“.

Старица Каптелина призналась:

— Къ ней, царицѣ-старицѣ Еленѣ, ѣзживалъ по вечерамъ Глѣбовъ и съ нею цѣловался и обнимался. Я тогда выхаживала вонъ. Письма любовныя отъ Глѣбова я принимала.

Самъ Глѣбовъ показалъ кратко:

— Сшелся я съ нею, бывшею царицею, въ любовь и жилъ съ нею блудно.

Во всемъ остальномъ заперся. Его пытали страшно: сѣкли, жгли, морозили, ломали ребра, рвали тѣло клещами, сажали на доску, убитую гвоздями, водили босого по деревяннымъ кольямъ, такъ что ноги начали гнить. Но онъ перенесъ всѣ муки и никого не выдалъ, ни въ чемъ не признался.

Бывшая царица показала: „Февраля въ 21 день я, старица Елена, привожена на Генеральный дворъ и со Степаномъ Глѣбовымъ на очной ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила, и въ томъ я виновата. Писала своею рукою— Елена“.

Это признаніе царь намѣренъ былъ впослѣдствіи объявить въ манифестѣ народу.

Царица показала также:

— Монашеское платье скинула потому, что епископъ Досиѳей пророчествовалъ, говорилъ о гласахъ отъ образовъ и о многихъ видѣніяхъ, что будетъ гнѣвъ Божій и смущеніе въ народѣ, и государь скоро умретъ, и она-де, царица, впредь царствовать будетъ, вмѣстѣ съ царевичемъ.

Схватили Досиѳея, обнажили отъ архіерейскаго сана соборне и назвали разстригою Демидомъ.

— Только я одинъ въ семъ дѣлѣ попался,—говорилъ Досиѳей на соборѣ. — Посмотрите и у всѣхъ что́ на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ — что́ говорятъ!

Разстрига Демидъ въ застѣнкѣ подыманъ и спрашиванъ: „для чего желалъ царскому величеству смерти?“ — „Желалъ для того, чтобъ царевичу Алексѣю Петровичу на царствѣ быть, и было бы народу легче, и строеніе С.-Питербурха умалилось бы и престало“, отвѣчалъ Демидъ.

Онъ донесъ на брата царицы, дядю царевича, Авраама Лопухина. Его тоже схватили и пытали на очной ставкѣ съ Демидовъ. Лопухину дано 15 ударовъ, Демиду 19. Оба признались, что желали смерти государю и воцаренія царевичу.

Показалъ Демидъ и на царевну Марью, сестру государя.

— Царевна говорила: „Когда государя не будетъ, я-де царевичу рада о народѣ помогать, сколько силы будетъ, и управлять государство“. Да она же говорила: „Для чего вы, архіереи, за то не стоите, что государь отъ живой жены на другой женился? Или бы-де взялъ бывшую царицу и съ нею жилъ, или бы умеръ!“ И когда, по присягѣ Петру Петровичу, онъ, разстрига Демидъ, пріѣхалъ, изъ собора къ ней, царевнѣ Марьѣ, она говорила: „Напрасно-де государь такъ учинилъ, что большаго сына отставилъ, а меньшаго произвелъ; онъ только двухъ лѣтъ, а тотъ уже въ возрастѣ“.

Царевна заперлась; но когда ее привели въ застѣнокъ на очную ставку съ Демидомъ, созналась во всемъ.

Розыскъ длился болѣе мѣсяца. Почти каждый день присутствовалъ Петръ въ застѣнкахъ, слѣдилъ за пытками, иногда самъ пыталъ. Но, несмотря на всѣ усилія, не нахо-

дилъ главнаго, чего искалъ—настоящаго дѣла, „корня злодѣйскаго бунта". Какъ въ показаніяхъ царевича, такъ и всѣхъ прочихъ свидѣтелей, никакого дѣла не было, а были только слова, слухи, сплетни, бредъ кликушъ, юродивыхъ, шушуканье полоумныхъ стариковъ и старухъ по монастырскимъ угламъ.

Иногда онъ смутно чувствовалъ, что лучше бы все это бросить, плюнуть на все, презрѣть — простить. Но уже не могъ остановиться и предвидѣлъ, что одинъ конецъ всему — смерть сына.

Все это время царевичъ жилъ подъ карауломъ во дворцѣ Преображенскомъ, рядомъ съ Генеральнымъ дворомъ и застѣнками. Днемъ и ночью слышались, или чудились ему вопли пытаемыхъ. Постоянно водили его на очныя ставки. Ужаснѣе всего была встрѣча съ матерью. До царевича дошли слухи, будто бы отецъ собственноручно сѣкъ ее кнутомъ.

Почти каждый день къ вечеру Алексѣй былъ пьянъ до безчувствія. Лейбъ-медикъ Арескинъ предсказывалъ ему бѣлую горячку. Но, когда переставалъ онъ пить, на него нападала такая тоска, что нельзя было вынести, и онъ опять спѣшилъ напиться. Арескинъ предупреждалъ и государя о болѣзни, грозящей царевичу. Но Петръ отвѣтилъ:

— Сопьется, околѣетъ — туда ему и дорога. Собакѣ собачья смерть!

Впрочемъ, въ послѣднее время и водка уже не давала царевичу забвенія, а лишь замѣняла страшную дѣйствительность еще болѣе страшными снами. Не только ночью во снѣ, но и наяву, среди бѣлаго дня, мучили видѣнія. Онъ жилъ двумя жизнями—дѣйствительной и призрачной; и онѣ перемежались, перепутывались такъ, что не умѣлъ онъ отличить одну отъ другой, не зналъ, что̀ было во снѣ, что̀ наяву.

То снилось ему, будто бы въ застѣнкѣ отецъ сѣчетъ мать; онъ слышитъ свистъ кнута въ воздухѣ и гнусное, какъ будто мокрое, шлепаніе ударовъ по голому тѣлу; ви-

дитъ, какъ ложатся, одна за другой, темнобагровыя полосы на это блѣдное-блѣдное тѣло; и отвѣчая на страшный крикъ матери еще болѣе страшнымъ крикомъ, падаетъ мертвый.

То, будто бы, рѣшивъ отомстить отцу за мать, за себя и за всѣхъ, просыпается ночью въ постели, достаетъ изъ-подъ подушки бритву, встаетъ въ одной рубахѣ, крадется по темнымъ переходамъ дворца; перешагнувъ черезъ спящаго на порогѣ деньщика, входитъ въ спальню отца, наклоняется надъ нимъ, нащупываетъ горло и рѣжетъ, и чувствуетъ, что кровь у него холодная, какъ сукровица мертвыхъ тѣлъ; въ ужасѣ бросаетъ недорѣзаннаго и бѣжитъ безъ оглядки.

То, будто бы, вспомнивъ слова Писанія объ Іудѣ Предателѣ: *пошелъ и удавился*, — пробирается въ чуланъ подъ лѣстницей, гдѣ сваленъ всякій хламъ, становится на сломанный трехногій стулъ, подперевъ его опрокинутымъ ящикомъ, снимаетъ съ крюка на потолкѣ веревку, на которой виситъ фонарь, дѣлаетъ петлю, накидываетъ ее на шею и передъ тѣмъ, чтобы оттолкнуть ногою стулъ, хочетъ перекреститься, но не можетъ, рука не подымается — и вдругъ, откуда ни возьмись, большой черный котъ прыгаетъ ему подъ ноги, ластится, трется, мурлычитъ, выгибаетъ спину; и, вставъ на заднія лапы, переднія кладетъ ему на плечи — и это уже не котъ, а исполинскій звѣрь. И царевичъ узнаетъ въ звѣриной мордѣ лицо человѣчье — широкоскулое, пучеглазое, съ усами торчкомъ, какъ у „Кота-котабрыса". И хочетъ вырваться изъ лапъ его. Но звѣрь, поваливъ его, играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью, то схватитъ, то выпуститъ и ласкаетъ, и царапаетъ. И вдругъ впивается когтями въ сердце. И онъ узнаетъ того, о комъ сказано: „Поклонились Звѣрю, говоря: кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?"

IV

Въ Воскресеніе Православія, 2 марта, совершалъ богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ новопоставленный архіерей Псковской, Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Въ соборъ пускали только знатныхъ и чиновныхъ лицъ.

У одного изъ четырехъ исполинскихъ столбовъ, поддерживавшихъ сводъ, покрытыхъ иконописными темными ликами по тусклому золоту, подъ шатровой сѣнью, гдѣ молились древніе московскіе цари, стоялъ Петръ. Рядомъ съ нимъ Алѣксѣй.

Глядя на Ѳеофана, царевичъ вспомнилъ то, что слышалъ о немъ.

Ѳеофанъ замѣнилъ Ѳедоску, главнаго администратора дѣлъ духовыхъ, который устарѣлъ и въ послѣднее время все чаще впадалъ въ „меланколію“. Это онъ, Ѳеофанъ, сочинилъ указъ, повелѣвавшій доносить о преступленіяхъ государственныхъ, открытыхъ на исповѣди. Онъ же составлялъ Духовный Регламентъ, по коему имѣлъ учрежденъ бытъ Святѣйшій Сѵнодъ.

Царевичъ съ любопытствомъ вглядывался въ новаго архіерея.

Родомъ *черкасъ* — малороссъ, лѣтъ тридцати восьми, полнокровный, съ лоснящимся лицомъ, лоснящейся черной бородой и большими лоснящимися черными усами, онъ походилъ на огромнаго жука. Усмѣхаясь, шевелилъ усами, какъ жукъ. По одной этой усмѣшкѣ видно было, что онъ любитъ скоромныя латинскія шуточки—фацетіи Поджіо не менѣе, чѣмъ жирныя галушки, и острую діалектику не менѣе, чѣмъ добрую горилку. Несмотря на святительскую важность,

въ каждой черточкѣ лица его такъ и дрожало, такъ и бѣгало, какъ живчикъ, что-то слишкомъ веселое, точно пьяное: онъ былъ пьянъ собственнымъ умомъ своимъ, этотъ румянорожій Силэнъ въ архіерейской рясѣ. „О, главо, главо, разума упившись, куда ся преклонешь?“ говаривалъ въ минуты откровенности.

И царевичъ дивился удивленіемъ великимъ, какъ сказано въ Апокалипсисѣ, думая о томъ, что этотъ бродяга, бѣглый уніатъ, римскаго костела присягатель, ученикъ сперва іезуитовъ, а потомъ протестантовъ и безбожныхъ философовъ, можетъ быть, и самъ, безбожникъ сочиняетъ Духовный Регламентъ, отъ котораго зависятъ судьбы русской церкви.

По возглашеніи соборнымъ протодіакономъ обычной въ Воскресеніе Православія анаѳемы всѣмъ еретикамъ и отступникамъ, отъ Арія до Гришки Отрепьева и Мазепы, архіерей взошелъ на амвонъ и сказалъ слово *О власти и чести царской*.

Въ словѣ этомъ доказывалось то, что должно было сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ Святѣйшаго Сѵнода: государь глава церкви.

— Вопіетъ учитель народовъ, апостолъ Павелъ: *нѣсть бо власть аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется.* Дивная воистину вещь! Сказалъ бы, что отъ самихъ государей посланъ былъ Павелъ на проповѣдь, такъ прилежно увѣщеваетъ, какъ бы молотомъ толчетъ, тоже паки и паки повторяетъ: отъ Бога, отъ Бога власть. Молю всякаго разсудить: что бы могъ сказать больше самый вѣрный министръ царскій? Приложимъ же еще ученію сему, какъ бы вѣнецъ, имена и титлы властямъ высокимъ приличныя, которыя паче украшаютъ царей, нежели порфиры и діадимы. Какія же титлы? какія имена? *Богами* и *Христами* самодержцы нарицаются. За власть отъ Бога данную *богами*, сіесть, намѣстниками Божіими на землѣ наречены. Другое же имя—*Христосъ*, сіесть, *Помазанный,*—

глаголется отъ древней оной церемоніи, когда елеемъ помазаны были цари. И апостолъ Павелъ говоритъ: *раби, послушайте господій своихъ, якоже и Христа.* Се, господъ со Христомъ равняетъ апостолъ. Но что весьма удивляетъ насъ и какъ бы адамантовою бронею истину сію утверждаетъ,—того преминуть не можемъ: не только добрымъ, но и злымъ и невѣрнымъ, и нечестивымъ властямъ повиноваться велитъ Писаніе. Вѣдомо всякому апостола Петра слово: *Бога бойтеся, Царя чтите. Раби, повинуйтеся во всякомъ страхѣ владыкамъ, не точію благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.* И Давидъ пророкъ, самъ царь, царя Саула, отъ Бога отверженнаго, нечестиваго, *Христомъ Господнимъ* нарицаетъ. *Яко,* рѣче, *Христосъ Господень есть.* Но, скажешь: каковъ ни былъ Саулъ, однако, явнымъ повелѣніемъ Божіимъ на царство помазанъ, и того ради той чести сподобился. Добро! Но скажи: кто былъ Киръ Персидскій, кто Навуходоносоръ Вавилонскій? Однако же, нарицаетъ ихъ самъ Богъ у пророковъ помазанниками Своими, сирѣчь, по слову Давидову, *Христами Господними.* Кто Неронъ, римскій кесарь? Однако же, учитъ апостолъ Петръ повиноваться и ему, лютому христіанъ мучителю, яко Помазаннику, *Христу Господню.* Остается единое сумнительство: что не всѣ-де люди сею должностью повиновенія царямъ обязаны суть, но нѣкіе выключаются, именно священство и монашество. Се тернъ, или паче жало, но жало змѣино! Папежскій се духъ! Ибо священство иной чинъ есть въ народѣ, а не иное царство. И какъ одно дѣло — воинству, другое — гражданству, и врачамъ и купцамъ, и мастерамъ различнымъ, такъ и пастыри, и всѣ духовные имѣютъ собственное дѣло свое—быть служителями Божіими, однако же, покорены суть властямъ державнымъ. Въ церкви ветхозавѣтной Левиты царямъ израильскимъ подчинены были во всемъ. Если же такъ въ Ветхомъ, почто и не въ Новомъ завѣтѣ? Ибо законъ о властяхъ непремѣнный и вѣчный, съ пребываніемъ міра сего пребывающій.

И, наконецъ, выводъ:

-- Всѣ люди Россійскаго царства, не только мірскіе, но и духовные, да имѣютъ имя самодержца своего, благочестивѣйшаго государя Петра Алексѣевича, яко главы своей и отца отечества, и Христа Господня!

Послѣднія слова произнесъ онъ громкимъ голосомъ, глядя прямо въ лицо государю и поднявъ правую руку къ своду собора, гдѣ на тускломъ золотѣ темнѣлъ Ликъ Христа.

И опять царевичъ дивился удивленіемъ великимъ.

Ежели, думалъ онъ, всѣ цари, даже отступники отъ Бога, суть Христы Господни, то кто-же послѣдній и величайшій изъ нихъ, грядущій царь земли—Антихристъ?

Кощунство это произносилось архіереемъ православной церкви въ древнѣйшемъ соборѣ Москвы, передъ царемъ и народомъ. Казалось бы, земля должна, раскрывшись, поглотить богохульника, или попалить его огонь небесный.

Но все было спокойно. За косыми снопами лучей, за голубыми волнами дыма кадильнаго, въ глубинѣ свода, исполинскій Ликъ Христовъ какъ будто возносился отъ земли, недосягаемый.

Царевичъ взглянулъ на отца. Онъ былъ тоже спокоенъ и слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Поощренный этимъ вниманіемъ, Ѳеофанъ заключилъ торжественно:

Благодушествуй, Россія! Величься, хвалися! Да взыграютъ всѣ предѣлы и грады твои: се бо на твоемъ оризонтѣ, аки свѣтозарное солнце, восходитъ пресвѣтлѣйшаго сына царева, трехлѣтняго младенца, Богомъ избраннаго наслѣдника, Петра Петровича, слава! Да здравствуетъ всерадостно, да царствуетъ благополучно Петръ Вторый, Петръ Благословенный! Аминь.

Когда Ѳеофанъ умолкъ, изъ толпы раздался голосъ, негромкій, но внятный:

— Боже, спаси, сохрани и помилуй единаго истиннаго наслѣдника престола всероссійскаго, благочестивѣйшаго государя царевича Алексѣя Петровича!

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, дрогнула и замерла отъ ужаса. Потомъ зашумѣла, заволновалась:

— Кто это? Кто это?

— Полоумный, что ль?

— Кликуша, чай, бѣсноватый.

— Чего караульные смотрятъ? Какъ впустили?

— Схватить бы скорѣй, а то уйдетъ — въ толпѣ не сыщешь...

Въ дальнихъ концахъ собора, гдѣ ничего не было видно и слышно, распространялись нелѣпые слухи:

— Бунтъ! Бунтъ!

— Пожаръ! Въ алтарѣ загорѣлось!

— Съ ножемъ человѣка поймали: царя убить хотѣлъ!

И тревога все увеличивалась.

Не обращая на нее вниманія, Петръ подошелъ къ архіерею, приложился ко кресту и, вернувшись на прежнее мѣсто, велѣлъ привести къ себѣ человѣка, кричавшаго „слова неистовыя“.

Капитанъ Скорняковъ-Писаревъ и два караульные сержанта подвели къ царю маленькаго худенькаго старичка.

Старичокъ подалъ царю бумагу—печатный листъ присяги новому наслѣднику. Внизу, на мѣстѣ, оставленномъ для подписи, что-то было написано тѣснымъ крючковатымъ приказнымъ почеркомъ.

Петръ взглянулъ на бумагу, потомъ опять на старичка и спросилъ:

— Ты кто?

— Артиллерійскаго приказа бывшій подъячій Ларивонъ Докукинъ.

Стоявшій рядомъ царевичъ посмотрѣлъ на него и узналъ тотчасъ: это былъ тотъ самый Докукинъ, котораго весною 1715 года встрѣтилъ онъ въ Петербургѣ, въ Симеоновской церкви, и который потомъ въ день праздника Венусъ въ Лѣтнемъ саду приходилъ къ нему на домъ.

Онъ былъ все тотъ же: обыкновенный подъячій изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ чернильными душами, приказными

строками — весь жесткій, точно окаменѣлый, и тусклый, сѣрый, какъ тѣ бумаги, надъ которыми корпѣлъ онъ въ своемъ приказѣ лѣтъ тридцать, пока не выгнали его по фискальному доношенію о взяткахъ. Только въ самой глубинѣ глазъ свѣтилась, такъ же какъ тогда, три года назадъ, неподвижная мысль.

Докукинъ тоже взглянулъ на царевича украдкою, и что-то промелькнуло въ жесткихъ чертахъ старика, что вдругъ напомнило Алексѣю, какъ Докукинъ молилъ его порадѣть за вѣру христіанскую, и плакалъ, и обнималъ ему ноги, и называлъ его надеждою россійскою.

— Присягать не хочешь? — проговорилъ Петръ спокойно, какъ будто съ удивленіемъ.

Докукинъ, глядя царю прямо въ глаза, тѣмъ же какъ давеча голосомъ, негромкимъ, но внятнымъ, такъ что слышно было по всему собору, повторилъ наизусть то, что написано было его рукой на печатномъ листѣ:

— „За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ престола всероссійскаго единаго истиннаго наслѣдника, Богомъ хранимаго государя Алексѣя Петровича не присягаю и на томъ пресвятымъ Евангеліемъ не клянусь, и животворящаго Креста не цѣлую, и наслѣдника царевича Петра Петровича за истиннаго не признаваю. Хотя за то и царскій гнѣвъ на мя произліется, буди въ томъ воля Господа Бога моего, Іисуса Христа. Аминь, аминь, аминь“.

Петръ посмотрѣлъ на него еще съ большимъ удивленіемъ.

— А знаешь ли, что за такую противность волѣ нашей—смерть?

— Знаю, государь. Съ тѣмъ и пришелъ, чтобы пострадать за слово Христово, — отвѣтилъ Докукинъ просто.

— Ну, храбрый же ты, старикъ. Да погоди, то ли ужо запоешь, какъ вздерну на дыбу!..

Докукинъ молча поднялъ руку и перекрестился широкимъ крестомъ.

— Слышалъ ли—продолжалъ царь,—что архіерей го-

ворилъ о повиновенiи властямъ предержащимъ? *Нѣсть бо власть аще не отъ Бога...*

— Слышалъ, государь. Отъ Бога всякая власть, а что не отъ Бога, то и не власть. Называть же царей нечестивѣйшихъ, антихристовъ Христами Господними не подобаетъ, и за такое слово языкъ бы вырвать изрекшему!

— Да ты и меня, что ль, почитаешь антихристомъ? — спросилъ Петръ съ едва уловимою печальною и почти доброю усмѣшкою.—Говори правду!

Старикъ потупился было, но тотчасъ же поднялъ взоръ и опять посмотрѣлъ царю прямо въ глаза.

— Благочестивѣйшимъ православнымъ царемъ и самодержцемъ всероссiйскимъ, помазанникомъ Божьимъ тебя почитаю,—произнесъ онъ твердо.

— А коли такъ, слушался бы воли нашей да молчалъ бы.

— Царь-государь, ваше величество! Инъ и хотѣлъ бы молчать, да не возможное дѣло — горитъ во утробѣ моей, яко пламя палитъ, понеже совѣсть нудитъ—претерпѣтъ не могу... Ежели намъ умолчать, то камни возопiютъ!

Онъ упалъ къ ногамъ царя.

— Государь, Петръ Алексѣевичъ, батюшка, послушай насъ, бѣдныхъ, вопiющихъ къ тебѣ! Преложить или премѣнить ничего мы не смѣемъ, но какъ родители твои и прародители, и святѣйшiе патрiархи спасалися, такъ и мы хотимъ спастися и горняго Iерусалима достигнуть. Бога ради истиннаго, взыщи истины! Крови ради Христовой, взыщи истины! Своего ради спасенiя, взыщи истины! Умири церковь святую, матерь твою. Разсуди насъ безъ гнѣва и ярости. Помилуй народъ свой, помилуй царевича!..

Петръ слушалъ сперва со вниманiемъ и даже съ любопытствомъ, какъ будто стараясь понять. Но потомъ отвернулся, пожимая плечами со скукой.

— Ну, будетъ. Не переслушаешь тебя, старикъ. Мало я, видно, васъ, дураковъ, казнилъ да вѣшалъ. И чего вы лѣзете? Какого вамъ рожна? Аль думаете, меньше вашего

я церковь Божью чту и во Христа, Спасителя моего, вѣрую? И кто поставилъ васъ, рабовъ, судить между царемъ и Богомъ? Какъ дерзаете?..

Докукинъ всталъ и поднялъ взоръ къ темному Лику въ сводѣ собора. Упавшій оттуда лучъ солнца окружилъ сіяющимъ вѣнцомъ сѣдую голову.

— Какъ дерзаемъ, царь?—воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ.—Слушай, ваше величество! Божественное писаніе глаголетъ: что̀ есть человѣкъ, что помнишь его, Господи, или сынъ человѣческій, что посѣщаешь его? Умалилъ его малымъ чѣмъ отъ англеловъ, славою и честью вѣнчалъ его, поставилъ надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все покорилъ ему подъ ноги его. И самовластну повелѣно человѣку быть!..

Медленно, какъ будто съ усиліемъ, Петръ отвелъ глаза отъ глазъ Докукина,—уходя, повернулся къ стоявшему рядомъ Толстому и произнесъ:

— Взять въ приказъ, держать за крѣпкимъ карауломъ до розыску.

Старика схватили. Онъ отбивался и кричалъ, все еще порываясь что-то сказать. Его связали, подняли на руки и понесли.

— О таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаевайтесь!—продолжалъ онъ кричать, глядя на царевича.—Потерпите, мало еще потерпите, Господа ради! Онъ же грядетъ, не умедлитъ. Ей, гряди, Господи Іисусе! Аминь.

Царевичъ смотрѣлъ и слушалъ, весь блѣдный, дрожащій.

„Вотъ какъ нужно, вотъ какъ нужно!“ — думалъ онъ, словно только теперь вдругъ понялъ всю свою жизнь, и точно все перевернулось, опрокинулось въ душѣ его: то, что было тяжестью, сдѣлалось крыльями. Онъ зналъ, что опять впадетъ въ слабость, уныніе, отчаяніе; но также зналъ, что не забудетъ того, что понялъ.

И онъ, какъ Докукинъ, поднялъ взоръ къ темному Лику въ сводѣ собора. И почудилось ему, что въ косыхъ,

лучахъ солнца, въ голубыхъ волнахъ дыма кадильнаго этотъ исполинскій Ликъ движется, но уже не уходитъ прочь отъ земли, какъ давеча, а спускается, сходитъ съ неба на землю, и что это самъ Господь грядетъ.

И съ радостью, подобной ужасу, повторялъ онъ:

— Ей, гряди, Господи Іисусе! Аминь.

V

Московскій розыскъ оконченъ былъ къ 15 марта. Приговоромъ царя и министровъ на Генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ рѣшена участь обвиняемыхъ.

Царицу-инокиню Елену отправить въ Старую Ладогу въ дѣвичій монастырь, а царевну Марью въ Шлиссельбургъ; держать обѣихъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Авраама Лопухина — въ С.-Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость до новаго розыска. Прочихъ казнить.

Въ тотъ же день утромъ на Красной площади, у Лобнаго мѣста, начались казни. Наканунѣ желѣзныя спицы, на которыхъ торчали въ теченіе двадцати лѣтъ головы стрѣльцовъ, обезглавленныхъ въ 1698 году, очистили, для того чтобы воткнуть новыя головы.

Степана Глѣбова посадили на колъ. Желѣзный колъ черезъ затылокъ вышелъ наружу. Внизу была дощечка для сидѣнья. Чтобъ не замерзъ и мучился долѣе, на него надѣли мѣховое платье и шапку. Три духовника сторожили по очереди днемъ и ночью, не откроетъ ли онъ чего-нибудь передъ смертью. „И съ того времени,—доносилъ одинъ изъ нихъ,—какъ посаженъ Степка на колъ, никакого покаянія имъ, учителямъ, не принесъ; только просилъ въ ночи тайно чрезъ іеромонаха Маркелла, чтобы онъ сподобилъ его св. Таинъ, какъ бы онъ могъ принести къ нему какимъ обра-

зомъ тайно; и въ томъ душу свою испровергъ, марта противъ 16 числа, по полуноци въ 8 часу, во второй четверти".

Архіерея ростовскаго, разстригу Демида колесовали. Разсказывали, будто бы секретарь, которому поручена была казнь, ошибся: вмѣсто того, чтобы отрубить голову, а трупъ сжечь, колесовалъ архіерея.

Кикина также колесовали. Мученія его были медленны, съ промежутками: ломали руки и ноги, одну за другою; пытка длилась болѣе сутокъ. Жесточайшее страданіе было отъ того, что туго привязанный къ колесу, не могъ онъ пошевелиться ни однимъ членомъ, только стоналъ и охалъ, умоляя о смерти. Разсказывали также, будто бы на другой день царь, проѣзжая мимо Кикина, наклонился къ нему и сказалъ: „Александръ, ты человѣкъ умный. Какъ же дерзнулъ на такое дѣло?"—„Умъ любитъ просторъ; а отъ тебя ему тѣсно", отвѣтилъ, будто бы, Кикинъ.

Третьимъ колесованъ духовникъ царицы, ключарь Федоръ Пустынный, за то что свелъ ее съ Глѣбовымъ.

Кого не казнили смертью, тѣмъ рѣзали носы, языки, рвали ноздри. Многихъ, которые только слышали о постриженіи царицы и видѣли ее въ мірскомъ платьѣ, велѣно „бить батоги нещадно".

На площади поставленъ четырехугольный столпъ изъ бѣлаго камня, вышиною въ шесть локтей, съ желѣзными по бокамъ спицами; на нихъ воткнуты головы казненныхъ; на вершинѣ столпа—широкій плоскій камень; на немъ трупы; между ними—Глѣбовъ, какъ бы сидящій въ кругу сообщниковъ.

Царевичъ долженъ былъ присутствовать при всѣхъ этихъ казняхъ.

Послѣднимъ колесованъ Ларіонъ Докукинъ. На колесѣ объявилъ, что имѣетъ нѣчто открыть государю; снятъ съ колеса и привезенъ въ Преображенское. Когда царь подошелъ къ нему, онъ былъ уже въ предсмертномъ бреду, лепеталъ что-то невнятное о Христѣ Грядущемъ. Потомъ какъ будто пришелъ въ себя на мгновеніе, посмотрѣлъ въ глаза царю пристально и сказалъ:

— Ежели, государь, казнишь сына, то падетъ сія кровь на весь твой родъ, отъ главы на главу, до послѣднихъ царей. Помилуй царевича, помилуй Россію!

Петръ молча отошелъ отъ него и велѣлъ отрубить ему голову.

На другой день послѣ казней, наканунѣ отъѣзда царя въ Петербургъ, назначено было въ Преображенскомъ „нощеденствіе“ Всепьянѣйшаго Собора.

Въ эти кровавые дни, такъ же какъ во время стрѣлецкихъ казней и какъ вообще въ самые черные дни своей жизни, Петръ усерднѣе, чѣмъ когда-либо, занимался шутовскимъ соборомъ. Какъ будто нарочно оглушалъ себя смѣхомъ.

Недавно былъ избранъ на мѣсто покойнаго Никиты Зотова новый князь-папа, Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, бывшій „Санктъ-Питербурхскій митрополитъ“. Избраніе „Бахусоподражительнаго отца“ совершилось въ Петербургѣ, рукоположеніе въ Москвѣ, передъ самымъ пріѣздомъ царевича.

Теперь, въ Преображенскомъ, предстояло облаченіе новоизбраннаго папы въ ризы и митру—шутовское подобіе облаченія патріаршаго.

Царь нашелъ время среди Московскаго розыска самъ сочинить и росписать весь чинъ церемоніи.

„Нощеденствіе“ происходило въ обширной бревенчатой, обитой алыми сукнами, освѣщенной восковыми свѣчами палатѣ, рядомъ сь Генеральнымъ дворомъ и пыточнымъ застѣнкомъ. Узкіе длинные столы расположены были подковою; среди нихъ—возвышеніе со ступенями, на которыхъ сидѣли жрецы-кардиналы и другіе члены собора; подъ бархатнымъ пологомъ—тронъ изъ бочекъ, уставленный сверху до низу стеклянными шкаликами и бутылками.

Когда всѣ собрались, ключарь и кардиналъ-протодіаконъ — самъ царь — ввели торжественно подъ руки новоизбраннаго папу. Передъ нимъ несли двѣ фляги съ „виномъ пьянственнѣйшимъ“, одну — позолоченную, другую — посеребренную, и два блюда, одно — съ огурцами, другое —

съ капустою, а также непристойныя иконы голаго Бахуса. Князь-папа, трижды кланяясь князю-кесарю и кардиналамъ, поднесъ его величеству дары—фляги и блюда.

Архижрецъ спросилъ папу:

— Зачѣмъ, брате, пришелъ и чего отъ нашей немѣрности просишь?

— Еже облеченнымъ быть въ ризы отца нашего Бахуса, — отвѣчалъ папа.

— Какъ содержишь законъ Бахусовъ и во ономъ подвизаешься?

— Ей, всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тьмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ-три чарки испиваю и остальное время дня не туне, но симъ же образомъ препровождаю, разными питіями чрево свое, яко бочку, добре наполняю, такъ что иногда и яства мимо рта моего ношу отъ дрожанія десницы и предстоящей въ очахъ моихъ мглы; и такъ всегда творю и учить мнѣ врученныхъ обѣщаюсь, инако же мудрствующихъ отвергаю и яко чуждыхъ, анаѳематствую всѣхъ пьяноборцевъ. Аминь.

Архижрецъ возгласилъ:

— Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затмѣвающее и дрожащее, и валяющее, и безумствующее, во всѣ дни жизни твоей!

Кардиналы возвели папу на амвонъ и облачили его въ ризы—шутовское подобіе саккоса, омофора, эпитрахили, набедренника съ вышитыми изображеніями игральныхъ костей, картъ, бутылокъ, табачныхъ трубокъ, голой Венусъ и голаго Еремки—Эроса. На шею надѣли ему, вмѣсто панагіи, глиняныя фляги съ колокольчиками. Вручили книгу-погребецъ со стклянками различныхъ водокъ, и крестъ изъ чубуковъ. Помазали крѣпкимъ виномъ голову и около очей „образомъ круга“:

— Такъ да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными видами да предстанутъ очамъ твоимъ отъ сего дня во всѣ дни живота твоего!

Помазали также обѣ руки и четыре пальца, которыми чарка пріемлется:

— Такъ да будутъ дрожать руки твои во всѣ дни жизни твоей!

Въ заключеніе архижрецъ возложилъ ему на голову жестяную митру:

— Вѣнецъ мглы Бахусовой да будетъ на главѣ твоей! Вѣнчаю азъ пьяный сего нетрезваго —

Во имя всѣхъ пьяницъ,
Во имя всѣхъ стекляницъ,
Во имя всѣхъ дураковъ,
Во имя всѣхъ шутовъ,
Во имя всѣхъ винъ,
Во имя всѣхъ пивъ,
Во имя всѣхъ бочекъ,
Во имя всѣхъ ведръ,
Во имя всѣхъ табаковъ,
Во имя всѣхъ кабаковъ —
Яко жилища отца нашего Бахуса.
Аминь!

Возгласили:

— Аксіосъ! Достоенъ!

Потомъ усадили папу на тронъ изъ бочекъ. Надъ самой головой его висѣлъ маленькій серебрянный Вакхъ верхомъ на бочкѣ. Наклонивъ ее, папа могъ цѣдить водку въ стаканъ, или даже прямо въ ротъ.

Не только члены собора, но и всѣ прочіе гости подходили къ его святѣйшеству по очереди, кланялись ему въ ноги, принимали, вмѣсто благословенія, ударъ по головѣ свинымъ пузыремъ, обмоченнымъ въ водкѣ, и причащались изъ огромной деревянной ложки перцовкою.

Жрецы пѣли хоромъ:

— О честнѣйшій отче Бахусе, отъ сожженой Семелы рожденный, въ Юпитеровомъ нѣдрѣ взрощенный, изжатель винограднаго веселія! Просимъ тя со всѣмъ симъ пьянѣйшимъ соборомъ: умножи и настави стопы князя-папы все-

ленскаго, во еже тещи вслѣдъ тебѣ. И ты, всеславнѣйшая Венусъ...

Слѣдовали непристойныя слова.

Наконецъ, сѣли за столъ. Противъ князя-папы Ѳеофанъ Прокоповичъ, рядомъ съ нимъ Петръ, тутъ же Ѳедоска, противъ Петра царевичъ.

Царь заговорилъ съ Ѳеофаномъ про только что полученныя вѣсти о многотысячныхъ самосожженіяхъ раскольниковъ въ лѣсахъ Керженскихъ и Чернораменскихъ за Волгою. Пьяныя пѣсни и крики шутовъ мѣшали бесѣдѣ.

Тогда, по знаку царя, жрецы прервали пѣснь Бахусу, всѣ притихли и въ этой внезапно наступившей тишинѣ раздался голосъ Ѳеофана:

— О окаянные сумасброды, неистовые страдальцы! Ненасытною похотью жаждутъ мученія, волей себя передаютъ сожженію, мужественно въ пропасть адскую летятъ и другимъ путь показуютъ. Мало такихъ называть бѣшеными: есть нѣкое зло, равнаго себѣ не имѣющее имени! Да отвержетъ ихъ всякъ и поплюетъ на нихъ...

— Что же дѣлать? — спросилъ Петръ.

— Объяснить надлежитъ увѣщаніемъ, ваше величество, что не всякое страданіе, но только законно бываемое богоугодно есть. Ибо не просто глаголетъ Господь: *блаженны изгнанные*, но: *блаженны изгнанные правды ради*. Таковаго же, правды ради, гоненія никогда въ Россійскомъ, яко православномъ, государствѣ опасаться не подобаетъ, понеже то и быть не можетъ...

— Увѣщанія! — злобно ухмыльнулся опальный Ѳедоска.—Проймешь ихъ, небось, увѣщаніями! Сокрушить бы челюсти отступникамъ! Ибо, ежели въ церкви ветхозавѣтной повелѣно убивать непокорныхъ, тѣмъ паче въ новой благодати—понеже тамъ образы, здѣсь же истина. Самимъ еретикамъ полезно умереть, и благодѣянье имъ есть, когда ихъ убиваютъ: чѣмъ болѣе живутъ, тѣмъ болѣе согрѣшаютъ, множайшія прелести изобрѣтаютъ, множайшихъ

развращаютъ. А руками убить грѣшника, или молитвою — едино есть.

— Не подобаетъ сего, — возразилъ Ѳеофанъ спокойно, не глядя на Ѳедоску. — Таковыми лютостями болѣе раздражается, нежели преклоняется сердце мучимыхъ. Обращать должно къ церкви святой не страхомъ и принужденіемъ, но прямой евангельской любви проповѣданіемъ.

— Истинно такъ, — согласился Петръ. — Совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно оставляемъ каждому пещись о блаженствѣ души своей. По мнѣ, пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и если ужъ нельзя обратить ихъ разсудкомъ, то, конечно, не пособятъ ни мечъ, ни огонь. А за глупость мучениками быть — ни они той чести, ни государство пользы не будетъ имѣть.

— Потихоньку, да полегоньку — глядишь, все и уладится, — подхватилъ Ѳеофанъ.

— Однако же, — прибавилъ онъ вполголоса, наклонившись къ царю, — постановить бы двойной окладъ съ раскольщиковъ, дабы подъ тѣсноту штрафовъ удобнѣе къ церкви святой присоединить заблудшихъ. Также и при наказаніи оныхъ, буде возможно, явную вину сыскать, кромѣ раскола, — таковыхъ, бивъ кнутомъ и ноздри рвавъ, ссылать на галеры, по закону, а буде нѣтъ причины явной, поступать по указу словесному...

Петръ молча кивнулъ головой. Царь и архіерей понимали другъ друга.

Ѳедоска хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ, только ехидная усмѣшка скривила его маленькое личико — мордочку летучей мыши — и весь онъ съежился, пришипился, позеленѣлъ, точно ядомъ налился, отъ злости. Онъ понималъ, что значитъ „поступать по указу словесному". Питиримъ епископъ, посланный на Керженецъ для увѣщанія раскольниковъ, доносилъ недавно царю: „зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутренностямъ ихъ являтися". И царь въ указахъ своихъ запрещалъ возбранять о. Питириму „въ семъ его равноапостольномъ подвигѣ". Любовь—

на словахъ, а на дѣлѣ, какъ жаловались раскольники, „нѣмые учителя въ застѣнкахъ у дыбъ стоятъ; вмѣсто евангелія, кнутомъ просвѣщаютъ; вмѣсто апостола, огнемъ учатъ“. Это, впрочемъ, и была та „духовная политика — диссимуляція“, которую проповѣдывалъ самъ Ѳедоска. Но Ѳеофанъ перехитрилъ его, и онъ чувствовалъ, что пѣсенка его спѣта.

— Да не диво то̀,—продолжалъ архіерей опять громко, во всеуслышанье, что мужики грубые, невѣжды крайніе, такъ заблуждая, бѣснуются. Воистину же диво есть, что и въ высокомъ званіи шляхетскомъ, среди самихъ слугъ царскихъ, мудрецы обрѣтаются нѣкіе, смиренники мрачные, что злѣе раскольщиковъ. До того пришло, что уже самые бездѣльные въ дѣло, да въ дѣло мерзкое и дерзкое! Уже и дрожжи народа, души дешевыя, люди, ни къ чему иному, токмо къ пояденію чужихъ трудовъ рожденные — и тѣ на царя своего, и тѣ на Христа Господня! Да вамъ, когда хлѣбъ ядите, подобало бы удивляться и говорить: откуда намъ сіе? Возобновилась повѣсть о царѣ Давидѣ, на коего слѣпые и хромые бунтъ подняли. Монархъ нашъ благовѣрный, сколько Россію пользовавшій, коего промысломъ славу и безпечаліе всѣ получили, самъ имя хульное и житіе многобѣдное имѣетъ. И когда трудами тяжкими самъ себѣ безвременную старость привлекаетъ, когда за цѣлость отечества, вознерадѣвъ о здравіи своемъ, какъ бы скороходнымъ бѣгомъ, самъ спѣшитъ къ смерти,—тогда возмнилося нѣкіимъ — долго живетъ! О скорбь, о стыдъ Россіи! Остережемся, дабы не выросла въ мірѣ сія притча о насъ: достоинъ-де царь такого царства, да не сто̀итъ народъ такого царя.

Когда Ѳеофанъ умолкъ, заговорилъ Петръ:

— Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, сколько блага желаю отечеству. Но враги демонскія пакости дѣютъ. Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Говорятъ чужестранцы, что я управляю рабами. Но англинская вольность здѣсь не у мѣста — что къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ упра-

влять. Труденъ разборъ невинности моей тому, кто всего дѣла не знаетъ. Единъ Богъ зритъ правду. Онъ мой Судія...

Никто не слушалъ царя. Всѣ были пьяны.

Онъ умолкъ, не кончивъ, сдѣлалъ знакъ — и жрецы снова затянули пѣснь Бахусову; шуты загалдѣли; хоръ — *весна* — засвистѣлъ разными птичьими высвистами, отъ соловья до малиновки, такъ пронзительно, что стѣны отражали звукъ.

Все было, какъ всегда. Такъ же опивались, обжирались до безчувствія. Почтенные сановники дрались, таскали другъ друга за волосы и потомъ, помирившись, сваливались вмѣстѣ подъ столъ. Князь Шаховской, кавалеръ потѣшнаго ордена Іуды, принималъ за деньги пощечины. Старому боярину, который отказался пить, вливали водку въ ротъ воронкою. Князя-папу рвало съ высоты престола на парики и кафтаны сидѣвшихъ внизу. Пьяная баба-шутиха, князь-игуменья Ржевская плясала, безстыдно задравши подолъ, и пѣла хриплымъ голосомъ:

Шинь-пень, шиваргань!
Эхъ, разъ, по два-разъ,
Расподмахивать гораздъ!

Ей присвистывали, притопывали такъ, что пыль стояла столбомъ:

Ой, жги! Ой, жги!

Все было, какъ всегда. Но Петръ чувствовалъ скуку. Нарочно пилъ какъ можно больше самой крѣпкой англійской водки — *pepper and brandy*, чтобы поскорѣй опьянѣть, но хмѣль не бралъ его. Чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становилось скучнѣе. Вставалъ, садился, опять вставалъ, бродилъ между тѣлами пьяныхъ, лежавшихъ на полу, какъ тѣла убитыхъ на полѣ сраженія, и не находилъ себѣ мѣста. Что-то подступало къ сердцу тошнотою смертною. Убѣжать бы или разогнать всю эту сволочь!

Когда же со смрадною мглою и тусклымъ свѣтомъ догорѣвшихъ свѣчей смѣшался холодный свѣтъ зимняго утра,—человѣческія лица сдѣлались еще страшнѣе, еще болѣе похожи на звѣриныя морды, или чудовищные призраки.

Взоръ Петра остановился на лицѣ сына.

Царевичъ былъ пьянъ. Лицо мертвенно блѣдно; длинныя жидкія пряди волосъ прилипли къ потному лбу; глаза осоловѣли; нижняя губа отвисла; пальцы, которыми держалъ онъ полную рюмку, стараясь не расплескать вина, тряслись, какъ у пропоицы.

— Винцо не пшеничка — прольешь, не подклюешь! — бормоталъ онъ, поднося рюмку ко рту.

Проглотилъ, поморщился, крякнулъ и, желая закусить моченымъ рыжикомъ, долго и тщетно тыкалъ вилкою въ скользкій грибъ — такъ и не поймалъ его, бросилъ, сунулъ въ ротъ мякишъ чернаго хлѣба и началъ жевать медленно.

— Другъ ты мой сердешный, пьянъ я? Скажи мнѣ правду, пьянъ я? — приставалъ онъ къ сидѣвшему рядомъ Толстому.

— Пьянъ, пьянъ! — согласился Толстой.

— Ну вотъ то-то и есть, — заплетающимся языкомъ продолжалъ царевичъ. — Мнѣ вѣдь что? Покуда чарки не выпилъ, такъ его и хоть бы и вѣкъ не было. А какъ выпилъ одну, то и пропалъ. Сколько ни подноси, не откажусь. Хорошо еще, что я во хмѣлю-то угожъ...

Онъ захихикалъ пьянымъ смѣшкомъ и вдругъ посмотрѣлъ на отца.

— Батя, а, батя! Что ты такой скучный? Поди-ка сюда, выпьемъ вмѣстѣ. Я тебѣ спою пѣсенку. Веселѣе будетъ, право!

Улыбнулся отцу, и въ этой улыбкѣ было прежнее, милое, дѣтское.

„Совсѣмъ дурачокъ, блаженненькій! Ну какъ такого казнить?“ — подумалъ Петръ, и вдругъ дикая, страшная, лютая жалость вгрызлась ему въ сердце, какъ звѣрь.

Онъ отвернулся и сдѣлалъ видъ, что слушаетъ Ѳеофана, который говорилъ ему объ учрежденіи св. Сѵнода.

Но ничего не слышалъ. Наконецъ, подозвалъ деньщика, велѣлъ подавать лошадей, чтобы тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, и въ ожиданіи опять пошелъ бродить, скучный, трезвый между пьяными. Самъ того не замѣчая — словно какая-то сила влекла ихъ другъ къ другу — подошелъ къ царевичу, присѣлъ рядомъ за столъ и снова отвернулся отъ него, притворился, что занятъ бесѣдою съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ.

— Батя, а, батя! — тихонько дотронулся царевичъ до руки отца. — Да что ты какой скучный? Аль *онъ* тебя обижаетъ? Осиновый колъ ему въ горло — и дѣлу конецъ!..

— Кто онъ? — обернулся Петръ къ сыну.

— А я почемъ знаю, кто?—усмѣхнулся царевичъ такою странною успѣшкою, что Петру стало жутко.—Знаю только, что вотъ теперь ты настоящій, а тотъ, чортъ его знаетъ кто, самозванецъ, что ли, звѣрь проклятый, оборотень?..

— Что ты? — посмотрѣлъ на него отецъ пристально. — Ты бы, Алексѣй, поменьше пилъ...

— И пить—помрешь, и не пить—помрешь; ужъ лучше же умереть да пить! И тебѣ лучше: помру, казнить не надо!...—захихикалъ онъ опять, совсѣмъ какъ дурачекъ, и вдругъ запѣлъ тихимъ-тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ, доносившимся какъ будто издали:

Пойду, млада, тишкомъ-лужкомъ,
Тишкомъ-лужкомъ, бережочкомъ.
Нарву, млада, синь цвѣточекъ,
Синь цвѣточекъ василечекъ.
Совью, млада, я вѣночекъ,
Пойду, млада, я на-рѣчку,
Брошу вѣночекъ вдоль по рѣчкѣ,
Задумаю про милаго...

— Снилось мнѣ, батя, намедни: сидитъ, будто бы, ночью въ полѣ на снѣгу Афрося, голая да страшная, точно мертвая, качаетъ, баюкаетъ ребеночка, тоже, будто бы, мертваго, и поетъ, словно плачетъ, эту самую пѣсенку.

Мой вѣночекъ тонетъ, тонетъ,
Мое сердце ноетъ-ноетъ.
Мой вѣночекъ потопаетъ,
Меня милый покидаетъ.

Петръ слушалъ — и жалость, дикая, страшная, лютая грызла ему сердце, какъ звѣрь.

А царевичъ пѣлъ и плакалъ. Потомъ склонилъ голову на столъ, опрокинувъ стаканъ съ виномъ — по скатерти разлилась красная, точно кровавая, лужа—подложилъ руку подъ голову, закрылъ глаза и заснулъ.

Петръ долго смотрѣлъ на это блѣдное, какъ будто мертвое, лицо рядомъ съ красною, словно кровавою, лужею.

Деньщикъ подошелъ къ царю и доложилъ, что лошади поданы.

Петръ всталъ, послѣдній разъ взглянулъ на сына, наклонился къ нему и поцѣловалъ его въ лобъ.

Царевичъ, не открывая глазъ, улыбнулся отцу во снѣ такою нѣжною, улыбкою, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда онъ бралъ его къ себѣ на руки, соннаго.

Царь вышелъ изъ палаты, гдѣ продолжалась попойка, никѣмъ не замѣченный — сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ въ Петербургъ.

ДЕВЯТАЯ КНИГА

Красная смерть

I

Въ лѣсахъ Ветлужскихъ былъ скитъ раскольничій Долгіе Мхи. Непроходимыя топи зашли всѣ дороги въ тотъ скитъ. Лѣтомъ едва пробирались въ него по узенькимъ кладкамъ сквозь такія чащи, что и днемъ въ нихъ было почти такъ же темно, какъ ночью; зимой—на лыжахъ.

Преданіе гласило, будто бы трое старцевъ изъ лѣсовъ Олонецкихъ, съ озера Толвуя, по разореніи тамошнихъ скитовъ никоніанами, слѣдуя за чудотворной иконой Божьей Матери, шедшей по воздуху, пришли въ тѣ мѣста, поставили малую хижину тамъ, гдѣ икона опустилась на землю, и начали жить пустыннымъ житіемъ, пахать пашню копорюгою и, сожигая лѣсъ по кряжамъ, сѣять подъ гарью. Братія сходилась къ нимъ. Старцы завѣщали ей, умирая, всѣ трое въ тотъ же день и въ тотъ же часъ: „живите тутъ, гдѣ мы благословили, дѣтушки; хотя и много ходите да ищете, такого мѣста не найдете — тутъ сорока-ворона кашу варила, и быть скиту большому“.

Пророчество исполнилось: выросла въ дебряхъ лѣсныхъ обитель и расцвѣла, какъ лилія райская, подъ святымъ покровомъ Богородицы.

„Чудо великое! — говорилось въ скитскомъ житіи. — Свѣтлая Россія потемнѣла, а мрачная Ветлуга возсіяла, преподобными пустыня наполнилась—налетѣли, яко шестокрылые“.

Здѣсь, послѣ долгихъ странствій по лѣсамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ, поселился проповѣдникъ самосожженія, старецъ Корнилій съ ученикомъ своимъ, бѣглымъ школяромъ, стрѣлецкимъ сыномъ, Тихономъ Запольскимъ.

Однажды іюньскою ночью, вблизи Долгомшинской обители, на крутомъ обрывѣ надъ Ветлугою, пылалъ костеръ. Пламя освѣщало снизу вѣтви старой сосны съ прибитой къ стволу мѣднолитной поморской иконою. У огня сидѣли двое—молодая скитница Софья и послушникъ Тихонъ. Она ходила въ лѣсъ за пропавшею телкою. Онъ возвращался отъ схимника изъ дальней пустыни, куда носилъ отъ старца грамоту. Встрѣтились на перекресткѣ двухъ тропинокъ, ночью поздно, когда ворота обители были уже заперты, и рѣшили вмѣстѣ у огня дождаться утра.

Софья, глядя на огонь, пѣла вполголоса:

Какъ возговоритъ самъ Христосъ, Царь небесный:
Не сдавайтесь вы, Мои свѣты,
Тому Змію седмиглаву.
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за Меня, Мои свѣты,
За Мою вѣру Христову.
Я за то вамъ, Мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы
И введу васъ въ царство небесно,
И Самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

— Такъ-то, братецъ,—заключила дѣвушка, посмотрѣвъ на Тихона долгимъ взоромъ. — Кто сожжется, тотъ и спасется. Добро всѣмъ погорѣть за любовь Сына Божьяго!

Онъ молчалъ и, глядя на ночныхъ мотыльковъ, кружившихся надъ пламенемъ, падавшихъ въ него и сгоравшихъ, вспоминалъ слова старца Корнилія: „яко комары или мошки, чѣмъ больше ихъ давятъ, тѣмъ больше пищатъ и въ глаза лѣзутъ, такъ и русачки миленькіе рады мучиться—полками дерзаютъ въ огонь!“

— Что думаешь, братецъ?—опять заговорила дѣвушка.—Аль боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, небось! Въ огнѣ здѣсь мало потерпѣть—аки окомъ мигнуть—такъ душа изъ тѣла и выступитъ! До печи страхъ-отъ, а какъ въ нее вошелъ, то и забылъ все. Загорится, а ты и видишь Христа и ангельскіе лики съ Нимъ—вынимаютъ душу изъ тѣла, а Христосъ-надежда Самъ благословляетъ и силу ей даетъ божественную. И не тяжка тогда уже бываетъ, но яко восперенна, туда же летаетъ со ангелами, ровно птичка попархиваетъ—рада, изъ темницы той, изъ тѣла вылетѣла. Вотъ пѣла до того, плакала: изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему. Ну, а то выплакала. Темница та говоритъ въ печи, а душа, яко бисеръ и яко злато чисто, возносится къ Господу!..

Въ глазахъ ея была такая радость, какъ будто она уже видѣла то, о чемъ говорила.

— Тиша, Тишенька миленкій, аль тебѣ красной смерти не хочется? Аль боишься?—повторила вкрадчивымъ шопотомъ.

— Боюсь грѣха, Софьюшка! Есть ли воля Господня, чтобъ жечься? Божье ли то въ насъ, полно, не вражье ли?

— Гдѣ же дѣться? Нужда стала!—заломила она свои блѣдныя, худенькія, совсѣмъ еще дѣтскія, руки.

— Не уйти, не укрыться отъ Змія ни въ горахъ, ни въ вертепахъ, ни въ пропастяхъ земныхъ. Отравилъ онъ своимъ богоборнымъ ядомъ и землю, и воду, и воздухъ. Все скверно, все проклято!

Ночь была тиха. Звѣзды невинны, какъ дѣтскія очи. Опрокинутый ущербный мѣсяцъ лежалъ на черныхъ верхушкахъ еловаго лѣса. Внизу, въ болотномъ туманѣ, коро-

стели скрипѣли усыпительно. Сосновый боръ дышалъ сухимъ тепломъ смолистой хвои . У самаго костра лиловый колокольчикъ, освѣщенный краснымъ пламенемъ, склонялся на стеблѣ, какъ будто кивалъ своей нѣжной и сонной головкою.

А мотыльки все летѣли, летѣли на огонь и падали, и сгорали.

Тихонъ смежилъ глаза, утомленные пламенемъ. Вспомнился ему лѣтній полдень, запахъ елей, въ которомъ свѣжесть яблокъ смѣшана съ ладаномъ, лѣсная прогалина, солнце, пчелы надъ кашкой, медуницей и розовой липкой дремой; среди поляны ветхій полусгнившій голубецъ-крестъ, должно быть, надъ могилою святого отшельника. „Прекрасная мати пустыня!“—повторялъ онъ свой любимый стихъ. Исполнилъ, наконецъ, Господь его желаніе давнее — привелъ въ „благоутиштное пристанище“. Онъ сталъ на колѣни, раздвинулъ высокія травы, припалъ къ землѣ и цѣловалъ, и плакалъ, и молился:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

И глядя на небо, твердилъ:

Съ небесъ сойдетъ Мати Всепѣтая,
Госпожа Владычица Богородица!

И земля, и небо были одно. Въ ликѣ небесномъ, подобномъ солнцу, Ликѣ Жены огнезрачной, огнекрылой, Святой Софіи Премудрости Божьей онъ видѣлъ ликъ земной, который хотѣлъ и боялся узнать. Потомъ всталъ, пошелъ дальше въ лѣсъ. Куда и сколько времени шелъ, не помнитъ. Наконецъ, увидѣлъ озеро, малое, круглое, какъ чаша, въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ ельникомъ и отражавшихся въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, сплошными зелеными стѣнами. Вода, густая какъ смола, зеленая какъ хвоя, была такъ тиха, что ея почти не видно было, и она казалась прова-

ломъ въ подземное небо. На камнѣ у самой воды сидѣла скитница Софья. Онъ узналъ и не узналъ ея. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ купавъ на распущенныхъ косахъ, черная скитская ряска приподнята, голыя бѣлыя ноги въ водѣ, глаза, какъ у пьяной. И покачиваясь мѣрно, глядя на подземное небо, пѣла она тихую пѣсенку, подобную тѣмъ, что пѣвали въ хороводахъ среди купальныхъ огней, въ Иванову ночь, на древнихъ игрищахъ:

Солнышко, солнышко красное!
        Ой, дидъ Ладо, ой, дидъ Ладо!
Цвѣтки, цвѣтики, милые!
        Ой, дидъ Ладо, ой, дидъ Ладо!
Земля, земля, мати сырая!

И древнее, дикое было въ этой пѣснѣ, похожей на грустную жалобу иволги въ мертвомъ затишьѣ полдня передъ грозой. „Точно русалка!“ подумалъ онъ, не смѣя шевельнутся, притаивъ дыханіе. Подъ ногой его хрустнулъ сучокъ. Дѣвушка обернулась, вскрикнула, спрыгнула съ камня и убѣжала въ лѣсъ. Только отъ вѣнка, упавшаго въ озеро, медленные круги расходились по водѣ. И жутко ему стало, какъ будто въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ онъ чудо лѣсное, навожденіе бѣсовское. И вспомнивъ ликъ земной въ Ликѣ Небесномъ, онъ узналъ сестру Софью — и кощунственной показалась молитва сырой Землѣ Матери.

Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ онъ о томъ, что видѣлъ тамъ, на Кругломъ озерѣ, но часто думалъ объ этомъ и, сколько ни боролся съ искушеніемъ, не могъ побѣдить его. Порой, въ самыхъ чистыхъ молитвахъ, узнавалъ земной ликъ въ Ликѣ Небесномъ.

Софья, попрежнему глядя на пламя костра неотступно-жаднымъ взоромъ, пѣла стихъ о св. Кирикѣ, младенцѣ-мученикѣ, котораго невѣрный царь Максиміанъ бросилъ въ печь раскаленную:

Кирикъ-свѣтъ въ печи стоитъ,
Стихи поетъ херувимскіе.

Въ печи растетъ трава-мурава,
Цвѣтутъ цвѣточки лазоревы.
Во цвѣтахъ младенецъ играетъ,
На немъ риза солнцемъ сіяетъ.

Тихонъ тоже глядѣлъ на огонь, и ему казалось, что въ прозрачно-синемъ сердцѣ огня видитъ онъ райскіе цвѣты, о которыхъ говорилось въ пѣснѣ. Синева ихъ, подобная чистому небу, сулила блаженство нездѣшнее; но надо было пройти черезъ красное пламя—красную смерть, чтобы достигнуть этого неба.

Вдругъ Софья обернулась къ нему, положила руку на руку его, приблизила лицо къ лицу его, такъ что онъ почувствовалъ ея дыханье, жаркое, страстное, какъ поцѣлуй, и зашептала вкрадчивымъ шопотомъ:

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ сгоримъ, братецъ мой, свѣтикъ мой, родненькій! Одной страшно, сладко съ тобой! Вмѣстѣ пойдемъ ко Христу на вечерю брачную!..

И она повторяла, какъ безконечную ласку:

— Сгоримъ! Сгоримъ!..

Въ бѣдномъ лицѣ ея, въ черныхъ глазахъ, отражавшихъ блескъ пламени, опять промелькнуло то древнее, дикое, что̀ и тамъ, на Кругломъ озерѣ — въ пѣснѣ купальныхъ огней.

— Сгоримъ, сгоримъ, Софьюшка! — прошепталъ онъ съ ужасомъ, который тянулъ его къ ней, какъ мотыльковъ тянетъ огонь.

Внизу на тропинкѣ, которая шла по обрыву, послышались шаги.

— Іисусе Христе, Сыне Божіи, помилуй насъ, грѣшныхъ! — произнесъ чей-то голосъ.

— Аминъ! — отвѣтили Тихонъ и Софья.

То были странники. Они заблудились въ лѣсу, едва не увязли въ болотѣ; наконецъ увидѣли пламя костра и кое-какъ выбрались.

Всѣ усѣлись кру̀гомъ, у огня.

— До скита, родимые, далече ли?

— Тутъ подъ горою сейчасъ, — молвилъ Тихонъ и, вглядѣвшись въ лицо говорившей, узналъ Виталію, ту самую, которая „птичье житіе имѣла“, всюду „привитала“, странствовала, и которую видѣлъ онъ два года назадъ на плотахъ царевича Алексѣя въ Петербургѣ, на Невѣ, въ ночь праздника Венусъ. Она также узнала Тихона и обрадовалась. Съ нею была ея неразлучная спутница Киликея-кликуша, бѣглый рекрутъ Петька Жизла съ высохшею рукою, клейменой казеннымъ клеймомъ, печатью антихриста, и старый лодочникъ Иванушка-дурачокъ, который каждую ночь, встрѣчая Христа, пѣлъ пѣсню гробополагателей.

— Откуда, православные?—спросила Софья.

— Мы люди странные, — отвѣтила Виталія, — странствуемъ по міру, скитаемся, гонимы отъ вѣры еретической, настоящаго града не имѣемъ, грядущаго взыскуемъ. А нынѣ съ Керженца идемъ. Тамъ гоненіе лютое. Петиримъ, волкъ хищный, церковный кровоядецъ, семьдесятъ семь скитовъ разорилъ и спасительное житіе въ киновіяхъ все испровергъ...

Начались разсказы о гоненіяхъ.

Одного святого старца въ трехъ застѣнкахъ били, клещами ломали ребра, пупъ тянули; потомъ „въ зимнее время, въ жестокій морозъ, обнажили и студеную воду со льдомъ на голову лили, пока отъ бороды до земли соски не смерзли, аки поросшіе; наконецъ, огнемъ сожгли, и такъ скончался“.

Иныхъ томили въ хомутахъ желѣзныхъ: „хомуты тѣ стягиваютъ голову, руки и ноги въ одно мѣсто, отъ коего злѣйшаго мучительства кости хребта по суставамъ сокрушаютъ, и кровь изо рта, изъ ноздрей, изъ глазъ, изъ ушей брызжетъ“.

Иныхъ насильно причащали, вкладывая въ ротъ кляпъ. Одного отрока приволокли солдаты въ церковь, положили на лавку, попъ да діаконъ пришли съ чашею, а дьячки растянули его, раскрыли ротъ и насильно влили причастіе. Онъ выплюнулъ. Тогда діаконъ ударилъ его кулакомъ по скуламъ такъ, что отскочила нижняя челюсть. Отъ этой раны страдалецъ умеръ.

Одна женщина, чтобы уйти отъ гонителей, пробила во льду прорубь и сначала семерыхъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ опустила подъ ледъ, а потомъ сама утопилась.

Нѣкій мужъ благочестивый перекрестилъ жену беременную съ тремя дѣтьми и въ ту же ночь сонныхъ зарѣзалъ. А по утру пришелъ въ приказъ и объявилъ: „Я мучитель былъ своимъ, а вы будете мнѣ; и такъ, они — отъ меня, а я отъ васъ пострадаю; и будемъ вкупѣ за старую вѣру въ царствѣ небесномъ мученики“.

Многіе, убѣгая отъ антихриста, сами сжигаются.

— И добро дѣлаютъ. Блаженъ изволъ сей о Господѣ! Понеже впадшимъ въ руки антихриста и Богъ не помогаетъ, нельзя стерпѣть мученія, никто не устаеваетъ. Лучше въ огонь здѣшній, нежели въ вѣчный!—заключила Виталія.

— Въ огонь да въ воду только и уходу! — подтвердила Софья.

Звѣзды меркли. По краю неба межъ тучъ тянулись блѣдныя полосы. Тусклою сталью въ туманѣ блестѣли извивы рѣки среди безконечныхъ лѣсовъ. Внизу, подъ обрывами, у самой Ветлуги, выступила изъ мрака обитель, огороженная островерхимъ тыномъ изъ бревенъ, похожая на древнее лѣсное городище. Съ рѣки — большія врата рубленыя, надъ ними образъ Деисуса. Внутри ограды — „стая“ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтяхъ, съ крыльцами, сѣнями, переходами, тайниками, свѣтелками, лѣтниками, вышками, смотрильнями, съ узкими оконцами, на подобіе крѣпостныхъ бойницъ, съ крутыми тесовыми двускатными кровлями; кромѣ братскихъ келій — разныя хозяйственныя службы—кузня, швальня, кожевня, чеботная, больница, громотная, иконная, гостиная; часовня во имя Божьей Матери Толвуйской — тоже простой бревенчатый срубъ, но больше всѣхъ прочихъ, съ деревяннымъ крестомъ и тесовой чешуйчатой маковкой, рядомъ колокольня — звонница — чернѣвшая на блѣдномъ небѣ.

Послышался тонкій, жалобно-пѣвучій звонъ: то ударили къ заутренѣ въ била—служившія колоколами, дубо-

вые доски, подвѣшенныя на веревкахъ изъ крученыхъ воловьихъ струнъ; ударяли въ нихъ большимъ гвоздемъ троетеснымъ; по преданію. Ной такимъ благовѣстомъ созывалъ животныхъ въ ковчегъ. Въ чуткомъ безмолвіи лѣсовъ былъ сладостно грустенъ и нѣженъ этотъ деревянный звонъ.

Странники крестились, глядя на святую обитель — послѣднее убѣжище гонимыхъ.

— *Святися, святися, Новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія!* — запѣла Киликея съ умиленною радостью на прозрачно-блѣдномъ, точно восковомъ, лицѣ.

— Всѣ скиты разорили, а этого не тронули!—замѣтила Виталія. — Покрываетъ, видно, сама Царица Небесная домъ свой покровомъ святымъ. Въ Откровеніи-де писано: дано Женѣ два крыла орлія, да паритъ въ пустыню...

— У царя рука долга, а сюда не хватитъ,—проговорилъ одинъ изъ странниковъ.

— Послѣдняя Русь здѣсь!—заключилъ другой.

Звонъ умолкъ, и всѣ притихли. То былъ часъ великаго безмолвія, когда, по преданію—воды покоятся, и ангелы служатъ, и серафимы ударяютъ крыльями въ священномъ ужасѣ передъ престоломъ Всевышняго.

Иванушка-дурачекъ, сидя на корточкахъ, обнявъ колѣни руками, глядѣлъ недвижнымъ взоромъ на свѣтлѣющій востокъ и пѣлъ свою вѣчную пѣсенку:

Древянъ гробъ сосновенъ
Ради меня строенъ.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

И опять, какъ тогда, на плотахъ въ Петербургѣ, въ ночь праздника Венусъ—заговорили о послѣднихъ временахъ, объ антихристѣ.

— Скоро, скоро, при дверяхъ есть! — начала Вита-

лія.—Нынѣ, еще кое-какъ перебиваемся; а тогда, при антихристѣ, и пошевелить губами нельзя будетъ, развѣ сердцемъ держаться Бога...

— Тошно! тошно!—стонала Киликея кликуша.

— Сказывалъ намедни Авилка, бѣглый казакъ съ Дону,—продолжала Виталія,—было-де ему въ степи видѣніе: подошли къ хатѣ три старца, всѣ трое образомъ равны, а говорятъ по-русски, только на греческую рѣчь походитъ. — Откуда, говоритъ, идете и куда? — Изъ Іерусалима, говорятъ, отъ Гроба Господня въ Санктъ-Питербурхъ смотрѣть антихриста. — А какой, говоритъ, тамъ антихристъ? — Котораго, говорятъ, называете царь Петръ Алексѣевичъ — тотъ и антихристъ. Онъ-де Царьградъ возьметъ и соберетъ жидовъ, и пойдетъ во Іерусалимъ, и тамъ станетъ царствовать. И жиды-де познаютъ, что онъ—антихристъ подлинный. И на немъ вѣкъ сей кончается...

Всѣ опять смолкли, какъ будто ждали чего-то. Вдругъ изъ лѣса, еще темнаго, раздался протяжный крикъ, похожій на плачъ ребенка—должно быть, крикъ ночной птицы. Всѣ вздрогнули.

— Охъ, братики, братики!—залепеталъ Петька Жизла, заикаясь и всхлипывая.—Страшно... Называемъ его антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу?.. Видите, какое смятеніе и между нами...

— Дураки вы, дураки, бараньи головы! — произнесъ вдругъ чей-то голосъ, похожій на сердитое, медвѣжье ворчанье.

Оглянулись и увидѣли странника, котораго не замѣчали раньше. За разговоромъ, должно быть, вышелъ онъ прямо изъ лѣсу, сѣлъ поотдаль, въ тѣни, и все время молчалъ. Это былъ высокій старикъ, сутулый, сгорбленный, обросшій волосами рыжими съ просѣдью. Лица почти не видно было въ утреннихъ сумеркахъ.

— Куда ему, царю Петру, въ антихристы, такому пьяницѣ, блудягѣ, бабоблудишкѣ! — продолжалъ старикъ. — Такъ, развѣ—шишъ антихристовъ. Послѣдній-то чортъ не

на тѣхъ саняхъ поѣдетъ, да будетъ у него догадокъ не съ Петрово, ни!..

— Авва отче, — взмолилась Виталія, вся трясясь отъ страха и любопытства,—научи ты насъ, глупыхъ, просвѣти свѣтомъ истины, повѣдай все по подробну: какъ быть имѣетъ пришествіе Сына Погибели?

Старикъ закряхтѣлъ, завозился и, наконецъ, съ трудомъ поднялся на ноги. Было что-то грузное, медвѣжье, косолапое во всемъ его огромномъ обликѣ. Мальчикъ подалъ ему руку и подвелъ къ огню. Подъ заскорузлымъ овчиннымъ тулупомъ, видимо, никогда не снимавшимся, висѣли каменныя вериги на желѣзныхъ цѣпяхъ, одна плита спереди, другая сзади; на головѣ — желѣзный колпакъ; на поясницѣ — желѣзный поясъ, въ родѣ обруча съ петлею. Тихонъ вспомнилъ про житіе древняго подвижника Муромскаго, Капитона Великаго: петля была ему поясъ, а крюкъ— въ потолкѣ, и то постеля; процѣпя крюкъ въ петлю, да такъ повиснувъ, спалъ.

Старикъ присѣлъ на корневище сосны и обернулъ лицо къ зарѣ. Она освѣтила его блѣднымъ свѣтомъ. Вмѣсто глазъ, были черныя впадины—язвы съ кровавыми бѣльмами. Острія гвоздей, которыми подбитъ былъ желѣзный колпакъ спереди, впивались въ кости черепа, и оттого глаза вытекли, и онъ ослѣпъ. Все лицо страшное, а улыбка нѣжная, дѣтская.

Онъ заговорилъ такъ, какъ будто слѣпыми глазами видѣлъ то, о чемъ говорилъ.

— Охъ, батюшка, батюшки бѣдненькіе! Чего испугались? *Самого*-то нѣтъ еще, не видимъ и не слышимъ. Предтечи были многіе и нынѣ есть, и по сихъ еще будутъ. Путь ему гладокъ творятъ. А какъ выгладятъ, да вычистятъ все, тутъ *самъ* онъ и явится. Отъ нечистой дѣвы родится, и войдетъ въ него сатана. И во всемъ уподобится льстецъ Сыну Божію: чистоту соблюдетъ; будетъ постенъ и кротокъ, и милостивъ; больныхъ исцѣлитъ, голодныхъ накормитъ, бездомныхъ пріютитъ и упокоитъ страждущихъ. И придутъ къ нему званые и незваные, и поставятъ царемъ

надъ всѣми народами. И соберетъ онъ всю силу свою, отъ восхода солнца до запада; убѣлитъ море парусами, очернитъ поле щитами. И скажетъ: обойму вселенпую горстью моею, яко гнѣздо, и яко оставленныя яйца, восхищу! И чудеса сотворитъ и великія знаменья: переставитъ горы, пойдетъ по водамъ стопами немокрыми, сведетъ огонь съ неба и бѣсовъ покажетъ, яко ангеловъ свѣта, и воинства безплотныхъ, имъ же нѣтъ числа; и съ трубами и гласами, и воплемъ крѣпкимъ, и неимовѣрными пѣснями, возблистаетъ, яко солнце, тьмы начальникъ, и на небо взлетитъ, и на землю сойдетъ, со славою многою. И сядетъ во храмѣ Бога Всевышняго и скажетъ: Богъ есмь азъ. И поклонятся ему всѣ, говоря: Ты Богъ, и нѣтъ иного Бога, кромѣ тебя. И станетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ. И тогда восплачется земля, и возрыдаетъ море; небо не дастъ росы своей, тучи—дождя; море исполнится смрада и гнуса; рѣки изсохнутъ, студенцы оскудѣютъ. Люди будутъ умирать отъ глада и жажды. И придутъ къ Сыну Погибели, и скажутъ: дай намъ ѣсть и пить. И посмѣется надъ ними и поругается. И познаютъ, яко Звѣрь есть. И побѣгутъ отъ лица его, но нигдѣ не укроются. И тьма на нихъ будетъ—плачъ на плачъ, горе на горе. И будутъ видомъ человѣки, какъ мертвые, и лѣпоты увянутъ женскія, и у мужей не станетъ похоти. Повергнутъ злато и сребро на торжищахъ—и никто не подыметъ. И будутъ издыхать отъ скорби своей, и кусать языки свои, и хулить Бога Живого. И тогда силы небесныя поколеблются, а явится знаменье Сына Человѣческаго на небѣ. Се грядетъ. Ей, гряди, Господи! Аминь. Аминь. Аминь.

Онъ умолкъ и вперилъ слѣпые глаза на востокъ, какъ будто уже видѣлъ то, чего еще никто не видѣлъ, тамъ на краю небесъ, въ громадахъ темныхъ тучъ, залитыхъ кровью и золотомъ. Огненныя полосы ширились по небу, какъ огненныя крылья серафимовъ, павшихъ ницъ, во славѣ грядущаго Господа. Надъ черною стѣною лѣса появился раскаленный уголь, ослѣпительный. Лучи его, дробясь объ

острыя верхушки черныхъ елей, заиграли многоцвѣтной радугой. И огонь костра померкъ въ огнѣ солнца. И земля, и небо, и воды, и листья, и птицы — вся тварь — и сердца человѣческія восклицали съ великою радостью: ей, гряди, Господи!

Тихонъ испытывалъ знакомый ему съ дѣтства ужасъ и радость конца.

Софья, крестясь на солнце, призывала крещеніе огненное, вѣчное солнце—красную смерть.

А Иванушка-дурачекъ, попрежнему сидя на корточкахъ, обнявъ колѣни руками, тихонько покачиваясь и глядя на Востокъ — начало дня, пѣлъ вѣчному Западу — концу всѣхъ дней:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя!
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ Западу,
Сѣкира лежитъ при корени,
Приходятъ времена послѣднія.

II

Въ скиту былъ братскій сходъ, для совѣщанія о спорныхъ письмахъ Аввакумовыхъ.

Многострадальный протопопъ послалъ на Керженецъ другу своему, старцу Сергію письма о св. Троицѣ съ надписью: „прими, Сергій, вѣчное сіе евангеліе, не мною, но перстомъ Божіимъ писанное“.

Въ письмахъ утверждалось: „Существо св. Троицы сѣкомо на три равныхъ и раздѣльныхъ естества. Отецъ, Сынъ и Духъ Святый имѣютъ каждый особое сидѣніе на трехъ престолахъ, какъ три Царя Небесные. Христосъ сидитъ

на четвертомъ престолѣ, особомъ, соцарствуя св. Троицѣ. Сынъ Божій воплотился во утробу Дѣвы, кромѣ существа, только благодатью, а не Ѵпостасью".

Діаконъ Ѳедоръ обличалъ Аввакума въ ереси. Старецъ Онуфрій, ученикъ Аввакума обличалъ въ томъ же діакона Ѳедора. Послѣдователи Ѳедора, единосущники, обзывали онуфріянъ трисущниками, а тѣ въ свою очередь поносили единосущниковъ кривотолками. И учинилось великое разсѣченіе, „и вмѣсто горящей прежней любви, вселилася въ братію ненависть и оболганіе, и всякая злоба".

Дабы утолить раздоръ церковный, собранъ былъ сходъ въ Долгіе Мхи, и призванъ для отвѣта ученикъ старца Онуфрія, по кончинѣ его, единый глава и учитель онуфріева толка, о. Іероѳей.

Сошлись у матери Голендухи въ кельѣ, стоявшей на полянѣ среди лѣса, внѣ скитской ограды. Онуфріяне отказались вести споръ въ самомъ скиту, опасаясь обычной рукопашной схватки, которая могла для нихъ кончиться плохо, такъ какъ единосущниковъ было больше, чѣмъ трисущниковъ.

Тихонъ присутствовалъ на сходѣ. А старецъ Корнилій не пошелъ. „Чего болтать по пусту, — говорилъ онъ,— горѣть надо; въ огнѣ и познаешь истину".

Келья, просторная изба, раздѣлялась на двѣ половины: малую боковушу—жилую свѣтлицу—и большую моленную. Кругомъ, вдоль бревенчатыхъ стѣнъ, стояли на полкахъ образа. Передъ ними теплились лампады и свѣчи. На подсвѣчникахъ висѣли тетеревиные хвосты для гашенія свѣчей. По стѣнамъ лавки. На нихъ толстыя книги въ кожаныхъ и деревянныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками и рукописныя тетрадки; самыя древнія писанія великихъ пустынныхъ отцовъ — на берестѣ.

Было душно и темно, несмотря на полдень: ставни на окнахъ съ паюсными окончинами изъ мутнаго рыбьяго пузыря закрыты отъ солнца. Лишь кое-гдѣ изъ щелей протянулись иглы свѣта, отъ которыхъ огни лампадъ и свѣчей

краснѣли тускло. Пахло воскомъ, кожей, потомъ и ладаномъ. Дверь на крыльцо была открыта, сквозь нее видна залитая солнцемъ поляна и темный лѣсъ.

Старцы въ черныхъ рясахъ и куколяхъ-кафтыряхъ тѣснились, окружая стоявшаго посерединѣ моленной передъ налоемъ, о. Іероѳея. У него былъ видъ степенный, лицо бѣлое, какъ просвирка, сытое, глаза голубые, немного раскосые и съ разнымъ выраженіемъ: въ одномъ — христіанское смиреніе, въ другомъ—„философское киченіе". Голосъ имѣлъ онъ увѣтливый, „яко сладковѣщательная ластовица". Одѣтъ щеголемъ; ряса тонкаго сукна, кафтырь бархатный, наперсный крестъ съ лалами. Отъ золотистыхъ сѣдинъ его вѣяло благоуханіемъ розоваго масла. Среди убогихъ старцевъ, лѣсныхъ мужиковъ— настоящій бояринъ, или архіерей никоніанскій.

О. Іероѳей былъ мужъ ученый; „книжную мудрость и разумъ, яко губа воду, въ себя почерпалъ". Но враги утверждали, что мудрость его не отъ Бога; имѣлъ онъ, будто бы, два ученія: одно явное, православное—для всѣхъ; другое тайное, еретическое—для избранныхъ, большею частью знатныхъ и богатыхъ людей. Простыхъ же и бѣдныхъ прельщалъ милостыней.

Съ ранняго утра до полудня прелися единосущники съ трисущниками, но ни къ чему не пришли. О. Іероѳей все увиливалъ—„глаголалъ сѣмо и овамо". Какъ ни насѣдали на него старцы, не могли обличить.

Наконецъ, въ жару спора, ученикъ о. Іероѳея, братъ Спиридонъ, восторглазый, черномазый, съ кудерками, похожими на пейсы жидовскіе, вдругъ выскочилъ впередъ и крикнулъ во весь голосъ:

— Троица рядкомъ сидитъ, Сынъ одесную, а Духъ ошуюю Отца. На разныхъ престолахъ, не спрятався, сидятъ три Царя Небесные, а Христосъ на четвертомъ престолѣ особномъ!

— Четверишь Троицу!—закричали отцы въ ужасѣ.

— А по вашему кучею надобно, едино Лицо? Врешь,

не едино, а три, три, три!—махалъ о. Спиридонъ рукою, какъ будто рубилъ топоромъ.—Вѣруй въ Трисущную, Несѣкомую сѣки, небось, едино не трое, а Естество Христа—четвертое!..

И онъ пустился толковать различіе существа отъ естества: Существо-де Сына внутрь, а Естество подлѣ ногъ Отца сидитъ.

— Не существомъ, а естествомъ единымъ Богъ вочеловѣчился. Аще бы существомъ сошелъ на землю, всю бы вселенную попалило, и пречистой Богоматери чрево не возмогло бы понести всего Божества—такъ бы и сожгло ей чрево-то!

— О, заблудшій и страстный, вниде въ совѣсть свою, познай Господа, исторгни отъ себя корень ереси, престани, покайся, миленькій!—увѣщевали старцы.—Кто тебѣ сказалъ, или когда видѣлъ: особно и не спрятався, сидятъ три Царя Небесные? Его же бо ангелы и архангелы не могутъ зрѣти, а ты сказалъ: не спрятався, сидятъ! И какъ не опалился языкъ сказавшаго такое?..

Но Спиридонъ продолжалъ вопить, надсѣдаясь:

— Три, три, три! Умру за три! У меня-де и огнемъ изъ души не выжжешь!..

Видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, приступили опять къ самому о. Іероѳею.

— Чего мотаться? Говори прямо: какъ вѣруешь, въ Единосущную, аль Трисущную?.

О. Іероѳей молчалъ и только брезгливо усмѣхался въ бороду. Видно было, что онъ презираетъ съ высоты своей учености всѣхъ этихъ простецовъ, какъ смердовъ.

Но отцы приставали къ нему все яростнѣе—„яко козлы, на него пырскали“.

— Чего молчишь? Аль оглохъ? Затыкаешь уши свои, яко аспидъ глухій!

— Зашибся и вознесся, яко гордый Фараонъ!

— Не захотѣлъ со отцами въ совѣтѣ быть, всѣхъ возгнушался, разсѣкъ любовь отеческую!

— Мятежникъ и смутитель христіанскій!

— Чего лѣзете? — не выдержавъ, наконецъ, огрызнулся о. Іероѳей, отступая незамѣтно къ дверямъ боковуши.—Не находи́те! Не вамъ за меня отвѣчать. Спасусь ли, аль не спасусь, вамъ какое дѣло? Вы себѣ живите, а мы себѣ. Намъ съ вами не сообщно. Пожалуйте, не находите!

О. Провъ, сѣдой какъ лунь, но еще крѣпкій и кряжистый старикъ, махалъ передъ самымъ носомъ о. Іероѳея вязовою дубиною:

— Еретичище безумный! Какъ такою дубиною судія градской да станетъ тя по бокамъ похаживать, такъ ты скажешь едину у себя вѣру, трисущную, либо единосущную. А то стало тебѣ на волѣ, такъ и бредишь, что̀ хошь...

— Миръ вамъ, братья о Христѣ! — раздался голосъ тихій, но такой непохожій на другіе голоса, что его услышали всѣ; то говорилъ схимникъ о. Мисаилъ, пришедшій изъ дальней пустыни, великій подвижникъ—„лѣтами младъ, но умъ столѣтенъ“.—Что се будетъ, родимые батюшки? Не діаволъ ли воюетъ въ васъ и распаляетъ мятежомъ братоубійственнымъ? И никто не ищетъ воды живой, дабы пламень сатанинскій угасить, но всякъ ищетъ смолы, изгребія и тростія сухого на распаленіе горшее. Ей, отцы, не слыхалъ я и въ никоніанахъ такого братоненавидѣнія! И ежели они про то увѣдаютъ и начнутъ насъ паки мучить и убивать, то уже неповинны будутъ предъ Богомъ, и намъ тѣ муки начало болѣзнямъ будутъ вѣчныхъ мукъ.

Всѣ замолчали, какъ будто вдругъ опомнились.

О. Маисалъ сталъ на колѣни и поклонился въ ноги сперва всему сходу, потомъ отдѣльно о. Іероѳею.

— Простите, отцы! Прости, Іероѳеюшка, братецъ миленькій! Велика премудрость твоя, огненый въ тебѣ умъ Помилуй же насъ, убогихъ, отложи письма спорныя, сотвори любовь!

Онъ всталъ и хотѣлъ обнять Іероѳея. Но тотъ не позволилъ, самъ опустился на колѣни и поклонился въ ноги о. Мисаилу.

— Прости отче! Я—кто? Мертвый песъ. И какъ могу разумѣть выше собора вашего священнаго? Ты говоришь, огненный во мнѣ умъ. Ей, тщету наводишь душѣ моей! Я—человѣкъ, равный роду, живущему въ тинахъ кальныхъ, ихъ же лягушками зовутъ. Яко свинія отъ рожецъ, наполняю чрево свое. Аще бы не Господь помогалъ мнѣ, вмалѣ не во адъ вселилась бы душа моя. Еле-еле отдыхаю отъ похотей, задавляющихъ мя. Охъ, мнѣ, грѣшнику! А тебя, Мисаилушка, спаси Богъ, на поученьи твоемъ...

О. Мисаилъ съ кроткой улыбкой опять протянулъ было руки, чтобы обнять о. Іероѳея. Но тотъ поднялся на ноги и оттолкнулъ его, съ лицомъ искаженнымъ такою гордыней и злобою, что всѣмъ стало жутко.

— Спаси Богъ на поученіи твоемъ, — продолжалъ онъ вдругъ измѣнившимся, дрожащимъ отъ ярости голосомъ,— что насъ, неразумныхъ, поучаешь и наказуешь! А Хорошо бы, другъ, и мѣру свою знать! Высоко летаешь, да лишь бы съ высоты той не свалиться внизъ! Отъ кого ты учительской-отъ санъ воспріялъ, и кто тебя въ учители поставилъ? Всѣ нынѣ учители стали, а послушать некому! Горе намъ и времени сему, и живущимъ въ немъ! Дитя ты молоденькое, а дерзаешь высоко. Намъ, право, и слушать-то тебя не хочется. Учи себѣ, кто твоему разуму послѣдуетъ, а отъ насъ поотступи, пожалуй. Хороши учители! Иной дубиной грозитъ, а иной любовью льститъ. Да что въ любви той, когда на разрушеніе истины любимся. И сатана любитъ вѣрныхъ своихъ. Мы же, яко сытости не имѣемъ любить Христа, такъ и враговъ Его ненавидѣть! Аще и умереть мнѣ Богъ изволитъ, не соединюсь съ отступниками! Чистъ есмь азъ и прахъ прилипшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше одинъ творящій волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ!

И среди всеобщаго смятенія, о. Іероѳей, прикрываемый своими подручными, шмыгнулъ въ дверь боковуши.

О. Мисаилъ отошелъ въ сторону и началъ тихонько молиться, повторяя все одно и то же:

— Бѣда идетъ, бѣда идетъ. Помилуй, Матерь Пречистая!

А старцы опять закричали, заспорили, пуще прежняго.

— Спирка, а, Спирка, поганецъ, слушай: Сынъ одесную Отца на престолѣ сидитъ. Да и ладно такъ, дитятко бѣшеное, не замай Его, не пихай поганымъ своимъ языкомъ съ престола того царскаго къ ногамъ Отца!..

— Проклятъ, проклятъ, проклятъ! Анаѳема! Аще бы и ангелъ возвѣстилъ что̀ паче Писанія, анаѳема!

— Невѣжды вы! Не умѣете разсуждать Писанія. Что съ вами, деревенскими олухами, рѣчи терять!

— Затворилъ тя Богъ въ противленіе истинѣ! Погибай со своими, окаянный!

— Да не буде намъ съ вами общенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ!

Всѣ говорили вмѣстѣ, и никто никого не слушалъ.

Теперь уже не только единосущники трисущникамъ, но и братья братьямъ въ обоихъ толкахъ готовы были перервать горло изъ-за всякой малости: крестообразнаго или троекратнаго кажденія, яденія чесноку въ день Благовѣщенья и Сорока мучениковъ, воздержанія поповъ отъ луку за день до литургіи, правила не сидѣть въ говѣніи, возложивши ногу на ногу, чтенія *вовѣки вѣкомъ*, или *вовѣки вѣковъ*—изъ-за каждой буквы, запятой и точки въ старыхъ книгахъ.

— И малая-де опись содѣваетъ великую ересь!

— Умремъ за одинъ азъ!

— Тверди, какъ въ старыхъ книгахъ писано, да молитву Іисусову грызи—и все тутъ!

— Разумѣй, Ѳедька, врагъ Божій, собака, блядинъ сынъ, адовъ песъ — Христосъ и Петровъ крестъ: у Христова чебышокъ надъ колодкою, а у Петрова нѣтъ чебышка,—доказывалъ осипшимъ голосомъ братъ Уліанъ, долгомпинскій начетчикъ, всегда тихій и кроткій, а теперь точно изступленный, съ пѣною у рта, со вздувшимися на вискахъ жилами и налитыми кровью глазами.

— Чебышокъ, чебышокъ надъ колодкою!—надрывался Ѳедоска.

— Нѣтъ чебышка! Нѣтъ чебышка! — вопилъ Уліанъ.

А на поддачу ему, о. Трифилій, другой начетчикъ выскочилъ, разсказывали впослѣдствіи, „яко ершъ изъ воды, выя коломъ, глава копыломъ, весь дрожа и трясыйся, отъ великой ревности; кости сжимахуся, члены щепетаху, брада убо плясаша, а зубы щелкаху, гласъ его бяша, яко верблюда въ мести, непростимъ, и неукротимъ, и ужасенъ отъ дикости“.

Онъ уже ничего не доказывалъ, а только ругался по матерному. Ему отвѣчали тѣмъ же. Начали богословіемъ, кончили сквернословіемъ.

— Сатана за кожу тебѣ залѣзъ!..

— Чернечишка плутъ, за сткляницу вина душу продалъ!..

— О, дерзости, о, мерзости! Свинья сый, окаянный и земли недостойный, ниже свѣта сего зрѣти! Заблудящій скотъ!..

— Обрѣтаются нѣкоторые гады, изъ чрева своего гадятъ, будто бы св. Троица...

— Слушайте, слушайте о Троицѣ!..

— Есть чего слушать? Не мощно твоего плетенія расковыряти: яко лапоть сковырялъ, да и концы потерялъ...

— Я небесныя тайны вѣщаю, мнѣ дано!

— Полно молоть! Заткни хайло онучей!

— Прокляты! Прокляты! Анаѳема!

На мужичьемъ соборѣ въ Ветлужскихъ лѣсахъ спорили почти такъ же, какъ четырнадцать вѣковъ назадъ, во времена Юліана Отступника, на церковныхъ соборахъ при дворѣ Византійскихъ императоровъ.

Тихонъ глядѣлъ, слушалъ—и ему казалось, что не люди спорятъ о Богѣ, а звѣри грызутся, и что тишина его прекрасной матери-пустыни навѣки поругана этими кощунственными спорами.

Подъ окнами кельи послышались крики. Мать Голен-

духа, мать Меропія и мать Улѣя старая выглянули въ окна и увидѣли, что цѣлая толпа выходитъ на поляну изъ лѣсу, со стороны обители. Тогда вспомнили, какъ однажды, во время такого же братскаго схода на Керженцѣ въ Ларіоновомъ починкѣ, подкупленные бѣльцы, трудники и бортники пришли къ избѣ, гдѣ былъ сходъ, съ пищалями, рогатинами, дреколіемъ и напали на старцевъ.

Опасаясь, какъ бы и теперь не случилось того же, матери бросились въ моленную и задвинули наружную дверь толстыми дубовыми засовами въ то самое мгновеніе, когда толпа уже ломилась и стучалась:

— Отворите! Отворите!

Кричали и еще что-то. Но мать Голендуха, которая всѣмъ распоражалась, тугая на ухо, не разслышала. А прочія матери только безъ толку метались и кудахтали, какъ перепуганныя курицы. Оглушали ихъ и крики внутри моленной, гдѣ отцы, не обращая ни на что вниманія, продолжали спорить.

О. Спиридонъ объявилъ, что „ухомъ-де Христосъ вниде въ Дѣву и неизреченно бокомъ изыде“.

О. Трифилій плюнулъ ему въ лицо. О. Спиридонъ схватилъ о. Трифилія за бороду, сорвалъ съ него кафтырь и хотѣлъ ударить по плѣши мѣднымъ крестомъ. Но старецъ Провъ вязовою дубиною вышибъ у о. Спиридона крестъ изъ рукъ. Онуфріанскій начетчикъ, здоровенный дѣтина Архипка, ринулся на о. Прова и такъ хватилъ его кулакомъ по виску, что старикъ упалъ замертво. Началась драка. Точно бѣсы обуяли старцевъ. Въ душной тьмѣ, едва озаренной тусклымъ свѣтомъ лампадъ и тонкими иглами солнца, мелькали страшныя лица, сжатые кулаки, ременныя четки, которыми хлестали по глазамъ другъ друга, разорванныя книги, оловянные подсвѣчники, горящія свѣчи, которыми тоже дрались. Въ воздухѣ стояла матерная брань, стонъ, ревъ, вой, визгъ.

Снаружи продолжали стучать и кричать:

— Отворите! Отворите!

Вся изба тряслась отъ ударовъ: то рубили топоромъ ставню.

Мать Улѣя, рыхлая, блѣдная, какъ мучная опара, опустилась на полъ и закликала такимъ пронзительнымъ икающимъ кликомъ, что всѣ ужаснулись.

Ставня затрещала, рухнула, и въ лопнувшій рыбій пузырь просунулась голова скитскаго шорника, о. Мины съ вытаращенными глазами и разинутымъ кричащимъ ртомъ:

— Команда, команда идетъ! Чего, дураки, заперлись? Выходи скорѣе!

Всѣ онѣмѣли. Кто какъ стоялъ съ поднятыми кулаками, или пальцами, вцѣпившимися въ волосы противника, такъ и замеръ на мѣстѣ, окаменѣвъ, подобно изваянію.

Наступила тишина мертвая. Только о. Мисаилъ плакалъ и молился:

— Бѣда пришла, бѣда пришла. Помилуй, Матерь Пречистая!

Очнувшись, бросились къ дверямъ, отперли ихъ и выбѣжали вонъ.

На полянѣ отъ собравшейся толпы узнали страшную вѣсть: воинская команда, съ попами, понятыми и подьячими, пробирается по лѣсу, уже разорила сосѣдній Морошкинъ скитъ на рѣкѣ Унжѣ и не сегодня, завтра будетъ въ Долгихъ Мхахъ.

III

Тихонъ увидѣлъ старца Корнилія, окруженнаго толпою скитниковъ, мужиковъ, бабъ и ребятъ изъ окрестныхъ селеній.

— Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся,—проповѣдывалъ старецъ,—гряди въ огонь со дерзно-

веніемъ, Господа ради, постражди! Такъ размахавъ, да и въ пламя! На вось, діаволъ, еже мое тѣло; до души моей дѣла тебѣ нѣтъ! Нынѣ намъ отъ мучителей—огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлица; тамо же—ангельскія пѣсни и славословіе, и хвала, и радованіе. Когда оживотворятся мертвыя тѣла наши Духомъ Святымъ—что ребенокъ изъ брюха, вылѣземъ паки изъ земли-матери. Пророки и праотцы не уйдутъ отъ искуса, всѣхъ святыхъ лики пройдутъ рѣку огненную — только мы свободны: то-де намъ искусъ, что нынѣ сгорѣли; то намъ рѣка огненная, что сами—въ огонь. Загоримся, яко свѣчи, въ жертву Господу! Испечемся, яко хлѣбъ сладокъ, св. Троицѣ! Умремъ за любовь Сына Божьяго! Краше солнца красная смерть!

— Сгоримъ! Сгоримъ! Не дадимся антихристу! — заревѣла толпа неистовымъ ревомъ.

Бабы и дѣти громче мужиковъ кричали:

— Бѣги, бѣги въ полымя! Зажигайся! Уходи отъ мучителей!

— Нынѣ скиты горятъ, — продолжалъ старецъ, —а потомъ и деревни, и села, и города зажгутся! Самъ взялъ бы я огонь и запалилъ бы Нижній, возвеселился бы, дабы изъ конца въ конецъ сгорѣлъ! Ревнуя же намъ Россія и вся погоритъ!..

Глаза его пылали страшнымъ огнемъ; казалось, что это огонь того послѣдняго пожара, которымъ истребится міръ.

Когда онъ кончилъ, толпа разбрелась по полянѣ и по опушкѣ лѣса.

Тихонъ долго ходилъ по рядамъ, прислушиваясь къ тому, что говорили въ отдѣльныхъ кучкахъ. Ему казалось, что всѣ сходятъ съ ума.

Мужикъ говорилъ мужику:

— Само царство небесное въ ротъ валится, а ты откладываешь: ребятки-де малые, жена молода, разориться не хочется. А ты, душа, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ да горшокъ, а третье — лапти на ногахъ. Баба,

и та въ огонь просится. А ты — мужикъ, да глупѣе бабы. Ну, дѣтей переженишь и жену утѣшишь. А потомъ что? Не гробъ ли? Горѣть не горѣть, все одно умереть!

Инокъ убѣждалъ инока:

— Какое-де покаянье — десять лѣтъ эпитимья! Гдѣ то поститься, да молиться? А то, какъ въ огонь, такъ и покаяніе все — ни трудись, ни постись, да часомъ въ рай вселись: всѣ-то грѣхи очиститъ огонь. Какъ ужъ сгорѣлъ, ото всего ушелъ!

Дѣдъ звалъ дѣда:

— Полно уже, голубокъ, жить. Рѣпа-де брюхо проѣла. Пора на тотъ свѣтъ, хоть бы въ малые мученики!

Парнишки играли съ дѣвчонками:

— Пойдемъ въ огонь! На томъ свѣтѣ рубахи будутъ золотыя, сапоги красные, орѣховъ и меду, и яблокъ довольно.

— Добро и младенцы сгорятъ,—благословляли старцы, — да не согрѣшатъ, выросши, да не брачатся и не родятся, но лучше чистота да не растлится!

Разсказывали о прежнихъ великихъ гаряхъ.

Въ скиту Палеостровскомъ, гдѣ со старцемъ Игнатіемъ сожглось 2.700 человѣкъ, было видѣніе: когда загорѣлась церковь—послѣ большого дыму, изъ самой главы церковной, изшелъ о. Игнатій со крестомъ, а за нимъ прочіе старцы и народа множество, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, въ великой славѣ и свѣтлости, рядами шли на небо и прошедши небесныя двери, сокрылись.

А на Пудожскомъ погостѣ, гдѣ сгорѣло душъ 1.920, ночью караульные солдаты видѣли спустившійся съ неба столбъ свѣтлый, цвѣтами разными цвѣтущій, подобно радугѣ; и съ высоты столпа сошли три мужа въ ризахъ сіявшихъ какъ солнцѣ и ходили около огнища по-солонь; одинъ благословлялъ крестомъ, другой кропилъ водой, третій кадилъ ѳиміамомъ, и всѣ трое пѣли тихимъ гласомъ; и такъ обойдя трикраты, опять вошли въ столпъ и поднялись на небо. Послѣ того многіе видѣли въ кануны Вселенскихъ

субботъ въ ночи на томъ же мѣстѣ горящія свѣчи и слышали пѣніе неизреченное.

А мужику въ Поморьѣ было иное видѣніе. Огневицей лежалъ онъ безъ памяти и увидѣлъ колесо вертящееся, огненное, и въ томъ колесѣ человѣковъ мучимыхъ и вопіющихъ: се мѣсто не хотѣвшихъ самосгорѣть, но во ослабѣ живущихъ и антихристу работающихъ; иди и проповѣждь во всю землю, да всѣ погорятъ!—Уканула же ему капля на губу отъ колеса. Мужикъ проснулся, а губа сгнила. И проповѣдалъ людямъ: добро-де горѣть, а се-де мнѣ знаменье на губѣ покойники сдѣлали, кои не хотѣли горѣть.

Киликея кликуша, сидя на травѣ, пѣла стихъ о женѣ Аллилуевой.

Когда жиды, посланные Иродомъ, искали убить младенца Христа, жена Аллилуева укрыла Его, а свое собственное дитя бросила въ печь.

Какъ возговоритъ ей Христосъ, Царь Небесный:
Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Ты скажи Мою волю всѣмъ Моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради Меня они въ огонь кидались
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ.

Но кое-гдѣ уже слышались голоса противъ самосожженія:

— Батюшки миленькіе, — умолялъ о. Мисаилъ,—добро ревновать по Богѣ, да знать мѣру! Самовольно-мученичество не угодно Богу. Единъ путь Христовъ: не взятымъ утекать, взятымъ же терпѣть, а самимъ не наскакивать. Отдохните отъ ужаса, бѣдные!

И неистовый о. Трифилій соглашался съ кроткимъ о. Мисаиломъ.

— Не полѣно есть, чтобъ ни за что горѣть! Ужли же, собравшись, яко свиньи въ хлѣвъ, запалитесь?

— Безсловесіе глубокое! — брезгливо пожималъ плечами с. Іероѳей.

Мать Голендуха, которая уже горѣла разъ, да не сгорѣла — вытащили и водой отлили, — устрашала всѣхъ разсказами о томъ, какъ тѣла въ огнѣ пряжатся и корчатся, голова съ ногами аки вервью скручиваются, а кровь кипитъ и пѣнится, точно въ горшкѣ варево. Какъ, послѣ гари, тѣла лежатъ, въ толстоту велику раздувшись и огнемъ упекшись, мясомъ жаренымъ пахнутъ; иныя же цѣлы, а за что ни потянешь, то и оторвется. Псы ходятъ, рыла зачернивши, печеныхъ тѣхъ мясъ жрутъ, окаянные. На пожарищѣ смрадъ тяжкій исходитъ долгое время, такъ что невозможно никому пройти, не заткнувши носа. А во время самой гари, вверху пламени, видѣли однажды двухъ бѣсовъ черныхъ, на подобье эѳіоповъ, съ нетопырьими крыльями, ликующихъ и плещущихъ руками, и вопіющихъ: наши, наши есте! И многіе годы на мѣстѣ томъ каждую ночь слышались гласы плачевные: охъ, погибли! охъ, погибли!

Наконецъ, противники самосожженія приступили къ старцу Корнилію:

— Почто самъ не сгорѣлъ? Когда то добро, вамъ бы, учителямъ, напередъ! А то послушниковъ бѣдныхъ въ огонь пихаете, животишекъ ради отморныхъ себѣ на разживу. Всѣ-то вы таковы, саможженія учители; хорошо, хорошо, да инымъ, а не вамъ. Бога побойтесь, довольно прижгли, хоть останки помилуйте!

Тогда, по знаку старца, выступилъ парень Кирюха, лютый зажигатель. Помахивая топоромъ, крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ:

— Кто горѣть не хочетъ добромъ, выходи съ топоромъ — будемъ биться. Кто кого зарубитъ, тотъ и правъ будетъ. Меня убьетъ — неугодно-де Богу сожженіе, а я убью — зажигайся!

Никто не принялъ вызова, и за Кирюхой осталась побѣда.

Старецъ Корнилій вышелъ впередъ и сказалъ:

— Хотящіе горѣть — стань одесную, не хотящіе — ошую!

Толпа раздѣлилась. Одна половина окружила старца; другая отошла въ сторону. Самосожженцевъ оказалось душъ восемьдесятъ, не желавшихъ горѣть—около ста.

Старецъ осѣнилъ насмертниковъ крестнымъ знаменіемъ и, поднявъ глаза къ небу, произнесъ торжественно:

— Тебя ради, Господи, и за вѣру Твою, и за любовь Сына Божія Единороднаго умираемъ. Не щадимъ себя сами, души за Тя полагаемъ, да не нарушимъ своего крещенія, принимаемъ второе крещеніе огненное, сожигаемся, антихриста ненавидя. Умираемъ за любовь Твою пречистую!

— Гори, гори! Зажигайся! — опять заревѣла толпа неистовымъ ревомъ.

Тихону казалось, что, если онъ останется дольше въ этой безумной толпѣ, то самъ сойдетъ съ ума.

Онъ убѣжалъ въ лѣсъ. Бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не смолкли крики. Узкая тропинка привела его къ знакомой лужайкѣ, поросшей высокими травами и окруженной дремучими елями, гдѣ нѣкогда молился онъ сырой землѣ-матери. На темныхъ верхушкахъ гасло вечернее солнце. По небу плыли золотыя тучки. Чаща дышала смолистою свѣжестью. Тишина была безконечная.

Онъ легъ ничкомъ на землю, зарылся въ траву и опять, какъ тогда, у Круглаго озера, цѣловалъ землю, молился землѣ, какъ будто зналъ, что только земля можетъ спасти его отъ огненнаго бреда красной смерти:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

Вдругъ почувствовалъ, что кто-то положилъ ему руку на плечо — обернулся и увидѣлъ Софью.

Она склонилась надъ нимъ и смотрѣла въ лицо его молча, пристально.

Онъ тоже молчалъ, глядя на нее снизу, такъ что лицо дѣвушки, подъ чернымъ скитскимъ платкомъ въ роспускъ, выдѣлялось четко на золотистой лазури неба, какъ ликъ

святой на золотѣ иконы. Блѣдною ровною матовой блѣдностью, съ губами алыми и свѣжими, какъ полураскрытый цвѣтокъ, съ глазами дѣтскими и темными, какъ омутъ — лицо это было такъ прекрасно, что духъ у него захватило, точно отъ внезапнаго испуга.

— Вотъ ты гдѣ, братецъ! — проговорила, наконецъ, Софья. — А старецъ-то ищетъ вездѣ, ума не приложитъ, куда пропалъ. Ну, вставай же, пойдемъ, пойдемъ скорѣе!

Она была вся торопливая и радостная, словно праздничная.

— Нѣтъ, Софья,—произнесъ онъ спокойно и твердо.— Не пойду я больше туда. Полно, будетъ съ меня. Насмотрѣлся, наслушался. Уйду, совсѣмъ уйду изъ обители...

— И горѣть не будешь?

— Не буду.

— Безъ меня уйдешь?

Онъ взглянулъ на нее съ мольбою.

— Софьюшка, голубушка! Не слушай безумныхъ. Не надо горѣть, — нѣтъ на то воли Господней! Грѣхъ великій, искушеніе бѣсовское! Уйдемъ вмѣстѣ, родная!..

Она склонилась къ нему еще ниже, съ лукавой и нѣжной улыбкою, приблизила къ его лицу лицо свое, уста къ устамъ, такъ что онъ почувствовалъ ея горячее дыханье.

— Не уйдешь никуда! — прошептала страстнымъ шопотомъ.—Не пущу тебя, миленькій!..

И вдругъ охватила голову его обѣими руками, и губы ихъ слились.

— Что ты, что ты, сестрица? Развѣ можно? Увидятъ...

— Пусть видятъ! Все можно, все очиститъ огонь. Только скажи, что хочешь горѣть... Хочешь? — спросила она чуть слышнымъ вздохомъ, прижимаясь къ нему все крѣпче и крѣпче.

Безъ мысли, безъ силы, безъ воли, отвѣтилъ онъ такимъ же вздохомъ:

— Хочу!

На темныхъ еляхъ послѣдній лучъ солнца погасъ, и

золотыя тучки посѣрѣли, какъ пепелъ. Воздухъ дохнулъ благовонною влажностью. Лѣсъ пріосѣнилъ ихъ дремучею тѣнью. Земля укрыла высокими травами.

А ему казалось, что лѣсъ и трава, и земля, и воздухъ, и небо — все горитъ огнемъ послѣдняго пожара, которымъ долженъ истребиться міръ—огнемъ красной смерти. Но онъ уже не боялся и вѣрилъ, что краше солнца Красная Смерть.

IV

Скитъ опустѣлъ. Иноки разбѣжались изъ него, какъ муравьи изъ разореннаго муравейника.

Самосожженцы собрались въ часовню, стоявшую въ сторонѣ отъ скита, на высокомъ холмѣ, такъ что приближеніе команды не могли не замѣтить издали.

Это былъ срубъ изъ очень ветхаго сухого лѣса, построенный такъ, чтобъ изъ него нельзя было во время гари „выкинуться". Окна — какъ щели. Двери—такія узкія, что едва могъ войти въ нихъ одинъ человѣкъ. Крыльцо и лѣстницу сломали. Къ дверямъ прикрѣпили щиты для запора. На окна опустили слеги и запуски — все изъ толстыхъ бревенъ. Потомъ стали поджогу прилаживать: набросали кудель, солому, пеньку, смолье, бересту; стѣны обмазали дегтемъ; въ особыхъ деревянныхъ желобахъ, обнимавшихъ строеніе, насыпали пороху, а нѣсколько фунтовъ оставили про запасъ, чтобы въ послѣднюю минуту разсыпать по полу дорожками. На крышу поставили двухъ караульныхъ, которые должны были, смѣняясь, днемъ и ночью сторожить, не идутъ ли гонители.

Работали радостно, словно готовились къ празднику. Дѣти помогали взрослымъ. Взрослые становились, какъ дѣти. И всѣ были веселы, точно пьяны. Веселѣе всѣхъ

Петька Жизла. Онъ работалъ за пятерыхъ. Высохшая рука его, съ казеннымъ клеймомъ, печатью Звѣря, исцѣлялась, начинала двигаться.

Старецъ Корнилій бѣгалъ, сновалъ, какъ паукъ въ паутинѣ. Въ глазахъ его, такихъ свѣтлыхъ, что, казалось, они должны въ темнотѣ свѣтиться, какъ зрачки у кошки— съ тяжелымъ и ласковымъ взглядомъ, были странныя чары: на кого эти глаза смотрѣли, тотъ становился безъ воли и творилъ волю старца во всемъ.

— Ну-ка, дружнѣе ребятушки! — шутилъ онъ съ насмертниками.—Я старикъ кряжикъ, а вы дѣтки подгнѣдки: взъѣдемъ прямо на небо, что Илья пророкъ на колесницѣ огненной!

Когда все было готово, стали запираться. Окна, кромѣ одного, самаго узкаго, и входныя двери забили наглухо. Всѣ слушали въ молчаніи удары молотка: казалось, что надъ ними, живыми, заколачиваютъ крышу гроба.

Только Иванушка-дурачекъ пѣлъ свою вѣчную пѣсенку:

Древянъ гробъ сосновенъ
Ради меня строенъ.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

Желавшимъ исповѣдаться старецъ говорилъ:

— Полно-ка, дѣтушки! Чего-де вамъ каяться? Вы теперь, какъ ангелы Божьи, и паче ангеловъ—по слову Давидову— *азъ рѣче: вы бози есте.* Побѣдили всю силу вражью. Нѣтъ надъ вами власти грѣха. Уже согрѣшить не можете. И аще бы кто изъ васъ отца родного убилъ, да соблудилъ съ матерью—святъ есть и праведенъ. Все очиститъ огонь!

Старецъ приказалъ Тихону читать Откровеніе Іоанново, которое никогда ни на какихъ церковныхъ службахъ не читается.

— *И видѣхъ небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая прійдоша. И рече Сѣдяй на престолѣ: се нова*

вся творю. И глагола ми: напиши, яко сіи слова истинна и вѣрна суть. И рече ми: совершишася.

Тихонъ, читая, испытывалъ знакомое чувство конца, съ такою силою, какъ еще ни разу въ жизни. Ему казалось, что стѣны сруба отдѣляютъ ихъ отъ міра, отъ жизни, отъ времени, какъ стѣны корабля отъ воды: тамъ, извнѣ, еще продолжается время, а здѣсь оно уже остановилось, и наступилъ конецъ — совершилося.

— Вижу... вижу... вижу... охъ, батюшки миленькіе!— прерывая чтеніе, закричала Киликея кликуша, вся блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ и неподвижнымъ взоромъ широко открытыхъ глазъ.

— Что видишь, мать?—спросилъ старецъ.

— Вижу градъ великій, святый Іерусалимъ, нисходящъ съ небеси отъ Бога, подобенъ камени драгому, яко камени яспису кристалловидну и смарагду, и сапфиру, и топазію. И двѣнадцать вратъ—двѣнадцать бисеровъ. И стогны града— злато чисто, яко стекло пресвѣтло. А солнца нѣтъ, но слава Божья просвѣщаетъ все. Охъ, страшно, страшно, батюшки!.. Вижу Лицо Его свѣтлѣе свѣта солнечнаго... Вотъ Онъ, вотъ Онъ!.. Къ намъ идетъ!..

И слушавшимъ ее казалось, что они видятъ все, о чемъ она говоритъ.

Когда наступила ночь, зажгли свѣчи и, стоя на колѣняхъ, запѣли тропарь:

— *Се Женихъ грядетъ во полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Блюди убо, душе моя, да не сномъ, отяготися, да не смерти предана будеши и Царствія внѣ затворишися; но воспряни, зовущи: святъ, святъ, святъ, Боже, Богородицею помилуй насъ. День онъ страшный помышляюще, душе моя, побди, вжигающе свѣщу твою, елеемъ просвѣщающи; не вѣси бо, когда пріидетъ къ тебѣ гласъ глаголящій: се, Женихъ!*

Софья, стоя рядомъ съ Тихономъ, держала его за руку. Онъ чувствовалъ пожатье трепетной руки ея, видѣлъ на лицѣ ея улыбку застѣнчивой радости: такъ улыбается не-

вѣста жениху подъ брачнымъ вѣнцомъ. И отвѣтная радость наполнила душу его. Ему казалось теперь, что прежній страхъ его — искушеніе бѣсовское, а воля Господня — красная смерть: *ибо, кто хочетъ душу свою спасти, погубитъ ее, а кто погубитъ душу свою, Меня ради и Евангелія, тотъ спасетъ ее.*

Ждали въ ту же ночь прихода команды. Но она не пришла. Настало утро и, вмѣстѣ съ нимъ — усталость, подобная тяжелому похмѣлью.

Старецъ зорко слѣдилъ за всѣми. Кто унывалъ и робѣлъ, тѣмъ давалъ катыши, въ родѣ ягодъ, изъ пахучаго темнаго тѣста, должно быть, съ одуряющимъ зельемъ. Съѣвшій такую ягоду приходилъ въ изступленіе, переставалъ бояться огня и бредилъ имъ, какъ райскимъ блаженствомъ.

Чтобъ ободрить себя, разсказывали о несравненно, будто бы, болѣе страшной, чѣмъ самосожженіе, голодной смерти въ морильняхъ.

Запощеванцевъ, посхимивъ, сажали въ пустую избу, безъ дверей, безъ оконъ, только съ полатями. Чтобъ не умертвили себя, снимали съ нихъ всю одежду, поясъ и крестъ. Спускали въ избу потолкомъ и потолокъ закрѣпляли, чтобъ кто не „выдрался“. Ставили караульныхъ съ дубинами. Насмертники мучились по три, по четыре, по шести дней. Плакали, молили: „дайте намъ ѣсть!“ Собственное тѣло грызли и проклинали Бога.

Однажды двадцать человѣкъ, посаженныхъ въ ригу, что̀ стояла въ лѣсу для молотьбы хлѣба — какъ стало имъ тошно, взявши каменья, выбили доску и поползли вонъ; а сторожа дубинами по головѣ ихъ били и двоихъ убили, и загородивши дверь, донесли о томъ старцу: что̀ съ ними дѣлать велитъ? И велѣлъ соломой ригу окласть и сжечь.

— Куда-де легче красная смерть: сгоришь—не почувствуешь!—заключали разсказчики.

Семилѣтняя дѣвочка Акулька, все время сидѣвшая смирно на лавкѣ и слушавшая внимательно, вдругъ вся за-

тряслась, вскочила, бросилась къ матери, ухватила ее за подолъ и заплакала, закричала пронзительно:

— Мамка, а, мамка! Пойдемъ, пойдемъ вонъ! Не хочу горѣть!..

Мать унимала ее, но она кричала все громче, все неистовѣе:

— Не хочу горѣть! Не хочу горѣть!

И такой животный страхъ былъ въ этомъ крикѣ, что всѣ содрогнулись, какъ будто вдругъ поняли ужасъ того, что совершалось.

Дѣвочку ласкали, грозили, били, но она продолжала кричать и, наконецъ, вся посинѣвшая, задохшаяся отъ крика, упала на полъ и забилась въ судорогахъ.

Старецъ Корнилій, склонившись надъ ней, крестилъ ее, ударялъ четками и читалъ молитвы на изгнаніе бѣса.

— Изъиде, изъиде, душе окаянный!

Ничто не помогало. Тогда онъ взялъ ее на руки, открылъ ей ротъ насильно и заставилъ проглотить ягоду изъ темнаго тѣста. Потомъ началъ тихонько гладить ей волосы и что-то шептать на ухо. Дѣвочка мало-по-малу затихла, какъ будто заснула, но глаза были открыты, зрачки расширены, и взоръ неподвиженъ, какъ въ бреду. Тихонъ прислушался къ шопоту старца. Онъ разсказывалъ ей о царствіи небесномъ, о райскихъ садахъ.

— А малина, дяденька, будетъ?—спросила Акулька.

— Будетъ, родимая, будетъ, вò какая, большущая—каждая ягодка съ яблоко—и душистая да сладкая, пресладкая.

Дѣвочка улыбалась. Видно было, что у нея слюнки текутъ отъ предвкушенія райской малины. А старецъ продолжалъ ее ласкать и баюкать съ материнскою нѣжностью. Но Тихону чудилось въ свѣтлыхъ глазахъ его что-то безумное, жалкое и страшное, паучье. „Словно къ мухѣ паукъ присосался!“—подумалъ онъ.

Наступила вторая ночь, а команда все еще не приходила.

Ночью одна старица выкинулась. Когда всѣ заснули, даже сторожа, она взлѣзла къ нимъ на вышку, хотѣла спуститься на связанныхъ платкахъ, но оборвалась, упала, расшиблась и долго стонала, охала подъ окнами. Наконецъ, замолкла, должно быть, отползла, или прохожіе подобрали и унесли.

Въ часовнѣ было тѣсно. Спали на полу въ повалку, братья на правой, сестры на лѣвой сторонѣ. Но греза ли сонная, или навожденіе бѣсовское—только въ серединѣ ночи стали шнырять въ темнотѣ осторожныя тѣни, справа налѣво и слѣва направо.

Тихонъ проснулся и прислушался. За окномъ пѣлъ соловей, и въ этой пѣснѣ слышалась лунная ночь, свѣжесть росистаго луга, запахъ еловаго лѣса, и воля, и нѣга, и счастье земли. И точно въ отвѣтъ соловью, слышались въ часовнѣ странные шопоты, шелесты, шорохи, звуки, подобные вздохамъ и поцѣлуямъ любви. Силенъ, видно, врагъ человѣческій: не угашалъ и страхъ смерти, а распалялъ уголь грѣшной плоти.

Старецъ не спалъ. Онъ молился и ничего не видѣлъ, не слышалъ, а если и видѣлъ, то, вѣрно, прощалъ своихъ „бѣдненькихъ дѣтушекъ“:

„Единъ Богъ безъ грѣха, а человѣкъ немощенъ—падаетъ, яко глина и возстаетъ, яко ангелъ. Не то блудъ, еже съ дѣвицею, или вдовицею, но то блудъ, еже въ вѣрѣ блудить; не мы блудимъ, егда тѣломъ дерзаемъ, но церковь, когда ересь держитъ“.

Тихону вспомнился разсказъ о томъ, какъ два старца увели одну дѣвушку въ лѣсъ, верстъ за двадцать, и среди лѣса начали нудить: „Сотвори съ нами, сестра, Христову любовь“. — „Какую, говоритъ, любовь Христову имѣю съ вами творить?“—„Буди, говорятъ, съ нами совокупленіемъ плотскимъ—то есть любовь Христова“. Плачетъ дѣвица: „Бога побойтесь!“ А старцы утѣшаютъ: „Огонь-де насъ очиститъ“. Еще бѣдная упрямится, а они запрещаютъ: „Аще не послушаешь, вѣнца не получишь!“

Вдругъ Тихонъ почувствовалъ, что кто-то обнимаетъ его и прижимается къ нему. Это была Софья. Ему стало страшно. Но онъ подумалъ: все очиститъ огонь. И ощущая сквозь черную скитскую ряску теплоту и свѣжесть невиннаго тѣла, припалъ къ ея устамъ устами съ жадностью.

И ласки этихъ двухъ дѣтей въ темномъ срубѣ, въ общемъ гробу, были такъ же безгрѣшны, какъ нѣкогда ласки пастушка Дафниса и пастушки Хлои на солнечномъ Лесбосѣ.

А Иванушка-дурачекъ, сидя въ углу на корточкахъ со свѣчею въ рукахъ и мѣрно покачиваясь, ожидая „пѣтелева глашенія“, пѣлъ свою вѣчную пѣсенку:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя!

И соловей тоже пѣлъ, заливался о волѣ, о нѣгѣ, о счастьи земли. И въ этомъ соловьиномъ рокотѣ слышался какъ будто нѣжный и лукавый смѣхъ надъ гробовою пѣснью дурачка Иванушки.

И вспоминалась Тихону бѣлая ночь, кучка людей на плоту надъ гладью Невы, между двумя небесами—двумя безднами—и тихая, томная музыка, которая доносилась по водѣ изъ Лѣтняго сада, какъ поцѣлуи и вздохи любви изъ царства Венусъ:

Покинь, Купидо, стрѣлы;
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвле́нны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покоренны.

Передъ разсвѣтомъ восьмидесятилѣтній старикъ Миней хотѣлъ тоже выкинуться. Его поймалъ Кирюха. Они подрались, и Миней едва не зарубилъ Кирюху топоромъ. Старика связали, заперли въ чуланъ. Онъ кричалъ оттуда и бранилъ старца Корнилія непристойною бранью.

Когда на зарѣ Тихонъ выглянулъ въ окошко, чтобы узнать, не пришла ли команда, то увидѣлъ лишь пустынную, залитую солнцемъ поляну, ласково-хмурыя, сонныя ели и лучезарную радугу въ капляхъ росы. На него пахнуло такой благовонною свѣжестью хвои, такимъ нѣжнымъ тепломъ восходящаго солнца, такимъ кроткимъ затишьемъ голубого неба, что опять показалось ему все, что дѣлалось въ срубѣ, сумасшедшимъ бредомъ, или злодѣйствомъ.

Опять потянулся долгій лѣтній день, и напала на всѣхъ тоска ожиданія.

Грозилъ голодъ. Воды и хлѣба было мало—только куль ржаныхъ сухарей, да корзины двѣ просфоръ. Зато вина много, церковнаго краснаго. Его пили съ жадностью. Кто-то, напившись, затянулъ вдругъ веселую кабацкую пѣсню. Она была ужаснѣе самого дикаго вопля.

Начинался ропотъ. Сходились по угламъ, перешептывались и смотрѣли на старца недобрыми глазами. А что, если команда не придетъ? Умирать что ли съ голоду? Одни требовали, чтобы выломали дверь и послали за хлѣбомъ; но въ глазахъ у нихъ видна была тайная мысль: убѣжать. Другіе хотѣли зажечься тотчасъ, не дожидаясь гонителей. Иные молились, но съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, точно богохульствовали. Иные, наѣвшись ягодъ съ дурманомъ, которыя старецъ раздавалъ все чаще, бредили—то смѣялись, то плакали. Одинъ парень, придя въ изступленіе, бросился, схватилъ свѣчу, горѣвшую передъ образомъ, и началъ зажигать поджогу. Едва потушили. Иные цѣлыми часами сидѣли въ молчаньи, въ оцѣпенѣньи, не смѣя смотрѣть другъ другу въ глаза.

Софья, сидя рядомъ съ Тихономъ, который лежалъ на полу, ослабѣвъ отъ безсонныхъ ночей и отъ голода, напѣвала унылую пѣсенку, которую пѣли хлысты на радѣніяхъ—о великомъ сиротствѣ души человѣческой, покинутой въ жизни, какъ въ темномъ лѣсу, Господомъ Батюшкой и Богородицей Матушкой:

Тошнымъ было мнѣ, тошнехонько,
Грустнымъ было мнѣ, грустнехонько.
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется.
Я пойду, млада, ко Батюшкѣ,
Что текутъ ли рѣки быстрыя,
Какъ мосты всѣ размостилися,
Перевозчики отлучилися.
Мнѣ пришло, младой, хоть въ бродъ брести.
Какъ въ бродъ брести, обмочитися,
У Батюшки обсушитися.
Мое сердце растоскуется,
Сердечный ключъ подымается;
Мнѣ къ Матушкѣ въ гости хочется,
Со любезною повидѣться,
Со любезною побесѣдовать.

И пѣсня кончалась рыданіемъ:

Пресвятая Богородица,
Упроси, мой Свѣтъ, объ насъ!
Безъ Тебя, мой Свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ, на матушкѣ,
На сударынѣ кормилицѣ!

Никто ихъ не видѣлъ. Софья склонила голову на плечо Тихона, прислонилась щекой къ щекѣ его, и онъ почувствовалъ, что она плачетъ.

— Охъ, жаль мнѣ тебя, жаль, Тишенька родненькій!— шептала ему на ухо.—Загубила я твою душеньку, окаянная!.. Хочешь бѣжать? Веревку достану. Аль старцу скажу: подземный ходъ есть въ лѣсъ—онъ тебя выведетъ...

Тихонъ молчалъ въ безконечной усталости и только улыбался ей сонною дѣтской улыбкою.

Въ умѣ его проносились далекія воспоминаія, подобныя бреду: самые отвлеченные математическіе выводы; почему-то теперь онъ особенно чувствовалъ ихъ стройное и строгое изящество, ихъ ледяную прозрачность и правильность, за которую, бывало, старый Глюкъ сравнивалъ математику съ музыкой—съ хрустальною музыкой сферъ. При-

помнился также споръ Глюка съ Яковомъ Брюсомъ о Комментаріяхъ Ньютона къ Апокалипсису и сухой, рѣзкій, точно деревянный, смѣхъ Брюса, и слова его, которыя отозвались тогда въ душѣ Тихона такимъ предчувственнымъ ужасомъ: „Въ то самое время, когда Ньютонъ сочинялъ свои Комментаріи,—на другомъ концѣ міра, именно здѣсь, у насъ, въ Московіи, дикіе изувѣры, которыхъ называютъ раскольниками, сочиняли тоже свои комментаріи къ Апокалипсису и пришли почти къ такимъ же выводамъ, какъ Ньютонъ. Ожидая со дня на день кончины міра и второго пришествія, одни изъ нихъ ложатся въ гробы и сами себя отпѣваютъ, другіе сжигаются. Такъ вотъ что́, говорю я, всего любопытнѣе: въ этихъ апокалипсическихъ бредняхъ крайній Западъ сходится съ крайнимъ Востокомъ и величайшее просвѣщеніе—съ величайшимъ невѣжествомъ, что́ дѣйствительно, могло бы, пожалуй, внушить мысль, что конецъ міра приближается, и что всѣ мы скоро отправимся къ чорту!“ И новый, грозный смыслъ пріобрѣтало пророчество Ньютона: „Hypotheses non fingo! Я не сочиняю гипотезъ! Какъ мотылекъ, летящій на огонь, комета упадетъ на солнце — и отъ этого паденія солнечный жаръ возрастетъ до того, что все на землѣ истребится огнемъ. Въ Писаніи сказано: *небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ.* Тогда исполнятся оба пророчества—того, кто вѣрилъ, и того, кто зналъ“. Припомнилось ветхое, изъѣденное мышами октаво изъ библіотеки Брюса, подъ номеромъ 461, съ безграмотной русскою надписью: „Ліонардо Давинчи трактатъ о живописномъ письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ“, и вложенный въ книгу портретъ Леонардо—лицо Прометея, или Симона Мага. И вмѣстѣ съ этимъ лицомъ—другое, такое же страшное—лицо исполина въ кожаной курткѣ голландскаго шкипера, котораго однажды встрѣтилъ онъ въ Петербургѣ на Троицкой площади у кофейнаго дома Четырехъ Фрегатовъ — лицо Петра, нѣкогда столь ненавистное, а теперь вдругъ желанное. Въ обоихъ

лицахъ было что-то общее, какъ бы противоположно-подобное: въ одномъ—великое созерцаніе, въ другомъ — великое дѣйствіе разума. И отъ обоихъ лицъ вѣяло на Тихона такимъ же благодатнымъ холодомъ, какъ отъ горныхъ снѣговъ на путника, изможденнаго зноемъ долинъ. „О физика, спаси меня отъ метафизики!“—вспоминалось ему слово Ньютона, которое твердилъ, бывало, пьяный Глюкъ. Въ обоихъ лицахъ было единое спасеніе отъ огненнаго неба Красной Смерти—„земля, земля, Мати сырая“.

Потомъ все смѣшалось, и онъ заснулъ. Ему приснилось, будто бы онъ летитъ надъ какимъ-то сказочнымъ городомъ, не то надъ Китежемъ-градомъ, или Новымъ Іерусалимомъ, не то Стекольнымъ, подобнымъ „стклу чисту и камени іаспису кристалловидну“; и математика—музыка была въ этомъ сіяющемъ Градѣ.

Вдругъ проснулся. Всѣ суетились, бѣгали и кричали съ радостными лицами.

— Команда, команда пришла!

Тихонъ выглянулъ въ окно и увидалъ вдали, на опушкѣ лѣса, въ вечернемъ сумракѣ, вокругъ пылавшаго костра, людей въ трехуголкахъ, въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными отворотами и мѣдными пуговицами: это были солдаты.

— Команда, команда пришла! Зажигайся, ребята! Съ нами Богъ!

V

Капитанъ Пырскій имѣлъ предписаніе нижегородской архіерейской канцеляріи:

„До раскольничьяго жительства дойти секретно, такъ чтобы не зажглись. А буде въ скиту своемъ, или часовнѣ запрутся, то командѣ стоять около того ихъ пристанища денно и нощно, со всякимъ остерегательствомъ, неоплошно

ратнымъ строемъ, и смотрѣть, и беречь ихъ на-крѣпко, и жечься имъ отнюдь не давать, и уговаривать, чтобъ сдались и принесли вину свою, весьма обнадеживая, что будутъ прощены безъ всякаго озлобленія. И буде сдадутся, то всѣхъ переписать и положа имъ на ноги колодки, или что̀ можетъ заблагопріобрѣтено быть, чтобъ въ дорогѣ утечки не учинили и со всѣми ихъ пожитками, при конвоѣ, отправить въ Нижній. А буде, по многому увѣщанію, повиновенія не принесутъ и учнутъ сидѣть въ запорѣ упорно, то потѣснить ихъ и добывать, какъ возможно, чтобъ конечно тѣхъ воровъ переимать, а распространенію воровства ихъ не допуститъ и взять бы ихъ взятьемъ, или голодомъ выморить безъ кровопролитія. А буде они свои воровскія пристаница или часовню зажгутъ, то вамъ бы тѣ пристаница заливать водою и, вырубя или выломавъ двери и окна, выволачивать ихъ живыми".

Капитанъ Пырскій, храбрый старый солдатъ, раненный при Полтавѣ, считалъ разореніе скитовъ „кляузной выдумкой долгогривой поповской команды" и лучше пошелъ бы въ самый жестокій огонь подъ шведа и турку, чѣмъ возиться съ раскольниками. Они сжигались, а онъ былъ въ отвѣтѣ и получалъ выговоры: „Оному капитану и прочимъ свѣтскимъ командирамъ такіе непорядочные поступки воспретить, ибо по всему видно, что предали себя сожженію, видя отъ него, капитана, страхъ". Онъ объяснилъ, что „раскольники не отъ страха, а отъ замерзѣлости своей умираютъ, понеже надуты страшною злобою и весьма насъ имѣютъ отпадшихъ отъ благочестія, и объявляютъ, что стоятъ даже до смерти и перемѣнять себя къ нынѣшнему обыкновенію не будутъ — столь надуты и утверждены въ такой бездѣлицѣ". Но объясненій этихъ не слушали, и архіерейская канцелярія требовала:

„Понеже раскольники чинятъ самосожженія притворныя, чтобъ не платить двойного оклада, на самомъ же дѣлѣ въ глухихъ мѣстахъ поселяются и, скрывшись тамъ, свободно передаются своему мерзкому злочестію, то свѣтскимъ

командирамъ надлежитъ по требухамъ сгорѣвшихъ сосчитывать и, сосчитавъ, въ реестръ записывать, того для, что требуха въ пожарѣ, хотя бы въ какомъ великомъ строеніи, въ пепелъ сгорѣть не можетъ“.

Но капитанъ, полагая это для военнаго званія своего унизительнымъ, требуху считать не ѣздилъ и получилъ за то новый выговоръ.

Въ Долгихъ Мхахъ рѣшилъ онъ быть осторожнѣе и сдѣлать все, что возможно, чтобъ не давать раскольникамъ жечься.

Передъ наступленіемъ ночи, приказавъ командѣ отойти подальше отъ сруба и не трогаться съ мѣста, подошелъ къ часовнѣ, одинъ, безъ оружія, оглядѣлъ ее тщательно и постучался подъ окномъ, творя молитву по раскольничьи:

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Никто не отвѣтилъ. Въ срубѣ было тихо и темно, какъ въ гробу. Кругомъ пустыня. Верхушки деревьевъ глухо шумѣли. Подымался ночной свѣжій вѣтеръ. „Если зажгутся, бѣда!“—подумалъ капитанъ, постучалъ и повторилъ:

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Опять молчаніе: только коростели на болотѣ скрипѣли, да гдѣ-то далеко завыла собака. Падучая звѣзда сверкнула огненной дугою по темному небу и разсыпалась искрами. Ему стало вдругъ жутко, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, стучался онъ въ гробъ къ мертвецамъ.

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—произнесъ онъ въ третій разъ.

Ставня на окнѣ зашевелилась. Сквозь узкую щель блеснулъ огонекъ. Наконецъ, окно открылось медленно, и голова старца Корнилія высунулась.

— Чего надобно? Что вы за люди и зачѣмъ пришли?

— По указу его величества, государя Петра Алексѣевича, пришли мы васъ увѣщевать: объявили бы вы о себѣ, какого вы званія, чину и роду, давно ли сюда въ лѣсъ пришли и съ какими отпусками изъ домовъ своихъ вышли, и по какимъ указамъ и позволеніямъ жительствуете? И

ежели на святую восточную церковь и тайны ея какое сумнительство имѣете, о томъ показали бы письменно и наставниковъ своихъ выдали бы для разглагольствія съ духовнымъ начальствомъ безъ всякаго страха и озлобленія...

— Мы, крестьяне и разночинцы, собрались здѣсь всѣ во имя Ісуса Христосика, и женъ, и дѣтей своихъ уберемъ и упокоимъ, — отвѣтилъ старецъ тихо и торжественно. — Хотимъ умереть огнесожженіемъ за старую вѣру, а вамъ, гонителямъ, въ руки не дадимся, понеже-де у васъ вѣра новая. А ежели кто хочетъ спастись, тотъ бы съ нами шелъ сюда горѣть: мы нынѣ къ самому Христу отходимъ.

— Полно, братецъ! — возразилъ капитанъ ласково.— Господь съ вами, бросьте вы свое мерзкое намѣреніе сжигаться, разойдитесь-ка по домамъ, никто на васъ не подыметъ руки своей. Заживете по старому въ деревняхъ своихъ припѣваючи. Будете лишь дань платить, двойной окладъ...

— Ну, капитанъ, ты сказывай это малымъ зубочнымъ ребятамъ, а мы таковые обманы уже давно знаемъ: по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

— Честью клянусь, всѣхъ отпущу, пальцемъ не трону!— воскликнулъ Пырскій.

Онъ говорилъ искренно: онъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилъ отпустить ихъ, вопреки указу, на свой собственный страхъ, ежели они сдадутся.

— Да чего намъ съ тобою глотку-то драть, охрипнемъ! — прибавилъ съ доброй улыбкой. — Вишь, высоко до окна, не слышно. А ты вотъ что, старикъ: вели-ка выкинуть ремень, я подвяжусь, а вы меня къ себѣ подымайте въ окошко, только не въ это, въ другое, пошире, а то не пролѣзу. Я одинъ, а васъ много, чего вамъ бояться? Потолкуемъ—дастъ Богъ, и поладимъ...

— Что съ вами говорить! Куда же намъ, нищимъ и убогимъ, съ такими тягаться? — усмѣхнулся старецъ, наслаждаясь, видимо, своей властью и силой.—Пропасть великая между нами и вами утвердилася,—заключилъ онъ опять

торжественно, — яко да хотящіе придти отсюда къ вамъ не возмогутъ, ниже оттуда къ намъ приходятъ... А ты ступайка прочь, капитанъ, а то, смотри, сейчасъ загоримся!

Окошко захлопнулось. Опять наступило молчаніе. Только вѣтеръ шумѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ, да коростели на болотѣ скрипѣли.

Пырскій вернулся къ солдатамъ, велѣлъ имъ дать по чаркѣ вина и сказалъ:

— Драться мы съ ними не станемъ. Мало-де, слышь, у нихъ мужиковъ, а все бабы да дѣти. Выломаемъ двери и безъ оружія голыми руками всѣхъ переловимъ.

Солдаты приготовили веревки, топоры, лѣстницы, ведра, бочки съ водою, чтобы заливать пожаръ, и особые длинные шесты съ желѣзными крючьями — кокоты, чтобъ outволачивать горящихъ изъ пламени. Наконецъ, когда совсѣмъ стемнѣло, двинулись къ часовнѣ, сперва обходомъ, по опушкѣ лѣса, потомъ по полянкѣ, крадучись ползкомъ въ высокихъ травахъ и кустахъ, словно охотники на облаву звѣря.

Подойдя вплотную къ срубу, начали приставлять лѣстницы. Въ срубѣ все было темно и тихо, какъ въ гробу.

Вдругъ окошко открылось и старецъ крикнулъ:

— Отойдите! Какъ начнетъ селитра и порохъ рвать, тогда и васъ побьетъ бревнами!

— Сдавайтесь!—кричалъ капитанъ.—Все равно съ бою возьмемъ! Видите, у насъ мушкеты да пистоли...

— У кого пистоли, а у насъ дубинки Христовы!— отвѣтилъ чей-то голосъ изъ часовни.

Въ заднихъ рядахъ команды появился попъ съ крестомъ и сталъ читать увѣщаніе пастырское отъ архіерея:

— „Аще кто беззаконно постраждетъ, окаяннѣйшій есть всѣхъ человѣкъ: и временное свое житіе мученіемъ погубитъ, и муки вѣчной не избѣгнетъ“...

Изъ окошка высунулось дуло ветхой дѣдовской пищали, и грянулъ выстрѣлъ холостымъ зарядомъ: стрѣляли не для убійства, а только для устрашенія гонителей.

Попъ спрятался за солдатскія спины. А въ догонку ему, старецъ, грозя кулакомъ, закричалъ съ неистовой яростью:

— Адскія преисподнія головни! Содомскаго пламени останки! Разореннаго вавилонскаго столпотворенія сѣмя! Дайте только срокъ, собаки, не уйдете отъ меня — я вамъ, и лучшимъ, наступлю на горло о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ! Се, пріидетъ скоро и брань сотворитъ съ вами мечемъ устъ Своихъ, и двигнетъ престолы, и кости ваши предастъ псамъ на съяденіе, якожъ Іезавелины! Мы горимъ здѣшнимъ огнемъ, вы же огнемъ вѣчнымъ и нынѣ горите и тамъ горѣть будете! Куйте же мечи множайшіе, уготовляйте муки лютѣйшія, изобрѣтайте смерти страшнѣйшія, да и радость наша будетъ сладчайшая!.. Зажигайся, ребята! Съ нами Богъ!

Въ окно полетѣли порты, сарафаны, тулупы, рубахи и чуйки:

— Берите ихъ себѣ, гонители! Метайте жеребій! Намъ ничего не нужно. Нагими родились и предстанемъ нагими предъ Господомъ!..

— Де пощадите же хоть дѣтей своихъ, окаянные! — воскликнулъ капитанъ съ отчаяньемъ.

Изъ часовни послышалось тихое, какъ бы надгробное, пѣніе.

— Взлѣзай, руби, ребята! — скомандовалъ Пырскій.

Внутри сруба все было готово. Поджога прилажена. Кудель, пенька, смолье, солома и береста навалены грудами. Восковыя свѣчи передъ образами прикрѣплены къ паникадиламъ такъ слабо, что отъ малѣйшаго сотрясенія должны были попадать въ желоба съ порохомъ: это всегда дѣлали нарочно для того, чтобы самосожженіе походило какъ можно меньше на самоубійство. Ребятъ-подростковъ усадили на лавки; одежду ихъ прибили гвоздями такъ, чтобы они не могли оторваться; скрутили имъ руки и ноги веревками, чтобы не метались; рты завязали платками, чтобъ не кричали. На полу въ череповой посудѣ зажгли ладанъ

фунта съ три, чтобъ дѣти задохлись раньше взрослыхъ и не видѣли самаго ужаса гари.

Одна беременная баба только что родила дѣвочку. Ее положили тутъ же на лавкѣ, чтобы крестить крещеніемъ огненнымъ.

Потомъ, раздѣвшись до-нага, надѣли новыя бѣлыя рубахи-саваны, а на головы—бумажные вѣнцы съ писанными краснымъ черниломъ, осьмиконечными крестами и стали на колѣни рядами, держа въ рукахъ свѣчи, дабы встрѣтить Жениха съ горящими свѣтильниками.

Старецъ, воздѣвъ руки, молился громкимъ голосомъ:

— Господи Боже, призри на насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ! Мы слабы и немощны, того ради не смѣемъ въ руки гонителямъ вдатися. Призри на сіе собранное стадо, Тебѣ, Доброму Пастырю послѣдующее, волка же лютаго, антихриста убѣгающее. Спаси и помилуй, ими же вѣси судьбами Своими, укрѣпи и утверди на страданіе огненное. Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ! Всякаго бо отвѣта недоумѣвающе, сію Ти молитву, яко Владыцѣ, грѣшные приносимъ: помилуй насъ! Умираемъ за любовь Твою пречистую!

Всѣ повторили за нимъ въ одинъ голосъ — и жалокъ, и страшенъ былъ этотъ вопль человѣческій къ Богу:

— Умираемъ за любовь Твою пречистую!

Въ то же время, по командѣ Пырскаго, солдаты, окруживъ со всѣхъ сторонъ часовню и взлѣзая на лѣстницы, рубили толстыя бревенчатыя стѣны сруба, запуски и слеги на окнахъ, щиты на дверяхъ.

Стѣны дрожали. Свѣчи падали, но все мимо желоба съ порохомъ. Тогда, по знаку старца, Кирюха схватилъ пукъ свѣчей, горѣвшихъ передъ иконой Божьей Матери, бросилъ прямо въ порохъ и отскочилъ. Порохъ взорвало. Поджога вспыхнула. Огненныя волны разлились по стѣнамъ и стропиламъ. Густой, сперва бѣлый, потомъ черный, дымъ наполнилъ часовню. Пламя задыхалось, гасло въ немъ; только длинные красные языки выбивались изъ дыма, свистя

и шипя, какъ змѣиныя жала—то тянулись къ людямъ и лизали ихъ, то отпрядывали, словно играя.

Послышались неистовые вопли. И сквозь вопли горящихъ, сквозь грохотъ огня звучала пѣснь торжествующей радости:

— *Се, Женихъ грядетъ во полунощи.*

Съ того мгновенія, какъ вспыхнулъ огонь и до того, какъ Тихонъ потерялъ сознаніе, прошли двѣ, три минуты, но онъ увидѣлъ и навѣки запомнилъ все, что дѣлалось въ часовнѣ.

Старецъ схватилъ новорожденную, перекрестилъ: „Во имя Отца, Сына и Духа Святаго!“ — и бросилъ въ огонь— первую жертву.

Иванушка-дурачекъ протянулъ руки къ огню, какъ будто встрѣчая грядущаго Господа, котораго ждалъ всю жизнь.

На Киликеѣ кликушѣ рубаха затлѣла и волосы вспыхнули, окружая голову ей огненнымъ вѣнцомъ; а она, не чувствуя боли, окаменѣла, съ широко-раскрытыми глазами, какъ будто видѣла въ огнѣ великій Градъ, святой Іерусалимъ, сходящій съ неба.

Петька Жизла кинулся въ огонь внизъ головой, какъ веселый купальщикъ въ воду.

Тихону тоже чудилось что-то веселое, пьяное въ страшномъ блескѣ огня. Ему вспомнилась пѣсня:

Въ печи растетъ трава-мурава,
Цвѣтутъ цвѣточки лазоревы.

Казалось, что въ прозрачно-синемъ сердцѣ огня онъ видитъ райскіе цвѣты. Синева ихъ, подобная чистому небу, сулила блаженство нездѣшнее; но надо было пройти черезъ красное пламя — красную смерть, чтобы достигнуть этого неба.

Осаждавшіе выбили два, три бревна. Дымъ хлынулъ въ полое мѣсто. Солдаты, просунувъ кокоты, стали выво-

лакивать горѣвшихъ и отливать водой. Столѣтнюю мать Ѳеодулію вытащили за ноги, обнаживъ ея дѣвичій срамъ. Старица Виталія уцѣпилась за нее и тоже вылѣзла, но тотчасъ испустила духъ: все тѣло ея отъ обжоговъ было какъ одинъ сплошной пузырь. О. Спиридонъ, когда его вытащили, схватилъ спрятанный за пазухой ножъ и зарѣзался. Онъ былъ еще живъ четыре часа, непрестанно на себѣ двоеперстный крестъ изображалъ, ругалъ никоніанъ и радовался, какъ сказано было въ донесеніи капитана, „что такъ надъ собою учинить ему удалось смертную язву“.

Иные, послѣ первыхъ обжоговъ, сами кидались къ пробоинѣ, падали, давили другъ друга, лѣзли вверхъ по грудѣ свалившихся тѣлъ, какъ по лѣстницѣ, и кричали солдатамъ:

— Горимъ, горимъ! Помогите, ребятушки!..

На лицахъ ангельскій восторгъ смѣнялся звѣрскимъ ужасомъ:

Бѣгущихъ старались удержать оставшіеся. Дѣдушка Михей ухватился обѣими руками за край отверстія, чтобы выскочить, но семнадцатилѣтній внукъ ударилъ его бердышемъ по рукамъ, и дѣдъ упалъ въ огонь. Баба урвалась изъ пламени, сынишка—за нею, но отецъ ухватилъ его за ноги, раскачалъ и ударилъ головой о бревно. Тучный скитскій келейникъ, упавшій навзничь въ лужу горящей смолы, корчился, и прыгалъ, точно плясалъ: „Какъ карась на сковородѣ!“—подумалъ Тихонъ съ ужаснымъ смѣхомъ и закрылъ глаза, чтобы не видѣть.

Онъ задыхался отъ жара и дыма. Темнолиловые колокольчики на кроваво-красномъ полѣ закивали ему, зазвенѣли жалобно. Онъ почувствовалъ, что Софья обнимаетъ его, прижимается къ нему. И сквозь полотно ея рубахи-савана свѣжесть невиннаго тѣла, какъ бы ночного цвѣтка, была послѣднею свѣжестью въ палящемъ знoѣ.

А голоса живыхъ раздавались все еще сквозь вопли умирающихъ:

— *Се, Женихъ грядетъ...*

— Женихъ мой, Христосъ мой возлюбленный!—шептала Софья на ухо Тихону. И ему казалось, что огонь, горящій въ тѣлѣ его—сильнѣе огня Красной Смерти. Они поникли вмѣстѣ, какъ будто обнявшись легли, женихъ и невѣста, на брачное ложе. Жена огнезрачная, огнекрылая, уносила его въ пламенную бездну.

Жаръ былъ такъ силенъ, что солдаты должны были отступить. Двухъ опалило. Одинъ упалъ въ срубъ и сгорѣлъ.

Капитанъ ругался:

— Ахъ, дурачки, дурачки окаянные! Легче со шведомъ и съ туркой, чѣмъ съ этою сволочью!

Но лицо старика было блѣднѣе, чѣмъ когда лежалъ онъ раненный на полѣ Полтавскаго боя.

Раздуваемое бурнымъ вѣтромъ, пламя вздымалось все выше, и шумъ его подобенъ былъ грому. Головни летѣли по вѣтру, какъ огненныя птицы. Вся часовня была какъ одна раскаленная печь, и въ этой печи, какъ въ адскомъ огнѣ, копошилась груда сваленныхъ, скорченныхъ, скрюченныхъ тѣлъ. Кожа на нихъ лопалась, кровь клокотала, жиръ кипѣлъ. Слышался смрадъ паленаго мяса.

Вдругъ балки обвалились, крыша рухнула. Огненный столбъ взвился подъ самое небо, какъ исполинскій свѣточъ.

И землю, и небо залило красное зарево, точно это былъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдній пожаръ, которымъ долженъ истребиться міръ.

Тихонъ очнулся въ лѣсу, на свѣжей росистой травѣ.

Потомъ онъ узналъ, что въ послѣднее мгновеніе, когда лишился онъ чувствъ, старецъ съ Кирюхою подхватили его вдвоемъ на руки, бросились въ алтарь часовни, гдѣ подъ престоломъ была дверца, въ родѣ люка, въ подполье, спустились въ этотъ никому невѣдомый тайникъ и подземнымъ ходомъ вышли въ лѣсъ, въ самую густую чашу, гдѣ не могли отыскать ихъ гонители.

Такъ поступали почти всѣ учители самосожженія: другихъ сжигали, а себя и ближайшихъ учениковъ своихъ спасали для новой проповѣди.

Тихонъ долго не приходилъ въ себя; долго старецъ съ Кирюхою отливали его водою; думали, что онъ умретъ. Обжоги, впрочемъ, на немъ были не тяжкіе.

Наконецъ, очнувшись, онъ спросилъ:

— Гдѣ Софья?

Старецъ посмотрѣлъ на него своимъ свѣтлымъ и ласковымъ взглядомъ:

— Не замай себя, дитятко, не горюй о сестрицѣ невѣстушкѣ! Въ царствіи небесномъ душенька пречистая, купно съ прочими святыми страдальцами.

И поднявъ глаза къ небу, перекрестился съ умиленною радостью:

— Рабамъ Божіимъ, самовольно сгорѣвшимъ вѣчная память! Почиваете, миленькіе, до общаго воскресенія и о насъ молитеся, да и мы ту же чашу испіемъ о Господѣ, егда часъ нашъ пріидетъ. А нынѣ еще не пришелъ, поработать еще надо Христу... Прошелъ и ты, чадо, искусъ огненный, — обратился онъ къ Тихону, — умеръ для міра, воскресъ для Христа. Потщися же сію вторую жизнь не себѣ пожить, но Господу. Облекись въ оружіе свѣта, стань добре, будь воинъ о Христѣ Іисусѣ, красной смерти проповѣдникъ, яко же и мы, грѣшные!

И прибавилъ съ почти рѣзвой веселостью:

— На Океанъ гулять пойдемъ, въ предѣлы Поморскіе. Запалимъ и тамъ огоньки! Да учинимъ похрабрѣе, прижжемъ батюшекъ миленькихъ поболѣе. Ревнуя же намъ, дастъ Богъ, Россія и вся погоритъ, а за Россіей—вселенная!

Тихонъ молчалъ, закрывъ глаза. Старецъ, подумавъ, что онъ опять впалъ въ забытье, прошелъ въ землянку, чтобы приготовить травы, которыми лѣчилъ обжоги.

А Тихонъ, оставшись одинъ, отвергнулся отъ неба, все еще пылавшаго кровавымъ заревомъ и припалъ лицомъ къ землѣ.

Сырость земли утоляла боль обжоговъ, и ему казалось, что земля услышала мольбу его, спасла отъ огненнаго неба Красной Смерти, и что снова выходитъ онъ изъ чрева земли, какъ младенецъ рождающійся, мертвецъ воскресающій. И онъ обнималъ, цѣловалъ ее, какъ живую, и плакалъ, и молился:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

Черезъ нѣсколько дней, когда старецъ уже собирался въ путь, Тихонъ отъ него бѣжалъ.

Онъ понялъ, что церковь старая не лучше новой, и рѣшилъ вернуться въ міръ, чтобъ искать истинной церкви, пока не найдетъ.

ДЕСЯТАЯ КНИГА

Сынъ и отецъ

I

Церковь перестала быть церковью для царевича съ тѣхъ поръ, какъ узналъ онъ о царскомъ указѣ, которымъ нарушалась тайна исповѣди. Ежели Господь допустилъ такое поруганіе церкви, значитъ, Онъ отступилъ отъ нея — думалъ царевичъ.

По окончаніи московскаго розыска, въ канунъ Благовѣщенія, 24 марта, Петръ вернулся въ Петербургъ. Онъ занялся своимъ Парадизомъ, постройкою флота, учрежденіемъ коллегій и другими дѣлами такъ усердно, что многимъ казалось, будто розыскъ совсѣмъ конченъ, и дѣло предано забвенію. Царевича, однако, привезли изъ Москвы подъ карауломъ, вмѣстѣ съ прочими колодниками, и помѣстили въ особомъ домѣ, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ. Здѣсь держали его, какъ арестанта: никогда не пускали, никому не показывали. Ходили слухи, что онъ помѣшался въ умѣ отъ безмѣрнаго пьянства.

Наступила Страстная.

Первый разъ въ жизни царевичъ не говѣлъ. Къ нему подсылали священниковъ уговаривать его, но онъ отказывался слушать ихъ: всѣ они казались ему сыщиками.

13 апрѣля была Пасха. Свѣтлую Заутреню служили въ Троицкомъ соборѣ, заложенномъ при основаніи Петербурга, маленькомъ, темномъ, бревенчатомъ, похожемъ на сельскую церковь. Государь, государыня, всѣ министры и сенаторы присутствовали. Царевичъ не хотѣлъ было идти, но, по приказу царя, повели его насильно.

Въ полутемной церкви, надъ плащаницею, канонъ Великой Субботы звучалъ какъ надгробное пѣніе:

Содержай вся на крестѣ, вознесеся, и рыдаетъ вся тварь, Того видящи нага висяща на древѣ, солнце лучи сокры, и звѣзды отложиша свѣтъ.

Священнослужители вышли изъ алтаря еще въ черныхъ, великопостныхъ ризахъ, подняли Плащаницу, внесли въ алтарь и затворили царскія врата — погребли Господа.

Пропѣли послѣдній тропарь полунощницы.

Егда снисшелъ еси къ смерти, Животе Безсмертный.

И наступила тишина.

Вдругъ толпа зашевелилась, задвигалась, будто спѣшно готовясь къ чему-то. Стали затепливать свѣчи одна о другую. Церковь вся озарилась яркимъ тихимъ свѣтомъ. И въ этой свѣтлой тишинѣ было ожиданіе великой радости.

Алексѣй зажегъ свѣчу о свѣчу сосѣда, Петра Андреевича Толстого, своего „Іуды Предателя“. Нѣжное пламя напомнило царевичу все, что онъ когда-то чувствовалъ, во время Свѣтлой Заутрени. Но теперь заглушалъ онъ въ себѣ это чувство, не хотѣлъ и боялся его, Безсмысленно глядя на спину стоявшаго впереди князя Меньшикова, старался думать только о томъ, какъ бы не закапать воскомъ золотого шитья на этой спинѣ.

Изъ-за царскихъ вратъ послышался возгласъ діакона:

Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ.

Врата открылись, и оба лика запѣли:

И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славити.

Священнослужители, уже въ свѣтлыхъ, пасхальныхъ ризахъ, вышли изъ алтаря, и крестный ходъ двинулся.

Загудѣлъ соборный колоколъ, ему отвѣтили колокола другихъ церквей, начался трезвонъ, и грохотъ пушечной пальбы съ Петропавловской крѣпости.

Крестный ходъ вышелъ изъ церкви. Наружныя двери закрылись, храмъ опустѣлъ, и опять затихло все.

Царевичъ стоялъ неподвижно, опустивъ голову, глядя передъ собою все такъ же безсмысленно, стараясь ничего не видѣть, не слышать, не чувствовать.

Снаружи раздался старчески-слабый голосъ митрополита Стефана:

Слава святѣй и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣлимѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

И сначала глухо, тихо, точно издали, послышалось:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.

Потомъ все громче, громче, все ближе и радостнѣй. Наконецъ, двери церкви раскрылись настежъ и, вмѣстѣ съ шумомъ входящей толпы, грянула пѣснь, какъ побѣдный вопль, потрясающій небо и землю:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

И такая радость была въ этой пѣснѣ, что ничто не могло устоять передъ ней. Казалось, вотъ-вотъ исполнится все, чего ждетъ міръ отъ начала своего — совершится чудо.

Царевичъ поблѣднѣлъ; руки его задрожали; свѣча едва не выпала изъ нихъ. Онъ все еще противился. Но уже подымалась, рвалась изъ груди нестерпимая радость. Вся жизнь, всѣ муки и самая смерть передъ ней казались ничтожными.

Онъ заплакалъ неудержимо и, чтобы скрыть свои слезы, вышелъ изъ церкви на паперть.

Апрѣльская ночь была тиха и ясна. Пахло талымъ снѣгомъ, влажною корою деревьевъ и нераспустившимися почками. Церковь окружалъ народъ, и внизу, на темной

площади, теплились свѣчи какъ звѣзды, и звѣзды мерцали какъ свѣчи вверху, на темномъ небѣ. Пролетали тучки, легкія какъ крылья ангеловъ. На Невѣ шелъ ледъ. Радостный гулъ и трескъ ломающихся льдинъ сливался съ гуломъ колоколовъ. Казалось, что земля и небо поютъ: Христосъ воскресе.

Послѣ обѣдни, царь, выйдя на паперть, христосовался со всѣми, не только съ министрами, сенаторами, но и съ придворными служителями, до послѣдняго истопника и поваренка.

Царевичъ смотрѣлъ на отца издали, не смѣя подойти. Петръ увидѣлъ сына и самъ подошелъ къ нему;

— Христосъ воскресе, Алеша! — сказалъ отецъ съ доброю, милою, прежней улыбкой.

— Воистину воскресе, батюшка!

И они поцѣловались трижды.

Алексѣй почувствовалъ знакомое прикосновеніе бритыхъ пухлыхъ щекъ и мягкихъ губъ, знакомый запахъ отца. И вдругъ опять, какъ бывало въ дѣтствѣ, сердце забилось, духъ захватило отъ безумной надежды: „что, если проститъ, помилуетъ!“

Петръ былъ такъ высокъ ростомъ, что, цѣлуясь, долженъ былъ, почти для всѣхъ, нагибаться. Спина и шея у него заболѣли. Онъ спрятался въ алтарь отъ осаждавшей толпы.

Въ шесть часовъ утра, когда уже разсвѣло, перешли изъ собора въ сенатъ, мазанковое, низенькое, длинное зданіе, въ родѣ казармы, тутъ же рядомъ, на плошади. Въ тѣсныхъ присутственныхъ палатахъ приготовлены были столы съ куличами, пасхами, яйцами, винами и водками для разговѣнья.

На крыльцѣ сената, князь Яковъ Долгорукій догналъ царевича, шепнулъ ему на ухо, что Евфросинья на дняхъ будетъ въ Петербургѣ и, слава Богу, здорова, только на послѣднихъ сносяхъ, не сегодня, завтра должна родить.

Въ сѣняхъ встрѣтился царевичъ съ государыней.

Въ голубой андреевской лентѣ черезъ плечо, съ бриліантовой звѣздою, въ пышномъ робронѣ изъ бѣлой парчи, съ вышитымъ спереди жемчугомъ и алмазами двуглавымъ орломъ, слегка нарумяненная и набѣленная, казалась Катенька молодой и хорошенькой. Встрѣчая гостей, какъ добрая хозяйка, улыбалась всѣмъ своей однообразною, жеманною улыбкою. Улыбнулась и царевичу. Онъ поцѣловалъ у нея руку. Она похристосовалась въ губы, обмѣнялась яичкомъ и хотѣла уже отойти, какъ вдругъ онъ упалъ на колѣни такъ внезапно, посмотрѣлъ на нее такъ дико, что она попятилась.

— Государыня матушка, смилуйся! Упроси батюшку, чтобъ дозволилъ на Евфросиньѣ жениться... Ничего мнѣ больше не надо, видитъ Богъ, ничего! И жить-то, чай, не долго... Только бъ уйти отъ всего, умереть въ покоѣ.. Смилуйся, матушка, ради свѣтлаго праздника!..

И опять посмотрѣлъ на нее такъ, что ей стало жутко. Вдругъ лицо ея сморщилось. Она заплакала. Катенька любила и умѣла плакать: не даромъ говорили русскіе, что глаза у нея на мокромъ мѣстѣ, а иностранцы, что, когда она плачетъ, то, хотя и знаешь, въ чемъ дѣло,—все-таки чувствуешь себя растроганнымъ, „какъ на представленіи *Андромахи*“. Но на этотъ разъ она плакала искренно: ей, въ самомъ дѣлѣ, было жаль царевича.

Она склонилась къ нему и поцѣловала въ голову. Сквозь вырѣзъ платья увидѣлъ онъ пышную бѣлую грудь съ двумя темными прелестными родинками, или мушками. И по этимъ родинкамъ понялъ, что ничего не выйдетъ.

— Охъ, бѣдный, бѣдный ты мой! Я ли за тебя не рада, Алешенька!.. Да что пользы? Развѣ *онъ* послушаетъ? Какъ бы еще хуже не вышло...

И, быстро оглянувшись — не подслушалъ бы кто — и приблизивъ губы къ самому уху его, прошептала торопливымъ шопотомъ:

— Плохо твое дѣло, сынокъ, такъ плохо, что, коли можешь бѣжать, брось все и бѣги.

Вошелъ Толстой. Государыня, отойдя отъ царевича, незамѣтно смахнула слезинки кружевнымъ платкомъ, обернулась къ Толстому съ прежнимъ веселымъ лицомъ и спросила, не видалъ ли онъ, гдѣ государь, почему не идетъ разговляться.

Изъ дверей сосѣдней палаты появилась высокая, костлявая, праздпично и безвкусно одѣтая нѣмка, съ длиннымъ узкимъ лошадинымъ стародѣвическимъ лицомъ, принцесса Остъ - Фрисландская, гофмейстерина покойной Шарлотты, воспитательница двухъ ея сиротъ. Она шла съ такимъ рѣшительнымъ, вызывающимъ видомъ, что всѣ невольно разступались передъ ней. Маленькаго Петю несла на рукахъ, четырехлѣтнюю Наташу вела за руку.

Царевичъ едва узналъ дѣтей своихъ—такъ давно ихъ не видѣлъ.

— Mais saluez donc monsieur votre péré, mademoiselle!—подталкивала нѣмка Наташу, которая остановилась, видимо, тоже не узнавая отца. Петя сперва уставился на него съ любопытствомъ, потомъ отвернулся, замахалъ рученками и разревѣлся.

— Наташа, Наташа, дѣточка!—протянулъ къ ней руки царевичъ.

Она подняла на него большіе грустные, совсѣмъ какъ у матери, блѣдно-голубые глаза, вдругъ улыбнулась и бросилась къ нему на шею.

Вошелъ Петръ. Онъ взглянулъ на дѣтей и сказалъ принцессѣ гнѣвно по-нѣмецки:

— Зачѣмъ ихъ сюда привели? Имъ здѣсь не мѣсто. Ступайте прочь!

Нѣмка посмотрѣла на царя, и въ добрыхъ глазахъ ея блеснуло негодованіе. Она хотѣла что-то сказать, но увидѣвъ, что царевичъ покорно выпустилъ Наташу изъ рукъ, пожала плечами, яростно встряхнула все еще ревѣвшаго Петю, яростно схватила дѣвочку за руку и молча направилась къ выходу, съ такимъ же вызывающимъ видомъ, какъ вошла.

Наташа, уходя, обернулась къ отцу и посмотрѣла на него взглядомъ, который напомнилъ ему Шарлотту: въ этомъ взглядѣ ребенка было такое же, какъ у матери, тихое отчаяніе. Сердце царевича сжалось. Онъ почувствовалъ, что не увидитъ больше дѣтей своихъ никогда.

Сѣли за столъ. Царь — между Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ. Противъ нихъ князь-папа со всешутѣйшимъ соборомъ. Тамъ уже успѣли разговѣться и начинали буянить.

Для царя былъ праздникъ двойной: Пасха и вскрытіе Невы. Думая о спускѣ новыхъ кораблей, онъ весело поглядывалъ въ окно на плывущія, какъ лебеди, по голубому простору, въ утреннемъ солнцѣ, бѣлыя льдины.

Зашла рѣчь о дѣлахъ духовныхъ.

— А скоро ли, отче, патріархъ нашъ поспѣетъ?—спросилъ Петръ Ѳеофана.

— Скоро, государь: ужъ рясу дошиваю, — отвѣтилъ тотъ.

— А у меня шапка готова!—усмѣхнулся царь.

Патріархъ былъ св. Сѵнодъ; ряса—духовный регламентъ, который сочинялъ Прокоповичъ; шапка—указъ объ учрежденіи Сѵнода.

Когда Ѳеофанъ заговорилъ о пользѣ новой коллегіи,— въ каждой черточкѣ лица его заиграло, забѣгало, какъ живчикъ, что-то слишкомъ веселое: казалось иногда, что онъ самъ смѣется надъ тѣмъ, что говоритъ.

— Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ, нежели правитель единоличный. Велико и сіе, что отъ соборнаго правленія—не опасаться отечеству бунтовъ. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честью и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равный, или и больше его. И когда услышится нѣкая между оными распря, всѣ духовному паче, нежели мірскому послѣдуютъ, и за него поборствовать дерзаютъ, и льстятъ себя, окаянные, что по

самомъ Богѣ поборствуютъ, и руки свои не оскверняютъ, но паче освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Изречь трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ. Вникнуть только въ исторію Константинопольскую, нижае Іустиніановыхъ временъ — и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ превозмогъ и не токмо государство римское пополамъ разсѣкъ и себѣ великую часть похитилъ, но и прочія государства едва не до крайняго разоренія потрясъ. Да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи! Таковому злу въ соборномъ духовномъ правительствѣ нѣтъ мѣста. Народъ пребудетъ въ кротости и весьма отложитъ надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго. Наконецъ, въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго, гдѣ всякъ удобно можетъ научиться духовной политикѣ. И такъ, въ Россіи, помощью Божіей, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ, и надѣяться должно впредь всего лучшаго...

Глядя прямо въ глаза царю съ усмѣшкою подобострастною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такою хитрою, что она казалась почти дерзкою, заключилъ архіерей торжественно:

— *Ты еси Петръ Камень, и на семъ камени созижду церковь Мою.*

Наступило молчаніе. Только члены всепьянѣйшаго собора галдѣли, да праведный князь Яковъ Долгорукій бормоталъ себѣ подъ носъ, такъ что никто не слышалъ:

— *Воздадите Божія Богови и кесарева кесареви.*

— А ты, отче, что скажешь? — обернулся царь къ Стефану.

Пока говорилъ Прокоповичъ, Стефанъ сидѣлъ, опустивъ голову, смеживъ глаза, какъ будто дремалъ, и старчески безкровное лицо его казалось мертвымъ. Но Петру чудилось въ этомъ лицѣ то, чего боялся и что ненавидѣлъ онъ больше всего—смиренный бунтъ. Услышавъ голосъ царя, старикъ вздрогнулъ, какъ будто очнулся, и произнесъ тихо:

— Куда ужъ мнѣ говорить о толикомъ дѣлѣ, ваше

величество! Старъ я, да глупъ. Пусть говорятъ молодые, а мы послушаемъ...

И опустилъ голову еще ниже,—еще тише прибавилъ:

— Противъ рѣчного стремленія нельзя плавать.

— Все-то ты, старикъ, хнычешь, все куксишься! — пожалъ царь плечами съ досадою. — И чего тебѣ надо? Говорилъ бы прямо!

Стефанъ посмотрѣлъ на царя, вдругъ съежился весь, и съ такимъ видомъ, въ которомъ было уже одно смиреніе, безъ всякаго бунта, заговорилъ быстро-быстро и жадно, и жалобно, словно спѣша и боясь, что царь не дослушаетъ:

— Государь премилостивѣйшій! Отпусти ты меня на покой, на безмолвіе. Служба моя и трудишки единому Богу суть вѣдомы, а отчасти и вашему величеству, на которыхъ силу, здравіе, а близко того, и житіе погубилъ. Зрѣніе потемнѣло, ноги ослабѣли, въ рукахъ персты хирагма скривила, камень замучилъ. Одначе, во всѣхъ сихъ бѣдствахъ монхъ, единою токмо милостію царскою и благопризрѣніемъ отеческимъ утѣшался, и всѣ горести сахаромъ тѣмъ усладилися. Нынѣ же вижу лицо твое отъ меня отвращенно и милость не по прежнему. Господи, откуда измѣна сія?..

Петръ давно уже не слушалъ: онъ занятъ былъ пляской князь-игуменьи Ржевской, которая пустилась въ присядку, подъ пѣсню пьяныхъ шутовъ:

Заиграй, моя дубинка,
Заваляй, моя волынка.

— Отпусти меня въ Донской монастырь, либо гдѣ будетъ воля и произволеніе вашего величества, — продолжалъ „хныкать“ Стефанъ.—А ежели имѣешь объ удаленіи моемъ какое сумнительство, кровь Христа да будетъ мнѣ въ погибель, аще помышляю что лукавое. Петербургъ ли, Москва ли, Рязань—вездѣ на мнѣ власть самодержавія вашего, отъ нея же укрыться не можно, и нѣтъ для чего укрываться. *Камо бо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу?..*

А пѣсня заливалась

Заиграй, моя волынка.
Свекоръ съ печки свалился,
За колоду завалился,
Кабы знала, возвѣстила,
Я повыше бъ подмостила,
Я повыше бъ подмостила,
Свекру голову сломила.

И царь притопывалъ, присвистывалъ:

Ой, жги! Ой, жги!

Царевичъ взглянулъ на Стефана. Глаза ихъ встрѣтились. Старикъ умолкъ, какъ будто вдругъ опомнился и застыдился. Онъ потупилъ взоръ, опустилъ голову, и двѣ слезинки скатились вдоль дряхлыхъ морщинъ. Опять лицо его стало, какъ мертвое.

А Ѳеофанъ, румянорожій Силенъ, усмѣхался. Царевичъ сравнивалъ невольно эти два лица. Въ одномъ прошлое, въ другомъ—будущее церкви.

Въ низенькихъ и тѣсныхъ палатахъ было душно. Петръ велѣлъ открыть окна.

На Невѣ, какъ это часто бываетъ во время ледохода, поднялся холодный вѣтеръ съ Ладожскаго озера. Весна превратилась вдругъ въ осень. Тучки, которыя казались ночью легкими, какъ крылья ангеловъ, стали тяжелыми, сѣрыми и грубыми, какъ булыжники; солнце — жидкимъ и бѣлесоватымъ, словно чахоточнымъ.

Изъ питейныхъ домовъ и кружалъ, которыхъ было множество по сосѣдству съ площадью, въ Гостиномъ дворѣ и далѣе за Кронверкомъ, на Съѣстномъ и Толкучемъ рынкѣ, доносился гулъ голосовъ, подобныхъ звѣриному реву. Гдѣ-то шла драка, и кто-то вопилъ:

— Бей его гораздо, онъ, Ѳома, жиренъ!

И врывавшійся въ окна, вмѣстѣ съ этимъ пьянымъ ревомъ, оглушительный трезвонъ колоколовъ казался тоже пьянымъ, грубымъ и наглымъ.

Передъ самымъ сенатомъ среди площади, надъ грязною лужею, по которой плавали скорлупы красныхъ пасхальныхъ яицъ, стоялъ мужикъ, въ одной рубахѣ—должно быть, все остальное платье пропилъ — шатался, какъ будто раздумывалъ, упасть, или не упасть въ лужу, и непристойно бранился, и громко, на всю площадь, икалъ. Другой уже свалился въ канаву, и торчавшія оттуда, босыя ноги барахтались безпомощно. Какъ ни строга была полиція, но въ этотъ день ничего не могла подѣлать съ пьяными: они валялись всюду по улицамъ, какъ тѣла убитыхъ на полѣ сраженія. Весь городъ былъ сплошной кабакъ.

И сенатъ, гдѣ разговлялся царь съ министрами, былъ тотъ же кабакъ; здѣсь такъ же галдѣли, ругались и дрались.

Шутовской хоръ князя-папы заспорилъ съ архіерейскими пѣвчими, кто лучше поетъ. Одни запѣли:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.

А другіе продолжали пѣть:

Заиграй, моя дубинка,
Заваляй, моя волынка.

Царевичъ вспомнилъ святую ночь, святую радость, умиленіе, ожиданіе чуда—и ему показалось, что онъ упалъ съ неба въ грязь, какъ этотъ пьяный въ канаву. Стоило такъ начинать, чтобы кончить такъ. Никакого чуда нѣтъ и не будетъ, а есть только мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ.

II

Петръ любилъ Петергофъ не меньше Парадиза. Бывая въ немъ каждое лѣто, самъ наблюдалъ за устройствомъ „плезирскихъ садовъ, огородныхъ линей, кашкадъ и фонтановъ“.

„Одну кашкаду, — приказывалъ царь, — сдѣлать съ брызганьемъ, а другую, дабы вода лилась къ землѣ гладко, какъ стекло; пирамиду водяную сдѣлать съ малыми кашкадами; передъ большою, наверху, исторію Еркулову, который дерется съ гадомъ седмиглавымъ, называемымъ Гидрою, изъ которыхъ головъ будетъ идти вода; также телѣгу Нептунову съ четырьмя морскими лошадями, у которыхъ изо ртовъ пойдетъ вода, и по уступамъ дѣлать тритоны, яко бы играли въ трубы морскія, и дѣйствовали бы тѣ тритоны водою, и образовали бы различныя игры водяныя. Велѣть срисовать каждую фонтанну, и прочее хорошее мѣсто въ першпективѣ, какъ французскіе и римскіе сады чертятся".

Была бѣлая майская ночь надъ Петергофомъ. Взморье гладко, какъ стекло. На небѣ, зеленомъ, съ розовымъ отливомъ перламутра, выступали черныя ели и желтыя стѣны дворцовъ. Въ ихъ тусклыхъ окнахъ, какъ въ слѣпыхъ глазахъ, мерцалъ унылый свѣтъ зари неугасающей. И все въ этомъ свѣтѣ казалось блѣднымъ, блеклымъ; зелень травы и деревьевъ сѣрой, какъ пепелъ, цвѣты увядшими. Въ садахъ было тихо и пусто. Фонтаны спали. Только по мшистымъ ступенямъ кашкадъ, да съ ноздревыхъ камней, подъ сводами гротовъ, падали рѣдкія капли, какъ слезы. Вставалъ туманъ, и въ немъ бѣлѣли, какъ призраки, безчисленные мраморные боги — цѣлый Олимпъ воскресшихъ боговъ. Здѣсь, на послѣднихъ предѣлахъ земли, у Гиперборейскаго моря, въ бѣлую дневную ночь, подобную ночному дню Аида, въ этихъ блѣдныхъ тѣняхъ тѣней умершей Эллады была безконечная грусть. Какъ будто, воскреснувъ, они опять умирали уже второю смертью, отъ которой нѣтъ воскресенія.

Надъ низенькимъ стриженнымъ садомъ, у самаго моря, стоялъ кирпичный голландскій домикъ—государевъ дворецъ Монплезиръ. Здѣсь также все было тихо и пусто. Только въ одномъ окнѣ свѣтъ: то горѣла свѣча въ царской конторкѣ.

За письменнымъ столомъ, сидѣли другъ противъ друга Петръ и Алексѣй. Въ двойномъ свѣтѣ свѣчи и зари, лица ихъ, какъ все въ эту ночь, казались призрачно-блѣдными.

Въ первый разъ, по возвращеніи въ Петербургъ, царь допрашивалъ сына.

Царевичъ отвѣчалъ спокойно, какъ будто уже не чувствовалъ страха передъ отцомъ, а только усталость и скуку.

— Кто изъ свѣтскихъ, или духовныхъ вѣдалъ твое намѣреніе къ противности, и какія слова бывали отъ тебя къ нимъ, или отъ нихъ къ тебѣ?

— Больше ничего не знаю,—въ сотый разъ отвѣчалъ Алексѣй.

— Говорилъ ли такія слова, что я-де плюну на всѣхъ— здорова бы мнѣ чернь была?

— Можетъ быть, и говаривалъ съ пьяна. Всего не упомню. Я пьяный всегда виралъ всякія слова и ротъ имѣлъ незатворенный, не могъ быть безъ противныхъ разговоровъ въ кумпаніяхъ и такія слова съ надежи на людей брезживалъ. Самъ вѣдаешь, батюшка, пьянъ-де кто не живетъ... Да это все пустое!

Онъ посмотрѣлъ на отца съ такою странною усмѣшкою, что тому стало жутко, какъ будто передъ нимъ былъ сумасшедшій.

Порывшись въ бумагахъ, Петръ досталъ одну изъ нихъ и показалъ царевичу.

— Твоя рука?

— Моя.

То была черновая письма, писаннаго въ Неаполѣ, къ архіереямъ и сенаторамъ, съ просьбой, чтобъ его не оставили.

— Волей писалъ?

— Неволей. Принуждалъ секретарь графа Шенборна, Кейль. „Понеже, говорилъ, есть вѣдомость, что ты умеръ, того ради, пиши, а буде не станешь писать, и мы тебя держать не станемъ“—и не вышелъ вонъ, покамѣстъ я не написалъ.

Петръ указалъ пальцемъ на одно мѣсто въ письмѣ; то были слова:

„Прошу васъ *нынѣ* меня не оставить *нынѣ*“.

Слово *нынѣ* повторено было дважды и дважды зачеркнуто.

— Сіе *нынѣ* въ какую мѣру писано и зачѣмъ почернено?

— Не упомню,—отвѣтилъ царевичъ и поблѣднѣлъ.

Онъ зналъ, что въ этомъ зачеркнутомъ *нынѣ* — единственный ключъ къ самымъ тайнымъ его мыслямъ о бунтѣ, о смерти отца, о возможномъ убійствѣ его.

— Истинно ли писано неволею?

— Истинно.

Петръ всталъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, позвалъ деньщика, что-то приказалъ, вернулся, опять сѣлъ за столъ и началъ записывать послѣднія показанія царевича.

За дверью послышались шаги. Дверь отворилась. Алексѣй слабо вскрикнулъ, какъ будто готовъ былъ лишиться чувствъ. На порогѣ стояла Евфросинья.

Онъ ея не видѣлъ съ Неаполя. Она уже не была беременна. Должно быть, родила въ крѣпости, куда посадили ее, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ узналъ онъ отъ Якова Долгорукова.

„Гдѣ Селебеный?“—подумалъ царевичъ и задрожалъ, потянулся къ ней весь, но тотчасъ же замеръ подъ пристальнымъ взоромъ отца, только искалъ глазами глазъ ея. Она не смотрѣла на него, какъ будто не видѣла вовсе.

Петръ обратился къ ней ласково:

— Правда ли, Өедоровна, сказываетъ царевичъ, что письмо къ архіереямъ и сенаторамъ писано неволею, по принужденію цесарцевъ?

— Неправда,—отвѣчала она спокойно.—Писалъ одинъ, и при томъ никого иноземцевъ не было, а были только я, да онъ, царевичъ. И говорилъ мнѣ, что пишетъ тѣ письма, чтобъ въ Питербурхѣ подметывать, а иныя архіереямъ подавать и сенаторамъ.

— Афрося, Афросьюшка, маменька!.. Что ты?..—залепеталъ царевичъ въ ужасѣ.

— Не вѣдаетъ она, забыла, чай, спутала,—обернулся онъ къ отцу опять съ тою странною усмѣшкой, отъ которой

становилось жутко. — Я тогда планъ Бѣлгородской атаки отсылалъ секретарю вицероеву, а не то письмо...

— То самое, царевичъ. При мнѣ и печаталъ. Аль забылъ? Я видѣла,—проговорила она все такъ же спокойно и вдругъ посмотрѣла на него въ упоръ тѣмъ самымъ взоромъ, какъ три года назадъ, въ домѣ Вяземскихъ, когда онъ, пьяный, бросился на нее, чтобъ изнасиловать, и замахнулся ножомъ.

По этому взору онъ понялъ, что она предала его.

— Сынъ,—сказалъ Петръ,—самъ, чай, видишь, что дѣло сіе нарочитой важности. Когда письма тѣ волей писалъ, то явно намѣреніе къ бунту не токмо въ мысляхъ имѣлъ, но и въ дѣйство весьма произвесть умышлялъ. И то все въ прежнихъ повинныхъ своихъ утаилъ не безпамятствомъ, а лукавствомъ, знатно, для такихъ же впредь дѣлъ и намѣренія. Однако же, совѣсть нашу не хотимъ имѣть предъ Богомъ нечисту, дабы напосамъ безъ испытанія вѣрить. Въ послѣдній спрашиваю, правда ль, что волей писалъ?

Царевичъ молчалъ.

— Жаль мнѣ тебя, Ѳедоровна, — сказалъ Петръ, — а дѣлать нечего. Буду пытать.

Алексѣй взглянулъ на отца, на Евфросинью и понялъ, что ей не миновать пытки, ежели онъ, царевичъ, запрется.

— Правда,—произнесъ онъ чуть слышно, и только что это произнесъ, страхъ опять исчезъ, опять ему стало все безразлично.

Глаза Петра блеснули радостью.

— Въ какую же мѣру *нынѣ* писалъ?

— Въ ту мѣру, чтобъ за меня больше вступились въ народѣ, примѣняясь къ вѣдомостямъ печатнымъ о бунтѣ войскъ въ Мекленбургіи. А потомъ подумалъ, что дурно, и вымаралъ...

— Такъ значитъ бунту радовался?

Царевичъ не отвѣтилъ.

— А когда радовался,—продолжалъ Петръ, какъ будто услышавъ неслышный отвѣтъ,—то, чаю, не безъ намѣренія: ежели бъ впрямь то было, къ бунтовщикамъ присталъ бы?

— Будс прислали бъ за мной, то поѣхалъ бы. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей, для того...

Остановился, еще больше поблѣднѣлъ и кончилъ съ усиліемъ:

— Для того, что хотѣли тебя убить, а чтобъ живого отлучили отъ царства, не чаялъ...

— А когда бы при живомъ?—спросилъ Петръ поспѣшно и тихо, глядя сыну прямо въ глаза.

— Ежели бъ сильны были, то могъ бы и при живомъ,— отвѣтилъ Алексѣй такъ же тихо.

— Объяви все, что знаешь,—опять обратился Петръ къ Евфросиньѣ.

— Царевичъ наслѣдства всегда желалъ прилежно, заговорила она быстро и твердо, какъ будто повторяла то, что заучила наизусть.—А ушелъ отъ того, будто ты, государь, искалъ всячески, чтобъ ему живу не быть. И какъ услышалъ, что у тебя меньшой сынъ царевичъ Петръ Петровичъ боленъ, говорилъ мнѣ: „Вотъ видишь, батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ—свое!“ И надежду имѣлъ на сенаторей: „Я-де старыхъ всѣхъ переведу, а изберу себѣ новыхъ, по своей волѣ“. И когда слыхалъ о какихъ видѣніяхъ, или читалъ въ курантахъ, что въ Питербурхѣ тихо, говаривалъ, что видѣніе и тишина недаромъ: „либо-де отецъ мой умретъ, либо бунтъ будетъ“...

Она говорила еще долго, припоминала такія слова его, которыхъ онъ самъ не помнилъ, обнажала такія тайны сердца его, которыхъ онъ самъ не видѣлъ.

— А когда господинъ Толстой пріѣхалъ въ Неаполь, царевичъ хотѣлъ изъ цесарской протекціи къ папѣ римскому, и я его удержала,—заключила Евфросинья.

— Все ли то̀ правда? — спросилъ Петръ сына.

— Правда, — отвѣтилъ царевичъ.

— Ну, ступай, Ѳедоровна. Спасибо тебѣ!

Царь подалъ ей руку. Она поцѣловала ее и повернулась, чтобы выйдти.

— Маменька! Маменька!—опять вдругъ весь потянулся

къ ней царевичъ и залепеталъ, какъ въ бреду, самъ не помня, что́ говоритъ. — Прощай, Афросьюшка!.. Вѣдь можетъ быть, больше не свидимся. Господь съ тобой!..

Она ничего не отвѣтила и не оглянулась.

— За что ты меня такъ?..—прибавилъ онъ тихо, безъ упрека, только съ безконечнымъ удивленіемъ, закрылъ лицо руками и услышалъ, какъ за нею затворилась дверь.

Петръ, дѣлая видъ, что посматриваетъ бумаги, поглядывалъ на сына исподлобья, украдкою, какъ будто ждалъ чего-то.

Былъ самый тихій часъ ночи, и тишина казалась еще глубже, потому что было свѣтло какъ днемъ.

Вдругъ царевичъ отнялъ руки отъ лица. Оно было страшно.

— Гдѣ ребеночекъ?.. Ребеночекъ гдѣ?..—заговорилъ онъ, уставившись на отца недвижнымъ и горящимъ взоромъ.—Что вы съ нимъ сдѣлали?..

— Какой ребенокъ?—не сразу понялъ Петръ.

Царевичъ указалъ на дверь, въ которую вышла Евфросинья.

— Умеръ,—сказалъ Петръ, не глядя на сына.—Родила мертвымъ.

— Врешь!—закричалъ Алексѣй и поднялъ руки, словно грозя отцу.—Убили, убили!.. Задавили, аль въ воду какъ щенка выбросили!.. Его-то за что, младенца невиннаго?.. Мальчикъ, что-ль?

— Мальчикъ.

— Когда бъ судилъ мнѣ Богъ на царствѣ быть,—продолжалъ Алексѣй задумчиво, какъ будто про себя,— наслѣдникомъ бы сдѣлалъ... Иваномъ назвать хотѣлъ... Царь Іоаннъ Алексѣевичъ... Трупикъ, трупикъ-то гдѣ?.. Куда дѣвали?.. Говори!..

Петръ молчалъ.

Царевичъ схватился за голову. Лицо его исказилось, побагровѣло.

Онъ вспомнилъ обыкновеніе царя сажать въ спиртъ

мертворожденныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ прочими „монстрами“, для сохраненія въ кунсткамерѣ.

— Въ банку, въ банку со спиртомъ!.. Наслѣдникъ царей всероссійскихъ въ спирту, какъ лягушонокъ, плаваетъ!— захохоталъ онъ вдругъ такимъ дикимъ хохотомъ, что дрожь пробѣжала по тѣлу Петра. Онъ подумалъ опять: „Сумасшедшій!“—и почувствовалъ то омерзѣніе, подобное нездѣшнему ужасу, которое всегда испытывалъ къ наукамъ, тараканамъ и прочимъ гадамъ.

Но въ то же мгновеніе ужасъ превратился въ ярость: ему показалось, что сынъ смѣется надъ нимъ, нарочно „дурака ломаетъ“, чтобъ запереться и скрыть свои злодѣйства.

— Что еще больше есть въ тебѣ? — приступилъ онъ снова къ допросу, какъ будто не замѣчая того, что происходитъ съ царевичемъ.

Тотъ пересталъ хохотать такъ же внезапно, какъ началъ, откинулся головой на спинку кресла, и лицо его поблѣднѣло, осунулось, какъ у мертваго. Онъ молча смотрѣлъ на отца безсмысленнымъ взоромъ.

— Когда имѣлъ надежду на чернь, — продолжалъ Петръ, возвышая голосъ и стараясь сдѣлать его спокойнымъ,—не подсылалъ ли кого къ черни о томъ возмущеньи говорить, или не слыхалъ ли отъ кого, что чернь хочетъ бунтовать?

Алексѣй молчалъ.

— Отвѣчай! — крикнулъ Петръ, и лицо его передернула судорога.

Что-то дрогнуло и въ лицѣ Алексѣя. Онъ разжалъ губы съ усиліемъ и произнесъ:

— Все сказалъ. Больше говорить не буду.

Петръ ударилъ кулакомъ по столу и вскочилъ.

— Какъ ты смѣешь!..

Царевичъ тоже всталъ и посмотрѣлъ на отца въ упоръ. Опять они стали похожи другъ на друга мгновеннымъ и какъ будто призрачнымъ сходствомъ.

— Что грозишь, батюшка? — проговорилъ Алексѣй

тихо. Не боюсь я тебя, ничего не боюсь. Все ты взялъ у меня, все погубилъ, и душу, и тѣло. Больше взять нечего. Развѣ убить. Ну что жъ, убей! Мнѣ все равно.

И медленная, тихая усмѣшка искривила губы его. Петру почудилось въ этой усмѣшкѣ безконечное презрѣніе.

Онъ заревѣлъ, какъ раненый звѣрь, бросился на сына, схватилъ его за горло, повалилъ и началъ душить, топтать ногами, бить палкою, все съ тѣмъ же нечеловѣческимъ ревомъ.

Во дворцѣ проснулись, засуетились, забѣгали. Но никто не смѣлъ войти къ царю. Только блѣднѣли, да крестились, подходя къ дверямъ и прислушиваясь къ страшнымъ звукамъ, которые доносились оттуда: казалось, тамъ грызетъ человѣка звѣрь.

Государыня спала въ Верхнемъ дворцѣ. Ее разбудили. Она прибѣжала, полуодѣтая, но тоже не посмѣла войти.

Только, когда все уже затихло, пріотворила дверь, заглянула и вошла на цыпочкахъ, крадучись за спиною мужа.

Царевичъ лежалъ на полу безъ чувствъ, царь — въ креслахъ, тоже почти въ обморокѣ.

Послали за лейбъ-медикомъ Блюментростомъ. Онъ успокоилъ государыню, которая боялась, что царь убилъ сына. Царевичъ былъ избитъ жестоко, но опасныхъ ранъ и переломовъ не было. Онъ скоро пришелъ въ себя и казался спокойнымъ.

Царю было хуже, чѣмъ сыну. Когда его перевели, почти перенесли на рукахъ въ спальню, съ нимъ сдѣлались такія судороги, что Блюментростъ опасался паралича.

Но къ утру полегчало, а вечеромъ онъ уже всталъ и, несмотря на мольбы Катеньки и предостереженія лейбъ-медика, велѣлъ подать шлюпку и поѣхалъ въ Петербургъ. Царевича везли рядомъ въ другой закрытой шлюпкѣ.

На слѣдующій день, 14-го мая, объявленъ былъ народу второй манифестъ о царевичѣ, въ которомъ сказано, что государь изволилъ обѣщать сыну прощеніе, „ежели онъ истинное во всемъ принесетъ покаяніе, и ничего не утаитъ;

но понеже онъ, презрѣвъ такое отцово милосердіе, о намѣреніи своемъ получить наслѣдство, чрезъ чужестранную помощь, или чрезъ бунтовщиковъ силою, утаилъ, то прощеніе не въ прощеніе“.

Въ тотъ же день назначенъ былъ надъ царевичемъ, какъ надъ государственнымъ измѣнникомъ, Верховный судъ.

Черезъ мѣсяцъ, 14-го іюня, привезли его въ гварнизонъ Петропавловской крѣпости и посадили за караулъ въ Трубецкой раскатъ.

III

„Преосвященнымъ митрополитамъ, и архіепископамъ, и епископамъ, и прочимъ духовнымъ.

„Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и, хотя я довольно власти надъ онымъ, по божественнымъ и гражданскимъ правамъ, имѣю, а особливо, по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей, и у партикулярныхъ людей, весьма отмещутъ) учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ, а однако жъ, боюсь Бога, дабы не погрѣшить: ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе — въ ихъ; тако жъ и врачи: хотя бъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ;—подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося лѣченія оной, боясь вѣчныя смерти. Ежели бъ одинъ самъ оную лѣчилъ, иногда бы не позналь силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я, съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе и потомъ словесно подтвердилъ,—ежели истинно вины свои скажетъ.

Но, хотя онъ сіе и нарушилъ утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ и особливо замысла своего бунтовнаго противу насъ, яко родителя и государя своего, однакожъ, мы, воспоминая слово Божіе, гдѣ увѣщеваетъ въ таковыхъ дѣлахъ вопрошать и чина священнаго, какъ написано во главѣ 17 Второзаконія, желаемъ отъ васъ архіереевъ и всего духовнаго чина, яко учителей слова Божія, — не издадите каковый о семъ декретъ, но да взыщете и покажете отъ священнаго Писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе, какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего, по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ святаго Писанія прикладамъ и по законамъ, достойно. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей заповѣдей Божіихъ и вѣрныхъ пастырей Христова стада и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите.

Петръ“.

Архіереи отвѣтили:

„Сіе дѣло весьма есть гражданскаго суда, а не духовнаго, и власть превысочайшая сужденію подданныхъ своихъ не подлежитъ, но творитъ, что хочетъ, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго совѣта степеней низшихъ; однакожъ, понеже велѣно намъ, пріискали мы отъ Священныхъ Писаній то, что возмнилося быть сему ужасному и безприкладному дѣлу сообщно“.

Слѣдовали выписки изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, а въ заключеніе повторялось:

„Сіе дѣло не нашего суда; ибо кто насъ поставилъ судьями надъ тѣмъ, кто нами обладаетъ? Какъ могутъ главу наставлять члены, которые сами отъ нея наставляемы и обладаемы? Къ тому же судъ нашъ духовный по духу долженъ быть, а не по плоти и крови; ниже вручена есть

духовному чину власть меча желѣзнаго; но власть духовнаго меча. Все же сіе превысочайшему монаршескому разсужденію съ должнымъ покореніемъ подлагаемъ, да сотворитъ Государь, что есть благоугодно предъ очами его: ежели, по дѣламъ и по мѣрѣ вины, захочетъ наказать падшаго, имѣетъ образцы Ветхаго Завѣта; ежели благоизволитъ помиловать, имѣть образъ самого Христа, который блуднаго сына принялъ и милость паче жертвы превознесъ. Кратко сказавъ: *сердце Царево въ руцѣ Божіей*. Да изберетъ ту часть, куда Божія рука его преклоняетъ".

Подписались:

„Смиренный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій.

„Смиренный Ѳеофанъ, епископъ Псковскій".

Еще четыре епископа, два митрополита греческихъ, Ставропольскій и Ѳифаидскій, четыре архимандрита, въ томъ числѣ Ѳедосъ, и два іеромонаха — все будущіе члены Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

На главный вопросъ государя—о клятвѣ, данной сыну, простить его, во всякомъ случаѣ—отцы не отвѣтили вовсе.

Петръ, когда читалъ это разсужденіе, испытывалъ жуткое чувство: словно то, на что онъ хотѣлъ опереться, провалилось подъ нимъ, какъ истлѣвшее дерево.

Онъ достигъ того, чего самъ желалъ, но, можетъ быть, слишкомъ хорошо достигъ: церковь покорилась царю такъ, что ея какъ бы не стало вовсе; вся церковь—онъ самъ.

А царевичъ объ этомъ разсужденіи сказалъ съ горькой усмѣшкой:

— Хитрѣе-де чорта смиренные! Еще духовной коллегіи нѣтъ, а уже научились духовной политикѣ.

Еще разъ почувствовалъ онъ, что церковь для него перестала быть церковью, и вспомнилъ слово Господне тому, о комъ сказано: „Ты — Петръ, Камень, и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою".

Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь.

IV

Первое засѣданіе Верховнаго суда назначено было 17-го іюня въ аудіенцъ-залѣ Сената.

Въ числѣ судей были министры, сенаторы, генералы, губернаторы, гвардіи и флота капитаны, маіоры, поручики, подпоручики, прапорщики, оберъ-кригсъ-комиссары, чины новыхъ коллегій, и старые бояре, стольники, окольничьи— всего гражданскаго и воинскаго чина 127 человѣкъ — съ борка, да съ сосенки, жаловались знатные. Иные даже не умѣли грамотѣ, такъ что не могли подписаться подъ приговоромъ.

Отслуживъ обѣдню Духу Святому у Троицы, для испрошенія помощи Божіей въ столь трудномъ дѣлѣ, судьи перешли изъ собора въ сенатъ.

Въ палатѣ открыли окна и двери, не только для свѣжаго воздуха — день былъ знойный, предгрозный — но и для того, чтобы судъ имѣлъ видъ всенародный. Загородили, однако, рогатками, заперли шлагбаумами сосѣднія улицы, и цѣлый батальонъ лейбъ-гвардіи стоялъ подъ ружьемъ на площади, не пропуская „подлаго народа“.

Царевича привели изъ крѣпости, какъ арестанта, подъ карауломъ четырехъ офицеровъ со шпагами нà-голо.

Въ аудіенцъ-залѣ находился тронъ. Но не на тронъ, а на простое кресло, въ верхнемъ концѣ открытаго четырехугольника, образуемаго рядами длинныхъ, крытыхъ алыми сукнами, столовъ, за которыми сидѣли судьи, сѣлъ царь прямо противъ сына, какъ истецъ противъ отвѣтчика.

Когда засѣданіе объявили открытымъ, Петръ всталъ и произнесъ:

— Господа Сенатъ и прочіе судьи! Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не флатируя и не похлѣбствуя, и отнюдь не опасаясь того, что, ежели дѣло сіе легкаго наказанія достойно, и вы такъ учините, мнѣ противно было бъ, — въ чемъ клянусь самимъ Богомъ и судомъ Его! Такожъ не разсуждайте того, что судъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына; но, не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно.

Вице-канцлеръ Шафировъ прочелъ длинный перечень всѣхъ преступленій царевича, какъ старыхъ, уже объявленныхъ въ прежнихъ повинныхъ, такъ и новыхъ, которыя онъ, будто бы, скрылъ на первомъ розыскѣ.

— Признаешь ли себя виновнымъ?—спросилъ царевича князь Меньшиковъ, назначенный президентомъ собранія.

Всѣ ждали того, что, такъ же какъ въ Москвѣ, въ Столовой палатѣ, царевичъ упадетъ на колѣни, будетъ плакать и молить о помилованіи. Но по тому, какъ онъ всталъ и оглянулъ собраніе спокойнымъ взоромъ, поняли, что теперь будетъ не то.

— Виновенъ я, иль нѣтъ, не вамъ судить меня, а Богу единому,—началъ онъ и сразу наступила тишина; всѣ слушали, притаивъ дыханіе. — И какъ судить по правдѣ, безъ вольнаго голоса? А ваша воля гдѣ? Рабы государевы — въ ротъ ему смотрите: что велитъ, то и скажете. Одно званіе суда, а дѣломъ — беззаконье и тиранство лютое! Знаете басню, какъ съ волкомъ ягненокъ судился? И вашъ судъ волчій. Какова ни будь правда моя, все равно засудите. Но если бы не вы, а весь народъ Россійскій судилъ меня съ батюшкой, то было бы на томъ судѣ не то, что здѣсь. Я народъ пожалѣлъ. Великъ, великъ, да тяжеленекъ Петръ— и не вздохнуть подъ нимъ. Сколько душъ загублено, сколько крови пролито! Стономъ стонетъ земля. Аль не видите, не слышите?.. Да что говорить! Какой вы Сенатъ — холопы царскіе, хамы, хамы всѣ до единаго!..

Ропотъ возмущенія заглушилъ послѣднія слова царевича. Но никто не смѣлъ остановить его. Всѣ смотрѣли на царя, ждали, что̀ онъ скажетъ. А царь молчалъ. На застывшемъ, какъ будто окаменѣломъ лицѣ его ни одинъ мускулъ не двигался. Только взоръ горящихъ, широко раскрытыхъ глазъ уставился въ глаза царевичу.

— Что молчишь, батюшка? — вдругъ обернулся онъ къ отцу съ безпощадной усмѣшкою.—Аль правду слушать въ диковину? Отрубить бы велѣлъ мнѣ голову по-просту, я бъ слова не молвилъ. А вздумалъ судиться, такъ любо, не любо,—слушай! Когда манилъ меня къ себѣ изъ протекціи цесарской, не клялся ли Богомъ и судомъ Его, что все простишь? Гдѣ жъ клятва та? Опозорилъ себя передъ всею Европою! Самодержецъ Россійскій—клятворугатель и лжецъ!..

— Сего слушать не можно! Оскорбленіе величества! Помѣшался въ умѣ! Вывести, вывести вонъ! — послышался гулъ голосовъ.

Къ царю подбѣжалъ Меньшиковъ и что-то сказалъ ему на ухо. Но царь молчалъ, какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ въ своемъ оцѣпенѣніи, подобномъ столбняку, и мертвое лицо его было какъ лицо изваянія.

— Кровь сына, кровь русскихъ царей на плаху ты первый прольешь!—опять заговорилъ царевичъ, и казалось, что онъ уже не отъ себя говоритъ: слова его звучали, какъ пророчество.—И падетъ сія кровь отъ главы на главу, до послѣднихъ царей, и погибнетъ весь родъ нашъ въ крови. За тебя накажетъ Богъ Россію!..

Петръ зашевелился медленно, грузно, съ неимовѣрнымъ усиліемъ, какъ будто стараясь приподняться изъ-подъ страшной тяжести; наконецъ, поднялся, лицо исказилось неистовой судорогой — точно лицо изваянія ожило—губы разжались, и вылетѣлъ изъ горла сдавленный хрипъ:

— Молчи, молчи... прокляну!..

— Проклянешь?—крикнулъ царевичъ въ изступленіи, бросился къ царю и поднялъ надъ нимъ руки.

Всѣ замерли въ ужасѣ. Казалось, что онъ ударитъ отца, или плюнетъ ему въ лицо.

— Проклянешь?.. Да я тебя самъ... Злодѣй, убійца, звѣрь, антихристъ!.. Вудь проклятъ! проклятъ! проклятъ!..

Петръ повалился навзничъ въ кресло и выставилъ руки впередъ, какъ будто защищаясь отъ сына.

Всѣ вскочили. Произошло такое смятеніе, какъ во время пожара, или убійства. Одни закрывали окна и двери; другіе выбѣгали вонъ изъ палаты; иные окружили царевича и тащили прочь отъ отца; иные спѣшили на помощь къ царю. Ему было дурно. Съ нимъ сдѣлался такой же припадокъ, какъ мѣсяцъ назадъ, въ Петергофѣ. Засѣданіе объявили закрытымъ.

Но въ ту же ночь Верховный судъ опять собрался и приговорилъ царевича пытать.

V

„Обрядъ, како обвиненный пытается.

„Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, сдѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ палисадникомъ и покрытъ, для того что при пыткахъ бываютъ судьи и секретарь и для записки пыточныхъ рѣчей подьячій.

„Въ застѣнкѣ же для пытки сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ.

„И когда назначено будетъ время, то катъ или палачъ явиться долженъ въ застѣнокъ съ инструментами; а оные суть: хомутъ шерстяной; къ нему пришита веревка долгая; кнутья и ремень.

„По приходѣ судей въ застѣнокъ, долгую веревку палачъ перекинетъ чрезъ поперечный въ дыбѣ столбъ и взявъ

подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотитъ, и положа ихъ въ хомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягиваетъ, дабы пытанный на землѣ не стоялъ, у котораго руки и выворотитъ совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу; и, растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ и все записывается, что таковой сказывать станетъ".

Когда утромъ 19 іюня привели царевича въ застѣнокъ, онъ еще не зналъ о приговорѣ суда.

Палачъ Кондрашка Тютюнъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Раздѣвайся!

Онъ все еще не понималъ.

Кондрашка положилъ ему руку на плечо. Царевичъ оглянулся на него и понялъ, но какъ будто не испугался. Пустота была въ душѣ его. Онъ чувствовалъ себя какъ во снѣ; и въ ушахъ его звенѣла пѣсенка давняго вѣщаго сна:

Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Точатъ ножи булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

— Подымай!—сказалъ Петръ палачу.

Царевича подняли на дыбу. Дано 25 ударовъ.

Черезъ три дня царь послалъ Толстого къ царевичу:

— Сегодня, послѣ обѣда, съѣзди, спроси и запиши не для розыску, но для вѣдѣнія:

1. Что есть причина, что не слушалъ меня и ни мало ни въ чемъ не хотѣлъ угодное дѣлать; а вѣдалъ, что сіе въ людяхъ не водится, также грѣхъ и стыдъ?

2. Отчего такъ безстрашенъ былъ и не опасался наказанія?

3. Для чего иною дорогою, а не послушаніемъ, хотѣлъ наслѣдства?

Когда Толстой вошелъ въ тюремный казематъ Трубец-

каго раската, гдѣ заключенъ былъ царевичъ, онъ лежалъ на койкѣ. Блюментростъ дѣлалъ ему перевязку, осматривалъ на спинѣ рубцы отъ кнута, снималъ старые бинты и накладывалъ новые, съ освѣжительными примочками. Лейбъ-медику велѣно было вылѣчить его, какъ можно скорѣе, дабы приготовить къ слѣдующей пыткѣ.

Царевичъ былъ въ жару и бредилъ:

— Федоръ Францовичъ! Федоръ Францовичъ! Да прогони ты ее, прогони, ради Христа... Вишь, мурлычитъ, проклятая, ластится, а потомъ какъ вскочитъ на грудь, станетъ душить, сердце когтями царапать...

Вдругъ очнулся и посмотрѣлъ на Толстого:

— Чего тебѣ?

— Отъ батюшки.

— Опять пытать?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Петровичъ! Не бойся. Не для розыска, а только для вѣдѣнія...

— Ничего, ничего, ничего я больше не знаю! — застоналъ и заметался царевичъ.—Оставьте меня! Убейте, только не мучьте! А если убить не хотите, дайте яду, аль бритву,— я самъ... Только скорѣе, скорѣе, скорѣе!..

— Что ты, царевичъ! Господь съ тобою, — глядя на него нѣжнымъ бархатнымъ взоромъ, заговорилъ Толстой тихимъ бархатнымъ голосомъ.

— Дастъ Богъ, все обойдется. Перемелется, мука будетъ. Полегоньку, да потихоньку. Ладкомъ, да миркомъ. Мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ. Дѣло житейское. Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ. Аль думаешь, мнѣ тебя не жаль, родимый?..

Онъ вынулъ свою неизмѣнную табакерку съ аркадскимъ пастушкомъ и пастушкою, понюхалъ и смахнулъ слезинку.

— Охъ, жаль, болѣзный ты нашъ, такъ тебя жаль, что, кажись, душу бы отдалъ!..

И наклонившись къ нему, прибавилъ быстрымъ шопотомъ:

— Вѣрь, не вѣрь, а я тебя всегда добра желалъ и теперь желаю...

Вдругъ запнулся, не кончилъ подъ взоромъ широко открытыхъ недвижныхъ глазъ царевича, который медленно приподымался съ подушекъ:

— Іуда Предатель! Вотъ тебѣ за твое добро! — плюнулъ онъ Толстому въ лицо и съ глухимъ стономъ—должно быть, повязка слѣзла—повалился навзничъ.

Лейбъ-медикъ бросился къ нему на помощь и крикнулъ Толстому:

— Уходите, оставьте его зъ покоѣ, или я ни за что не отвѣчаю!

Царевичъ опять началъ бредить:

— Вишь, уставилась... Глазища, какъ свѣчи, а усы торчкомъ, совсѣмъ какъ у батюшки... Брысь, брысь!.. Федоръ Францовичъ, Федоръ Францовичъ, да прогони ты ее, ради Христа!..

Блюментростъ давалъ ему нюхать спиртъ и клалъ ледъ на голову.

Наконецъ, онъ опять пришелъ въ себя и посмотрѣлъ на Толстого, уже безъ всякой злобы, видимо, забывъ объ оскорбленіи.

— Петръ Андреичъ, я вѣдь знаю, сердце у тебя доброе. Будь же другомъ, заставь за себя Бога молить! Выпроси у батюшки, чтобъ съ Афросей мнѣ видѣться...

Толстой припалъ осторожно губами къ превязанной рукѣ его и проговорилъ голосомъ, дрожавшимъ отъ искреннихъ слезъ:

— Выпрошу, выпрошу, миленькій, все для тебя сдѣлаю! Только бы вотъ какъ-нибудь намъ по вопроснымъ-то пунктамъ отвѣтить. Немного ихъ, всего три пунктика...

Онъ прочелъ вслухъ вопросы, писанные рукою царя.

Царевичъ закрылъ глаза въ изнеможеніи.

— Да вѣдь что жъ отвѣчать-то, Андреичъ? Я все сказалъ, видитъ Богъ, все. И словъ нѣтъ, мыслей нѣтъ въ головѣ. Совсѣмъ одурѣлъ...

— Ничего, ничего, батюшка! — заторопился Толстой, придвигая столъ, доставая бумагу, перо и чернильницу.— Я тебѣ говорилъ буду, а ты только пиши...

— Писать-то сможетъ?—обратился онъ къ лейбъ-медику и посмотрѣлъ на него такъ, что тотъ увидѣлъ въ этомъ взорѣ непреклонный взоръ царя.

Блюментростъ пожалъ плечами, проворчалъ себѣ подъ носъ: „Варвары!“ и снялъ повязку съ правой руки царевича.

Толстой началъ диктовать. Царевичъ писалъ съ трудомъ, кривыми буквами, нѣсколько разъ останавливался; голова кружилась отъ слабости, перо выпадало изъ пальцевъ. Тогда Блюментростъ давалъ ему возбуждающихъ капель. Но лучше капель дѣйствовали слова Толстого:

— Съ Афросьюшкой свидишься. А можетъ, и совсѣмъ проститъ, жениться позволитъ! Пиши, пиши миленькій!

И царевичъ опять принимался писать.

„1718 года, іюня въ 22 день, по пунктамъ, по которымъ спрашивалъ меня господинъ Толстой, отвѣтствую:

„1. Моего къ отцу непослушанія причина та, что съ младенчества моего жилъ съ мамой и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а также научился ханжить, къ чему я и отъ натуры склоненъ. И отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобъ я обучался дѣламъ, которыя пристойны царскому сыну, велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкому языку и другимъ наукамъ, что̀ мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностью, только чтобъ время проходило, а охоты къ тому не имѣлъ. А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ и отъ меня отлучался, того ради тѣ люди, которые при мнѣ были, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернецами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, въ томъ во всемъ не токмо мнѣ не претили, но и сами то жъ со мною дѣлали. И отводили меня отъ отца моего, и мало-помалу, не токмо воинскія и прочія отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла.

„2. А что я былъ безстрашенъ и не боялся за непослушаніе отъ отца своего наказанія, — и то происходило ни отъ чего иного, токмо отъ моего злонравія, какъ самъ истинно признаю,—понеже, хотя имѣлъ страхъ отъ него, но не сыновскій.

„3. А для чего я иною дорогою, а не послушаніемъ хотѣлъ наслѣдства, то можетъ всякъ легко разсудить, что, когда я уже отъ прямой дороги вовсе отбился и не хотѣлъ ни въ чемъ отцу моему послѣдовать, то какимъ же было инымъ образомъ искать наслѣдства, кромѣ того, какъ я дѣлалъ, хотя свое получить черезъ чужую помощь? И ежели бъ до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, дабы вооруженною рукою доставать мнѣ короны Россійской, то бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а именно: ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ Россійскихъ въ помощь себѣ противъ какого-нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, то бъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступатъ короны Россійской, взялъ бы я на свое иждивеніе и, однимъ словомъ сказать, ничего бы не пожалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю.

Алексѣй".

Подписавъ, онъ вдругъ опомнился, какъ будто очнулся отъ бреда, и съ ужасомъ понялъ, что̀ дѣлаетъ. Хотѣлъ закричать, что все это ложь, схватить и разорвать бумагу. Но языкъ и всѣ члены поднялись, какъ у погребаемыхъ заживо, которые все слышатъ, все чувствуютъ и не могутъ пошевелится, въ оцѣпенѣніи смертнаго сна. Безъ движенія, безъ голоса, смотрѣлъ онъ, какъ Толстой складывалъ и пряталъ бумагу въ карманъ.

На основаніи этого послѣдняго показанія, прочитаннаго въ присутствіи Сената, 24 іюня, Верховный судъ постановилъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, министры, сенаторы, и вои-

скаго, и гражданскаго стану чины, по здравому разсужденію и по христіанской совѣсти, по заповѣдямъ Божіимъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, по священнымъ писаніямъ святого Евангелія и Апостолъ, каноновъ и правилъ соборовъ святыхъ отецъ и церковныхъ учителей, по статьямъ римскихъ и греческихъ цесарей и прочихъ государей христіанскихъ, такожъ по правамъ всероссійскимъ, единогласно и безъ всякаго прекословія, согласились и приговорили, что онъ, царевичъ Алексѣй, за умыслъ бунтовный противъ отца и государя своего и намѣренный изъ давнихъ лѣтъ подыскъ и произыскиваніе къ престолу отеческому, при животѣ государя отца своего, не токмо чрезъ бунтовщиковъ, но и чрезъ чужестранную цесарскую помощь и войска иноземныя, съ разореніемъ всего государства, — достоинъ смерти".

VI

Въ тотъ же день его опять пытали. Дали 15 ударовъ и, не кончивъ пытки, сняли съ дыбы, потому что Блюментростъ объявилъ, что царевичъ плохъ и можетъ умереть подъ кнутомъ.

Ночью сдѣлалось ему такъ дурно, что караульный офицеръ испугался, побѣжалъ и доложилъ коменданту крѣпости, что царевичъ помираетъ,—какъ бы не померъ безъ покаянія. Комендантъ послалъ къ нему гварнизоннаго попа, о. Матѳея. Тотъ сначала не хотѣлъ идти и молилъ коменданта:

— Увольте, ваше благородіе! Я къ таковымъ дѣламъ необыченъ. Дѣло сіе страшное, царственное. Попадешь въ отвѣтъ — не открутишься. У меня жена, дѣти... Смилуйтесь!

Комендантъ обѣщалъ все взять на себя, и о. Матѳей, скрѣпя сердце, пошелъ.

Царевичъ лежалъ безъ памяти, никого не узнавалъ и бредилъ.

Вдругъ открылъ глаза и уставился на о. Матѳея.

— Ты кто?

— Гварнизонный священникъ, о. Матѳей. Исповѣдывать тебя прислали.

— Исповѣдывать?.. А почему у тебя, батька, голова телячья?.. Вотъ и лицо въ шерсти, и рога на лбу...

О. Матѳей молчалъ, потупивъ глаза.

— Такъ какъ же, государь царевичъ, угодно исповѣдаться? — наконецъ, проговорилъ онъ съ робкою надеждой, что тотъ откажется.

— А знаешь ли, попъ, царскій указъ, коимъ объ открытой на исповѣди измѣнѣ, или бунтѣ вамъ, духовнымъ отцамъ, въ тайную канцелярію доносить повелѣвается?

— Знаю, ваше высочество.

— И буде я тебѣ что на духу открою, донесешь?

— Какъ же быть, царевичъ? Мы люди подневольные... Жена, дѣти...—пролепеталъ о. Матѳей и подумалъ: „Ну вотъ, начинается!“

— Такъ прочь, прочь, прочь отъ меня, телячья твоя голова! — крикнулъ царевичъ яростно. — Холопъ царя Россійскаго! Хамы, хамы вы всѣ до единаго! Были орлы, а стали волы подъяремные! Церковь антихристу продали! Умру безъ покаянія, а Даровъ твоихъ не причащусь!.. Кровь змѣина, тѣло сатанино...

О. Матѳей отшатнулся въ ужасѣ. Руки у него такъ задрожали, что онъ едва не выронилъ чаши съ Дарами.

Царевичъ взглянулъ на нее и повторилъ слова раскольничьаго старца:

— Знаешь ли чему подобенъ Агнецъ вашъ? Подобенъ псу мертву, повержену на стогнахъ града! Какъ причастился—только и житія тому человѣку: таково-то При-

частіе ваше емко—что мышьякъ, аль сулема; во всѣ кости и мозги пробѣжитъ скоро, до самой души лукавой промчитъ—отдыхай-ка послѣ въ геённѣ огненной и въ пламени адскомъ стони, яко Каинъ, необратный грѣшникъ... Отравить меня хотите, да не дамся вамъ!

О. Матѳей убѣжалъ.

Черный котъ-оборотень вспрыгнулъ на шею царевичу и началъ душить его, царапать ему сердце когтями.

— Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ?—стоналъ и метался онъ въ смертной тоскѣ.

Вдругъ почувствовалъ, что у постели, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только что сидѣлъ о. Матѳей, теперь сидитъ кто-то другой. Открылъ глаза и взглянулъ.

Это былъ маленькій, сѣденькій старичокъ. Онъ опустилъ голову такъ, что царевичъ неясно видѣлъ лицо его. Старичокъ похожъ былъ не то на о. Ивана, ключаря Благовѣщенскаго, не то на столѣтняго дѣда-пасѣчника, котораго Алексѣй встрѣтилъ однажды въ глуши Новгородскихъ лѣсовъ, и который все, бывало, сидѣлъ въ своемъ пчельникѣ, среди ульевъ, грѣлся на солнцѣ, весь бѣлый какъ лунь, пропахшій насквозь медомъ и воскомъ; его тоже звали Иваномъ.

— Отецъ Иванъ? аль дѣдушка?—спросилъ царевичъ.

— Иванъ, Иванъ — я самый и есть! — молвилъ старичокъ ласково, съ тихой улыбкой, и голосъ у него былъ тихій, какъ жужжаніе пчелъ, или далекій благовѣстъ. Отъ этого голоса царевичу стало страшно и сладко. Онъ все старался увидѣть лицо старичка и не могъ.

— Не бойся, не бойся, дитятко, не бойся, родненькій,—проговорилъ онъ еще тише и ласковѣй.—Господь послалъ меня къ тебѣ, а за мной и Самъ будетъ скоро.

Старичекъ поднялъ голову. Царевичъ увидѣлъ лицо юное, вѣчное и узналъ Іоанна, Сына Громова.

— Христосъ воскресе, Алешенька!

— Воистину воскресе!—отвѣтилъ царевичъ, и великая радость наполнила душу его, какъ тогда, у Троицы, на Свѣтлой Христовой заутренѣ.

Іоаннъ держалъ въ рукахъ своихъ какъ бы солнце: то была чаша съ Плотью и Кровью.

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго.

Онъ причастилъ царевича. И солнце вошло въ него, и онъ почувствовалъ, что нѣтъ ни скорби, ни страха, ни боли, ни смерти, а есть только вѣчная жизнь, вѣчное солнце—Христосъ.

VII

Утромъ, осматривая больного, Блюментростъ удивился: лихорадка прошла, раны затягивались; улучшеніе было такъ внезапно, что казалось чудомъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу, радовался нѣмецъ,— теперь все до свадьбы заживетъ!

Весь день чувствовалъ себя царевичъ хорошо; съ лица его не сходило выраженіе тихой радости.

Въ полдень объявили ему смертный приговоръ.

Онъ выслушалъ его спокойно, перекрестился и спросилъ, въ какой день казнь. Ему отвѣтили, что день еще не назначенъ.

Принесли обѣдъ. Онъ ѣлъ охотно. Потомъ попросилъ открыть окно.

День былъ свѣжій и солнечный, какъ будто весенній. Вѣтеръ приносилъ запахъ воды и травы. Подъ самымъ окномъ, изъ щелей крѣпостной стѣны росли желтые одуванчики.

Онъ долго смотрѣлъ въ окно; тамъ пролетали ласточки съ веселыми криками; сквозь тюремныя рѣшетки небо казалось такимъ голубымъ и глубокимъ, какъ никогда на волѣ.

Къ вечеру солнце освѣтило бѣлую стѣну у изголовья

царевича. И почудился ему въ этомъ лучѣ бѣлый какъ лунь старичокъ съ юнымъ лицомъ, съ тихой улыбкой и чашей въ рукахъ, подобной солнцу. Глядя на него заснулъ онъ такъ тихо и сладко, какъ уже давно не спалъ.

На слѣдующій день, въ четвергъ, 26 іюня, въ 8 часовъ утра, опять собрались въ гварнизонномъ застѣнкѣ царь, Меньшиковъ, Толстой, Долгорукій, Шафировъ, Апраксинъ и прочіе министры. Царевичъ былъ такъ слабъ, что его перенесли на рукахъ изъ каземата въ застѣнокъ.

Опять спрашивали: „Что еще больше есть въ тебѣ? Не поклепалъ ли, не утаилъ ли кого?"—но онъ уже ничего не отвѣчалъ.

Подняли на дыбу. Сколько дано было плетей, никто не зналъ—били безъ счета.

Послѣ первыхъ ударовъ, онъ вдругъ затихъ, пересталъ стонать и охать, только всѣ члены напряглись и вытянулись, какъ будто окоченѣли. Но сознаніе, должно быть, не покидало его. Взоръ былъ ясенъ, лицо спокойно, хотя что-то было въ этомъ спокойствіи, отъ чего и самымъ привычнымъ къ виду страданій становилось жутко.

— Нельзя больше бить, ваше величество! — говорилъ Блюментростъ на ухо царю. — Умереть можетъ. И безполезно. Онъ уже ничего не чувствуетъ: каталепсія...

— Что?—посмотрѣлъ на лейбъ-медика царь съ удивленіемъ.

— Каталепсія — это такое состояніе... — началъ тотъ объяснять по-нѣмецки.

— Самъ ты каталепсія, дуракъ!—оборвалъ его Петръ и отвернулся.

Чтобы перевести духъ, палачъ остановился на минуту.

— Чего зѣваешь? Бей!—крикнулъ царь.

Палачъ опять принялся бить. Но царю казалось, что онъ уменьшаетъ силу ударовъ нарочно, жалѣя царевича. Жалость и возмущеніе чудились Петру на лицахъ всѣхъ окружающихъ.

— Бей же, бей!—вскочилъ онъ и топнулъ ногою въ

ярости; всѣ посмотрѣли на него съ ужасомъ: казалось, что онъ сошелъ съ ума.—Бей во всю, говорятъ! Аль разучился?

— Да я и то бью. Какъ еще бить-то? — проворчалъ себѣ подъ носъ Кондрашка и опять остановился.—По-русски бьемъ, у нѣмцевъ не учились. Мы люди православные. Долго ли грѣха взять на душу? Немудрено забить и до смерти. Вишь, чуть дышитъ, сердечный. Не скотина, чай,—тоже душа христіанская!

Царь подбѣжалъ къ палачу.

— Погоди, чортовъ сынъ, ужо самого отдеру, такъ научишься!

— Ну что-жъ, государь, поучи — воля твоя! — посмотрѣлъ тотъ на царя исподлобья угрюмо.

Петръ выхватилъ плеть изъ рукъ палача. Всѣ бросились къ царю, хотѣли удержать его, но было поздно. Онъ замахнулся и ударилъ сына изо всей силы. Удары были неумѣлые, но такіе страшные, что могли переломить кости.

Царевичъ обернулся къ отцу, посмотрѣлъ на него, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, и этотъ взоръ напомнилъ Петру взоръ темнаго Лика въ терновомъ вѣнцѣ на древней иконѣ, передъ которой онъ когда-то молился Отцу мимо Сына и думалъ, содрагаясь отъ ужаса: „Что это значитъ—Сынъ и Отецъ?“ И опять, какъ тогда, словно бездна разверзлась у ногъ его, и оттуда повѣяло холодомъ, отъ котораго на головѣ его зашевелились волосы.

Преодолѣвая ужасъ, поднялъ онъ плеть еще разъ, но почувствовалъ на пальцахъ липкость крови, которой была смочена плеть, и отбросилъ ее съ омерзѣніемъ.

Всѣ окружили царевича, сняли съ дыбы и положили на полъ.

Петръ подошелъ къ сыну.

Царевичъ лежалъ, закинувъ голову; губы полуоткрылись, какъ будто съ улыбкою, и лицо было свѣтлое, чистое, юное, какъ у пятнадцатилѣтняго мальчика. Онъ смотрѣлъ на отца попрежнему, словно хотѣлъ ему что-то сказать.

Петръ сталъ на колѣни, склонился къ сыну и обнялъ голову его.

— Ничего, ничего, родимый!—прошепталъ царевичъ.— Мнѣ хорошо, все хорошо. Буди воля Господня во всемъ.

Отецъ припалъ устами къ устамъ его. Но онъ уже ослабѣлъ и поникъ на рукахъ его; глаза помутились, взоръ потухъ.

Петръ всталъ, шатаясь.

— Умретъ?—спросилъ онъ лейбъ-медика.

— Можетъ быть, до ночи выживетъ, — отвѣтилъ тотъ.

Всѣ подбѣжали къ царю и повлекли его вонъ изъ палаты.

Петръ вдругъ весь опустился, ослабѣлъ, присмирѣлъ и сталъ послушенъ, какъ ребенокъ: шелъ, куда вели, дѣлалъ, что хотѣли.

Въ сѣняхъ застѣнка, Толстой, замѣтивъ, что у царя руки въ крови, велѣлъ подать рукомойникъ. Онъ сталъ покорно умываться. Вода порозовѣла.

Его вывели изъ крѣпости, усадили въ шлюпку и отвезли во дворецъ.

Толстой и Меньшиковъ не отходили отъ царя. Чтобы занять и развлечь, говорили о постороннихъ дѣлахъ. Онъ слушалъ спокойно, отвѣчалъ разумно. Давалъ резолюціи, подписывалъ бумаги. Но потомъ не могъ вспомнить того, что дѣлалъ тогда, какъ будто провелъ все это время во снѣ, или въ обморокѣ. О сынѣ самъ не заговаривалъ, точно забылъ о немъ вовсе.

Наконецъ, въ шестомъ часу вечера, когда донесли Толстому и Меньшикову, что царевичъ при смерти, они должны были напомнить о немъ государю. Тотъ выслушалъ разсѣянно, какъ будто не понималъ, о чемъ говорятъ. Однако, сѣлъ опять въ шлюпку и поѣхалъ въ крѣпость.

Царевича перенесли изъ пыточной палаты въ казематъ на прежнее мѣсто. Онъ уже не приходилъ въ себя.

Государь и министры пошли въ комнату умирающаго. Когда узнали, что онъ не причащался, то захлопотали, за-

бѣгали съ растеряннымъ видомъ. Послали за соборнымъ протопопомъ, о. Георгіемъ. Онъ прибѣжалъ, запыхавшись, съ такимъ же испуганнымъ видомъ, какъ у всѣхъ, торопливо вынулъ изъ дароносицы запасные Дары, совершилъ глухую исповѣдь, пробормоталъ разрѣшительныя молитвы, велѣлъ приподнять голову умирающаго, поднесъ потиръ и лжицу къ самымъ губамъ его. Но губы были сжаты; зубы крѣпко стиснуты. Золотая лжица ударялась о нихъ и звенѣла въ трепетной рукѣ о. Георгія. На платъ спадали капли Крови. На лицахъ у всѣхъ былъ ужасъ.

Вдругъ въ безчувственномъ лицѣ Петра промелькнула гнѣвная мысль.

Онъ подошелъ къ священнику и сказалъ:

— Оставь! Не надо.

И царю показалось, или только почудилось, что умирающій улыбнулся ему послѣднею улыбкою.

Въ тотъ же самый часъ, какъ вчера, на томъ же самомъ мѣстѣ, у изголовья царевича, солнце освѣтило бѣлую стѣну. Бѣлый какъ лунь старичокъ держалъ въ рукахъ чашу, подобную солнцу.

Солнце потухло. Царевичъ вздохнулъ, какъ вздыхаютъ засыпающія дѣти.

Лейбъ-медикъ пощупалъ руку его и сказалъ что-то на ухо Меньшикову. Тотъ перекрестился и объявилъ торжественно:

— Его высочество, государь царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился.

Всѣ опустились на колѣни, кромѣ царя. Онъ былъ неподвиженъ. Лицо его казалось мертвѣе, чѣмъ лицо умершаго.

VIII

„Въ Россіи когда-нибудь кончится все ужаснымъ бунтомъ, и самодержавіе падетъ, ибо милліоны вопіютъ къ Богу противъ царя“, писалъ ганноверскій резидентъ Веберъ изъ Петербурга, извѣщая о смерти царевича.

„Кронпринцъ скончался не отъ удара, какъ здѣсь утверждаютъ, а отъ меча или топора,—доносилъ резидентъ императорскій, Плейеръ. — Въ день его смерти никого не пускали въ крѣпость, и передъ вечеромъ заперли ее. Голландскій плотникъ, работавшій на новой башнѣ собора и оставшійся тамъ на ночь незамѣченнымъ, вечеромъ видѣлъ сверху, близъ пыточнаго каземата, головы какихъ-то людей и разсказалъ о томъ своей тещѣ, повивальной бабкѣ голландскаго резидента. Тѣло кронпринца положено въ простой гробъ изъ плохихъ досокъ; голова нѣсколько прикрыта, а шея обвязана платкомъ со складками, какъ бы для бритья“.

Голландскій резидентъ Яковъ де-Би послалъ донесеніе Генеральнымъ Штатамъ, что царевичъ умеръ отъ растворенія жилъ, и что въ Петербургѣ опасаются бунта.

Письма резидентовъ, вскрываемыя въ почтовой конторѣ, представлялись царю. Якова де-Би схватили, привели въ посольскую канцелярію и допрашивали „съ пристрастіемъ“. Взяли за караулъ и голландскаго плотника, работавшаго на Петропавловскомъ шпицѣ, и тещу его, повивальную бабку.

Въ опроверженіе этихъ слуховъ, послано отъ имени царя русскимъ резидентамъ при чужеземныхъ дворахъ составленное Шафировымъ, Толстымъ и Меньшиковымъ извѣстіе о кончинѣ царевича:

„По объявленіи сентенціи суда сыну нашему, мы, яко отецъ, боримы были натуральнымъ милосердія подвигомъ съ одной стороны, попеченіемъ же должнымъ о цѣлости и впредь будущей безопасности государства нашего съ другой,—и не могли еще взять въ семъ многотрудномъ и важномъ дѣлѣ своей резолюціи. Но всемогущій Богъ, восхотѣвъ чрезъ Собственную волю и праведнымъ Своимъ судомъ, по милости Своей, насъ отъ такого сумнѣнія и домъ нашъ, и государство отъ опасности и стыда освободити, пресѣкъ вчерашняго дня (писано іюня въ 27 день) его, сына нашего Алексѣя, животъ, по приключившейся ему, при объявленіи оной сентенціи и обличеніи его толь великихъ противъ насъ и всего государства преступленій, жестокой болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи. Но, хотя потомъ онъ и паки въ чистую память пришелъ и, по должности христіанской, исповѣдался и причастился Св. Таинъ, и насъ къ себѣ просилъ, къ которому мы, презрѣвъ всѣ досады его, со всѣми нашими здѣ сущими министры и сенаторы пришли, и онъ чистое исповѣданіе и признаніе тѣхъ всѣхъ своихъ преступленій противъ насъ, со многими покаятельными слезами и раскаяніемъ, намъ принесъ и отъ насъ въ томъ прощеніе просилъ, которое мы, по христіанской и родительской должности, и дали. И тако, онъ сего іюня 26, около 6 часовъ пополудни, жизнь свою христіански скончалъ".

Слѣдующій за смертью царевича день, 27 іюня, девятую годовщину Полтавы, праздновали, какъ всегда: на крѣпости подняли желтый, съ чернымъ орломъ, тріумфальный штандартъ, служили обѣдню у Троицы, палили изъ пушекъ, пировали на почтовомъ дворѣ, а ночью — въ Лѣтнемъ саду, на открытой галлереѣ надъ Невою, у подножія петербургской Венусъ, какъ сказано было въ реляціи, довольно веселились, подъ звуки нѣжной музыки, подобной вздохамъ любви изъ царства Венусъ:

Покинь, Купидо, стрѣлы,
Уже мы всѣ не цѣлы.

Въ ту же ночь тѣло царевича положено въ гробъ и перенесено изъ тюремнаго каземата въ пустыя деревянныя хоромы близъ комендантскаго дома въ крѣпости.

Утромъ вынесено къ Троицѣ, и „дозволено всякаго чина людямъ, кто желалъ, приходить ко гробу его, царевича и видѣть тѣло его, и со онымъ прощаться“.

Въ воскресенье, 29 іюня, опять былъ праздникъ—тезоименитство царя. Опять служили обѣдню, палили изъ пушекъ, звонили во всѣ колокола, обѣдали въ Лѣтнемъ дворцѣ; вечеромъ прибыли въ адмиралтейство, гдѣ спущенъ былъ новый фрегатъ *Старый Дубъ*; на кораблѣ происходила обычная попойка; ночью сожженъ фейерверкъ, и опять веселились довольно.

Въ понедѣльникъ, 30 іюня, назначены похороны царевича. Отпѣваніе было торжественное. Служили митрополитъ Рязанскій, Стефанъ, епископъ Псковскій, Ѳеофанъ, еще шесть архіереевъ, два митрополита палестинскихъ, архимандриты, протопопы, іеромонахи, іеродіаконы и восемнадцать приходскихъ священниковъ. Присутствовали государь, государыня, министры, сенаторы, весь воинскій и гражданскій станъ. Несмѣтныя толпы народа окружали церковь.

Гробъ, обитый чернымъ бархатомъ, стоялъ на высокомъ катафалкѣ, подъ золотою бѣлою парчею, охраняемый почетнымъ карауломъ четырехъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантовъ, со шпагами на̀-голо.

У многихъ сановниковъ головы болѣли отъ вчерашней попойки; въ ушахъ звенѣли пѣсни шутовъ:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ.

И въ этотъ ясный лѣтній день казались особенно мрачными тусклое пламя надгробныхъ свѣчей, тихіе звуки надгробнаго пѣнія:

Со святыми упокой, Христе, душу, раба твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

И заунывно повторяющійся возгласъ діакона:

Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія Алексія, и о еже проститися ему всякому прегрѣшенію вольному же и невольному.

И глухо замирающій вопль хора:

Надгробное рыданіе творяще пѣснь: аллилуіа!

Кто-то въ толпѣ вдругъ заплакалъ громко, и содроганіе пронеслось по всей церкви, когда запѣли послѣднюю пѣснь:

Зряще мя безгласна и бездыханна, пріидите, вси любящіе мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ.

Первымъ подошелъ прощаться митрополитъ Стефанъ. Старикъ едва держался на ногахъ. Его вели подъ руки два протодіакона. Онъ поцѣловалъ царевича въ руку и въ голову, потомъ наклонился и долго смотрѣлъ ему въ лицо. Стефанъ хоронилъ въ немъ все, что любилъ — всю старину Московскую, патріаршество, свободу и величіе древней церкви, свою послѣднюю надежду—„надежду Россійскую“.

Послѣ духовныхъ, по ступенямъ катафалка взошелъ царь. Лицо его было такое же мертвое, какъ всѣ послѣдніе дни. Онъ взглянулъ въ лицо сына.

Оно было свѣтло и молодо, какъ будто еще просвѣтлѣло и помолодѣло послѣ смерти. На губахъ улыбка говорила: все хорошо, буди воля Господня во всемъ.

И въ неподвижномъ лицѣ Петра что-то задрожало, задвигалось, какъ будто открывалось съ медленнымъ, страшнымъ усиліемъ — наконецъ, открылось — и мертвое лицо ожило, просвѣтлѣло, точно озаренное свѣтомъ отъ лица усопшаго.

Петръ склонился къ сыну и прижалъ губы къ холоднымъ губамъ его. Потомъ поднялъ глаза къ небу — всѣ увидѣли, что онъ плачетъ—перекрестился и сказалъ:

— Буди воля Господня во всемъ.

Онъ теперь зналъ, что сынъ оправдаетъ его передъ Вѣчнымъ Судомъ и тамъ объяснитъ ему то, чего не могъ понять онъ здѣсь: что значитъ—Сынъ и Отецъ?

IX

Народу объявили такъ же, какъ чужеземнымъ дворамъ, что царевичъ умеръ отъ удара.

Но народъ не повѣрилъ. Одни говорили, что онъ умеръ отъ побоевъ отца. Другіе покачивали головами сомнительно: „Скоро-де это дѣло сдѣлалось!“ А иные утверждали прямо, что, вмѣсто царевича, положено въ гробъ тѣло какого-то лейбъ-гвардіи сержанта, который лицомъ похожъ на него, а самъ царевичъ, будто-бы, живъ, отъ отца убѣжалъ не то въ скиты за Волгу, не то въ степныя станицы, „на вольныя рѣки“, и тамъ скрывается.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ Яменской казачьей станицѣ, на рѣкѣ Бузулукѣ, появился нѣкій Тимоѳей Труженикъ, по виду нищій бродяга, который на вопросы: кто онъ и откуда?—отвѣчалъ явно:

— Съ облака, съ воздуха. Отецъ мой—костыль, сума—матушка. Зовутъ меня Труженикъ, понеже тружусь Богу на дѣло великое.

А тайно говорилъ о себѣ:

— Я не мужикъ и не мужичій сынъ; я орелъ, орловъ сынъ, мнѣ орлу и быть! Я—царевичъ Алексѣй Петровичъ. Есть у меня на спинѣ крестъ, а на лядвеѣ шпага родимая. . .

И другіе говорили о немъ:

— Не простой онъ человѣкъ, и быть ему такому человѣку, что потрясется вся земля! . .

И въ ярлыкахъ подметныхъ, которые разсылались отъ него по казачьимъ станицамъ, было сказано:

„Благословенъ еси Боже нашъ! Мы, царевичъ Алексѣй Петровичъ, идемъ искать своихъ законовъ отчихъ и дѣдовскихъ, и на васъ, казаковъ, какъ на каменную стѣну по-

кладаемся, дабы постояли вы за старую вѣру и за чернь, какъ было при отцахъ и дѣдахъ нашихъ. И вы, голытьба, бурлаки, босяки безпріютные, гдѣ нашего гласа не заслышите, идите до насъ денно и нощно!"

Труженикъ ходилъ по степямъ и собиралъ вольницу, обѣщая „открыть Городище, въ коемъ есть знаменіе Пресвятыя Богородицы, и Евангеліе, и Крестъ, и знамена царя Александра Македонскаго; и онъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, будетъ по тѣмъ знаменамъ царствовать; и тогда придетъ конецъ вѣка и наступитъ антихристъ; и сразится онъ, царевичъ, со всею силой вражьей и съ самимъ антихристомъ".

Труженика схватили, пытали и отрубили ему голову, какъ самозванцу.

Но народъ продолжалъ вѣрить, что истинный царевичъ Алексѣй Петровичъ, когда придетъ часъ его,—явится, сядетъ на отчій престолъ, бояръ переказнитъ, а чернь помилуетъ.

Такъ для народа остался онъ, и послѣ смерти своей „надеждой Россійскою".

X

Окончивъ розыскъ о царевичѣ, Петръ 8 августа выѣхалъ изъ Петербурга въ Ревель моремъ, во главѣ флота изъ 22 военныхъ судовъ. Царскій корабль былъ новый, недавно спущенный съ Адмиралтейской верфи, девяностопушечный фрегатъ *Старый Дубъ*—первый корабль, построенный по чертежамъ царя, безъ помощи иноземцевъ, весь изъ русскаго лѣса, одними русскими мастерами.

Однажды вечеромъ, при выходѣ изъ Финскаго залива въ Балтійское море, Петръ стоялъ на кормѣ у руля и правилъ.

Вечеръ былъ ненастный. Тяжкія, черныя, словно же-

лѣзныя, тучи громоздились низко надъ тяжкими, черными, тоже словно желѣзными, гребнями волнъ. Была сильная качка. Блѣдные клочья пѣны мелькали, какъ блѣдныя руки яростно грозящихъ призраковъ. Порою волны перехлестывали за бортъ и дождемъ соленыхъ брызгъ окачивали всѣхъ, стоявшихъ на палубѣ, и больше всѣхъ царя-кормчаго. Платье на немъ вымокло; ледяная сырость пронизывала; ледяной вѣтеръ билъ въ лицо. Но, какъ всегда на морѣ, онъ чувствовалъ себя бодрымъ, сильнымъ и радостнымъ. Смотрѣлъ пристально въ темную даль и твердою рукою правилъ. Все исполинское тѣло фрегата дрожало отъ натиска волнъ, но крѣпокъ былъ *Старый Дубъ* и слушался руля, какъ добрый конь—узды, прыгалъ съ волны на волну, иногда опускался, какъ будто нырялъ, въ сѣдыя пучины—казалось, не вынырнетъ,—но каждый разъ вылеталъ, торжествующій.

Петръ думалъ о сынѣ. Въ первый разъ думалъ обо всемъ, какъ о прошломъ — съ великою грустью, но безъ страха, безъ муки и раскаянія, чувствуя и здѣсь, какъ во всей своей жизни, волю Вышнихъ Судебъ. „Великъ, великъ, да тяжеленекъ Петръ—и не вздохнуть подъ нимъ. Стономъ стонетъ земля!"—вспомнились ему слова сына передъ Сенатомъ.

Какъ же быть? — думалъ Петръ. — Стонетъ, небось, наковальня подъ молотомъ. Онъ, царь, и былъ въ рукѣ Господней молотомъ, который ковалъ Россію. Онъ разбудилъ ее страшнымъ ударомъ. Но, если бы не онъ, спала бы она и донынѣ сномъ смертнымъ.

И что̀ случилось бы, останься царевичъ въ живыхъ?

Рано или поздно, воцарился бы, возвратилъ бы власть попамъ, да старцамъ, длиннымъ бородамъ, а тѣ повернули бы назадъ отъ Европы въ Азію, угасили бы свѣтъ просвѣщенія—и погибла бы Россія.

— Будетъ штормъ!—молвилъ старый голландскій шкиперъ, подходя къ царю.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть пристально вдаль.

Быстро темнѣло. Черныя тучи спускались все ниже и ниже къ чернымъ волнамъ.

Вдругъ, на самомъ краю неба, сквозь узкую щель изъ-подъ тучъ, сверкнуло солнце, какъ будто изъ раны брызнула кровь. И желѣзныя тучи, желѣзныя волны обагрились кровью. И чудно, и страшно было это кровавое море.

„Кровь! Кровь!“—подумалъ Петръ и вспомнилъ пророчество сына:

„Кровь сына, кровь русскихъ царей ты, первый, на плаху прольешь—и падетъ сія кровь отъ главы на главу до послѣднихъ царей, и погибнетъ весь родъ нашъ въ крови. За тебя накажетъ Богъ Россію!“

— Нѣтъ, Господи!—опять, какъ тогда, передъ старой иконой съ темнымъ Ликомъ въ терновомъ вѣнцѣ, молился Петръ, мимо Сына Отцу, который жертвуетъ Сыномъ.— Да не будетъ сего! Кровь его на мнѣ, на мнѣ одномъ! Накажи меня, Боже,—помилуй Россію!

— Будетъ штормъ!—повторилъ старый шкиперъ, думая, что царь не разслышалъ его.—Говорилъ я давеча вашему величеству—лучше бъ вернуться назадъ...

— Не бойся,—отвѣтилъ Петръ съ улыбкою.—Крѣпокъ нашъ новый корабль: выдержитъ бурю. Съ нами Богъ!

И твердою рукою правилъ Кормчій по желѣзнымъ и кровавымъ волнамъ въ неизвѣстную даль.

Солнце зашло, наступилъ мракъ, и завыла буря.

ЭПИЛОГЪ

Христосъ Грядущій

I

— Не истинна вѣра наша—и постоять не за что. О, если бы нашелъ я самую истинную вѣру, то отдалъ бы за нее плоть свою на мелкія части раздробить!

Эти слова одного странника, который прошелъ всѣ вѣры и ни одной не принялъ, часто вспоминалъ Тихонъ въ своихъ долгихъ скитаніяхъ, послѣ бѣгства изъ лѣсовъ Ветлужскихъ, отъ Красной Смерти.

Однажды, позднею осенью, въ Нижегородской Печерской обители, гдѣ остановился онъ для отдыха и служилъ книгописцемъ, одинъ изъ монаховъ, о. Никодимъ, бесѣдуя съ нимъ наединѣ о вѣрѣ, сказалъ:

— Знаю, чего тебѣ надо, сынокъ. Живутъ на Москвѣ люди умные. Есть у нихъ вода живая. Той воды напившись, жаждать не будешь вовѣкъ. Ступай къ нимъ. Ежели сподобишься, откроютъ они тебѣ тайну великую...

— Какую тайну?—спросилъ Тихонъ жадно.

— А ты не спѣши, голубокъ, — возразилъ монахъ строго и ласково, — поспѣшишь, людей насмѣшишь. Ежели и впрямь хочешь тайнѣ той пріобщиться, искусъ молчанья

прими. Что́ ни увидишь, ни услышишь,—знай, молчи, да помалкивай. *Не бо. врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ, яко Іуда*. Разумѣешь?

— Разумѣю, отче! Какъ мертвецъ, безгласенъ буду...

— Ну, ладно,—продолжалъ о. Никодимъ.—Дамъ я тебѣ грамотку къ Парѳену Парамонычу, купцу Сафьянникову, мукой на Москвѣ торгуетъ. Отвезешь ему поклонъ мой, да гостинчикъ махонькой, морошки керженской моченой кадушку. Кумовья мы съ нимъ старые. Онъ тебя приметъ. Ты по счетной части гораздъ, а ему такого молодца въ лавку надобно... Сейчасъ пойдешь, что ль, аль до весны погодишь? Время-то скоро зимнее. А у тебя одежишка плохенькая. Какъ бы не замерзъ?

— Сейчасъ, отче, сейчасъ!

— Ну, съ Богомъ, сынокъ!

О. Никодимъ благословилъ Тихона въ путь и далъ ему обѣщанную грамотку, которую позволилъ прочесть:

„Возлюбленному брату во Христѣ, Парѳену Парамонычу—радоваться.

„Се—отрокъ Тихонъ. Черствымъ хлѣбомъ не сытъ, пирожковъ хочетъ мягонькихъ. Накорми голоднаго. Миръ вамъ всѣмъ и радость о Господѣ.

Смиренный о. Никодимъ.

По зимнему первопутку, съ Макарьевскимъ рыбнымъ обозомъ, отправился Тихонъ въ Москву.

Мучныя лавки Сафьянникова находились на углу Третьей Мѣщанской и Малой Сухаревой площади.

Здѣсь приняли Тихона, несмотря на письмо о. Никодима, подозрительно. Назначили на испытаніе подручнымъ къ дворнику для черной работы. Но видя, что онъ малый трезвый, усердный и хорошо умѣетъ считать, перевели въ лавку и засадили за счетныя книги.

Лавка была какъ лавка. Покупали, продавали, говорили объ убыткахъ и прибыляхъ. Иногда только шептались о чемъ-то по угламъ,

Однажды Митька крючникъ, простодушный, косолапый

великанъ, весь обсыпаный бѣлою мучною пылью, таская на спинѣ кули, запѣлъ при Тихонѣ странную пѣсню:

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ славной матушкѣ, каменной Москвѣ,
Во Мѣщанской Третьей улицѣ—
Не два солнышка сокаталися,
Тутъ два гостя ликовалися:
Покланяется гость Иванъ Тимоѳеевичъ
Дорогому гостю богатому,
Данилѣ Филипповичу:
Ты добро, сударь, пожаловалъ
Въ мою царскую палатушку
Хлѣба съ солью покушати,
И я радъ тебя послушати,
Про твое время послѣднее,
И про твой Божій страшный судъ.

— Митя, а Митя, кто такіе Данило Филипповичъ да Иванъ Тимоѳеевичъ?—спросилъ Тихонъ.

Застигнутый врасплохъ, Митька остановился, согнувшись подъ тяжестью огромнаго куля и выпучилъ глаза отъ удивленія:

— Аль Бога Саваоѳа да Христа не знаешь?

— Какъ же такъ Богъ Саваоѳъ, да Христосъ на Третьей Мѣщанской улицѣ?..—посмотрѣлъ на него Тихонъ съ еще бо̀льшимъ удивленіемъ.

Но тотъ уже спохватился, и, уходя, проворчалъ угрюмо:

— Много будешь знать, рано состаришься...

Вскорѣ послѣ того у Митьки сдѣлалась ломота въ поясницѣ — должно быть, надорвался, таскавши кули. Цѣлые дни лежалъ онъ въ своей подвальной каморкѣ, стоналъ и охалъ. Тихонъ посѣщалъ больного, поилъ шалфейной настойкой, натиралъ камфарнымъ духомъ и другими зельями отъ знакомаго нѣмца-аптекаря и, такъ какъ въ подвалѣ было сыро, то перевелъ Митьку въ свою теплую свѣтелку во второмъ жильѣ надъ главнымъ амбаромъ. У Митьки сердце было доброе. Онъ привязался къ Тихону и сталъ бесѣдовать съ нимъ откровеннѣе.

Изъ этихъ бесѣдъ, а также изъ пѣсенъ, которыя пѣвалъ онъ при немъ, узналъ Тихонъ, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, близъ деревень Михайлицы и Бобынина, на гору Городину, передъ великимъ собраніемъ людей, „сокатилъ“ на колесницѣ огненной, съ ангелами и архангелами, херувимами и серафимами, самъ Господь Богъ Саваоѳъ. Ангелы взлетѣли на небо, а Господь остался на землѣ, вселился въ пречистую плоть Данилы Филипповича, бѣглаго солдата, а мужика оброчнаго, Ивана Тимоѳеевича объявилъ своимъ Сыномъ Единороднымъ, Іисусомъ Христомъ. И пошли они ходить по землѣ въ образахъ нищенскихъ.

Бѣгая отъ гонителей, терпѣли холодъ и голодъ, укрывались въ свиномъ хлѣву, въ ямѣ падежной, въ стогахъ соломы. Однажды спрятала ихъ баба въ подполье скотной избы. На полу стоялъ теленокъ и намочилъ—„мокро полилося подъ полъ; Данило Филипповичъ, увидѣвъ то, сказалъ Ивану Тимоѳеевичу: тебя замочитъ! — а тотъ отвѣчалъ: чтобы Царя-то не замочило!“

Послѣдніе годы жили они въ Москвѣ, на Третьей Мѣщанской, въ особомъ домѣ, который названъ Сіонскимъ. Тутъ оба скончались и вознеслись на небеса во славѣ.

Послѣ Ивана Тимоѳеевича, также какъ до него, „открывались“ многіе Христы, „ибо Господь нигдѣ такъ любезно обитать не желаетъ, какъ въ пречистой плоти человѣческой, по реченному: *вы есте храмъ Бога живаго.* Богъ тогда Христа рождаетъ, когда все умираетъ. Христосъ во единой плоти подвигъ свой кончилъ, а въ другихъ плотяхъ начинаетъ.

— Значитъ много Христовъ?—спросилъ Тихонъ.

— Духъ единъ, плотей много,—отвѣчалъ Митька.

— И нынѣ есть? — продолжалъ Тихонъ, у котораго сердце вдругъ замерло отъ предчувствія тайны.

Митька молча кивнулъ головою.

— Гдѣ же Онъ?

— Не пытай. Сказать не можно. Самъ увидишь, ежели сподобишься...

И Митька замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ.

Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ — вспомнилъ Тихонъ.

Нѣсколько дней спустя, сидѣлъ онъ вечеромъ въ лавкѣ надъ счетными книгами.

Вечеръ былъ субботній. Торговля уже кончилась. Но подъѣхалъ новый обозъ, и крючники таскали кули съ подводъ. Въ отворявшуюся дверь врывались клубы морознаго пара, скрипъ шаговъ по снѣгу и вечерній благовѣстъ. Снѣжныя бѣлыя крыши черныхъ бревенчатыхъ домиковъ Третьей Мѣщанской свѣтились долгимъ и ровнымъ, розовымъ свѣтомъ на ясномъ, золотисто-лиловомъ небѣ. Въ лавкѣ было темно; только въ глубинѣ ея, среди наваленныхъ до потолка мучныхъ кулей, передъ образомъ Николы Чудотворца теплилась лампадка.

Парѳенъ Парамонычъ Сафьянниковъ, толстый, бѣлобородый, красноносый старикъ, похожій на дѣдушку-Мороза, и старшій приказчикъ Емельянъ Ретивой, сутулый, рыжій, лысый, съ безобразнымъ и умнымъ лицомъ, напоминавшимъ древнюю маску Фавна, пили горячій сбитень и слушали разсказы Тихона про житіе старцевъ заволжскихъ.

— А ты, Емельянъ Иванычъ, какъ мыслишь, по старымъ, аль новымъ книгамъ спастись надлежитъ?—спросилъ Тихонъ.

— Жилъ-былъ человѣкъ на Руси, Данилой Филиппычемъ звать,—произнесъ Емельянъ, усмѣхаясь,—читалъ книги, читалъ, всѣ прочелъ, а толку, видитъ, мало—собралъ ихъ въ куль, да бросилъ въ Волгу. Ни въ старыхъ-де книгахъ, ни въ новыхъ нѣтъ спасенія,—а нужна единая—

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная—
Самъ Сударь Духъ Святой!

Послѣднія слова онъ спѣлъ на тотъ же ладъ, какъ Митька пѣвалъ свои странныя пѣсни.

— Гдѣ жъ эта книга? — допытывался Тихонъ робко и жадно.

— А вонъ, гляди!

Онъ указалъ ему въ открытую дверь на небо.

— Вотъ тебѣ и книга! Солнышкомъ, что перышкомъ златымъ, самъ Господь Богъ пишетъ въ ней словеса жизни вѣчной. Какъ прочтешь ихъ, — постигнешь всю тайну небесную и тайну земную...

Емельянъ посмотрѣлъ на него пристально, и отъ этого взора стало вдругъ Тихону жутко, какъ будто заглянулъ онъ въ бездонно-прозрачную темную воду.

А Емельянъ, перемигнувшись съ хозяиномъ, внезапно умолкъ.

— Такъ значитъ ни въ старой, ни въ новой церкви нѣтъ спасенія?—заговорилъ поспѣшно Тихонъ, боясь, чтобы онъ совсѣмъ не замолчалъ, какъ давеча Митька.

— Что ваши церкви?—пожалъ Емельянъ плечами презрительно.—Мурашиныя гнѣзда, синагоги ветхія, толкучки жидовскія! Воры рубили, волы возили. Благодать-то вся у васъ окаменѣла. Духомъ была и огнемъ, стала дорогимъ каменьемъ, да золотомъ на иконахъ вашихъ, да ризахъ поповскихъ. Очерствѣло слово Божіе, сухарями стало черствыми—не сжуешь, только зубы обломаешь!

И наклонившись къ Тихону, прибавилъ шопотомъ:

— Есть церковь истинная, новая, тайная, свѣтлица свѣтлая, изъ кипариса, барбариса и аниса срубленная, горница Сіонская! Не сухарей тѣхъ черствыхъ, а пирожковъ горяченькихъ, да мягонькихъ, прямо изъ печи тамъ кушаютъ — словъ живыхъ изъ устъ пророческихъ; тамъ веселіе райское, небесное, пиво духовное, о немъ же церковь поетъ: *пріидите пиво піемъ новое, нетлѣнія источникъ, изъ гроба одождивша Христа.*

— То-то пивушко! Человѣкъ устами не пьетъ, а пьянъ живетъ,— воскликнулъ Пареенъ Парамонычъ и вдругъ за-

кативъ глаза къ потолку, фистулою неожиданно тонкой запѣлъ вполголоса:

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ...

И Ретивой, и Митька подпѣвали, подтягивали, притопывали въ ладъ ногами, подергивали плечами, словно подмывало ихъ пуститься въ плясъ. И у всѣхъ троихъ глаза стали пьяные.

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама Матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили.

Тихону казалось, что до него доносится топотъ безчисленныхъ ногъ, отзвукъ стремительной пляски, и было въ этой пѣснѣ что-то пьяное, дикое, страшное, отъ чего захватывало духъ и хотѣлось слушать, слушать безъ конца.

Но сразу, также внезапно какъ начали, умолкли всѣ трое.

Емельянъ сталъ просматривать счетныя книги. Митька поднялъ сброшенный куль и понесъ дальше, а Парѳенъ Парамонычъ провелъ рукою по лицу, какъ будто стирая съ него что-то, всталъ, зѣвнулъ, лѣниво потягиваясь, перекрестилъ ротъ и проговорилъ обыкновеннымъ хозяйскимъ голосомъ, какимъ, бывало, каждый вечеръ говаривалъ:

— Ну, молодцы, ступай ужинать! Щи да каша простынутъ.

И опять лавка стала, какъ лавка—словно ничего и не было.

Тихонъ очнулся, тоже всталъ, но вдругъ, точно какая-то сила бросила его на полъ — весь дрожащій, блѣдный, упалъ на колѣни, протянулъ руки и воскликнулъ:

— Батюшки родимые! Сжальтесь, помилуйте! Мочи моей больше нѣтъ, истомилась душа моя, желая во дворы Господни! Примите въ общеніе святое, откройте мнѣ тайну вашу великую!..

— Вишь, какой прыткій!—посмотрѣлъ на него Емельянъ со своей хитрой усмѣшкой.—Скоро, братъ, сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Надо сперва спросить Батюшку. Можетъ, и сподобишься. А пока ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами—знай, молчи да помалкивай.

И всѣ пошли ужинать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе не было рѣчи ни о какихъ тайнахъ. Когда Тихонъ самъ заговаривалъ, всѣ молчали и глядѣли на него подозрительно. Словно какая-то завѣса приподнялась передъ нимъ и тотчасъ вновь опустилась. Но онъ уже не могъ забыть того, что видѣлъ.

Былъ самъ не свой, ходилъ, какъ потерянный, слушалъ и не понималъ, отвѣчалъ невпопадъ, путалъ счеты. Хозяинъ бранилъ его. Тихонъ боялся, что его совсѣмъ прогонятъ изъ лавки.

Но въ субботу, ровно черезъ недѣлю, поздно вечеромъ, когда онъ сидѣлъ у себя въ свѣтелкѣ одинъ, вошелъ Митька.

— Ѣдемъ!—объявилъ онъ поспѣшно и радостно.

— Куда?

— Къ Батюшкѣ въ гости.

Не смѣя разспрашивать, Тихонъ торопливо одѣлся, сошелъ внизъ и увидѣлъ у крыльца хозяйскія сани. Въ саняхъ сидѣлъ Емельянъ и Парѳенъ Парамонычъ, закутанный въ шубу. Тихонъ примостился у ногъ ихъ, Митька сѣлъ на облучекъ, и они понеслись по ночнымъ пустыннымъ улицамъ. Ночь была тихая, свѣтлая. Луна—въ чешуѣ перламутровыхъ тучекъ. Переѣхали по льду черезъ Москву-рѣку и долго кружили по глухимъ переулкамъ Замоскворѣчья. Наконецъ, мелькнули въ лунной мглѣ, среди снѣж-

наго поля, мутно-розовыя, съ бѣлыми зубцами и башнями, стѣны Донского монастыря.

На углу Донской и Шабельской слѣзли съ саней. Митька въѣхалъ во дворъ и, оставивъ тамъ сани съ лошадьми, вернулся. Пошли дальше пѣшкомъ вдоль длинныхъ, покривившихся, занесенныхъ снѣгомъ, заборовъ. Завернули въ тупикъ, гдѣ по колѣно увязли въ снѣгу. Подойдя къ воротамъ о двухъ щитахъ съ желѣзными петлями, постучались въ калитку. Имъ отворили не сразу, сперва окликнули, кто и откуда. За калиткой былъ большой дворъ со многими службами. Но, кромѣ старика-привратника, кругомъ ни души — ни огня, ни лая собаки — точно все вымерло. Дворъ кончился, и они стали пробираться узенькою, хорошо протоптанною тропинкою, между высокими сугробами снѣга, по какимъ-то задворкамъ, не то пустырямъ, не то огородамъ. Пройдя вторыя ворота, уже съ незапертою калиткою, вошли въ плодовый садъ, гдѣ яблони и вишни бѣлѣли въ снѣгу, какъ въ весеннемъ цвѣту. Была такая тишина, словно за тысячи верстъ отъ жилья. Въ концѣ сада виднѣлся большой, деревянный домъ. Взошли на крыльцо, опять постучались, опять изнутри окликнули. Отворилъ угрюмый малый въ скуфейкѣ и долгополомъ кафтанѣ, похожій на монастырскаго служку. Въ просторныхъ сѣняхъ висѣло по стѣнамъ, лежало на сундукахъ и лавкахъ много верхняго платья, мужского и женскаго, простые тулупы, богатыя шубы, старинныя русскія шапки, новыя нѣмецкія трехуголки и монашескіе клобуки.

Когда вошедшіе сняли шубы, Ретивой спросилъ Тихона трижды:

— Хочешь ли, сыне, причаститься тайнѣ Божьей?

И Тихонъ трижды отвѣтилъ:

— Хочу.

Емельянъ завязалъ ему глаза платкомъ и повелъ за руку.

Долго шли по безконечнымъ переходамъ, то спускались, то подымались по лѣстницамъ.

Наконецъ, остановившись, Емельянъ велѣлъ Тихону

раздѣться до-нага и надѣлъ на него длинную, полотняную рубаху, на ноги нитяные чулки безъ сапогъ, произнося слова Откровенія:

— *Побѣждаяй, той облечется въ ризы бѣлыя.*

Потомъ пошли дальше. Послѣдняя лѣстница была такая крутая, что Тихонъ долженъ былъ держаться обѣими руками за плечи Митьки, шедшаго впереди, чтобъ не оступиться со-слѣпа.

Пахнуло земляною сыростью, точно изъ погреба, или подполья. Послѣдняя дверь отворилась, и они вошли въ жарко-натопленную горницу, гдѣ, судя по шопоту и шелесту шаговъ, было много народу. Емельянъ велѣлъ Тихону стать на колѣни, трижды поклониться въ землю и произносить за нимъ слова, которыя говорилъ ему на ухо:

— Клянусь душою моею, Богомъ и страшнымъ судомъ Его претерпѣть кнутъ и огонь, и топоръ, и плаху, и всякую муку и смерть, а отъ вѣры святой не отречься, и о томъ, что увижу, или услышу, никому не сказывать, ни отцу родному, ни отцу духовному. *Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ, яко Іуда.* Аминь.

Когда онъ кончилъ, усадили его на лавку и сняли съ глазъ повязку.

Онъ увидѣлъ большую низкую комнату; въ углу образа; передъ ними множество горящихъ свѣчей; на бѣлой штукатуркѣ стѣнъ — темныя пятна сырости; кое-гдѣ даже струйки воды, которая стекала съ потолка, просачиваясь въ щели межъ черныхъ просмоленыхъ досокъ. Было душно, какъ въ банѣ. Паръ стоялъ въ воздухѣ, окружая пламя свѣчей туманною радугой. На лавкахъ по стѣнамъ сидѣли мужчины съ одной стороны, съ другой—женщины, всѣ въ одинаковыхъ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, видимо, надѣтыхъ прямо на голое тѣло и въ нитяныхъ чулкахъ безъ сапогъ.

— Царица! Царица!—пронеслось благоговѣйнымъ шопотомъ.

Открылась дверь и вошла высокая стройная женщина

въ черномъ платьѣ и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Всѣ встали и поклонились ей въ поясъ.

— Акулина Макѣевна, Матушка, Царица Небесная!— шепнулъ Тихону Митька.

Женщина прошла къ образамъ и сѣла подъ ними, сама какъ образъ. Всѣ стали подходить къ ней, по очереди, кланяться въ ноги и цѣловать въ колѣно, какъ будто прикладывались къ образу.

Емельянъ подвелъ Тихона и сказалъ:

— Изволь крестить, Матушка! Новенькій...

Тихонъ сталъ на колѣни и поднялъ на нее глаза: она быле смугла, уже не молода, лѣтъ подъ сорокъ, съ тонкими морщинками около темныхъ, словно углемъ подведенныхъ вѣкъ, съ густыми, почти сросшимися, черными бровями, съ чернымъ пушкомъ надъ верхней губой — „точно цыганка, аль черкешенка“, подумалъ онъ. Но когда она глянула на него своими большими тусклочерными глазами, онъ вдругъ понялъ, какъ она хороша.

Трижды перекрестила его Матушка свѣчею, почти касаясь пламенемъ лба, груди и плечъ.

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго, крещается рабъ Божій Тихонъ Духомъ Святымъ и огнемъ!

Потомъ легкимъ и быстрымъ, видимо, давно привычнымъ движеніемъ, распахнула на себѣ платье, и онъ увидѣлъ все ея прекрасное, юное, какъ у семнадцатилѣтней дѣвушки, золотисто-смуглое, точно изъ слоновой кости точеное, тѣло.

Ретивой подталкивалъ его сзади и шепталъ ему на ухо:

— Цѣлуй во чрево пресвятое, да въ сосцы пречистые!

Тихонъ потупилъ глаза въ смущеньи.

— Не бойся, дитятко!—проговорила Акулина съ такою ласкою, что ему почудилось, будто бы слышитъ онъ голосъ матери и сестры, и возлюбленной вмѣстѣ.

И вспомнилось, какъ въ дремучемъ лѣсу у Круглаго озера, цѣловалъ онъ землю и глядѣлъ на небо, и чувствовалъ, что земля и небо—одно, и плакалъ, и молился:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

Съ благоговѣніемъ, какъ образъ, поцѣловалъ онъ трижды это прекрасное тѣло. На него повѣяло страшнымъ запахомъ; лукавая усмѣшка промелькнула на губахъ ея—и отъ этого запаха и отъ этой усмѣшки ему стало жутко.

Но платье запахнулось — и опять сидѣла она передъ нимъ, величавая, строгая, святая—икона среди иконъ.

Когда Тихонъ съ Емельяномъ вернулись на прежнее мѣсто, всѣ запѣли хоромъ, по церковному, уныло и протяжно:

Дай намъ, Господи, Іисуса Христа,
Дай намъ, Сударь, Сына Божія,
И Святого Духа Утѣшителя!

Умолкли на минуту; потомъ начали снова, но уже другимъ, веселымъ, быстрымъ, словно плясовымъ, напѣвомъ, притопывая ногами, прихлопывая въ ладоши — и у всѣхъ глаза стали пьяные.

Какъ у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
И со ангелами,
Со архангелами,
Съ херувимами, Сударь,
Съ серафимами
И со всею Силою Небесною.

Вдругъ вскочилъ съ лавки старикъ благообразнаго постнаго вида, какимъ пишутъ на иконахъ св. Сергія Радонежскаго, выбѣжалъ на середину горницы и началъ кружиться.

Потомъ дѣвушка, лѣтъ четырнадцати, почти ребенокъ, но уже беременная, тоненькая какъ тростинка, съ шеей длинной какъ стебель цвѣтка, тоже вскочила и пошла кругомъ плавно, какъ лебедь.

— Марьюшка-дурочка,—указалъ на нее Емельянъ Тихону,—нѣмая, говорить не умѣетъ, только мычитъ, а какъ Духъ накатитъ, поетъ что твой соловушко!

Дѣвушка пѣла дѣтскимъ, какъ серебро звенящимъ голосомъ:

Полно пташечки сидѣть,
Намъ пришла пора летѣть
Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Изъ темничныихъ запоровъ.

И махала рукавами рубахи, какъ бѣлыми крыльями.

Парѳенъ Парамонычъ сорвался съ лавки, словно вихремъ подхваченный, подбѣжалъ къ Марьюшкѣ, взялъ ее за руки и завертѣлся съ нею, какъ бѣлый мѣдвѣдь со Снѣгурочкой. Никогда не повѣрилъ бы Тихонъ, чтобъ эта грузная туша могла плясать съ такою воздушною легкостью. Кружась, какъ волчокъ, заливался онъ, пѣлъ своею тонкой фистулою:

На сёдьмомъ на небеси
Самъ Спаситель закаталъ.
Ай, душки, душки, душки!
У Христа-то башмачки,
Вѣдь сафьяненькіе,
Мелкостроченные!

Все новые и новые начинали кружиться.

Плясалъ, и не хуже другихъ, человѣкъ съ деревяшкой вмѣсто ноги—какъ узналъ въ послѣдствіи Тихонъ—отставной капитанъ Смурыгинъ, раненый при штурмѣ Азова.

Низенькая, кругленькая тетка, съ почтенными сѣдыми буклями, княжна Хованская вертѣлась, какъ шаръ. А рядомъ съ нею долговязый сапожный мастеръ, Яшка Бурдаевъ прыгалъ, высоко вскидывая руки и ноги, кривляясь и корчась, какъ тотъ огромный вялый комаръ, съ ломающимися ногами, котораго зовутъ *караморой*, и выкрикивалъ:

Поплясахомъ, погорахомъ
На Сіонскую гору!..

Теперъ уже почти всѣ плясали, не только въ „одиночку“ и „въ-схватку“ — вдвоемъ, но и цѣлыми рядами — „стѣночкой“, „уголышкомъ“, „крестикомъ“, „кораблемъ Давидовымъ“, „цвѣточками и ленточками“.

— Сими различными круженьями,—объяснялъ Емельянъ Тихону,—изображаются пляски небесныя ангеловъ и архангеловъ, парящихъ вкругъ престола Божія, маханьемъ же рукъ,—мановенье крылъ ангельскихъ. Небо и земля едино суть: чтó на небеси горѣ, то и на землѣ низу.

Пляска становилась все стремительнѣй, такъ что вихрь наполнялъ горницу, и, казалось, не сами они пляшутъ, а какая-то сила кружитъ ихъ съ такой быстротою, что не видно было лицъ, на головѣ вставали дыбомъ волосы, рубахи раздувались, какъ трубы, и человѣкъ превращался въ бѣлый вертящійся столбъ.

Во время круженія, одни свистѣли, шипѣли, другіе гоготали, кричали неистово, и казалось тоже, что не сами они, а кто-то изъ нихъ кричитъ:

Накатилъ! Накатилъ!
Духъ, Святъ, Духъ,
Кати, кати! Ухъ!

И падали на полъ, въ судорогахъ, съ пѣною у рта, какъ бѣсноватые, и пророчествовали, большею частью, впрочемъ, невразумительно. Иные въ изнеможеніи останавливались, съ лицами красными какъ кумачъ, или бѣлыми какъ полотно; потъ лилъ съ нихъ ручьями; его вытирали полотенцами, выжимали мокрыя насквозь рубахи, такъ что на полу стояли лужи; это потѣніе называлось „банею пакибытія“. И едва успѣвъ отдышаться, опять пускались въ плясъ.

Вдругъ всѣ сразу остановились, пали ницъ. Наступила тишина мертвая, и, также какъ давеча при входѣ Царицы, пронеслось благоговѣйшимъ шопотомъ:

— Царь! Царь!

Вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати въ бѣлой длинной одеждѣ изъ ткани полупрозрачной, такъ что сквозило тѣло, съ женоподобнымъ лицомъ, такимъ же не русскимъ, какъ у Акулины Мокѣевны, но еще болѣе чуждой и необычайной прелести.

— Кто это?—спросилъ Тихонъ рядомъ съ нимъ лежавшаго Митьку.

— Христосъ Батюшка!—отвѣтилъ тотъ.

Тихонъ узналъ потомъ, что это бѣглый казакъ, Аверьянка Безпалый, сынъ запорожца и плѣнной гречанки.

Батюшка подошелъ къ Матушкѣ, которая встала передъ нимъ почтительно, и „поликовался" съ нею, обнялъ и поцѣловалъ трижды въ уста.

Потомъ вышелъ на середину горницы и сталъ на небольшое круглое возвышеніе изъ досокъ, въ родѣ тѣхъ крышекъ, которыми закрываются устья колодцевъ.

Всѣ запѣли громогласно и торжественно:

Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя—
Сударь Духъ Святой покатываетъ.
Подъ нимъ бѣлый конь не простъ,
У коня жемчужный хвостъ,
Изъ ноздрей огонь горитъ,
Очи камень маргаритъ.
Накатилъ! Накатилъ!
Духъ, Святъ, Духъ,
Кати, кати! Ухъ!

Батюшка благословилъ дѣтушекъ—и опять началось круженіе, еще болѣе неистовое, между двумя недвижными предѣлами—Матушкой на самомъ краю и Батюшкой въ самомъ средоточіи вертящихся круговъ. Батюшка изрѣдка медленно взмахивалъ руками, и при каждомъ взмахѣ ускорялась пляска. Слышались нечеловѣческіе крики:

— Эва̀-эво́! Эва̀-эво́!

Тихону вспомнилось, что въ старинныхъ латинскихъ комментаріяхъ къ Павзанію читалъ онъ, будто бы древніе вакхи и вакханки привѣтствовали бога Діониса почти одно-звучными криками: „Эва̀нъ-Эво̀!“ Какимъ чудомъ проникли, словно просочились вмѣстѣ съ подземными водами, эти тайны умершаго бога съ вершинъ Киѳерона въ подполья Замоскворѣцкихъ задворковъ?

Онъ смотрѣлъ на крутящійся бѣлый смерчъ пляски и минутами терялъ сознаніе. Время остановилось. Все исчезло. Всѣ цвѣта слились въ одну бѣлизну—казалось, въ бѣлую бездну бѣлыя птицы летятъ. И ничего нѣтъ—его само́го нѣтъ. Есть только бѣлая бездна, бѣлая смерть.

Онъ очнулся, когда Емельянъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

Хотя свѣтъ дневной не проникалъ въ подполье, Тихонъ чувствовалъ утро. Догорѣвшія свѣчи коптили. Духота была нестерпимая, смрадная. Лужи пота на полу подтирали ветошками. Радѣніе кончилось. Царь и царица ушли. Одни, пробираясь къ выходу, шатаясь и держась за стѣны, ползли, какъ сонныя мухи. Другіе, свалившись на полъ, спали мертвымъ сномъ, похожимъ на обморокъ. Иные сидѣли на лавкахъ, понуривъ головы, съ такими лицами какъ у пьяныхъ, которыхъ тошнитъ. Словно бѣлыя птицы упали на землю и расшиблись до смерти.

Съ этого дня Тихонъ сталъ ходить на всѣ радѣнія. Митька научилъ его плясать. Сначала было стыдно, но потомъ онъ привыкъ и такъ пристрастился къ пляскѣ, что не могъ безъ нея жить.

Все новыя и новыя тайны открывались ему на радѣніяхъ.

Но порой казалось, что самую главную и страшную тайну отъ него скрываютъ. По тому, что видѣлъ и слышалъ, догадывался онъ, что братья и сестры живутъ въ плотскомъ общеніи.

— Мы — херувимы неженимые, въ чистотѣ живемъ

огненной,—говорили они. — То не блудъ, когда братъ съ сестрой въ любви живутъ Христовой, истинной, а блудъ и скверна—бракъ церковный. Онъ предъ Богомъ мерзость, предъ людьми дерзость. Мужъ да жена—одна сатана, проклятые гнѣздники; а дѣти—осколки, щенята поганые!

Дѣтей, рожденныхъ отъ мужей невѣрныхъ, матери подкидывали въ бани торговыя, или убивали собственными руками.

Однажды Митька простодушно объявилъ Тихону, что живетъ съ двумя родными сестрами, монашками изъ монастыря Новодѣвичьяго; а Емельянъ Ивановичъ, пророкъ и и учитель, съ тринадцатью женами и дѣвками.

— Которая у него на духу побываетъ, та съ нимъ и живетъ.

Тихонъ былъ смущенъ этимъ признаніемъ и послѣ того нѣсколько дней избѣгалъ Ретиваго, не смѣлъ глядѣть ему въ глаза.

Тотъ, замѣтивъ это смущеніе, заговорилъ съ нимъ наединѣ ласково:

— Слушай-ка, дитятко, открою тебѣ тайну великую! Ежели хочешь быть живъ, умертви, Господа ради, не токмо плоть свою, но и душу, и разумъ, и самую совѣсть. Обнажись всѣхъ уставовъ и правилъ, всѣхъ добродѣтелей, поста, воздержанія, дѣвства. Обнажись самой святости. Сойди въ себя, какъ въ могилу. Тогда, мертвецъ таинственный, воскреснешь, и вселится въ тебя Духъ Святый, и уже не лишишься Его, какъ бы ни жилъ и что бы ни дѣлалъ...

Безобразное лицо Ретиваго—маска фавна—свѣтилось такимъ дерзновеніемъ и такою хитростью, что Тихону стало страшно: не могъ онъ рѣшить кто передъ нимъ—пророкъ, или бѣсноватый?

— Аль о томъ соблазняешься,—продолжалъ тотъ еще ласковѣй, что творимъ блудъ, какъ люди о насъ говорятъ? Знаемъ, что несходны дѣла наши многія съ праведностью вашей человѣческой. Да какъ намъ быть? Нѣтъ у насъ воли своей. Духъ нами дѣйствуетъ, и самыя неистовства

жизни нашей суть непостижный путь Промысла Божія. Скажу о себѣ: когда съ дѣвами и женами имѣю соитіе,— совѣсть меня въ томъ отнюдь не обличаетъ, но паче радость и сладость въ сердцѣ кипятъ, несказанныя. Сойди съ небесъ ангелъ тогда и скажи: не такъ-де живешь, Емельянъ!—и то не послушаю. Богъ мой меня оправдалъ, а вы кто судите? Грѣхъ мой знаете, а милости Божіей со мною не знаете. Вы скажете: кайся,—а я скажу: не въ чемъ. Кто пришелъ, тому не нужно, чтó прошелъ. На что намъ ваша праведность? Пошли насъ въ адъ — и тамъ спасемся; всели въ рай—и тамъ радости больше не встрѣтимъ. Въ пучинѣ Духа, яко камень въ морѣ, утопаемъ. Но отъ внѣшнихъ таимся: сего ради, индѣ и подуриваемъ, дабы совсѣмъ-то не узнали... Такъ-то, миленькій!

Емельянъ смотрѣлъ въ глаза Тихону, усмѣхаясь двусмысленно, а тотъ испытывалъ отъ этихъ словъ учителя такое чувство, какъ отъ круженія пляски: точно летѣлъ и не зналъ, куда летитъ, вверхъ, или внизъ, къ Богу, или къ чорту.

Однажды Матушка въ концѣ радѣнія, на Вербной недѣлѣ, роздала всѣмъ пучки вербы и святые жгутики, свернутые изъ узкихъ полотенецъ. Братья спустили рубахи по поясъ, сестры—сзади тоже по поясъ, а спереди по груди, и пошли кругомъ, ударяя себя розгами и святыми жгутиками, одни съ громкой пѣсней:

Богу порадѣйте,
Плотей не жалѣйте!
Богу послужите,
Марѳу не щадите!

Другіе съ тихимъ свистомъ:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу!

Били себя также завернутыми въ тряпки желѣзными ядрами, подобіемъ пращей; рѣзались ножами, такъ что кровь текла, и, глядя на Батюшку, кликали:

— Эва̀-эво̀! Эва̀-эво̀!

Тихонъ ударялъ себя жгутикомъ, и, подъ ласковымъ взоромъ Акулины Мокѣевны, которая, казалось ему, глядитъ на него, на него одного, боль отъ ударовъ была, чѣмъ острѣе, тѣмъ сладостнѣй. Все тѣло истаевало отъ сладости, какъ воскъ отъ огня, и онъ хотѣлъ бы истаять, сгорѣть до конца передъ Матушкой, какъ свѣча передъ образомъ.

Вдругъ свѣчи стали гаснуть, одна за другой, какъ будто потушенныя вихремъ пляски. Погасли всѣ, наступила тьма — и такъ же какъ нѣкогда въ срубѣ самосожженцевъ, въ ночь передъ Красною Смертью, послышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. Тѣла съ тѣлами сплетались, какъ будто во тьмѣ шевелилось одно исполинское тѣло со многими членами. Чьи-то жадныя цѣпкія руки протянулись къ Тихону, схватили, повалили его.

— Тишенька, Тишенька, миленькій, женишокъ мой, Христосикъ возлюбленный!—услышалъ онъ страстный шопотъ и узналъ Матушку.

Ему казалось, что какія-то огромныя насѣкомыя, пауки и паучихи, свившись клубомъ, пожираютъ другъ друга въ чудовищной похоти.

Онъ оттолкнулъ Матушку, вскочилъ, хотѣлъ бѣжать. Но съ каждымъ шагомъ наступалъ на голыя тѣла, давилъ ихъ, скользилъ, спотыкался, падалъ, опять вскакивалъ. А жадныя цѣпкія руки хватали, ловили, ласкали безстыдными ласками. И онъ слабѣлъ и чувствовалъ, что сейчасъ ослабѣетъ совсѣмъ, упадетъ въ это страшное общее тѣло, какъ въ теплую темную тину—и вдругъ перевернется все, верхнее сдѣлается нижнимъ, нижнее верхнимъ—и въ послѣднемъ ужасѣ будетъ послѣдній восторгъ.

Съ отчаяннымъ усиліемъ рванулся, добрался до двери, схватился за ручку замка, но не могъ отпереть: дверь была заперта на ключъ. Упалъ на полъ въ изнеможеніи. Тутъ было меньше тѣлъ, чѣмъ на серединѣ горницы, и его на минуту оставили въ покоѣ.

Вдругъ опять чьи-то худенькія, маленькія, точно дѣтскія, руки прикоснулись къ нему. Послышался косноязычный лепетъ Марьюшки-дурочки, которая старалась что-то сказать и не могла. Наконецъ онъ понялъ нѣсколько словъ:

— Пойдемъ, пойдемъ... Выведу... — лепетала она и тащила его за руку. Онъ почувствовалъ въ рукѣ ея ключъ и пошелъ за нею.

Вдоль стѣнъ, гдѣ было свободнѣе, она провела его къ углу съ образами. Здѣсь наклонилась и его заставила нагнуться, приподняла висѣвшую передъ образомъ Еммануила, парчевую пелену, нащупала дверцу, въ родѣ люка въ погребъ, отперла, шмыгнула въ щель проворно, какъ ящерица, и ему помогла пролѣзть. Подземнымъ ходомъ вышли они на знакомую Тихону лѣстницу. Поднявшись по ней, вошли въ большую горницу, которая служила для переодѣванія. Луна глядѣла въ окна. По стѣнамъ висѣли бѣлыя радѣльныя рубахи, похожія, въ лунномъ свѣтѣ, на призраки.

Когда Тихонъ вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ, увидѣлъ въ окнѣ голубой искрящійся снѣгъ и звѣзды, — такая радость наполнила душу его, что онъ долго не могъ придти въ себя, только пожималъ худенькія дѣтскія руки Марьюшки.

Теперь только замѣтилъ онъ, что она уже не беременна, и вспомнилъ, что на дняхъ ему сказывалъ Митька, будто бы родила она мальчика, который объявленъ Христосикомъ, потому что зачатъ отъ самого Батюшки, по наитію Духа: „не отъ крови-де, не отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родился".

Марьюшка усадила на лавку Тихона, сама сѣла рядомъ съ нимъ и опять съ неимовѣрнымъ усиліемъ начала ему говорить что-то. Но, вмѣсто словъ, выходило бормотаніе, мычаніе, въ которомъ онъ, сколько ни вслушивался, ничего не могъ понять. Наконецъ, убѣдившись, что онъ ея не пойметъ, умолкла и заплакала. Онъ обнялъ ее, положилъ голову ея къ себѣ на грудь и сталъ тихонько гладить волосы, мягкіе и свѣтлые, какъ ленъ въ лунномъ лучѣ. Она вся

дрожала, и ему казалось, что въ рукахъ его бьется пойманная птичка.

Наконецъ, подняла на него свои большіе влажные глаза, темно-голубые, какъ васильки подъ росою, улыбнулась сквозь слезы, чутко насторожилась, какъ будто прислушиваясь, вытянула шею, длинную, тонкую, какъ стебель цвѣтка, и вдругъ дѣтскимъ, яснымъ какъ серебро, голоскомъ, какимъ пѣвала на радѣніяхъ, не то зашептала, не то запѣла ему на ухо—и тотчасъ перестала заикаться, слова сдѣлались внятными въ этомъ полупѣніи, полушопотѣ:

— Охъ Тишенька, охъ, Тишенька, спаси меня отъ лишенька! Убьютъ они, убьютъ Иванушку!..

— Какого Иванушку!..

— А сыночекъ-то мой, мальчикъ мой бѣдненькій...

— Зачѣмъ убивать? — усумнился Тихонъ, которому слова ея казались бредомъ.

— Чтобы кровью живой причаститься — шепнула Марьюшка, прижимаясь къ нему съ безпредѣльнымъ ужасомъ. — Для того-де, говорятъ, Христосикъ и рождается, Агнецъ пренепорочный, чтобъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Не живой, будто, младенецъ, а только видѣніе, иконка святая, плоть нетлѣнная—ни страдать, ни умереть не можетъ... Да врутъ они все, окаянные! Я знаю, Тишенька: мальчикъ мой—живенькій. И не Христосикъ онъ, а Иванушка... Родненькій мой! Никому не отдамъ, сама пропаду, а его не отдамъ... Тишенька, охъ, Тишенька, спаси меня отъ лишенька!..

Опять рѣчь ея стала невнятною. Наконецъ, она умолкла, склонилась головой на плечо его и не то забылась, не то задремала.

Наступало утро. За дверью послышались шаги. Марьюшка встрепенулась, готовясь бѣжать. Они попрощались, перекрестили другъ друга, и Тихонъ обѣщалъ ей, что защититъ Иванушку.

— Дурочка!—успокаивалъ онъ себя.—Сама не знаетъ, что̀ говоритъ. Должно быть, померещилось.

На Страстной Четвергъ назначено было радѣніе. По неяснымъ намекамъ, Тихонъ догадывался, что на этомъ радѣніи совершится великое таинство—ужъ не то ли, о которомъ говорила Марьюшка?—думалъ онъ съ ужасомъ. Искалъ ея, хотѣлъ посовѣтоваться, что дѣлать, но она пропала. Можетъ быть, ее нарочно спрятали. На него нашло оцѣпенѣніе бреда. Онъ почти не могъ думать о томъ, что будетъ. Если бы не Марьюшка,—бѣжалъ бы тотчасъ.

Въ Страстной Четвергъ, около полуночи, какъ всегда, поѣхали на радѣніе.

Когда Тихонъ вошелъ въ Сіонскую горницу и оглянулъ собраніе, ему показалось, что всѣ въ такомъ же ужасѣ и оцѣпенѣніи бреда, какъ онъ. Словно не по своей волѣ дѣлали то, что дѣлали.

Матушки не было.

Вошелъ Батюшка. Лицо его было мертвенно-блѣдное, необычайно-прекрасное, напомнило Тихону видѣнное имъ въ собраніи древностей у Якова Брюса на рѣзныхъ камняхъ и камеяхъ изображеніе бога Вакха-Діониса.

Началось радѣніе. Никогда еще не кружился такъ бѣшенно бѣлый смерчъ пляски. Какъ будто летѣли, гонимыя ужасомъ, бѣлыя птицы въ бѣлую бездну.

Чтобъ не внушить подозрѣній, Тихонъ тоже плясалъ. Но старался не поддаться опьяненію пляски. Часто выходилъ изъ круга, присаживался на лавку, какъ будто для отдыха, слѣдилъ за всѣми и думалъ объ Иванушкѣ.

Уже приходили въ изступленіе, уже не своими голосами вскрикивали: „Накатилъ!“

Тихонъ, какъ ни боролся, чувствовалъ, что слабѣетъ, теряетъ надъ собою власть. Сидя на лавкѣ, судорожно хватался за нее руками, чтобы не сорваться и не улетѣть въ этомъ бѣшенномъ смерчѣ, который кружился быстрѣе, быстрѣе, быстрѣе. Вдругъ также вскрикнулъ не своимъ голосомъ—и на него накатило, подняло, понесло, закружило.

Послѣдній страшный общій вопль:

— Эвà-эвò!

И вдругъ всѣ остановились, пали ницъ, какъ громомъ пораженные, закрывъ лица руками. Бѣлыя рубахи покрыли полъ, какъ бѣлыя крылья.

— *Се, Агнецъ непорочный приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ,*—въ тишинѣ раздался изъ подполья голосъ Матушки, глухой и таинственный, какъ будто говорила сама „Земля—Земля, Мати сырая".

Царица вышла оттуда, держа въ рукахъ серебряную чашу, въ родѣ небольшой купели, съ лежавшимъ въ ней на свитыхъ бѣлыхъ пеленахъ голымъ младенцемъ. Онъ спалъ: должно быть, напоили соннымъ зельемъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчей стояло на тонкомъ деревянномъ обручѣ, прикрѣпленномъ спицами къ подножію купели, такъ что огни приходились почти въ уровень съ краями чаши, и озаряли младенца яркимъ свѣтомъ. Казалось, онъ лежитъ внутри купавы съ огненнымъ вѣнчикомъ.

Царица поднесла купель къ Царю, возглашая:

— *Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяща за всѣхъ и за вся.*

Царь осѣнилъ младенца трижды крестнымъ знаменіемъ:

— *Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго.*

Потомъ взялъ его на руки и занесъ надъ нимъ ножъ.

Тихонъ лежалъ, какъ всѣ, ничкомъ, закрывъ лицо руками. Но глядѣлъ однимъ глазомъ сквозь пальцы украдкою и видѣлъ все. Ему казалось, что тѣло Младенца сіяетъ, какъ солнце, что это не Иванушка, а таинственный Агнецъ, закланный отъ начала міра, и что лицо того, кто занесъ надъ нимъ ножъ, какъ лицо Бога. И ждалъ онъ съ непомѣрнымъ ужасомъ и желалъ непомѣрнымъ желаніемъ, чтобъ вонзился ножъ въ бѣлое тѣло, и пролилась алая кровь. Тогда все исполнится, перевернется все — и въ послѣднемъ ужасѣ будетъ послѣдній восторгъ.

Вдругъ младенецъ заплакалъ. Батюшка усмѣхнулся — и отъ этой усмѣшки лицо бога превратилось въ лицо звѣря.

„Звѣрь, дьяволъ, антихристъ!..“ — блеснуло въ умѣ Тихона. И внезапная, страшная, нездѣшняя тоска сжала ему сердце. Но въ то же мгновеніе — словно кто-то разбудилъ его — онъ очнулся отъ бреда. Вскочилъ, бросился на Аверьянку Безпалаго, схватилъ его за руку и остановилъ ударъ.

Всѣ вскочили, устремились на Тихона и растерзали бы его, еслибы не послышался громовой стукъ въ дверь. Ее ломали снаружи. Обѣ половинки зашатались, рухнули, и въ горницу вбѣжала Марьюшка, а за нею люди въ зеленыхъ кафтанахъ и трехуголкахъ, со шпагами нá-голо: это были солдаты. Тихону казались они ангелами Божьими.

Въ глазахъ его потемнѣло. Онъ почувствовалъ тяжесть въ плечѣ, поднялъ къ нему руку и нащупалъ что-то теплое, липкое: то была кровь; должно быть, въ свалкѣ ранили его ножемъ.

Онъ закрылъ глаза и увидѣлъ красное пламя горящаго сруба, красную смерть. Бѣлыя птицы летѣли въ красномъ пламени. Онъ подумалъ: „Страшнѣе, чѣмъ красная, бѣлая смерть“—и лишился сознанія.

II

Дѣло о еретикахъ разбиралось въ новоучрежденномъ св. Сѵнодѣ.

По приговору суда, бѣглаго казака Аверьянку Безпалаго и родную сестру его, Акулину, колесовали. Остальныхъ били плетьми, рвали имъ ноздри, мужчинъ сослали на каторгу, бабъ—на прядильные дворы и въ монастырскія тюрьмы.

Тихона, который едва не умеръ отъ раны въ острожной больницѣ, спасъ прежній покровитель, генералъ Яковъ

Вилимовичъ Брюсъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ домъ, вылѣчилъ и ходатайствовалъ за него у новгородскаго архіерея, Ѳеофана Прокоповича. Ѳеофанъ принялъ участіе въ Тихонѣ, желая показать на немъ пастырское милосердіе къ заблудшимъ овцамъ, которое всегда проповѣдывалъ: „съ противниками церкви поступать надлежитъ съ кротостью и разумомъ, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“. Хотѣлъ также, чтобъ отреченіе Тихона отъ ереси и принятіе его въ лоно православной церкви послужили примѣромъ для прочихъ еретиковъ и раскольниковъ.

Ѳеофанъ избавилъ его отъ плетей и отъ ссылки, взялъ къ себѣ на покаяніе и увезъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ архіерейское подворье находилось на Аптекарскомъ островѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ, среди густого лѣса. Въ нижнемъ жильѣ дома помѣщалась библіотека. Замѣтивъ любовь Тихона къ книгамъ, Ѳеофанъ поручилъ ему привести въ порядокъ библіотеку. Окна ея, выходившія прямо въ лѣсъ, часто бывали открыты, потому что стояли жаркіе лѣтніе дни, и тишина лѣса сливалась съ тишиною книгохранилища, шелестъ листьевъ — съ шелестомъ страницъ. Слышался стукъ дятла, кукованье кукушки. Видно было, какъ на лѣсную прогалину выходитъ чета крутороrихъ лосей, которыхъ пригнали сюда съ Петровскаго, тогда еще совсѣмъ дикаго, острова. Зеленоватый сумракъ наполнялъ комнату. Было свѣжо и уютно. Тихонъ проводилъ здѣсь цѣлые дни, роясь въ книгахъ. Ему казалось, что онъ вернулся въ библіотеку Якова Брюса, и что всѣ эти четыре года скитаній—только сонъ.

Ѳеофанъ былъ къ нему добръ. Не торопилъ возвращеніемъ въ лоно православной церкви, только указалъ для прочтенія, за недостаткомъ русскаго катехизиса, на нѣсколькихъ нѣмецкихъ богослововъ и на досугѣ бесѣдовалъ съ нимъ о прочитанномъ, исправляя ошибки протестантовъ, согласно съ ученіемъ церкви греко-россійской. Въ остальное время давалъ ему свободу заниматься, чѣмъ угодно.

Тихонъ опять принялся за математику. Въ холодѣ разума отдыхалъ онъ отъ огня безумія, отъ бреда Красной и Бѣлой смерти.

Перечитывалъ также философовъ—Декарта, Лейбница, Спинозу. Вспоминалъ слова пастора Глюка: „Истинная философія, если отвѣдать ее слегка, уводитъ отъ Бога; если же глубоко зачерпнуть, приводитъ къ Нему“.

Богъ для Декарта былъ Первый Двигатель первой матеріи. Вселенная — машина. Ни любви, ни тайны, ни жизни — ничего, кромѣ разума, который отражается во всѣхъ мірахъ, какъ свѣтъ въ прозрачныхъ ледяныхъ кристаллахъ. Тихону было страшно отъ этого мертваго Бога.

„Природа полна жизни,—утверждалъ Лейбницъ въ своей *Монадологіи*.—Я докажу, что причина всякаго движенія — духъ, а духъ — живая монада, которая состоитъ изъ идей, какъ центръ изъ угловъ“. Монады соединены предустановленной Богомъ гармоніей въ единое цѣлое. „Міръ—Божьи часы, horologium Dei“. Опять, вмѣсто жизни — машина, вмѣсто Бога—механика,—подумалъ Тихонъ, и опять ему стало страшно.

Но всѣхъ страшнѣе, потому что всѣхъ яснѣе, былъ Спиноза. Онъ договаривалъ то, что другіе не смѣли сказать. „Утверждать воплощеніе Бога въ человѣкѣ—такъ же нелѣпо, какъ утверждать, что кругъ принялъ природу треугольника, или квадрата. *Слово стало плотью* — восточный оборотъ рѣчи, который не можетъ имѣть никакого значенія для разума. Христіанство отличается отъ другихъ исповѣданій не вѣрою, не любовью, не какими-либо иными дарами Духа Святого, а лишь тѣмъ, что своимъ основаніемъ дѣлаетъ чудо, то-есть, невѣжество, которое есть источникъ всякаго зла, и такимъ образомъ, самую вѣру превращаетъ въ суевѣріе“. Спиноза обнаружилъ тайную мысль всѣхъ новыхъ философовъ: или со Христомъ — противъ разума; или съ разумомъ—противъ Христа.

Однажды Тихонъ заговорилъ о Спинозѣ съ Ѳеофаномъ.

— Оной философіи основаніе глупѣйшее показуется, — объявилъ архіерей съ презрительной усмѣшкою, — понеже Спиноза свои умствованія изъ единыхъ скаредныхъ контрадикцій сплелъ и только словами прелестными и чвановатыми ту свою глупость покрылъ...

Тихона эти ругательства не убѣдили и не успокоили.

Не нашелъ онъ помощи и въ сочиненіяхъ иностранныхъ богослововъ, которые опровергали всѣхъ древнихъ и новыхъ философовъ съ такою же легкостью, какъ русскій архіерей Спинозу.

Иногда Ѳеофанъ давалъ Тихону переписывать бумаги по дѣламъ св. Сѵнода. Въ присягѣ Духовнаго Регламента его поразили слова: „Исповѣдую съ клятвою крайняго Судію духовныя сея коллегіи быти Самаго Всероссійскаго Монарха, Государя нашего Всемилостивѣйшаго“. Государь — глава церкви; государь — вмѣсто Христа.

„*Magnus ille Leviathan, quae Civitas appelatur, officium artis est et Homo artificialis. Великій оный Левіаѳанъ, государствомъ именуемый, есть произведеніе искусства и Человѣкъ искусственный*“ — вспомнилъ онъ слова изъ книги *Левіаѳанъ*, англійскаго философа Гоббса, который также утверждалъ, что церковь должна быть частью государства, членомъ великаго Левіаѳана, исполинскаго Автомата — не той ли *Иконы звѣря*, созданной по образу и подобію самого бога-звѣря, о которой сказано въ Апокалипсисѣ?

Холодъ разума, которымъ вѣяло на Тихона отъ этой мертвой церкви мертваго Бога, становился для него такимъ же убійственнымъ, какъ огонь безумія, огонь Красной и Бѣлой смерти.

Уже назначили день, когда долженъ былъ совершиться торжественно въ Троицкомъ соборѣ обрядъ мѵропомазанія надъ Тихономъ въ знакъ его возвращенія въ лоно православной церкви.

Наканунѣ этого дня, собрались на Карповскомъ подворьѣ къ ужину гости.

Это было одно изъ тѣхъ собраній, которыя Ѳеофанъ

въ своихъ латинскихъ письмахъ называлъ noctes atticae—аттическія ночи. Запивая соленую и копченую архіерейскую снѣдь знаменитымъ пивомъ о. эконома Герасима, бесѣдовали о философіи, о „дѣлахъ естества“ и „уставахъ натуры“, большею частью въ вольномъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже „аѳейскомъ“ духѣ.

Тихонъ, стоя въ стеклянной галлереѣ, соединявшей библіотеку со столовою, слушалъ издали эту бесѣду.

— Распри о вѣрѣ между людьми умными произойти не могутъ, понеже умному до вѣры другого ничто касается и ему все равно — люторъ ли, кальвинъ ли, или язычникъ, ибо не смотритъ на вѣру, но на поступки и нравъ, — говорилъ Брюсъ.

— Uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria. Какъ о происхожденіи добраго вина, такъ о вѣрѣ и отечествѣ добраго мужа пытать не слѣдуетъ,—подтвердилъ Ѳеофанъ.

— Запрещающіе философію суть либо самые невѣжды, либо попы злокварные, — замѣтилъ Василій Никитичъ Татищевъ, президентъ бергъ-коллегіи.

Ученый іеромонахъ о. Маркеллъ доказывалъ, что многія житія святыхъ въ истинѣ оскудѣваютъ.

— Много наплутано, много наплутано!—повторялъ онъ знаменитое слово Ѳедоски.

— Въ наше время чудесъ не бываетъ,—согласился съ іеромонахомъ докторъ Блюментростъ.

— На сихъ дняхъ, — съ тонкой усмѣшкой заговорилъ Петръ Андреевичъ Толстой,—случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: „нечего пустяки молоть, а Бога нѣтъ!“ Я вступился и спросилъ: „Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?“ — „Подпоручикъ Ивановъ вчера на Гостиномъ дворѣ!“ —„Нашелъ и мѣсто!“..

Всѣ смѣялись, всѣмъ было весело.

А Тихону — жутко.

Онъ чувствовалъ, что люди эти начали путь, который нельзя не пройти до конца, и что рано, или поздно, дойдутъ они до того же въ Россіи, до чего уже дошли въ Европѣ: или со Христомъ—противъ разума, или съ разумомъ—противъ Христа.

Онъ вернулся въ библіотеку, сѣлъ у окна, рядомъ со стѣною, уставленной ровными рядами книгъ въ одинаковыхъ кожаныхъ и пергаментныхъ переплетахъ, взглянулъ на ночное, бѣлое, надъ черными елями, пустое, мертвое, страшное небо, и вспомнилъ слова Спинозы:

Между Богомъ и человѣкомъ такъ же мало общаго, какъ между созвѣздіемъ Пса и псомъ, лающимъ животнымъ. Человѣкъ можетъ любить Бога, но Богъ не можетъ любить человѣка.

Казалось, что тамъ, въ этомъ мертвомъ небѣ—мертвый Богъ, который не можетъ любить. Ужъ лучше бы знать, что совсѣмъ нѣтъ Бога. А можетъ быть, и нѣтъ?— подумалъ онъ и почувствовалъ тотъ же самый ужасъ, какъ тогда, когда Иванушка заплакалъ, а поднявшій надъ нимъ ножъ Аверьянъ усмѣхнулся.

Тихонъ упалъ на колѣни и началъ молиться, глядя на небо, повторяя одно только слово:

— Господи! Господи! Господи!

Но молчаніе было въ небѣ, молчаніе въ сердцѣ. Безпредѣльное молчаніе, безпредѣльный ужасъ.

Вдругъ, изъ послѣдней глубины молчанія, Кто-то отвѣтилъ—сказалъ, что́ надо дѣлать.

Тихонъ всталъ, пошелъ въ свою келью, вытащилъ изъ-подъ кровати укладку, вынулъ изъ нея свой страннической старый подрясникъ, кожаный поясъ, четки, скуфейку, образокъ св. Софіи Премудрости Божіей, подаренный Софьей; снялъ съ себя кафтанъ и все остальное нѣмецкое платье, надѣлъ вынутое изъ укладки, навязалъ на плечи котомку, взялъ въ руки палку, перекрестился и никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ дома въ лѣсъ.

На слѣдующее утро, когда пора было идти въ церковь для совершенія обряда мѵропомазанія, Тихона стали искать. Долго искали, но не нашли. Онъ пропалъ безслѣдно, точно въ воду канулъ.

III

По преданію, апостолъ Андрей Первозванный, прибывшій изъ Кіева въ Новгородъ, приплылъ въ ладьѣ къ острову Валааму на Ладожскомъ озерѣ, и водрузилъ здѣсь каменный крестъ. Задолго до крещенія Руси, два инока, преподобные Сергій и Германъ, придя на Русь отъ странъ восточныхъ, устроили на Валаамѣ святую обитель.

Съ той поры теплилась вѣра Христова на дикомъ сѣверѣ, какъ лампада въ полуночной тьмѣ.

Шведы, овладѣвъ Ладожскимъ озеромъ, разоряли Валаамскую обитель много разъ. Въ 1611 году разорили ее такъ, что не осталось камня на камнѣ. Цѣлое столѣтіе островъ былъ въ запустѣніи. Но въ 1715 году царь Петръ далъ указъ о возобновленіи древней обители. Построена была маленькая деревянная церковь, во имя Преображенія Господня, надъ мощами св. чудотворцевъ Сергія и Германа, и нѣсколько убогихъ келій, въ которыя переведены были иноки изъ Кирилло-Бѣлозерской пустыни. Лампада вѣры Христовой затеплилась вновь и было пророчество, что уже не угаснетъ она до второго пришествія.

Тихонъ бѣжалъ изъ Петербурга съ однимъ старцемъ изъ толка *бѣгуновъ*.

Бѣгуны учили, что православнымъ, дабы спастись отъ антихриста, подобаетъ бѣгать изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, до послѣднихъ предѣловъ земли. Старецъ звалъ Тихона въ какое-то неизвѣстное Опоньское царство на семидесяти островахъ Бѣловодья, гдѣ въ 179 церквахъ Ассир-

скаго языка сохраняется, будто бы, нерушимо старая вѣра; царство то находится за Гогомъ и Магогомъ, на самомъ краю свѣта, откуда солнце всходитъ. „Ежели сподобитъ Богъ, то лѣтъ въ десять дойдемъ“, утѣшалъ старецъ.

Тихонъ мало вѣрилъ въ Опоньское царство, но пошелъ съ бѣгуномъ, потому что ему было все равно куда и съ кѣмъ идти.

На плотахъ доѣхали до Ладоги. Здѣсь пересѣли въ сойму—утлое озерное суденышко, которое шло въ Сердоболь. На озерѣ застигла буря. Долго носились по волнамъ и едва не погибли. Наконецъ, вошли въ Скитскую гавань Валаамской обители. Къ утру буря утихла, но надо были чинить сойму.

Тихонъ пошелъ бродить по острову.

Островъ былъ весь гранитный. Берега надъ водой поднимались отвѣсными скалами. Корни деревьевъ не могли укрѣпиться въ тонкомъ слоѣ земли на гранитѣ, и лѣсъ былъ низкій. Зато мохъ росъ пышно, заволакивалъ ели, какъ паутиною, висѣлъ на стволахъ сосенъ длинными космами.

День былъ жаркій, мглистый. Небо—молочно-бѣлое, съ едва сквозившею туманною голубизною. Воды зеркально-гладкаго озера сливались съ небомъ, такъ что нельзя было отличить, гдѣ кончается вода и гдѣ начинается воздухъ; небо казалось озеромъ, озеро — небомъ. Тишина — бездыханная, даже птицы молчали. И тишину нездѣшнюю, успокоеніе вѣчное навѣвала на душу эта святая пустыня, суровый и нѣжный полуночный рай.

Тихону вспомнилась пѣсня, которую пѣвалъ онъ въ лѣсахъ Долгомшинскихъ:

Прекрасная мати-пустыня!
Пойду по лѣсахъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ...

Вспоминалось и то, что говорилъ ему одинъ изъ Валаамскихъ иноковъ:

— Благодать у насъ! Хоть три дня оставайся въ лѣсу,— ни дикаго звѣря, ни злого человѣка не встрѣтишь—Богъ да ты, ты да Богъ!

Онъ долго ходилъ, далеко отошелъ отъ обители, наконецъ, заблудился. Наступилъ вечеръ. Онъ боялся, что сойма уйдетъ безъ него.

Чтобъ оглядѣться, взошелъ на высокую гору. Склоны поросли частыми елями. На вершинѣ была круглая поляна съ цвѣтущимъ лилово-розовымъ верескомъ. Посерединѣ— столпообразный черный камень.

Тихонъ усталъ. Увидѣлъ на краю поляны, между елками, углубленіе скалы, какъ бы колыбель изъ мягкаго мха, прилегъ и заснулъ.

Проснулся ночью. Было почти такъ же свѣтло, какъ днемъ. Но еще тише. Берега острова отражались въ зеркалѣ озера четко, до послѣдняго крестика острыхъ еловыхъ верхушекъ, такъ что казалось, тамъ внизу—другой островъ, совершенно подобный верхнему, только опрокинутый—и эти два острова висятъ между двумя небесами. На камнѣ среди поляны стоялъ колѣнопреклоненный старецъ, незнакомый Тихону—должно быть, схимникъ, жившій въ пу́стынѣ. Черный обликъ его въ золотисто-розовомъ небѣ былъ неподвиженъ, словно изваянъ изъ того же камня, на которомъ онъ стоялъ. И въ лицѣ — такой восторгъ молитвы, какого никогда не видалъ Тихонъ въ лицѣ человѣческомъ. Ему казалось, что такая тишина кругомъ—отъ этой молитвы, и для нея возносится благоуханіе лилово-розоваго вереска къ золотисто-розовому небу, подобно дыму кадильному.

Не смѣя ни дохнуть, ни шевельнуться, онъ долго смотрѣлъ на молящагося, молился вмѣстѣ съ нимъ и въ безконечной сладости молитвы, какъ будто потерялъ сознаніе— опять уснулъ.

Проснулся на восходѣ солнечномъ.

Никого уже не было на камнѣ. Тихонъ подошелъ къ нему, увидѣлъ въ густомъ верескѣ едва замѣтную тропинку

и пустился по ней въ долину, окруженную скалами. Внизу была березовая роща. Въ серединѣ рощи—лужайка съ высокой травою. Невидимый ручей лепеталъ въ ней дѣтскимъ лепетомъ.

На лужайкѣ стоялъ схимникъ, тотъ самый, котораго Тихонъ видѣлъ ночью,—и кормилъ изъ рукъ хлѣбомъ лосиху съ маленькимъ смѣшнымъ сосункомъ.

Тихонъ глядѣлъ и не вѣрилъ глазамъ. Онъ зналъ, какъ пугливы лоси, особенно самки, недавно отелившіяся. Ему казалось, что онъ подглядѣлъ вѣщую тайну тѣхъ дней, когда человѣкъ и звѣри жили вмѣстѣ въ раю.

Съѣвъ хлѣбъ, лосиха начала лизать руку старца. Онъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, поцѣловалъ въ косматый лобъ и проговорилъ съ тихою ласкою:

— Господь съ тобою, матушка!

Вдругъ она оглянулась дико, шарахнулась и пустилась бѣжать, вмѣстѣ съ дѣтенышемъ, въ глубину ущелья—только трескъ и гулъ пошелъ по лѣсу—должно быть, учуяла Тихона

Онъ приблизился къ старцу:

— Благослови, отче!

Старецъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ съ такою же тихою ласкою, какъ только что звѣря.

— Господь съ тобою, дитятко. Звать-то какъ?

— Тихономъ.

— Тишенька—имечко тихое. Откуда Богъ принесъ? Мѣсто тутъ лѣсное, пустынное, чади мірской маловходное—рѣдко странничковъ Божьихъ видимъ.

— Въ Сердоболь плыли изъ Ладоги, — отвѣчалъ Тихонъ,—сойму бурею прибило къ острову. Вчера пошелъ въ лѣсъ, да заблудился.

— Въ лѣсу и ночевалъ?

— Въ лѣсу.

— Хлѣбушка-то есть ли? Голоденъ, чай?

Ломоть хлѣба, который взялъ съ собою Тихонъ, доѣлъ онъ вчера вечеромъ и теперь чувствовалъ голодъ.

— Ну, пойдемъ-ка въ келью, Тишенька. Чѣмъ Богъ послалъ накормлю.

О. Сергію—такъ звали схимника—судя по сильной просѣди въ черныхъ волосахъ, было лѣтъ за пятьдесятъ; но походка и всѣ движенія его были такъ быстры и легки, какъ у двадцатилѣтняго юноши; лицо—сухое, постное, но тоже юное; каріе, немного близорукіе глаза постоянно щурились, какъ будто усмѣхались неудержимою, почти шаловливою и чуть-чуть лукавою усмѣшкою: похоже было на то, что онъ знаетъ про себя что-то веселое, чего другіе не знаютъ, и вотъ скажетъ сейчасъ, и будетъ всѣмъ весело. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ весельи была та тишина, которую видѣлъ въ лицѣ его Тихонъ во время ночной молитвы.

Они подошли къ отвѣсной гранитной скалѣ. За ветхимъ покосившимся плетнемъ были огородныя грядки. Въ расщелинѣ скалы—самородная келья: три стѣны—каменныя; четвертая—срубъ съ оконцемъ и дверью; надъ нею—почернѣвшая иконка валаамскихъ чудотворцевъ св. Сергія и Германа, кровля—земляная, крытая мохомъ и берестою, съ деревяннымъ осмиконечнымъ крестомъ. Устье долины, выходившее къ озеру, кончалось мелью, нанесенной ручьемъ, который протекалъ на днѣ долины и здѣсь вливался въ озеро. На берегу сушились мережки и сѣти, растянутыя на кольяхъ. Тутъ же другой старецъ, въ заплатанной сермяжной рясѣ, похожей на рубище, съ босыми ногами, по колѣно въ водѣ, коренастый, широкоплечій, съ обвѣтреннымъ лицомъ, остатками сѣдыхъ волосъ вкругъ лысаго черепа,—„настоящій рыбарь Петръ“, подумалъ Тихонъ,—чинилъ и смолилъ дно опрокинутой лодки. Пахло еловыми стружками, водою, рыбой и дегтемъ.

— Ларивонушка!—окликнулъ его о. Сергій.

Старикъ оглянулся, бросилъ тотчасъ работу, подошелъ къ нимъ и молча поклонился Тихону въ ноги.

— Небось, дитятко,—со своей шаловливой усмѣшкой успокоилъ о. Сергій смущеннаго Тихона,—не тебѣ одному,

онъ всѣмъ въ ноги кланяется—и малымъ ребяткамъ. Такой ужъ смирненькій! Приготовь-ка, Ларивонушка, трапезу, накормить странничка Божьяго.

Поднявшись на ноги, о. Иларіонъ посмотрѣлъ на Тихона смиреннымъ и суровымъ взглядомъ. *Всѣхъ люби и всѣхъ бѣгай*—было въ этомъ взглядѣ слово великаго отшельника Ѳиваидскаго, преподобнаго аввы Арсенія.

Келья состояла изъ двухъ половинъ—крошечной курной избенки и пещеры въ каменной толщѣ скалы, съ образами по стѣнамъ, такими же веселыми, какъ самъ о. Сергій—Богородица Взыгранія, Милостивая, Благоуханный Цвѣтъ, Блаженное Чрево, Живодательница, Нечаянная Радость; передъ этою послѣднею, особенно любимою о. Сергіемъ, теплилась лампада. Въ пещерѣ, темной и тѣсной, какъ могила, стояли два гроба съ камнями вмѣсто изголовій. Въ этихъ гробахъ почивали старцы.

Сѣли за трапезу—голую доску на мшистомъ обрубкѣ сосны. О. Иларіонъ подалъ хлѣбъ, соль, деревянныя чаши съ рубленой кислой капустой, солеными огурцами, грибною похлебкою и взваромъ изъ какихъ-то лѣсныхъ душистыхъ травъ.

О. Сергій съ Тихономъ вкушали въ безмолвіи. О. Иларіонъ читалъ псаломъ:

Вся къ Тебѣ, Господи, чаютъ, дати пищу имъ во благо время.

Послѣ трапезы о. Иларіонъ пошелъ опять смолить лодку. А о. Сергій съ Тихономъ сѣли на каменныя ступеньки у входа въ келью. Передъ ними разстилалось озеро, все такое же тихое, гладкое, блѣдно-голубое, съ отраженными бѣлыми круглыми большими облаками—какъ бы другое, нижнее небо, совершенно подобное верхнему.

— По обѣту, что ль, странствуешь, чадушко?—спросилъ о. Сергій.

Тихонъ взглянулъ на него, и ему захотѣлось сказать всю правду.

— По обѣту великому, отче: истинной Церкви ищу...

И разсказалъ ему всю свою жизнь, начиная съ перваго бѣгства отъ страха антихристова, кончая послѣднимъ отреченіемъ отъ мертвой церкви.

Когда онъ кончилъ, о. Сергій долго сидѣлъ молча, закрывъ лицо руками; потомъ всталъ, положилъ руку на голову Тихона и произнесъ:

— Рече Господь: *Грядущаго ко Мнѣ не изжену.* Гряди же ко Господу, чадо, съ миромъ. Небось, небось, миленькій: будешь въ Церкви, будешь въ Церкви, будешь въ Церкви истинной!

Такая вѣщая сила и власть была въ этихъ словахъ о. Сергія, что казалось, онъ говоритъ не отъ себя.

— Будь милостивъ, отче—воскликнулъ Тихонъ, припадая къ ногамъ его.—Прими меня въ свое послушаніе, благослови въ пустынѣ съ вами жить!

— Живи, дитятко, живи съ Богомъ!—обнялъ и поцѣловалъ его о. Сергій.—Тишенька—тихонькой, житія нашего тихаго не разоритъ,—прибавилъ онъ уже со своею обычною веселою улыбкою.

Такъ Тихонъ остался въ пустынѣ и зажилъ съ обоими старцами.

О. Иларіонъ былъ великій постникъ. Иногда цѣлыми недѣлями не вкушалъ хлѣба. Дралъ съ большихъ сосенъ кору, сушилъ, толокъ въ ступѣ и съ мукой пекъ, тó и ѣлъ, а пилъ воду, нарочно изъ лужъ, теплую, ржавую. Зимою молился, по колѣно въ снѣгу. Лѣтомъ стоялъ, голый, въ болотѣ, отдавая тѣло на съѣденіе комарамъ. Никогда не мылся, приводя слова преподобнаго Исаака Сирина: „да не обнажиши что отъ удъ твоихъ и аще нужда тебѣ будетъ отъ свербѣнія, обвей руку твою срачицею, или портищемъ и такъ почеши—никогда же не простирай руки твоей по нагому тѣлу, ни на тайныя уды смотри никакоже, аще и изгніютъ". О. Иларіонъ разсказывалъ Тихону о своемъ бывшемъ учителѣ, инокѣ Кирилло-Бѣлозерской пустыни, нѣкоемъ о Трифонѣ, нарицаемомъ *Похабный*, „иже блаженнымъ похабствомъ прозрѣвать будущее сподобился".—„Сей

Трифонъ воды на главу и на ноги не полагалъ во всю свою жизнь, а вшей у себя не имѣлъ, о чемъ вельми плакалъ, что въ томъ-де вѣкѣ будутъ мнѣ вши, аки мыши. Онъ же, Трифонъ, денно и нощно молитву Іисусову творилъ, и въ таковомъ обыкновеніи молитвенномъ уста его устроились до того, что сами двигались на всякое время неудержимо, на челѣ отъ крестнаго знаменія синева была и язва; часы ли, утреню ль, вечерню пѣлъ,—столько плакалъ, что въ забытье приходилъ отъ многаго хлипанья. Передъ смертью лежалъ семь нощеденствъ вельми тяжко, а не постонулъ, не охнулъ и пить не просилъ, и ежели кто приходилъ посѣтить и спрашивалъ: „батюшка, не можешь гораздо?"— отвѣчалъ: „все хорошо".—Разъ о. Иларіонъ подошелъ къ нему тихо, чтобъ тотъ не слышалъ,—и увидѣлъ, что онъ „устами маленько почавкалъ, а самъ тихошенько шепчетъ: „напиться бы до сыта!"—„Хочешь, батюшка, пить?"— спросилъ о. Иларіонъ, а о. Трифонъ: „нѣтъ, говоритъ, не хочу". И по сему уразумѣлъ о. Иларіонъ, что великою жаждой мучится о. Трифонъ, но терпитъ—постится послѣднимъ постомъ.

Несмотря на всѣ эти посты, труды и подвиги, человѣку, какъ видно было изъ словъ о. Иларіона, почти невозможно спастись. По видѣнію нѣкоего святого, изъ тридцати тысячъ душъ умершихъ, всего двѣ пошли въ рай, а всѣ остальные въ адъ.

— Силенъ чортъ, охъ, силенъ!—иногда вздыхалъ онъ съ такимъ сокрушеніемъ, что казалось, еще неизвѣстно, кто кого сильнѣе и кто побѣдитъ—Богъ, или чортъ?

Порой казалось также Тихону, что, если бы о. Иларіонъ довелъ мысли свои до конца, то пришелъ бы къ тому же, къ чему пришли учителя Красной Смерти.

О. Сергій противоположенъ былъ о. Иларіону во всемъ. „Безмѣрное и неразсудное воздержаніе,—училъ онъ,—большій вредъ приноситъ, нежели до сытости ядение. Мѣру пищи пусть каждый самъ для себя уставляетъ. Отъ всякихъ яствъ, хотя бы и сладкихъ, подобаетъ принимать по малу, ибо все

чисто чистымъ, всякое созданіе Божіе—добро, и ничто же отмѣтно".

Не въ наружныхъ подвигахъ тѣлесныхъ полагалъ онъ спасеніе, а во внутреннемъ „умномъ дѣланіи". Каждую ночь молился на камнѣ, стоя недвижно, какъ изваяніе. Но Тихону чудился въ этой недвижности болѣе стремительный полетъ, чѣмъ въ бѣшенной пляскѣ хлыстовъ.

— Какъ надо молиться? — однажды спросилъ онъ о. Сергія.

— Молчи мыслью,—отвѣтилъ тотъ,—и зри всегда во глубину свою сердечную и говори: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!* — и такъ молись, аще стоя, и сидя, лежа, и умъ въ сердцѣ затворяя, и дыханіе держа, сколько можно, да не часто дышешь. И сначала найдешь ты въ себѣ большой мракъ, жесткость, и въ молитвѣ внѣшней познаешь преградженіе нѣкое, аки стѣну медяну, между тобой и Богомъ. Но не унывай, молись прилежнѣе, и стѣна медяна падетъ. И увидишь внутри сердца Свѣтъ несказанный. Тогда слова умолкнутъ и прекратятся молитвы и воздыханія, и колѣнопреклоненія, и сердечныя прошенія, и вопли сладчайшіе. Тогда—тишина великая. Тогда—изступленіе великое, и человѣкъ уже знаетъ, въ тѣлѣ онъ, или безъ тѣла. Тогда—ужасаніе и видѣніе Бога. Тогда человѣкъ и Богъ—одно. Тогда совершается слово пророческое: *Богъ богомъ соединяемъ же и познаваемъ.* То есть молитва умная, чадушко!

Тихонъ замѣтилъ, что у о. Сергія, когда онъ говорилъ это, глаза были такіе же пьяные, какъ у „дѣтушекъ Божьихъ": только тамъ краткое, буйное,—а здѣсь вѣчное, тихое, какъ бы трезвое, пьянство.

О. Иларіонъ и о. Сергій были столь разнаго духа, что, казалось, не могли согласиться ни въ чемъ, а между тѣмъ соглашались.

— О. Сергій—сосудъ избранный! — говорилъ о. Иларіонъ.—Богъ избралъ его для употребленія честнаго, а меня—для низкаго; онъ—кости бѣленькой, а я—черненька-

кой; ему все простится, а съ меня все взыщется; онъ орломъ летаетъ, а я муравьемъ ползаю. Онъ спасенъ уже вѣдомо, а я спасусь ли, нѣтъ ли, Богъ вѣсть. Но ежели погибать буду, ухвачу о. Сергія за полу,—онъ меня и вытащитъ!

— О. Иларіонъ,—камешекъ крѣпонькій, столбъ православія, стѣна нерушимая,—говорилъ о. Сергій.—Я же листъ вѣтромъ колеблемый. Безъ него бы давно я пропалъ, отступилъ отъ преданій отеческихъ. Только имъ и держусь. Покойно мнѣ за нимъ, какъ у Христа за пазушкой!

О первой бесѣдѣ своей съ Тихономъ о. Сергій ничего не говорилъ о. Иларіону, но тотъ обо всемъ догадался, учуялъ еретика, какъ овца чуетъ волка. Однажды подслушалъ нечаянно Тихонъ разговоръ его съ о. Сергіемъ:

— Потерпи, Ларивонушка!—умолялъ о. Сергій.—Потерпи на немъ, ради Христа! Сотвори миръ и любовь...

— Съ еретикомъ какой миръ?—возражалъ о. Иларіонъ.—Бранися съ нимъ до смерти, не повинуйся уму его развращенному. Своего врага люби, а не Божія! Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣріи, токмо плюй на него. Ей, собаки и свиньи хуже еретикъ! Будь онъ проклятъ. Анаѳема!

— Потерпи, Ларивонушка!..—повторялъ о. Сергій съ мольбой безконечной, но безсильной, какъ будто и самъ втайнѣ сомнѣвался въ правотѣ своей.

Тихонъ отошелъ прочь. Онъ вдругъ понялъ, что напрасно ждетъ помощи отъ о. Сергія, и что этотъ великій святой, предъ Господомъ сильный, какъ ангелъ, предъ людьми—слабъ, какъ дитя.

Спустя нѣсколько дней, опять сидѣлъ Тихонъ съ о. Сергіемъ на каменныхъ ступенькахъ у входа въ келью, точно такъ же какъ въ первый день. Они были одни. О. Иларіонъ поѣхалъ въ лодкѣ рыбу ловить.

Была знойная бѣлая, но отъ грозовыхъ облаковъ темная ночь. Въ послѣдніе дни все собиралась гроза, но не могла собраться. На землѣ—тишина мертвая. А на небѣ неслись бурныя, быстрыя, но тоже безмолвныя тучи—словно

нѣмые великаны бѣжали на бой. Изрѣдка слышался тихій, далекій, точно подземный, громъ, похожій на ворчаніе соннаго звѣря. Вспыхивали блѣдныя зарницы, какъ будто ночь содрогалась отъ ужаса. И, при каждой вспышкѣ, явственно, четко, до послѣдняго крестика острыхъ еловыхъ вершинъ, выступали на заревѣ бѣлаго пламени всѣ очертанія острова и отражались въ водѣ, точно тамъ, внизу, былъ другой островъ, совершенно подобный верхнему, только опрокинутый, и эти два острова висѣли между двумя небесами. Зарница потухала—и все опять погружалось во мракъ, въ тишину—слышалось только ворчаніе соннаго звѣря.

Тихонъ молчалъ, а о. Сергій, глядя въ темную грозную даль, пѣлъ акаѳистъ Іисусу Сладчайшему. И тихія слова молитвы сливались со звуками грома:

Іисусе, сило непобѣдимая,
Іисусе, милости безконечная,
Іисусе, красото пресвѣтлая,
Іисусе, любы неизреченная,
Іисусе, Сыне Бога живаго,
Іисусе, помилуй мя грѣшнаго.

Тихонъ чувствовалъ, что о. Сергій хочетъ ему что-то сказать, но не рѣшается. Лица его во мракѣ не видно было Тихону, но когда онъ взглядывалъ на него въ краткомъ блескѣ зарницъ, оно казалось ему такимъ скорбнымъ, какъ еще никогда.

— Отче,—наконецъ, заговорилъ Тихонъ, первый,—я скоро уйду отъ васъ...

— Куда пойдешь, дитятко?

— Не знаю, отче. Все равно. Пойду, куда глаза глядятъ...

О. Сергій взялъ его за руку, и Тихонъ услышалъ трепетный ласковый шопотъ:

— Вернись, вернись, чадушко!..

— Куда?—спросилъ Тихонъ, и вдругъ стало ему страшно, онъ самъ не зналъ отчего.

— Въ церковку, въ церковку!—шепталъ о. Сергій все ласковѣй, все трепетнѣй.

— Въ какую церковь, отче?

— Охъ, искушеніе, искушеніе!—вздохнулъ о. Сергій, и кончилъ съ усиліемъ:

— Во единую святую соборную апостольскую...

Но такая мертвая тяжесть и косность была въ этихъ словахъ, какъ будто говорилъ ихъ не самъ онъ, а кто-то другой заставлялъ его говорить.

— Да гдѣ же церковь та? — простоналъ Тихонъ съ невыразимою мукою.

— Охъ, бѣдненькій, бѣдненькій! Какъ же безъ церкви-то?..—опять зашепталъ о. Сергій съ отвѣтною и равною мукою, по которой Тихонъ почувствовалъ, что онъ понимаетъ все.

Вспыхнула зарница—онъ увидѣлъ лицо старика, дрожащія губы съ безпомощною улыбкою, широко открытые глаза, полные слезами—и понялъ, отчего такъ страшно: страшно то, что это лицо могло быть жалкимъ.

Тихонъ упалъ на колѣни и протянулъ къ о. Сергію руки съ послѣднею надеждою, съ послѣднимъ отчаяніемъ.

— Спаси, помоги, заступись! Развѣ не видишь? Погибаетъ церковь, погибаетъ вѣра, погибаетъ все христіанство! Уже тайна беззаконія дѣется, уже мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святомъ, уже антихристъ хочетъ быть. Возстань, отче, на подвигъ великій, гряди въ міръ на брань съ антихристомъ!..

— Что ты, что ты, дитятко? Куда мнѣ, грѣшному?..— залепеталъ о. Сергій со смиреннымъ ужасомъ.

И Тихонъ понялъ, что всѣ его мольбы напрасны, и что о. Сергій навѣки отошелъ отъ міра, какъ отъ живыхъ отходятъ мертвые. *Всѣхъ люби и всѣхъ бѣгай*,—вспомнилось Тихону страшное слово.—А что, если такъ?—подумалъ онъ съ тоскою смертною.—Что, если надо выбрать одно изъ двухъ: или Богъ безъ міра, или міръ безъ Бога?

Онъ упалъ ничкомъ на землю и долго лежалъ, не двигаясь, не слыша, какъ старецъ обнималъ и утѣшалъ его.

Когда пришелъ въ себя, о. Сергія уже не было съ нимъ: должно быть, пошелъ молиться на гору.

Тихонъ всталъ, вошелъ въ келью, надѣлъ дорожное платье, навязалъ на плечи котомку, на шею образъ св. Софіи Премудрости Божіей, взялъ въ руки палку, перекрестился и вышелъ въ лѣсъ, чтобы продолжать свое вѣчное странствіе.

Хотѣлъ уйти, не прощаясь, потому что чувствовалъ, что прощаніе будетъ для обоихъ слишкомъ тягостно.

Но, чтобы взглянуть на о. Сергія въ послѣдній разъ, хоть издали, пошелъ на гору.

Тамъ, среди поляны, старецъ, какъ всегда, молился на камнѣ.

Тихонъ отыскалъ углубленіе въ скалѣ, какъ бы колыбель изъ мягкаго мха, гдѣ провелъ первую ночь,—легъ и долго глядѣлъ на недвижный черный обликъ молящагося, на ослѣпительно бѣлое пламя зарницъ и безмолвно летящія бурныя тучи.

Наконецъ, уснулъ тѣмъ сномъ, которымъ ученики Господни спали тогда, какъ Учитель молился на верженьи камня и придя къ нимъ, нашелъ ихъ *спящими отъ печали.*

Когда проснулся, солнце уже встало, и о. Сергія не было на камнѣ. Тихонъ подошелъ къ нему, поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ стояли ноги старца. Потомъ спустился съ горы и по глухимъ тропинкамъ черезъ лѣсныя дебри пошелъ къ Валаамской обители.

Послѣ тяжелаго сна, онъ чувствовалъ себя разбитымъ и слабымъ, какъ послѣ обморока. Казалось, все еще спитъ, хочетъ и не можетъ проснуться. Была та страшная тоска, которая бывала у него всегда передъ припадками падучей. Голова кружилась. Мысли путались. Въ умѣ проносились обрывки далекихъ воспоминаній. То пасторъ Глюкъ, повторяющій слова Ньютона о кончинѣ міра: „Комета упадетъ на солнце и отъ этого паденія солнечный жаръ возрастетъ

до того, что все на землѣ истребится огнемъ. Hypothesas non fingo! Я не сочиняю гипотезъ!“ То унылая пѣсня гробополагателей:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя!
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя.

То въ пылающемъ срубѣ послѣдній вопль насмертниковъ: *Се, женихъ грядетъ во полунощи*! То бѣшеный бѣлый смерчъ пляски и пронзительный крикъ:

Эва̀-эво̀! Эва̀-эво̀!

И тихій плачъ Иванушки, Непорочнаго Агнца, подъ ножемъ Аверьянки Безпалаго. И тихія слова Спинозы о „разумной любви къ Богу“—amor Dei intellectualis: „Человѣкъ можетъ любить Бога, но Богъ не можетъ любить человѣка“. И присяга Духовнаго Регламента самодержцу Россійскому, какъ самому Христу Господню. И суровое смиреніе о. Іларіона: „Всѣхъ люби и всѣхъ бѣгай!“ И ласковый шопотъ о. Сергія: „Въ церковку, въ церковку, дитятко!“

На минуту пришелъ въ себя. Оглянулся. Увидѣлъ, что сбился съ пути.

Долго отыскивалъ тропинку, пропавшую въ верескѣ. Наконецъ, совсѣмъ заблудился и пошелъ наугадъ.

Гроза опять ушла. Тучи разсѣялись. Солнце жгло. Томила жажда. Но не было ни капли влаги въ этой гранитной и хвойной пустынѣ—только сухіе сѣрые паучьи мхи, лишаи, ягели, тощія сѣрыя сосенки, затканныя мохомъ, какъ паутиною; слишкомъ тонкіе, часто надломленные стволы ихъ тянулись вверхъ, какъ исхудалыя больныя ноги и руки съ красноватою, воспаленной и шелушащейся кожей. Между ними воздухъ дрожалъ и струился отъ зноя. А надо всѣмъ—безпощадное небо, какъ раскаленная до-бѣла мѣдь. Тишина мертвая. И безпредѣльный ужасъ въ этой ослѣпительно-сверкающей полдневной тишинѣ.

Опять оглянулся и узналъ мѣсто, на которомъ бывалъ

часто и гдѣ проходилъ еще сегодня утромъ. Въ самомъ концѣ длинной просѣки, можетъ быть, лѣсной дороги, проложенной нѣкогда шведами, но давно покинутой и заросшей верескомъ, блестѣло озеро. Это мѣсто было не далеко отъ кельи о. Сергія. Вѣрно, блуждая, сдѣлалъ кругъ и вернулся туда, откуда вышелъ. Почувствовалъ смертельную усталость, какъ будто прошелъ тысячи верстъ, шелъ и будетъ идти такъ всегда. Подумалъ, куда идетъ и зачѣмъ? Въ невѣдомое Опоньское царство, или невидимый Китежъ-градъ, въ которые ужъ самъ не вѣритъ?

Опустился въ изнеможеніи на корни сухой сосны, одиноко возвышавшейся надъ мелкою порослью. Все равно идти некуда. Лежать бы такъ, закрывъ глаза, не двигаясь, пока смерть не придетъ.

Вспомнилъ то, что говорилъ ему одинъ изъ учителей новой вѣры, которыхъ называли *нѣтовцами*, потому что на всякое церковное *да* они отвѣчали *нѣтъ*: „нѣтъ церкви, нѣтъ священства, нѣтъ благодати, нѣтъ таинствъ — все взято на небо".—Ничего нѣтъ, ничего не было, ничего не будетъ, думалъ Тихонъ. — Нѣтъ Бога, нѣтъ міра. Все погибло, все кончено. И даже конца нѣтъ. А есть безконечность ничтожества.

Долго лежалъ въ забытьи. Вдругъ очнулся, открылъ глаза и увидѣлъ, что съ востока надвинулась и уже охватила полъ-неба огромная синяя, черная туча съ бѣлесоватыми пятнами, словно гнойными нарывами на посинѣвшемъ и распухшемъ тѣлѣ. Медленно, медленно, какъ исполинскій паукъ съ отвислымъ жирнымъ брюхомъ, съ косматыми косыми лапами, подползла она къ солнцу, точно подкралась, протянула одну лапу — и солнце задрожало, померкло. По землѣ побѣжали быстрыя-быстрыя сѣрыя паучьи тѣни, и воздухъ сдѣлался мутнымъ, липкимъ, какъ паутина. И пахнуло удушливымъ зноемъ, какъ изъ открытой пасти звѣря.

Тихонъ задыхался; кровь стучала въ виски; въ глазахъ темнѣло; холодный потъ выступалъ на тѣлѣ отъ страшной истомы, подобной тошнотѣ смертной. Хотѣлъ встать, чтобъ

какъ нибудь дотащиться до кельи о. Сергія и умереть при немъ — но не было силъ; хотѣлъ крикнуть — но не было голоса.

Вдругъ далеко, далеко, въ самомъ концѣ просѣки, на черно-синей тучѣ забѣлѣло что-то, зарѣяло, какъ освѣщенный солнцемъ, бѣлый голубь. Стало рости, приближаться. Тихонъ вглядывался пристально и, наконецъ, увидѣлъ, что это — старичокъ бѣленькій идетъ по просѣкѣ шажками быстрыми, легкими, какъ будто несется по воздуху—прямо къ нему.

Подошелъ и сѣлъ рядомъ на корни сосны. Тихону казалось, что онъ уже видѣлъ его, только не помнитъ, гдѣ и когда. Старичекъ былъ самый обыкновенный, какъ будто одинъ изъ тѣхъ странничковъ, которые ходятъ съ иконами по городамъ и селеньямъ, по церквамъ и обителямъ, собирая подаянія на построеніе новаго храма.

— Радуйся, Тишенька, радуйся!—молвилъ онъ съ тихой улыбкой, и голосъ у него былъ тихій, какъ жужжаніе пчелъ, или дальній благовѣстъ.

— Кто ты?—спросилъ Тихонъ.

— Иванушка я, Иванушка. Аль не узналъ? Господь послалъ меня къ тебѣ, а за мной и Самъ будетъ скоро.

Старичекъ положилъ руки на голову Тихона, и ему стало покойно, какъ ребенку на рукахъ матери.

— Усталъ, бѣдненькій? Много васъ у меня, много дѣтушекъ. Ходите по міру, нищіе, сирые, терпите холодъ и голодъ, и скорбь, и тѣсноту, и гоненіе лютое. Да не бойтесь-ка, миленькіе. Погодите, ужо соберу я васъ всѣхъ въ новую Церковь Грядущаго Господа. Была древняя Церковь Петра, Камня стоящаго, будетъ новая Церковь Іоанна, Грома летящаго. Ударитъ въ камень громъ, и потечетъ вода живая. Первый завѣтъ Ветхій — Царство Отца, второй завѣтъ Новый — Царство Сына, третій завѣтъ Послѣдній—Царство Духа. Едино—Три, и Три—Едино. Вѣренъ Господь обѣщающій, Который есть и былъ, и грядетъ!

Лицо у старичка стало вдругъ юное, вѣчное. И Тихонъ узналъ Іоанна, Сына Громова.

А старичекъ бѣленькій поднялъ руки свои къ черному небу и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— И Духъ, и Невѣста говорятъ: Пріиди! И слышавшій да скажетъ: Пріиди! И Свидѣтельствующій сіе говоритъ: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Іисусе!

— Ей, гряди, Господи! — повторилъ Тихонъ и тоже поднялъ руки къ небу съ великою радостью, подобной великому ужасу.

И засверкала молнія, бѣлая въ черномъ небѣ — какъ будто небо разверзлось.

И Тихонъ увидѣлъ Подобнаго Сыну Человѣческому. Глава Его и волосы были бѣлы, какъ бѣлая волна, какъ снѣгъ; и очи Его, какъ пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, какъ раскаленныя въ печи; и лицо Его, какъ солнце, сіяющее въ силѣ своей.

И семь громовъ проговорили:

— Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель, Который есть и былъ, и грядетъ.

И громы умолкли, и наступила тишина великая, и въ тишинѣ послышался голосъ, болѣе тихій, чѣмъ сама тишина:

— Я есмь альфа и омега, начало и конецъ, первый и послѣдній. И живый. И былъ мертвъ. И се, живъ вовѣки вѣковъ. Аминь.

— Аминь!—повторилъ Іоаннъ Сынъ Громовъ.

— Аминь!—повторилъ Тихонъ, первый сынъ Церкви Громовой. И палъ на лицо свое, какъ мертвый, и онѣмѣлъ навѣки. . . . .

. . . .

Очнулся въ кельи о. Сергія.

Весь день тосковалъ старецъ о Тихонѣ, томимый предчувствіемъ, что съ нимъ случилось недоброе. Часто выходилъ изъ кельи, блуждалъ по лѣсу, искалъ его и кликалъ:

„Тишенька! Тишенька!“ — но только пустынный отзвукъ отвѣчалъ ему въ предгрозной тишинѣ.

Когда надвинулась туча, въ кельѣ стало темно, какъ ночью. Лампада теплилась въ глубинѣ пещеры, гдѣ оба старца молились.

О. Иларіонъ пѣлъ псалмомъ:

Гласъ Господень надъ водами, Богъ славы возгремѣлъ, Господь надъ водами многими.

Гласъ Господа силенъ, гласъ Господа величественъ.

Вдругъ ослѣпительно бѣлое пламя наполнило келью, и раздался такой оглушающій трескъ, что казалось, гранитныя стѣны, въ которыхъ построена келья, рушится.

Оба старца выбѣжали вонъ изъ кельи и увидѣли, что сухая сосна, которая возвышалась одиноко на краю просѣки, надъ мелкою порослью, горитъ, какъ свѣча, яркимъ огнемъ на черномъ небѣ, должно быть, зажженная молніей.

О. Сергій пустился бѣжать съ громкимъ крикомъ: „Тишенька! Тишенька!“ О. Иларіонъ — за о. Сергіемъ. Подбѣжавъ къ соснѣ, нашли они Тихона, лежавшаго безъ чувствъ, у самаго подножія горящаго дерева. Подняли его, перенесли въ келью, и такъ какъ не было другой постели, то уложили въ одинъ изъ гробовъ, въ которыхъ сами спали. Думали сперва, что онъ убитъ громомъ. О. Иларіонъ хотѣлъ уже читать отходную. Но о. Сергій запретилъ ему и сталъ читать Евангеліе. Когда прочелъ слова:

Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время и наступило уже, когда всѣ находящіеся въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божьяго и услышавши оживутъ—

Тихонъ очнулся и открылъ глаза. О. Иларіонъ упалъ на полъ отъ ужаса: ему казалось, что о. Сергій воскресилъ мертваго.

Скоро Тихонъ совсѣмъ пришелъ въ себя, всталъ и сѣлъ на лавку. Онъ узнавалъ о. Сергія и о. Иларіона, понималъ все, что ему говорили, но самъ не говорилъ и отвѣчалъ только знаками. Наконецъ, они поняли, что

онъ онѣмѣлъ — должно быть, отъ страха языкъ отнялся. Но лицо у него было свѣтлое; только въ этой свѣтлости— что-то страшное, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, воскресъ онъ изъ мертвыхъ.

Сѣли за трапезу. Тихонъ пилъ и ѣлъ. Послѣ трапезы, стали на молитву. О. Иларіонъ въ первый разъ молился съ Тихономъ, какъ будто забылъ, что онъ — еретикъ, и видимо чувствовалъ къ нему благоговѣніе, смѣшанное съ ужасомъ.

Потомъ легли спать, старцы, какъ всегда, въ свои гробы въ пещерѣ, а Тихонъ въ избѣ на полати надъ печкою.

Гроза бушевала, вылъ вѣтеръ, лилъ дождь, шумѣли волны озера, громъ гремѣлъ, не умолкая, и въ оконце свѣтилъ почти непрерывный бѣлый свѣтъ молній, сливаясь съ краснымъ свѣтомъ лампадки, которая теплилась въ пещерѣ передъ образомъ Нечаянной Радости. Но Тихону казалось, что это—не молніи, а старичокъ бѣленькій склоняется надъ нимъ, говоритъ ему о Церкви Іоанна, Сына Громова, и ласкаетъ его, и баюкаетъ. Подъ шумъ грозы заснулъ онъ, какъ ребенокъ подъ колыбельную пѣсеньку матери.

Проснулся рано, задолго до восхода солнечнаго. Поспѣшно одѣлся, собрался въ путь, подошелъ къ о. Сергію, который почивалъ еще въ гробу своемъ, такъ же какъ о. Иларіонъ, сталъ на колѣни и тихонько, стараясь не разбудить спящаго, поцѣловалъ его въ лобъ. О. Сергій открылъ на мгновеніе глаза, поднялъ голову и проговорилъ: „Тишенька!“ — но тотчасъ опять опустилъ ее на камень, который служилъ ему изголовьемъ, закрылъ глаза и заснулъ еще глубже.

Тихонъ вышелъ изъ кельи.

Гроза миновала. Снова наступила тишина великая. Только съ мокрыхъ вѣтокъ падали капли. Пахло смолистою хвоей. Надъ черными острыми елями въ золотисто-розовомъ небѣ свѣтилъ тонкій серпъ юнаго мѣсяца.

Тихонъ шелъ, бодрый и легкій, какъ бы окрыленный

великою радостью, подобной великому ужасу, и зналъ, что будетъ такъ идти, въ нѣмотѣ своей вѣчной, пока не пройдетъ всѣхъ путей земныхъ, не вступитъ въ Церковь Іоаннову и не воскликнетъ осанну Грядущему Господу.

Чтобъ не заблудиться, какъ вчера, онъ шелъ высокими скалистыми кряжами, откуда видны были берегъ и озеро. Тамъ, на краю небесъ, лежала грозовая туча, все еще синяя, черная, страшная, и заслоняла восходъ солнечный. Вдругъ первые лучи, какъ острые мечи, пронзили ее, и хлынули въ ней потоки огня, потоки крови, какъ будто уже совершалась тамъ, въ небесныхъ знаменіяхъ, послѣдняя битва, которою кончится міръ: *Михаилъ и Ангелы его воевали противъ Дракона, и Драконъ и Ангелы его воевали противъ нихъ, но не устояли, и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій Драконъ, древній Змій.*

Солнце выходило изъ-за тучи, сіяя въ силѣ и славѣ своей, подобное лику Грядущаго Господа.

И небеса, и земля, и вся тварь пѣли безмолвную пѣснь восходящему солнцу:

— Осанна! Тьму побѣдитъ Свѣтъ.

И Тихонъ, спускавшійся съ горы, какъ бы летѣвшій навстрѣчу солнцу, самъ былъ весь, въ нѣмотѣ своей вѣчной, вѣчная пѣснь Грядущему Господу:

— Осанна! Антихриста побѣдитъ Христосъ.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО

СМЕРТЬ БОГОВЪ. Юліанъ Отступникъ.
ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. Леонардо да Винчи.
АНТИХРИСТЪ. Петръ и Алексѣй.

Л. ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКІЙ.
I т. Жизнь и творчество.
II т. Религія.

ГОГОЛЬ И ЧОРТЪ.

ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ. Плиній Младшій. Маркъ Аврелій. Кальдеронъ. Сервантесъ. Флоберъ. Гончаровъ. Пушкинъ.

ДАФНИСЪ и ХЛОЯ. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ.

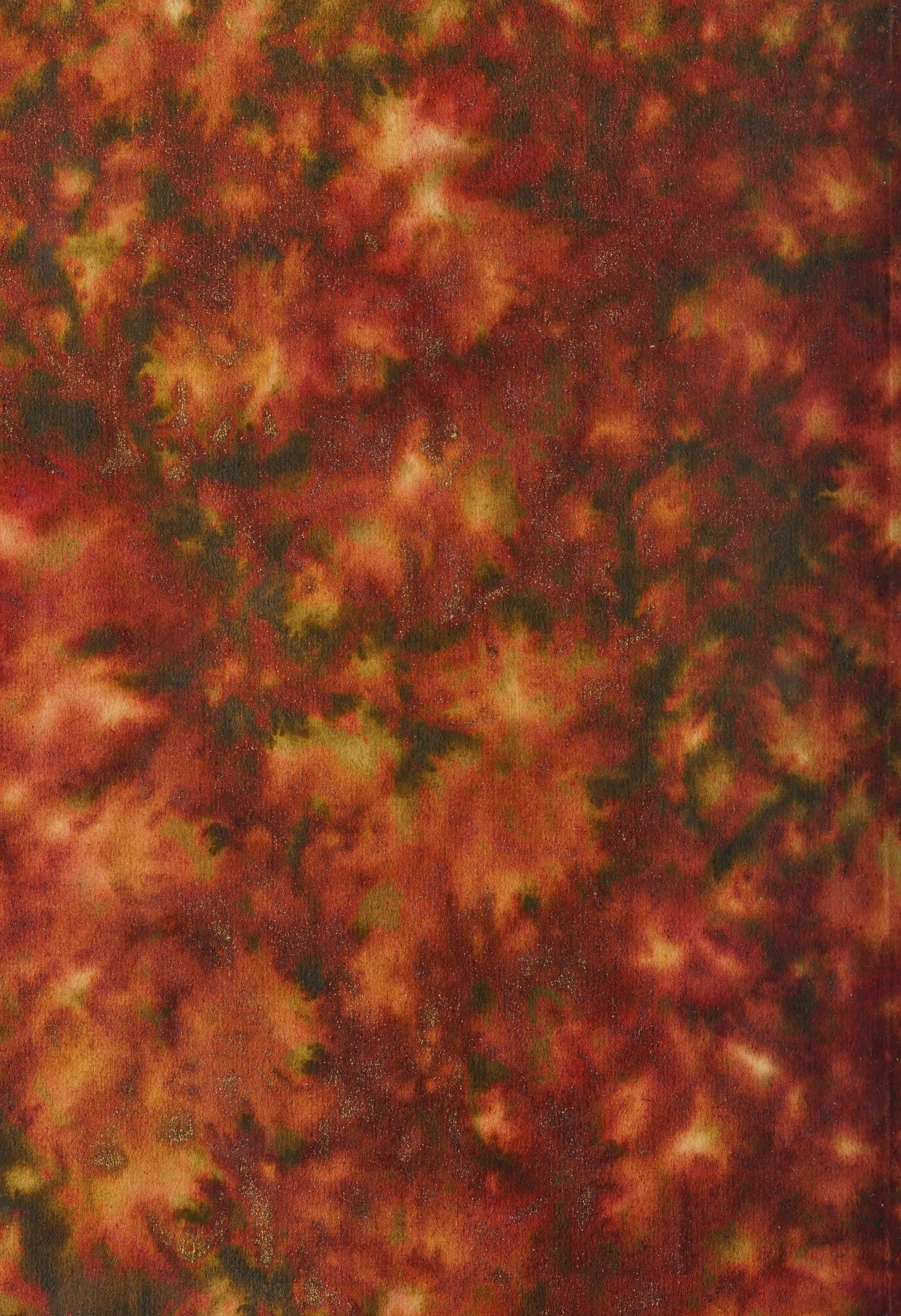
ГРЯДУЩІЙ ХАМЪ. Грядущій Хамъ. Чеховъ и Горькій. Теперь или никогда. Страшный судъ надъ русской интеллигенціей. Св. Софія. О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

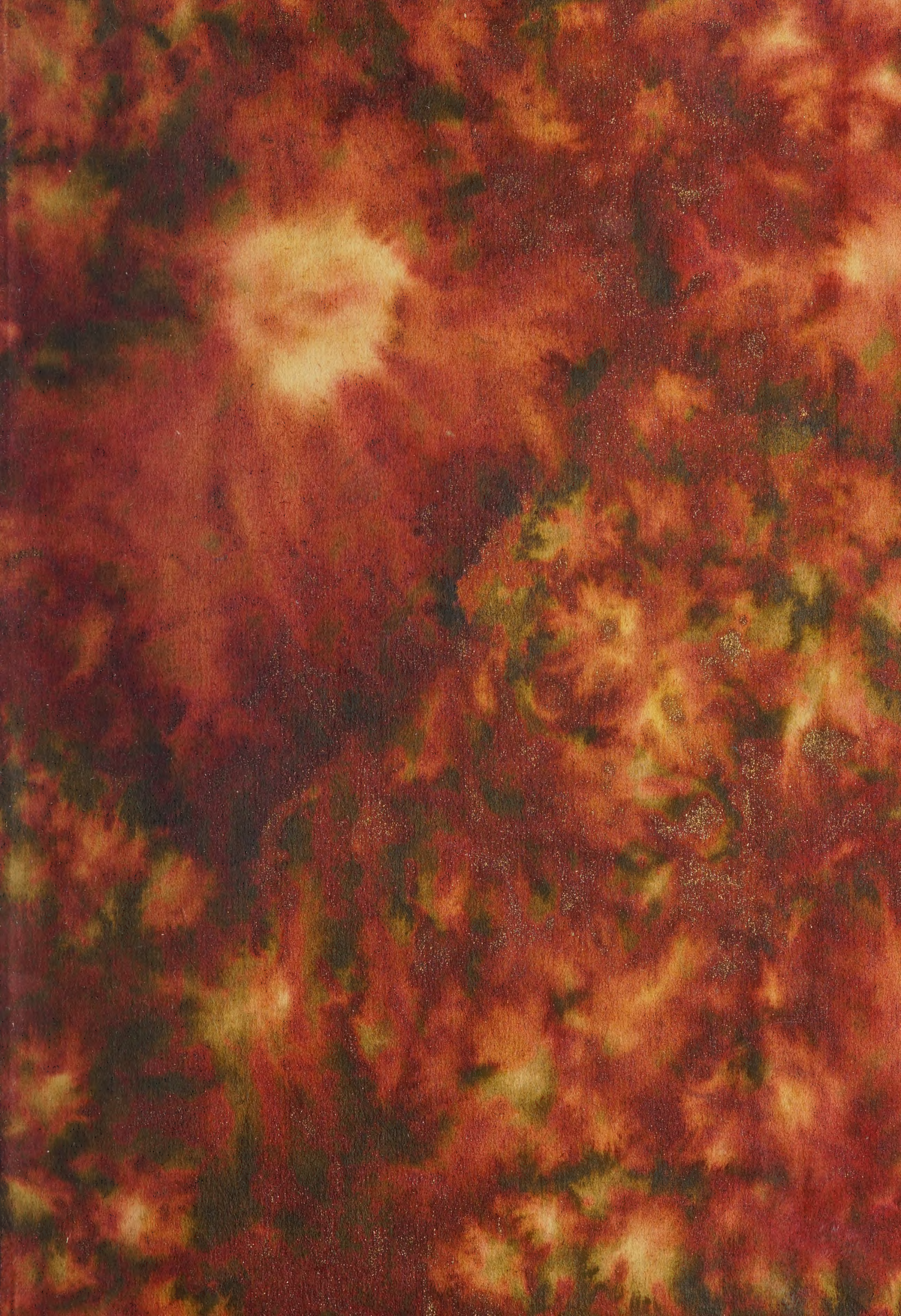
ЛЮБОВЬ СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ. Микель-Анжело. Флорентинскія новеллы.

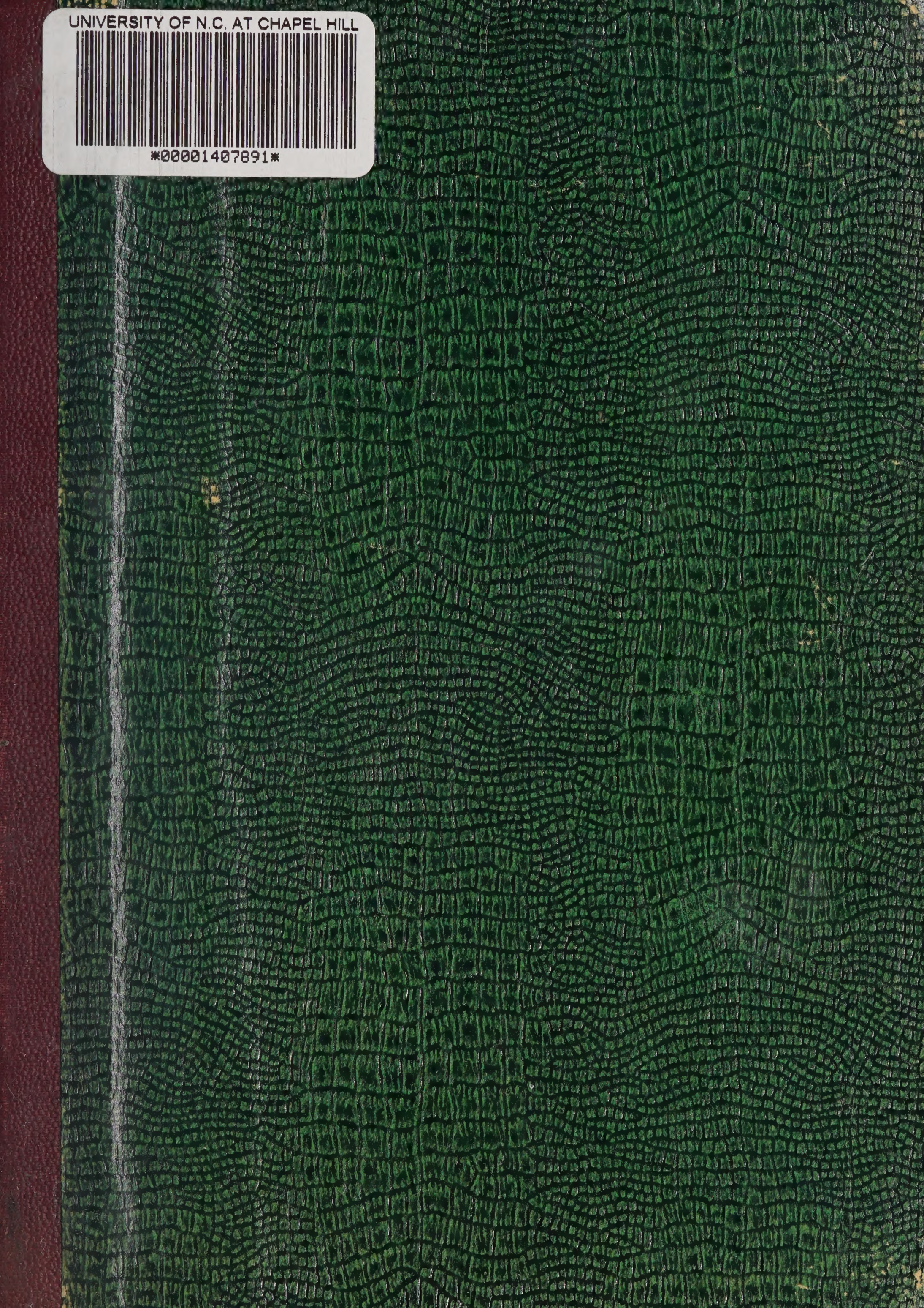
ПРОРОКЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Къ юбилею Достоевскаго.

ТРАГЕДІИ ЭСХИЛА, СОФОКЛА, ЕВРИПИДА.

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00001407891